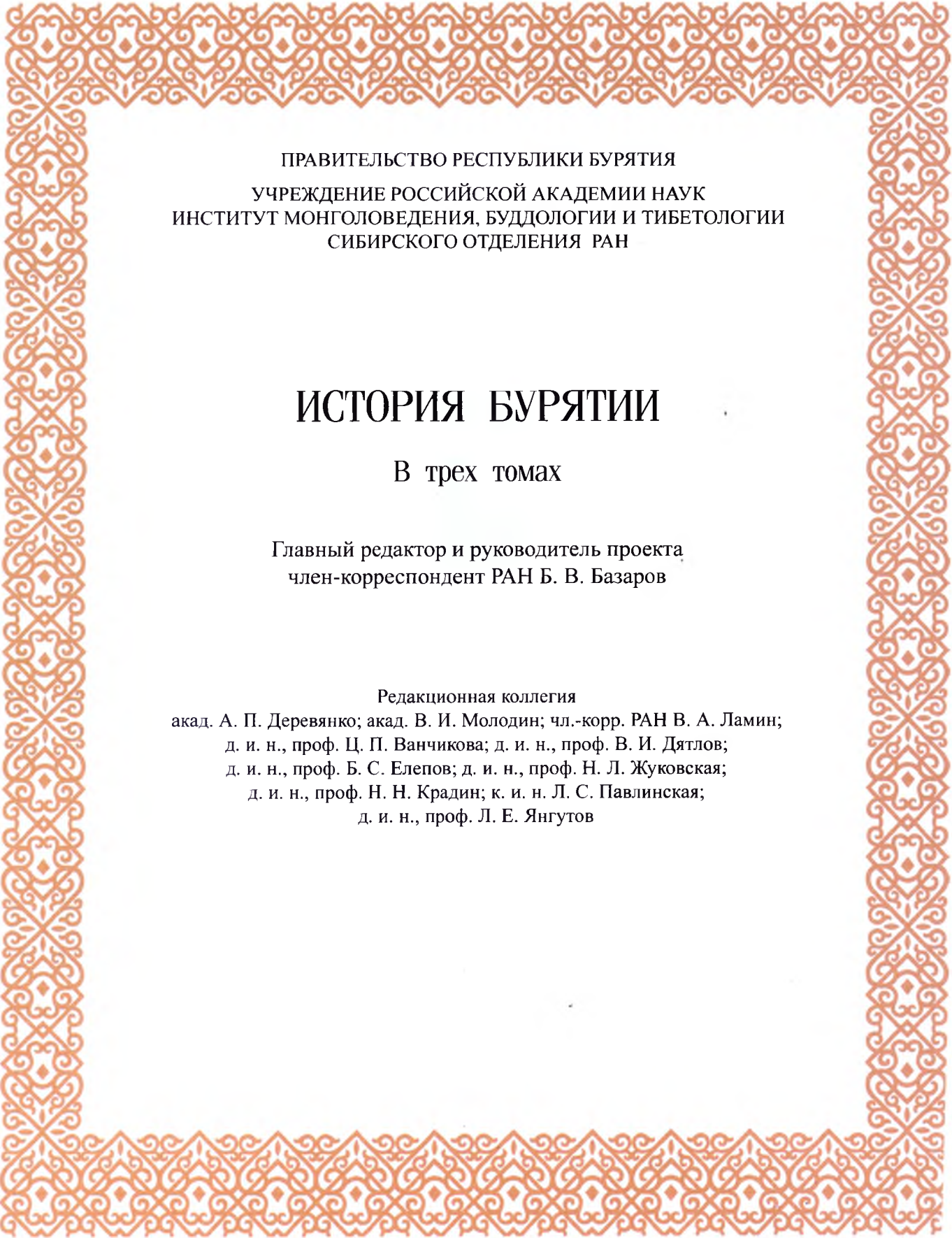

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

Издание подготовлено в рамках празднования 350-летия
добровольного вхождения Бурятии в состав
Российского государства

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

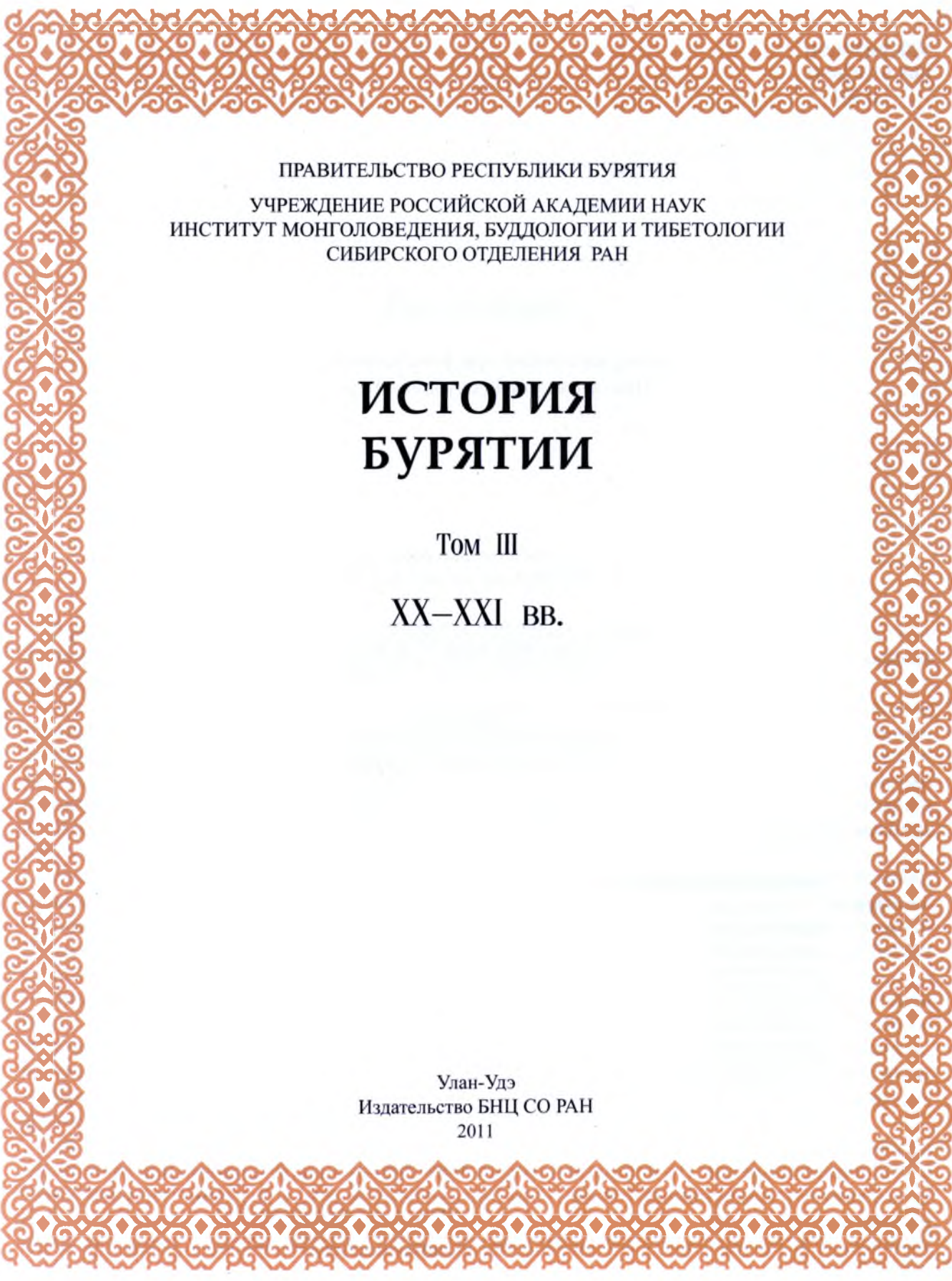
ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

В трех томах

Главный редактор и руководитель проекта
член-корреспондент РАН Б. В. Базаров

Редакционная коллегия

акад. А. П. Деревянко; акад. В. И. Молодин; чл.-корр. РАН В. А. Ламин;
д. и. н., проф. Ц. П. Ванчикова; д. и. н., проф. В. И. Дятлов;
д. и. н., проф. Б. С. Елепов; д. и. н., проф. Н. Л. Жуковская;
д. и. н., проф. Н. Н. Крадин; к. и. н. Л. С. Павлинская;
д. и. н., проф. Л. Е. Янгутов

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

Том III

XX–XXI вв.

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2011

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2p54)
И 907

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Республики Бурятия

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН, д-р ист. наук Б. В. Базаров

Научные редакторы:
д-р ист. наук, проф. М. Н. Балдано
д-р ист. наук, доц. Л. В. Кальмина

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. М. М. Ефимкин
д-р ист. наук, проф. С. И. Кузнецов

История Бурятии: В 3 т. Т.3 – XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
И 907 – 464 с.: ил.

ISBN 978-5-7925-0329-8

Хронологические рамки третьего тома «Истории Бурятии» включают XX и XXI в. Этот относительно короткий промежуток времени оказался насыщенным масштабными событиями, сыгравшими значительную роль в истории страны и региона: революционные потрясения начала XX в., социальные трансформации советского и постсоветского периода, Великая Отечественная война, достижения Бурятии в экономике и культуре. Творческому переосмыслению подверглись многие проблемы: история национального движения бурятского народа, перегибы коллективизации, культурная революция, репрессивная политика государства по отношению к крестьянству, интеллигенции, церкви.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2p54)

ISBN 978-5-7925-0329-8

© Кол-в авторов ИМБТ СО РАН, 2011
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2011
© ИП Олоев Д.Т., 2011

Предисловие

Хронологические рамки третьего тома «Истории Бурятии» включают в себя XX и XXI века. Этот относительно короткий промежуток времени оказался насыщенным масштабными событиями, сыгравшими значительную роль в истории человечества.

Для народов России этот век стал поистине трагичным. Он принес так много горя и страданий, унес так много безвинных жертв, что по прошествии десятилетия после его окончания еще очень сложно, оставаясь беспристрастным, давать обобщающие оценки и делать системные выводы. XX век – это еще и время колоссальных достижений во всех областях человеческой деятельности, культуры, мысли, время, наполненное героизмом, романтикой великих свершений, верой в светлое будущее. На протяжении одного столетия наша страна дважды пережила глубокие потрясения, изменившие ее политическую систему, идеологические ценности и общественный менталитет.

Настало время переосмыслить произошедшие за это столетие перемены, которые, с одной стороны, позволили нам интегрироваться в современное цивилизованное общество, с другой – повлекли разрушение традиционных общественных ценностей, ушедших вместе с ликвидацией советской политической системы. В новых исторических условиях ученые могут оглядеться, провести ревизию исследовательского багажа и взять из него все действительно научно ценное.

Авторы сознательно изменили традиции начинать отсчет новейшей истории с Октябрьской революции 1917 г. Она была подготовлена всем ходом социальной истории и национального движения, которое ознаменовало начало века. Незавершенность и ограниченность модернизации, преобразовавшей экономику, но оставившей неизблемыми политические институты, неизбежно приводит к социальным потрясениям, поэтому творческому коллективу было важно показать характер и тенденции общественного движения, приведшего в конечном итоге к смене эпох.

За годы советской власти был накоплен солидный фактический материал и опубликовано немало трудов по истории Бурятии. Однако идеологизация истории и недоступность многих источников вели к односторонности и некоторой тенденциозности в изложении материала. В рамках третьего тома творческому переосмыслению подверглись многие ранее замалчиваемые проблемы: история национального движения бурятского народа; перегибы коллективизации; культурная революция, которая при всех ее несомненных

достижениях имела следствием национальное нивелирование и создала реальную угрозу растворения народов в «новой исторической общности»; репрессивная политика государства по отношению к крестьянству, интеллигенции, церкви. Дальнейшее игнорирование трагических страниц истории привело бы к одностороннему освещению жизни страны и республики и потому – большому риску их повторения.

Вместе с тем творческий коллектив далек от огульной критики нашего недавнего прошлого. Мы стремились максимально объективно подойти к эпохе с ее грандиозными замыслами и свершениями, издержками и трагическими ошибками, отдавая себе отчет в том, что наше поколение авторов и редакторов незримыми нитями связано со всей предшествующей историографией, нашим индивидуальным исследовательским опытом, определенными жизненными установками.

Осмысление сегодняшнего дня наиболее сложно. Несмотря на то, что за последние 10–15 лет увидели свет монографии и сборники статей, написанные с привлечением корпуса ранее не использовавшихся документов, современный период еще не получил комплексного освещения. А именно сейчас, при возрастании геополитической роли Бурятии, ее исторической миссии в диалоге цивилизаций Востока и Запада место республики, ее народа в российской социально-политической системе требует объективной оценки.

За последние годы исследователи сделали значительный шаг вперед, их труды вобрали в себя свежую источниковую базу, оригинальные исследовательские подходы, лучшие достижения мировой историографии. Проведенный беспристрастный анализ неоднозначной ситуации, в которой сегодня оказалась страна, событий, свидетелями и участниками которых стали все мы, позволил нам воссоздать, пусть и не бесспорную, картину недавней жизни республики и определить задачи на будущее.

Настоящий том подготовлен коллективом ученых в составе 34 человек. Его главы – итог многолетних исследований историков. На заключительном этапе работы редколлегии согласовала различные точки зрения, поработала над уточнением позиций авторов по спорным вопросам и привела к единообразию их стиль.

Авторами глав и параграфов являются: Предисловие и Заключение – М. Н. Балдано, Л. В. Кальмина; Гл. 1, 1.1 и 1.2 – Л. В. Курас, 1.3 – Л. В. Курас, С. В. Макаrchук; 2.1 и 2.2 – Л. В. Курас, 2.3 и 2.4 – А. А. Елаев, 2.5 – А. А. Елаев, Г. Л. Санжиев; 3.1 – А. М. Плеханова, А. М. Иминохоев, 3.2 – М. Н. Балдано, 3.3 – Л. А. Зайцева, 3.4 – Б. В. Базаров, Л. В. Курас, 3.5 – А. А. Елаев, В. В. Базарова, 3.6 – В. В. Номогоева, С. В. Балдано, Г. Д. Базарова, С. Ю. Даржаев, И. С. Цыремпилова, С. Ю. Лепехов; 4.1 и 4.2 – В. Б. Базаржапов, В. Ю. Башкуев, 4.3 – Е. А. Кучмурукова, С. В. Балдано; 5.1 – М. Н. Балдано, 5.2 – Л. А. Зайцева, 5.3 – Б. В. Базаров, 5.4 – С. Ю. Даржаев, Г. Д. Базарова, И. С. Цыремпилова; 6.1 – М. Н. Балдано, 6.2 – Л. Б. Санжиева, Т. Е. Санжиева, 6.3 – Л. А. Зайцева, 6.4 – М. Н. Балдано, 6.5 – Е. Г. Санжиева, Г. Д. Базарова, В. М. Митыпов, И. С. Цыремпилова; 7.1 – А. А. Елаев, 7.2 – В. М. Митыпов, И. С. Цыремпилова; 8.1 – К. Б.-М. Митупов, 8.2 – Э. Д. Дагбаев, 8.3 – Е. В. Петрова, В. Г. Жалсанова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, Г. Д. Базарова, И. С. Цыремпилова, С. В. Васильева; 9.1 – Л. В. Шапова, Е. Н. Палхаева, 9.2 – В. Ц. Лыскокова.

Редакционная коллегия третьего тома выражает глубокую признательность всем, кто помогал нам в этом труде, поделился воспоминаниями и фотоматериалами: коллективам Национального архива РБ, Национального музея РБ, Государственного русского драматического театра, Бурятского государственного академического театра оперы и балета, Министерства здравоохранения РБ, Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, научной библиотеки БНЦ СО РАН, музея БНЦ СО РАН, ветерану строительства БАМ Р. П. Мухарову, члену Союза журналистов России Н. Н. Ефимову, члену Союза журналистов России В. С. Гаученову, В. Ф. Иванову, Г. Н. Манжуеву, А. Подшивалову, В. Матвиевскому, В. Урбазаеву, С. Доржиеву, А. Новикову, Ю. Цыбикову.

1

глава

Бурятия в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. Бурятия была втянута в орбиту капиталистических отношений, оставаясь при этом отсталой национальной окраиной. В промышленности преобладали кустарные предприятия, пролетариат был малочислен, а национальный вообще отсутствовал. По переписи населения 1897 г., основная масса населения занималась сельским хозяйством, со значительной долей мелкотоварного производства (мельницы, кожевенные, маслобойные и винокуренные заводы, кузницы, мастерские) и различных промыслов (рыбная ловля, охота, сбор лесных плодов).

Сельское хозяйство велось отсталым, примитивным способом и отличалось низкой продуктивностью и производительностью труда. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области насчитывалось 61981 инородческое хозяйство с населением 284277 чел. В земледелии и скотоводстве преобладало товарное хозяйство.

Толчком для развития края стало строительство Транссибирской железной дороги, обусловленное «концепцией модернизации Сибири»¹, которая

связывалась, прежде всего, с транспортным строительством, что повлекло за собой ввод в действие угольных шахт, железнодорожных депо и мастерских. К строительству было привлечено огромное количество рабочих рук: крестьяне со своими лошадьми, повозками и рабочим инвентарем, множество наемных рабочих из самых разных концов России, ссыльнопоселенцы и ссыльнокаторжные. Работа велась одновременно на многих участках будущей магистрали, и дороге удалось построить за сравнительно короткий промежуток времени. К 1900 г. однопутная железная дорога подошла к обоим – западному и восточному – берегам Байкала, что позволило открыть сквозное железнодорожное сообщение из Европейской России к берегам Тихого океана. Через Байкал железнодорожное сообщение осуществлялось при помощи паромов; для этой цели за рубежом был закуплен ледокол «Байкал», на котором после сборки на озере были уложены железнодорожные рельсы. Вагоны перегонялись на баржи-паромы, на которых также были уложены рельсы. В 1912 г. протяженность Забайкальской железной дороги составила 1702 версты. С 1900 по 1905 г. был построен Кругобайкальский участок

¹ Кальмина Л. В. Модернизация экономики Забайкалья на рубеже XIX–XX веков: характер и особенности // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной

Великий Сибирский путь

дороги – самый сложный отрезок Транссиба, а в 1908–1915 гг. были построены вторые пути.

Ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали повлиял на все стороны жизни сибирского общества: экономику, социальное, политическое и культурное развитие. В связи со строительством Транссиба постепенно меняется идеология отношения центра к Сибири вообще и Забайкалью в частности. Сибирь, считавшаяся сырьевым придатком, начинает восприниматься как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на востоке страны. Поэтому не случайно модернизация осуществ-

предприятия были мелкими и полукустарными. На предприятиях золотодобывающей промышленности насчитывалось 2972 рабочих, на предприятиях мелкой промышленности – 1450.

Создавались предприятия по производству стройматериалов. Кроме лесозаводов работал Заиграевский цементный завод, самое крупное промышленное предприятие Западного Забайкалья до революционного периода с числом рабочих до 400 чел., несколько новых кирпичных и других заводов. Для обслуживания железной дороги были созданы железнодорожные депо и мастерские, ставшие важ-

Строительство Транссибирской магистрали

влялась при «решающей роли государства в финансировании и управлении индустриальным сектором экономики».

К началу первой мировой войны в Западном Забайкалье насчитывалось 210 промышленных предприятий, из них 67 казенных. Наиболее крупными были Верхнеудинское железнодорожное депо и железнодорожная станция (700 человек), железнодорожные станции Танхой, Мысовая, Петровский Завод, Хилок. Частных предприятий насчитывалось 143, в т. ч. в обрабатывающей промышленности – 91, в горнодобывающей – 49, включая 42 золотых прииска. Все частные

предприятиями края. Увеличилось количество предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, в частности мукомольное производство, кожевенные заводы. Бурно развивались города Забайкалья – Верхнеудинск, Баргузин, Селенгинск, население которых за период с 1897 по 1911 г. выросло в 2–3 раза. Наиболее поразительным был рост Читы: за указанный период ее население выросло в 7 раз – с 11,5 до 74 тыс. чел. Обычными в быту горожан стали водопровод, электричество, телефонная связь.

Добыча золота в Забайкалье. Конец XIX в.

И все же дореволюционная Бурятия оставалась аграрным регионом. По состоянию на 1 января 1914 г., сельское население Забайкальской области составляло 85,9 %. Хозяйство бурят было преимущественно животноводческим: забайкальские буряты, составлявшие 28,1 % сельского населения области, владели 51,1 % всего скота, в Иркутской губернии бурятские хозяйства засевали 18,1 % всех посевов губернии и владели 30 % всего скота.

Рабочие пивоваренного завода А. К. Кобылкина. Начало XX в.

В начале века на территории Бурятии шел процесс расслоения крестьянских хозяйств, образования кулачества и батрачества. По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Забайкальской области 35,2 % хозяйств не имели рабочего скота и коров. В Иркутской губернии каждое четвертое хозяйство не имело никакого скота. В Забайкальской области таких хозяйств было 17,6 %. Широко использовался наемный труд, аренда земли, купля и продажа сельскохозяйственных продуктов.

Основной сельскохозяйственной культурой оставалась яровая рожь, которая занимала больше половины посевных площадей, что объяснялось повышенным спросом на внутреннем рынке именно на этот хлеб: его потребляли сами крестьяне, основная часть городского населения, закупало интендантство для казенных нужд, в частности для войск, а также золотые прииски и винокуренные заводы. Из других злаковых культур возделывались пшеница, овес, в незначительной степени – озимая рожь, ячмень, просо, горох, гречиха. Одним из основных продуктов питания стал картофель.

Уступая западным бурятам в развитии земледелия, забайкальские буряты значительно превосходили их по наличию скота в каждом хозяйстве. По данным подворной переписи 1897 г., на 100 бурят Иркутской губернии приходилось 464 гол. всех видов скота, в Забайкальской же области – 1005 гол., у русских крестьян – в 2 раза меньше, чем у иркутских бурят.

Еще в середине XIX в. в Забайкалье начались опыты по распространению породистых видов скота: в Усть-Кяхте купцом Игумновым – высокопродуктивных молочных коров, в Селенгинске и Акше – тонкорунных пород овец. Во 2-й половине XIX – начале XX в. эта работа была продолжена, но без особых успехов. В конце XIX в. в Хоринской степи и близ Читы предприимчивыми бурятами делались попытки создания образцовых молочных ферм.

Бурятия имела свои особенности, вполне естественные для национальной окраины: многоукладность эконо-

мики, обилие пережитков, наличие сильных буддистских институтов – дацанов. Все это вместе с развивающимся капитализмом в России и в отдельных ее регионах создало самые благоприятные условия для революции и последующих демократических преобразований.

1.1. Революция 1905–1907 гг. и бурятское национальное движение

Общественно-политическая мысль в Бурятии в начале XX в. отличалась богатством идей, направлений, течений, чему способствовали исторические условия.

Национальное движение в Бурятии возникло в начале XX в. Оно складывалось под воздействием разрушения былой патриархально-феодальной замкнутости и развивающихся капиталистических отношений, резкого усиления эксплуатации со стороны русской буржуазии и «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение.

Стимулом к выражению массового недовольства бурят послужило осуществление царизмом в 1900–1901 гг. новых земельно-административных реформ, которые ухудшили положение широких слоев коренного населения. Недовольство вылилось в движение, целью которого было:

- возвращение отрезанных у бурятского населения земель, ликвидация новых административных органов;
- создание условий для развития национальной культуры, религии и языка;
- предоставление национальной автономии.

Революция 1905–1907 гг. явилась мощным толчком к подъему национального самосознания народов Российской империи. На развитие рабочего движения в Бурятии оказала влияние деятельность социал-демократических организаций в Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Слюдянке, Троицкосавске, Мысовой, Петровском Заводе.

Аграрный кризис и обострившиеся на этой почве классовые противоречия в Центральной России ускорили процесс колонизации Сибири, в частности Прибайкалья и Забайкалья. В начале XX в. переселенческая политика стала рассматриваться правящими кругами империи как важная государственная задача. Насаждение «крепкого мужика» на окраинах, в т. ч. в Прибайкалье и Забайкалье, должно было, согласно целям правительства,

не только обеспечить внутривосточные интересы, но и укрепить военно-стратегическое положение государства.

В конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке завязывается узел противоречий между ведущими державами, значительно обострившихся с японско-китайской войной 1894–1895 гг. Правительство Российской империи имело свои интересы на Дальнем Востоке в отношении Кореи, Маньчжурии, Северного Китая. Забайкалье же, как пограничной области, отводилась роль плацдарма в осуществлении этих планов.

В начале XX в. национальное движение, направленное против земельно-административной реформы, имело «аграрную» форму. Земельные отношения в Забайкальской области к концу XIX в. были крайне запутанными, обусловленными особенностями ее заселения в XVII–XIX вв. Результатом стала чересполосица земель русских крестьян, казаков, бурят и эвенков. Разрешение ситуации осложнялось наличием в области различных категорий земельных собственников – государства (казны), Кабинета (земли, принадлежащие царю и его семье), Забайкальского казачьего войска – и неопределенностью собственности бурят и эвенков на занимаемые ими земли. Острота земельных конфликтов мешала дальнейшему росту производительных сил Забайкалья.

В Иркутской губернии аграрная политика властей строилась в русле общего колонизационного курса правительства, которое рассматривало занимаемые бурятами земли как собственность казны и Кабинета. Исходя из этого, земельные наделы бурят должны были быть отведены им в пользование, но не в собственность, что позволяло изымать необходимое количество земли в колонизационный фонд, а также увеличивать с инородцев сборы государственной оброчной подати за пользование землей.

С принятием правительственных решений по организации поземельного устройства в 1896 и 1898 гг. в Иркутской губернии на землях бурят развернулись работы по подготовке переселенческих участков. Это вызвало протесты со стороны бурятских ведомств, которые вылились в дальнейшем в широкое национальное движение, направленное против земельной реформы. Весной и летом 1899 г. на имя иркутского генерал-губернатора поступило 11 жалоб из Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов, которые были оставлены без внима-

Тайши степных дум (слева направо): Селенгинской – Вандан Жамбалтаров, Баргузинской – Ринчин Сотиев, Хоринской – Цыден Аюшеев, Агинской – Жан Бодийн. 1903 г.

ния¹. После этого, в октябре 1899 г., представители 16 бурятских ведомств обратились с ходатайством о приостановлении реформы в Министерство земледелия и государственных имуществ, ряд обращений были адресованы Министерству внутренних дел. Учитывая протесты бурятского населения, а также то, что продолжалось освоение «свободных» земель на северо-западе губернии, в мае 1900 г. поземельное устройство бурят Иркутской губернии было приостановлено «до собрания... подробных данных об условиях их векового быта».

Реализация закона о землеустройстве была сопряжена с основательным изменением хозяйства и кочевого быта бурят и эвенков, а поэтому не могла найти понимания, тем более поддержки, не только у основной массы бурят, но и у «степной аристократии», стоявшей во главе местного национального самоуправления. Поэтому в качестве подготовительной меры, предшествовавшей поземельному устройству, власти решили провести в Забайкальской области волостную реформу, которая предусматривала ликвидацию Степного управления.

Эту неразрывную связь двух законов – «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (1900) и «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» (1901) – бурятское население понимало, но не принимало, и

неприятие это вылилось в открытое сопротивление проведению волостной реформы и в массовое движение народа за свои национальные права и свои «породные земли».

На начальном этапе (1900–1903) национальное движение носило стихийный характер. Это были отдельные выступления в форме подачи петиций и обращений царю об отмене или отсрочке введения земельного закона от 5 июня 1900 г. Инициаторами выступлений против аграрной реформы были родовая аристократия и буддийское духовенство. Наибольшую активность в этом проявили нойоны и ламы Хоринского и Агинского ведомств. Они были осведомлены о содержании проекта земельного закона еще до утверждения его царем. Один из них – главный тайша Хоринской степной думы Вамбоцыренов – подал прошение царю, в котором попытался убедить его учесть интересы бурят и поининому разрешить земельный вопрос. Кроме этого подавались и другие прошения².

С принятием закона от 5 июня 1900 г. и особенно закона от 23 апреля 1901 г. активность родовой знати еще более усилилась. В основном это были легальные способы борьбы – подача прошений, петиций и т. д., но уже гораздо более аргументированных, чем посылаемые ранее. В этом можно убедиться при ознакомлении с текстами «приговоров» и ходатайств, составленных группами бурят личных ведомств (например, Ульдургинской инородной управы от 30 августа 1902 г., восьми родов бурят Баргузинского ведомства от 3 января 1901 г. и др.)³.

Не ограничиваясь прошениями, родоначальники от имени родовых сообществ стали посылать делегации к губернатору области, Приамурскому генерал-губернатору, высокопоставленным чиновникам в Петербург и к самому царю в надежде добиться приостановления введения реформы. Одна из делегаций – хоринских бурят, прибывшая в Читу в начале 1902 г. с ходатайством о сохранении Устава 1822 г., не добилась положительного результата ни у губернатора области, ни у Приамурского генерал-губернатора. Тогда были направлены послы в Петербург от имени почти всех забайкальских бурят. Но никакие попытки обратиться к правительству и

² Егунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ, 1963. – С. 211.

³ Там же. – С. 214.

¹ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – С. 100.

Должностные лица Хоринской степной думы

отдельным его членам успеха не имели. В сентябре 1902 г., добиваясь встречи с царем, группа бурят выехала в Ливадию, где в то время отдыхал Николай II, но он их не принял, и они ограничились подачей прошения дворцовому коменданту. Ответ последовал в ноябре. Царь отказался удовлетворить ходатайство об отмене законов о поземельном устройстве волостной реформы. Несмотря на предпринятые усилия, борьба бурят за отмену законов 1900 и 1901 гг. не увенчалась успехом.

Уже в 1903 г. царское правительство предприняло решительную попытку форсирования поземельного устройства в Забайкальской области. Однако при практическом осуществлении намеченных мер оно столкнулось с серьезными трудностями, связанными с запутанностью земельного вопроса. Причиной тому были последствия предыдущих этапов колонизации. Стихийный, а затем направляемый правительством процесс переселения крестьян в Иркутскую губернию и Забайкалье, проводившийся в предшествующие годы, привел к образованию «чересполосицы» бурятских и русских земель, которая «вызывала массу поземельных споров, портивших взаимоотношения русских и инородцев»¹. До

реформы 1900 г., по свидетельству Г. Н. Потанина, «количество земли, захваченной русскими кортами у инородцев, было, конечно, не велико, но с годами оно постепенно увеличивалось с постоянным ростом русской колонизации»². С проведением же работ по землеустройству, когда «приток русских переселенцев внезапно усилился, захват инородческих земель стал принимать головокружительные размеры»³.

В этой связи «чересполосица» земель и протесты бурят против введения законов 1900–1901 гг. ограничивали и сдерживали темпы работы вневедомственной комиссии и землеустроительных отрядов. При введении волостной реформы в бурятских ведомствах правительство вынуждено было учитывать особенности функционирования родовой организации и, в частности, принцип выборности родоначальников, который после выхода Устава 1822 г. был законодательно закреплён в Степном управлении, и вместо назначения должностных лиц была установлена их выборность. Несмотря на это, при проведении волостной реформы в различных местностях Забайкалья стали проявляться, а затем учащаться случаи неповиновения властям. К при-

¹ Клеменц Д. Население Сибири. Инородцы // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1918. – С. 66.

² Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Там же. – С. 279.

³ Там же.

меру, 3 декабря 1902 г. в урочище Санага был созван сход бурят по вопросам выборов должностных лиц сельского населения, на котором предложение крестьянского начальника о выборах было категорически отклонено.

Если в 1902 г. путем насилия и обмана со стороны крестьянских начальников в некоторых ведомствах (например, в Баргузинском) удалось провести выборы должностных лиц областного и сельского управления, то в начале 1903 г. бурятское население ответило решительным отказом на принуждение со стороны властей. О том, насколько сильным был протест, говорят постановления булучных сугланов, а также «донесения» крестьянских начальников военному губернатору. Баргузинские буряты в январе 1903 г. отказались от реформы, но уже в марте решили платить подати и повинности жители Каралика, Улюна и других улусов Баргузинского ведомства. Об этом, а также о враждебном отношении к реформе говорилось в сообщениях местных чиновников из Баргу, Верхнеудинска.

Дальнейшие действия правительства явно свидетельствуют о растерянности и озабоченности сложившимся в Забайкалье положением, вызванным движением бурят против реформы. Царские сановники вынуждены были рассмотреть вопрос о том, в каком направлении продолжать землеустроительные работы в Забайкалье в дальнейшем. И только к концу 1904 г. насильственно проводимая реформа очного управления была в основном завершена.

Находясь два столетия в составе Российской империи, буряты впервые открыто выступили против законов государства. Отказ правительства удовлетворить многочисленные ходатайства бурят укреплял их решимость продолжать борьбу против земельной и волостной реформы. Отдельные стихийно возникавшие выступления постепенно стали выливаться в массовое общенациональное движение.

Новая волна подъема национального движения приходится на начало 1904 г., когда в ответ на массовые отказы должностных лиц из местного населения от выполнения своих обязанностей правительство приняло решение о замене их лицами русского происхождения или из числа крещеных бурят – всего было назначено таким образом до 90 чел¹. По существу, эти отказы были продолжением

*Тайша Эрдэни
Вамбоциренов*

протеста бурят против реформы волостного управления и учреждаемого в ее рамках института «крестьянских начальников». Противостояние приняло теперь ярко выраженный характер межэтнического конфликта: правительство открыто показало свое недоверие к бурятскому населению. Сопrotивление бурят введению реформы и ликвидации органов национального самоуправления стимулировалось интересами самосохранения себя как этноса, что свидетельствовало о возросшем национальном самосознании народа.

Прямой саботаж действий правительства, выразившийся в массовых выступлениях бурят против должностных лиц, назначенных властями, заставил приамурского генерал-губернатора принять более решительные меры. Для поддержания порядка в Агинском волостном управлении в Агу, в распоряжение управы, были направлены становой пристав и 10 солдат. Подобная практика применения военной силы в условиях далекой инородческой окраины свидетельствовала о серьезном ухудшении обстановки в Забайкалье в связи с ростом национального движения бурят и эвенков. 5 февраля 1904 г. в бурятских ведомствах Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской степных дум, а также в Онгоцаганской, Куржетаевской и Цонгольской инородческих управах было объявлено военное положение, с введением которого политика царских властей в Забайкалье приняла характер открытых репрессий. Репрессиям подвергались представители родовой знати и другие активные участники выступлений, обвиненные в подстрекательстве к беспорядкам. Ширетуй Агинского дацана был вы-

¹ Егунов Н. П. Колониальная политика царизма... – С. 278.

слан в пределы Баргузинского уезда. То же произошло с гелун-ламой Онинского дацана Сангаровым. Карательные меры коснулись и представителей бурятской знати в Петербурге – бывшего тайши Хоринского ведомства Вамбоцыренова, Вампилова и Цыренова. В телеграммах они агитировали соплеменников всячески сопротивляться проведению волостной реформы. Эти действия были квалифицированы властями как «вредная агитация», и 7 февраля 1904 г. Вампилов и Цыренов были высланы из Петербурга¹.

В период реакции представители родовой знати оказались в положении заложников, так как репрессии в первую очередь были направлены против тех, кто находился на виду у властей. В результате часть из них вынуждена была временно отказаться от активной борьбы против введения волостного управления, а другая, наиболее деморализованная часть под давлением властей стала поддерживать точку зрения правительства, убеждая своих соплеменников отказаться от сопротивления и принять реформу. В некоторых волостях им удалось это сделать (например, в Хоринском ведомстве).

Репрессии правительства 1903–1904 гг. временно снизили активность бурятских выступлений против реформ. Но последующие события в жизни России – русско-японская война и первая русская революция 1905 г. – вызвали новый подъем национального движения.

Поражение Российской империи в войне с Японией и особенно революция 1905–1907 гг. не могли не оказать революционизирующего влияния на бурят, впервые увидевших в поражении слабость военной мощи государства, которое до этого внушало им один только страх. С поражением России в войне связывались и надежды бурятского народа на изменение отношения к нему правительства.

Война и ее тяжелые последствия – неурожай 1905 г. и усиление гнета – способствовали росту недовольства бурят политикой правительства в социально-экономической области. Именно с этого времени наряду с национальными все отчетливее выдвигаются социально-экономические требования. Например, в «приговорах» бурятских крестьян Нурского булука Галзутской волости Верхнеудинского уезда, Угданского булука Хаоцайской волости, Дамнинского булука Кубдутской волости и др. выдвигались требования уменьшить подати, а об-

Участники русско-японской войны 1904–1905 гг., кавалеры Георгиевских крестов, уроженцы Бурятии

ложение хозяйств производить в зависимости от их размеров и доходов.

Влияние русской революции, а также Манифест 17 октября 1905 г., «даровавший» свободу исповеданий, активизировали роль ламского духовенства. Миссионерская политика государственной православной церкви, преследовавшая цель христианизации и русификации бурят, закладывала основу национальной неприязни, усугубившейся в дальнейшем на почве земельных споров. Православие, как отмечалось в докладе на октябрьском съезде монголо-бурят 1917 г., «прививалось инородцам при помощи кулаков и нагаек земской полиции... Отцы-миссионеры, «просвещая» язычников и инородцев, охотно лазили в их мошны, причем учиняли над инородцами беспримерные и отвратительные насилия»².

Административная реформа ликвидировала бурятские степные думы и органы родового управления. Вместо них вводились русские территориальные единицы – волости, во главе которых стояли

¹ Егунов Н. П. Колониальная политика... – С. 288.

² НАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 75, л. 2–3.

крестьянские начальники, вводилось русское дело-производство и суд. Тем самым упразднялось бурятское самоуправление, существовавшее веками и законодательно закрепленное в 1822 г. Уставом об управлении инородцев, разработанным М. М. Сперанским.

Под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г. в Бурятии активизировались большевики, которые издавали легальную политическую газету «Прибайкалье» (позднее она выходила под названиями «Байкальская струя», «Забайкалец»). Редактором этих изданий был уроженец Верхнеудинска, будущий председатель Центросибири, большевик Б. З. Шумяцкий¹.

В начале 1906 г. революционное движение в Забайкалье было подавлено карательными экспедициями П. К. Ренненкампа и А. Н. Меллер-Закомельского. Руководители Верхнеудинской социал-демократической группы и стачечного комитета А. А. Гольдсобель, И. Г. Шульц, М. Д. Медведников, А. А. Гордеев, Н. А. Милютинский были повешены², на ст. Мысовая был расстрелян И. В. Бабушкин.

После поражения революции вступил в силу закон о землеустройстве, одновременно с которым вводилось волостное управление. Это усилило полицейский надзор, который не учитывал особенностей быта и хозяйственной деятельности бурят. С 1908 г. в Бурятии начались повсеместные землеустроительные работы как основа переселенческой политики царизма. Свыше 1 млн. дес. удобной земли Забайкальской области должно было отойти в колонизационный фонд. 1912–1913 годы характеризуются подъемом забастовочного, аграрного и национального движения в Бурятии. Весной 1914 г. произошел ряд вооруженных выступлений бурят.

26–30 апреля 1905 г. впервые в истории бурятского народа в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области, а 20–26 августа того же года – съезд бурят Иркутской области. Основные решения съездов были вызваны необходимостью введения местного самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия их в колонизационный фонд, обязательного обучения детей грамоте, уничтожения

*И. В. Бабушкин
(1873–1906 гг.),
участник
революционного
движения
в Забайкалье*

ограничений приема в высшие и средние учебные заведения. На этих съездах была впервые выдвинута оформленная в требование идея национальной автономии для бурят.

В конце весны прошел Общебайкальский съезд, на котором был поднят вопрос о немедленном приостановлении всяческих посягательств на земли бурят со стороны Казны и Кабинета, о допущении представителя от буддийского духовенства в Государственный совет и предоставлении прав настоятелям дацанов.

Наряду с общенациональными съездами в 1906 г. проходили всевозможные конференции и съезды учителей, групп духовенства, политических деятелей разных направлений.

Одним из наиболее интересных и значительных стал съезд профессиональной политической организации учителей и деятелей народного образования, проходивший в мае 1906 г. Эта организация, получившая название «Буряад зоной туг» (Знамя бурятского народа), сложилась под влиянием идей крайних народников. Ее деятельность связана с именем одного из передовых представителей бурятской интеллигенции, в то время слушателя Санкт-Петербургского университета, Ц. Жамцарано. Съезд принял резолюцию о необходимости объединения культурных сил бурят для просвещения и национализации школы.

Состоявшийся в августе 1906 г. второй съезд этой организации стал значительным шагом вперед. Он принял устав, в первом параграфе которого были сформулированы следующие задачи: 1) способствовать национальному возрождению бурят; 2) способствовать просвещению бурят в широком

¹ Шумяцкий Борис Захарович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь «Гранат». – М., 1989. – С. 771–773.

² Праведников А. А. Не склонившие головы. – Улан-Удэ, 1986. – 104 с.

*Ц. Ж. Жамцарано
(1880–1942) –
ученый-монголовед,
просветитель,
общественный
и политический
деятель*

смысле слова; 3) национализировать школу; 4) добиваться национального самоопределения и автономии.

Важнейшей практической задачей съезд считал необходимость сделать бурятский язык языком преподавания. В связи с этим самым существенным оказался вопрос об алфавите. Считая предложенный Министерством просвещения проект русского алфавита не соответствующим бурятской фонетике, съезд принял за исходную основу монголо-бурятский алфавит в редакции Агвана Доржиева.

Однако царское правительство игнорировало постановления бурятских съездов 1905–1906 гг. Это заставило бурят снова снаряжать делегации в Читу и Санкт-Петербург. Ходатайства, как и прежде, содержали просьбы об отмене законов о земельном устройстве и волостной реформе, а также об утверждении принятых съездами решений. Ни одна из просьб не была удовлетворена, если не считать разрешения забайкальским бурятам иметь своего представителя во II Государственной думе. Однако даже такой незначительной уступке царских властей буряты придавали большое значение. Газета «Верхнеудинский листок» от 25 ноября 1905 г. с восторгом писала: «Делегация везет радостную весть: ей обещано включить в Думу одного отдельного представителя от бурят Забайкальской области»¹. По свидетельству Ц. Жамцарано, с осени 1905-го до весны 1906 г. в Петербурге побывало до 20 депутатов с различными ходатайствами².

¹ Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года: сб. докл. / Под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1955. – С. 165.

² Штейнберг Л. Я. Инородцы (Общий обзор. Буряты) // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. И. Кастелянского. – СПб, 1910. – С. 620.

На местах, куда из центра России докатилась революционная волна, начались митинги и агитация, а когда власти растерялись – явочные действия и протесты. Буряты закрывали существующие органы управления, восстанавливая старые. Делегаты 11 родов Хоринского ведомства 19–20 декабря 1905 г. на совещании в с. Анинском решили открыть степную думу, упразднив все должностные посты новых властей³.

Сформировавшиеся еще в ходе подготовки и проведения съездов две группы представляли собой, по сути, «зачатки политических организаций» или вполне определенные программы действий. Первая – «стародумцы» – стояла за возвращение к национальному самоуправлению по Уставу Сперанского, видя в нем основу «автономности», солидарности и защиту от денационализации. Эта группа, возглавляемая бывшим тайшой Хоринского ведомства Э. Вамбоцыреновым, четко сформулировала свои взгляды на ноябрьском (1905) съезде в Верхнеудинске. Ц. Жамцарано отмечал, что среди руководителей этой группы большую часть составляли «бескорыстные крайние народники и за ними были симпатии огромного большинства народа». Вторая группа, очень немногочисленная, называла себя «партией прогрессивных бурят». Организаторами ее были и. о. профессора Восточного института Г. Цыбиков, депутат II Государственной думы Б. Очиров, врач Б. Ямпиров. В группу входили люди с образованием, близко стоявшие к администрации, а также представители родовой аристократии. Солидаризируясь со «стародумцами» в вопросах землеустройства, образования, отмены закона 1901 г., они коренным образом расходились с ними в вопросе о самоуправлении. «Прогрессисты» выступали за национальное самоуправление по типу земства на демократических началах. Между «прогрессистами» и «стародумцами», по оценке Ц. Жамцарано, была «смертельная вражда».

Наряду с этими политическими группировками появилось «левое» крыло национального движения. Наиболее яркими его представителями были «западники» и «крайние народники». Программа «западников», по существу, была ассимиляторской. Они исходили из неизбежности экономической эволюции, которая унесет все старые экономические и социальные устои бурятской жизни и вме-

³ Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1936. – С. 51.

сте с ними все индивидуально-национальные черты бурятского народа. Поэтому всякая работа по сохранению бурятской народности, по их мнению, – явление не только бесполезное, но и вредное.

«Крайние народники» представляли собой полную противоположность «западникам». Программой-минимум этой группы являлось широкое самоуправление, сохранение и развитие существующего аграрного строя, национализация школы, установление общей монгольской письменности. В национально-культурном отношении их конечным идеалом было возрождение на почве европейского просвещения бурятской народности, которая, с их точки зрения, должна была стать авангардом общенационального и общемонгольского объединения¹. Очевидно, именно программа этой политической группы послужила основой обвинения деятелей национального движения в «панмонголизме» в последующие годы.

В условиях поражения революции 1905–1907 гг. были объявлены выборы во II Государственную думу. От инородцев Забайкальской области в нее был избран член партии «прогрессивных бурят», волостной старшина Акшинской волости Читинского уезда Бато-Далай Очиров. Его кандидатуру кроме «прогрессистов» поддержало и ламское духовенство. Факт избрания представителя бурят депутатом Государственной думы был результатом их многолетней борьбы за свои национальные права; в то же время он стал последним завоеванием этого периода национального движения. Уже 3 июня 1907 г. правительство распустило II Государственную думу.

Выборы депутатов в III Государственную думу были многоступенчатыми. Принятая сложная процедура была нацелена на недопущение туда представителей «неудобных» правительству групп населения, в т. ч. национальных меньшинств. По этой системе буряты выбирали одного депутата, но вместе с русским населением. В результате прошедших 20 октября 1907 г. выборов в депутаты III Государственной думы прошел кадет М. К. Волков, выборщик от Читы. Наказ, данный ему представителями бурятского населения, был отвергнут царским правительством в лице иркутского генерал-губернатора. Интересы бурят были в очередной раз проигнорированы. После поражения революции, пытаясь укрепить

*Б.-Д. Очиров,
общественный
деятель,
просветитель,
предприниматель,
депутат
Государственной
думы Российской
империи II созыва*

свое пошатнувшееся положение, правительство в рамках Столыпинской реформы в 1908 г. начало повсеместные землеустроительные работы в Забайкалье, прерванные в 1904 г. в связи с подъемом национального движения, а затем с революционными событиями 1905 г.

Однако выступления бурят против реформы не прекратились. В 1907 г. в Зунгаро-Быкотском ведомстве Балаганского уезда Иркутской губернии «инородцы», по сообщению жандармского управления, самовольно оставили работы по исправлению Тыреть-Жигаловского тракта. В июне 1908 г. случились волнения бурят Боханского ведомства в связи с требованием местных властей исполнить дорожную повинность. На подавление волнений были направлены солдаты и полиция. В январе 1909 г. буряты Голоустинского улуса Кудинского ведомства отказались от уплаты недоимок за прошлые годы. Лишь усилением репрессий правительству удалось сломить их сопротивление.

Национальное движение переходит в иное русло. Особое место в идеологии бурятских народников занимал религиозный вопрос. Достаточно сказать, что к 1917 г. в Бурятии насчитывалось до 15 тыс. лам и хуваракон, что составляло почти 10 % мужского населения. Основная масса их проживала в дацанах Забайкальской области и около 400 лам в дацанах Иркутской губернии.

Дацаны в Забайкалье не только выполняли сугубо религиозные функции, но и являлись центрами образования, книгопечатания, изобразительного и прикладного искусства. Кроме того, ламаизм регламентировал почти все стороны повседневной жизни бурят.

¹ Елаев А. А. Бурятский народ... – С. 115.

Тамчинский дацан в начале XX в.

Интерес бурятских народников к религиозной традиции объясняется тем, что они видели в буддизме не только неотъемлемый элемент национальной культуры, но и фактор национального объединения. Они считали, что бурятам трудно объединиться на основе территориальной автономии и гораздо легче – на основе единства религии. Ц. Жамцарано, Б. Барадин и А. Доржиев видели в буддизме основы социализма и средство культурного возрождения бурят. Эти идеи нашли поддержку у части зажиточных бурят Иркутской губернии (Михайлов, Холодов и др.). Поэтому в первые два десятилетия XX в. у западных бурят прошла волна перехода в буддизм, развернулось строительство новых дацанов и дуганов в Эхиритах, Нукутах, на Ольхоне.

Ц. Жамцарано, Б. Барадин, А. Доржиев, Б.-Д. Очиров выдвинули идею обновления буд-

дизма, приспособления его к новым историческим условиям. Эта идея послужила толчком к развертыванию широкого обновленческого движения среди ламского духовенства Бурятии, которое продолжалось вплоть до конца 1920-х гг. Они выступили с требованиями распространить преподавание ламаизма в бурятских школах Министерства народного просвещения, разрешить создание национальных школ с преподаванием на монгольском и бурятском языках, предоставить право бурятским обществам приглашать лам для обучения детей в этих школах. Б. Барадин составил программу преподавания буддизма в бурятских школах, для которой были характерны обновленческие акценты.

Эти идеи вызвали резкую критику со стороны М. Богданова. В статье «Бурятское возрождение»

На крыльце Санкт-Петербургского дацана. Первый ряд (слева направо): Ц. Жамцарано, Е. В. Козлова, П. К. Козлов, А. Доржиев, хамбо лама Д.-Д. Итигилов, монгольский князь Ханда-Дорчжи, калмыцкий князь Д. Тундудов-младший. 21 февраля 1913 г.

Бурятский шаман

он осудил Ц. Жамцарано за стремление использовать религиозный фактор в целях достижения национального объединения. Негативную реакцию вызвала у М. Богданова идея Ц. Жамцарано и А. Доржиева превратить дацаны в центры просвещения бурят Иркутской области. «В будущей просветительной роли бурятских дацанов, — писал он, — я тоже сомневаюсь. Вообще мысль основать монастыри для распространения среди иркутских бурят просвещения отдает страшным анахронизмом. Было время, когда в Западной Европе монастыри сосредоточивали в себе лучшие интеллектуальные силы страны. Но это время кануло в вечность. Точно так же и просветительная роль дацанов Забайкалья будет в весьма скором времени равна нулю»¹¹.

Вопрос религии стал причиной острых разногласий между «западниками» и «народниками»: первые не скрывали своего пессимизма в отношении социального и культурного возрождения бурятской народности в условиях капиталистического развития; вторые считали, что капитализм будет не в силах уничтожить национальные, культурные и бытовые особенности народов Сибири.

В основе разногласий лежали особенности религиозного фактора: буддизм был традиционной религией бурят в Забайкалье, а шаманизм — в Иркутской губернии. Процесс христианизации в Иркутской губернии продвинулся довольно глубоко и привел к значительным изменениям в духовной и материальной жизни бурят, отдаляя друг от друга

две ветви бурятского народа. На страницах журнала «Сибирские вопросы» между «народниками» и «западниками» развернулась оживленная полемика о роли традиционной религии в решении назревших проблем. Однако когда речь заходила о мировоззренческих вопросах, то принципиальных разногласий между «западниками» и «народниками» не существовало.

После поражения революции 1905–1907 гг. национальное движение пошло на убыль, но не прекратилось. Об этом свидетельствуют выступления бурятского населения в Барун-Харганатской волости Верхнеудинского уезда в 1910 г., в Улентуйском урочище Селенгинского уезда в 1914 г. Вплоть до февраля 1917 г. не прекращался поток прошений, жалоб, требований.

После спада национального движения бурятские народники занимались в основном просветительской деятельностью. По инициативе Ц. Жамцарано, Б. Барадина и А. Доржиева в 1910 г. в Петербурге было организовано первое бурятское издательство «Наран» (Солнце), представлявшее собой своеобразную лабораторию. В издательстве впервые опробовались «особые бурятские алфавиты», делались первые попытки латинизации бурятской письменности, выходили книги по общественно-

¹¹ Богданов Н. М. Очерки истории бурят-монгольского народа. — Улан-Удэ, 1926.

Группа бурятской интеллигенции, мобилизованной на тыловые работы. 1916 г.

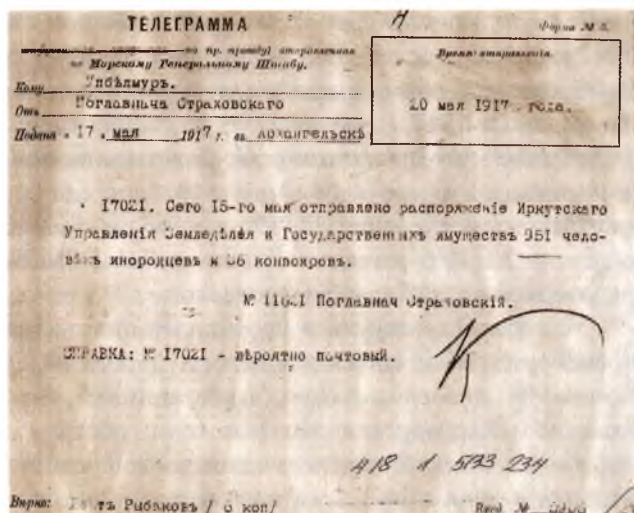
политической мысли, литературоведческие труды и т. д. До февраля 1917 г. национальное движение продолжало настойчивые поиски путей социально-экономического и культурного развития бурятского народа.

1.2. Первая мировая война: влияние на экономику и политическую жизнь Бурятии

Первая мировая война нанесла серьезный урон экономике России. На плечи трудящихся обрушились новые тяготы, связанные с мобилизацией на военную службу, поставками продовольствия, фуража. В начале войны буряты-казаки были мобилизованы на фронт (не состоявшие в казачьем сословии воинской повинности не несли). Зажиточная верхушка образовала Общесурятское общество по сбору пожертвований на нужды войны. Пожертвования формально считались добровольными, но фактически носили принудительный характер. Это вызывало протест в среде бурятского населения, что выразилось в некотором подъеме национально-го и аграрного движения.

В этот же период начинается массовое переселение на территорию Монголии как новая форма протеста бурят против антинародной политики царизма. Вместе с бурятами в Монголию уходили русские и евреи. Пограничное население Забайкальской области в течение многих десятилетий пользовалось караульными землями Монголии на основании договора, мирных соглашений с монгольскими властями и ближайшими владельцами. Казаки, не имея у себя в достаточной мере сенокосов, проводили заготовки в Монголии за небольшую арендную плату. Такой порядок землепользования не вызывал трений с монголами и давал возможность пограничному населению Забайкалья развивать скотоводство для полного обеспечения мясными продуктами Забайкальской и Амурской областей. Но в годы первой мировой войны население Забайкальской области стало покидать пределы Российской империи.

На третьем году войны царское правительство ввело воинскую повинность для малочисленных народов окраин России. 25 июня 1916 г. царь издал указ о «реквизиции инородцев» (о принудительной

Телеграмма об отправке бурят на тыловые работы в Архангельск. 17 мая 1917 г.

мобилизации) на тыловые работы по созданию укреплений в прифронтовых территориях. Мобилизации подлежали лица в возрасте от 19 до 31 года, кроме воспитанников учебных заведений, долж-

ностных лиц волостных и сельских управлений, лиц, состоявших на государственной службе, и буддийского духовенства, включая хувараков.

По данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, количество мобилизованных бурят составляло 20878 чел., в т. ч. по Забайкальской области – 11817 чел., по Иркутской и Енисейской губерниям – 9061 чел. Из Забайкалья также были «реквизированы» урульгинские православные звенки.

Значительная часть мобилизованных бурят была отправлена в Архангельск, на прокладку железнодорожной ветки по льду Белого моря, на восстановление порта и лесозаготовки. Вторая большая группа мобилизованных бурят занималась рытьем окопов и прокладкой грунтовых дорог в районе Северо-Западного фронта. Житье в землянках и товарных вагонах, скудный казенный паек, непомерно тяжелый труд, антисанитарные условия, сырой климат – все это негативно отражалось на здоровье людей.

На население Бурятии тяжелым бременем ложилась реквизиция скота и поставки его на нужды фронта. Среди бурят Иркутского уезда «реквизи-

Магазин Товарищества А. Ф. Второва с сыновьями

В. М. Серов (1878–1918) – первый председатель Верхнеудинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов)

ция лошадей и скота происходила уже 4 раза и самые лучшие лошади взяты в казну», – указывалось в одном из документов за 1917 г. В народе росло недовольство, усиливалось революционное брожение. Смута начала распространяться и среди мобилизованных бурят. На это в своей телеграмме из Архангельска указывал лама-лекарь. Телеграмма была срочно направлена иркутскому губернатору для рассмотрения и принятия мер против зачинщиков выражения недовольства.

Уход самой работоспособной части населения привел к дальнейшему упадку хозяйства трудящихся бурят. Безрадостные вести с фронта от мобилизованных на тыловые работы, растущая нищета, продовольственные затруднения способствовали резкому росту массового переселения коренного населения Забайкальской области в Монголию. Не случайно власти ускорили создание комиссии для выяснения причин выезда, и обследование было проведено ею в феврале 1917 г. Комиссия выявила свыше 5 тыс. чел., переселившихся в Монголию с огромным количеством скота. Они свободно пользовались землями, удобными для разведения скота, уклонялись от призыва в действующую армию и на тыловые работы.

В результате проведения землеустройства были урезаны земельные угодья бурят. Площадь

землепользования бурят Иркутской губернии к 1917 г. сократилась на 53,3 %, а хоринские буряты Забайкальской области, где землеустройство было завершено к 1917 г., потеряли 49 % своих земель. Вследствие этого произошло резкое сокращение скота, усилился процесс обнищания: к 1917 г. среди бурят Иркутской губернии 24,7 %, а в Забайкальской области 11,1 % бурятских хозяйств либо не имели рабочего скота, либо вообще никакого.

Усиливалась разруха в промышленности и на транспорте. Забайкальская железная дорога перевозила только военные грузы. Тарбагатайские, Черновские и Харанорские угольные копи работали с перебоями. Мыловаренные и кожевенные предприятия из-за отсутствия сырья закрывались. В связи с ростом дороговизны, сокращением товарной массы уменьшился товарооборот, закрывались магазины и лавки. Продолжалась реквизиция скота, не хватало рабочей силы, в городах была введена карточная система на все предметы первой необходимости, в деревнях – на хлопчатобумажные ткани и чай.

Мировая война, политика царского правительства обостряли классовые противоречия, а усиление национального гнета способствовало распространению демократических идей среди учащейся бурятской молодежи. Назревал новый подъем национального движения бурятского народа. На рост революционного самосознания коренного населения Забайкалья и Иркутской области большое влияние оказали «Союз сибирских рабочих», созданный в Иркутске в 1915 г., просветительское общество «Знание», превращенное в центр пропаганды революционных идей, политические ссыльные, которые пользовались большим влиянием среди местного населения. В Верхнеудинск поступали все издания «Союза». Важную роль в развитии революции играли политические ссыльные М. В. Фрунзе, В. М. Серов, Н. С. Кабашов, Е. А. Петров, В. А. Чашин, А. М. Буйко. К 1916 г. в Забайкалье выросло и окрепло рабочее движение.

1.3. Политическое подполье в Забайкалье: июнь 1907 – февраль 1917 г.

Поражение революции 1905–1907 гг. осложнило деятельность социалистических группировок Забайкалья, вынужденных бороться за сохранение остатков подпольных структур и противостоять усилившимся действиям политической полиции и сыска. 30 июня 1907 г. при обыске у А. Я. Пинхаси-

ка полиция обнаружила библиотеку нелегальных изданий социал-демократической организации, а 19 июля по результатам массовых обысков были арестованы А. В. Болдин, Н. В. Филин, М. Л. Королькевич, И. И. Нехочин, М. К. Кондрашов, Ф. С. Анисимов, В. А. Герасимов. Все они обвинялись в принадлежности к Читинскому комитету РСДРП. Вещественными доказательствами послужили найденные у них воззвания комитета, кассовые отчеты, гектографированный «Отчет профессионального железнодорожного союза на Забайкальской ж/д», датированный 14 июля 1907 г.¹

Летом читинские социал-демократы вели агитацию среди солдат гарнизона. За распространение «воззваний преступного содержания» в солдатской среде была арестована член с.-д. партии Е. Х. Кулакова. Нижние чины Афанасьев, Носов, Ерганов подверглись аресту за распространение среди солдат четвертой Восточно-Сибирской артиллерийской бригады изданий Читинского комитета РСДРП.

Весной 1907 г. активно действовало созданное под эгидой эсеров Забайкальское отделение Всероссийского военного союза, формально находившееся «вне партий» и выпустившее 2 номера газеты «Солдатский листок»². За лето эсдекам Читы удалось обзавестись собственной типографией, и уже в сентябре вышла листовка «К выборам» с призывом не голосовать за черносотенцев и либералов, а послать в Думу представителя рабочей партии³. В октябре распространялась листовка «По поводу рекрутского набора» с припиской «Типография Читинского комитета РСДРП, издано 300 экземпляров»⁴. Кроме воззваний в типографии были отпечатаны сборные листы и денежные отчеты комитета за сентябрь 1907 г.

Но организацию ждал удар: были арестованы Н. Р. Чистяков, И. И. Тарчевский, С. С. Васильева, Е. И. Бойко, Е. М. Переломова, А. Свиридов. Они вели регулярную переписку с ЦК РСДРП, крупными партийными организациями России, имели договоренности о паролях и конспиративных связях с Москвой, Благовещенском, Харбином, Тайгой, Владивостоком, Барнаулом, Верхнеудинском и другими городами.

Во 2-й половине 1908 г. подпольная работа в Чите затихла. В заметке из Читы, опубликованной в «Социал-демократе», указывалось, что «фактически работа не велась вплоть до 1909 г.». В ней же сообщалось о провокаторской деятельности Юдова и Разумовского, проваливших социал-демократическую организацию⁵. Однако не все ее члены были арестованы. Агентурные сводки сохранили сведения о начале возрождения подполья. В конце июня 1908 г. через Читы в Харбин проезжал член Красноярского комитета РСДРП Фомич, встретившийся здесь с местными партийцами. Агентура характеризовала его как «социал-демократического работника по распространению нелегальной литературы и приисканию конспиративных квартир»⁶. Большой урон возрождавшейся организации нанесли ее члены Исаев и Шулепов, похитившие из казны 2860 руб. партийно-профсоюзных денег⁷.

В начале 1909 г. был создан Читинский комитет РСДРП – руководящее ядро организации. Для выпуска прокламаций он заключил соглашение с Читинским комитетом партии социал-революционеров, и в феврале за подписью двух комитетов была отпечатана прокламация «К гражданам». Она призывала к пожертвованиям в пользу политкаторжан деньгами и книгами⁸. С целью реальной помощи каторжанам и ссыльным эсдеки и эсеры образовали нелегальную внепартийную организацию – Красный Крест⁹.

Вскоре подверглись полицейскому разгрому эсеровские типографии в Чите и Верхнеудинске, и забайкальские эсеры перешли от агитационно-пропагандистской к террористической деятельности. Эсеры Верхнеудинска готовили покушение на полицейского чиновника Ионова, однако этому помешала ликвидация в 1910 г. эсеровских организаций Забайкалья.

К террору и экспроприациям призывали анархисты. В 1907 г. в Чите сложилась анархистская «Группа непримиримых», в листовке «К рабочим» призывавшая к борьбе за свободу без всякой эксплуатации¹⁰. В это время анархисты работали в За-

⁵ Социал-демократ. – 1910. – № 10. – С. 9–10.

⁶ ГАНО, ф. 601, оп. 1, д. 117, л. 327.

⁷ ЦДНИ ИО, ф. 300, он. 1, д. 288, л. 3.

⁸ ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1483, л. 169.

⁹ ГАРФ, ф. 102, ДП. 00. 1909 г. Ед. хр. 6 ч. 75 л. А. Л. 1.

¹⁰ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 3. – Томск, 1991. – С. 72.

¹ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 218, л. 231, 236.

² ГАИО, л. 147, 215, 192–195.

³ Берсенов Л. Ф. Прокламации читинских большевиков в годы реакции // Проблемы краеведения. – Чита, 1972. – С. 8.

⁴ ГАЗК, ф. 63, оп. 1, д. 226, л. 1.

байкальской федерации групп вооруженного народного восстания совместно с экстремистски настроенными эсерами и эсдеками. В дальнейшем анархистское движение привело к созданию в Чите Сибирской группы анархистов-индивидуалистов. Именно за ее подписью в марте 1908 г. читинскому купцу Меттеру было направлено требование на внесение под угрозой смерти в партийную казну 2 тыс. руб. По данному делу 8 марта были арестованы Соков, Патюк и Ферапонтов¹. При проводимых в городе обысках «в связи с обнаружением лиц, принадлежащих к партии анархистов-индивидуалистов», было найдено большое количество оружия².

К 1909 г. была создана Читинская группа анархистов-коммунистов, во многом перенявшая тактику своих предшественников. Ими было совершено нападение на волостное правление, а 28 февраля ограблена казенная винная лавка. Все эти действия группы перечислялись прокурором Иркутской судебной палаты в его отчете за 1909 г., направленном в Министерство юстиции³. В агентурной сводке отмечались связи группы с анархистами Харбина, а также приезд из Читы в Иркутск анархиста А. Кузнецова из группы Н. Каландаришвили⁴. Имелись сведения об участии М. Н. Пудина с социал-демократами И. Бабайловым и А. Кнохт в тайных собраниях рабочих 17 февраля и 10 марта 1913 г. При задержании у М. Пудина было обнаружено 11 брошюр «революционно-анархического содержания»⁵.

В Верхнеудинске в 1910–1911 гг. анархистом-синдикалистом И. К. Ройтманом был создан кружок учащейся молодежи. Сюда же в 1914 г. прибыл из Тулуна известный анархист И. М. Гордон для организации военной группы и типографии⁶.

Наибольшую способность к возрождению проявляли социал-демократические организации. Социал-демократы Читы уже в 1910 г. обзавелись собственной типографией, в которой в течение мая были отпечатаны 3 прокламации⁷. В листовке «Пер-

вое мая», изданной тиражом 400 экз., Читинский комитет, с целью сохранения сил рабочих, призывал их не праздновать 1 мая забастовками и митингами, а предложил «...пожертвовать весь первомайский заработок в пользу тех, кто первый доблестно нес знамя пролетариата, смело звал на борьбу, кто в настоящее время страдает за идею, кто находится на каторге и в ссылке»⁸.

К 1910 г. единая социал-демократическая организация разделилась на две районные – городскую и железнодорожную. Редактором легальной газеты «Утро Сибири» был С. Чудновский, возглавлявший группу интеллигентов (В. Генерозов, В. Тарский, Г. Русецкий, Н. Ноцкевич, В. Смирнов). На квартире Чудновского проходили собрания, на которых обсуждались вопросы легальной работы⁹.

Существовала независимая от городской и железнодорожной автономная социал-демократическая группа, видную роль в которой играл рабочий шапочной мастерской П. Е. Калачов, по данным агентуры, «с.-д., большевик, нелегальный»¹⁰. В печатании прокламаций ему помогали К. Д. Долгов и И. И. Гринев. В ночь на 31 марта типография была арестована¹¹.

Полицейские репрессии, действия секретных сотрудников вели к свертыванию подпольной работы в обеих группах. Прекратились партийные собрания и сходки, а вместе с ними исчезли и сами группы.

За возрождение организации взялись рабочие-типографщики И. Наханович и И. Бабайлов. В апреле 1910 г. состоялось собрание Читинской группы РСДРП¹². В этом же месяце группа издала прокламацию «Граждане» и первомайскую листовку. Их выход, а также выпуск последующих прокламаций стал возможен благодаря работе Нахановича и Бабайлова в типографии газеты «Забайкальская новь».

16 мая прошла сходка 9 социал-демократов, на которую были приглашены железнодорожники. На партийном собрании 23 мая состоялись выбо-

¹ ГАЗК, ф. 14, оп. 1, д. 22, л. 200.

² Там же, ф. 26, оп. 1, д. 266, л. 20.

³ РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 538, л. 11.

⁴ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 409, л. 15.

⁵ РГВИА, ф. 1482, оп. 1, д. 144, л. 86.

⁶ ГАРФ, ф. 102, ДП00, 1914 г. Ед. хр. 291, ч. 27, л. Б. Л. 2.

⁷ Социал-демократ. – 1910. – № 10. – С. 9–10.

⁸ См. подлинник листовки в: ГОПБ ОРК, цл. 1–136, ц. 46200.

⁹ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 1159, л. 15.

¹⁰ Там же, ф. 245, оп. 3, д. 1286, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 242, оп. 2, д. 336, л. 5; ф. 600, оп. 1, д. 1159, л. 51.

¹² ГАРФ, ф. 102, ДП00, 1910 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б. Л. 41.

Казачи

ры членов комитета: И. Бабайлова, И. Нахановича, Н. Осипова, И. Кузнецова¹. В июне состоялось собрание комитета, посвященное обсуждению отчета социал-демократической фракции Государственной думы. В июле при участии эсдеков в Чите был образован профессиональный союз печатников, в руководство которого как представитель комитета вошел И. Бабайлов². В августе комитетом были получены очередные номера центральных партийных изданий – «Социал-демократ» и «Правда» (Л. Д. Троцкого). 30 августа прошли довыборы комитета, куда в качестве казначея был включен Е. Богуславский. В ночь на 3 сентября были напечатаны и распространены по городу листовки Читинского комитета РСДРП «Граждане», содержавшие протест против казарменной дисциплины в учебных заведениях и милитаризации школ³. За печатание и распространение прокламаций И. Л. Наханович и И. С. Бабайлов были арестованы.

¹ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 1159, л. 68–69; ГАРФ, ф. 102, ДП00. 1910 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б. Л. 51.

² ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 1159, л. 84.

³ ГАЗК, ф. 50, оп. 1, д. 337, л. 23.

Представитель читинской организации Либберман присутствовал на общесибирской социал-демократической конференции в Троицкосавске⁴. На общем партийном собрании организации 17 ноября стоял вопрос о продолжении подпольной партийной работы, был создан стачечный фонд – 320 руб. В декабре по просьбе социалистов-революционеров среди членов организации проводился денежный сбор в пользу осужденных иркутских эсеров⁵.

14 января 1911 г. социал-демократы приняли участие в организации забастовки в железнодорожных мастерских, после которой были арестованы Е. Богуславский и Н. Кузнецов⁶, а В. Чаплинский вынужден был покинуть Читу и отправиться в Иркутск⁷.

Январские события усилили ликвидаторские настроения среди рабочих. Комитет был распущен,

⁴ ГАИО, ф. 601, оп. 1, д. 117, л. 569.

⁵ ГАРФ, ф. 102, ДП. 00, 1910 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б. Л. 69, 71.

⁶ Там же.

⁷ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 1240, л. 36.

не было общих собраний организации. Но отдельные социал-демократы поддерживали нелегальные связи с центром. На имя А. К. Скрынникова в течение 1911 г. поступало из-за границы большевистское издание «Пролетарий»¹. А. Шустов регулярно получал венскую «Правду». В чугунолитейный цех железнодорожных мастерских на имя П. Совина поступала «Рабочая газета». С марта 1911 г. нелегальную работу в Чите вел прибывший из Москвы А. Лупычев, участник московского вооруженного восстания².

Социал-демократы, работавшие в железнодорожных мастерских, приняли участие в сборе средств в пользу семей пострадавших в событиях на Лене. Сбор денег проходил и в пользу Красного Креста, которым руководил социал-демократ Шрейнберг. В состав нелегального Красного Креста входили Криворучко, А. Зазовская, Чилов, Вольхович, М. Андоверов. Эсдеки приняли участие в распространении «Правды» и «Луча» среди рабочих и в организации денежных сборов в пользу этих газет³.

К концу 1912 г. в Читу вернулись И. Наханович, И. Бабайлов, Д. Кривоносенко. Из Хабаровска приехал полиграфист Н. Гурьянов, социал-демократ, один из руководителей забастовки типографских рабочих газеты «Приамурье»⁴. Из Одессы за принадлежность к меньшевистскому крылу РСДРП была выслана в Читу под гласный надзор полиции А. Кнохт⁵.

При создании легального профсоюза проходили нелегальные собрания и сходки рабочих, велась социалистическая пропаганда. К марту был воссоздан Читинский комитет РСДРП. В ночь на 18 марта были напечатаны и разбросаны в городе прокламации «Товарищи» о положении политкаторжан в Горном Зерентуе. Были задержаны 15 членов организации, среди них А. Кнохт, И. Наханович, И. Бабайлов, Д. Кривоносенко, Н. Гурьянов, М. Пудин, И. Тарлецкий, И. Белоногов⁶. У задержанных изъяли литературу революционного содержания, список членов и устав профессионального союза типографистов, письмо из Благовещенска от «известного

социал-демократа» И.А. Юдина и подписной лист на газету «Луч»⁷.

После мартовских арестов оставшиеся на свободе эсдеки занялись исключительно легальной деятельностью и даже не пытались возродить подпольную организацию, тем более комитет. Потерпев неудачу с созданием профсоюза, они включились в работу по образованию кооперативов. Социал-демократы И. Белоусов, И. Росляков, Г. Перевозчиков и др. участвовали в зарегистрированном в октябре 1913 г. рабочем кооперативе «Трудовой союз». В. Соколов и И. Дубов играли ведущую роль в действовавшем с декабря 1914 г. городском кооперативе «Эконом». А. А. Войлошников в 1913 г. стал председателем правления Забайкальского общества сельского хозяйства.

В военный период широкое развитие получила легальная кооперативная печать. В журнале «Наше дело», газетах «Восточная Сибирь», «Забайкальское обозрение», «Кооперативное слово» активно сотрудничали приехавшие в Читу видные социал-демократы, в т. ч. Н. А. Рожков, В. Н. Соколов, Е. А. Преображенский. В «Забайкальском обозрении» участвовал М. В. Фрунзе, нелегально проживавший в Чите под фамилией Василенко.

В Верхнеудинске до августа 1907 г. действовала группа РСДРП, в которую входили Н. Ф. Голиков, А. А. Черных, В. Тютюгин, И. И. Симонов, П. Платонов, Н. В. Полянский, Г. А. Васильев, П. И. Радовский. Прокурор Иркутской судебной палаты доносил в министерство юстиции о наличии комитета организации и «...возникшей при посредстве этого комитета среди нижних чинов преступной организации – «Забайкальского отделения Всероссийского военного союза Верхнеудинского гарнизона»⁸.

К августу из-за боязни провала и репрессий организация прекратила нелегальную работу, а ее секретная документация была передана на хранение иркутским социал-демократам, с которыми у верхнеудинских эсдеков были установлены доверительные связи. В результате проведенных в Иркутске обысков был обнаружен архив комитета верхнеудинской группы РСДРП и материалы по деятельности Верхнеудинского отделения Союза рабочих Забайкальской железной дороги⁹. Подпольная груп-

¹ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 884, л. 68.

² ГАРФ, ф. 102, ДП. 00, 1911 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б, л. 26.

³ Берсенов Л. Ф. Газета «Правда» в Забайкалье // Проблемы краеведения. Вып. 3. – Чита, 1968. – С. 22–24.

⁴ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 1230, л. 141.

⁵ РГВИА, ф. 1482, оп. 1, д. 144, л. 1.

⁶ Там же, л. 184.

⁷ РГВИА, ф. 1482, оп. 1, д. 144, л. 2, 12.

⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 536, л. 35.

⁹ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 235, л. 222.

Солдаты Верхнеудинского гарнизона и население города на Базарной площади. Митинг в честь победы Февральской революции 1917 г.

па РСДРП в Верхнеудинске возродилась только в 1910 г., а 29 марта состоялось партийное собрание организации, где обсуждался вопрос об усилении конспирации.

В 1913 г. в Верхнеудинске вели работу отдельные, не связанные организацией социал-демократы, в т. ч. З. С. Кошиков и А. Н. Мехоношин, организатор забастовки приказчиков в магазине Цыгальнической. Он же, являясь секретарем общества взаимопомощи приказчиков, проводил «под флагом профессионального движения с.-д. идеи»¹. В 1913 г. в Верхнеудинске появилось отделение иркутской внепартийной организации «Товарищи, вперед», прекратившее свое существование в ноябре.

В годы первой мировой войны подпольная деятельность социал-демократов проявилась в распространении в Верхнеудинске нелегальных

изданий иркутского «Союза сибирских рабочих», в т. ч. «Товарищ пролетария», и нелегальной литературы у служащих Прибайкальского товарищества кооперативов, председателем правления которого оставался З. С. Кошиков². Вся работа социал-демократов сосредоточилась в кооперативах и легальных газетах. Изредка собирались совещания с участием социал-демократов, на которых обсуждались проблемы кооперативной работы. На одном из таких совещаний на квартире эсдека И. А. Пятидесятника обсуждался вопрос о «...необходимости распространения в деревне в возможно широком размере идей кооперации как единственного в данный момент действительно объединения народных масс, с чувством удовлетворения указывалась работа местной прессы

¹ РГВИА, ф. 1482, оп. 1, д. 149, л. 1, 3, 28.

² Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 25; ГАРФ, ф. 102, ДП00, 1915 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б. Л. 41, 45.

в этом направлении под руководством известного Николая Александровича Рожкова»¹.

В конце 1915 г. в Верхнеудинск из Мысовска переехал известный социал-демократ, бывший депутат 2-й Государственной думы В. М. Серов. Под его руководством стала выходить легальная газета «Забайкальская мысль», в которой сотрудничали ссыльные эсдеки Е. А. Петров и В. А. Чацин².

В сентябре 1910 г. в Троицкосавске состоялась партийная конференция социал-демократов. В ее проведении оказали помощь проживавшие здесь Н. А. Черных, заведующая городской библиотекой, ее сестра О. А. Черных, врач Шеркин, представлявший на конференции социал-демократов Благовещенска³.

Во многих пунктах Забайкалья перед войной проживали ссыльные социал-демократы, в т. ч. Р. И. Малецкий и В. М. Серов в Мысовске, Ф. С. Петров в Заиграево. Политическая подпольная работа в Забайкалье шла по циклу, присущему всем организациям социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов Сибири – значительное развитие и даже всплеск ее после третьей июньских событий 1907 г., постепенное угасание примерно с середины рассматриваемого периода и, на-

конец, фактическое отсутствие в годы мировой войны. Стремясь к усилению и сохранению подполья, представители разных партий сотрудничали между собой и даже объединялись во внепартийные организации. Лидерство в подпольной деятельности в Забайкалье и Сибири, несомненно, принадлежало социал-демократам.

К началу 1917 г. в Бурятии, как и во всей России, сложились объективные и субъективные условия для смены политического строя. 27 февраля 1917 г. вооруженные рабочие, солдаты и матросы Петрограда свергли царское самодержавие. В ходе февральской революции образовались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые, опираясь на поддержку вооруженных сил народа, имели реальную возможность взять власть в свои руки. Однако господство мелкобуржуазной стихии привело в руководство Советами меньшевиков и эсеров, которые добровольно передали власть в руки буржуазии. Партии консервативной и либеральной буржуазии – октябристы и кадеты – создали Временное правительство во главе с князем Львовым. В России сложилась уникальная политическая ситуация – двоевластие, переплетение двух властей: революционно-демократической диктатуры в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и власти буржуазии в лице Временного правительства. Вслед за столицей двоевластие установилось по всей стране, в т. ч. и в Бурятии.

¹ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 25; ГАРФ, ф. 102, ДП00, 1915 г. Ед. хр. 5, ч. 26, л. Б. Л. 41, 45.

² Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 27.

³ ГАИО, ф. 601, оп. 1, д. 117, л. 569.

Бурятия в 1917–1920-х гг.

2.1. Социалистическое, демократическое и национальное движение

6 марта 1917 г. в Верхнеудинске был образован Совет рабочих и солдатских депутатов из 115 депутатов под председательством депутата II Государственной думы, члена РСДРП В. М. Серова, а также Исполком общественных организаций как местный орган Временного правительства под руководством члена РСДРП Е. А. Петрова.

В начале марта 1917 г. в Чите начал работу Временный организационный комитет по созыву общенационального съезда бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, состоявшегося 23–25 апреля 1917 г. Съезд принял решение об организации бурятской национальной автономии, национализации бурятских школ и образовании Центрального бурятского национального комитета (Бурнацком). В его состав вошли Э.-Д. Ринчино, М. Богданов, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков и др. В течение года состоялось еще 2 общепурятских съезда: 10–16 июля – при Гусиноозерском дацане; 8–15 октября – в Верхнеудинске, на которых рассматривались вопросы национальной автономии, участия бурят в учредительном собрании, землевладения и землепользования, национальной культуры и рели-

гии. В Забайкальской области было создано 4 аймака: Агинский, Баргузинский, Хоринский и Селенгинский; у бурят Иркутской губернии – 3 аймака: Ангарский, Эхирит-Булагатский и Тункинский.

22–24 апреля 1917 г. состоялась Всероссийская апрельская конференция РСДРП(б), в основу которой легли тезисы ленинского доклада «О задачах пролетариата в данной революции». Большевики поддержали ленинский лозунг «Никакой поддержки Временному правительству» и идею о необходимости перехода всей полноты власти к Советам. В аграрной части предусматривалась конфискация помещичьих земель, национализация всей земли в стране и передача земли в распоряжение местных Советов батрацких и крестьянских депутатов.

Позиция социал-демократов нашла отражение в решениях I-й Забайкальской конференции РСДРП (9–11 июля 1917 г., г. Чита). По основным вопросам конференция приняла резолюции, противоречившие решениям апрельской конференции большевиков и направленные на укрепление демократии: Учредительное собрание, компромиссное решение аграрного вопроса, широкая политическая автономия для каждой нации.

Весной 1917 г. в промышленных, торговых предприятиях и учреждениях стали организовыв-

Казачи 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска

Группа бурятских большевиков. В центре М. М. Сахьянова

ваться профсоюзные организации. В Верхнеудинском уезде их насчитывалось 15, общей численностью 1417 чел. В Троицкосавске образовалось 6 профсоюзов. В конце июня 1917 г. профсоюзы были объединены в Союз профессиональных союзов рабочих и служащих города Верхнеудинска и Прибайкальского района, а при Верхнеудинском Совете были созданы «примирительные камеры» для решения конфликтов между рабочими и предпринимателями.

В этот период развернулось крестьянское движение. Временное правительство пыталось решить проблему демократическим путем, опираясь на установки Учредительного собрания. Однако крестьяне не могли ждать. «Явочным» путем церковные, монастырские, дацанские, кабинетские земли изымались в пользу крестьян решением сходов или даже путем вооруженных выступлений (с. Бичура, с. Харашибирь Мухоршибирской волости и др.). Аграрные выступления имели место и в среде крестьян-бурят. На съезде бурятского населения в Иркутске в апреле 1917 г., в переговорах сомонов было признано необходимым возвращение бурятам всех земель, находившихся в их пользовании до землеустройства.

В аграрном движении приняло участие забайкальское казачество. В 1917 г. в Забайкальской области насчитывалось 40 тыс. русских крестьянских и 4,5 тыс. бурятских дворов, которые составляли хозяйство забайкальских казаков. Важнейшим требованием казачьего движения была ликвидация казачьего сословия и организация всей хозяйственной и административной жизни казачества совместно с остальным населением области. В апреле 1917 г. на I съезде казаков Забайкальской области была единодушно принята резолюция о ликвидации казачьего сословия. Однако старшинам и зажиточному казачеству удалось переломить ситуацию, и к июню лишь 7 станиц из 63 высказались за выход из сословия. В конце августа 1917 г. на II съезде казаков Забайкальской области они не только добились отмены этого решения, но и приняли постановление о необходимости вступления забайкальского казачьего войска в Союз казачьих войск.

В 1-й половине 1917 г. начал складываться союз рабочих и крестьян. 31 мая на заседании Верхнеудинского Совета представителей крестьян было сделано заявление о вхождении в Совет рабочих и солдатских депутатов. В исполком объединенного Совета включалось по 5 человек от рабочих, сол-

дат и крестьян, о чем 14 июня 1917 г. было официально сообщено исполкомам общественных организаций. Объединенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был создан на полгода раньше, чем в центральных губерниях России. Особое влияние на развитие национального движения оказывала группа большевиков из бурятской бедноты и учащейся молодежи, в которую входили М. М. Сахьянова, М. Н. Ербанов, Г. Г. Данчинов, С. Х. Николаев, Ф. М. Осодоева. Большое значение для развития революции имели решения VI съезда РСДРП(б) о подготовке вооруженного восстания. Их реализации во многом способствовал неудавшийся корниловский мятеж, предпринятый контрреволюцией в конце августа 1917 г.

7 сентября 1917 г. состоялось общее собрание Читинской объединенной социал-демократической организации, где большинство присутствовавших выступили против меньшевиков-оборонцев, требовавших продолжения войны до победного конца. 22 сентября произошел организационный раскол Читинской организации. Через 2 дня начала свою работу 2-я Забайкальская областная конференция РСДРП с участием Верхнеудинской организации, от которой в бюро вошли В. М. Серов и М. М. Буйко. Организации интернационалистов появились также на ст. Хилок и в Троицкосавске. Всесибирский съезд, на котором собрались представители 69 Советов Сибири, избрал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь) под председательством большевика Б. З. Шумяцкого.

24 октября 1917 г. под руководством большевиков началось вооруженное восстание в Петрограде. В ночь с 25 на 26 октября восставшие рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство. В России со-

Б. З. Шумяцкий, председатель Центрального исполнительного комитета Советов Сибири

вершилась социалистическая революция. Государственная власть перешла в руки II съезда Советов, на котором было сформировано советское правительство – Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Весть о победе социалистической революции и установлении советской власти разнеслась по всей России. За Петроградом поднялись окраины. С октября 1917-го по январь-февраль 1918 г. социалистическая революция распространилась по всей стране.

В это время в Сибири шли разъединительные процессы и создание самостоятельных организаций большевиков, но в Бурятии во главе Советов стояли внефракционные социал-демократы. Даже после установления власти Советов, вплоть до ее падения летом 1918 г., на территории Западного Забайкалья самостоятельных организаций большевиков не было.

27 октября 1917 г. в Верхнеудинске был создан Комитет спасения революции. Инициатором его создания выступил Верхнеудинский Совет депутатов. На своих заседаниях 5, 12 и 19 декабря Совдеп потребовал создания «однородного социалистического правительства», в которое вошли бы представители всех социалистических партий – «от большевиков до народных социалистов».

Под влиянием революционных событий в России и возвратившихся с фронта забайкальских казаков Верхнеудинский Совет 23 января 1918 г. взял власть в свои руки. 16 февраля в Чите был создан Комитет советских организаций Забайкальской области во главе с В. Н. Соколовым. Комитет признал Бурнацком «публично-правовым учреждением».

Национальное движение в Бурятии со времени своего начала до получения прав автономии прошло путь длиной в 17 лет и имело 3 этапа развития: первый этап – 1901–1904 гг. – объединение всего бурятского сообщества в борьбе против земельной и волостной реформы; второй – 1905–1907 гг. – совпал с революцией в России. Наряду с буддийским духовенством и родовой аристократией в борьбу вступили молодые бурятские демократы. На этом этапе прошли первые всебурятские съезды, образовались политические группы, была принята программа переустройства жизни бурят и выдвинуты требования предоставления национальной автономии; третий – 1917–1918 гг. – движение за национальное самоутверждение и национальную автономию, когда был создан Бурнацком, признан-

ный советской властью как орган бурятского самоуправления.

Значительная роль в укреплении советской власти принадлежит II Всесибирскому съезду Советов, работа которого проходила с 16 по 26 февраля 1918 г. в Иркутске. Он дал установку на дальнейшие действия по укреплению завоеваний революции. Выступив против подписания Брестского мирного договора с германским правительством, съезд признал целесообразным всесибирское объединение Советов, тесно связанное в своей деятельности с ВЦИК и СНК РСФСР. Он определил круг обязанностей местных Советов, ЦИК Советов Сибири, Сибирского Совета народных комиссаров, образовал Всесибирский Совет народного хозяйства, возложив на него руководство промышленностью и транспортом, принял проект организации Красной армии и Красной гвардии, одобрил Декрет о земле. Руководителем Центросибири был избран большевик Н. Н. Яковлев. Тем самым съезд закрепил победу советской власти в Сибири.

4 марта 1918 г. состоялась Забайкальская областная конференция РСДРП интернационалистов, которая признала ЦК партии большевиков центральным органом. Начался процесс большевизации. Парторганизации делали упор на идеологическую работу, заботу о чистоте рядов своей партии, что нанесло вред начавшемуся в 1917 г. процессу демократизации. Поиск «третьего пути», связанного с реформаторством и парламентаризмом, был на долгие годы прерван. За короткий срок были национализированы угольная, металлургическая, горнодобывающая промышленность. Под контроль взяты золотые прииски, установлена хлебная монополия.

2.2. Гражданская война и иностранная военная интервенция

Диктатура пролетариата обернулась диктатурой партии большевиков. Успехи советской власти встретили сопротивление со стороны контрреволюции еще осенью 1917 г. Политическое единовластие большевиков, политика военного коммунизма (неспособность управлять национализированной промышленностью, продразверстка и т. д.) вплотную приблизили Советскую Россию к гражданской войне.

К ней стремились оба лагеря: «красный» хотел упрочить свое положение и окончательно добить

оппонентов, «белый» — вернуть утраченные позиции. В сложившихся условиях, когда ни одна из сторон не имела твердой поддержки большей части народа, достигнуть своей цели и те и другие могли только вооруженным путем.

Основной опорой контрреволюции в Забайкалье становится Особый маньчжурский отряд есаула Г. М. Семенова, деятельность которого благословил А. Ф. Керенский. В начале апреля 1918 г. атаман Семенов начал новое наступление на Забайкалье, приурочив его к высадке японского десанта во Владивостоке. При этом ему оказывали прямую помощь китайские власти, оружием —

Англия и Франция, деньгами — Япония. Возникла угроза для Забайкалья и Транссибирской железнодорожной магистрали. Решением Центросибири был образован Забайкальский фронт под командованием С. Г. Лазо. Центросибирь направила все усилия на ликвидацию военной опасности в Забайкалье. Забайкальская железная дорога перешла на военное положение. Вся полнота власти была передана военно-революционному штабу, в состав которого вошли большевики Д. Шилов, Н. Матвеев и левый эсер И. Бутин. Фактически Советы всей Сибири отправили на Забайкальский фронт вооруженные формирования.

В это же время напряженное положение создавалось в районе Троицкосавска. Отряд есаула Надзорова, сформированный в Монголии, перешел границу и при поддержке забайкальского казачества занял пограничную станицу Большая Кудара с целью выхода в тыл Забайкальскому фронту и создания угрозы для власти Советов в Восточной Сибири.

В Верхнеудинске был создан штаб тыла Прибайкальского фронта во главе с руководителем Красной гвардии города П. А. Бризоном; в Троицкосавске сформирован военно-революционный штаб. По распоряжению Центросибири на помощь прибыли рабочие отряды из Красноярска и Черемхово под командованием Д. М. Третьякова и В. М. Рагозина. Эти отряды, куда влились красногвардейцы под командованием П. Горяинова и Ц. Ранжуро-

Участники борьбы за власть Советов в Забайкалье

ва, атаковали противника и под ст. Большая Кудара разбили его, отбросив за границу. Вскоре были подавлены мятежи в пограничных станицах, и Советы стали доминировать по всему Забайкалью.

В начале марта 1918 г. состоялся 2-й съезд представителей трудового населения Прибайкалья, на котором обсуждался вопрос об организации советской власти. Была упразднена должность районного комиссара, введенная Временным правительством, и создан Исполком верхнеудинских советских организаций. Съезд одобрил законы о национализации земли, об организации Красной гвардии и Красной армии, о реорганизации судебных учреждений. Отряды Красной гвардии были созданы в Троицкосавске, Баргузине, Мысовске, Петровском Заводе, на ст. Хилок, Тарбагатайских копях.

Важную роль в деле укрепления советской власти в Забайкалье сыграл 3-й съезд представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкалья, состоявшийся в Чите 25 марта — 5 апреля 1918 г. 7–20 июня 1918 г. состоялся III съезд Советов Прибайкалья, который подвел итоги деятельности молодой советской власти Прибайкалья.

Начавшийся в ночь с 24 на 25 мая 1918 г. белочешский мятеж, оккупация Дальнего Востока японцами и активизация действий атамана Семенова привели к падению советской власти 16 августа в Троицкосавске, 20 августа — в Верхнеудинске, 26 августа — в Чите.

Атаман Г. М. Семенов и генерал-майор У. С. Грейвс (сидят в центре). Владивосток 1919 г.

28 августа 1918 г. на ст. Урульга в Забайкалье состоялась конференция партийных, советских организаций и воинских частей. Учитывая малочисленность советских войск и приближение противника с запада, конференция вынесла решение временно прекратить сопротивление организованным фронтам. Деятели советской власти и руководители партийных организаций перешли на нелегальное поло-

Ц. Ц. Ранжуров (1884–1918) – первый бурятский революционер

жение. Часть войск, в т. ч. и отряд интернационалистов, ушли в тайгу и развернули партизанскую борьбу.

В начале осени 1918 г. советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке пала. В Забайкалье вся полнота власти перешла к атаману Семенову, который первоначально нашел поддержку у населения области. Он отменил все советские декреты, связанные с конфискацией и национализацией, вернул дацанам земли, отнятые Советами, ввел буддизм в качестве обязательного предмета в бурятских школах, оказал поддержку Бурнацкому в объединении с эмигрантским бурятским

национальным отделом Правительства Забайкальской области. Однако своей дальнейшей политической, экономической и карательной деятельностью он способствовал появлению оппозиции собственному режиму.

Еще в октябре 1918 г. Г. М. Семенов провел административную реформу в Забайкальской области, разделив ее на 6 районов. В состав первого вошли Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской уезды; второго – Верхнеудинский, Троицкосавский, Селенгинский и Баргузинский уезды. Эти районы были созданы для неказачьего населения. Остальные районы соответствовали четырем отделам Забайкальского казачьего войска. В Восточной Бурятии сохранились Агинский, Баргузинский, Селенгинский и Хоринский аймаки; в Западной Бурятии – Ангарский, Тункинский и Эхирит-Булагатский.

Командующий чешскими войсками полковник Гайда издал приказ по Забайкальской железной дороге о немедленном упразднении всех профессиональных союзов и рабочих комитетов. Управляющим Забайкалья от правительства А. В. Колчака был назначен кадет С. Таскин. Начались репрессии в отношении руководителей Центросибири и местных совдепов. В Забайкалье функционировало 11 стационарных застенков. В сентябре 1918 г. в Чите погиб председатель Верхнеудинского Совета В. М. Серов, в Троицкосавске были расстреляны руководители

Совета К. А. Масков, В. Жданов, А. Назимов и первый бурятский революционер Ц. Ц. Ранжуров.

20–24 ноября 1918 г. состоялся съезд бурят Забайкалья, на котором Бурятский национальный комитет (Бурнацком) был преобразован в Народную думу бурят Восточной Сибири (Бурнардума), председателем которой был избран Д. Сампилон. Структура Бурнардумы осталась прежней.

В ноябре 1918 г. в Верхнеудинске был организован во главе с Г. Т. Петровым Прибайкальский подпольный комитет РКП(б), деятельность которого распространялась на все Западное Забайкалье. С начала 1919 г. деятельность комитета активизировалась, что было обусловлено кооптацией, а затем избранием крупного партийного функционера А. П. Вагжанова председателем комитета. На 3-й Сибирской нелегальной конференции РКП(б) он был избран в состав Восточно-Сибирского зонального партийного бюро в числе семи его членов.

В конце марта 1919 г. было развернуто массовое партизанское движение. Партийные группы или боевые ячейки были созданы на ст. Мысовая, в Троицкосавске, Бичуре, Кударе, Баргузине, Ганзурино, Хилке, на Посольском консервном заводе. В Усть-Селенгинском районе подпольные группы были созданы в 27 селениях. Наиболее радикально настроенная часть бурятской интеллигенции вышла из Бурнардумы, отказавшись от службы в ее местных учреждениях. На территории Бурятии действовали партизанские отряды Н. А. Каландариш-

Н. А. Каландаришвили (1876–1922) – революционный деятель, анархист, один из руководителей партизанского движения в Восточной Сибири во время гражданской войны

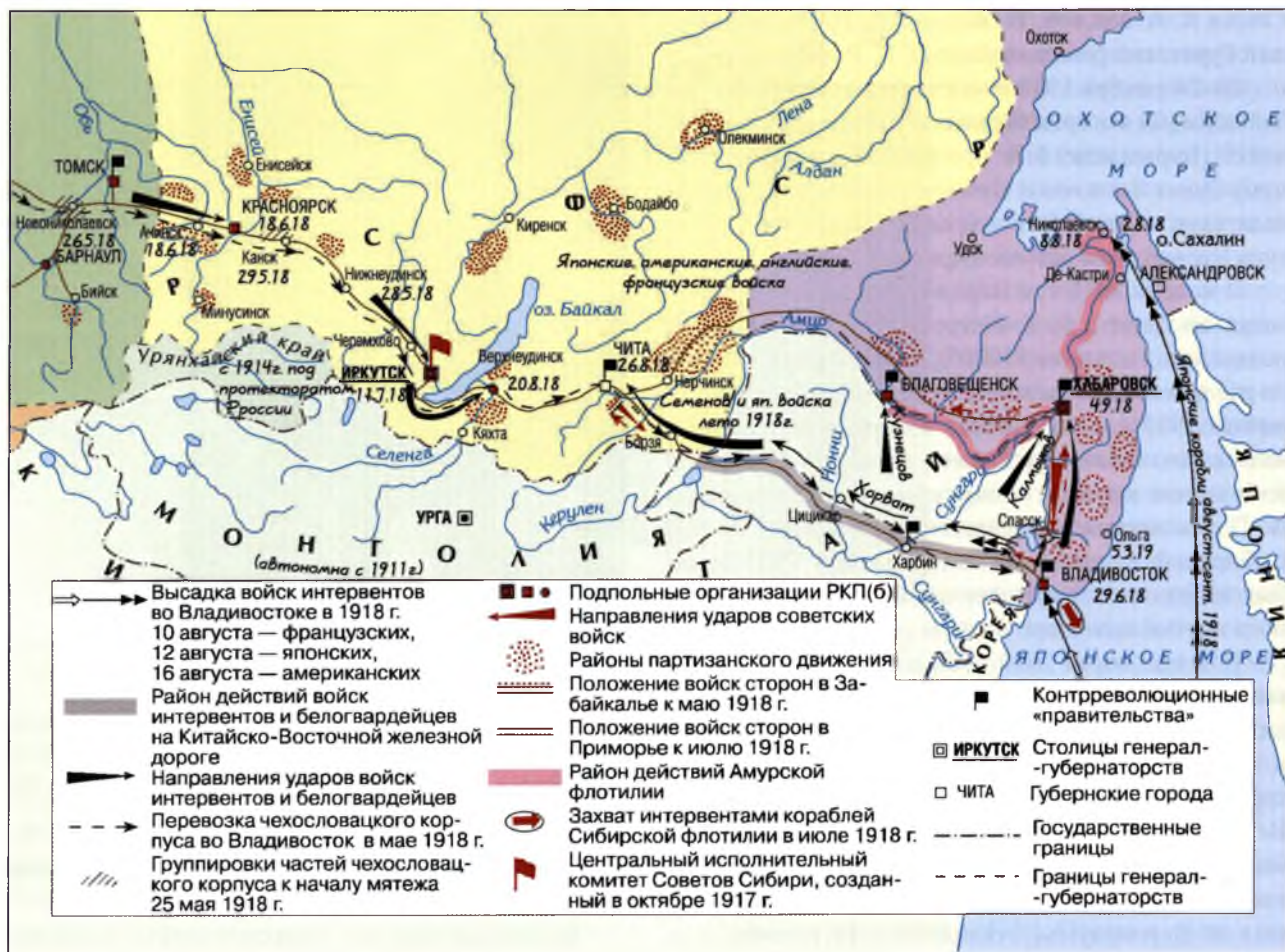
вили, Н. А. Бурлова, П. С. Балтахинова, братьев Уваровых.

Временное падение советской власти, резко негативное отношение колчаковского правительства к идее бурятской автономии привело лидеров бурят-

ского национального движения к мысли, изложенной Ц. Жамцарано, о необходимости объединения Монголии с Внутренней Монголией, Буртией, Калмыкией, монголами Синьцзяна и Тувы в единое государство, свободное от влияния России, Китая и Японии. Попытка реализации этого проекта была предпринята в феврале 1919 г. на съезде панмонголистов в Чите, который провозгласил создание Великомонгольского

Руководители партизанского движения и большевики-подпольщики Прибайкалья: Е.В. Лебедев, Ф.З. Чебунин, Д.К. Смолин, М.В. Лощенко, В.И. Ивойловский, Д. Вяткин, А.П. Смолин

Военные действия в Сибири и на Дальнем Востоке. Май 1918 — март 1919 г.

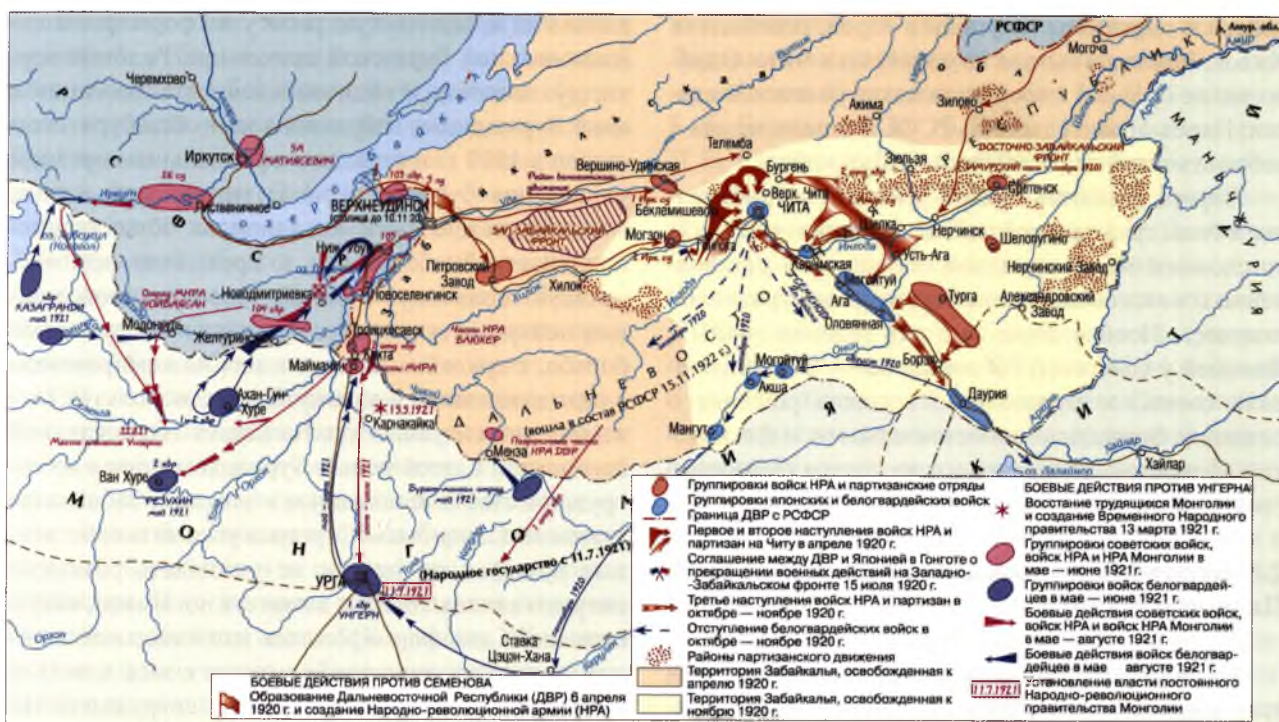
Печатается по: Культурный атлас Бурятии. — М.: ДИК, 2001. — С. 234.

Бои партизан Бурятии с карательными отрядами белогвардейцев и интервентов. Декабрь 1919 — январь 1920 г. Печатается по: Хантаев П. Бурятия в годы гражданской войны. — Улан-Удэ, 1967. — С. 153.

государства. Дальнейший ход событий показал оторванность идеи консолидации монголоязычных народов от реальной жизни. Бурнардума была вынуждена вернуться к идее национальной автономии для бурят и заниматься ее строительством самостоятельно, с учетом конкретной политической обстановки в Забайкалье.

В этот период в Бурятии активизируется партизанское движение. В ноябре 1919 г. Прибайкальский подпольный комитет партии большевиков принял решение о подготовке вооруженного восстания. Предусматривалось нанесение удара по трем направлениям:

*Борьба за освобождение Забайкалья. Апрель 1920 – август 1921 г.
Печатается по: Культурный атлас Бурятии. – М.: ДИК, 2001. – С. 235.*

на Верхнеудинск, на Петровский Завод и Хилок, на Бичуру и Троицкосавск. Вооруженное восстание в Прибайкалье началось в ночь с 18 на 19 декабря 1919 г. Общее руководство восстанием осуществлял Главный военно-революционный штаб Прибайкалья в составе И. Ковалева,

Е. Лебедева, Д. Смолина, С. Широких-Полянского и Федорова.

В результате всенародной борьбы к концу января 1920 г. большая часть Прибайкалья была освобождена от интервентов и белогвардейцев. Лишь административный и политический центр Прибай-

калья – город Верхнеудинск продолжал находиться в руках противника. По решению Главного военно-революционного штаба с 25 по 30 января 1920 г. в с. Бичура проходил съезд представителей всего Прибайкалья, который принял резолюцию об установлении здесь советской власти.

В конце февраля 1920 г. командование партизанскими отрядами Прибайкалья и командование забайкальской группой Восточно-Сибирской армии приступили к реализации плана освобождения Верхнеудинска. 1 марта в ходе совместного наступления регулярных частей Красной Армии и партизан Верхнеудинск был освобожден, 2 марта советские

Подпольные большевистские организации и боевые группы Бурятии (1919–1920 гг.). Печатается по: Хаттаев П. Бурятия в годы гражданской войны..., с. 81.

войска и партизаны вступили в город, освободили Хилок, Могзон и вышли на подступы к Чите. Однако это не привело к восстановлению советской власти. Перед правительством РСФСР стояла задача – избежать военного конфликта с Японией.

Период активных боевых действий в Прибайкалье в годы гражданской войны завершился. В связи со сложной международной обстановкой установление советской власти на территории Бурятии затянулось. Необходимых сил для ведения войны с Японией у советской России не было. В этих условиях советское руководство приняло решение о создании формально самостоятельного, а фактически полностью управляемого из центра буферного государства.

2.3. Бурят-Монгольская автономная область Дальнего Востока

Октябрьская революция 1917 г. и начавшаяся гражданская война раскололи страну на 2 враждебных лагеря. В 1918 г. война охватила почти всю территорию России. Выступление чехословацкого корпуса, части которого растянулись по всей Транссибирской магистрали, и удары белогвардейских войск привели к падению советской власти в Сибири. Решением конференции представителей партийных и советских организаций 28 августа 1918 г. временно прекращалась борьба организованным фронтом, распускались Центросибирь и Забайкальский областной Совет.

После падения Советов на территории Сибири сформировалось несколько региональных буржуазных правительств, которые на совещании в Уфе в сентябре 1918 г. образовали так называемую Директорию. Власть Директории была непродолжительной и сменилась военным режимом адмирала Колчака. В Забайкалье при поддержке японских войск власть захватил атаман Семенов. Общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Восточной Сибири и Забайкалье в результате перечисленных обстоятельств, отличалась крайней сложностью.

В борьбе за власть враждующие силы пытались привлечь на свою сторону коренное население, но буряты были далеки от целей борющихся сторон – как красных, так и белых, – поскольку эти цели были не вполне понятны и во многом противоречили их национальным интересам. Частая смена власти, политических курсов и лозунгов негативно

влияла на практическую работу по формированию национальной бурятской автономии. Родовые верхи, духовенство и национальная интеллигенция в лице Бурнацкома, избранного на I общебурятском съезде в 1917 г. и ставшего официальным органом управления бурят в период гражданской войны, в своей деятельности исходили из общественно-политической обстановки и проводили противоречивую политику: с одной стороны, провозглашая нейтралитет и отказ от участия в вооруженной борьбе, с другой – лавируя и идя на компромиссы с находившимися у власти силами, используя сложившуюся ситуацию для создания национальной автономии. С этой целью Бурнацком пошел на сотрудничество с пришедшим к власти в Забайкалье атаманом Семеновым. Стремясь упрочить собственные позиции, он не мог не учитывать реальную силу его власти. Лидеры комитета понимали, какую опасность для формирования национальной автономии представляет конфронтация с этой властью, и потому пошли на компромисс и сотрудничество с ней. Бурнацком объединился с бурятским отделом Правительства Забайкальской области и на состоявшемся 20–24 ноября 1918 г. Верхнеудинском съезде был переименован в Народную думу бурят Восточной Сибири – Бурнардуму. Являясь фактически преемницей Бурнацкома, Бурнардума вынуждена была, учитывая складывавшиеся обстоятельства, отступать от некоторых, ранее продекларированных принципов своей политики.

С началом гражданской войны Бурнацком провозгласил нейтралитет и отказ от вооруженной борьбы и с этой целью пытался не допустить мобилизации бурятского населения в Красную Армию. Однако с приходом к власти атамана Семенова, в нарушение нейтралитета, Бурнардума стала создавать аймачные отряды Улан-Цагда для охраны и защиты бурятских земств. Примером тому может служить сформированный под руководством члена Бурнардумы Н. Дамдинова и при участии Агинской аймачной управы карательный конный отряд.

К началу 1919 г. окончательно оформилась идея объединения монгольских народов в единое государственное образование, давно витавшая в умах радикальной интеллигенции и впервые изложенная в программе «крайних народников» в 1905 г. Возрождение этой идеи в тот период было не случайным, а связанным с ходом и некоторыми результатами национального движения.

К началу этого же года был достигнут определенный рубеж в строительстве национальной автономии. На обособленной территории бурятских ведомств около двух лет под руководством Бурнацкома действовали органы национального самоуправления. В 1918 г. они были признаны советской властью, а затем и правительством Забайкальской области атамана Семенова как органы самоуправления бурятского народа. Тем самым цели национального движения, среди которых основной было обретение национальной автономии, к 1919 г. в основном формально были достигнуты. Вместе с тем отчетливей стали видны и трудности на пути национального строительства. Длительный период пребывания в составе Российского государства оказал большое влияние на бурятский народ, который приобщился к европейским культурным ценностям. В то же время колониальная политика царизма, особенно в конце XIX – начале XX в., приведшая к увеличению численности русского населения и лишившая бурят части их земель, вызывала частые конфликты на национальной почве. С развитием экономики в начале XX в. родовая бурятская община все более теряла родоплеменной характер, постепенно превращаясь в территориальную общность – административную единицу. С распадом родовой общины, при «чересполосице» русских и бурятских земель и крайне низкой плотности населения наметилась тенденция к растворению бурят как этноса, что особенно было заметно в Иркутской губернии.

В этих условиях лидеры национального движения, возглавившие к тому времени Бурнацком, встали перед выбором путей дальнейшего развития автономии: строить ли ее в рамках российской государственности и в зависимости от нее, при доминировании иноязычного большинства с его культурой, или попытаться создать единую общемонгольскую государственность в объединении с родственными монголоязычными народами.

Неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках Российского государства, раздираемого в тот период классовой борьбой и гражданской войной, склонила чашу весов в пользу идеи обретения собственной государственности. Предполагалось, что это будет достигнуто путем объединения монголоязычных народов, идея которого зародилась в начале XX в. в национальном движении бурятского народа. У ее истоков стояли представители радикально настроенной бурятской

интеллигенции Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино. Лидерами национального движения являлись также видные бурятские деятели М. Н. Богданов, Б. Б. Барадин, Г. Ц. Цыбиков, С. Б. Цыбиктаров, Ц. Ц. Ранжуров, Д. С. Сампилон. Активное участие в нем принимали А. Н. Доржиев, Б. В. Вампилон, Ц. А. Асалханов, И. И. Тунуханов, П. Н. Дамбинов, В. Е. Егоров, И. Г. Салтыков, Г. Ринчино и др. Окончательно оформившаяся идея была изложена Ц. Жамцарано. Суть ее заключалась в следующем: объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство, независимое от влияния Японии, Китая и России и придерживающееся нейтралитета по типу Швейцарии¹.

Попытками на деле реализовать идею создания общемонгольского государства были 2 конференции, одна из которых состоялась в феврале 1919 г. в Чите. Конференция проходила под председательством нейсе-гэгэна (князя) Внутренней Монголии Ничи-Тойна Менду Баира, открывшего заседание краткой речью, в которой он указал, что во времена Чингис-хана все монгольские племена представляли одно целое, а затем, с ослаблением монголов, часть их подпала под власть Китая, часть – под власть России. Князь отметил, что в настоящее время представляется удобный момент для нового объединения всех монгольских племен в одно государство². Конференция постановила образовать Великомонгольское государство, в состав которого на правах федерации должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. Было избрано временное правительство, получившее название Даурского, поскольку его временной резиденцией была ст. Даурия в Забайкалье. В конференции приняли участие 16 человек, в качестве гостей присутствовали атаман Семенов и майор японской армии Судзуки.

Отсутствие сведений о каких-либо практических действиях сторонников этой идеи и ход дальнейших событий дают основание предполагать, что она не нашла в тот момент благодатной почвы для своего практического воплощения и оказалась ото-

¹ Правда Бурятии. – 1992. – 5 авг.

² Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). – Улан-Удэ, 1991. – С. 35.

*Адмирал А. В. Колчак
(1873–1920)*

рванной от реальной жизни.

Идеи панмонголизма импонировали военным кругам Японии, которые преследовали собственные цели — завладеть Забайкальем и Дальним Востоком. Для их достижения в борьбе с большевиками они поддерживали любые сепаратистские проявления различных политических сил, начиная с атамана Семенова и

кончая панмонголизмом бурят. Но у милитаристов имелись серьезные оппоненты в лице буржуазно-либеральных кругов, которые в рассматриваемый период имели перевес в правительстве Японии, что в результате и повлияло на ее официальную точку зрения.

Осенью 1920 г. окончательно стало понятно, что идея Г. М. Семенова по созданию федеративного Великомонгольского государства не имеет будущего. Для барона Унгерна, который в течение 1918–1920 гг. находился в тени забайкальского атамана, настал звездный час. Он видел выход из создавшегося положения во Внешней Монголии, которая с 1919 г. была оккупирована китайским экспедиционным корпусом. Китайцы арестовали Богдо-гэгэна, который был символом монгольской независимости, что вызвало справедливое возмущение халха-монголов.

В феврале 1920 г. Азиатская дивизия освободила Ургу от китайцев. Барон Р. Ф. Унгерн возвратил Богдо-гэгэну монгольский престол, вернул в прежние должности бывших царских советников для оказания помощи в укреплении монгольской государственности. На короткий период барон Р. Ф. Унгерн превратился в национального героя монголов, а его романтическая мечта о Срединном государстве стала казаться близкой к воплощению. Однако стремления барона Р. Ф. Унгерна создать панмонгольское государство в его собственном представлении не увенчались успехом.

Неудавшиеся попытки реализовать идею создания собственной государственности монголоязыч-

ных народов на практике повлияли на дальнейшие планы создания автономии. Бурнацком, преобразованный в свое время в Бурнардуму, вынужден был продолжить начатое строительство автономии самостоятельно, в зависимости от складывавшейся в то время в Забайкалье обстановки. Дальнейшее формирование национальной автономии шло под непосредственным влиянием внешне- и внутривосточной обстановки в стране. Успешное продвижение частей Красной Армии на восток усилило сопротивление режиму Колчака в Восточной Сибири. В январе 1920 г. значительная часть Иркутской губернии была освобождена от колчаковских войск. 7 марта части Красной Армии вступили в Иркутск. Иркутская губерния и западная часть Забайкалья были полностью освобождены.

Восстановление советской власти в Восточном Забайкалье и на Дальнем Востоке, в связи со сложившейся военной и международной обстановкой, затянулось. Достаточных сил для ведения войны с Японией у Советской России не было. В этих условиях было решено создать на Дальнем Востоке формально самостоятельное, фактически же полностью управляемое из центра буферное государство. Официальное начало образованию Дальневосточной республики было положено в Верхнеудинске 28 марта 1920 г. на Учредительном съезде трудящихся Прибайкалья.

После ухода японских войск из Забайкалья, разгрома частей атамана Семенова, оставшихся без японской поддержки, и освобождения Читы в октябре 1920 г. разрозненные дальневосточные области были объединены в единую республику — ДВР.

С образованием Дальневосточной республики буряты оказались разделенными: четыре аймака с бурятским населением Иркутской губернии вошли в состав РСФСР, а четыре бурятских аймака Восточного Забайкалья — в ДВР. С этого времени началось становление бурятских автономий в двух государственных образованиях.

После образования ДВР бурятское население получило возможность открыто поставить на обсуждение вопросы национального самоуправления. 16 марта 1920 г. в Верхнеудинске состоялось совещание представителей бурят освобожденных аймаков Восточного Забайкалья, на котором был создан временный народно-революционный комитет для руководства национально-освободительным движением бурят Забайкалья, организации местных революционных органов управления (ревкомов)

в аймачных и хошунных центрах и созыва съезда представителей бурят. Лидеры национального движения активно использовали совещания и встречи с бурятским населением на разных уровнях для последовательной пропаганды идей автономии.

С 23 мая по 3 июня 1920 г. в Верхнеудинске проходил съезд представителей бурят Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков, на котором был создан Бурят-Монгольский народно-революционный комитет (Бурнарревком) как руководящий национальный орган. В резолюции, принятой съездом, излагалась концепция национального строительства и направления дальнейшей работы. Съезд высказался за необходимость сохранения аймаков и хошунов как национальных административно-территориальных единиц. В резолюции съезда по аймачному вопросу была дана характеристика социально-классового состава бурятского общества, в которой категорически отрицалось наличие внутри него классовой борьбы: «... социальный состав бурят-монгольского народа характеризуется колоссальным преобладанием среднетрудового и беднейших элементов и почти полным отсутствием класса эксплуататоров, класса национальной буржуазии... При таком положении вещей, разумеется, не может быть и речи о классовой борьбе и классовой дифференциации бурят-монгольского народа»¹. В постановлении съезда подчеркивалась готовность бурятского народа отстаивать свои национальные чаяния и завоевания в области самоуправления, школьного дела и суда: «Для нас, бурят-монголов Восточной Сибири, сохранение и укрепление ныне существующих национальных организаций настолько дороги и ценны, что без них немыслимо дальнейшее бытие и свободное наше существование, а потому за них мы будем всеми мерами бороться и бороться в полном сознании своей правоты и окрыленные силой этой правоты»².

Съезд высказался за желательность объединения восточных (забайкальских) и западных (иркутских) бурят в одну автономную единицу. Стремясь к той же цели (объединению западных и восточных бурят), Бурнарревком принял решение ходатайствовать перед СНК РСФСР о присоединении к ДВР не

Барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг

только Забайкальской области, но и Иркутской губернии.

После съезда деятельность лидеров национального движения заметно активизировалась. Наряду с Бурнарревком на местах были созданы народно-революционные комитеты, которые занялись вопросами сбора в бурятских аймаках продовольствия для населения и армии, поставкой подвод на военные нужды, мобилизацией людей и организацией охраны общественной безопасности.

С освобождением всей территории Забайкалья Правительство ДВР, а вслед за ним и Бурнарревком были переведены из Верхнеудинска в Читу. Бурнардума, существовавшая в Чите при атамане Семенове, объявила о своем роспуске.

После образования ДВР лидеры Бурнарревкома все более настойчиво ставили перед правительством республики вопросы национального самоопределения бурятского народа. Они требовали немедленного признания аймаков уездными организациями, а Бурятского нарревкома – центральным органом бурят Дальнего Востока³.

Позиция Правительства ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) в отношении созданных и функционировавших органов национального самоуправления, а так-

¹ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). – Улан-Удэ, 1972. – С. 264.

² Там же.

³ НАРБ, ф. 287, оп. 12, д. 22, л. 115, л. 2.

же требований Бурнарревкома о предоставлении автономии целиком зависела от указаний и директив центра. Такой директивой и стало принятое 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановление «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами»¹.

Переориентация на Восток и осуществление на практике идеи мировой революции в 1920 г. привели к определенным осложнениям в национальной политике РКП(б). Понимание необходимости изменения тактики и поиска компромиссов в национальном вопросе явилось одной из причин появления постановления Политбюро от 14 октября 1920 г. Были и другие причины принятия этого документа, в частности пунктов 3 и 4 – об автономии бурят-монголов. Забайкалье – бывшая национальная окраина, как пограничная область, в свое время имела для внешней политики Российской империи стратегическое значение, которое еще более возросло к 1920 г. в связи с переориентацией развития мировой революции на Восток.

Постановление ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», согласно которому признавалась необходимость предоставления прав автономии только бурят-монголам Забайкалья, отводило будущей автономии на границах Монголии и Китая роль плацдарма для развития мировой революции на буддийском Востоке.

Исполняя директиву ЦК в отношении автономии калмыков, Наркомнац уже 16 октября, т. е. через 2 дня после принятия постановления, внес в Совнарком РСФСР 3 проекта декрета об образовании автономных областей – Вотской (Удмуртской), Калмыцкой и Марийской². Что касается бурят-монголов, то прямые директивы в постановлении были даны не Наркомнацу, а только Наркоминделу: «...снестись с правительством дружественной Дальневосточной Республики по поводу проведения такой же меры по отношению к бурят-монголам»³. Речь шла о бурятах Забайкалья, находившихся под юрисдикцией ДВР. В отношении бурят, находившихся под юрисдикцией РСФСР в Иркутской губернии, где было 5 аймаков с бурятским населением, указаний в постановлении не было.

Отсутствие прямых директив Наркомнацу относительно иркутских бурят надолго затормозило процесс образования автономии бурят Иркутской губернии. Иркутский губком РКП(б) обсудил постановление Политбюро ЦК лишь 2 февраля 1921 г. (через 3 месяца после его принятия) и решил: «Ввиду отсутствия прямых директив Наркомнаца и Наркоминдела, признать необходимым предварительное обсуждение данного вопроса в Сиббюро ЦК РКП(б)... Через губисполком поручить национальному отделу заняться разработкой этого вопроса»⁴.

Принятие постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 14 октября 1920 г. было обусловлено необходимостью изменения тактики и поиска компромиссов в решении национального вопроса. Третий и четвертый пункты этого постановления были тем самым компромиссом и изменением тактики. С реализацией этих пунктов, с одной стороны, открывалась возможность создания в форме бурятской автономии своеобразного плацдарма для развития мировой революции на буддийском Востоке, а с другой – удовлетворялись требования бурят о предоставлении им национальной автономии.

В середине ноября 1920 г. Бурнарревком выдвинул вопрос о выделении бурят, проживавших на территории ДВР, в автономную единицу и признании аймаков, хошунов и сомонов национальными административными единицами на местах. Цели Бурнарревкома были четко сформулированы в одном из обращений к населению: «Бурятский народный Революционный комитет, избранный общепурятским съездом, ставит своею святой задачей сохранение, укрепление и развитие самоуправления бурятского народа, защиту его от посягательств на его культуру, его быт, его жизнь. Члены Бурнарревкома в своей работе руководствуются только этим... Ближайшею своею задачей Бурнарревком ставит объединение всех бурят Дальнего Востока в одну область, возглавляемую особым Министерством туземных дел – конечной своей целью он ставит достижение автономии бурят»⁵. Этот вопрос обсуждался на совещании представителей аймаков и хошунов Забайкальской области, проходившем с 9 по 12 декабря 1920 г. в

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 115, л. 2.

² История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1979. – М., 1979. – С. 185.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 115, л. 2.

⁴ Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. – Улан-Удэ, 1964. – С. 50.

⁵ НАРБ, ф. Р-485, оп. 1, д. 2, л. 75.

Члены коммунистической фракции Верхнеудинского Прибайкальского народного собрания. Во 2-м ряду 1-й справа – П. Н. Постышев, уполномоченный правительства ДВР по Прибайкальской области в 1921–1922 гг.

Чите. На нем был заслушан доклад о деятельности Бурятского нарревкома и рассмотрен вопрос об организации в Кижингинском Ходунском дацане особой «архивной» комиссии, к участию в которой были привлечены «научные силы» и специалисты по разработке вопросов бурят-монгольской автономии.

Совещание постановило добиваться от правительства ДВР создания областного бурят-монгольского учреждения с административно-хозяйственными функциями и особого ведомства по делам национальных меньшинств – Министерства туземных дел при правительстве¹. Бурнарревком добился организации издания газеты «Голос бурят-монгола», первый номер которой вышел 24 декабря 1920 г. С началом издания газеты у Бурнарревкома открылись возможности расширения пропаганды идей бурятской автономии и постановки вопросов самоопределения бурят перед правительством республики.

17 января 1921 г. правительство ДВР признало аймачные, хошунные и сомонные народно-

революционные комитеты органами национального самоуправления. Министерство финансов обязывалось субсидировать их в общем порядке, «...включая в единую систему административных органов Республики»².

Однако решением правительства автономия в областном масштабе не была установлена, и поэтому Бурнарревком не имел всей полноты власти на территории бурятских аймаков. В этот период он проводил, главным образом, мероприятия по культурно-национальному строительству и занимался подготовкой материалов по организации Бурят-Монгольской автономной области к предстоящему Учредительному собранию ДВР.

Собрание открылось в Чите 12 февраля 1921 г. Оно обнародовало акт об образовании ДВР и 27 апреля 1921 г. приняло Конституцию ДВР, в которой определялись основные принципы государственного устройства республики. По Конституции ДВР, «...всем туземным народностям на территории республики предоставля(лось) право на широкое самоопределение», под которым понималась

¹ Голос бурят-монгола. – 1920. – № 1.

² НАРБ, ф. Р-485, оп. 1, д. 1, л. 80а.

культурно-национальная автономия национальных меньшинств и административная автономия бурят-монгольской народности¹. Вся территория, занятая бурятами, выделялась в особую Бурят-Монгольскую автономную область, население которой подчинялось общим законам республики, а в пределах своей области было самостоятельно в сфере организации суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни. Автономная область в пределах компетенции должна была управляться областным собранием уполномоченных, избравшим исполнительный орган – областное управление, через которое должны претворяться в жизнь все законы, распоряжения и постановления правительства, имеющие общегосударственное значение.

В ходе работы Учредительного собрания возникли острые противоречия в разрешении аграрных вопросов. Бурятская фракция в декларации, обнародованной при созыве Учредительного собрания, выдвинула требование немедленного принятия мер «...к радикальному уничтожению в законодательном порядке земельной чересполосицы между бурятами и русскими путем переселения за счет государства...»², считая невозможным иное разрешение аграрного вопроса. Наряду с этим в декларации выдвигались требования о том, чтобы государственная монополия на сырье и пушнину не распространялась на бурят и чтобы право самостоятельного регулирования правил торговли, установления связи с иностранным рынком для сбыта сырья и пушнины, приобретения предметов потребления и развития промышленности было предоставлено центральному управлению бурят.

Эти требования не были удовлетворены большинством Учредительного собрания. Тогда бурятские депутаты после окончания его работы объявили себя Учредительным съездом Бурят-Монгольской автономной области ДВР, на котором, распустив Бурнарревком, образовали Временное управление Бурят-Монгольской автономной области (Бурмонавтоупр) Дальнего Востока. Аймачные и хошунные нарревкомы были также преобразованы в соответствующие управления.

Съезд поручил Временному областному управлению «...созыв съезда уполномоченных бурят-монгольского трудового народа...» к 1 июля 1921 г. и

«...разработку проектов о создании на местах аппаратов – судебного, административно-хозяйственного и культурно-национальных учреждений, в соответствии с общей Конституцией ДВР»³.

18 августа 1921 г. постановлением правительства ДВР существующему Временному управлению до создания областного управления Бурят-Монгольской автономной области предоставлялись права областных управлений республики. По этому постановлению Временное управление стало официальным органом Бурят-Монгольской автономной области.

Президиум Бурят-Монгольского автономного управления обратился к бурят-монгольскому населению с «актом объявления» создания Бурят-Монгольской автономной области, в котором сообщалось: «Рождается автономная область Бурят-Монгольская Дальнего Востока. Слабый телом и числом, но сильный духом, бурят-монгольский народ долгие годы боролся за свое элементарное право на свободное существование, за возможность самому строить свою жизнь, за автономию... То спотыкаясь, то падая, бурят-монгольская народность боролась и боролась в полной надежде, что придет тот светлый день, когда ее свободное автономное существование претворится в жизнь. Эта надежда сбывается»⁴.

Учитывая ходатайства Бурмонавтоупра, в конце ноября 1920 г. правительство ДВР приняло «Обращение Правительства ДВР к бурят-монголам, живущим на территории Внешней Монголии», в котором говорилось: «Всем бурят-монголам, проживавшим в Монголии, предоставляется право возвращения на покинутые ими родные места, при этом им гарантируется... полная личная неприкосновенность... и их имущества...»⁵

В 1920-е гг. в Монголии в качестве эмигрантов проживало около 18 тыс. бурят⁶. Их возвращение на родину имело большое значение для повышения авторитета ДВР на внешнеполитической арене и укрепления внутреннего положения республики. В ответ на это обращение часть бурят возвратилась в Забайкалье, часть осталась в Монголии.

³ Там же, с. 148.

⁴ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 273.

⁵ НАРБ, ф. Р-485, оп. 1, д. 1, л. 7.

⁶ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 325.

¹ Образование Бурятской АССР... – С. 99.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. – Улан-Удэ, 1959. – С. 147.

В создаваемой Бурят-Монгольской автономной области ДВР не было сплошного массива расселения бурят. Она состояла из обособленных территорий проживания бурятского населения в рамках бывших бурятских ведомств, перемешанных с территориями, занятыми русскими. Аймаки и хошуны, образованные из бурятских улусов, были расположены чересполосно с уездами и волостями Прибайкальской губернии и Забайкальской области. Такая «чересполосица» служила источником различного рода недоразумений между местными органами власти при отбывании повинностей и установлении общественного порядка (милиция, судопроизводство и т. д.).

В тот период объединение таких национально ограниченных административно-территориальных бурятских единиц – аймаков и хошунов в единую территорию не представлялось возможным, и наиболее реальным было использование более гибких форм объединения, соответствовавших действительности. Такой формой стала культурно-национальная автономия. Лидеры национального движения в поиске оптимального пути автономного строительства в 1917–1920 гг. стали ее сторонниками.

В процессе строительства национальной автономии Временное управление Бурят-Монгольской области столкнулось с сопротивлением со стороны антиавтономистского движения против создававшейся бурятской автономии, известного как теократическое или балагатское. Поводом для движения в 1918–1919 гг. стала мобилизация бурятского населения в Улан-Цагду (национальную гвардию), против которой выступили балагаты. В ответ на обращение к ламе Л.-С. Цыденову, находившемуся в затворничестве с 1898 г. и почитавшемуся среди бурят наместником бога на земле, было получено духовное благословение на отказ от службы и на борьбу. Было создано теократическое государство во главе с ним.

Целью балагатского движения была проповедь в среде бурятского духовенства ухода из официальных монастырей-дацанов, где, по мнению сторонников Л.-С. Цыденова, учение Будды изучалось в искаженном виде, и образования в безлюдных местах новых общин, для которых первостепенное значение должна иметь тантрическая традиция знаменитых индийских махасиддхов, живших в средние века¹.

Глава теократического государства Л.-С. Цыденов

Протесты балагатов, имевшие «идейную» основу и усиленные религиозным фанатизмом, вылились в движение, которое в течение 1-й половины 1919 г. охватило почти все сомоны Бодонгутского и Цаганского хошунов Хоринского аймака. Проект теократического государства обсуждался на Учредительном собрании 6 мая 1919 г. Собрание избрало должностных лиц государства – министров, их заместителей, создало своеобразную систему правления. В апреле–мае 1921 г. движение теократов активизировалось и привело к выделению нескольких сомонов Бодонгутского и Хальбинского хошунов Хоринского аймака из состава автономной области.

Постепенно теократическое движение в ДВР расширялось, охватывая все новые и новые сомоны и хошуны. Собрание теократов Цаганского хошуна Хоринского аймака постановило: «...бурятская автономия нам не нужна. Эту автономию мы рассматривали как базу и гнездо наших врагов». Руководители центрального управления теократов

¹ Независимая газета. – 1999. – 28 янв.

М. Н. Ербанов (1889–1938), первый секретарь Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) в 1928–1937 гг.

в докладной записке писали: «...население порешило организовать самостоятельную административную единицу *ямон* из всех отделившихся сомонов на основах национального самоопределения и самоуправления на местах»¹. Теократы добивались санкционирования основанной ими системы административного управления. Одновременно они создавали вооруженные отряды, нападали на бурятские улусы, где жили сторонники автономии, арестовывали их, разоружали милицию.

Для ликвидации теократического движения правительством ДВР была создана специальная комиссия. Однако, несмотря на принимаемые меры, движение, чуть угаснув, возрождалось вновь. Его лидеры не подчинились требованиям правительства ДВР прекратить антиавтономистские действия и апеллировали к Народному собранию ДВР, состоявшемуся 3 декабря 1921 г. Уполномоченные теократов представили собранию свою петицию, в которой сообщали, что они, сохраняя за собой право на самоуправление, образовали не подчиненное Бурят-Монгольскому автономному управлению собственное административное управление, объе-

динившее около 30 обществ с населением более 16 тыс. чел., и требовали его утверждения. Собрание отклонило это требование, что вызвало очередную волну теократического движения, охватившую новые районы Восточной Бурятии.

Правительство ДВР особым циркуляром от 20 января 1922 г. разъяснило, что «никакое выделение каких-либо групп из состава автономной области не может быть допущено, и разрешение местным властям таковых выделений является противозаконным»². По указанию правительства и президиума Бурят-Монгольского автономного управления в Чите были арестованы уполномоченные теократов. Но, несмотря на принятые меры и предупреждения правитель-

ства, теократическое движение продолжалось.

Лишь в мае 1922 г. совместными усилиями правительства ДВР, Бурят-Монгольского автономного управления и Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) движение теократов удалось в основном ликвидировать.

Балагатское движение, имевшее религиозную и сепаратистскую направленность и негативно отразившееся на создании бурятской автономии, в то же время являлось показателем роли религиозного фактора в жизни бурятского общества начала 1920-х гг., а также свидетельством многообразия поиска форм самоопределения бурятского народа.

В соответствии с решением Учредительного съезда Временное областное управление начало подготовку к первому Национальному собранию Бурят-Монгольской автономной области ДВР, сроки созыва которого были перенесены с 1 июля на середину сентября. В этот период развернулась острая борьба за власть в автономной области между представителями национального движения и большевиками.

Большевистское влияние на бурятские массы в начале гражданской войны было слабым, поскольку

¹ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 293.

² Там же, с. 294.

*Э.-Д. Ринчино
(1885–1937),
бурятский
национальный
демократ,
общественно-
политический
деятель*

*М. И. Амагаев
(1897–1938),
председатель
ЦИК БМАССР*

ку численность большевиков в Иркутской губернии из-за отсутствия социальной базы среди бурят была незначительной, их практически не было среди бурят Забайкалья. Подтверждением тому является оценка одного из первых руководителей БМАССР М. Н. Ербанова, данная им в брошюре «Пять лет автономии Бурятии»: «Коммунистическая организация (ячейка) тогда в Бурятии была очень слаба и малочисленна и играть роль вождя – руководителя трудовых масс не могла...»¹

С восстановлением советской власти в Восточной Сибири при Иркутском губкоме РКП(б) была создана Бурсекция, которая по предложению Дальбюро ЦК РКП(б) взяла на себя пропаганду линии партии среди населения и в руководящих органах Буравтообласти ДВР.

Бурсекция приступила к массово-политической работе среди бурятского населения ДВР «по разоблачению буржуазных националистов» Временного областного управления. Для принятия этих мер в ДВР были направлены большевики М. Амагаев, К. Ильин и Ф. Павлов.

На заседании президиума Бурмонавтоупра 28 июля 1921 г. М. Амагаев от имени Бурсекции сообщил о ее готовности оказать реальную помощь Бурмонавтоупру и предложил ввести в президиум управления коммунистов. После некоторых колебаний это предложение было принято. Состав президиума был расширен, в него вошли Ш. Шагдарон и члены Бурсекции К. Ильин и Ф. Павлов². С этого

времени началось оттеснение лидеров национального движения от власти в Бурмонавтоупре и от участия в строительстве национальной автономии.

Первое Национальное собрание Бурят-Монгольской автономной области ДВР проходило в Чите с 12 октября по 3 ноября 1921 г. Активная пропагандистская работа коммунистов Бурсекции против «буржуазных националистов» в ходе подготовки к первому Национальному собранию дала «положительные» результаты. Политика руководства Временного областного управления, особенно ее нейтралитет, подверглась на собрании резкому осуждению.

Первое Национальное собрание избрало областное управление Бурят-Монгольской автономной области, в составе которого ведущую роль стали играть коммунисты. Представители национального движения были отстранены от руководства. Председателем президиума Управления был избран М. Амагаев, заместителем – Э.-Д. Ринчино.

Новое руководство автономной области столкнулось с рядом проблем. Административные единицы и аппарат Управления приходилось создавать заново. Отсутствовали национальные кадры работников, русские же для работы в местном аппарате не привлекались, что вытекало из самого принципа организации аймаков и хошунов по чисто национальному признаку. Проблему частично удалось решить, лишь издав закон о мобилизации бурятской интеллигенции на общественные работы в органах самоуправления, применяя при этом и меры принуждения³.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 54, л. 73.

² Барганова А. А. Образование Бурятской Автономной... – С. 70.

³ Там же, с. 71.

В ходе строительства автономной области была создана система органов управления и власти. Высшим органом государственной власти в Бурят-Монгольской автономной области ДВР было признано Национальное собрание уполномоченных, избравшихся на основе всеобщего избирательного права. Национальное собрание должно было созываться на сессии – очередные и экстренные. Сроки очередных сессий назначались Национальным собранием по его усмотрению, но не реже двух раз в год.

В компетенцию Национального собрания входило: 1) распоряжение всем земельным фондом области; 2) местное бюджетное право, установление местных налогов, сборов, пошлин и повинностей, оформление разного рода займов; 3) организация народного хозяйства автономной области; 4) законодательство по организации народного просвещения; 5) организация местного национального суда; 6) избрание Центрального управления Бурят-Монгольской автономной области; 7) высший контроль над деятельностью всех органов автономного управления.

Национальное собрание руководило автономной областью через Центральное управление, которое являлось высшей исполнительной властью Бурят-Монгольской автономной области. В круг его ведения входили: 1) высший надзор и руководство деятельностью всех местных органов власти и управления области и подчиненных им лиц и учреждений; 2) проведение в жизнь наказов и постановлений правительства, касающихся автономной области; 3) исполнение всех решений и постановлений Национального собрания Бурят-Монгольской области, проведение в жизнь издаваемых им законов; 4) представительство Бурят-Монгольской области в ее сношениях с центральной властью ДВР и во всех других надлежащих случаях. Центральное управление отчитывалось в своих действиях перед Национальным собранием.

Органом государственной власти в аймаке было аймачное собрание, в пределах хошунов – хошунное собрание уполномоченных, в сомоне – сомонное собрание граждан, обладавших избирательным правом. Сомонное собрание действовало через сомонных зайсанов.

Первые итоги автономного строительства были подведены на 2-й сессии Национального собрания, состоявшейся в июне 1922 г. в селе Додо-Анинское Хоринского аймака. Национальное собрание заслу-

шало отчетный доклад Центрального управления автономной области, с которым выступил его председатель М. Амагаев.

Сессия Национального собрания рассмотрела и утвердила законоположения о трудовой школе, о налогообложении и др. Заслушав доклад административной комиссии об изменении административного деления области, собрание утвердило план членения области, сокращения сомонов.

При Центральном управлении были сформированы президиум, секретариат и отделы: административный, финансовый, народного образования, здравоохранения, земельный, ветеринарный, торговли и сбыта, военный, судебный, налогового присутствия, управление милиции (инспекция милиции). Во 2-й половине 1922 г. был создан революционный трибунал и народный контроль. Создание системы органов власти и управления проходило с определенными трудностями, формирование некоторых отделов тормозилось задержкой санкций соответствующих инстанций правительства ДВР. В результате реорганизации автономной области 26 хошунов были объединены в 10, а 200 сомонов – в 160. В Баргузинском и Чикойском аймаках хошуны были упразднены.

2.4. Национально-государственное строительство: образование Бурят-Монгольской автономной области РСФСР

После восстановления советской власти в Иркутской губернии в 1920 г. и образования ДВР общественно-политическая обстановка изменилась коренным образом. Связь Иркутского национального комитета с Бурнацкомом нарушилась, что негативно отразилось на его возможностях самостоятельно возглавить строительство автономии. Политика новой власти значительно расходилась с той, что пытался проводить Национальный комитет, избравший мирный конституционный путь защиты национальных прав бурят и создания автономии. Возросла активность бурятских коммунистов как представителей правящей партии. Они взяли курс на расширение своего влияния и своей социальной базы среди бурят путем форсирования процесса классовой дифференциации в бурятском обществе и искусственного стимулирования классовой борьбы внутри него.

Первоначально бурятские большевики входили в состав Иркутского национального комитета.

Однако с возникновением трений с Центросибирью, потребовавшей полной определенности в отношении к советской власти, часть членов комитета – большевики М. Ербанов, Г. Данчинов, левые эсеры М. Забанова и И. Рампилун – в марте 1918 г. вышли из его состава¹, после чего их борьба с так называемыми «буржуазными националистами» приняла открытый характер. Центральным в этой борьбе стал вопрос о самоопределении бурятского народа.

В ноябре 1919 г. собрание коммунистов-бурят Иркутска объявило себя Бурятской секцией Иркутской организации РКП(б)², после чего они направили свою деятельность на усиление большевистского влияния среди бурятского населения, подерживавшего в то время Национальный комитет.

Из-за отсутствия широкой социальной базы – промышленного пролетариата (в то время бурят и эвенков среди рабочих насчитывалось всего несколько десятков человек, и те, за редким исключением, были временными)³ – бурятская группа коммунистов вынуждена была искать опору в бедняцкой среде крестьянства, т. е. сельского пролетариата. Эта прослойка даже в 1921–1922 гг. была очень «тонкой»: наемные рабочие составляли 3,2 %⁴.

Курс, взятый бурятскими коммунистами, полностью соответствовал линии Иркутского губкома РКП(б), который в июле 1920 г. дал поручение Бурсекции «провести в аймаках строго классовую линию», а также признал «желательным», чтобы Бурсекция дала заключение «по вопросу о бурятской национально-культурной автономии» и высказала свое мнение о Бурнацком⁵.

Еще в феврале 1920 г. Иркутский национальный комитет предложил Бурсекции сотрудничество, однако коммунисты отвергли это предложение. Не решившись ликвидировать Национальный комитет, Бурсекция направила свои усилия на вытеснение его представителей из органов самоуправления и перестройку управления аймаками и хошунами по советскому типу. Нацком, имевший

слабую организационную структуру, не был готов и не пытался активно соперничать с новым режимом, стремившимся подчинить все своей власти и контролю. В новой системе Бурнацкому не было места, и, оказавшись в политической изоляции, он самораспустился. На основе органов национального самоуправления, восстановленных в 1917 г. под руководством Нацкома, к сентябрю 1920 г. бурятские большевики создали советскую систему управления аймаками в Иркутской губернии.

Восстановление советской власти в Иркутской губернии предопределило дальнейшую судьбу Национального комитета и руководимого им национального движения. Усиленная пропаганда бурятскими коммунистами общедемократических лозунгов свободы, равенства, права наций на самоопределение, предоставления земли крестьянам и др., а также резкая критика в адрес политики Национального комитета способствовали отходу от него бурятских масс в сторону Советов.

Но с созданием советской системы управления в бурятских аймаках коммунисты не ставили на повестку дня вопрос о национальной автономии. Более того, сама необходимость автономии ими принципиально отрицалась. 24 февраля 1920 г. на заседании комитета Бурсекции РКП(б) обсуждался вопрос о его позиции в отношении к автономии бурят. В принятых по итогам заседания тезисах говорилось, что буряты логикой экономического развития обречены на ассимиляцию с русским населением. Далее в тезисах утверждалось: «...трудящиеся массы бурятского населения Иркутской губернии ...не нуждаются в национальной автономии в какой бы то ни было форме»⁶. Бурсекция полагала возможным ограничить решение национального вопроса в условиях Иркутской губернии укреплением аймаков и хошунов.

Свою линию на отрицание необходимости автономии Бурсекция пыталась провести на губернском съезде беспартийных бурят Иркутской губернии и советского Забайкалья, состоявшемся 17–26 октября 1920 г. в Иркутске. С докладом по вопросу о национальном самоопределении бурят выступил В. Трубочеев, председатель Бурсекции РКП(б). В тезисах доклада, утвержденных Иркутским губкомом партии 15 октября 1920 г., было сказано: «...при Советской власти требование автономии в какой бы то ни было ее форме со стороны бурятско-

¹ Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной... – С. 33.

² Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 49.

³ История Бурятской АССР. Т. 2... – С. 13.

⁴ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 182.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 154.

го народа при отсутствии ...объективных предпосылок, дающих бурятам возможность сохраниться и развиваться как особой единой нации, является вредным домогательством»¹. Не только Бурсекция, но и местные сибирские органы, а также Иркутский губком РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б) выступили против создания Бурятской автономной области РСФСР. Но такая позиция коммунистов по вопросу об автономии не получила поддержки делегатов съезда.

Мотивы отношения бурятских коммунистов к строительству автономной области в РСФСР и республики в дальнейшем раскрывает протокол собрания Бурсекции от 29 января 1921 г., на котором рассмотрено постановление ЦК РКП(б) от 14 декабря 1920 г. В этом документе открыто выражено понимание членами Бурсекции стратегии руководства РКП(б) в вопросе об автономии бурят-монголов и их отношение к постановлению ЦК. По докладу М. Ербанова о бурятском вопросе в протоколе собрания было записано: «...принимая во внимание, во-первых, что вопрос о выделении бурят-монголов в особую автономную единицу является вопросом предрешенным (постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 14 октября 1920 г.), о чем поставлены в известность все руководящие органы бурят-монгольского народа, и считаясь с тем фактом, что указанное постановление со стороны широких бурят-монгольских трудящихся масс, в большинстве своем националистически настроенных, может вызвать лишь сочувственное отношение и тем самым создать благоприятные условия для работы по пропаганде и укреплению среди них идей советской власти; во-вторых, что на указанное постановление обращено особенное внимание руководящими кругами бурят-монголов ДВР, где уже намечаются определенные шаги по осуществлению автономной области, принимая совершенно нежелательную для нас, коммунистов, форму, благодаря засилию эсеров и бывших сторонников атамана Семенова, и, в-третьих, что дело установления бурят-монгольской автономии диктуется, главным образом, соображениями международного характера, имеющими в данный период существования Советской власти первостепенное значение в борьбе с мировым империализмом, собрание постановило: признать постановление Центра делом

первейшей важности и немедленно приступить к подготовке материалов и созданию благоприятных условий для осуществления его в жизнь в общепурятском масштабе»².

Вопрос о выделении бурят в автономию понимался бурятскими коммунистами с позиций пролетарского интернационализма не как необходимость, продиктованная жизненными и национальными интересами широких масс бурятского народа, а как «предрешенный (постановлением ЦК...)». Оценка коммунистами широких масс как «националистически настроенных» подтверждает неверное понимание ими национальных интересов бурятского народа.

Серьезную обеспокоенность Бурсекции вызвало то обстоятельство, что руководящими кругами бурят-монголов ДВР было обращено особое внимание на постановление ЦК, а также тот факт, что в ДВР «... начинаются определенные шаги по осуществлению автономной области»³. Но больше всего бурятских коммунистов насторожило то, что эти шаги стали принимать «совершенно нежелательную» для них форму.

Обсуждение постановления ЦК на собрании Бурсекции свидетельствовало об изменении ее тактики в вопросе об автономии бурят. Решение собрания было доведено до сведения Иркутского губкома, отрицавшего необходимость бурятской автономии. Губком рассмотрел постановление ЦК лишь 2 февраля 1921 г., т. е. через 3 месяца после его принятия, и постановил: «1. Ввиду отсутствия прямых директив Наркомнаца и Наркоминдела признать необходимым предварительное обсуждение данного вопроса в Сиббюро ЦК РКП(б); 2. Просить Секвостнар (Секция восточных народов. – *Авт.*) в целях борьбы против буржуазных националистов и лжекоммунистических групп бурят ДВР довести до максимума пропаганду среди бурятского населения; 3. Поручить Бурсекции оказать Секвостнару помощь партработниками для посылки в Забайкальскую область, а также немедленно приступить к собиранию и обработке материалов для решения вопросов о конкретно мыслимых формах проведения автономии в условиях буфера (ДВР), как в Иркутской губернии»⁴.

² Образование Бур. АССР: сб. арх. док-тов. Улан-Удэ, 1964. – С. 44–45.

³ Там же.

⁴ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной го-

¹ Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной... – С. 47–48.

В решении губкома на первом месте стоит ссылка на отсутствие «прямых» директив Наркомнаца и Наркоминдела об автономии бурят РСФСР. Таких директив в постановлении ЦК и не было. Но, несмотря на то, что Бурсекция высказалась за необходимость выполнения постановления ЦК, губком не решился принять на себя решение столь серьезной проблемы как вопрос об автономии бурят.

Позиция Иркутского губкома РКП(б) в вопросе образования бурятской автономии РСФСР имела определенное влияние на процесс строительства автономной области, а позднее – Бурятской республики. Губком согласился на создание автономной области, исходя из понимания стратегических классовых установок партии и подчиняясь партийной дисциплине. Неприятие бурятской автономии диктовалось в основном местническими интересами, в которых ведущую роль играли хозяйственно-экономические и административно-управленческие факторы. Во-первых, создание бурятской автономной области и выделение ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу влекло за собой нарушение общегубернского хозяйственного механизма, в котором большое значение имели сложившиеся в течение длительного времени экономические связи бурятских аймаков и хозяйств, являвшихся основными поставщиками и производителями сельскохозяйственной, особенно животноводческой, продукции, с русскими уездами и г. Иркутском как промышленным центром губернии. Во-вторых, автономная область формировалась на территории Иркутской губернии. Наделение бурятской автономной области губернскими полномочиями выводило ее из подчинения иркутских губернских органов и требовало территориального размежевания и ломки прежнего административного устройства, создания новой структуры управления. Географически бурятские аймаки располагались в центре губернии, вокруг Иркутска, что также являлось причиной неприятия автономии иркутскими губернскими органами. Эти причины отражались на взаимоотношениях иркутских губернских органов с Буреспубликой на протяжении 14 лет ее существования и, видимо, стали одним из факторов, повлиявших на раздел БМАССР в 1937 г.

Развитие событий в 1920–1921 гг. (особенно мероприятия по строительству автономии в ДВР) требовало от местных сибирских партийных органов принятия более активных организационных

мер по созданию национальной автономии бурят РСФСР. 21 февраля 1921 г. на заседании президиума Иркутского губкома РКП(б) было принято решение об организации комиссии по сбору материалов, связанных с созданием автономии.

В партийных и советских органах Сибири обсуждался вопрос о бурятской автономии. Сибирское бюро ЦК РКП(б) рассмотрело его 28 февраля 1921 г. и вынесло решение об образовании четырех бурятских аймаков автономной области в составе Российской Федерации.

22 апреля 1921 г. на заседании президиума Иркутского губкома РКП(б) были заслушан доклад М. Ербанова «О бурятской автономии» и содоклад члена Сиббюро ЦК РКП(б) Б. Шумяцкого. В результате было принято решение: «1. Чтобы подчинить влиянию партии и организованно овладеть начавшимся среди бурят национально-автономным движением, признать необходимым немедленную организацию временного БурЦК; 2. Назначить бюро Бурсекции в составе Ильина, Трубочеева и Ербанова, возложив обязанности секретаря на последнего; 3. Обязать коммунистов во временном ЦК в спешном порядке разработать вопрос об организационно-административных формах Буреспублики, Иркутской губернии и Советского Прибайкалья и командировать председателя в Москву для утверждения в Наркомнац. Настоящее постановление представить на утверждение в Сиббюро ЦК РКП(б)»¹.

Судя по этому решению, создание ЦК бурят-монголов должно было обеспечить партии политическое и организационное руководство национально-автономистским движением бурят, которое зародилось и развивалось под эгидой Национального комитета.

Бурсекция и ЦК бурят-монголов взяли на себя всю подготовительную работу по созданию автономной области бурят-монголов и приступили к изучению историко-справочных, экономико-статистических, картографических данных, составлению проекта статуса будущей автономной области и комплектации технического аппарата. В июне 1921 г. ЦК принял специальное обращение к трудовому бурятскому народу, в котором разъяснялись идеи бурятской советской автономии и цели национальной политики советской власти. С 5 по

¹ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 120.

10 июня в Иркутской губернии проходили уездные и аймачные съезды Советов, на которых наряду с другими важными вопросами обсуждался вопрос об автономии. Этот вопрос получил освещение и на страницах газеты «Власть труда», где были опубликованы статьи М. Сахьяновой «К вопросу о бурят-монгольской автономии», М. Амагаева «О центральном комитете бурят-монгол Восточной Сибири», М. Сагадаровой «О работе среди бурят» и др.

2 сентября 1921 г. ЦК бурят-монголов принял решение о созыве учредительного съезда бурят-монголов РСФСР и создании Бурятского революционного комитета до созыва съезда.

Для рассмотрения вопросов образования бурятской автономии был созван Учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири, который проходил с 28 октября по 5 ноября 1921 г. На съезд прибыли 187 делегатов, среди них 30 членов и 6 кандидатов в члены РКП (б). Были рассмотрены вопросы текущего момента, национальной политики советской власти, выделения бурят в автономную область, новой экономической политики, земельной политики советской власти, постановки дела народного образования и помощи голодающим. Делегаты высказались за административную автономию, утвердили запроектованный ЦК бурят-монголов и Иркутским губисполкомом административный состав и границы Бурятской автономной области. После обсуждения в проект положения о Бурятской автономной области были внесены некоторые структурные изменения. Съезд одобрил создание Бурятского революционного комитета и принял обращение к бурятскому народу. Проведение съезда и принятые на нем решения свидетельствуют о том, что к этому времени бурятские коммунисты уже политически контролировали ситуацию.

Бурят-Монгольский ревком приступил к подготовке первого областного съезда Советов Бурят-Монгольской автономной области, созданию органов управления аймаками и областью, принятию дел и материалов от губернских органов власти, определению сметы расходов на 1921–1922 гг., выработке положения и штатного расписания органов власти БМАО. Вся эта работа была закончена в апреле 1922 г.

22 сентября 1921 г. Сиббюро ЦК РКП (б) приняло постановление об организации бюро Бурятского обкома РКП (б), а 3 октября организационное бюро

ЦК РКП (б) – постановление об организации бурбюро обкома РКП(б). 1 ноября этот вопрос обсуждался Иркутским губкомом, где был определен состав бюро. 13 ноября состоялось первое заседание обкома. 15 ноября Сиббюро ЦК РКП(б) утвердило список членов бюро Буробкома РКП(б).

Бурят-Монгольский обком РКП(б) взял под контроль весь круг вопросов, связанных с образованием автономной области. Создание системы управления области и экономического совещания, отделов Бурревкома и назначение руководителей входили в сферу влияния нового органа. Однако вопросы образования Бурят-Монгольской автономной области не могли быть полностью решены на местном или региональном (сибирском) уровне. Этот процесс напрямую зависел от партийных и государственных органов РСФСР, деятельность которых в этом отношении не отличалась особой оперативностью, а разрешения некоторых вопросов удавалось добиться только после неоднократных напоминаний. В общей сложности со времени принятия постановления ЦК от 14 октября 1920 г. до окончательного юридического оформления факта образования Бурят-Монгольской автономной области РСФСР Декретом ВЦИК от 9 января 1922 г. прошло около полутора лет. Эти задержки в высших инстанциях были обусловлены тем, что изначально в постановлении ЦК не ставился вопрос о необходимости автономии иркутских бурят.

Согласно постановлению коллегии Наркомнаца от 23 мая 1920 г., при нем должен функционировать бурятский отдел, создание и структура которого были предусмотрены Декретом ВЦИК о реорганизации Наркомнаца. Однако начало деятельности отдела в силу ряда обстоятельств затянулось, и вместо него было учреждено бурятское представительство, главной задачей которого стало оказание содействия созданию бурятской автономной области в составе РСФСР. Но и этот орган фактически начал свою работу лишь через год – в июне 1921 г.

После предоставления ЦК бурят-монголов необходимых историко-справочных, экономико-статистических, картографических данных и проекта положения об автономной области 7 июня 1921 г. состоялось расширенное заседание коллегии Наркомнаца, которая приняла следующее решение: «1) признать необходимым выделение бурят-монгольского народа, входящего в состав РСФСР, в автономную область; 2) составить проект декрета

об автономной области бурят-монгольского народа и внести его на утверждение в СНК и Президиум ВЦИК; 3) войти в Президиум ВЦИК с предложением об образовании комиссии из представителей НКН, НКВД, Сибирского революционного комитета и представителя бурят-монгольского народа для разработки проекта об автономной области бурят-монгольского народа; 4) центром проектируемой области признать город Иркутск»¹.

В августе 1921 г. вопрос об образовании автономной области бурят обсудило оргбюро ЦК РКП(б), принявшее решение: «Не возражать, направить вопрос в советском порядке»².

1 сентября 1921 г. Президиум ВЦИК постановил «признать необходимым выделение территории с бурятским населением в пределах РСФСР в автономную область. Поручить комиссии из представителей Наркомнаца, Наркомзема, Сибревкома, Наркомвнутдела и бурятского населения определить границы Бурят-Монгольской автономной области и предоставить на утверждение Президиума ВЦИК»³.

29 октября 1921 г. коллегия Наркомнаца, обсудив проект постановления об автономной области бурят, вынесла решение: «а) проект постановления об автономной Бурят-Монгольской области, предложенный комиссией, одобрить; б) запросить по прямому проводу мнение Сибревкома о границах, указанных в проекте, и по получении заключения Сибревкома проект внести в Президиум ВЦИК на утверждение; в) одобрить в принципе проект комиссии о создании объединенного культурного центра для бурят-монголов РСФСР и ДВР, поручить той же комиссии в недельный срок более детально разработать проект и согласовать его с НКИД; г) признать в принципе целесообразным обратиться от имени ВЦИК с воззванием к бурят-монгольскому населению, приурочив его к учредительному всебурятскому съезду»⁴.

Вопрос о границах и административном составе Бурятской автономной области затянулся, и это потребовало специального обращения Наркомнаца к председателю административной комиссии при ВЦИК с просьбой ускорить представление проекта для рассмотрения административной комис-

сии ВЦИК⁵. Длительный процесс рассмотрения и согласования в различных инстанциях вопроса об образовании Бурятской автономной области в составе Российской Федерации завершился юридическим оформлением этого факта Декретом ВЦИК от 9 января 1922 г. В нем говорилось: «Образовать Автономную Монголо-Бурятскую область в границах, определенных соглашением между Сибревкомом и представителями бурят-монгольской народности, в составе аймаков: а) Тункинского с центром в с. Тунка; б) Эхирит-Булагатского с центром в с. Ользоны; в) Боханского с центром в с. Кутулик; г) Селенгинского с центром в г. Селенгинске»⁶.

До созыва первого съезда Советов области вся полнота власти переходила к Бурятскому ревкому, местопребывание которого было определено в Иркутске. Съезд Советов должен был избрать исполнительный комитет области, который наделялся правами исполнительного губернского комитета. Наркомату внутренних дел и Наркомнацу было поручено образовать смешанную комиссию для разрешения вопросов, которые могли возникнуть при детальном установлении границ автономной области бурят. Передача органов управления и территории, отошедшей от Иркутской губернии и Забайкальской области к Бурят-Монгольской области, должна была быть произведена не позднее 1 февраля 1922 г.

На основании Постановления ВЦИК от 25 января 1922 г. Сибирский ревком принял решение, определявшее границы автономной области и сроки перехода всей полноты власти к Бурревкому 15 февраля 1922 г. Однако прием территорий автономной области и учреждений от Иркутского губисполкома продолжался до середины апреля 1922 г.

Образование Бурят-Монгольской автономной области в составе РСФСР потребовало изменения установившегося административно-территориального деления Восточной Сибири, в частности Иркутской губернии. При определении административных границ Бурят-Монгольской области партийные и советские органы руководствовались декретом ВЦИК «О порядке установления в натуре границ национальных республик и автономных областей», где указывалось: «1) границы национальных республик или автономных областей

¹ ГАРФ, ф. 1231, оп. 1, д. 29, л. 63.

² Там же, ф. 1321, д. 175, л. 292.

³ Там же, д. 29, л. 69.

⁴ Там же, ф. 5677, оп. 2, д. 250, л. 117.

⁵ ГАРФ, д. 249, л. 56.

⁶ Образование Бур. АССР... – С. 57–58.

определяются совокупностью существовавших в природе внешних границ административных единиц (губерний, уездов ... улусов, аймаков и т. п.), включенных в состав надлежащей республики или области постановлением ВЦИК; 2) в случае отсутствия в природе ясных ... границ границы последней устанавливаются по действительному бесспорному трудовому фактическому пользованию населения, водворенного в пределах надлежащей республики или области к моменту издания соответствующего постановления ВЦИК об образовании национальной республики или автономной области»¹.

При создании БМАО РСФСР местными органами власти была проведена большая работа по административному размежеванию на основе национально-территориального принципа. Территория сформированной автономной области составила 101677 кв. верст, а население – 185192 чел. (129 тыс. чел., т. е. 70 % населения области – буряты; 30 % – русские). В уездах, не вошедших в состав области, оставалось 18346 бурят²². В административный состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР вошли следующие аймаки: Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Тункинский и Селенгинский. Аймаки делились на хошуны (волости), а последние – на сомоны или булуки (сельские общества).

Образование Бурят-Монгольской АО РСФСР и создание системы органов власти и управления происходило в период перехода Советской России от военного коммунизма к НЭПу. Всей деятельностью органов власти и управления в области до созыва первого съезда Советов руководил Бурревком, созданный на правах губисполкома.

Управлялись аймаки, хошуны и волости ревкомами в составе трех членов, двое из которых должны были быть членами РКП(б). Для всех аймаков типичными органами были: 1) аймревком, 2) экономическое совещание; 3) комитет помощи голодающим; 4) отдел управления; 5) земельный; 6) народного образования; 7) рабоче-крестьянской инспекции; 8) здравоохранения; 9) торговли; 10) местного хозяйства.

Итоги начального этапа автономного строительства были подведены на I съезде Советов области в начале декабря 1922 г. в Иркутске. Съезд

наметил план важных мероприятий по экономическому и социально-культурному развитию области. Делегаты высказались за объединение Бурят-Монгольских областей РСФСР и ДВР, что имело в дальнейшем определенное значение при решении вопроса образования Бурят-Монгольской республики. Был избран Бурят-Монгольский облисполком, областная земельная комиссия, делегаты на X Всероссийский съезд Советов и члены бурят-монгольского представительства при Наркомнаце.

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти в области являлся Бурятский облисполком, избранный на I съезде Советов. Для руководства его повседневной деятельностью был избран президиум. Одной из важных форм руководства являлся созыв пленумов исполкома. В системе облисполкома функционировали экономическое совещание, плановая комиссия, комиссия по борьбе с последствиями голода и комиссия по оказанию помощи частям Красной Армии, приписанным к БМАО, а также различные отделы. Аймаки, хошуны и волости управлялись местными исполкомами.

В отличие от аналогичного процесса в Бурят-Монгольской автономной области ДВР, образование Бурят-Монгольской автономной области в составе РСФСР имело свои особенности. Строительство автономии в Иркутской губернии началось еще в ходе национально-автономистского движения под руководством Национального комитета. После восстановления советской власти в Восточной Сибири в 1920 г. оно было приостановлено бурятскими коммунистами и губернскими парторганами, отрицавшими необходимость автономии. Однако практические шаги по строительству бурятской автономии в ДВР под руководством Национального комитета, а также поддержка требований автономии бурятским населением губернии и решение ЦК РКП(б) об автономии бурят-монголов привели к изменению позиции Бурсекции РКП(б) и местных сибирских парторганов.

Бурят-Монгольская автономная область РСФСР создавалась с целью упрочения позиций советской власти и контроля за национально-автономистским движением. Формирование области как автономии советского типа шло под руководством РКП(б). Принципы построения и опыт создания БМАО были позже использованы при строительстве Бурят-Монгольской АССР.

¹ РЦХИДНИ. ф. 17, оп. 84, д. 253, л. 2.

²² Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 139.

Образование Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР, ставшее первым опытом самоопределения бурятского народа, имело в его истории огромное значение. Самоопределение в форме автономной области было подготовлено всем ходом общественного и этнического развития бурятского народа в условиях российской государственности. С изменением политических условий появилась возможность для реализации идей автономии. Ее создание стало итогом многолетней борьбы народа за национальное самоопределение.

Важную роль на всех этапах становления автономии играла национальная элита и ее лучшая часть – национальная интеллигенция, носительница и выразительница идей национальной автономии, сумевшая оформить их в программные цели, донести до широких масс, организовать их и возглавить движение за национальную автономию.

2.5. Создание Бурят-Монгольской автономной республики

Идея автономии, зародившаяся в ходе национального движения начала XX в. и окончательно оформившаяся в открытые требования предоставления автономии в период революции 1917 г., с созданием бурят-монгольских областей получила свое практическое воплощение. Многолетняя мечта о национальной автономии, казалось, была достигнута, однако бурятский народ оказался в двух разных административных единицах, что никак не отвечало его интересам.

С воссоединением Дальнего Востока и Забайкалья с РСФСР в ноябре 1922 г. создавались необходимые условия для решения вопроса об объединении бурят-монгольских автономных областей, поднятого бурятскими коммунистами. 20 ноября 1922 г. президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б) рассмотрел эти вопросы и принял решение: «1. Принципиально высказаться за объединение двух автономных областей; 2. Предложить коммунистической фракции Бурят-Монгольского ревкома начать подготовительную работу к объединению; 3. Срочно начать осуществление автономии бурят-монголов ДВР по советскому типу, т. е. административно-территориальному; 4. Без согласования с Бурят-Монгольским обкомом РКП(б) не допускать ликвидации или сокращения органов Бурят-Монгольского автономного управления; 5. До декларирования автономии считать необходи-

мым проведение беспартийных съездов и областного съезда трудящихся бурят-монгол...»¹

В конце 1922 – начале 1923 г. докладные записки бурят-монгольских партийных органов с приложением необходимых статистических и картографических данных были представлены в ЦК РКП(б), ВЦИК, Наркомнац, Наркоминдел, Дальневосточный и Сибирский ревкомы.

В докладной записке от 8 декабря 1922 г. Центральному комитету РКП(б) Бурят-Монгольский обком РКП(б) отмечал: «В данный момент в связи с советизацией ДВР естественно встает вопрос об объединении двух автономных областей. Если до сего времени разъединенное существование их оправдывалось необходимостью организации Дальневосточного буфера – ДВР, и бурят-монгольская народная масса, понимая сущность, роль и значение советского буфера, не предъявляла требований об объединении, то в данный момент население двух автообластей стоит за немедленное объединение. ...В условиях бурят-монгольской действительности говорить о параллельном существовании двух равнозначных административно-хозяйственных единиц было бы совершенно недопустимо ни с точки зрения государственной целесообразности, ни с точки зрения экономии средств и сил, и, наконец, такое положение не отвечало бы основным принципам национального самоопределения»².

Приемлемой формой самоопределения бурят авторы докладной записки считали автономную советскую республику, а не область. Создание республики должно было явиться важным фактором политического и культурно-исторического влияния на народы Востока – Монголии, Тибета, Индокитая, Китая, Кореи, усиления их политических симпатий к Советской России и революционизирования народных масс. По мнению авторов записки, «основной предпосылкой необходимости организации Бурят-Монгольской Автономной Республики являлся, прежде всего, политический момент». Подчеркивалась неизбежность влияния политической автономии бурят на трудящиеся массы Японии, революционизирующего воздействия республики непосредственно в зоне японского влияния, а именно – на населенные монголами территории Восточной Монголии, прилегающие к южно-китайской железнодорожной магистрали. Кроме того, в документе

¹ ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 63, л. 21.

² Там же, л. 9–12.

указывалось на экономическую целесообразность организации республики, которая должна была способствовать «скорейшему возрождению бурят-монгольского народа, т. е. ликвидации существующего национального неравенства в области хозяйственных и культурных преуспеваний...»¹

Бурятские коммунисты, создавая республику, руководствовались, в первую очередь, классовыми интересами и находились под сильным влиянием утопической теории «мировой революции». Об этом свидетельствуют выводы, сделанные в конце докладной записки: «1. Образование Бурят-Монгольской Автономной Республики, внешне являясь демонстрацией советских принципов решения национально-колониального вопроса и политически импонируя всему монголо-тибетскому миру, явится большим плюсом для усиления советской внешней политики на Дальнем Востоке и в Центральной Азии; 2. В области внутренней политики этот акт, нейтрализуя реакционно-националистическую агитацию ламства, кулачества и нойонства, создает действительно благоприятную обстановку и широкую возможность для экономического, культурно-национального и политического возрождения бурят-монгольского народа; 3. В деле изживания национального антагонизма между русским и бурят-монгольским населением, питаемого главным образом вопросами земельной неурядицы, и правильного урегулирования этой последней, а также внедрения классового мировоззрения и действительного воспитания массы в духе интернациональной классовой идеологии эта форма автономии дает максимум возможностей и гарантирует в основном успех советской и партийной работы»².

В отношении краевых партийных и советских органов Бурбком и Бурисполком БМАО РСФСР предлагали: «1. Признать необходимым организацию на территории бурят-монгол Восточной Сибири единого государственного образования – Бурят-Монгольской Автономной Советской Республики (по типу Башкирской и ей подобных). 2. Поручить Сибирскому революционному комитету и Дальревкому установить совместно с Бурисполкомом границы проектируемой республики. 3. Ввиду того что организация Буреспублики не может быть проведена в ближайшее время и учитывая слабость со-

ветского аппарата в Буравтообласти бывшей ДВР, признать необходимым немедленное распространение власти Бурисполкома на Буравтообласть бывшей ДВР в границах, в которых автообласть была осуществлена правительством ДВР»³.

Вопрос об объединении бурятских областей наряду с обкомом РКП(б) БМАО РСФСР ставил и Бурревком БМАО Дальнего Востока. Эта идея нашла поддержку у центральных партийных и советских органов РСФСР.

20 декабря 1922 г. на основании ходатайств партийных и советских органов бурят-монгольских автономных областей РСФСР и Дальнего Востока и доклада их представителя по вопросу об объединении двух бурятских автономных областей в одну автономную единицу малая коллегия Наркомнац постановила: «Признать целесообразным объединение двух автономных областей при наличии согласия с мест. Вопросы территориальные и о формах объединения разработать комиссии в составе тт. Клингера, Павловича, Архинчеева и Ербанова при участии представителей Сибревкома и Дальревкома»⁴.

Изучив соответствующие документы и состояние дел на местах, созданная комиссия 2 января 1923 г. пришла к заключению: «Признать целесообразным и необходимым объединение Бурят-Монгольских областей РСФСР и бывшей ДВР в одну административную единицу с одним центром...»⁵ Комиссия поручила представителям бурятских областей совместно с заинтересованными сторонами разработать конкретный план этого объединения и представить его на утверждение в центр. При выработке плана объединения комиссия обратила внимание местных органов на необходимость учета всей сложности экономической обстановки и вопроса установления окончательных границ.

Ходатайства руководящих органов бурятских областей нашли поддержку в Наркоминделе, который видел в этом объединении, прежде всего, возможность расширения внешнеполитического влияния: «Образование Автономной Бурят-Монгольской Республики должно явиться действительно исключительным фактором особого культурного, экономического и политического влияния на народы Дальнего Востока, родственные русским бурятам

¹ ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 63, л. 9–12..

² Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 396.

³ ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 63, л. 9–12.

⁴ Там же, л. 151–153.

⁵ Там же.

Первый съезд комсомола ДВР

в смысле усиления их политических симпатий к Советской России и экономических отношений»¹. Наркоминдел подчеркнул необходимость принятия немедленных мер для удовлетворения требований об объединении бурят-монгольских областей. По его заданию отдел Дальнего Востока Комиссариата созвал специальное совещание для обсуждения этого вопроса.

В отличие от центральных органов, поддерживавших идею объединения и создания республики, краевые партийные и советские органы выступили против объединения автономных областей и, тем более, создания республики. Такая позиция имела вполне определенные причины. Вопрос об объединении бурятских областей в республику решался на основе национально-территориального принципа, который был основополагающим при строительстве всех советских автономий.

Попытки создания республики по национально-территориальному принципу, натолкнувшись на сопротивление краевых органов, являются иллюстрацией имевшихся противоречий. Они проявились при решении вопросов раздела территории,

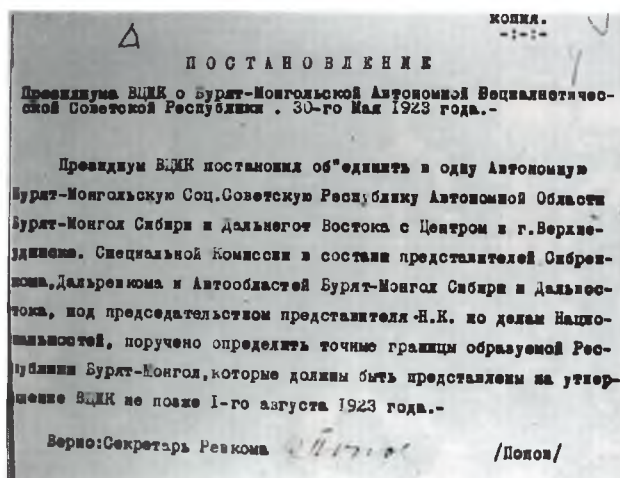
разграничения властных полномочий, изменения системы хозяйствования и управления. Противоречия выражались и в самом понимании необходимости и путей создания республики различными инстанциями.

В ноябре 1922 г. Дальневосточный ревком направил в Наркомнац на имя И. Сталина телеграмму: «В связи с советизацией ДВР встает вопрос о соединении двух бурятских автономных областей – Иркутского Прибайкалья и ДВР Забайкалья. Территория Сибирской магистрали заселена, главным образом, русскими, берега Байкала восточной стороны – баргузинскими бурятами на незначительном протяжении. Просим сообщить срочное указание, как разрешить бурятский вопрос»². Ответ на запрос руководства Дальневосточного ревкома был определенным: «Наркомнац выражает согласие на объединение бурятских автономных областей в автономную республику. Срочно представьте проект положения о республике совместно с Бурятским областным исполнительным комитетом»³.

² Там же, ф. 4209, оп. 1, д. 72, л. 243.

³ Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 253, л. 138.

¹ ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 63, л. 143–144.

Постановление Президиума ВЦИК об образовании БМАССР

Комиссия, созданная Дальневосточным бюро ЦК РКП(б) 5 марта 1923 г., в которую вошли Буйко (председатель), Матвеев, Кацва, Бахарев, Амагаев, рассмотрела предложения Бурревкома автономной области Дальнего Востока и Бурисполкома автономной области Сибири. Несмотря на серьезные разногласия среди ее членов, в итоге было принято решение о категорическом несогласии с предполагаемым объединением.

Заслушав 17 марта заключение комиссии, Дальбюро утвердило его, но при этом не возражало против обращения коммунистической фракции Бурревкома в ЦК РКП(б) с просьбой о пересмотре вынесенного решения.

В связи с отрицательным решением вопроса Дальбюро ЦК РКП(б) Буробком РКП(б) Сибири направил все собранные данные Сибирскому бюро ЦК РКП(б), а затем – в ЦК РКП(б). 31 марта 1923 г. материалы с ходатайствами были рассмотрены Сиббюро ЦК РКП(б), в постановлении которого говорилось: «Считать постановку вопроса об объединении в настоящий момент несвоевременной»¹.

Руководящие органы бурят-монгольских автономных областей продолжали отстаивать необходимость объединения и создания республики, но их усилия наталкивались на сопротивление краевых руководящих органов. В этих условиях Буробком БМАО РСФСР и Бурпредставительство при Наркомнаце вынуждены были повторно обратиться в

ЦК РКП(б) с докладной запиской. Одновременно этот вопрос ставился перед ЦК Бурревкомом БМАО Дальнего Востока. В апреле он направил телеграмму в адрес ЦК РКП(б), в которой оценивал действия дальневосточных органов как ошибочные и настаивал на необходимости создания республики.

В связи с новым районированием Дальнего Востока в качестве альтернативного проекта было запланировано создание особой административной единицы – Бурят-Монгольской губернии из аймаков Восточного Забайкалья. Рассмотрев 20 марта 1923 г. этот вопрос, Дальбюро ЦК РКП(б) поручило Дальревкому создать комиссию по выработке проекта границ Бурят-Монгольской губернии. Об этом решении в апреле 1923 г. был проинформирован ЦК РКП(б).

Наряду с обсуждением вопроса о Бурятской губернии Дальбюро ЦК РКП(б) на практике форсировало создание ее административного аппарата.

Противодействие краевых органов разрешению бурятского вопроса было продиктовано их стремлением сохранить в прежнем виде сложившиеся административно-хозяйственные механизмы губерний. Вычленение территорий бурятских областей, по их мнению, наносило вред их нормальной жизнедеятельности. Аргументы, приводимые краевыми органами против создания республики, сводились к следующему: создание республики несвоевременно; территориальное объединение бурятских областей в республику негативно скажется на хозяйственном механизме, административном устройстве, системе управления губерний, из состава которых эти области вычленяются; наконец, буряты не составляют большинства населения и не занимают сплошной территории в проектируемой республике.

Следует заметить, что подобную позицию можно расценить и как местническую, ограниченную интересами лишь региона или губернии. Наличие же прямых указаний и директив центральных органов по бурятскому вопросу требовало от краевых органов их безусловного исполнения.

Тем не менее, учитывая ходатайства руководства бурят-монгольских областей, Наркомнац поручил Буробкому РКП(б) БМАО РСФСР срочно представить проект положения о Бурят-Монгольской Автономной Республике на утверждение ВЦИК. О своей поддержке идеи создания Бурреспублики Наркомнац заявил ЦК РКП(б): «...Препровождая при сем дополнительные материалы по вопросу об объединении двух бурят-монгольских областей,

¹ ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 253, д. 253.

Наркомнац находит объединение этих областей в одну автономную единицу необходимым»¹.

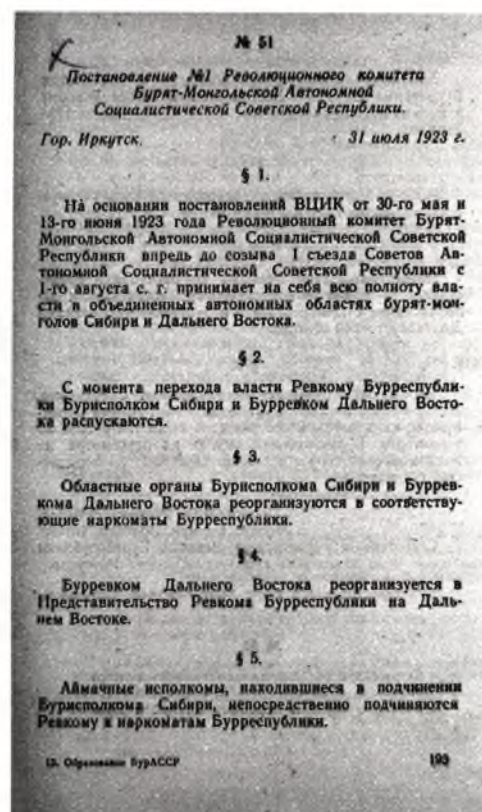
В начале мая 1923 г. был составлен проект постановления ВЦИК об объединении бурят-монгольских областей Сибири и Дальнего Востока. Объединение предусматривалось в форме автономной социалистической республики с резиденцией в г. Верхнеудинске. Точное определение состава республики поручалось специальной комиссии из представителей Дальневосточного и Сибирского ревкомов от бурят-монгольских автономных областей и уполномоченных ВЦИК. На рассмотрение комиссии был предложен проект территории будущей республики, выработанный представителями бурят-монгольских областей. В этой работе принимала участие и Административная комиссия ВЦИК.

К маю 1923 г. в основном выявились точки зрения заинтересованных наркоматов. За объединение бурят-монгольских автономных областей РСФСР и Дальнего Востока высказались Оргбюро ЦК РКП(б), Наркомнац, Наркоминдел, Президиум ВЦИК.

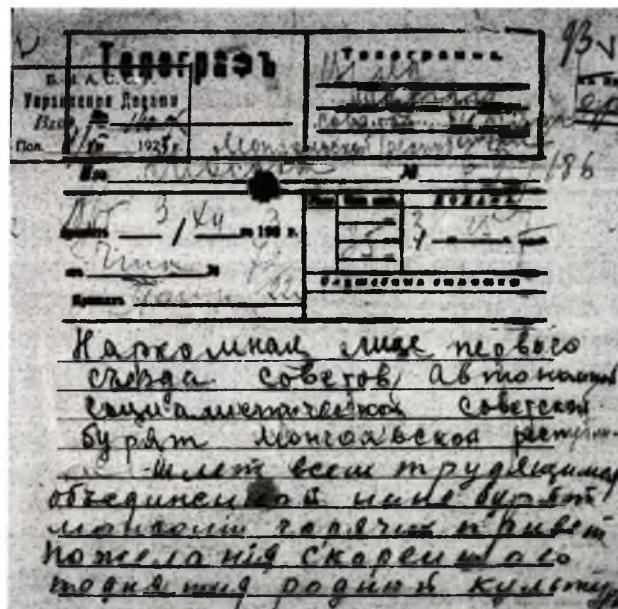
Рассмотрев проект об объединении, 30 мая Президиум ВЦИК постановил: «...объединить в одну Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске; специальной комиссии в составе представителей Сибревкома, Дальревкома и автообластей бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока под председательством представителя Народного комиссариата по делам национальностей поручено определить точные границы образуемой республики бурят-монголов, которые должны быть представлены на утверждение ВЦИК не позже 1 августа 1923 г.»².

В начале июня 1923 г. данные о границах Буреспублики были рассмотрены и утверждены Малой коллегией Наркомнаца, и после этого все необходимые документы были переданы в Президиум ВЦИК. В развитие своего постановления от 30 мая об объединении автономных областей бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока в одну республику Президиум ВЦИК 13 июня принял новое постановление, в котором подтвердил и развил ранее принятые указания.

Постановления ВЦИК об объединении бурят-монгольских автономных областей в одну респуб-

Постановление Революционного комитета БМАССР

Телеграмма Наркомнаца трудящимся Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики

¹ ГАРФ, ф. 1316, оп. 1, д. 63, л. 147.

² Образование Бурятской АССР... – С. 162.

Карта Бурят-
Монгольской
АССР. 1923 г.

блику положили начало юридическому закреплению факта образования Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

Проблемы, появившиеся в процессе создания республики, во многом были связаны с отсутствием у бурят исторического опыта собственной государственности. С присоединением к России территорий, населенных бурятами, уменьшилась опасность агрессии извне, потребность в обороне, а следовательно, и в создании собственной государственности. Среда обитания бурят, их экономический уклад, в котором преобладало экстенсивное скотоводство, обширность занимаемой территории и низкая плотность населения требовали более продолжительного времени для образования единого экономического рынка и на его основе – единого национального хозяйства и государственности. Наличие родовой структуры у бурят, имевшей положительное значение в сохранении национальной культуры и этнических особенностей народа, тормозило развитие новых экономических отношений. К числу факторов, затруднявших создание республики, следует отнести и ее национальный состав. Освоение территории края, развитие экономических отношений усилили приток населения из центральных областей России и привели к значительному увеличению небурятского населения в Прибайкалье и За-

байкалье. Положение было усугублено созданием искусственной «чересполосицы» русских и бурятских земель вследствие переселенческой политики царского правительства. Образование Бурятской республики было неоднозначно воспринято русскими как в самой республике, так и в соседних губерниях. «Организация Бурреспублики, – отмечалось подотделом местной информации Информотдела ЦК РКП(б), – вызвала в парторганизации среди русских товарищей так называемое ликвидационное настроение: многие хотели уехать в Центральную Россию и, кроме того, читинские областные органы начали отзыв работников по своей линии...»¹ Такая реакция была характерна для большинства русского населения, поэтому понадобилось вмешательство Дальбюро, чтобы урегулировать обстановку.

Об отношении к образованию республики со стороны населения Иркутской губернии свидетельствует закрытое письмо секретаря Иркутского губкома РКП(б) Черномордника, направленное в июле 1923 г. на имя Кагановича и Молотова, в котором говорилось: «Необходимо также отметить признаки неусвоения резолюций XII съезда партии членами организации. Особенно это заметно в связи с образованием самостоятельной Бурятской республики,

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 715, л. 4.

по поводу которой значительное количество коммунистов, в том числе и ответственных, выражают недовольство, мотивируя отсталостью бурятского народа, что может сделать республику игрушкой в руках кучки шовинистически настроенной интеллигенции при отсутствии крепкого кадра закаленных большевиков. Второе обстоятельство, которое вызывает разговоры, это значительный процент русского населения на территории Бурятской республики и боязнь подчинения их бурятскому населению»¹.

Строительство новой республики наталкивалось на серьезные проблемы в создании государственного аппарата, обеспечении его кадрами в финансово-хозяйственной области и при определении окончательных территориально-административных границ.

Основную работу по организации республики взял на себя Революционный комитет БМАССР, санкционированный ЦК РКП(б) и утвержденный 1 августа 1923 г. Президиумом ВЦИК. 31 июля 1923 г. ревком принял свое первое постановление, в котором говорилось: «На основании постановлений ВЦИК от 30 мая и 13 июля 1923 г. Революционный комитет Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики впредь до созыва I съезда Советов автономной социалистической республики с 1 августа сего года принимает на себя всю полноту власти в объединенных автономных областях бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока»².

1 августа 1923 г. было опубликовано обращение Бурревкома к населению, в котором излагалась оценка значения образования республики и роли высших партийных и советских органов страны, а также цели и задачи БМАССР в решении вопросов внутренней и внешней политики.

Перед Бурревкомом встали задачи формирования границ республики, подготовки и проведения I республиканского съезда Советов, организации органов управления и т. д. После перехода власти к ревкому постановлением от 31 июля 1923 г. были распущены Бурисполком автономной области Сибири и Бурревком автономной области Дальнего Востока. Бурревком БМАО Дальнего Востока был реорганизован в представительство ревкома Бурят-

Монгольской АССР на Дальнем Востоке. Аймисполкомы, находившиеся в подчинении Бурисполкома БМАО Сибири, перешли в подчинение к ревкому и наркоматам автономной республики, аймревкомы автономной области Дальнего Востока – ревкому и наркоматам автономной республики через представительство ревкома, которому предоставлялось право непосредственного установления деловой связи с Дальневосточным ревкомом и губернскими органами Дальнего Востока.

Ревком Бурят-Монгольской АССР вел большую работу по созданию и совершенствованию деятельности органов власти и управления республики. Органы управления и аппараты объединенных воедино в рамках республики областей имели различную основу и структуру, уровень квалификации. В автономной области РСФСР органы управления, построенные по советскому типу, за 4 года своего существования приобрели опыт советской работы. В Прибайкальской губернии советская власть существовала несколько месяцев. В автономной области Дальнего Востока органы управления были созданы на национальной основе и испытывали влияние государственного строя ДВР.

Деятельность органов власти на местах в разных областях также была неодинакова. В автономной области РСФСР работа местных органов была строго регламентирована нормами и директивами вышестоящих инстанций. В Бурят-Монгольской области ДВР органы национального самоуправления не имели жестко централизованной системы. В этих условиях Бурревком стремился к устранению разноречия путем унификации аппарата органов власти на советских принципах.

Одной из сложных проблем являлось территориальное размежевание и установление постоянных административных границ. При создании республики по национально-территориальному принципу в ее состав, по указанию Центра, должны были быть включены территории с русским населением. Количественное соотношение русского и бурятского населения имело в этой связи большое значение. При количественном преобладании русского населения ставилась под сомнение сама идея национальной республики. Создание же этнически однородной, с одним лишь бурятским населением, республики было объективно невозможно. К тому же это противоречило национально-территориальному принципу и в целом политике партии в национальном вопросе, где идея интернационализма была определяющей.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 82, л. 81.

² Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 417.

I съезд Советов в г. Верхнеудинске. 4–10 декабря 1923 г.

Требовалось выработать такой проект, который устраивал бы все заинтересованные стороны и отвечал соответствующим нормам и принципам. В ходе «выравнивания и округления» территорий, во многом субъективных и искусственных, был определен приемлемый вариант проекта автономной республики. Однако этот проект, представленный Бурятским ревкомом, оспаривался руководством Иркутской губернии и Забайкальской области. Президиум ВЦИК вынес решение о передаче спорных вопросов на предварительное рассмотрение комиссии по определению границ Бурят-Монгольской АССР.

Иркутский губисполком предложил новый проект границ, который предусматривал ликвидацию Аларского аймака с включением его отдельных частей и части Эхирит-Булагатского аймака в состав Иркутской губернии и передачу губисполкому бывшего колонизационного фонда. В этих требованиях Иркутский губисполком был поддержан Сибревкомом, который 5 сентября 1923 г. постановил: «1. В целях обеспечения большей устойчивости сельскохозяйственного баланса Иркутской губернии, опиравшегося главным образом на производительные силы прежнего Балаганского уезда, из которого был выделен Аларский аймак, и принимая во внимание

значительную численность русского населения (не менее 40 %) в аймаке, признать целесообразным оставление территории Аларского аймака в составе Иркутской губернии»¹. Опираясь на эту поддержку, Иркутский губисполком долгое время отстаивал свои требования к границам БМАССР, препятствуя тем самым нормальной работе органов власти республики.

Претензии в отношении территории Баунтовского района, Чикойского аймака, города Троицкосавска с прилегающими населенными пунктами – Кяхтой и Усть-Кяхтой – предъявил Забайкальский губисполком, поддерживаемый Дальревкомом.

Спорными оказались еще ряд территорий, включенных по проекту в состав БМАССР. Однако в ходе работы комиссии ВЦИК, которая велась в обстановке серьезных противоречий между руководством БМАССР и краевыми и губернскими органами, спорные вопросы при поддержке Наркомацем позиции формирующейся республики были в основном решены в ее пользу.

Иркутский губисполком упорно отстаивал свои позиции. Его руководство продолжало оспаривать установленные комиссией ВЦИК границы

¹ Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности... – С. 431.

В этом здании проходил I съезд Советов БМАССР

БМАССР и противодействовало фактическому присоединению отошедших к ней районов Иркутской губернии в течение пяти месяцев, вплоть до разрешения этого вопроса ВЦИК в декабре 1923 г.

В связи с окончанием работы комиссии ВЦИК по установлению границ республики требовал разрешения вопрос о Прибайкальской губернии. 1 октября 1923 г. постановлением ВЦИК Прибайкальская губерния была упразднена. На основании этого постановления Прибайкальский губисполком 21 октября 1923 г. объявил об упразднении губернии и включении ее территории в состав Бурят-Монгольской АССР. Вся полнота власти на территории губернии была передана ревкому БМАССР.

С установлением общих внешних границ республики, определенных комиссией ВЦИК, Бурятский ревком приступил к созданию нового административно-территориального деления, для чего была создана специальная административно-организационная комиссия. Проведение нового административного районирования требовало учета сложностей земельных и национальных взаимоотношений населения республики. Исходя из этого, комиссия решила начать районирование с объединения уездов и аймаков, не затрагивая временно волости, районирование которых было проведено позже. При объединении уездов и аймаков интересы бурятского и русского населения практически не затрагивались, поэтому особых проблем не возникало.

Слияние волостей с русским и бурятским населением в одну волость неизбежно касалось национальных интересов русских и бурят, что, несомнен-

но, усложняло управление. Особенно это касалось вопроса о слиянии сельских обществ с русским и бурятским населением.

Наркомату внутренних дел республики было поручено подготовить план постепенного практического проведения в жизнь районирования волостных административных единиц. В основу нового административного деления республики были положены следующие требования:

- 1) экономическое тяготение населения к определенным центральным пунктам;
- 2) бытовая и хозяйственная однородность населения района;
- 3) условия связи и сообщения соответствующих пунктов и периферий;
- 4) численность населения;
- 5) национальный состав населения.

Предварительные итоги своей работы административно-организационная комиссия подвела на заседании 5 сентября 1923 г. и постановила образовать на территории республики 9 аймаков из 95 хошунов с населением 435554 чел., в т. ч. 243391 бурят и 192063 (45 %) русских. После рассмотрения на расширенном совещании 11 сентября и доработки план административного деления республики был утвержден Бурревкомом и санкционирован Центром.

В процессе разработки нового административно-территориального деления были упразднены Селенгинский и Чикойский аймаки, а также Баргузинский уезд, вошедший в состав Баргузинского аймака. В административно-территориальном отношении ре-

*Члены Центрального исполнительного комитета БМАССР. 1923 г.
1 - М. И. Амагаев,
3 - М. Н. Ербанов,
4 - В. И. Трубочев*

спублика состояла из Верхнеудинского уезда и восьми аймаков: Агинского, Аларского, Баргузинского, Боханского, Троицкосавского, Тункинского, Хоринского и Эхирит-Булагатского. Аймаки делились на хошуны, а Верхнеудинский уезд – на волости. Всего было создано 62 хошуна (волости) вместо 88.

После завершения работ по новому административно-территориальному делению и определению окончательных границ республики осенью 1923 г. были проведены выборы в Советы. Кампания 1923 г., впервые проводимая в масштабах республики, явилась показателем утверждения новых принципов системы народовластия. Выборы были строго регламентированы рядом инструкций и циркулярных указаний со стороны партийных и советских органов. Их итоги свидетельствовали о том, что регламентация и назначенчество (определение состава депутатов), широко применяемые в ходе ее проведения, а также классовый ценз, снижали активность и мешали свободному волеизъявлению избирателей. На выборах в сомонные (сельские) Советы участвовали в среднем по республике 30,5 % избирателей, более высоким был показатель лишь среди избирателей Восточной Бурятии – 41,4 %¹.

¹ Шулунов Н. Становление советской национальной государственности... – С. 460.

Особенно обстоятельно регламентировались выборы на республиканский съезд. Буробком РКП(б) издал специальный циркуляр аймкомам и райкомам, в котором оговаривался численный, национальный, половой состав депутатов, процентное соотношение ответственных работников и беспартийных. Список руководящих работников республики, которых рекомендовалось избрать на съезд, был направлен в аймаки отдельно.

I съезд Советов Бурятии проходил в Верхнеудинске с 4 по 9 декабря 1923 г. Главное внимание на нем было уделено рассмотрению вопросов советского строительства и укрепления всей системы государственного аппарата. Были обсуждены проблемы восстановления народного хозяйства, промышленности, сельского хозяйства, а также народного образования и здравоохранения. Съезд подвел итоги строительства республики и законодательно закрепил образование Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. На нем был избран Центральный исполнительный комитет БМАССР. При формировании ЦИК и СНК республики в основу были положены указания ЦК РКП(б), Советского правительства и Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Кандидатуры руководителей республики – председателей ЦИК и СНК – рассматривались предварительно в ЦК РКП(б), который передал окончательное решение по ним в Дальбюро

Члены
Совнаркома
БМАССР.
г. Верхнеудинск,
1926 г.

ЦК РКП(б)¹. Выполняя указания вышестоящих органов, Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) обсудило кандидатуры на должности председателей ЦИК и СНК и приняло соответствующее решение².

ЦИК являлся верховным органом государственной власти в период между съездами Советов БМАССР (съезды созывались через 2–3 года) и был ответственным перед съездами Советов республики во всей своей деятельности. В компетенцию ЦИК входили: созыв съездов Советов, руководство подчиненными ему органами, формирование Совета народных комиссаров (СНК) БМАССР, издание постановлений и распоряжений по вопросам хозяйственного и культурного строительства, объединение работы по законодательству и управлению. Все постановления и распоряжения ЦИК БМАССР являлись обязательными на всей территории республики.

Президиум ЦИК БМАССР являлся высшим законодательным, исполнительным и распоряди-

тельным органом в период между сессиями ЦИК БМАССР (сессии созывались 2–3 раза в год) и имел право издавать постановления и распоряжения. На Президиум ЦИК было возложено наблюдение за проведением в жизнь Конституции СССР и исполнением постановлений съездов Советов и ЦИК БМАССР всеми органами власти; приостановление и отмена постановлений и распоряжений СНК БМАССР, аймачных, городских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов трудящихся с последующим вынесением своего постановления на утверждение ЦИК БМАССР. Президиум ЦИК созывал очередные сессии ЦИК и руководил их заседаниями, осуществлял право амнистии, помилования, награждения от имени ВЦИК и медалями и орденами СССР.

На 1-й сессии ЦИК БМАССР избрал Президиум в составе 7 человек. Председателем Президиума стал М. И. Амагаев, заместителем – М. Д. Иванов, одним из членов – секретарь обкома РКП(б) В. И. Трубочеев. Решением первой сессии ЦИК

¹ РЦХИДНИ, ф. 372, оп. 1, д. 254, л. 5.

² Там же, д. 170, л. 363.

Список членов Центрального исполнительного комитета БМАССР, избранных I съездом Советов

был сформирован состав СНК — высшего органа государственного управления Бурят-Монгольской АССР. Председателем СНК республики был утвержден М. Н. Ербанов, заместителем председателя Совнаркома и народным комиссаром внутренних дел — М. Д. Берман, наркомом просвещения — Б. Б. Барадин, здравоохранения — А. Т. Трубаев, земледелия — А. И. Оширов, юстиции — А. К. Ляхов, труда — И. В. Малозовский, рабоче-крестьянской инспекции — И. Д. Смердов, финансов — К. С. Ильин, промышленности и торговли — И. А. Ильин; председателем государственной плановой комиссии стал М. П. Думкин.

Формирование органов государственной власти и управления республики и их деятельность осу-

ществлялись на основе Положения о государственном устройстве Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики, утвержденного ВЦИК 12 сентября 1923 г. Положение по существу заменило Конституцию и являлось наряду с Конституциями СССР и РСФСР законодательным актом, регулировавшим деятельность органов власти и управления до принятия (в 1937 г.) Конституции БМАССР. В Положении были регламентированы основные права и функции республики, определялись полномочия ее руководящих органов, разграничивались компетенции республики и Центра. Бурят-Монгольская АССР признавалась федеративной частью РСФСР. Аппарат государственной власти должен был создаваться в соответствии с Конституцией РСФСР.

Согласно Положению, в ведении Союза ССР находились иностранные дела и внешняя торговля. В двойном подчинении были наркоматы путей сообщения, почты и телеграфов, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, ЦСУ. Военный комиссариат республики непосредственно подчинялся ближайшему окружному военному комиссариату. Автономными признавались народные комиссариаты внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и земледелия.

В Положении было оговорено и использование языков на территории БМАССР: «Бурят-монгольский и русский языки являются равноправными на территории Бурят-Монгольской АССР»¹.

В процессе создания и укрепления органов государственной власти и управления выявлялся параллелизм в работе их подразделений и отделов, поэтому структура управления уточнялась. Постепенно регулировались компетенции и полномочия ЦИК и СНК.

Процесс объединения автономных областей возглавили бурятские коммунисты, руководствовавшиеся революционной теорией и классовыми целями, но сумевшие, тем не менее, выразить объективное стремление бурятского народа к самоопределению и национальному единству.

Процесс самоопределения бурятского народа, начавшийся в начале XX в. в форме национального движения, завершился образованием в 1923 г. Бурятской автономной республики, что стало практической реализацией права народа на самоопределение.

¹ НАРБ, ф. 2, оп. 1, д. 43, л. 69–70.

3

глава

Бурятия в 1920–1930-е гг.

3.1. Восстановление и реконструкция народного хозяйства

Четырехлетняя империалистическая и затянувшаяся до конца 1922 г. гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке привели к упадку промышленности Бурятии, находившуюся практически в зачаточном состоянии. Национализированные предприятия испытывали огромные финансовые трудности, не хватало специалистов и квалифицированных рабочих, не было налажено снабжение сырьем, ощущался большой дефицит топлива. Население края было тесно связано с промышленными центрами других районов, получая отсюда текстиль, керосин, соль, спички и т. д. Разруха в промышленности страны, в т. ч. и в Восточной Сибири, самым губительным образом сказывалась на хозяйственном состоянии Бурятии.

Положение в промышленности усугублялось развалом сельского хозяйства, валовая продукция которого в 1920 г. в целом по стране была на одну треть меньше, чем в 1913 г. За время гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье количество скота сократилось более чем вдвое, размеры посевных площадей – почти на 72,5 тыс. га, резко снизилась урожайность полей.

Сложной была ситуация на железнодорожном транспорте. В 1921 г. на Забайкальской железной дороге около 60 % паровозов и 40 % вагонов нуждались в капитальном ремонте. Нормальное движение было нарушено, поезда ходили нерегулярно. Общие для всей страны трудности перехода от войны к мирному строительству и восстановлению народного хозяйства Бурятии были осложнены экономической, политической и культурной отсталостью края, а также тем, что в связи с продолжавшейся интервенцией на Дальнем Востоке и образованием ДВР Бурятия была разделена на две части. При этом часть, входившая в состав ДВР, в административном отношении, вплоть до образования автономной республики, разделялась на Прибайкальскую губернию и Бурят-Монгольскую автономную область. Восстановление народного хозяйства Бурятии до ноября 1922 г. происходило только в автономной области РСФСР.

В октябре 1922 г. была восстановлена власть Советов на Дальнем Востоке. Отпала необходимость в сохранении буферной Дальневосточной республики. 16 ноября 1922 г. постановлением ВЦИК ДВР была объявлена нераздельной составной частью РСФСР, а 30 декабря того же года было создано федеративное государственное объедине-

Первый Всесоюзный Духовный буддийский собор. Москва, 1927 г.

ние – СССР. Во 2-й статье Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа говорилось: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Однако федерация мыслилась как переходный этап в преддверии мировой революции, как обязательный шаг на пути к слиянию и преодолению национальных различий.

30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК постановил «объединить в одну Автономную Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в городе Верхнеудинске»¹. Буряты впервые в своей истории обрели государственность. Однако юридическое признание автономии не означало автоматического решения всех проблем, связанных с готовностью бурятского народа к созданию собственной национальной государственности. Форсирование процесса создания республики наталкивалось на объ-

ективные трудности, связанные с уровнем политического, экономического, культурного и правового развития бурят.

Октябрьская революция произошла в стране с множеством национальных регионов, прошедших неодинаковые стадии исторического развития. В силу этого экономическое и политическое положение национальных окраин оказывало существенное влияние на их дальнейшее развитие. Новая власть стремилась к единообразию и выравниванию различных ступеней развития регионов. Среди населения Бурят-Монгольской АССР преобладали русские (49 %) и буряты (46 %). Более 90 % населения края занималось сельским хозяйством, в силу естественно-исторических и климатических условий преобладало животноводство. В 1923 г. 52 % валовой сельскохозяйственной продукции приходилось на долю скотоводства, 45 % – на земледелие и 3 % – на подсобные промыслы. В западных аймаках имел место земледельческо-скотоводческий уклад, в восточных – полукочевое скотоводство, в северных аймаках эвенкийское население наряду с разведением скота занималось охотой. Революци-

¹ Образование Бурятской АССР... – С. 162.

онные преобразования и государственное переустройство повлекли за собой коренную ломку всего общественно-политического уклада, в т. ч. национального сознания бурят и эвенков.

Экономический уклад с преобладанием экстенсивного скотоводства, обширность занимаемой территории и низкая плотность населения требовали более продолжительного времени для образования единого экономического рынка и на его основе – единого национального хозяйства и государственности. Этническое развитие бурятского народа определялось условиями и влиянием форсированной политической, экономической и социально-культурной модернизации общества и имело противоречивый характер. Тем не менее реализация бурятским народом права на самоопределение в форме автономии имела прогрессивное значение в процессе его исторического развития¹.

С образованием автономной республики вся промышленность (17 мелких предприятий ценовой промышленности, в которых было занято всего чуть более 850 рабочих), находившаяся на территории Бурятии, была передана учрежденному Народному комиссариату промышленности и торговли Бурят-Монгольской АССР.

В 1923–1924 гг. общая стоимость имущества промышленных предприятий составляла 1401 тыс. руб., в т. ч. основные фонды – 1215 тыс. руб. Валовая продукция была равна 2600,8 тыс. руб. Удельный вес продукции промышленности, выпускавшей средства производства, в валовой продукции всей промышленности составлял всего 16,8 %. Удельный вес ценовой промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства республики равнялся лишь 10 %².

В первый год существования республики были проведены мероприятия по расширению действовавших государственных предприятий, а также пуску ранее законсервированных. Учитывая специфику социально-экономической обстановки

*Н. Е. Кузьян,
секретарь
Бурят-Монгольского
бюро РКСМ
в 1925–1926 гг.*

в Бурятии, 1-я областная партийная конференция, состоявшаяся в марте 1924 г., наметила задачи восстановления, развития и социалистического преобразования народного хозяйства республики. В области промышленности – рационализация производства, улучшение работы государственных и кооперативных предприятий, повышение производительности труда; в области торговли – укрепление государственных и кооперативных торговых организаций, захват крестьянского рынка путем постепенного вытеснения частного сектора из сферы торговли; в области сельского хозяйства – правильное разрешение земельного вопроса, подъем и кооперирование крестьянских хозяйств³.

В постановлении X съезда РКП (б) отмечалось, что первой задачей пролетарской революции является «последовательная ликвидация остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах...»⁴ В апреле 1923 г. в резолюции XII съезда РКП (б) подчеркивалось, что преодолеть неравенство, фактическое отставание ранее угнетенных народов в области экономического и культурного развития «...можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отстающим народам Союза в деле хозяйственного и культурного преуспевания. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ра-

¹ Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1971; Он же. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. – Новосибирск, 1980; Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии...; Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994; Он же. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000.

² Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. – С. 13–14.

³ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 139.

⁴ КПСС в резолюциях. Т. 1... – М., 1953. – С. 560.

Ручная обработка кожи. 1920-е гг.

нее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения»¹.

В Бурятии были восстановлены и начали работать Чикойский кожевенный, Онохойский лесопильный, Селенгинский сульфатный и Киранский солеваренный заводы, Верхнеудинская и Ганзуринская мельницы. В 1924 г. постановлениями ЦИК республики были национализированы кожевенный, пивоваренный, мукомольный заводы в Верхнеудинске, паровая мельница в Хонхолое. Были расширены действовавшие государственные предприятия. К концу 1924 г. в республике насчитывалось 13 госпредприятий, основной капитал которых составлял 1010469 руб., оборотный – 341198 руб. На них было занято 770 рабочих и 112 служащих². За 1923/24 и 1924/25 гг. на новое оборудование, капитальный ремонт и жилищное строительство было израсходовано 217054 руб. Решалась проблема снабжения предприятий сырьем, создавались более благоприятные рыночные условия для продажи изделий промышленности как внутри, так и за пределами республики: в 1923/24 г. предприятия Бурятии реализовали продукции на сумму 1313405 руб., в 1924/25 г. – на 3034458 руб. За счет усовершенствования техники и роста производственной активности рабочих увеличивалась производительность труда и повышалась заработная плата рабочих: в 1924/25 г. она возросла на 11,3 % по сравнению с 1923/24 г.³

¹ КПСС в резолюциях... С. 714.

² НАРБ, ф. 248, оп. 1, д. 234, л. 72.

³ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 154.

Были проведены мероприятия по свертыванию нерентабельных и укрупнению мелких предприятий, изысканию средств на восстановление, переоборудование и расширение старых предприятий, переводу их на хозяйственный расчет, сокращению и удешевлению административно-управленческого аппарата. В 1925–1927 гг. ввиду полной нерентабельности были законсервированы Онохойский лесозавод, Верхнеудинский и Курбинский кожевенные, Киранский солеваренный заводы, Верхнеудинская паровая мельница.

По мере восстановления промышленности, водного и железнодорожного транспорта росли и кадры рабочего класса. Одновременно происходили симптоматичные изменения в его составе. В основной своей массе это были выходцы из крестьянских семей, годами впитывавшие мелкособственническую психологию, и представители улусной бедноты. Низкая общеобразовательная подготовка самым существенным образом сказывалась на профессиональной подготовке состава фабрично-заводских рабочих. Однако по сравнению с дореволюционным временем, в этот период шел быстрый общий рост культуры – как в центре, так и на местах. Приносили свои плоды мероприятия по ликвидации неграмотности, создание различных производственных курсов. Но в целом техническая и общеобразовательная подготовка новых пополнений все еще была слаба, что не могло не отражаться на трудовой дисциплине и отношении к производству.

Промышленная политика 1920-х гг. страдала непоследовательностью и противоречивостью. Активное вовлечение деревни в процесс ускоренного подъема индустрии, в свою очередь, предполагало насыщение рынка доступными товарами, в которых нуждалось крестьянство. Нехватка денег, топлива, сырья, инструментов диктовала единственный выход: в первую очередь сконцентрировать наличные силы на участках производства, без которых невозможно последующее экономическое развитие и которые в кратчайший срок дадут максимальный эффект.

Вопреки ленинскому плану, промышленность не обеспечивала крестьян необходимыми товарами в должной степени. Мелкая сельская промышленность, которая могла удовлетворить хотя бы часть крестьянских потребностей, находилась в упадке. «Ножницы» между высокими ценами на промышленные товары и низкими закупочными ценами показывали неспособность промышленности производить дешевые

товары. Одной из главных задач становилось снижение себестоимости и повышение производительности труда. Добиться ее значительного повышения было нелегко, так как техническая основа оставалась в основном прежней. А в Бурятии промышленность находилась на начальной стадии своего развития, что создавало дополнительные трудности в обеспечении крестьян необходимыми товарами.

Крестьяне объединялись в производственные и распределительные кооперативы, поддерживаемые государством. Еще в конце 1923 г. в Бурятии были созданы кресткомы, сыгравшие свою роль в кооперировании деревенской и улусной бедноты, организации коллективных хозяйств, воспитании общественной дисциплины труда.

На X съезде РКП(б) был провозглашен переход от продразверстки к продналогу. Помимо уменьшения суммы налога (по сравнению с продразверсткой) и учета урожая, количества едоков, скота налог имел ярко выраженный классовый характер: бедняки получали льготы или вообще освобождались от его уплаты. С образованием Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. все государственные и местные налоги, уплачиваемые крестьянством, были объединены в единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), имевший подоходно-поимущественный характер. Трудности в проведении налоговой политики появлялись в связи с несоответствием шкалы обложения с экономикой хозяйств республики. В Бурятии экономически слабое хозяйство при небольшом посеве имело 8–10 гол. скота, тогда как в центральных губерниях хозяйство с 4–5 гол. скота считалось уже зажиточным. Не отвечали действительности установленные центром нормы доходности от земли и скота. Средняя норма доходности от посева по Бурятии была установлена в 40 руб. с десятины, тогда как, по данным статуправления республики, чистый доход с десятины составлял 24 руб.

Посевная площадь на территории, входившей в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, в 1917 г. составляла 79,6 тыс. дес., в 1920 г. – 58,5 тыс. дес., в 1921 г. – 50,9 тыс. дес.¹ По данным переписей 1917 г. и 1920 г., сокращение скота по четырем западным аймакам БМАО в среднем составило 15,3 %². Сократилась и средняя обеспе-

ченность хозяйств скотом: в 1916 г. на 1 хозяйство приходилось 30,32 гол., в 1921 г. – 15,5³. В восточных аймаках, входивших в состав БМАО ДВР, суммарное количество скота составляло в 1916 г. 1809434 гол., в 1922 г. – 773729⁴.

С весны 1920 г. в отчетах хошревкомов отмечалось изменение политического настроения населения, которое было «крайне недовольно политикой советской власти в деле проведения продразверстки»⁵. Активизировались контрреволюционные силы, особенно в Боханском и Эхирит-Булагатском аймаках, где прокатилась целая волна мятежей, являвшихся частью выступлений в России в конце 1920 – 1-й половине 1921 г. Мятежи свидетельствовали о недовольстве продразверсткой и сигнализировали о бедственном положении крестьян и критическом состоянии сельского хозяйства.

Реальное восстановление экономики края началось после образования в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР с формированием необходимых органов управления хозяйством. Перед новыми органами местной власти встали два главных вопроса: как преодолеть экономическую разруху и голод и как строить автономию, рационально используя ее преимущества.

В наследство Бурят-Монгольская республика получила запутанные земельные отношения между русским и бурятским населением. В закрытом письме в ЦК ВКП(б) секретарь Бурят-Монгольского обкома партии М. М. Сахьянова сообщала, что «на почве земельной неустроенности имеются значительные трения между бурятским и русским населением. Если мы в ближайшее время не сможем продвинуть вперед ускоренным темпом землеустроительные работы, то можем оказаться перед фактом открытого столкновения бурятского и русского населения»⁶.

В республике арендные отношения были наиболее развиты в земледельческих районах и в районах со смешанным типом хозяйства; в скотоводческих районах они не получили заметного развития. В русских земледельческих обществах была более развита аренда пахотной земли, а в бурятских

³ НАРБ, ф. Р-185, оп. 1, д. 53, л. 62.

⁴ Бурят-Монгольская область ДВР. – Чита, 1923. – С. 31.

⁵ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М., 1995. – С. 361.

⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 31, д. 6, л. 16.

¹ Сборник по Бурят-Монгольской автономной области Сибири. – Иркутск, 1923. – С. 28.

² Бурят-Монгольская автономная область: экономическое и статистическое исследование. – Иркутск, 1922. – С. 57.

*Домашнее
производство
масла*

– аренда покосов. Основными арендаторами выступали зажиточные хозяйства, а сдавали землю в аренду главным образом бедняки.

Наибольшее число хозяйств, нанимавших рабочих, падало на бурятские земледельческие аймаки – Аларский и Боханский: от 8 до 10 % всех хозяйств; наименьшее – на скотоводческие Селенгинский, Закаменский и Кяхтинский – от 1 до 3,4 %¹. Во многом это объяснялось дифференциацией крестьянства в земледельческих аймаках.

Разрешение аренды земли и найма рабочей силы положительно сказалось на восстановлении сельского хозяйства. С 1924 г. аграрное производство стабильно росло. В 1923 г. валовой сбор зерна составлял 109 тыс. т, а общая площадь посева – 183,5 тыс. га; в 1926 г. – соответственно 161 тыс. т и 232,4 тыс. га; в 1929 г. – 212,8 тыс. т и 288,1 тыс. га². В 1929 г. посевные площади в Бурятии достигли довоенного уровня.

Постепенно росла обеспеченность сельского хозяйства техникой. Если в 1924 г. в республике имелось 14 тыс. плугов, 115 сеялок, 920 жаток, 1240 молотилок, то в 1928 г. – уже соответственно 35,2 тыс., 960, 1550, 1725³. Применение усовершенствованной техники положительно сказалось на урожайности полей: в 1923 г. средняя урожайность

зерновых культур составляла 6,2, в 1925 г. – 7, в 1929 – 8,2 ц/га⁴.

Постепенно восстанавливалось и животноводство: в 1916/17 гг. в Бурятии насчитывалось 2124,5 тыс. гол. всех видов скота, в 1923 г. – 1405,2 тыс., в 1927 – 2609,4 тыс., в 1929 г. – 3220,5 тыс. гол.⁵ К 1926–1927 гг. по всем видам скота, кроме лошадей, был достигнут и превзойден уровень 1916–1917 гг. Особенно быстро росла численность мелкого скота. Повышенный спрос местной промышленности на продукты овцеводства, благоприятные для разведения овец природные условия забайкальских степей стимулировали быстрое развитие этой отрасли. К 1928 г. удельный вес лошадей в составе общего стада уменьшился с 15,7 до 10,9 %, по сравнению с 1916–1917 гг., крупного рогатого скота – с 37,8 до 35,3 %, удельный же вес овец увеличился – с 34 до 39,8 %, коз – с 6,4 до 8,5 %. Дореволюционный уровень обеспеченности населения различными видами скота был достигнут в 1927 г. (в 1916–1917 гг. на 100 душ населения приходилось 538 гол., в 1927 г. – 540,1, в 1928 г. – 628 гол.)⁶.

К 1928 г. по основным количественным показателям аграрного производства был достигнут дореволюционный уровень. Однако сельское хозяйство Бурятии периода НЭП не стало динамичным, действительно товарным из-за многочисленных причин экономического, политического и технического характера. В 1926 г. товарная продукция полеводства составляла 20,6 %, в 1928 г. – 23,5 %, животноводства – соответственно 29,8 и 37,9 %⁷.

Существенное влияние на развитие сельского хозяйства в период НЭП оказывали методы государственного регулирования, претерпевшие в Бурят-Монголии в 1920-е гг., как и в целом по стране, ощутимые изменения: вместо прямого административного насилия периода военного коммунизма стала проводиться налоговая политика. Однако в ее основе лежали социально-классовые, а не хозяйственные приоритеты.

В 1928 г. была проведена своеобразная реформа сельхозналога: индивидуальное обложение «кулацких» хозяйств не по нормативному, а по действительному доходу; включение в сельхозналог ранее не облагаемых объектов (свиноводство, пчеловод-

¹ Мангутов Н. Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917–1933). – Улан-Удэ, 1960. – С. 132.

² Социалистическое строительство в Бурятии... – С. 68, 70.

³ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов... – С. 23.

⁴ Социалистическое строительство в Бурятии... – С. 70.

⁵ НАРБ, ф. Р-691, оп. 1, д. 764, л. 50; д. 2905, л. 25.

⁶ Там же, д. 905, л. 26; РГАЭ, ф. 478, оп. 2, д. 374, л. 8.

⁷ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 24.

Партийно-комсомольский отряд по борьбе с бандитизмом

ство); повышение норм доходности по покосу с 7 до 8 руб. на десятину, по овцам с 1 руб. 50 коп. до 2 руб.; сокращение льгот¹. Налоговые изменения 1928 г. фактически стали средством экспроприации зажиточной части крестьянства. В Бурятии была введена прогрессивная шкала надбавок к налогу – от 5 до 25 %, 35 % хозяйств освобождались от налога по бедности². Были определены признаки, по которым хозяйство могло облагаться налогом в индивидуальном порядке: использование наемного труда, владение мельницами, маслобойками и т. д., сдача в наем сельскохозяйственных машин, скупка с целью перепродажи, торговля, ростовщичество, сдача в наем квартир. К числу кулацких были отнесены все хозяйства, куда входили служители религиозных культов. Любое хозяйство, имевшее хотя бы один из вышеперечисленных признаков, считалось кулацким и облагалось налогом в индивидуальном порядке.

Недовольство крестьян налоговым ужесточением проявлялось в утаивании объектов обложения, в отказе от уплаты налога. Однако невыполнение в срок налоговых заданий влекло административно-судебное преследование, основными формами которого были денежные штрафы,

конфискация имущества, тюремное заключение. В период с 1928 по 1929 г. в Бурятии было описано имущество 2356 хозяйств, 163 человек были привлечены к суду и осуждены, 280 кулаков подверглись пятикратному обложению³. В одной из информационных сводок о состоянии хлебозаготовок сообщалось, что «...кампания проходит вяло. На 10 ноября 1929 г. в Баргузинском аймаке было выполнено 6,7 % годового задания, в Агинском – 1 %. Активность бедноты и середнячества отрица-

тельная, недовольные прошлогодней заготовкой, они говорят, что, сдав хлеб, им снова придется покупать его по 6 руб., как в прошлом году. Кулачество всячески пытается избежать сдачи государству. Прячут, где возможно, даже в лесу»⁴. Отказ крестьян сдавать хлеб по так называемым «твердым закупочным ценам» поставил республику перед фактом провала хлебозаготовок. В попытках найти выход из хлебозаготовительного кризиса власти прибегали к максимально жестким средствам давления на «саботирующее» крестьянство. Чрезвычайные меры (подворные обходы, обыски, насильственное изъятие «излишков») фактически означали «объявление войны» крестьянству, но тем не менее позволили добиться перелома в заготовке зерна, обеспечить город и армию хлебом.

Особенно болезненно на крестьянских хозяйствах сказывался «перекосящий» цен. Несмотря на неоднократно принимаемые директивные решения о снижении цен на промышленные товары, в период НЭП сохранялось несоответствие цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. На III съезде Советов БМАССР в 1927 г. отмечалось: «...вопрос о снижении цен очень важный, но

¹ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету..., с. 156.

² Сельхозналог 1928–1929 гг. в условиях Бурятии // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 4–5. – С. 60.

³ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 155.

⁴ НАРБ, ф. Р-475, оп. 1, д. 451, л. 123–123об.

почему-то он до сих пор не сдвигается с мертвой точки. Мы даже наблюдаем, что на некоторые необходимые для крестьян товары цены поднимаются, а не понижаются. Например, стоимость выделанной кожи достигла стоимости целой коровы или ста пудов хлеба»¹.

Важным государственным механизмом, регулировавшим сельскую экономику, была кредитная политика. С переходом к НЭП кредитование аграрного сектора стало проводиться путем развития государственно-кооперативной системы, основанной на фондах, отпускаемых государством и образуемых привлечением средств от самого населения в виде паевых взносов и вкладов. С 1924 по 1927 г. сельское хозяйство Бурят-Монголии получило 3,5 млн. руб. кредита, 75 % этой суммы выделило государство, 25 % – кредитные кооперативы².

При распределении кредитных средств неуклонно соблюдался классовый принцип: большая часть – беднякам, меньшая – середнякам, почти ничего – кулакам. Доля кредитования бедноты поднялась с 44 % в 1925–1926 гг. до 69,5 % в 1927–1928 гг., а зажиточных – соответственно уменьшилась с 7 до 2 %³. Социальная политика в области кредитования вела к крайне противоречивым результатам. С одной стороны, экономическая эффективность требовала отказа от безвозвратного кредитования бедняцких хозяйств, с другой все усиливающееся кредитование маломощных крестьян вело к нарастанию собесовских настроений, упадку кредитной дисциплины, росту просроченных ссуд.

С 1928 г. был взят курс на вытеснение «кулака», усиление кооперативного движения с последующим переходом к коллективизации. Эта политическая линия нашла отражение в экономических мерах правительства, в т. ч. и в отношении кредита. В 1926 г. в Бурят-Монголии зажиточные крестьяне составляли 6 % состава кредитных товариществ, в 1927 г. – 4 %, в 1928 г. – 2,3 %⁴. К концу 1920-х гг. кредит перестал быть финансовым средством решения тех или иных проблем сельского хозяйства и приобрел исключительно политический характер,

став инструментом коллективизации и классовой консолидации. Уже в 1927 г. почти половина всех долгосрочных кредитов (48,4 %) была предоставлена колхозам⁵.

В 1928 г. из общего количества крестьянских хозяйств Бурятии 3,6 % хозяйств в земледельческих районах и 4,1 % в скотоводческих были определены как кулацкие⁶, динамической переписью 1929 г. было выявлено 5,5 % кулацких хозяйств⁷. Социальное неравенство в бурятском улусе и русской деревне в 1920-е гг. было естественным явлением и требовало проведения социально ориентированной политики, а не искоренения зажиточной части населения и зажиточности как ориентира индивидуального хозяйствования.

Несмотря на ошибки и просчеты, восстановление экономики продолжалось. В Бурятии, как и в целом по стране, этому во многом способствовал рост кооперативных форм сельскохозяйственного производства и сбыта. В ноябре 1924 г. был организован Бурятский союз сельскохозяйственных, кредитных и промысловых кооперативов (Бурсельско-союз), в задачу которого входило всемерное развитие и поддержка сельскохозяйственной кооперации в Бурятии. Наиболее распространенными видами сельхозкооперативов в республике были машинные, мелиоративные, овцеводческие, коневодческие, свиноводческие, рыболовные товарищества и маслодельно-сыроваренные артели. Если в 1926 г. количество хозяйств, охваченных всеми видами кооперации, составляло 30,5 %, то к 1 октября 1929 г. оно достигло 62,1 % к общему числу дворов⁸. Возрастал и товарный оборот кооперации. В 1925–1926 гг. товарооборот составлял 773,2 тыс. руб., в 1926–1927 гг. – 1605,9 тыс. руб., в 1927–1928 гг. – уже 35282 тыс. руб.⁹

Индивидуальные крестьянские хозяйства, которым в 1928 г. принадлежало 98,54 % посевов и 99,5 % поголовья скота¹⁰, при втягивании в систему кооперативных отношений демонстрировали

⁵ Там же, д. 561, л. 138.

⁶ Ряхов М. К вопросу о расслоении деревни // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 4–6. – С. 67–77.

⁷ Отчет Правительства Бурят-Монгольской АССР. 1928–1930 гг. – М., 1931. – С. 6.

⁸ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 237.

⁹ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 65.

¹⁰ Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930. – Верхнеудинск, 1931. – С. 192–193.

¹ Третий съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. – Верхнеудинск, 1927. – С. 45.

² Тюшев В. П. Из истории подготовительного периода коллективизации в Бурят-Монгольской АССР // Учен. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1953. – С. 83.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 148, л. 76.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 588, л. 28.

перспективность своего развития. Однако естественное развитие кооперативов, деятельность которых контролировалась государственными и партийными органами, было стеснено. Дефицит промышленных товаров, кредитных средств не позволял в полной мере реализовать возможности кооперирования. На протяжении 1920-х гг. кооперация постепенно огосударствлялась в процессе ее сращивания с государственными хозяйственными органами.

Колхозное строительство в Бурятии до 1928 г. шло медленно. В 1923 г. в Бурятии существовало всего 5 коммун. Затем стали организовываться и другие формы коллективного хозяйствования: в 1924 г. – 7 сельскохозяйственных артелей, в 1925 г. – 3 товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ). Например, коммуна им. Н. С. Шантанова в двух готольских булуках включала 14 семей. Коммуна имела 33 пары рабочих рук, 360 дес. пахотной земли, 40 – покоса, 80 – выгонов для скота. Кроме того, были обобществлены скот, строения, молотилка, веялка, жатка. Население окружающих улусов относилось к коммуне настороженно, и крестьянские общества довольно долгое время отказывали ей в выделении земли из общественного пользования¹.

В 1927 г. в Бурятии имелось 65 колхозов, в которых состояли 779 дворов (0,8 % числа всех крестьянских дворов республики)². Большинство колхозов создавалось в наиболее экономически развитых районах: в Верхнеудинском уезде было 17 колхозов, в Аларском – 11, в Селенгинском и Эхирит-Булагатском – по 8. Наименьший процент коллективных хозяйств отмечен в районах с преобладанием кочевого скотоводства (здесь создание

Агитационная выставка, посвященная борьбе с кулаками

колхозов тормозилось кочевым и полукочевым образом жизни) и в районах с семейским населением, где сильное влияние имели зажиточные крестьяне, выступавшие против коллективных хозяйств. Поэтому в Закаменском, Кяхтинском, Мухоршибирском, Агинском, Хоринском аймаках в 1927 г. колхозы или отсутствовали, или их было по одному-два.

В 1929 г. в Бурятии насчитывалось 166 коммун, 99 артелей и 46 ТОЗов. Всего этими 311 колхозами было объединено 5750 хозяйств и 20978 чел., или 5,5 % хозяйств и 4,2 % населения³. Размеры коллективных хозяйств были небольшими: на 1 колхоз в 1928 г. приходилось в среднем 54 чел., 13 хозяйств, 46 га посевной площади, 12 лошадей, 17 коров⁴. Маломощность колхозов объясняется тем, что в них вступали преимущественно батраки и бедняки. В 1928 г. беднота в коммунах составляла 59,6 %, середняки – 27,7, зажиточные – 1,2 %⁵. Однако чтобы избежать налогового обложения и сохранить избирательные права, в колхозы стремились и зажиточные хозяева, хотя чистки колхозов, развернувшиеся по инициативе партии, ограничивали их вступление. «Благодаря чисткам, население, вступая в колхозы,

¹ Социалистическое строительство за 10 лет. – Верхнеудинск, 1933. – С. 18.

² НАРБ, ф. Р-475, оп. 1, д. 474, л. 5.

³ НАРБ, ф. Р-691, оп. 1, д. 2905, л. 13.

⁴ Там же, оп. 7, д. 44, л. 23.

⁵ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 76.

На сенокосе в Улан-Оронгойском колхозе

распродает имущество и идет как бедняцкое... Вот к чему приводит администрирование»¹, – отмечалось на пленуме обкома партии в марте 1929 г.

Нэповские преобразования проявили себя в сфере торговли, наиболее ярко – в розничной, где действовал частный капитал. В. И. Ленин, внося на X съезде РКП(б) предложение о переходе к новой экономической политике, признал, что «лозунг свободной торговли будет неизбежным», поскольку он «отвечает экономическим условиям существования мелкого товаропроизводителя». Однако документ, принятый делегатами партийного съезда, был выдержан скорее в духе бартерного обмена: разрешался обмен продовольствия, оставшегося у крестьян после сдачи продналога, на промышленную продукцию. Товарообменные операции в Бурят-Монголии, как и в целом по стране, проводились неудовлетворительно вследствие нехватки промышленных товаров. В отчете уполномоченного Бурторга по Аларскому аймаку отмечалось, что «работа по товарообмену не была налажена, не было твердого аппарата, многие лавки были закрыты. Приходилось открывать лавки и пускать товар на обмен. Спекуляция развевалась сильно, много ездит мешочников. Крестьяне охотно везут хлеб в обмен на товары, но товаров – большой недостаток»².

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 570, л. 44.

² Потапов М. Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства. – Иркутск, 1949. – С. 45.

К 1922 г. продуктообмен превратился в привычную для населения куплю-продажу. «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная торговля», – констатировал Ленин³. Тем не менее на известном рубеже организация товарообмена дала положительные результаты: легализовался частный торговый сектор, стала создаваться сеть государственной и кооперативной торговли.

Деятельность торговых предприятий расписывалась строго по разрядам и подчинялась налоговому законодательству. Преобладали мелкие и средние торговые предприятия: из 898 патентов, выданных на право торговли в 1923/24 гг., на первый разряд (разносная торговля) приходилось 42 предприятия, на второй (мелочная) – 386, на третий (розничная) – 419, на четвертый (оптово-розничная) – 37, на пятый (оптовая) – 14⁴. В связи с количественным ростом торговых заведений начинает увеличиваться и торговый оборот. Если оборот верхнеудинского рынка в 1922/23 гг. составлял 6 млн. руб., то в 1923/24 гг. – уже 10 млн.⁵

По мере увеличения товарооборота появилась необходимость создания органа, обеспечивавшего спрос и предложение. В результате 27 октября 1923 г. в республике была учреждена товарная биржа.

С освобождением крестьянского хозяйства от жесткой регламентации производства и сбыта продукции, с появлением возможности для развития его деловой инициативы – торговли формировался крестьянский (базарный) ее тип. Преимущества мелкой базарно-лавочной торговли заключались в том, что некоторые виды товаров на базаре можно было купить дешевле, чем в государственных или кооперативных магазинах. В 1927 г. 1 кг ржаной муки в госкоопсекторе стоил 5,8 руб., а на базаре – 4,7 руб., 1 кг пшеничной муки – соответственно 11,8 и 9,3 руб.⁶

Важной формой общественной самостоятельности стали ярмарки, поддерживавшие меновые связи между отдельными экономическими районами. На территории БМАССР сложились и действовали

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. – С. 208.

⁴ НАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 727.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 448, л. 9.

⁶ НАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 609, л. 30.

Отгрузка зерна

Верхнеудинская ярмарка в г. Верхнеудинске, Анинская в Хоринском аймаке, Ленско-Баргузинская в г. Баргузине, Агинская в Агинском аймаке и др. В условиях бездорожья, удаленности от крупных торговых центров и путей сообщения, низкой плотности населения, а также недостаточной товарности хозяйства ярмарочная торговля в БМАССР имела важное значение. Через ярмарки и базары проходила значительная часть торгового оборота, например, оборот наиболее крупной Верхнеудинской ярмарки в 1924 г. составлял 950,4 тыс. руб., в 1925 г. – 1349,3 тыс. руб.¹

К концу 1924 г. в Бурятии насчитывалось 1008 торговых заведений, из них 83 были государственными, 133 – кооперативными и 792 – частными. Однако, несмотря на численное превосходство в торговой сети, удельный вес частной торговли в розничном товарообороте составлял 42,9 %². Тем не менее частный торговый капитал (слабый в дореволюционный период, еще более ослабленный в результате социальных потрясений начала XX в.) в первый год существования БМАССР играл доминирующую роль: торговля мясом на 80 % была со-

средоточена в руках частных торговцев, фуражом – на 90 %³. С разрешением частной торговли в крае появились частные лавки и магазины, была проведена реорганизация потребительской кооперации, имевшей в сельских местностях Иркутской губернии до 600 торговых точек. Был создан специальный товарообменный фонд промышленных товаров из 150 тыс. аршин мануфактуры, 3 тыс. ящиков спичек, 2500 кирпичей чая, 1500 пудов мыла и др.⁴ Однако широкого распространения товарообменные мероприятия не получили из-за нехватки промышленных товаров.

Руководство БМАССР создавало режим благоприятствования развитию потребительской кооперации. Государственные преференции сказались на росте и укреплении Буркоопсоюза – центра потребительской кооперации в республике. Удельный вес кооперативной торговли в общем товарообороте республики составлял в 1924/25 г. 53,9 %, в 1927/28 г. – 71,2 %⁵. Вовлечению населения в кооперацию способствовало то, что в кооперативах товары их членам продавались с 20–27 %-ными скидками, обще-

³ Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. – Верхнеудинск, 1925. – С. 203.

¹ Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. – Верхнеудинск, 1927. – С. 77.

⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 167.

² НАРБ, ф. Р-475, оп. 1, д. 341, л. 218.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1243, л. 21.

ства имели преимущество в снабжении и получении кредита.

Государственная торговля в БМАССР была представлена отделениями Бурторга, Дальторга, Хлебопродукта, Всекожсиндиката, Сибгосторга, Всероссийского текстильного синдиката, Русско-английского сырьевого общества (РАСО). В 1923/24 г. розничный товарооборот государственного сектора составлял 15,4 % общего розничного товарооборота республики, в 1924/25 г. – 24,8 %, в 1925/26 г. – 14,6 %, в 1927/28 г. – 18,7 %. Уменьшение розничного товарооборота госторговли с 1925/26 г. объяснялось преимущественным ведением оптовых операций госторговлей, на долю которой в 1925/26 г. приходилось 46 % всей оптовой торговли¹.

Большинство государственных торговых организаций начинали свою деятельность в республике с целью заготовки сельскохозяйственного сырья – кожи, мяса, шерсти, пушнины, зерна, рыбы. В качестве заготовителей сельскохозяйственной продукции на рынке Бурятии помимо государственных торговых организаций выступали кооперативные и частные. Развернувшаяся между ними конкуренция вызывала рост закупочных цен. В этих условиях большевистское руководство попыталось остановить рост цен на сырье с помощью введения весной 1924 г. обязательного для государственных и кооперативных организаций максимально предельного уровня – лимита. Но заготовители и производители в своей деятельности руководствовались коммерческой целесообразностью, и навязываемые сверху лимиты не соблюдались. Закупочные цены формировались в зависимости от соотношения спроса и предложения, складывавшегося на рынке.

Государство пошло на усиление директивного регулирования процесса заготовок сельскохозяйственной продукции. Постановлением от 10 октября 1924 г. СНК Бурреспублики признал основными заготовителями государственные и кооперативные организации для преодоления «вредной конкуренции, ажиотажа, бессистемности, бесплановости на заготовительном рынке»². Их обязали заготавливать продукцию через свои отделения, агентуры и уполномоченных. По указанию Бурвнутторга они заключили между собой конвенцию о соблюдении

предельного уровня закупочных цен. Связанные конвенцией государственные и кооперативные заготовители не могли конкурировать с частными фирмами и торговцами, которые, не имея ценовых ограничений, предлагали производителям более высокую закупочную цену.

Подобная ситуация была признана соответствующими государственными органами недопустимой, и они предприняли ряд жестких административных мер борьбы с частным капиталом. Если удельный вес кредитования частных лиц и учреждений в декабре 1923 г. составлял 24 %, то в сентябре 1924 г. – всего 1,9 %³. С 1927 г. прекращается кредитование частной клиентуры и значительно усиливается на нее налоговый пресс. В 1926 г. ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торговых предприятий были повышены с доведением прогрессии до 45 %, в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать 8 %. В совокупности с повышением размеров местных сборов данная налоговая практика привела к тому, что в 1928/29 г. процент налогового изъятия с частнокапиталистических торговых предприятий составил 95 % от суммы чистого дохода⁴. Подобный налоговый пресс вызвал ответную реакцию частных предпринимателей, выразившуюся, прежде всего, в уклонении от налоговых выплат путем сокрытия оборотов предприятий, в росте недоимок налоговых поступлений по частному сектору. В 1925/26 г. за уклонение от регистрации плательщиков подоходного налога было подвергнуто штрафу 1078 чел., частными предприятиями и лицами было подано 507 жалоб и возражений на неправильное исчисление налога⁵.

Началом окончательной ликвидации частного капитала стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927–1928 гг. Местным органам власти предписывалось в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса за спекуляцию продуктами сельского хозяйства. При этом поводом к аресту и конфискации имущества могли служить не только скупка хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хо-

³ Там же, с. 218.

⁴ Бурят-Монгольская АССР за десять лет. – М.: Иркутск, 1933. – С. 92.

⁵ Финансовое положение Бурреспублики (годовой отчет БНКФ за 1925–1926 гг.). – Верхнеудинск, 1926. – С. 8.

¹ НАРБ, ф. Р-475, оп. 1, д. 341, л. 218.

² Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924... – С. 189, 191.

зяйства, но даже факт наличия в магазине большого количества товаров. В результате стало неуклонно сокращаться число частных торговых точек: с 1004 в 1925–1926 гг. до 252 в 1927–1928 гг. Незначительной оказалась роль частника на рынке Бурятии и к концу НЭП. Если удельный вес частной торговли в розничном товарообороте страны в 1925 г. составлял 42 %, а в 1928 г. – 20 %, то в Бурятии – соответственно 17,4 и 8,4 %. К 1929 г. в Бурятии не было ни одного крупного частного магазина, удельный вес частной торговли в товарообороте республики составлял 5,8 %¹.

В Бурятии позиции частного капитала в торговле были подорваны значительно сильнее, чем в целом по стране. Это не только деформировало рыночный процесс, но и вело к разрушению хрупкой системы хозяйственных связей, к ухудшению качества жизни населения. В 1920-е гг. рынок Бурятии испытывал систематическое недоснабжение по целому ряду товаров. В 1925–1926 гг. потребности населения в хлопчатобумажных тканях были удовлетворены на 75 %, в металлоизделиях – на 60 %, в чае – на 40 %², в 1927–1928 гг. соответственно – на 50; 62,1; 39,5 %³.

Из предприятий кооперативной промышленности в Бурятии действовали небольшие мукомольные мельницы и кожевенные заводы в Верхнеудинске, Ганзурино и на р. Курбе, конфетная и колбасная фабрики в Верхнеудинске. Частнособственническая промышленность на территории Буреспублики ограничивалась рядом мелких предприятий, среди которых можно отметить мыловаренный завод братьев Ицкович в Верхнеудинске производительностью 3 тыс. пудов мыла в год при 7 рабочих и конфетно-шоколадную фабрику братьев Молдовар на 1,5 тыс. пудов в год при 5 рабочих⁴.

Ко времени образования Бурят-Монгольской АССР доля жителей двух городов – Верхнеудинска и Мысовска составляла 7,4 % общей численности населения республики, буряты составляли 0,03 % горожан⁵. Всего населения в республике

насчитывалось 482,1 тыс. чел., из них около половины бурят.

Слабое развитие городских форм расселения объяснялось недостаточным развитием градообразующих отраслей экономики, преобладанием аграрного производства. В 1926 г. все занятое население Бурятии делилось на следующие социальные группы: крестьяне – 98,2 %, рабочие – 1,2 %, служащие – 0,5 %, лица свободных профессий – 0,1 %.

Особое внимание государство уделяло вовлечению коренного населения в индустриальное производство. В 1926 г. в Бурятии среди рабочих фабрично-заводской промышленности представители коренной национальности составляли 1,33 %, а к концу 1930-х гг. их удельный вес составил 8–10 %. Одной из причин подобных изменений стал отток значительного числа бурят из аграрного сектора в город, в основе которого лежали также и проблемы «психологии выживания». Коренное население вовлекалось в промышленное производство тремя путями: вербовкой, отходничеством, организованным набором, причем последний источник был наиболее распространенным.

Верхнеудинск периода НЭП представлял собой небольшой город – транзитный пункт на пути следования экспортных и импортных товаров в Монголию, Китай и обратно в Россию. Состоял он в основном из одноэтажных деревянных домов, было несколько одно- и двухэтажных каменных домов, построенных купцами. Грязные и узкие улицы затапливались после дождей. Центральная часть города находилась в более исправном состоянии, имелось керосиновое освещение, узкие деревянные тротуары. Зеленых насаждений почти не было. Городское хозяйство состояло из электроосветительной станции, введенной в действие еще в 1908 г., плашкоутной переправы через р. Селенгу, скотобойни, ветеринарно-смотровой станции, бани, базара, Удинского моста, детских домов, больницы, пожарной команды и обозов: ассенизационного, водовозного, хозяйственного и выездного. Постройки находились в ветхом состоянии.

В 1920-е гг. рост городского населения был связан с развернувшимся национально-государственным строительством в республике, привлекавшим сельское население в города, а также некоторым увеличением рождаемости (табл. 1).

¹ Отчет Правительства Бурят-Монгольской АССР. 1928–1930 гг. – М., 1931. – С. 49.

² Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926... – С. 76.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 562, л. 337.

⁴ НАРБ, ф. 753, д. 96, л. 17об.

⁵ Балдано М. Н. Город в Байкальской Азии: процессы индустриализации и урбанизации // Вестник Бурятского университе-

Вид Верхнеудинска с аэроплана

Таблица 1

Численность населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ

Год	1913	1923	1926	1928	1929
Кол-во	16612	21635	28918	30711	32616

Сост. по: НАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 182, л. 1–13; Всесоюзная перепись населения 1926 года: Бурят-Монгольская АССР. Т. VI. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. – С. 358; Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930 гг. – Верхнеудинск, 1931. – С. 8–9; Раднаев Э. В. История формирования этнического состава г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Вита Магистра РЦМП, 2004. – С. 22.

С изменением отношения власти к частному капиталу и свободной торговле в связи с введением НЭП в Советской России проявляют себя так называемые «буржуазные элементы» – нэпманы. По данным городской переписи населения 1923 г., в целом по РСФСР их доля в составе самодеятельного населения достигала 20,8 %¹. В Верхнеудинске этот социальный слой составлял 18,56 %. К ним относились «хозяева с наемными рабочими», которые представляли в большинстве случаев торговую и промышленную буржуазию города; хозяева, ра-

ботавшие с членами семьи; владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных учреждений, не прибегавшие к найму рабочей силы; хозяева-одиночки, к которым относились портные, сапожники, извозчики, парикмахеры, мелкие торговцы, часовщики и т. д.; «помогающие члены семьи» (ими признавались исключительно родственники всех степеней и приемыши, живущие совместно с хозяином, ведущие с ним хозяйство и не получающие за свою работу от домохозяина зарплаты в какой-либо форме); рантье – лица, живущие на доходы от мелкого домовладения и спекулятивной торговли (табл. 2).

¹ Всесоюзная городская перепись 1923 г. Т. 20. Вып. 1. Ч. I. – М.: ЦСУ СССР, 1924. – С. 42–50.

Таблица 2

Частнопредпринимательские слои Верхнеудинска в 1923 г.

Категория	Муж.	%	Жен.	%	Лица обоих полов	%	% по РСФСР
Хозяева с наемными работниками	49	0,76	10	0,44	59	0,68	0,4
Хозяева, работающие только с членами семьи	337	5,26	36	1,58	373	4,3	4,1
Хозяева-одиночки	682	10,65	97	4,28	779	8,97	8,5
Рантье	75	1,17	131	5,75	206	2,37	1,3
Помогающие члены семьи	140	2,19	55	2,42	195	2,25	6,5
Итого	1283	20,03	329	14,8	1612	18,56	20,8

Сост. по: НАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 182, л. 1–13; Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. – Верхнеудинск, 1926. – С. 9.

Частнопредпринимательские слои Верхнеудинска отличались более низкими показателями в общем объеме самостоятельного населения, по сравнению с общероссийскими. Сложилась социальная структура города, типичная для района с преобладанием аграрного и мелкотоварного хозяйств. Достаточно многочисленным слоем были рантье и хо-

зяева, работавшие с членами семьи и связанные с сельскохозяйственным производством.

Различные формы собственности сосуществовали при видимом преобладании государственной. В то же время на начальном этапе НЭП были довольно прочны позиции частного капитала с долей занятости рабочих до 10 % (табл. 3).

Таблица 3

Профессиональный состав населения Бурят-Монгольской АССР (по данным на 1 октября 1924 г.)

Категория предприятия	Рабочие	%	Служащие	%	Итого	%
Государственные	1820	72,3	3991	87,5	5811	82,1
Общественные	446	17,8	483	10,6	929	13,1
Частные	250	9,9	85	1,9	335	4,8
Всего	2516	100	4559	100	7075	100

Сост. по: НАРБ, ф. Р-196, оп. 1, д. 643, л. 11.

Значительную часть населения в 1920-е гг. составляли безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный наем рабочей силы привела к сокращению числа работников на предприятиях. Безработица становится характерной чертой повседневности. В 1923 г. в Верхнеудинске насчитывалось 1622 безработных, что составляло 18,08 %

трудоспособного населения и превосходило общероссийские показатели на 10,6 %. В городе была сосредоточена значительная часть служащих, составлявшая 20,39 % трудоспособного населения. Город периода НЭП невозможно представить без «лиц свободных профессий» (0,7 %) – специалистов, имевших частную практику. Это врачи, педагоги,

адвокаты, художники, фотографы, священнослужители.

В середине 1920-х гг. среди городского населения наблюдается тенденция увеличения числа рабочих и служащих. Прирост числа рабочих в 1926 г. по отношению к 1923 г. составлял 144 %, а служащих – 274,5 %, при этом доля рабочего класса в общем составе самостоятельного населения города сократилась до 17,6 %, а доля служащих стремительно выросла до 29,5 %.

По мере развития НЭП слой нэпманов расширился. Хозяева с наемными рабочими, представлявшие самую активную предпринимательскую часть горожан Верхнеудинска, увеличили долевое участие в составе самостоятельного населения города в 1926 г. до 1,5 %. Показательно, что к 1926 г. все категории нэпманов значительно «возросли» как в абсолютных, так и в долевых параметрах.

В период проведения новой экономической политики в Верхнеудинске остро ощущался кризис жилищного строительства. Решение жилищной проблемы Советское правительство переложило на плечи населения путем разрешения частного строительства (в 1922 г. был принят закон «О праве застройки»). О размерах частного строительства в г. Верхнеудинске можно судить по числу выданных разрешений. В 1923–1924 гг. было выдано 12 разрешений, в 1924–1925 гг. – 23, в 1925–1926 гг. – 38, а в 1926–1927 гг. – 64. Частное строительство составляло заметную долю в общем объеме городского жилищного строительства. В силу начал входить институт кооперативной собственности в виде жилищных товариществ, который также должен был способствовать ликвидации жилищного кризиса.

Постановлениями президиума исполкома горсовета учреждения, домовладельцы, арендаторы были обязаны сажать деревья в центральной части города (тополь, береза, желтая акация), устанавливать ящики для мусора за свой счет. Совместно с коммунальным отделом горожане также должны были сооружать каменные или деревянные тротуа-

Приезд фотографа в деревню

ры (исполкому давались определенные указания по поводу внешнего вида, размеров), вводить обязательное наружное освещение всех домовладений и предместий города¹. В Верхнеудинске проводился частичный ремонт зданий, расширение электросети, было переименовано 36 улиц.

Изменения социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране и республике привели к возрождению «буржуазного досуга» в виде игорных домов, ресторанов, легализации азартных игр. В Верхнеудинске было 2 игорных дома, пользовавшихся успехом у горожан и приезжих. В игорных заведениях были представлены кегли, рулетка, механический ипподром. При проведении различных мероприятий были популярны буфеты, приносившие значительный доход. Повсеместно использовался гужевой транспорт, и извозчик долгое время был ключевой фигурой. Первые автобусы в городе появились только в октябре 1933 г.

Социальная инфраструктура города развивалась слабо. В середине 1920-х гг., по мере стабилизации экономической ситуации, в Верхнеудинске начала расти посещаемость в школах, однако население столкнулось с нехваткой школьных помещений и теснотой в аудиториях. Доля расходов на народное

¹ НАРБ, ф. Р-661, оп. 2, д. 2, л. 9.

образование в бюджете государства, доходившая в 1920 г. до 10 %, в 1922 г. сократилась до 2–3 %. Финансирование из центра практически прекратилось, а местные средства были слишком скудными, что привело к резкому сокращению числа школ.

Медицинское обслуживание жителей Верхнеудинска также представляло значительную проблему. Теоретически всему населению в случае необходимости оказывалась медицинская помощь. На деле же медицинские учреждения не справлялись с наплывом пациентов. Поэтому была востребована и распространена практика частных врачей, услугами которых пользовались не только лица из «лишенцев», но и рабочие, служащие, имевшие право на бесплатную медицинскую помощь. Частнопрактикующих врачей было немного, они входили в число лиц свободных профессий (0,7 %).

В Верхнеудинске в 1929 г. было 3 больницы с 260 койками, в них работали 39 врачей, 3 медсестры и 132 чел. младшего медицинского персонала. Хотя количество учреждений здравоохранения росло, это привело лишь к некоторому повышению качества медицинского обслуживания. На весь город была открыта всего одна баня и несколько парикмахерских, которые должны были удовлетворять потребности горожан в санитарной гигиене.

Альтернативный буржуазному социалистический досуг, включавший в себя библиотечную сеть, народные дома и клубы, развивался медленно, ввиду недостаточного финансирования со стороны государства, характерного для всего периода НЭП. В 1927 г. в Верхнеудинске работали 14 библиотек, но их явно не хватало, учитывая рост населения города и ограниченные фонды библиотек. В библиотеке по ул. Пристанской было всего 59 книг; в красном уголке за р. Селенгой – 75; в библиотеке Верхнеудинской пожарной команды – 150 книг, и это считалось нормой¹. В 1927 г. работали 8 народных домов и клубов, в 1929 г. – 12, в большинстве своем они располагались в ветхих зданиях, требовавших ремонта, с недостаточным количеством мебели и декораций².

В 1920-е гг. основными местами праздничных мероприятий служили улицы, площади, места захоронения погибших революционеров. Любимым развлечением горожан были танцы и народные гу-

Медсестры Красного Креста. 1929 г.

ляния. Обычно они начинались после демонстрации кинокартин, выступлений артистов и коллективов художественной самодеятельности на открытых площадках. В 1923 г. во всей БМАССР было 2 кинотеатра, а в 1929 г. в Верхнеудинске уже насчитывалось 7 киноустановок³. Просмотр кинокартин становился нормой повседневной жизни большинства городских жителей. В 1929 г. впервые в г. Верхнеудинске начала вести передачи небольшая радиовещательная станция.

С 1927 г. начал свою профессиональную деятельность первый в г. Верхнеудинске стационарный театр. Советское государство ставило задачу формирования рабочей аристократии, приобщая трудящихся к культуре. Передовикам производства вручали бесплатные театральные билеты. Поход в театр воспринимался населением не как развлекательное мероприятие, а как норма жизни привилегированных слоев советского общества.

Жизнь республики постепенно налаживалась. В конце 1928 г. 6-я областная партийная конференция констатировала, что основные задачи восстановления народного хозяйства БМАССР решены.

3.2. Социалистическая индустриализация СССР и ее осуществление в национальном регионе

Во 2-й половине 1920-х гг. важнейшей задачей экономического развития стало превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечение ее экономической независимости и укрепление обороноспособности. Неотложной потребностью стала

¹ НАРБ, ф. Р-196, оп. 4, д. 1, л. 145.

² Материалы по статистике Бурятии. Вып. II. – Верхнеудинск, 1931. – С. 458.

³ Там же.

модернизация экономики, а ее главным условием – техническое совершенствование народного хозяйства.

Курс на индустриализацию провозгласил XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. Речь шла о необходимости превращения СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую их. В его документах обосновывалась потребность в максимальном развитии производства средств производства (группа «А») для обеспечения технико-экономической независимости страны, находящейся во враждебном окружении. Подчеркивалась важность создания социалистической промышленности на основе повышения ее технического оснащения. Начало политики индустриализации было законодательно закреплено в апреле 1927 г. IV съездом Советов СССР.

Понятие «социалистической индустриализации» означало: 1) всемерное развитие государственного сектора как основы социалистической экономики; 2) внесение в нее планового начала; 3) установление новых взаимоотношений между городом и деревней на основе расширения крестьянского спроса не только на продукты потребления, но и на средства производства; 4) сокращение непроизводительного потребления (режим экономии), с тем чтобы сэкономленные средства направить на строительство новых заводов и фабрик. При этом утверждалось, что «социалистическая индустриализация» может быть осуществлена только за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты.

Программа «социалистической индустриализации» дополнялась планом реконструкции народного хозяйства, который предусматривал: изменение техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей, расширение массового производства, перенесение в экономику страны передовой американской и европейской технологии, рационализацию, научную организацию труда (НОТ), изменение общей структуры производства в сторону развития отраслей тяжелой промышленности, перемещение производства к источникам сырья и энергии, специализацию районов в соответствии с их природными и социальными потребностями.

Индустриализация Бурят-Монголии началась на базе уже созданной в стране крупной промышленности, на ассигнованные государственным бюджетом

средства. В период восстановления народного хозяйства и в годы 1-ой пятилетки (1928–1933) были проведены работы по реконструкции промышленности, ставшей важным фактором индустриализации республики. Одновременно преодолевались громадные трудности, связанные с особенностями развития экономики и культуры края. Отсутствовали предприятия тяжелой промышленности. Имевшиеся заводы по производству строительных материалов были маломощны и не могли в достаточной степени обеспечивать потребности развертывавшегося крупного промышленного строительства. Добывающая промышленность находилась в зачаточном состоянии. Ощущалась острая нехватка квалифицированных рабочих, инженеров и техников. Подготовка кадров рабочих из местного населения требовала значительных усилий и времени.

Перед властями республики была поставлена задача внедрения новых методов руководства промышленностью: а) организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд; б) ликвидировать текучесть, уничтожать уравниловку, правильно организовать заработную плату, улучшать бытовые условия рабочих; в) ликвидировать обезличку, улучшать организацию труда; г) создавать производственно-техническую интеллигенцию; д) внедрять и укреплять хозрасчет, поднимать внутрипромышленное накопление¹. Эти задачи решались в чрезвычайно сложных условиях, в процессе строительства новых предприятий и учреждений.

План стал законом жизни общества. В соответствии с переходом к централизованному директивному планированию была перестроена вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу можно было увидеть черты, унаследованные от военно-коммунистической экономики. В огромной степени возросла роль Госплана – органа, возникшего на излете военного коммунизма и являющегося создателем пятилетнего плана в части индустриального развития.

Ускоренные темпы индустриализации требовали увеличения капиталовложений. Субсидирование промышленности велось в основном за счет внутрипромышленного накопления и перераспределения национального дохода через госбюджет в ее пользу. Важнейшим источником финансирования стала «перекачка» средств из аграрного сектора в индустриальный.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 275.

стриальный. Для получения дополнительных средств правительство начало выпускать займы, осуществило эмиссию денег, что вызвало резкое углубление инфляции.

Нарастала социальная напряженность в городах, куда устремились согнанные коллективизацией с родных мест сельские жители. Дешевый труд вчерашних крестьян широко использовался на стройках пятилетки, многие объекты которой сооружались вручную, и промышленный рост шел не путем повышения производительности труда, а за счет привлечения новых рабочих рук.

Примерно до 1930 г. потребности в дополнительной рабочей силе покрывались за счет крестьян-единоличников и городских безработных. В 1926–1929 гг. в Бурятии насчитывалось в среднем до 10 тыс. наемных сельскохозяйственных рабочих¹. По данным Верхнеудинской биржи труда, в 1926–1927 гг. из общего количества зарегистрированных безработных прибывшие из деревень и улусов составляли 30,1 %, а в 1927–1928 гг. – 43,2 %². Весной 1927 г. БурЦИК, отметив увеличение количества безработных за счет избыточного населения деревень и приезжих безработных, издал циркуляр о порядке приема на работу только через органы Бурнаркомтруда (биржу труда)³.

Республиканские власти пытались решать вопрос о вовлечении в производство представителей коренной национальности, а основным источником для подготовки производственных рабочих признавалось улусное батрачество. На учет были взяты сезонные рабочие из коренного населения для последующего их использования на строительных работах. Уже к концу 1930 г. в республике была ликвидирована безработица. Если в 1929 г. на учете Верхнеудинской биржи труда числилось свыше ты-

III Съезд ОСОАВИАХИМа, 28 июля 1930 г.

сячи безработных, то к началу 1931 г. в республике имел место дефицит рабочей силы⁴.

Первенцем крупного промышленного строительства в Бурятии стал механизированный стекольный завод. Обком ВКП(б) и СНК республики обратились к трудящимся с призывом обеспечить стройку рабочей силой. Организованный набор в колхозах обеспечил создание коллектива строителей, а затем и действующего завода. Руководство предприятия вело борьбу с прогулами и текучестью, добивалось улучшения бытовых условий, введения хозрасчета, развертывания социалистического соревнования и ударничества. В 1930–1931 гг. строительные работы на Стеклострое шли медленно из-за нехватки строительных материалов и рабочей силы, задержки проектов и рабочих чертежей, плохого финансирования. После обследования органами НК РКК положения дел на строительстве завода ЦКК ВПК (б) и НК РКК СССР 3 июня 1932 г. приняли постановление «О строительстве Верхнеудинского стекольного завода», в котором были вскрыты причины медленных темпов строительства и указаны конкретные меры по его быстрейшему завершению. Стеклострой был включен в число приоритетных новостроек страны. Строительство сотен объ-

¹ Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – С. 73.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 18, л. 37.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 2, д. 16, л. 14.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1933. – 26 марта.

Новые трудовые ресурсы

ектов в стране было начато и тормозилось из-за нехватки сырья, топлива, оборудования, рабочей силы. К концу 1930 г. 40 % капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах. В целях преодоления нехватки

Строители на митинге

материальных ресурсов снабжение предприятий постепенно переходило в руки административных структур. Они пытались обеспечить централизованное распределение основных ресурсов и рабочей силы, необходимых в промышленности. Деятельность предприятий оказалась, таким образом, в зависимости от очередности получения ассигнований, порядок которой определялся значением предприятия.

Поступившие ассигнования позволили расширить фронт работ. Уже в июле 1932 г. основные цеха, обслуживавшие строительство завода, были переведены на хозрасчет (15 бригад), что, в свою очередь, сразу же сказалось на повышении производительности труда. Особое внимание было уделено повышению квалификации рабочих, овладению техникой – главному условию выполнения планов. Каменщики выполняли месячный план на 104–135 %, землекопы – на 110–122, плотники – на 130–142, столяры – на 133–150 %¹.

С улучшением работы вербовочного аппарата увеличилось поступление рабочей силы. В 1932 г. из Москвы прибыла бригада трубоукладчиков, многое сделавшая для ускорения работ и закрепившаяся на заводе до конца строительства. На стеклозавод прибыли мастера механизированной варки стекла с действующих заводов Константиновки и Гусь-Хрустального. Правительство СССР разрешило Бурят-Монголии провести набор рабочих в Ивановской и Горьковской областях, Восточно-Сибирском крае. В 1934 г. Стеклострой набрал здесь свыше 500 человек. Периодические издания тех лет вели хронику новостроек республики. Газета «Бурят-Монгольская правда» отмечала успехи строительных бригад москвичей Турушева, Щекотова и других, трудившихся на строительстве стекольного завода².

Одновременно со стеклозаводом в 1930 г. было начато строительство Верхне-Березовского кирпичного завода и шахты на Головинском месторождении угля. В 1931 г. началось возведение Верхнеудинской городской электростанции (ЦЭС), крайне необходимой для производства электроэнергии в связи с крупным промышленным строительством в городе. Из центра страны приехали квалифицированные инженерно-технические работники и рабочие – монтажники, эксплуатационники. Вместе

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 276.

² Бурят-Монгольская правда. – 1932. – 26 июня.

Первые цеха Верхнеудинского стеклозавода

с ними прибыло оборудование электростанции. 26 марта 1933 г. была сдана первая очередь ЦЭС мощностью 750 кВт¹.

В соответствии с 1-м пятилетним планом было намечено строительство паровозовагоноремонтного завода (ПВРЗ) на востоке страны. В результате проведенных изысканий экономически более целесообразным местом был определен Верхнеудинск в силу географических и транспортных условий, наличия в районе богатых запасов минералов и леса, необходимых для производства стройматериалов. При этом имелось в виду, что строительство завода окажет благоприятное влияние на хозяйственное и культурное развитие Бурятии, будет способствовать формированию рабочего класса из коренного бурятского населения.

2 июня 1932 г. Совет труда и обороны СССР утвердил решение о строительстве в Верхнеудинске паровозовагоноремонтного завода, рассчитанного на ремонт 1200 паровозов и выпуск 14000 вагонов в год. Завод должен был стать основной ремонтной базой для железных дорог Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, а его строительство – громадным шагом в индустриализации республики.

В июле 1932 г. пленум областного комитета партии обсудил вопрос о ходе промышленного и сельскохозяйственного строительства и задачах строительной промышленности республики. По его решению были начаты работы по механизации кирпичного производства на Нижне-Березовском заводе и изыскательские работы для строительства нового кирпичного завода. Тогда же был обсужден вопрос о строительстве ПВРЗ и намечен ряд практических мер по оказанию помощи строительству рабочей силой, строительными материалами и продовольствием.

В августе 1932 г. на строительной площадке ПВРЗ работало 2235 чел. при потребности в 6700 чел., иными словами, строительство было обеспечено кадрами на 33 %. Для освоения и эксплуатации завода сюда были направлены квалифицированные рабочие, инженеры и техники с других предприятий страны. Самая большая партия рабочих, 1500 чел., прибыла по путевкам ЦК ВЛКСМ в 1935 г. Это были слесари, электромонтеры, машинисты электростанций, токари, специалисты по ремонту паровозов и вагонов, мастера по чугуномедесталелитейным производствам и др. Из центральных областей СССР на строительство ПВРЗ прибыло 1299 рабочих². Ядром рабочего коллектива строителей ПВРЗ стали 500 прославленных строителей Турксиба во главе с бывшим заместителем начальника строительства Туркестано-Сибирской железной дороги С. М. Ивановым.

Постановлением бюро обкома ВКП(б) было решено набрать в республике на строительство ПВРЗ 5 тыс. чел. Летом 1932 г. на стройку прибыло 3213 чел., в т. ч. 1354 бурята³. Значительная часть новых рабочих были вчерашние крестьяне, пришедшие

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 188, л. 25.

³ Митупов Б. М. О формировании рабочего класса в Бурят-Монголии // Записки Бурят-Монгольского НИИК. Вып. XXII. – Улан-Удэ, 1956. – С. 11.

¹ НАРБ, ф. 475, оп. 1, д. 522, л. 103.

Первые строители ПВРЗ

из улусов и деревень Бурятии, неквалифицированные, не имевшие опыта работы в промышленности. Положение усугублялось недостатком жилья, плохими бытовыми условиями. Процесс адаптации новых рабочих был болезненным: имели место прогулы, текучесть кадров, случаи хулиганства. Надо было приобщать их к новой организации труда, обучить грамоте, создать элементарные бытовые условия. Основные кадры рабочих и инженерно-технического персонала ПВРЗ готовились в ходе строительства завода.

Строительство ПВРЗ, общая стоимость которого составляла 110–120 млн. руб., положило начало созданию машиностроения в республике и было обусловлено интересами улучшения работы железнодорожного транспорта Восточной Сибири и Дальнего Востока. 22 августа 1932 г. были заложены

Начало строительства ПВРЗ

фундаменты ремонтно-механического, кузнечного, кислородного и других цехов, а уже к сентябрю следующего года ремонтно-механический был сдан в эксплуатацию.

29 октября 1932 г. Совет труда и обороны СССР принял специальное постановление по строительству ПВРЗ, которым были установлены календарные сроки строительства всех цехов завода, выделены для возведения соцгородка 27500 тыс. руб., а также разрешено до 1 декабря 1932 г. завербовать в пределах Восточно-Сибирского края 4500 чел., в т. ч. 3500 квалифицированных рабочих (плотников, бетонщиков, арматурщиков, столяров и др.)¹.

К 1935 г. были сданы в эксплуатацию паровозоремонтный комбинат, токарная часть вагоноремонтного комбината, кузнечный, чугунолитейный, деревообрабатывающий, инструментальный цеха, кислородная и компрессорная станции и другие объекты. Наряду со строительством шло техническое освоение нового завода транспортного машиностроения. В январе 1935 г. паровозоремонтный комбинат выпустил 5 паровозов, в мае – 6, в сентябре – 20, в октябре – 26². Вагоноремонтный комбинат выпустил в июле 1935 г. первые 36 вагонов, в августе – 74, в октябре – 185³.

Создание новых промышленных предприятий потребовало обеспечения инженерно-техническими работниками. Инженерно-технический персонал новых заводов составляли инженеры и техники, командированные из центральных промышленных районов, и молодые специалисты – выпускники вузов. На ПВРЗ в 1935–1936 гг. прибыли выпускники Ленинградского и Ростовского институтов железнодорожного транспорта А. И. Хворостухин, А. Ф. Поленов, В. П. Стругацкий и др. На мехстеклозавод были направлены Д. С. Болсохоев, А. П. Галочкина и др., окончившие Томский химико-технологический институт.

На строительство мясокомбината в августе 1933 г. прибыло 600 рабочих из Самары⁴. На мель-

¹ НАРБ, ф. 248, оп. 1, д. 885, л. 365.

² Тармаханов Е. Е. Промышленное развитие Бурятии и Монголии в годы второй пятилетки // Уч. зап. БМГПИ. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1954. – С. 19.

³ Шулунов Ф. И. Формирование промышленности Бурятии и ее развитие в послевоенный период. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – С. 31.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 57, л. 82.

ничный комбинат были командированы рабочие-специалисты (крупчатники) из Лозовой и Луганска. В 1932–1935 гг. из Москвы, Ленинграда, с Урала, из Курской, Тамбовской и Воронежской областей, из Украины и Казахстана в Бурятию прибывали рабочие самых разных специальностей, сыгравшие решающую роль не только в индустриализации республики, но и в подготовке промышленных кадров.

Трудящиеся республики вовлекались в промышленность различными путями: отходничеством, вербовкой, организованным набором. Если в годы 1-й пятилетки преобладал стихийный приток крестьян, то во 2-й – основными стали организованные формы. Это позволило регулировать как обеспечение промышленности и строительства рабочей силой, так и создание кадров республиканского рабочего класса. Численность рабочих в промышленности в 1932 г. превысила плановые наметки на 32 %. До 61,3 % повысился удельный вес рабочих, занятых в тяжелой промышленности. К 1 января 1933 г. буряты составляли 16 % всех рабочих местной промышленности¹.

В росте индустриальных кадров Бурятии немалую роль сыграло привлечение женщин к общественной и производственной деятельности. Не последнюю роль в вовлечении женщин в общественное производство сыграла ликвидация неграмотности. В Бурятии был также проведен целый комплекс работ, позволивший высвободить женщин из домашнего хозяйства и вовлечь в производство: прежде всего, это было обобществление единоличных хозяйств, организация общественного питания, открытие детских дошкольных учреждений. В 1931 г. среди подготовленных квалифицированных рабочих женщины составили 23,4 %; в 1932 г. – 22,8 %. В составе рабочих промышленных предприятий республики женщин на 1 июля 1931 г. было 22,9 %, а на 1 января 1932 г. – 27,1 %. В 1934 г. на строительстве ПВРЗ 40 % рабочих составляли женщины². К концу 2-й пятилетки удельный вес женщин в крупной промышленности республики составлял 22,1 % от общего количества работающих³.

И все же промышленность остро нуждалась в квалифицированных кадрах. «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» – эти слова Сталина ста-

На строительстве мясокомбината

ли лозунгом, под которым шла профессионально-техническая подготовка рабочих. Осенью 1933 г. школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) были реорганизованы в профессиональные учебные заведения для подготовки рабочих массовых специальностей. При фабриках и заводах открывались курсы повышения квалификации, создавались условия, стимулирующие учебу трудящихся без отрыва от производства в вечерних школах и вузах.

Мясокомбинат, порционный контроль

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 292.

² Митупов Б. М. Развитие промышленности... – С. 84.

³ НАРБ, ф. 248, оп. 40, д. 176, л. 53.

Первый выпуск школы ФЗУ им. Постышева ПВРЗ

Также была введена обязательная государственная проверка знаний рабочих, обучавшихся техминимуму в кружках и на курсах.

С созданием и развитием школ ФЗУ для промышленности и транспорта была начата подготовка квалифицированных рабочих для сельского хозяйства. В апреле 1933 г. была открыта первая республиканская школа механизаторов «Тракторуг», переименованная затем в школу мехкадров. Только за 2 года (1935–1937) численность рабочих МТС выросла с 607 до 1216, а бригадиров тракторных бригад – с 98 до 269. Количество трактористов выросло почти вдвое – с 1180 до 2212¹. Постепенно создавалась стационарная сеть школ и курсов по подготовке механизаторских кадров, зооагротехпропаганды, районные колхозные школы.

В 1931 г. в Бурятии было подготовлено 500 строительных рабочих и 7,5 тыс. рабочих различных специальностей, в т. ч. 61,6 % бурят и 23,4 % женщин². За 1932 г. было подготовлено более 9 тыс. рабочих, из них 48,6 % бурят и 22,8 % женщин³. Основной формой подготовки квалифицирован-

ных кадров рабочих являлось обучение без отрыва от производства. Почти на всех промышленных предприятиях было организовано индивидуальное и бригадное ученичество. За 9 месяцев 1935 г. на ПВРЗ была подготовлена 1 тысяча квалифицированных рабочих, в т. ч. 280 бурят⁴. На мехстеклозаводе были организованы «национальные смены» – бригады из 16–18 рабочих-бурят, которых обучал квалифицированный мастер-стекловар или инженер. На других предприятиях республики (мясокомбинате, «Механлите» и др.) были организованы курсы техминимума и производственное ученичество.

Темпы роста рабочих в промышленности Бурятии были значительно выше, чем по стране в целом. За 2-ю пятилетку количество рабочих в промышленности СССР выросло на 36 %, а по БМАССР – более чем в 7 раз. Индустриальное развитие республики привело к значительному изменению в соотношении городского и сельского населения. Городское население Бурятии выросло с 32 тыс. в 1923 г. до 170 тыс. в 1940 г.⁵

В 1933 г. началось строительство мясохолодкомбината, которое также было отнесено к числу ударных строек. 20 мая 1933 г. издается приказ СНК СССР о снабжении строительства стройматериалами, в 1934 г. там работало уже 1120 чел. В 1935 г. были введены в строй первая очередь холодильника, убойный цех, начато строительство ТЭЦ при комбинате. В связи с вводом новых объектов основные средства производственного назначения возросли с 451,1 тыс. руб. на 1 января 1935 г. до 5176,5 тыс. на 1 января 1936 г.⁶ Комбинат был введен в эксплуатацию при 32 не начатых по проекту и частью

¹ НАРБ, ф. 195, оп. 12, д. 38, л. 9.

² Бурят-Монгольская правда. – 1931. – 21 сент.

³ Бурят-Монгольская АССР за 10 лет... – С. 28.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 57, л. 82.

⁵ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. – М., 1972. – С. 700, 756, 779, 789.

⁶ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 61, л. 4.

Лучшие строители первенцев бурятской индустрии

не законченных объектов стоимостью 13750 тыс. руб.¹ Строительство комбината продолжалось и в последующие годы, а консервный завод был сдан в эксплуатацию в 1940 г.

В годы 1-й пятилетки были произведены значительные капитальные вложения в реконструкцию и расширение новых предприятий, а с 1931 г. – на новое промышленное строительство. С 1928 г. по 1932 г. включительно в промышленность Бурятии было вложено 19150,7 тыс. руб. вместо 16736 тыс. по плану 1-й пятилетки. Это было в 20 раз больше, чем в предыдущие 5 лет. На новое промышленное строительство было направлено 15075,2 тыс. руб. Удельный вес производства средств производства в капитальных вложениях на новое строительство составил 87,6 %, а в общем объеме всех капиталовложений – 81,9 %².

Ежегодно обновлялись основные фонды промышленности путем реконструкции существующих предприятий. Были установлены новые лесопильные рамы на Верхнеудинском лесозаводе, построен соковарный цех на Чикойском кожевенном заводе, был переоборудован и расширен Баргузинский рыбконсервный завод. Стоимость основных фондов промышленности Бурятии выросла за годы 1-й пятилетки в 2,8 раза. Ускоренными темпами велось жилищное строительство для рабочих промышленных предприятий.

Объем валовой продукции промышленности республики в 1932 г. возрос более чем в 3 раза по сравнению с 1923–1924 гг. Одновременно изменилось удельное значение группы промышленности

по валовой продукции. Если в 1923–1924 гг. группа «А» составляла 17 % от общей стоимости валовой продукции, то в 1933 г. ее удельный вес возрос до 47 %. В народном хозяйстве страны и республики складывались серьезные диспропорции: легкая промышленность была принесена в жертву тяжелой индустрии и стала серьезно отставать от нее; сельскохозяйственное производство находилось в упадке. Именно в годы «большого скачка» сформировались глубокие народнохозяйственные диспропорции, которые на десятилетия вперед станут характерными для всего развития экономики и общества в СССР.

Валовая продукция фабрично-заводской промышленности республики увеличилась за пятилетку на 60,1 %. План 1-й пятилетки был выполнен по стране за 4 г. и 3 мес. Специалисты по-разному оценивают итоги пятилетки. Показатель ежегодного прироста продукции у разных исследователей колеблется от 10,5 до 21 %. Однако рост производства как по стране, так и по Бурятии был весьма значительным. При этом индустриализация проводилась экстенсивными методами, с огромными издержками, сопровождаемая высокой инфляцией.

В начале 1934 г. был принят 2-й пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937), который предусматривал широкий размах промышленного строительства в национальных республиках и областях. Капитальные затраты на промышленность республики составили 428 млн. руб., превысив в 22,5 раза вложения 1-й пятилетки³. При этом темпы роста капиталовложений в промышленность республики были гораздо выше, чем по стране (в 9,5 раза). С одной стороны, это свидетельствовало о форсированном развитии промышленности Бурятии в соответствии с политикой ликвидации экономического неравенства, с другой – о низкой стартовой базе республики.

В 1935 г. в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте широко внедрялась прогрессивная сдельная оплата труда, резко повысившая личную материальную заинтересованность работников в росте производительности труда. Широко практиковалась сдельно-премиальная оплата за выполнение и перевыполнение количественных и качественных заданий. Вводилась большая дифференциация в оплате – в зависимости от условий работы, степени ее трудности, квалификации, знаний и стажа работников.

¹ НАРБ, ф. 195, оп. 13, д. 4, л. 14; Республика Бурятия. 75 лет: стат. сб. – Улан-Удэ, 1998. – С. 21.

² Митупов Б. М. Развитие промышленности... – С. 41.

³ Двадцать лет БМАССР. – Улан-Удэ, 1943. – С. 46.

Панорама Улан-Удэнского механизированного стекольного завода

Тем самым создавались конкретные стимулы не только для ударников труда, но и вообще для каждого работника, желающего повысить свою квалификацию.

Неотъемлемой частью индустриализации стало массовое социалистическое соревнование, развернувшееся в стране в начале 1929 г. Главным его содержанием было активное участие рабочих масс в наведении порядка, укреплении дисциплины на производстве, основным методом – штурм, направленный на быстрейшее преодоление трудностей. Получили распространение ударные бригады, члены которых принимали на себя обязательства, связанные с выполнением заданий по выпуску продукции, снижением ее себестоимости, ростом производительности труда, бережным отношением к станкам, инструменту. Эти бригады объединяли поначалу небольшую, наиболее сознательную часть рабочих. В 1930 г. на Стеклострое ударные бригады были единичным явлением, а в 1932 г. их насчитывалось свыше 20. Однако в начальный период строительства завода развитию соревнования и ударничества мешало плохо организованное снабжение фондовыми материалами и недостаточное финансирование.

Наряду с ударничеством распространение получили такие почины, как бригадный хозрасчет, конкурсы рабочих по профессиям, «общественный буксир» и др. На Стеклострое бригада плотников Щекотова взяла на «общественный буксир» отстаю-

щую бригаду Антонова, в результате чего последняя стала выполнять план на 110–115 %¹. На Верхнеудинском лесозаводе в 1932 г. работали 22 хозрасчетные бригады. Среди них особо выделялась бригада пильщиков. В ее составе трудились хорошо зарекомендовавшие себя молодые производственники – ударники Габинский, Ицкович, Спирин, Семенов, Осипов и др. Они на деле доказали, как лучше организовать работу, повысить культуру труда. В результате ударная бригада стала выполнять план распиловки на 110–126 %². По инициативе комсомольцев ПВРЗ в 1932 г. в течение двух месяцев было создано 50 молодежных хозрасчетных бригад. Среди них особо отличались бригады плотников Посошкова и Лобынцева,

бригады землекопов-бурят Майковой и землекопов-казахов Шамсутдинова, бригады каменщиков Мелихова, бетонщиков Свидченко и Бирюкова.

Со временем все ошутимее становилась потребность обобщить опыт работы ударных бригад, выявить возможности дальнейшего развития этого движения, ставшего ведущей формой социалистического соревнования. Организаторы соцсоревнования стремились использовать его как важный рычаг для мобилизации усилий рабочих по выполнению производственных заданий. Кроме того, с помощью соревнования обеспечивался всенародный трудовой подъем, доказывались преимущества социалистического труда и возможность соперничества в условиях государственной собственности на средства производства.

В стране к концу 1930-х гг., по данным профсоюзов, только в промышленности и на железнодорожном транспорте насчитывалось более 2,5 млн. ударников из 5,2 млн. рабочих. Но в реальных условиях начала 1930-х гг. ударничеству мешали прямое противодействие отдельных хозяйственных руководителей и части трудящихся, уравниловка и недооценка материальных стимулов. На движении ударных бригад и других формах соревнования отрицательно сказывались и признаки утверждавшегося командного стиля руководства хозяйствен-

¹ Бурят-Монгольская правда. – 1932. – 26 июня.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 207, л. 176.

В цехе Механлита

ным строительством. Они проявлялись уже тогда, в стремлении добиться результата любой ценой, в расчете на «сознательность энтузиастов». Ради опережения плановых сроков, эффектного рапорта допускались серьезные отступления от технологии, огрехи в работе. Зачастую оставались без должного внимания механизация тяжелых и трудоемких работ, материальное обеспечение производства, снабжение людей продовольствием, жилищные и другие условия жизни.

Яркой страницей в истории индустриализации стало стахановское движение, охватившее широкие слои рабочих. Имя движению дал шахтер Алексей Стаханов, установивший в ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 г. рекорд, в 14 раз превысивший норму за смену. Успехи Стаханова получили всеобщую известность, и поддержанное партийными органами движение быстро распространилось на все отрасли промышленности. Стахановцы появились практически на каждом предприятии. На распространение стахановского движения, сыгравшего важную роль в развитии промышленности, оказало влияние материальное стимулирование повышения норм выработки. Стахановцы, показавшие высокие трудовые результаты, оплачивались на порядок выше, чем средние рабочие. Не последнее значение имел и социальный фактор: стать стахановцем – значило попасть в элиту рабочего класса, получить известность, признание, возможность продвинуться в жизни. Среди мотивов высокопроизводительного труда рабочих следует отметить и патриотизм – стремление рабочих всеми силами помочь Отечеству встать в один ряд с индустриально развитыми странами и доказать, что советский рабочий ни в чем не уступает европейскому или американскому.

В декабре 1935 г. в Улан-Удэ по инициативе горкома ВКП(б) состоялся первый городской слет стахановцев. К этому времени на ПВРЗ насчитывалось 300 стахановцев, на железнодорожном транспорте – 200, на водном транспорте, мясокомбинате, стекольном заводе, мелькомбинате и других предприятиях неуклонно росло число передовиков производства, овладевших новой техникой. В 1936 г. не только отдельные рабочие, но и цеха, целые предприятия становятся стахановскими – инструментальный цех ПВРЗ, шлакобетонный завод при ПВРЗ, цеха на стекольном заводе, мясокомбинате, заводе «Механлит», в типографии.

Стахановское движение охватило и железнодорожный транспорт. Безоговорочная поддержка коллективных форм стахановской работы, обеспечивая массовость движения, в то же время ослабляла соревновательный порыв трудящихся. К серьезным издержкам относилось и то, что в погоне за непременным ростом стахановских рядов случалось обесценивание действительно высоких результатов труда. На ряде предприятий новатором производства считался едва ли не каждый второй работающий. Так значилось в сводках, а фактически за этим скрывались дутые цифры, рапортомания, формализм. Стремление к установлению рекордов имело еще одну оборотную сторону. Недостаточная подготовка вновь назначенных хозяйственных руководителей и неумение большинства рабочих освоить новую технику порой приводили к ее порче и дезорганизации производства.

В годы 2-й пятилетки продолжалось строительство механизированного стекольного завода, ПВРЗ, основных объектов мясохолодокомбината, а в сентябре 1933 г. началось строительство мелькомбината. Именно в этот период были приняты меры по наращиванию строительных работ на стройках мехстеклозавода и ПВРЗ. Была налажена добыча кварцевого песка в Восточно-Сибирском крае и его доставка на завод. Подготовка менее квалифицированных рабочих осуществлялась на месте через краткосрочные курсы, а высококвалифицированных – на стекольных заводах городов Гусь-Хрустальный, Константиновка, Ленинград и др. В период пуска и освоения мехстеклозавода прибыли кадровые рабочие со стекольных заводов центральных областей страны. Первое крупное предприятие современной промышленности в Бурятии, первый в Сибири и на Дальнем Востоке механизированный завод оконного стекла, вступил в строй в сентябре

1935 г. Завод стал снабжать своей продукцией всю Восточную Сибирь, Дальний Восток и Монголию.

Практически самым важным этапом индустриализации Бурятии и одной из приоритетных новостроек страны стало строительство ПВРЗ. Постановлением Комиссии исполнения при СНК СССР от 17 июня 1933 г. строительство Верхнеудинского ПВРЗ было признано имеющим исключительное значение для улучшения работы железнодорожного транспорта Дальнего Востока¹. Постановлением СНК СССР от 28 сентября 1933 г. были определены предприятия, которые должны были поставлять оборудование для нового завода. СНК СССР обязал народные комиссариаты тяжелой промышленности и путей сообщения СССР обеспечить своевременное размещение на отечественных и зарубежных предприятиях заказов на производство оборудования и его отгрузку заводу². В 1934 г. досрочно было закончено строительство чугунолитейного цеха, в 1935 г. вошли в строй кузнечный, инструментальный, деревообрабатывающий, модельный цеха и вагонный комбинат. Однако в этом же году было выявлено, что многие сданные цеха построены с нарушением утвержденных проектов, а их дальнейшая эксплуатация сопряжена с большими трудностями.

По решению правительства производственная программа завода на 1935 г. была увеличена включением в нее заданий по паровозостроению. В связи с этим было принято решение переделать и реконструировать ряд производственных цехов. В результате значительно возрос план строительных работ. План капитального строительства на 1936 г. составил 79270 тыс. руб., в т. ч. по промышленному строительству – 60270 тыс.³ Приказом Народного комиссариата путей сообщения СССР от 10 апреля 1936 г. были определены объем и сроки переделки и реконструкции готовых цехов, завершения строительства неоконченных объектов. Согласно этому приказу, выполнение строительных работ в 1936 г. должно было завершить в основном строительство завода. Программа потребовала полной мобилизации и громадного напряжения всех сил коллектива строителей, а завышенные планы и перебои в снабжении оттягивали сроки завершения строительства. В 1937 г. были введены в эксплуатацию и освоены

Рабочие Джидаккомбината на откатке руды. 1934 г.

все цеха Улан-Удэнского ПВРЗ, а в апреле 1938 г. завод вступил в строй действующих.

В республике создавалась крупная горнодобывающая промышленность, имевшая общесоюзное значение. Были проведены геологоразведочные работы на Гусиноозерском месторождении угля и начата подготовка к его эксплуатации. В 1934 г. стал давать продукцию Джидинский вольфрам-молибденовый комбинат, а в 1937 г. было закончено строительство обогатительной фабрики. Тогда же было начато строительство Тимлюйского цементного завода на местном сырье. Строительные работы продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны и закончились только в 4-й пятилетке.

За годы 1-й и 2-й пятилеток в республике возникли металлообрабатывающая, машиностроительная, горнорудная, угольная, строительных материалов, лесная и другие отрасли промышленности. Было введено в эксплуатацию 118 промышленных предприятий. К концу 2-й пятилетки основные фонды отраслей промышленности, производящих средства производства, возросли в 413 раз, а отраслей, производящих предметы потребления, – в 49. Эти показатели отражали не только их количественный рост. Увеличился удельный вес новых производственных фондов промышленности, выросла доля производства машин и оборудования. Валовая продукция производства средств производства за 1932–1937 гг. возросла в 9,9, в производства средств потребления – в 7,7 раза⁴. С количественным ростом промышленной продукции изменялся и ассортимент изделий промышленности (табл. 4).

¹ Бурят-Монгольская правда. – 1933. – 10 июля.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1, л. 8.

³ Митупов Б. М. Развитие промышленности... – С. 53.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 568, л. 38.

Таблица 4

Производство продукции в натуральном выражении

Продукция	Ед. измер.	1932 г.	1937 г.
Электроэнергия	млн. кВт·ч	0,3	56
Заготовка древесины	тыс. куб. м	360	1661
Пиломатериалы	->-	115	230
Стекло оконное	тыс. кв. м	—	3479
Кирпич строительный	млн. шт.	1,8	31,0
Чулочно-носочные изделия	тыс. пар	—	7,0
Мясо (промышл. выработка)	тыс. т	3,6	6,8
Колбасные изделия	->-	—	15,0
Мука разная	->-	9,5	40,0
Кондитерские изделия	т	—	249,5
Улов рыбы	тыс. т	—	8,2
Консервы рыбные	тыс. банок	319	—
Ремонт паровозов	шт.	—	420
Ремонт вагонов	->-	—	3760
Чугунное литье	тыс. т	—	15,6
Кузнечные поковки	->-	—	12,9
Планшайбы	шт.	—	4000
Хлебные изделия	тыс. ц	—	24,9
Верхний трикотаж	тыс. шт.	—	8
Сульфит	т	1033	—
Спирт-ректификат	тыс. г/л	14	—

Сост. по: Народное хозяйство БМАССР: ст. сб. — Улан-Удэ, 1957. — С. 18; Бурят-Монгольская АССР за десять лет. — М.; Иркутск, 1933. — С. 35.

Промышленное развитие республики привело к коренному изменению народнохозяйственных пропорций. Изменилось соотношение продукции промышленности и сельского хозяйства. Если в 1928 г. доля промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства Бурятии составляла 12,2 %, а сельского хозяйства 87,8 %, то в 1937 г. — соответственно 71,8 и 28,2 %¹. К концу 2-й пятилетки Бурятия стала индустриально-аграрной республикой.

В марте 1939 г. XVIII съезд ВКП (б) утвердил 3-й пятилетний план, предусматривавший дальнейшую индустриализацию народного хозяйства.

Инвестиции, размеры которых превышали капиталовложения 1-й и 2-й пятилеток, вместе взятых, направлялись на подъем всех отраслей народного хозяйства, но больше половины этих средств вкладывалось в дальнейшее развитие промышленности, в первую очередь тяжелой. Форсированное развитие машиностроения было призвано обеспечить значительный рост технического вооружения самой промышленности и других отраслей народного хозяйства. При этом был взят курс на развитие «передового машиностроения, стоящего в полной мере на уровне главных достижений мировой техники»².

¹ Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. — М., 1957. — С. 108.

² XVIII съезд ВКП (б): стеногр. отчет. — М.: ОГИЗ, 1939. — С. 295.

Экономика Прибайкалья в 1930-е гг.

Новое строительство необходимо было разместить таким образом, чтобы приблизить промышленность к источникам сырья и районам потребления, содействовать хозяйственному и культурному подъему экономически отсталых районов национальных республик и областей и обеспечить комплексное развитие хозяйства. В каждой республике, области, крае требовалось наладить добычу топлива, производство строительных материалов и поднять пищевую промышленность до уровня, обеспечивающего местные потребности.

В 3-й пятилетке в Бурятии намечалось пустить на полную мощность Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, расширить мехстеклозавод, паровозовагоноремонтный завод, мясокомбинат, выстроить мебельную фабрику лесокombината, провести механизацию лесной промышленности. Из союзного бюджета предполагалось провести изыскательские работы по строительству металлургического и цементного заводов в Кабанском аймаке, медеплавильного завода на базе Намаминского месторождения, Гусиноозерского комбината «Подземгаз», асбестового завода в Тункинском аймаке. По бюджету РСФСР проектировалось строительство кожевенно-обувного и суконного комбинатов, швейной фабрики, авторемонтного завода, типографии, шлакобетонного завода, предприятий, производящих строительные материалы. В пищевой промышленности должно было развернуться строительство хлебозаводов, кондитерских фабрик, рыбозаводных и рыбоконсервных заводов в Усть-Баргузине и на Еравнинских озерах. По местному бюджету намечалось строительство большого количества мелких предприятий по производству предметов широкого потребления и продуктов питания. Капиталовложения были направлены на завершение союзных предприятий, частично уже пущенных в эксплуатацию, и строительство новых, на создание новых отраслей промышленности, в первую очередь угольной, реконструкцию золотодобывающей, лесной и рыбной, на развитие железнодорожного и водного транспорта.

Страна с трудом справлялась с заданиями 3-й пятилетки – сказались репрессии 1937–1938 гг. Невосполнимый ущерб был нанесен хозяйственным кадрам. Давали о себе знать и необходимость в преддверии войны формировать стратегические запасы и увеличивать расходы бюджета на оборону (с 12,7 % во 2-й пятилетке до 25,4 % в 3-й), бюрократическая

неразворотливость системы управления, мелочная регламентация деятельности предприятий и др. С 1938 по 1940 г. выпуск промышленной продукции увеличился на 45 % при запланированном на всю пятилетку росте 92 %.

На ход пятилетки огромное влияние оказала начавшаяся в сентябре 1939 г. мировая война. Стране пришлось вести ускоренную подготовку к неминуемо надвигающимся испытаниям. С 1937 по 1941 г. численность вооруженных сил СССР была увеличена с 1433 тыс. до 5 млн. чел. Ускорились и расширились производство вооружений, но, несмотря на самоотверженность ученых, конструкторов, инженеров и рабочих в укреплении обороноспособности страны, перевооружить армию планировалось только к 1942 г. Время было катастрофически упущено в предыдущий период, с 1935 по 1938 г., когда техническое переоснащение вооруженных сил серьезно отставало от гонки вооружений в других странах, особенно в Германии.

Для 3-й пятилетки был характерен возврат к элементам милитаризации труда. Под угрозой заключения в тюрьму рабочие и служащие не имели права переходить с одного предприятия на другое без разрешения дирекции. Наркоматы получили право по своему усмотрению перемещать инженеров и рабочих не только с предприятия на предприятие, но и в другие районы страны.

В июне 1940 г. рабочий день был продлен с 7 до 8 часов, а рабочая неделя вновь стала семидневной. За трехкратное опоздание на работу в течение месяца работники подвергались уголовному наказанию. Учреждалась система трудовых резервов. Ежегодно проводилась мобилизация молодежи для обучения в ремесленных училищах, выпускники которых обязаны были отработать 4 года по распределению.

На Джидинском комбинате, ПВРЗ, мясокомбинате и мелькомбинате завершалось строительство основных и вспомогательных объектов. В годы 3-й пятилетки продолжалась перестройка технической базы лесной промышленности, начатая в предыдущий период. Были механизированы 5 леспромпхозов – Кяхтинский, Хоринский, Кабанский, Челутаевский, Байкальский. Продолжалась реконструкция Хандагатайского леспромпхоза, где за 1935–1940 гг. была проложена узкоколейная ветка длиной 60 км. Кроме того, было закончено оборудование обслуживающих железнодорожных объектов, построена электростанция и механические

мастерские, создан автотракторный парк, приобретены механизмы для погрузки и выгрузки леса, построено 2 шпалозавода¹.

В рыбной промышленности была проведена частичная моторизация гребного и парусного флота, механизация процессов подъема сетей и тяги неводов. Были построены Горячинский и Мысовский рыбозаводы, реконструирован Усть-Баргузинский консервный завод, начаты работы по строительству и реконструкции Северо-Байкальского, Кабанского, Еравнинского и Гусиноозерского рыбозаводов.

В местной промышленности были увеличены и обновлены основные производственные фонды, коренной реконструкции подверглись почти все предприятия, были построены Верхне-Березовский механизированный кирпичный завод и завод «Металлоширпотреб». Развитие многоотраслевой местной промышленности должно было содействовать ликвидации неравномерности размещения предприятий легкой промышленности и связанных с этим нерациональных перевозок товаров широкого потребления. Предприятия местной промышленности БМАССР были в основном сосредоточены в г. Улан-Удэ и его пригородах. Поэтому ставилась задача к концу пятилетки каждому району республики иметь предприятия, производящие предметы широкого потребления.

На капитальное строительство местной и кооперативной промышленности было ассигновано средств в 6 раз больше, чем в предыдущем пятилетии. Заново создавались такие отрасли промышленности, как швейная и металлообрабатывающая, большое значение придавалось развитию производства строительных материалов. В 1938–1940 гг. вдвое увеличилось количество предприятий, выполнявших производственное задание. За 1937–1941 гг. ряд предприятий существенно увеличил объем производства: мясокомбинат – втрое; трест хлебопечения и автотрактороремонтный завод – почти вдвое; ПВРЗ, мелькомбинат – на 67 %; Буррыбтрест – на 57 %².

Ускоренная индустриализация вызвала небывалую миграционную активность и высокую степень социальной мобильности. Основную массу мигрирующего населения в города составляли сельские жители, вовлекавшиеся в производство и во вновь разрываемое строительство. Тради-

ционный уклад в деревне был практически уничтожен. Стремительные темпы промышленного роста, урбанизации требовали резкого увеличения в сжатые сроки поставок продовольствия в город и на экспорт: отсюда – темпы коллективизации и ее методы (нехватка капитала, товарный голод, нарастание внеэкономического принуждения в аграрном секторе, как следствие – сокращение производства, открытые выступления против местных властей и деревенских активистов). В ответ на местах переходили к раскулачиванию, с 1930 г. возведенному в ранг государственной политики. В результате сплошной коллективизации была создана целостная система массовой перекачки финансовых, материальных, трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Обязательные госпоставки и закупки сельхозпродукции по номинальным ценам, многочисленные налоги, обеспечение потребностей ГУЛАГа, организованный набор промышленными предприятиями рабочей силы в деревне, лишение крестьян введенных в 1932 г. паспортов, прикрепившее их к земле, прямое вмешательство партийно-государственного аппарата (райкомов, уполномоченных, в 1932–1933 гг. политотделов МТС и совхозов) в процесс производства.

Главным же результатом коллективизации стал осуществленный с многими неоправданными издержками мощный индустриальный скачок, в результате чего было преодолено качественное, стадийное отставание советской промышленности от развитых мировых держав.

3.3. Курс на коллективизацию сельского хозяйства

Политика форсированной индустриализации привела к «перекачке» средств из аграрного сектора, который должен был обеспечивать рабочих продовольствием, а промышленность – некоторыми видами сырья. Низкие закупочные цены привели к тому, что крестьяне перестали продавать хлеб государству за бесценок, сокращали запашку. Особую роль сыграла налоговая политика, которая в конце 1920-х гг. резко ужесточилась. 1928/29 год стал переломным в связи с введением надбавки к налогу на зажиточных крестьян от 5 до 25 % и переходом к индивидуальному обложению кулацких хозяйств. Новый порядок обложения определялся постановлением ЦИК и СНК от 21 апреля «О едином сель-

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 403.

² Там же, с. 410.

скохозяйственном налоге»¹. Общая сумма налога на среднестатистическое крестьянское хозяйство Бурятии только в налоговую кампанию 1928/29 г. оказалась на 40–50 % выше суммы аналогичного налога кампании предыдущего года. Налог был повышен практически на все категории крестьянства². В 1928 г. в Бурят-Монголии были повышены нормы доходности по покосу с 7 до 8 руб. на десятину, по овцам – с 1,5 до 2 руб., сокращены сроки уплаты сельхозналога, без всяких отсрочек³.

Согласно инструкции Наркомфина СССР, к зажиточным причислялись хозяйства, имевшие учтенный нормативный доход 400 и более руб. Но сибирское крестьянство (в т. ч. и в Бурятии) отличалось от крестьянства других регионов страны иной структурой хозяйствования, рационом питания и т. д. Человек с сотней овец был богатым в Центральной России и среднезажиточным – в Бурятии. Сетка же процентных надбавок оставалась единой и обязательной для всех районов СССР. И, таким образом, бедняки «оказывались» середняками, а середняки – кулаками.

Положение о едином сельхозналоге на 1929 г. определяло признаки, по которым хозяйство могло быть обложено в индивидуальном порядке: систематическое применение наемного труда, владение заведениями по переработке сельскохозяйственной продукции, сдача в наем, ростовщичество, скупка хлеба в спекулятивных целях и т. п. Краевым и окружным исполкомам предоставлялось право вносить необходимые изменения в перечень признаков для обложения в индивидуальном порядке с учетом местных особенностей⁴. В этот период в республике было описано 2356 предметов имущества, продано имущество 15 крестьянских хозяйств, 163 неплательщика были привлечены к суду и осуждены⁵.

Ужесточение налоговой политики государства проявилось также в широком применении специальной программы различных госзаимов и страховок и активном вовлечении крестьян в разнообразные кооперативные и кредитные организации при одновременном и повсеместном приостановлении

выдачи крестьянам любых видов кредитов и ссуд. За 1922–1928 гг. в Бурят-Монголии было реализовано государственных займов на сумму 1382,8 тыс. руб., среди них первый государственный заем (1922) – 61,7 тыс. руб., 2 крестьянских займа (1924, 1925) на общую сумму 116,2 тыс. руб., займы индустриализации, заем укрепления крестьянских хозяйств (1928) и др.⁶

В условиях промышленного и продовольственного кризиса государство пошло на «замораживание» закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, в первую очередь на хлеб. Последствия сказались незамедлительно: объемы госзаготовок зерна были снижены. На 1 января 1927 г. в Бурятии было заготовлено хлеба лишь 39,9 % предусмотренного республиканским планом, а на 1 января 1928 г. – 9,3 % от плана⁷. Такое положение поставило республику перед фактом срыва кампании хлебозаготовок.

Кризис хлебозаготовок подтолкнул государство к чрезвычайным мерам. Они позволили добиться перелома в заготовке зерна, обеспечить город и армию хлебом, сохранить темпы индустриализации. Однако административный нажим не мог не вызвать массового недовольства крестьян. Оно особенно усилилось во время «второй волны» чрезвычайных мер (май – июнь 1928 г.), когда в результате перегибов к судебной ответственности было привлечено значительное количество середняков.

Хлебозаготовки включали в себя обложение крестьянских дворов дополнительными налогами – «самообложение», пресечение спекуляции зернопродуктами, точнее запрет крестьянам самим распоряжаться своим хлебом. До 1927 г. взносы по самообложению были уравнительными, раскладка проводилась по душам, по числу рабочих рук, с отдельного двора и т. п. С августа 1927 г., согласно новому порядку самообложения, размер платежа определялся по сумме уплачиваемого налога, хотя норма доходности от посевов в сельхозналоге 1927/28 г. по сравнению с 1926/27 г. была понижена на 4 руб. (соответственно 36 и 40 руб.), а крупного рогатого скота – на 2 руб. (норма доходности от головы крупного рогатого скота, лошади была определена в 12 руб.)⁸. В 1928 и в 1-й половине 1929 г. были апробированы постепенные методы коллективизации: создание

¹ См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1928. – № 24. – Ст. 212.

² Словохотов Н. О сельскохозяйственном налоге 1928–1929 гг. // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 3–4. – С. 36.

³ НАРБ, ф. Р-475, оп. 2, д. 9, л. 247.

⁴ Свод законов СССР. – 1929. – № 12. – Ст. 103.

⁵ НАРБ, ф. Р-475, оп. 2, д. 9, л. 246.

⁶ Подсчитано по: НАРБ, ф. Р-248, оп. 2, д. 35.

⁷ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 1620, л. 70.

⁸ Там же, ф. Р-475, оп. 2, д. 9, л. 244.

Доярки МТФ артели «Большевик» Селенгинского аймака

определенного числа крупных колхозов и совхозов, развертывание зерновой контрактации, использование института крестьянского «мира» для формирования вариантов производственных объединений и т. д. Все эти методы давали определенные результаты, однако дальнейшего развития не получили.

Вслед за введением государственной монополии на торговлю хлебом была установлена монополия на торговлю техническими сельскохозяйственными культурами. Накануне перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства рыночные связи между городом и деревней фактически оказались прерванными.

Одной из новых форм заготовок была контрактация сельскохозяйственных продуктов, введенная в Сибири и Бурят-Монголии весной 1928 г. Хозяйства, законтрактовавшие посевы, должны были не только сдать определенное количество сельскохозяйственной продукции, но и внедрить определенный минимум агротехнических мероприятий, улучшить обработку почвы, уход за посевами и т. п. Государственные органы наряду с натуральным и денежным авансированием контрактантов прини-

Машины с хлебом. Артель им. Сталина Кижингинского района

мали на себя обязательство снабжать их машинами, минеральными удобрениями, оказывать агротехническую помощь.

Хотя урожай 1928 г. превысил прошлогодний, провести заготовку зерна обычным способом не удалось. К 1 февраля директива о выполнении хлебозаготовок на 90 % оставалась невыполненной. В отношении нарушителей дисциплины, методов заготовок обкомом партии было принято решение «...пересмотреть в хлебных районах планы заготовительные в сторону их повышения, принимать решительные меры, вплоть до привлечения к судебной и партийной ответственности, к лицам и организациям, срывающим сбор законтрактованного зерна»¹.

К лету 1929 г. вопрос о радикальном выходе из сложившейся ситуации встал вновь. Именно в это время шел поворот к сплошной коллективизации: была введена обязательная продажа хлеба в порядке выполнения государственных планов заготовок; ограничены, а затем и свернуты первичные земельные формы кооперации. Чуть позднее ликвидированы земельные общества, а все их права и обязанности переданы сельсоветам².

Со 2-й половины 1929 г. была начата частичная экспроприация кулачества, вызвавшая рост недовольства зажиточной части крестьянства, порой перераставшего в различных местах в саботаж заготовительных мероприятий, уничтожение хлеба, забой скота, вплоть до вооруженного сопротивления.

В случае отказа продавать излишки хлеба по твердым ценам Советское правительство применяло ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР о конфискации по суду хлеба у кулаков и спекулянтов. Президиум ЦИК БМАССР вынес постановление: 25 % средств, вырученных от продажи конфискованного имущества, передавать в распоряжение аймачных крестьянских комитетов, а остальные 75 % – в фонд кредитования деревенской бедноты³.

С 1928/29 года хлебозаготовительную кампанию проводили по так называемому урало-сибирскому методу. Инициаторами этого метода выступили крестьяне с. Завьялово Каменского округа. Суть его заключалась в следующем: бедняки и середняки на собрании распределяли 65 % хлебозаготовок на кулацкие дворы, 35 % – на середняков. Отказав-

¹ НАРБ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1321, л. 27–28.

² См.: Свод законов СССР. – 1930. – № 16. – Ст. 172.

³ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 235.

Красный обоз на площади Революции г. Верхнеудинска. Сдача хлеба государству

шимся выполнить задания предлагалось уплатить стоимость хлеба, причитавшегося для заготовки, в пятикратном обложении¹. Позже по ст. 61 УК с виновных взымали штраф в пятикратном размере по отношению к заданию. Оказавшие сопротивление могли подвергнуться лишению свободы. У кулаков, отказавшихся сдавать хлебные излишки, описывали и распродавали имущество.

Основываясь на опыте кампаний 1927/28 и 1928/29 годов Советское государство в середине 1929 г. наметило новую линию в хлебозаготовительной политике. После апрельского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), объявившего о необходимости возвращения к практике «чрезвычайных» мер при хлебозаготовках, обстановка обострилась, достигнув критической точки осенью того же года. ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявили специальную всесоюзную партийную мобилизацию «для оказания помощи органам местной власти в проведении хлебозаготовок», создали специальный «институт уполномоченных», которым предписывалось выполнение хлебозаготовок под личную ответственность². Кроме того, были созданы так называемые «чрезвычайные тройки по хлебозаготовкам» в составе глав сомсельсоветов, аймрайпарткомов и представителя наркомата торговли БМАСР, обладавшие самыми широкими полномочиями. В помощь уполномоченным и «тройкам» в улусах и деревнях по решению

сельских сходов в добровольно-принудительном порядке создавались комиссии содействия хлебозаготовкам — «комсоды».

Арсенал «чрезвычайных» мер был широк — от специального завышения норм сдачи хлеба крестьянами до применения по отношению к ним открытых репрессий в случае их невыполнения. Прежняя практика покупки заготовительными организациями товарного крестьянского хлеба (пусть и по сильно заниженным ценам), выставленное количество которого определялось самими производителями, была заменена системой государственного, жестко фиксированного объема сдачи хлеба. Каждый крестьянин обязывался сдавать государству строго определенное количество хлеба, причем вне зависимости от тех или иных обстоятельств и условий, т. е. устанавливались «подворные» планы, в которых прослеживалась четкая тенденция к максимальному увеличению количества сдаваемого хлеба. Это позволило использовать «особо твердые задания по хлебозаготовкам». Последняя мера формально применялась только к кулакам, но отсутствие точного социально-экономического и юридического определения понятия «кулак» приводило на практике к тому, что такие задания спускались в основном на середняков и даже бедняков. Этому обстоятельству в немалой степени способствовало и то, что реально разницы между подворными планами и твердыми заданиями не было. Стараясь увеличить объем хлебозаготовок, власти на местах настолько завышали подворные планы, что они по сути превращались в твердые задания. Нередко такими «подворно-планово-твердыми заданиями» облагались вообще все крестьяне данного улуса или деревни. Широко применялся и «завьяловский, или «уральско-сибирский», метод проведения хлебозаготовок, одобренный постановлением Сибкрайкома ВКП (б) от 21 марта 1929 г.³ Подобные задания должны были проходить утверждение на общих собраниях граждан улуса, деревни, на которые они спускались. Даже в случае отказа общего собрания принять предложенные «твердые» задания и под-

¹ История Сибири. Т. 4... — С. 236.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4... — С. 315–323.

³ См.: Очерки истории Бурятской организации КПСС. — Улан-Удэ, 1970. — С. 194–197.

ворные планы, они все равно проводились методами командно-административного нажима.

Не справившиеся с чрезвычайными планами хлебозаготовок рассматривались как спекулянты, саботажники и враги трудового народа, на них обрушивалась вся мощь административно-судебной машины, обычно в ход шла известная «пятикратка» (иногда – «двух- или трехкратка»), в случае невыполнения – распродажа с торгов имущества крестьянина. Причем на сдачу «пятикратки» отводили максимально сжатые, практически нереальные сроки. Сельсовет с. Окино-Ключи Кяхтинского аймака во время осенней хлебозаготовительной кампании 1929 г. отводил на сдачу «пятикратки», как и на сдачу твердых заданий, два дня. Такой же срок отводился Хилокским сельским советом¹. По отношению к «твердозаданцам» применялся бойкот, на домах бойкотируемых разрешалось специально вывешивать особые знаки – «черные доски». В их домах выбивали окна, калечили скот, портили сельскохозяйственный инвентарь, членов семей подвергали различным издевательствам и насмешкам².

К не справившимся с выполнением норм и твердых заданий по хлебосдаче крестьянам применялись и статьи Уголовного кодекса РСФСР, чаще всего статьи 61 (отказ от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение) и 107 (злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых на рынок), предусматривавшие в качестве меры наказания лишение свободы на срок до двух лет и более с конфискацией имущества и выселением из мест постоянного проживания. Применение этих статей сопровождалось значительными «перегибами», особенно в части конфискации. На майском (1928 г.) пленуме обкома ВКП (б) и ОКК ВКП (б) отмечалось, что при использовании ст. 107 УК на местах имелся целый ряд искажений и недостатков, сводившихся к конфискации всего имущества крестьянина, вплоть до предметов личного быта. В течение 1928 г. только по данной статье в каждом аймаке в среднем организовывалось по 8–9 открытых судебных процессов, неизменно заканчивавшихся массовым осуждением целых групп крестьян-единоличников и полной конфискацией их имущества³.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав

местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» только по Бурят-Монголии за саботаж хлебозаготовок 280 кулаков подверглись пятикратному обложению и 40 кулаков осуждены с конфискацией хлеба и части другого имущества⁴.

В информационной сводке «О ходе хлебозаготовительной кампании от 10 декабря 1929 г.» орготдел обкома ВКП(б) отмечал, что по республике «зачастую на местах при даче твердых заданий были перегибы». Крестьянин подвергался им «только лишь потому, что это кулак, без учета действительного наличия излишков хлеба, и по этому же принципу облагали и беспосевных кулаков»⁵.

На состоявшемся в конце декабря 1929 г. объединенном пленуме обкома ВКП(б) и ОКК ВКП(б) давалась оценка хлебозаготовкам этого года, сводившаяся к тому, что наркомторг БМАССР и другие заготовительные органы к ним «подошли кабинетно», без учета специфики республики, имевшей в основном животноводческую ориентацию. Пленумом отмечалось, что от «перегибов» при хлебозаготовках особенно пострадали восточные аймаки. В отдельных выступлениях участников пленума звучал вопрос: «Где возьмет хлеб скотовод, который его не сеет?»⁶.

Хлебозаготовительная кампания осенью 1929 г. проходила медленно, с большими трудностями. На 1 октября 1929 г. всеми заготовительными организациями республики плановые задания были выполнены лишь на 40 %. Появление термина «кулацко-зажиточное хозяйство» позволяло подводить под эту категорию середняцкие хозяйства, что было вынуждено признать областное бюро ВКП(б) в отношении проводимой в Верхнеудинском, Эхирит-Булагатском аймаках политики. В ноябре 1929 г. обком констатировал, что наблюдается «нерешительность в отношении нажима» на кулака⁷. В этих условиях активизировалась беднота. К примеру, в Мухоршибирском районе беднота потребовала добавки «твердозаданцам» по 50 и 100 пудов, указывая, что они могут сдать этот хлеб⁸.

Накануне коллективизации беднота вновь стала рассматриваться как главная опора советской вла-

⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 236.

⁵ НАРБ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1620, л. 72, 166.

⁶ Там же, л. 166–167.

⁷ Там же, д. 1321, л. 222–223.

⁸ Тюшев В. П. Из истории подготовительного периода коллективизации в БМАССР // Уч. зап. БМГПИ. – 1953. – Вып. 4. – С. 111.

¹ НАРБ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1428, л. 8–9; д. 1539, л. 97.

² Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 1495, л. 755, 749.

³ Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 1422, л. 7; д. 1538, л. 38.

сти в деревне. Между тем в результате наделения крестьян землей, помощи советской власти, развития кооперации и т. д. социальный состав крестьянства существенно изменился. В республике в 1928 г. бедняцкие хозяйства составляли 38,5 – 39,7 %, середняцкие – 54,1 – 56 %, кулацкие – 4,3 %. Немалую часть бедноты того периода составляли не уважаемые крестьянской массой, нехозяйственные или, как их определил XIV съезд ВКП(б), деревенская беднота с «иждивенческой психологией».

Беднота не проявляла особого стремления и к производственному объединению. По результатам динамической переписи 1929 г. установлено, что пролетарские и полупролетарские хозяйства, которые в этом году составляли 39,7 % всех хозяйств республики, были кооперированы на 13,4 %, а доля батраков в колхозах в 1928 г. была равна 0,12 %¹. Волна создания специальных батрацких колхозов быстро прошла. В республике «чисто батрацкие колхозы», не имея собственных средств производства, превратились в «иждивенческие организации»².

При уменьшении доли бедноты в социальном составе деревни ее представительство в местных советах возрастало. И вновь, как в годы гражданской войны, с 1925–1926 гг. на основе решений октябрьского (1925 г.) пленума ЦК ВКП(б) при сельских (сомонных) советах, выборных органах кооперации, комитетах крестьянской взаимопомощи стали создаваться организации бедноты.

Вопрос о сплочении деревенской и улусной бедноты встал в центр внимания партийных организаций, так как партии нужна была опора в деревне для проведения классовой политики. В 1926 г. при кресткоммах, кооперативах, сельских и сомонных советах в республике было создано 8 групп бедноты, в 1928 г. их стало 157, объединивших 1377 чел. В январе 1930 г. наблюдалось некоторое сокращение групп бедноты – осталось 97, объединявших 1500 чел., но в апреле 1930 г. вновь наблюдается резкий скачок в сторону роста – 272 группы с 3655 членами³.

Проявление классового подхода в аграрной политике можно проследить на примере многих мероприятий 2-й половины 1920-х гг.: распределение семенных ссуд, частичное или полное освобождение от сельхозналога. В 1929–1930 гг. на кооперирование

бедноты по линии потребкооперации в республике было ассигновано 33 тыс. руб. Фонд кредитования бедноты увеличился с 40 тыс. руб. в 1925–1926 гг. до 75,3 тыс. в 1927–1928 гг. Кроме того, в 1926–1927 гг. кресткомы выдали бедноте около 6 тыс. возвратных ссуд на сумму свыше 28 тыс. руб., 448 безвозвратных ссуд на сумму свыше 3,5 тыс. и оказали трудовую помощь 217 бедняцким хозяйствам. Фактически кресткомы выполняли функции кассы крестьянской взаимопомощи и были главными проводниками коллективизации на местах⁴. Основным их недостатком была слабая материальная база. К тому же в основу распределения средств был положен не производственный, а собесовский принцип. О возврате регулярно выдаваемой ссуды мало кто беспокоился. Например, в Эхирит-Булагатском аймаке кресткомы выделили 2920 пудов хлеба и 949 руб. в виде возвратной ссуды, но они так и не были возвращены⁵.

С 1928 г. государство стало ограничивать аренду земли шестилетним сроком, строго регламентировался наемный труд. Действие трудового кодекса распространялось на все хозяйства, отнесенные к кулацким, а не только на крупные хозяйства промышленного типа, как было ранее. Закон устанавливал для батрака 8-часовой рабочий день, еженедельный день отдыха, оплачиваемый отпуск, социальное страхование⁶.

Содержание и характер этих изменений, резко отклонявшихся от принципов НЭП, не были приняты значительной частью крестьян, привыкших самостоятельно распоряжаться своими излишками, и вплотную подвели к идее насаждения колхозов. Сдача хлеба государству в плановом порядке по невыгодным для крестьян ценам вызвала сокращение производства хлеба до потребительского минимума.

Насильственное изъятие зерна, жесткое налогообложение и низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию в 1929 г. не добавили крестьянам желания производить и поставлять свою продукцию государству. Создание тяжелой индустрии требовало объединения всех сил и средств. Государство стремилось получить от кре-

⁴ РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 34, л. 20.

⁵ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М., 1995. – С. 362.

⁶ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935 гг. – М., 1957. – С. 65, 127, 130.

¹ РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 34, л. 20.

² Там же, оп. 2, д. 357, л. 86.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 103, л. 9, 82; Тюшев В. П. Из истории подготовительного периода... – С. 110.

стьян зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, не имея возможности или не желая обеспечить взамен достаточный выпуск потребительских товаров. Осенью 1929 г. началась интенсивная широкомасштабная кампания, начало которой положила опубликованная 7 ноября 1929 г. в «Правде» статья И. В. Сталина «Год великого перелома», где было заявлено, что «...коренной перелом в развитии нашего земледелия, от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию», уже произошел, что «благодаря росту колхозно-совхозного движения, мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса», что колхозы и совхозы будут «проявлять чудеса роста», что «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹. Хлебная проблема, по мнению Сталина, могла быть решена только путем перевода сельского хозяйства на путь крупного общественного производства в самые короткие сроки. Отмечалось, что масса крестьянства повернула в сторону колхозов, и Сталин выразил уверенность, что развитие «пойдет усиленным темпом»². Это означало по сути провозглашение курса на сплошную коллективизацию.

Установка на форсированную коллективизацию, не считаясь с настроением крестьянства, была закреплена в решениях ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП(б), провозгласившего курс «на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве, на быстрое объединение индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, на подготовку для развития планового продуктообмена между городом и деревней». Пленум положил начало процессу ликвидации самостоятельного хозяйствования крестьян в деревне, вошедшему в историю под названием «сталинского великого перелома». Ни о свободном рынке, ни о хозяйственном расчете, ни о добровольном объединении крестьянства через различные формы производственного, снабженческо-сбытового и кредитного кооперирования речи уже не шло, но зато на все лады интерпретировался тезис «об обострении классовой борьбы и усилении сопротивления капиталистических элементов»³, особенно после летне-

го решения 1929 г. о запрещении принимать в колхозы кулацкие семьи.

О переходе к политике ликвидации кулачества как класса Сталин объявил 27 декабря 1929 г. на научной конференции аграрников-марксистов. 11 января 1930 г. в «Правде» была опубликована передовая статья «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». В ней прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли». Постановления ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» явились началом коллективизации, которая сопровождалась ликвидацией кулачества как класса.

Предписывалось провести у кулаков конфискацию средств производства, скота, жилых построек. Хозяйственное имущество и постройки передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации. Второе постановление определяло, что число раскулачиваемых по районам не должно превышать 3–5 % всех крестьянских хозяйств⁴.

Первый пятилетний план намечал весьма умеренные темпы колхозного строительства. К концу пятилетки предполагалось коллективизировать 4–4,5 млн. крестьянских хозяйств (16–18 %), валовую продукцию колхозов поднять с 1 до 11,4 %. Зато охват дворов сельскохозяйственной кооперацией предполагалось довести с 37,5 до 85 %⁵.

15 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП (б) принял постановление «О темпах коллективизации Сибкрая». В 1929/1930 гг. ставилась задача вовлечь в колхозы около 30 % сельского населения края. Были определены 3 группы районов. В первой, где наибольшее развитие получило кооперативное и колхозное движение, коллективизация должна была завершиться к 1 октября 1931 г., во 2-й группе, куда вошли округа зернового и животноводческого направления, – к 1 октября 1932 г., в остальных районах, куда была отнесена и Бурят-Монголия, – к 1 октября 1933 г.⁶

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. – М., 1949. – С. 124–126, 131–132.

² Там же, с. 131, 135.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 5... – С. 7, 28–39, 8,

13, 31.

⁴ Там же, с. 72–75.

⁵ Там же, с. 451.

⁶ История Сибири. Т. 4... – С. 330.

Первым пятилетним планом в 1929–1930 гг. предусматривался охват коллективизацией 35 % крестьянских хозяйств Бурят-Монголии, к 1930–1931 гг. – 65 %, к концу пятилетки предполагалось ее завершить. Две тысячи крестьянских хозяйств были определены как кулацкие и хозяйства лишенцев, не подлежащие коллективизации¹.

В пятилетнем плане совершенно не учитывались конкретные условия республики: только 10 % бурятского и тунгусского населения вели оседлый образ жизни, процент коллективизации населения в 1929 г. был равен 4,2. По удельному весу колхозный сектор в общей посевной площади республики занимал около 9 %, особенно низкий показатель коллективизации населения отмечался в Агинском – 1,5 %, Мухоршибирском – 0,7 %, Кяхтинском – 1,3 %, Кабанском – 1,8 % аймаках². В колхозах плохо обстояло дело с организацией труда и распределением продуктов, преобладал принцип распределения по потребностям, при плохо поставленном счетоводстве многие коллективные хозяйства не были землеустроены³.

В декабре 1929 – январе 1930 г. на объединенном пленуме ОК ВКП(б) и ОКК ВКП(б) было принято решение вовлечь в 1930 г. в колхозы до 20 % всех крестьянских хозяйств с уклоном на максимальное обобществление скотоводческого хозяйства в восточных аймаках, а Аларский и Боханский аймаки объявлялись районами сплошной коллективизации⁴. Неподготовленность руководства республики к проведению коллективизации проявилась и в отсутствии единой тактической линии при определении основных способов ведения коллективного сельскохозяйственного производства. Кампания массовой коллективизации сопровождалась попытками создания 10 крупных колхозов и подготовкой предпосылок для создания еще 14 таких же хозяйств (к крупным относили такие, которые имели не менее 1 тыс. гол. крупного рогатого скота, 10 тыс. овец-маток и не менее 1 тыс. га посевов)⁵.

По оценке отдела по работе в деревне обкома ВКП(б), весной 1930 г. наиболее характерным фактом перегибов при коллективизации была «погоня за количеством колхозов». Партийные власти на местах, ощущая давление сверху, буквально загоняли крестьян в колхозы, «лишь бы больше организовать» коллективных хозяйств⁶.

Форсирование темпов коллективизации в конце 1929 – начале 1930 г. приводило к подмене принципа добровольности практикой жесткого администрирования, зачастую доходившей до насилия. Теперь термин «кулак» приобретал не социальное, а скорее политическое содержание, особенно это было заметно в начале раскулачивания. В ряде аймаков республики имелись случаи нарушения добровольности, запугивания крестьян, обещания «старикам свыше 50 лет железные кровати с пружинными матрацами, а к не желающим записаться в коммуну или в артель применить 61 ст. УК; коммунарам – в первую очередь получать промтовары в рассрочку» и т. п.⁷

В Бурятии районами сплошной коллективизации были объявлены не только Аларский и Боханский аймаки. На местах принимались такие решения: «...к весне 1930 г. провести сплошную коллективизацию Жемчугского сомона...», констатировалось: «Торский совет уже развил движение за сплошную коллективизацию...» (Тункинский аймак)⁸.

Раскулачивание значительно опережало темпы коллективизации и нередко использовалось как средство ее подстегивания. Член Боханского айкома на собрании граждан заявил: «Кто не хочет идти в коммуну, тот пойдет в Туруханский край». Инструктор АИК этого аймака Вавилов в своем выступлении говорил: «В колхозы могут не пойти только контрреволюционеры, и кто будет сопротивляться коллективизации, то ему будет 58 ст. УК». Такие же угрозы были в отношении середняков и бедняков, не желавших вступать в колхозы⁹.

Критерии для определения принадлежности хозяйства к кулацко-предпринимательскому типу

¹ РГАЭ, ф. 7446, оп. 3, д. 236, л. 17.

² НАРБ, ф. Р-1053, оп. 1, д. 9, л. 14; ф. Р-195, оп. 12, д. 38, л. 13; ф. П-1, оп. 1, д. 1500, л. 7.

³ РГАЭ, ф. 478, оп. 13, д. 440, л. 162–163.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1620, л. 68; ф. Р-248, оп. 2, д. 199, л. 348.

⁵ Там же, л. 167; ф. Р-248, оп. 2, д. 199, л. 348.

⁶ Там же, л. 178; Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 195–197.

⁷ Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии и коллективизация деревни (20–30-е годы) // 20–30-е годы: проблемы региональной истории. – Улан-Удэ, 1994. – С. 69.

⁸ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1620, л. 14, 118.

⁹ Там же, д. 1576, л. 5, 6.

можно было применить к любому хозяйству. Было выделено 5 признаков, по которым крестьянские хозяйства, обладавшие хоть одним из них, относились к кулацким: 1) систематическое применение наемного труда; 2) наличие мельниц, маслобоек, крупорушек, других промышленных предприятий; 3) систематическая сдача в наем сложного сельскохозяйственного инвентаря; 4) сдача в наем помещений; 5) наличие членов хозяйства, занимающихся торговлей, ростовщичеством или имеющих другие нетрудовые доходы¹. На практике получалось, что к одному из пяти признаков можно было отнести чуть ли не каждый третий крестьянский двор, втянутый в рыночный оборот².

На местах критерии пытались конкретизировать. В постановлении СНК БМАССР от 31 июля 1929 г. к хозяйствам кулацкого типа были отнесены имевшие хотя бы один из десяти признаков³.

В повседневной жизни значительная часть местных советских и партийных органов была не способна отделить кулака от крестьянина-труженика. Чтобы снять напряжение в крестьянской среде, 20 февраля 1929 г. правительство приняло постановление «О порядке применения Кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах», а 21 мая – постановление «О признаках кулацких хозяйств, где должен применяться кодекс законов о труде»⁴.

С осени 1929 до весны 1930 г. количество колхозов в республике выросло почти в 3 раза (с 238 до 664), причем 80 % населения колхозов приходилось на коммуны, в артелях было 12,1 %, в ТОЗах – 7,9 %. За этот период число коммун выросло почти в 4 раза, артелей – в 2, ТОЗов – более чем вдвое⁵.

Общим и характерным для всех районов страны являлось в основном массовое вступление батраков, бедняков и середняков в колхозы, упорство зажиточных крестьян и часто явно враждебное отношение кулацкой части сел. Батраков в колхозах Бурят-Монголии в 1928 г. было 0,12 %, в 1929 г. –

13,4, в 1930 г. – 8,8; беднота составляла в колхозах 48,4 %⁶.

В январе–феврале 1930 г. планы коллективизации в некоторых районах неоднократно пересматривались в сторону повышения. Между районами стали заключаться договоры, брались повышенные обязательства по коллективизации. Все это не подкреплялось ни материальной, ни психологической готовностью крестьян порвать со своим единоличным хозяйством и вступить в колхозы. В обстановке нездоровой погони за высоким процентом коллективизации резко усилился нажим на низовые организации. Невыполнение «контрольных цифр» заданий по коллективизации рассматривалось как правый уклон на практике, что влекло за собой исключение из партии и другие наказания, вплоть до ареста и тюремного заключения. За недостаточно высокие показатели в раскулачивании и «финансовое и товарное недообложение кулака», «покровительство кулацко-ноннатским элементам» были исключены из партии, сняты с работы секретарь Боханского айкома партии, председатель аймисполкома, заведующий финансовым отделом, председатель аймачного колхозсоюза и др. Был снят с должности и секретарь Эхирит-Булагатского комитета партии. Чистка государственного и партийного аппарата в Боханском и Эхирит-Булагатском аймаках получила название «дело Ризмона» – по фамилии председателя Осинского волостного исполкома, объявленного «кулаком» и «чуждым элементом»⁷.

На 1 октября 1929 г. в колхозы было объединено 5,5 % крестьянских хозяйств Бурят-Монголии, а на 1 марта 1930 г. – 30,6 %⁸. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление, в котором было указано, что «экспроприации подлежат все кулацкие хозяйства данного села или района, перешедшие к сплошной коллективизации», и предложено завершить коллективизацию весной 1930 г. с ориентацией на преимущественное создание коммун⁹. Темпы раскулачивания опережали темпы коллективизации. Продолжалось создание коммун, в которых обобществляли основные средства производства, рабочий скот, мелкий скот, птицу, жилье, а иногда – домашнюю утварь и предметы личного обихода.

¹ См.: Собрание законов и распоряжений... 1929. – № 34. – Ст. 641; НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1520 а, л. 168; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 747, л. 16.

² Солопов А. Н. Кого считали кулаком в 20-е годы? // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 10. – С. 25.

³ НАРБ, ф. Р-248, оп. 2, д. 180, л. 63.

⁴ См.: Собрание законов и распоряжений... 1929. – № 14. – Ст. 117; № 34. – Ст. 301.

⁵ Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии и коллективизация... – С. 68.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 184, д. 35, л. 47; РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 34, л. 20.

⁷ Там же.

⁸ Советская Бурятия. – 1932. – № 1–2. – С. 12.

⁹ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 3999, л. 15.

В ряде аймаков в связи с развертыванием коллективизации имелись случаи немедленного проведения в жизнь основного лозунга партии – ликвидации кулачества как класса. Этот лозунг был понят как подлежащий немедленному проведению в жизнь вне связи со сплошной коллективизацией.

Насилие и произвол, которыми сопровождалась коллективизация, вызвали серьезное недовольство крестьян и потребовали изменений в политике. 20 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», в котором указывалось, что экономическая и социально-политическая обстановка в этих районах требует особого учета, колхозное строительство должно развиваться здесь относительно замедленным темпом.

При раскулачивании в некоторых случаях не составляли описи имущества раскулаченных, мелкие и ценные вещи расхищались. Дело доходило до мародерства. В Эхирит-Булагатском аймаке члены Алугонской ячейки при раскулачивании середняка даже применяли к нему меры физического воздействия. В Икинате арестовали жен кулаков, добиваясь от них указания мест, где спрятаны вещи и золото, в Байтогском сельском совете под раскулачивание попали 4 середняка. Их выгнали из дома, оставив только верхнюю одежду. В Баргузинском аймаке при раскулачивании скот отдавали беднякам, а вещи члены комиссии делили между собой¹.

Попали в раскулаченные и середняки в Аларском, Тункинском, Эхирит-Булагатском и других аймаках. В Агинском аймаке сразу перешли к раскулачиванию, заявив, что «...коллективизацией некогда заниматься». Повсеместно на собраниях звучал лозунг «...всех, не вступающих в колхозы, будем выселять на Соловки»².

К концу марта 1930 г. было раскулачено 151 хозяйство, в т. ч. 41 середняцкое. По линии правоохранительных органов (ГПУ) было арестовано 726 кулаков, в их число попали и середняки. Раскулаченные и арестованные были отправлены в места поселения.

С 1 февраля по 10 апреля 1930 г. наблюдался бурный рост колхозов: на 5 марта было зарегистрировано 100 коммун, 38 артелей, 22 простейших объединения – всего 160 колхозов, а на 10 апреля

коммун стало 176, артелей – 109, простейших объединений – 60, всего – 345 коллективных хозяйств³. Рост колхозов в основном шел в стихийном порядке. Огромная часть коллективных хозяйств по размерам производства представляла собой мелкие сельскохозяйственные объединения, обслуживающие свои, потребительские нужды. В Мухоршибири была создана коммуна из трех хозяйств, агроном в ней был четвертым. Ее задолженность составляла 7 тыс. руб. Все внимание уделялось количественному росту колхозов, о качестве организации труда в колхозах, трудовой дисциплине думали гораздо меньше.

По методам ведения хозяйства колхозы мало чем отличались от отдельных крестьянских хозяйств, поэтому не имели никакого влияния на окружающее население. К тому же создание колхозов из одной лишь бедноты и середняков не способствовало материальному укреплению колхозов. Мелкие коммуны стремились получить сложные машины, не имея тягловой силы, например Харашибирская коммуна приобрела трактор и не смогла его использовать.

Коммунары в Кыренском и Туранском сомонах (Тункинский аймак) говорили: «Были единоличниками – работали, сейчас около двух месяцев стоим в коммуне – ничего не делаем». В информационной справке из Кяхтинского аймака весной 1930 г. сообщалось: «Организация труда в колхозах, организация учета в них в данный момент обстоит из рук вон плохо. Некоторые села перешли на сплошную коллективизацию, и получается, что не знают, что делать, и ходят бездельничают. В селе Эгита согнали весь скот в один двор и назавтра разогнали обратно по дворам»⁴.

Областной комитет ВКП(б) справедливо отмечал, что «...наши директивы (о коллективизации) из пункта в пункт переписывались с резолюций центра», «...не учитывая местных условий». Допущенные ошибки привели к тому, что 5 марта 1930 г. процент коллективизации населения в Аларском аймаке составил 50, в Боханском – 70, по республике – 29,8. Пятилетний план коллективизации в Аларском аймаке был выполнен в двухмесячный срок⁵.

³ НАРБ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1620, л. 118; ф. Р-691, оп. 7, д. 3999, л. 49.

⁴ Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии и коллективизация... – С. 525.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1325, л. 41–42, 55–56; НАРБ,

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2 ... – С. 52.

² НАРБ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1576, л. 7.

Обмер скота

2 марта 1930 г. вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой были осуждены методы администрирования и принуждения в коллективизации и вся вина была возложена на местных работников¹. В постановлении от 14 марта 1930 г. ЦК партии признавал, что «в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и бедняков, причем в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а лишенных избирательных прав – до 15–20»².

Началось исправление допущенных крайностей, однако принципиальная линия коллективизации изменена не была. Анализируя создавшееся положение, бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) отменило как ошибочные свои директивы об объявлении Боханского и Аларского аймаков районами сплошной коллективизации и развернутое решение «О коллективизации и борьбе с кулачеством в Бурят-Монгольской республике». «...Мы не можем поставить задачу немедленно перейти к сплошной коллективизации и, следовательно, ликвидации кулачества как класса. Для этого еще не создана нами соответствующая политическая и экономическая обстановка», отмечалось в постановлении. Указав на недопустимость нарушения добровольности при проведении коллективизации, бюро обкома предложило учитывать особенности каждого аймака, не равняться

на развитые районы страны, проводить подготовительные мероприятия для сплошной коллективизации³.

Напор на крестьян был ослаблен, и число коллективных хозяйств сократилось. В апреле 1930 г. отмечен отток из колхозов. На 15 апреля 1930 г. из колхозов вышли 7108 хозяйств, или 19,6 %. Вышедшие батрацкие хозяйства составили 1,3 %, бедняцкие – 36,6, середняцкие – 62,1 %. В результате массовых выходов в республике распались 33 коммуны, 19 артелей, 8 ТОЗов⁴. После выхода статьи Сталина борьба с «перегибами» позволила в известной степени стабилизировать положение в деревне.

18 июня 1930 г. обком ВКП(б) принял постановление «О формах и методах коллективизации кочевого и полукочевого населения», в котором было рекомендовано организовывать простейшие производственные товарищества животноводческого направления сомонного и улусного типа. Из этих объединений могли вырасти первичные формы животноводческой сельхозартели. Такой формой колхоза было признано товарищество по общественному улучшению скота, уборке сена и обработке земли – ТОУС. Члены ТОУСа обобществляли сенокосные угодья и пастбища, пахотные земли, коллективно убирали сено, улучшали луга, обрабатывали поля. Они обобществляли сельхозмашины, необходимые для луговодства и полеводства. Рабочий скот обобществлялся в размерах, необходимых для обслуживания общественного хозяйства, остальной, а также молочный скот находился в личной собственности членов ТОУСа⁵.

Но это было временное отступление. Уже в октябре-ноябре вновь были установлены «контрольные цифры-задания» по вовлечению крестьян в колхозы. Методы проведения коллективизации изменились: запугиваний и административного произвола стало меньше, начали применяться меры экономического давления. 2 сентября 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о налоговой реформе: единоличник должен был платить в среднем на двор 30 руб. 80 коп., колхозник – 2 руб. 94 коп., а кулак – 313 руб. 64 коп., т. е. единоличник должен был платить налог, более чем в 10 раз пре-

ф. П-1, оп. 1, д. 1576, л. 11.

¹ НАРБ, ф. П-, оп. 1, д. 1577, л. 5; НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1325, л. 92; РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 34, л. 10.

² Сталин И. В. Соч. Т. 12. – С. 191–199.

³ КПСС в резолюциях. Т. 5... – С. 102.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1620, л. 68–71.

⁵ Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии (1930–1950-е гг.). – Улан-Удэ, 1996. – С. 52.

вышавший налог колхозника¹. Это было серьезным стимулом для вступления в колхоз.

В 1930 г. государство оказывало колхозам большую помощь, с предоставлением существенных налоговых льгот. Зато для единоличников ставки сельскохозяйственного налога были увеличены, введены взимаемые только с них единовременные налоги. Рос также объем государственных заготовок, которые приобретали обязательный характер.

В 1928–1929 гг. из общей суммы кредита, выделенного на развитие сельского хозяйства республики, колхозам давалось 41,2 %, единоличникам – 30,6 %, в 1929–1930 гг. колхозы получили 69,1 % от общей суммы, единоличники – 23,1 %, т. е. государство прежде всего поддерживало развитие колхозов². Помощь шла и семенной ссудой: в 1930 г. бедняцкие хозяйства и маломощные колхозы получили 14926 ц ярицы, 21986 ц пшеницы, 14134 ц овса, 328 ц ячменя³.

Трудно начинали свою деятельность первые коллективные хозяйства. В коммуны «Ажалчин» («Трудовик») в Агинском аймаке объединились 7 семей скотоводов-бедняков. Коммуна имела 1 плуг, 1 конную сенокосилку, 1 грабли, 2 бороны и 1 сепаратор. В первую весну коммунары распахали и засеяли яровой рожью 2 десятины. Осенью собрали сто пудов зерна, летом накопили 1110 копен сена. Общий денежный доход коммуны в первый год составил 1400 руб. В 1927 г. коммуна «Ажалчин» на предоставленный ей кредит приобрела 500 племенных овец – это было началом тонкорунного овцеводства, ставшего впоследствии главной отраслью экономики колхозов и совхозов в Забайкалье⁴.

Первая колхозная весна (1930 г.) принесла большие трудности. Вновь появившиеся колхозы, не имея навыков коллективной работы, опытных кадров, достаточного количества машинной техники, семенного материала, приступили к первому весеннему севу. Для его проведения из Верхнеудинска в помощь колхозникам было отправлено 800 рабочих и служащих, 34 счетных работника, из Аларского и Боханского аймаков в восточные республики при-

Выезд на весенний сев членов коммуны «Свободный труд» с. Тарбагатай. 1930 г.

было на колхозную работу до 20 работников. Комсомольцами было организовано 8 ремонтных и 12 кузнечно-слесарных мастерских для ремонта сельскохозяйственных орудий⁵.

К началу массовой коллективизации спрос на сельскохозяйственные машины в Бурят-Монголии опережал предложение. В 1929 г. в республике было только 13 тракторов, к 1930 г. – 31. Практически все колхозы Бурят-Монголии (за малым исключением) создавались путем простого объединения малопроизводительного крестьянского инвентаря. В информационных справках ВКП(б) того времени отмечается, что «...машинообеспеченность колхозов недостаточна, не хватает сеялок, обеспеченность

Первая борозда

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 181, л. 32–34.

² Тепцов Н. В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. – М., 1990. – С. 34.

³ Космачев П. А. Земля и люди. – Иркутск, 1983. – С. 68, 70.

⁴ РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 13, л. 34.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1495, л. 875.

Колхозники с государственным актом на вечное пользование земель. 1938 г.

ими всего 35–40 %, жаток – 50 %, сеноуборочных машин – 60 %». В 1930 г. количество плугов было определено как вполне достаточное (на 100 га – 21,1 плуга)¹. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВПК(б) признал «необходимым, помимо систематического укрепления колхозного движения партийными руководящими силами, направить в деревню в течение ближайших месяцев на работу в колхозы, машинно-тракторные станции, кустовые объединения и т. д. не менее 25 тыс. рабочих с достаточным организационно-политическим опытом»².

В начале января 1930 г. ленинградская фабрика «Скороход» взяла шефство над коллективизацией сельского хозяйства Бурятии и решила направить на постоянную работу более 100 передовых рабочих. Посылая в Бурятию своих добровольцев, коллектив фабрики давал им наказ принять меры к организации и сплочению бедноты и батрачества, к их культурному воспитанию, укреплению смычки города с деревней³.

2 февраля 1930 г. в республику приехали скороходовские рабочие. «Двадцатипятидесятники» начали подготовку к весеннему севу 1930 г. Большая часть рабочих была рекомендована на руководящую работу. К 1931 г. их осталось в республике 62 человека, остальные по разным причинам вернулись назад. Оставшиеся работали председателя-

ми колхозов, их заместителями, членами правлений, на партийной, культурно-просветительской работе. «Двадцатипятидесятники» М. Суханов, В. Савельев, В. Король, П. Александров, А. Лауль, М. Неклюдова, С. Царев, Н. Шилов, М. Шибанов и др. пользовались уважением и имели большой авторитет у местного населения. Свою задачу «двадцатипятидесятники» видели, прежде всего, в руководстве «борьбой за полное уничтожение капиталистических элементов в деревне, ликвидации кулачества как класса», в оказании помощи «...массам колхозников своим техническим опытом», в помощи перестройке хозяйства колхозника на фабрично-заводской лад, передаче колхозам опыта организации промышленности, навыков «промышленного производства», переносе «в колхозы, особенно по линии организации труда, пролетарской дисциплины и организованности»⁴.

Но многие рабочие, посланные в деревню, были незнакомы с сельским хозяйством, не понимали специфики Бурятии, добавляло трудностей незнание бурятского языка, обычаев. На рабочих собраниях, в письмах высказывались обоснованные сомнения в том, сумеют ли хорошо руководить крупным хозяйством рабочие, не имевшие даже своего огорода.

С октября 1930 г. начался бурный рост колхозов в восточной части республики, который, как констатировал областной комитет партии летом 1931 г., во многом «опрокинул все наши плановые наметки на 1931 г.» Шло не только образование новых сельхозартелей, но и слияние, укрупнение и реорганизация коммун и ТОЗов в сельскохозяйственные артели. В результате слияния коммун «Улан-Тараса», им. Шантанова, «Шэнэ Ажил», «Искра» (всего 13) был создан крупный колхоз «Улан-Готол». В него вошли 827 дворов, в которых насчитывалось 2960 едоков. Управлялась артель собранием уполномоченных, советом и правлением во главе с С.П. Баранниковым. В колхозе активно действовала культурно-бытовая секция, возглавляемая ленинградской работницей Кондратьевой. Здесь работали самая крупная колхозная партийная (191 член ВКПб) и комсомольская (386 чел.) организации. Колхоз превратился в одно из лучших хозяйств республики⁵.

¹ Гаркуша Ю. А. Из истории борьбы Бурят-Монгольской партийной организации за проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства // Труды Бурят-Монгольского зооветеринарного института. Вып. XII. – Улан-Удэ, 1957. – С. 87–161.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1495, л. 876.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 5... – С. 34.

⁴ Скороходовский рабочий. – 1930. – 1 февр.

⁵ РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 65, л. 128, 129; д. 51, л. 34; НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 387, л. 1; оп. 12, д. 25, л. 138; д. 58, л. 28, 58, 69, 99.

Члены коммуны «Красный Оронгой»

В Кабанском районе с июля 1928 по май 1929 г. было организовано 6 коммун, причем коммуна «Красный партизан» была преобразована из товарищества. Кроме коммун было организовано 5 сельхозартелей: «Труженик» в Каргино, Оймуре и Корсаково, имени XV партсъезда – в улусе Березовский Часовенского сельсовета, «Улан таряшин» – в Малом Дулане и 6 ТОЗов. В коммуне «Красный партизан» в с. Колесово состояло 23 мужчины и 18 женщин. Имелось 40 лошадей, 16 телег-двуколок, 2 ходка, 14 одно- и двухлемешных плугов, 20 простых борон, дисковая сеялка, 3 жнейки, косилка и культиватор, паровой клин равнялся 20 га¹. В Селенгинском районе была организована коммуна «Искра».

23 февраля 1928 г. Агинский аймачный комитет ВКП(б), рассмотрев вопрос о коллективизации, поставил перед сельскими партийными ячейками задачу усилить хозяйственное руководство в улусах. Каждый коммунист и комсомолец, говорилось в этом решении, должен быть членом производственного коллектива, застрельщиком строительства новой жизни. Коллективизацию среди скотоводов предлагалось вести по линии создания простых овцеводческих, коневодческих, машинных и других товариществ. Один из основателей колхоза им. Ленина в Зугулае Могойтуйского аймака, бывший член ВЦИК Г. Э. Эрдынеев вспоминал: «В мае 1930 г. мы подняли пары всего на двух гектарах. Пахали на четырех парах быков почти неделю. Лемех плуга упрямо не хотел лезть в землю. Борозда получалась мягкой, неровной – сплошные зигзаги. Весной 1931 г. посеяли рожь, но она не уродилась... Тогда-то на помощь и пришли коммунары из Урульги. Они дали колхозникам плуги, хорошие семена, прислали опытных плугарей, которые стали учить бурят пахать землю, помогли поднять 40 гектаров паров. На них вырастили хлеб. Но опять беда – на

чем смолотить зерно?.. И снова помогли урульгинские коммунары – выделили из своих, тоже небогатых средств конную мельницу»². В это время были организованы коллективные хозяйства «Туя», «Красная Каха», «Красный Оронгой», «Буркавдивизион», «Экономия», «КИМ» и др.

Организаторами и руководителями коллективных хозяйств были коммунисты, комсомольцы, бывшие партизаны: Гылык Эрдынеев из колхоза им. Ленина Агинского аймака; Буда Сангадийн, председатель колхоза им. Карла Маркса Баргузинского аймака; награжденный орденом Ленина красный партизан Ксенофонт Денисов из с. Новый Заган Мухоршибирского района. Среди тех, кто принимал активное участие в строительстве коллективных хозяйств, были секретари райкомов партии, руководители хозяйств, председатели аймисполкомов, колхозов, директора МТС – Г. И. Фоменко, Н. А. Кашурников, А. А. Харитончик, С. П. Обедин, Ф. Н. Жуков, С. И. Корытов, А. А. Бачалдин, У. А. Баженов (Кабанский район); Ц. Бадмаев, Г. Бадмаев, Б. Лумбунов, С. Санжиев, Б. Эрдынеев, Б. Очиров, Д. Очирова (Селенгинский район); М. Шиндаков и др.

Большое внимание уделялось работе среди женщин. Во многих создаваемых артелях и товариществах крестьянки – беднячки и середнячки – приобретали навыки ведения коллективного хозяйства.

С. Б. Санжиев, делегат волостного съезда, член правления коммуны «Искра»

Б. В. Сангадийн, организатор и первый председатель баянгольского колхоза им. К. Маркса

¹ Жизнь Бурятии. – 1928. – № 10–12. – С. 27.

² Лукьянов М. А. Кабанск. – Улан-Удэ, 1970. – С. 29.

Президиум Съезда женщин БМАССР

Например, в Бохане была создана артель по совместной обработке огородных культур из десяти женщин. В коммуне «Идеал» Аларского аймака женщин было более 30 %, в колхозе «Шэнэ Ажил» Боханского аймака – 47,1 %. Среди организаторов колхозного производства выделялись Д. Е. Ешиева, Д. О. Очирова, Д. Б. Бадмаева, А. Н. Баранникова, Д. Д. Баханова и многие другие¹, благодаря которым коллективные хозяйства становились притягательными для крестьян.

В среднем по республике в 1929 г. на 1 колхоз приходилось 16 хозяйств, в 1930–1931 гг. – 40. Но были и карликовые колхозы по 13–15–20 хозяйств, не имевшие никакой базы, порой объединенные только родственными связями².

Фактором, «подстегивавшим» коллективизацию, послужила новая массовая репрессивная акция – «второй этап ликвидации кулачества как класса», организованная весной и летом 1931 г.

Если с конца 1929 до середины 1930 г. местные органы власти проводили раскулачивание по административно-командному произволу, бессистемно и бесконтрольно, нередко по «личному уразумению», вплоть до соревнований по количеству выявленных и раскулаченных, с незаконными арестами и конфискацией имущества, то весной и летом 1931 г. раскулачивание характеризовалось большей организованностью и системностью.

У раскулаченных экспроприировалась земля, орудия труда, денежные средства, домашнее имущество, а они сами, их семьи подвергались аресту,

суду, выселялись с обжитых мест в отдаленные районы или за пределы создаваемых колхозов. К лету 1930 г. 20,7 % колхозов Бурятии получили имущество раскулаченных хозяйств стоимостью 375,7 тыс. руб., что составило только 9,7 % в неделимом капитале колхозов. 25 % конфискованного хлеба государство отдало беднякам в кредит или продало по государственной цене³.

В 1932–1933 г. раскулачивание было дополнено чистками колхозов от классово-враждебных элементов. Результатом одной из них, по данным колхозсоюза шести районов (Тункинського, Селенгинского, Аларского, Боханского, Эхирит-Булагатского и Баргузинского), стало исключение из колхоза 280 чел.: 125 были отнесены к кулакам, 29 – к лишенцам, 26 – к растратчикам и т. д. По имущественному положению 44 % исключенных были кулаки, 30,7 % – середняки, 8,3 % – бедняки, 1,8 % – батраки и 4,3 % – прочие⁴.

Эти факты не дают полной картины по республике, но 40,8 % исключенных батраков, бедняков, середняков говорят о допусках в колхозном строительстве Бурятии перегибам. Погоня за количеством, слабая организация труда (из 1456 колхозов 1156 хозяйств перешли на сдельщину), гигантомания, коммуномания (29 % коллективизированных хозяйств еще состояли в коммунах, а в некоторых аймаках удельный вес коммун доходил до 40 %), исключительное обслуживание коммун производственными кредитами в ущерб артелям (в Селенгинском аймаке на 111 артелей с 20060 едоками было выделено 15090 руб., а на долю 20 коммун с 6532 едоками – 47705 руб.), появление лжекоммун, не имевших производственной базы, развитие иждивенческих настроений, распределение доходов по потреблению, наличие людей, ничего не делавших в коллективном хозяйстве, падение дисциплины – все это вызывало недовольство у крестьян, порождало конфликты между единоличными хозяйствами и колхозами⁵.

С 1 января 1933 г. в 13 районах из колхозов было исключено 2337 хозяйств⁶. В приведенных случаях обвинение во вредительстве непосредственно связывалось с принадлежностью к свергнутым классам. Однако нередко такое обвинение выносилось

³ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. – С. 118–119.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1576, л. 9.

⁵ НАРБ, ф. Р-250, оп. 1, д. 242, л. 31.

⁶ НАРБ, ф. Р-691, оп. 1, д. 2905, л. 65.

¹ Космачев П. А. Земля и люди... – С. 109.

² РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 51, л. 29.

на основании допущенного промаха или срыва в работе (поломка инвентаря, некачественная работа и т. д.). Председатели колхозов чаще всего снимались как не обеспечившие выполнение обязательств колхозов перед государством.

Допущенные перегибы вызывали серьезное недовольство, а нередко и противодействие крестьян, что проявлялось в бегстве из деревни, в массовом забое скота, антиколхозных выступлениях, выходе из колхозов. Классовая борьба принимала различные формы – террористические акты, поджоги, бойкот, создание повстанческих контрреволюционных организаций, вооруженные выступления. Политический конфликт проявился в двух основных формах – в протестном движении и вооруженных восстаниях.

С января по июль 1930 г. в Закаменском аймаке было ликвидировано 5 контрреволюционных организаций, готовивших вооруженное свержение советской власти, общей численностью 218 чел., среди которых были кулаки, середняки, ламы и 22 бедняка¹. За 1930–1931 гг. в республике произошло 5 вооруженных выступлений крестьян, число участников каждого из которых колебалось от 100 до 800 человек. Первое восстание, начавшееся на территории современного Бичурского района в марте 1930 г., выдвинуло лозунг «Свержение Советской власти и установление власти крестьянской, которая не будет отбирать хлеб». Второе восстание (июнь 1930 г.), на территории Ноехонского сомона Селенгинского аймака, проходило под лозунгом «Да здравствует народная власть, всеобщая свобода!» С подобными лозунгами в октябре 1930 г. выступили восставшие на территории современного Кижингинского аймака, входившего в то время в состав Хоринского аймака, и восставшие в Джидинском аймаке в конце мая 1931 г.²

Одно из самых крупных вооруженных выступлений было организовано в августе 1931 г. в Мухоршибирском районе. Восставшие захватили районный центр и несколько сел. Они провозгласили лозунги: «Долой диктатуру компартии!», «Долой колхозы!», «Да здравствует свобода религии!»³ В восстаниях принимали участие представители всех групп крестьянства Бурятии.

Активный участник восстания в августе 1931 г. Ф. А. Мальцев, бывший командир партизанского отряда, так объяснял причины восстания: «...считаю, что крестьяне пошли на борьбу против соввласти потому, что тяжело ощущались хлебозаготовки и мясозаготовки, которые часто доводились до двора неправильно, без учета семейно-имущественного положения, налоги исчислялись неверно – под индивидуальное обложение попадали и середняки», что «всех обязывали вступать в колхоз» «...и что, кто не вступит – пойдет в ссылку».

Наиболее полный ответ о причинах восстания дал участник Бичурского восстания 1930 г. И. Г. Крюков (с. Малета): «1. налоговая политика; 2. отобрание всего хлеба; 3. политика соввласти в отношении кулаков – их раскулачивание путем отобрания у них имущества – вот что было двигателем к восстанию...»⁴

Причинами недовольства крестьян были также отсутствие четких программных установок у большевиков по преобразованию жизни на селе, халатность, безответственность местных органов власти, размытость критериев – кого можно считать кулаком, нетерпимость правящей партии к своим оппонентам, слабость партийных организаций на местах, продовольственная диктатура. Все восстания были преимущественно стихийными, с невысоким уровнем организованности и кратковременностью исторического действия.

В с. Ара-Киреть были убиты 5 советских и партийных работников, учительница Мотавкина, председатель коммуны, уполномоченный по посевной кампании М. Т. Назимов. В улусе Усть-Заган кулаки арестовали 22 коммуниста, из них четверых расстреляли. В 1931 г. в Аларском аймаке в Иваническом сельсовете был зверски убит комсомолец-колхозник, тракторист, в 1931 г. убит «двадцатипяти тысячник» И. Шилов в Аларском аймаке. 14 августа 1933 г. в с. Харауз Мухоршибирского района был убит председатель сельскохозяйственной артели, а его дом сожжен. В Эхирит-Булагатском аймаке был убит селькор краевой газеты Майоров, в сентябре был убит председатель сельхозартели «Олзон-Туя» Селенгинского аймака, в 1930 г. убиты шибертуяцы Д. Гомбоев, Платонов, Д. Дамбаев, Елаев, Арсаланов⁵.

¹ Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-е годы (Хроника языком документа). – Улан-Удэ, 1993. – С. 44.

² Там же.

³ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 44, л. 21.

⁴ Доржиев Д. Л. Социально-политический протест... – С. 69, 57.

⁵ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 265; Гарку-

Бурятский двор с постройками

Крестьянские восстания сыграли принципиально важную роль в социально-экономических преобразованиях сельского хозяйства, определив основные векторы исторического развития в пользу крестьянства, заставив государство скорректировать социально-политическую линию в отношении советской деревни. К 1932 г. коллективизация в Бурятии была в основном завершена. 61,1 тыс. мелких индивидуальных крестьянских хозяйств стали 1578 коллективными хозяйствами. Плановые цифры 1-й пятилетки БМАССР по коллективизации – 9970 хозяйств – были перекрыты в 6–7 раз. Удельный вес единоличников в сельском хозяйстве в 1932 г. составил 38,9 % (в 1923 г. их было 99,8 %)¹. Колхозный клин в общей посевной площади республики вырос с 5,9 % в 1929 г. до 76 % в 1932 г. Доля колхозов в сдаче государству хлеба составила свыше одной трети всей реализуемой по республике продукции².

С 1930 г. началось катастрофическое сокращение поголовья скота в Бурятии: в 1930 г. поголовье крупного рогатого скота составило 856,5 тыс. гол.,

ша Ю. А. Из истории борьбы... – С. 91; Александров А., Шикун Д. Партийное руководство комсомолом в период коллективизации сельского хозяйства Бурятии // Из истории партийной организации Бурятии. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961. – С. 198; Гаркуша Ю. А. К вопросу о деятельности политотделов МТС в Бурят-Монголии в 1933–1934 гг. // Тр. Бурят-Монг. зооветин-та. Вып. 11. – Улан-Удэ, 1957. – С. 4; Бурятия. – 2005. – 26 марта.

¹ Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 53, 55.

² РГАЭ, ф. 7446, оп. 13, д. 51, л. 29; Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 7.

в 1931 г. – 630,5 тыс., в 1932 г. – 470,5 тыс.; сократилось поголовье лошадей, стадо овец и коз. Причинами были не только «враждебные действия классовых врагов», но и низкие закупочные цены, несоответственность между ценой на продукты сельского хозяйства и промышленные товары, снижение капиталовложений. Кроме того, скотозаготовки не отоваривались хлебом, и буряты-скотоводы были вынуждены забивать скот, чтобы прокормиться³.

Малое количество скота в коллективных хозяйствах объяснялось тем, что в них

первую очередь вступали безлошадные и малообеспеченные батраки и бедняки. Определенную роль в спаде производства сыграло и плохое руководство рядом колхозов. К примеру, в колхозе им. К. Маркса с 1928 по 1936 г. сменилось 36 председателей, и только председатель Будугаев в 1936 г. смог вывести его из прорыва⁴.

Коллективизация проводилась форсированными темпами, в принудительном порядке, за счет ликвидации крепких крестьянских хозяйств, составлявших основу сельскохозяйственного производства. Ломка старого уклада, традиционных форм хозяйствования, внутриселенных отношений повлекли за собой много издержек и негативных последствий.

Коллективизация сельского хозяйства в Бурят-Монголии имела свои особенности, определенные природными, экономическими условиями данного региона. Задачи коллективизации сельского хозяйства в западных аймаках сводились к его интенсификации, а в восточных – к смене кочевого и полукочевого образа жизни на оседлый. К тому же необходимо было ликвидировать сохранившиеся дореволюционные земельные отношения.

По сведениям на 1 января 1930 г., более чем в 2/3 земельных обществ Бурятии в той или иной степени и форме сохранялся дореволюционный порядок

³ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 44, л. 21.

⁴ Советская Бурятия. – 1936. – № 1–2.

Красный обоз коммуны «Красный Оронгой»

землепользования¹. Коллективизация, реформирование земельных отношений, перевод кочевых, полукочевых хозяйств на оседлость в Бурят-Монголии проходили почти одновременно, влияя друг на друга, ускоряя или замедляя социально-экономическое развитие русской деревни и бурятского улуса.

27 мая 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и работе Бурят-Монгольской партийной организации». В качестве практических мероприятий ЦК партии предложил Бурят-Монгольскому обкому партии разработать в 6-месячный срок мероприятия по ликвидации дореволюционных земельных отношений и представить на рассмотрение Правительства РСФСР. СНК РСФСР 6 сентября 1930 г. принял постановление «О земельной реформе в Бурят-Монгольской АССР». Содержание этого постановления значительно отличалось от проекта земельной реформы, подготовленного СНК Бурят-Монголии. Был усилен акцент на коллективизацию и ликвидацию кулачества. Первоначально предполагалось проводить земельную реформу путем уравнительного перераспределения земли между хозяйствами и селениями. Однако этот путь был объявлен грубой политической ошибкой, и в окончательном варианте предусматривались меры по отчуждению земли у индивидуальных пользователей, в первую очередь у зажиточного крестьянства, и передаче ее колхозам. Тем самым старая земельная проблема решалась чисто административными, радикальными методами, зачастую игнорируя интересы крестьянства.

Работы по проведению земельной реформы намечались с 1930 по 1934 г. Общие вложения были определены в сумме 34518,0 тыс. руб., из них на землеустройство – 7500 тыс., на мелиорацию – 14996 тыс., на хозяйственную помощь переходящим на оседлость – 8200 тыс., на агрономическую помощь – 2162 тыс., на ветеринарную помощь – 430 тыс., на производственное кооперирование переходящего на оседлость населения – 1000 тыс., на исследовательские работы – 230 тыс. руб.²

Реализация намеченного плана началась в 1931 г. Основным содержанием земельной реформы была ликвидация дореволюционных земельных отношений, определенная 15 мая 1931 г. Постановлением правительства БМАССР о революционном изъятии «кулацко-нойонских земель». В июне–июле 1931 г. было изъято 201867 га, из них пашни – 55000 га, сенокоса – 51293 га, прочих удобных земель – 95594 га³. Эти земли в основном были переданы колхозам, меньшая часть – беднейшим крестьянам.

План земельной реформы 1931 г. намечал перевести на оседлость 1094 бедняцко-средняцких хозяйства (из 38929 кочевых и полукочевых хозяйств), организацию 10 колхозов в Агинском, Еравнинском, Селенгинском аймаках, организацию 6 сенобаз в Агинском, Еравнинском, Селенгинском аймаках, устройство 50 утепленных скотных дворов, 16 овчарен, 13 конюшен, постройку зерновых амбаров, машинных сараев и пр., организацию 10 маслодельных и сыроваренных заводов, приобретение племенных производителей. Но такие темпы членам бюро Восточно-Сибирского крайкома партии показались слишком низкими, и план был пересмотрен в сторону увеличения более чем в 3 раза⁴.

Перевод кочевников на оседлость был осуществлен в довольно короткий срок (1930–1935 гг.) при финансовой и организационно-технической помощи со стороны государства. Произошло сселение кочевых и полукочевых хозяйств, разбросанных улусами и отдельными дворами на десятках, а порой сотнях километров, в единые хозяйственные центры вновь образованных колхозов.

К 1933 г. свыше 11500 хозяйств кочевников перешли на оседлость, в 1935 г. было создано до 140

² НАРБ, ф. Р-1053, оп. 1, д. 108, л. 1 об.

³ Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 51; НАРБ, ф. Р-1053, оп. 1, д. 108, л. 1 об.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1630, л. 119.

¹ Мангутов Н. Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии... – С. 180.

Новая техника

пунктов оседания, где было сосредоточено 86,5 % кочевых и 23 % полукочевых хозяйств¹. В районах оседания было построено: домов и бань – 324, скотных дворов – 343, конюшен – 113, овчарен – 73, ремонтных мастерских – 2. Всего в мероприятия по земельной реформе было вложено 5618,0 тыс. руб., из них 3 млн. руб. на мелиорацию и землеустройство и больше 2,5 млн. руб. на оседание².

Главной задачей коллективизации считалось создание крупного товарного сельскохозяйственного производства на основе машинной обработки земли. К началу массовой коллективизации в деревне преобладал ручной труд, доля тракторных работ была ничтожна. Спрос на сельскохозяйственные машины опережал предложение. Обеспеченность колхозов Бурят-Монголии тракторной силой была почти в 4,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР, и примерно в 2,7 раза ниже, чем в среднем по Сибири³. С началом массовой коллективизации многие формы хозяйствования – пункты проката, ремонтные мастерские, машинные товарищества – были утрачены, но появились машинные сенокосные станции, машинно-тракторные станции. В 1931 г. в Бурятии были созданы первые МТС: Кутуликская в Аларском аймаке, Боханская и Селен-

гинская. Самой крупной была Кутуликская, имевшая в 1934 г. 45 тракторов, среди них 3 мощных по тому времени «СТЗ». Эта МТС обслуживала около 40 колхозов и обрабатывала до 60 % всех колхозных полей⁴.

Одновременно шло создание МСС (машинно-сенокосных станций). В 1931 г. их было 5 – Могойтуйская и Адон-Челонская в Агинском аймаке, Кижингинская, Селенгинская и Еравнинская. В 1932 г. их стало 18, в 1933 г. – 19. МСС имели сенокосилки, грабли, бороны, сеялки, силосорезки. В 1933 г. МСС были объединены с МТС⁵.

По окончании сплошной коллективизации МТС стали единственной организацией обслуживания колхозов средствами производства. В целом МТС оправдали себя, накопив с 1931 г. (по стране с 1930 г.) до реорганизации в 1958 г.

немалый положительный опыт.

По мере увеличения поставок техники колхозам возрастала потребность в механизаторских кадрах, и именно их подготовка, как и других многочисленных колхозных кадров, явилась одним из важнейших социальных изменений в деревне после коллективизации.

До появления МТС систематическая подготовка трактористов не велась, лишь периодически созывались краткосрочные курсы. Начиная с 1933 г., обучение трактористов получило широкое распространение. Между МТС и колхозами заключались договоры, согласно которым МТС поставляли колхозам трактора, а колхозы направляли колхозников в МТС на курсы механизаторов. В каждой МТС перед уборочной и посевной кампаниями созывались краткосрочные курсы, на которых готовили прицепщиков, машинистов молотилок и жаток и других временных подсобных рабочих. Например, в Тункинской МТС в 1933 г. было подготовлено 28 весовщиков, 23 машиниста молотилок, 21 прицепщик. В следующем году работали курсы заправщиков, сеяльщиков и прицепщиков для 108 человек⁶.

¹ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 44, л. 18; оп. 1, д. 2905, л. 45; ф. Р-195, оп. 13, д. 3866, л. 17.

² Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 52.

³ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 141.

⁴ Социалистическое строительство Бурятии за десять лет... – С. 71; НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1630, л. 304.

⁵ Там же.

⁶ Янданов А. Г. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Бурятии (1928–1937 гг.). – Улан-

Машинно-тракторная станция (МТС)

Для подготовки к работе с техникой на базе Селенгинской МТС в 1934 г. была открыта республиканская школа трактористов с 5-месячным сроком обучения. За 2 года школа сделала 5 выпусков и подготовила 292 тракториста и 81 машиниста для сложных молотилок и сноповязалок¹. Однако в целом по республике квалифицированных кадров не хватало, что приводило к частым простоям и поломкам техники, низкой производительности труда.

Развернувшееся колхозное движение потребовало подготовки массовых животноводческих кадров. В Бурятии, где животноводство было ведущей отраслью в экономике, данный вопрос занимал особое место в деятельности хозяйственных и партийных органов.

С коллективизацией сельского хозяйства связаны первые крупные изменения в хозяйстве, быту бывших скотоводов. Несмотря на имевшиеся недо-

статки, ошибки, перегибы в ее проведении, она в целом отвечала хозяйственным, бытовым, культурным потребностям простых людей. Коллективный труд, новый быт соответствовали издавна сложившейся среди местного населения практике общинного ведения хозяйства, народным традициям.

Возросли масштабы технической реконструкции в сельском хозяйстве – главным образом через создание государственных машинно-тракторных станций (МТС). Заметно поднялся уровень механизации сельскохозяйственных работ. Был упорядочен процесс обобществления крестьянских средств производства. Оседание кочевых хозяйств сопровождалось перестройкой социально-экономических отношений и социально-бытовых и культурных условий кочевников и полукочевников, которую нельзя однозначно оценить как прогрессивную. Разрушение вековых традиций, образа жизни имело негативные последствия, хотя невозможно отрицать преимущества нового, социалистического уклада жизни.

Удэ, 1975. – С. 74.

¹ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 4668, л. 2.

3.4. Репрессивная политика Советского государства в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг.

После завершения гражданской войны и перехода Советского государства к мирному строительству и новой экономической политике произошли существенные изменения в промышленности и сельском хозяйстве, что в сочетании с разгромом основных сил контрреволюции привело к изменению репрессивной политики государства.

В августе 1922 г. проходила работа XII Всероссийской конференции РКП(б), которая в части, касающейся направлений репрессивной политики государства, констатировала: «Нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимой беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием. Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направленными против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров или меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо помнить, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели»¹.

НЭП должна была привести к изменениям кадровой политики государства, а значит, вызвать изменения в структуре, формах и методах работы спецслужб. После образования СССР было создано единое самостоятельное ведомство охраны государственной безопасности – Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров. Основными направлениями в работе ОГПУ стала борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок и подрывных центров, оперативное выявление, изучение и разложение организационных структур оппозици-

онных партий, борьба с бандитизмом и экономическими преступлениями. Уже в период реформирования спецслужб расширились их полномочия. В частности, в августе 1922 г. спецслужбы были наделены правом административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям; в сентябре 1922 г. чекисты были привлечены к борьбе со взяточниками; в 1924 г. – с фальшивомонетчиками.

28 марта 1924 г. ВЦИК СССР образовал при ОГПУ Особое совещание и утвердил Положение о правах ОГПУ в вопросах административных высылки, ссылок и заключений в концлагерь людей, обвиненных в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой. 4 апреля 1927 г. ВЦИК наделил органы чрезвычайными внесудебными полномочиями, вплоть до расстрела по делам о диверсиях, поджогах, взрывах, порче машин, совершенных «как со злым умыслом, так и без него». Все это создавало основу для нарушения законности, что позднее имело тягчайшие последствия для общества.

К этому периоду относится начало борьбы с православной церковью, подавление оппозиционных партий, ликвидация еврейских сионистских организаций, что заложило основу для раскручивания спирали будущих политических репрессий. В январе 1922 г. был принят Декрет ВЦИК, направленный на ликвидацию Русской православной церкви. В течение 1922 и до апреля 1925 г. вырабатывалась и проводилась генеральная линия партии и правительства по отношению к религии и церковным организациям². На это был нацелен весь механизм ОГПУ. Именно тогда был заложен фундамент воинствующего атеизма, который затем обрел самые жестокие формы. Осуществлению декрета во многом способствовал церковный раскол на обновленцев и староцерковников, что привело к разделу церковного имущества и закрытию церквей.

С образованием Бурят-Монгольской АССР эти же процессы начались в республике³. Оперативно-секретная часть ОГПУ составляла обобщающие

² Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг. Архивы Кремля. – Новосибирск; М., 1997.

³ Базаров Б. В., Курас Л. В. Репрессивная политика Советского государства 1920 – начала 1950-х гг. (на материалах Республики Бурятия) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Т. 1: А–Б–В. – Улан-Удэ, ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 3–24.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 2... – С. 593.

Фото репрессированного жителя Хасурты Н. В. Солдато

еженедельные информационные обзоры не только по территориальному, но и по тематическому признаку, в числе которых следует выделить саботаж, экономическое и политическое состояние республики, бандитизм, хулиганство, политические партии, духовенство. Спецслужба обращала особое внимание на обновленцев, что видно из протокола допроса архиерея Троицкой церкви Кяхты Г. П. Георгиевского: «У меня как викарного епископа постановления обновленческого съезда нет, а имеется Деяние Всероссийского собора 1923 г., в котором власть существующая признается доступной преклонения как данная богом, заботящаяся, главным образом, о беднейших и обездоленных и о равенстве всех, и никаких намеков на отношение верующих к Коммунистической партии не имеется. Компартия – партия политическая, а мы с политикой ничего общего не имеем»¹.

В этот период в республике еще не проводилось тотальных акций против церкви и ее организаций. В то же время местные органы власти никак не реагировали на повсеместное закрытие миссионерских церквей. В 1923 г. число верующих в двенадцати тункинских православных церквях составляло: Монды – 114 чел., Туран – 9, Шимки – 501, Тунка – 1538, Гужир – 298 чел. Эти церкви были закрыты почти одновременно. Точно так же обошлись с Погромнинской, Укырской, Сосново-Озерской, Попереченской и Романовской церквями Еравнинского аймака². Что касается небольших деревян-

ных часовен, расположенных на погостах и вдоль трактов, то они сносились без оформления каких-либо документов. Такая участь постигла часовню во имя Петра и Павла, построенную на берегах Уды при въезде на улицу Станичную и принадлежавшую Михайло-Архангельской общине³.

Тогда же начинается борьба со служителями других религиозных конфессий, и прежде всего со служителями буддийского и шаманистского обрядов. В 1924 г. в областном отделе ОГПУ БМАССР было создано восточное направление, главной задачей которого стала борьба с ламством. Для решения этой проблемы начинается целенаправленный набор сотрудников из числа бурят. В 1926 г. заведующий организационным отделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) в письме начальнику БМ ОО ОГПУ Ермилову указывал на слабую укомплектованность ОГПУ «работниками, и особенно бурятами». При этом подчеркивалось, что «буряты нужны ОГПУ, дабы их можно было приспособить для работы по линии восточной»⁴.

Отделение также занималось «разработкой» национальной интеллигенции, бывших нойонов, мусульманского населения и взаимоотношений бурятского населения с бурятской эмиграцией в Монголии⁵.

В этот период органы советской власти искали особые формы репрессивной политики в отношении буддийской конфессии. Это было обусловлено большим количеством верующих и священнослужителей, а также наличием устойчивых связей с зарубежными буддийскими центрами. Об осторожном подходе к этому вопросу свидетельствует отчет Бурят-Монгольского ОГПУ за 1924 г., в котором отмечено, что «ламство Бурятии рассматривается как ветвь монголо-тибетского ламства и требует к себе осторожного подхода, необходимого в целях политического влияния СССР на соседние страны, и разгром ламства из дацанов путем налогового обложения не только противоречит задаче разложения его изнутри, но повлечет самые отрицательные последствия, которые будут оценивать за кордоном как жестокое гонение религии Соввластью»⁶. Кроме

Удэ, 1997. – С. 53.

³ НАРБ, ф. 248, оп. 2, д. 76, л. 210–211.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 756, л. 60, 61.

⁵ Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 5, оп. 6, д. 6, л. 337.

⁶ Шагдуров Ю. П. Государство и религиозные конфессии Бурятии в 20–30-х гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 72.

¹ Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 4190/с, оп. 1, д. 1, л. 1–31.

² Митыпова Г. С. НКВД и Православная церковь в Бурятии (1920–1930-е годы) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-

того, учитывался и тот факт, что после мероприятий 1923–1924 гг., направленных на подрыв буддийской церкви, активизировался процесс эмиграции бурятских лам в Монголию. Поэтому государство стремилось подорвать влияние буддизма другими путями, важнейшим из которых стал церковный раскол. Он длился 7 лет и сыграл важную роль в падении авторитета церкви и духовенства, а также в распространении атеизма среди верующих буддистов¹. Необходимость использования этого раскола сформулировал руководитель Бурят-Монгольской областной организации ВКП(б) М. Н. Ербанов в докладе «По ламскому вопросу в Бурятии»: «Обновленческое движение мы должны рассматривать как результат происшедшего глубокого кризиса в ламстве, как явление неизбежное, и для нас создающее благоприятную обстановку в деле разложения ламства»². Тогда же руководитель Восточного отделения Р. Д. Бадмаин в одной из сводок констатировал: «Вопросы борьбы с ламством остаются у нас мало разработанными. Четкой и ясной линии еще во многих вопросах, связанных с ламством, у нас нет. Ламский вопрос представляет всю группу социально-политических вопросов, которые приходится нам решать применительно к бурятской части населения Буреспублики, особенно у забайкальских бурят. Мы подошли вплотную к тому, чтобы разработать целую систему противоламских мероприятий»³.

С образованием Бурят-Монгольской АССР в республике прекращают политическую деятельность партийные организации социалистической ориентации. Среди них партия социалистов-революционеров (максималистов) под руководством Забанова, которая в полном составе вступила в ряды РКП(б), и еврейская партийная организация Поалей-Цион. Что касается сионистских организаций на территории республики, то они были распущены ранее. Еще 11 мая 1923 г. председатель губернского отделения ГПУ Ю. И. Клиндер в своем докладе сообщил об аресте лидеров сионистов Верхнеудинска, изъятии дел, переписки и циркулярных писем из-за рубежа, газет и журналов. Уже

тогда за всем еврейским населением Западного Забайкалья было установлено негласное наблюдение⁴. По сообщению газеты «Сибирь – Палестина», в июне–июле 1923 г. состоялись аресты сионистов Иркутска, Верхнеудинска, Читы, Сретенска. 30 ноября 1923 г. за подписью начальника секретного отдела ОГПУ Дерибаса в БМАССР поступило оперативное сообщение, свидетельствовавшее об активизации сионистской деятельности в Верхнеудинске и Баргузине и связях местных сионистов с сионистами других городов. Поводом для сообщения послужило фальсифицированное донесение типографского рабочего о якобы поступившем заказе на нелегальное изготовление членских билетов, бланков и устава для Баргузинской сионистской организации⁵. В декабре 1923 г. от уполномоченного ГПУ по Баргузинскому аймаку поступило сообщение о том, что сионистской организации в Баргузине не установлено⁶. Тем не менее оперативная разработка сионистов в БМАССР продолжалась: на 1 января 1925 г. их насчитывалось 12, из которых 11 находились в оперативной разработке. К началу 1926 г. было выявлено еще 3 сиониста⁷.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР началась массовая коллективизация крестьянских хозяйств. Основной упор был сделан на создание колхозов. В середине декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление «О темпах коллективизации Сибири», в котором перед руководством БМАССР была поставлена задача завершения кампании к 1 октября 1933 г. Основным аргументом стало письмо И. Сталина сибирским коммунистам, в котором он указывал, что «аргументация силовая имеет такое же значение, как аргументация экономическая, а иногда она имеет даже большее значение, когда портят рынок, всю нашу экономическую политику стараются повернуть на рельсы капитализма, на что мы не пойдем»⁸.

С этого времени хозяйственная деятельность в БМАССР осуществлялась с помощью установок и директив, а коллективизация приобрела характер обвала. Основным средством ускорения процесса коллективизации стало раскулачивание, под кото-

¹ Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламского духовенства. – Улан-Удэ, 1964. – С. 98–99.

² Данзанова А. А. Обновленческое движение в Бурятии в 20-е гг. // Проблемы истории и национально-культурного строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998. – С. 191.

³ Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 5, оп. 6, д. 5, л. 338.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 153.

⁵ Там же, л. 251.

⁶ Там же, л. 263.

⁷ Там же, ф. 3, оп. 2, № 3, л. 73.

⁸ Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 6. – С. 212.

Митинг на Базарной площади Верхнеудинска

рое попали не только кулаки, но середняки и даже бедняки, не пожелавшие вступать в колхозы. За 1929–1930 гг. из республики было выселено 4–4,5 тыс. кулацких семей¹. Для силовых структур начали устанавливать квоты «организаторов терактов», кулацкие хозяйства подвергались усиленному налогообложению, а сами крестьяне лишались избирательных прав (становились «лишенцами»). Конфискованный хлеб государство перераспределяло, отдавая 25 % беднякам в кредит или по госцене. Тем самым БМАССР стала поворачивать на знакомую дорожку продразверстки, торговля хлебом запрещалась, начали формироваться заградотряды, что привело к массовым выступлениям крестьян. В 1930 г. в БМАССР прокатилась волна вооруженных крестьянских выступлений. По данным секретной информационной сводки обкома ВКП(б) от 10 мая 1932 г., за 2-ю половину 1931 и начало 1932 г. в сельских местностях БМАССР «оперировало 17 бандшаек с общим количеством участников 743 человека». При этом наиболее «пораженными по бандитизму районами являются

Агинский, Хоринский, Еравнинский, Мухоршибирский, Эхирит-Булагатский и Селенгинский»². В этот же период в лесах республики появляются вооруженные группы беглых заключенных из лагерей ОГПУ, ссыльных и «спецпереселенцев», большую часть которых составляли раскулаченные крестьяне³.

Для ликвидации «антигосударственных тенденций» в сельском хозяйстве ЦК ВКП(б) учредил в январе 1933 г. при МТС и совхозах политотделы, основной задачей которых было выявление «кулацких элементов» и проведение всесторонней чистки председателей колхозов, членов правлений, завхозов, кладовщиков, счетоводов, кассиров. Основную работу по раскулачиванию и выселению проводили исполкомы местных Советов, которые определяли, кто должен быть раскулачен, размеры конфискации имущества, места выселения. Спецслужбы в этом процессе играли вспомогательную роль: оперативное выселение раскулаченных, трудовое использование выселенных, агентурно-оперативная

¹ История Бурятии. Век XX. Ч. 1. – Улан-Удэ, 1993. – С. 53.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1713, л. 1.

³ Доржиев Д. Л. Социально-политический протест... – С. 91.

Праздник Цам

разработка кулаков, ликвидация кулацких, анти-советских группировок, борьба с вооруженными выступлениями кулаков и бандитизмом. ОГПУ не только обеспечивало репрессивную политику, но и само выступало инициатором беззаконий.

В начале 1930 г. полномочный представитель ОГПУ в Сибири Л. Заковский представил в Сибкрайком «Предложения по вопросу ликвидации кулачества как класса», которые в последующем стали основой для раскручивания репрессий на местах. Согласно им, массовое выселение кулаков не должно было быть самоцелью. Речь шла о «трудовом перевоспитании», которое совпадало с возможностью использования дешевого труда «перевоспитуемых».

17 апреля 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации трудовых поселений ОГПУ». На 1 января 1940 г. на территории БМАССР находилось 1983 трудопоселенца (491 семья), а всего в Сибири – 381585 трудопоселенцев (93884 семьи)¹.

Начавшаяся коллективизация дала новый толчок антирелигиозной кампании. Государственная репрессивная политика и деятельность Бурятского областного Союза воинствующих безбожников (СВБ) к началу 1930-х гг. сформировали единый образ священнослужителя как стяжателя и контрреволюционера. В практике атеистической работы все более проявлялись тенденции администрирования и внеэкономического воздействия. Однако к началу 1930-х гг. успехи воинствующего атеизма в БМАССР были весьма скромными. Это объясняется тем, что СВБ не был массовой организацией. К тому же, деятельность лам на территории республики находила понимание и поддержку населения, которое, будучи недовольным аграрной политикой государства и начавшейся антирелигиозной борьбой, стало объединяться вокруг дацанов и православных церквей.

В 1930 г. ЦИК БМАССР подготовил директивное письмо «О мероприятиях по усилению борьбы с ламством», в котором была выработана целая система «комбинированных мероприятий культурно-социального, политического и экономического характера»², суть которых выражалась, прежде всего, в использовании налогообложения. СНК БМАССР подготовил инструкцию «по учету и обложению ламства», в которой говорилось, что «обложению налогом подлежат все без исключения ламы, достигшие 18-летнего возраста, независимо от занимаемого положения в религиозном обществе как в дацане, так и вообще на территории аймака по группам VI, VII категории «Б»³. К группе VI категории «Б» относились все ламы, независимо от занимаемой должности, если они непосредственно участвовали или по своему положению могли участвовать в совершении религиозных обрядов; к группе VII – все остальные, так или иначе причастные к ламству: ученики, мелкие служители. Налогами облагались также сельхозугодья, здания дацанов, хозяйственные постройки.

Особое внимание уделялось борьбе с ламством в режимных приграничных районах БМАССР (Агинский, Селенгинский, Тункинский, Мухоршибирский, Кяхтинский), где его влияние было особенно сильным. Среди мер внеэкономического воздействия использовалось лишение лам избирательного права и проведение частичной паспор-

¹ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997. – С. 80.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1287, л. 1.

³ Там же, д. 377, л. 19.

Выпускники медицинской школы Агинского дацана. 1924 г.

тизации, преследовавшей конкретную цель — сокращение числа священнослужителей. Степным ламам, ушедшим из дацанов, паспорта не выдавались. Они выселялись из режимных районов либо на север республики (Баргузинский, Еравнинский, Баунтовский аймаки), либо за пределы республики, в западные районы Восточной Сибири. В результате проведенных мероприятий 90 % степных лам не получили паспортов. Что касается дацанских лам, то им выдавались паспорта как служителям культа что существенно урезало их права.

Об «успехах» репрессивной политики в режимных районах говорит тот факт, что в 1933 г. там располагались 22 дацана из 29 действовавших на территории БМАССР¹. В 1933 г. насчитывалось 1219 дацанских лам, из них 627 были репрессированы, 150–180 эмигрировали, 120–130 перешли в степное состояние, 280–320 человек осели в городах и на промыслах².

В августе 1930 г. секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М. Ербанов направил на имя Е. Ярославского докладную записку «О борьбе с тибетской медициной в Бурят-Монгольской Республике», в которой просил «санкционировать закрытие в

административном порядке Ацагатской школы тибетской медицины «Мамба-дацан», а также «запретить на территории Бурят-Монгольской Республики врачевание тибетской медицины особым правительственным актом». Свое предложение он мотивировал тем, что «тибетская медицина настолько тесно срослась и переплелась с ламаизмом как с религией, что отделить их друг от друга почти невозможно... и в глазах населения она превратилась в нечто вроде предмета ламаистского культа», что, по мнению автора записки, является «громчайшим тормозящим фактором на путях социалистического строительства Бурят-Монгольской Республики»³.

Проведение этих мероприятий было поручено органам ОГПУ БМАССР. Исходя из указания Бурят-Монгольского ОК ВКП(б), отдел ОГПУ завел дело № 89 на 17 членов экспедиции Всесоюзного Ленинского экспериментального института по изучению тибетской медицины, которые в этот период занимались сбором лекарственных трав на территории республики. Им всем было инкриминировано «членство в панмонгольской контрреволюционной ламской организации и шпионская деятельность в пользу Японии». В то же время руководство ОГПУ БМАССР реально оценивало роль тибетской меди-

¹ Архив УФСБ, ф. 3, оп. 2, д. 5, л. 2.

² Там же, д. 85, т. 2, л. 30.

³ Там же, л. 38, 32, 27.

Члены делегации БМАССР (впоследствии репрессированы) преподносят подарки руководителям Советского государства

цины и в письме в адрес ОК ВКП(б) республики подчеркивало, что «ламская школа тибетской медицины пользуется громадным авторитетом среди широкой массы верующих не только Ацагатского, но и всего Хоринского и Верхнеудинского районов – аймаков...», и предлагало «развернуть широкую массовую работу среди населения улусов..., а также поставить перед Бурнаркомздравом задачу об обеспечении в районах медицинской помощи населению». Чекисты исходили из того, что «ламы, как особая группа лекарей, знахарей», находились в почете не только у отсталых групп населения, но и оказывали существенное влияние на комсомольцев, коммунистов, педагогов и даже медицинских работников¹.

К началу 1933 г. относится и первый политический процесс на территории БМАССР по делу Трудовой крестьянской партии, по которому проходило 44 человека². Отправной точкой «большого террора» стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. В тот же вечер было принято постановление ЦИК СССР, предписывавшее вести дела обвиняемых в подготовке и совершении террористических актов ускоренным порядком. При этом судебные органы не принимали к рассмотрению ходатайства о по-

миловании, а приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно. 27 мая 1935 г. приказом НКВД СССР в республиках, краях и областях были созданы «тройки», на которые распространялись права Особого совещания. Они принимали решение о высылке, ссылке или заключении в лагерь сроком до 5 лет. Полномочия спецслужб, «троек», Особого совещания были значительно расширены после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), на котором И. Сталин призвал «беспощадно громить и корчевать изменников, нынешних вредителей и диверсантов, каким бы флагом они ни прикрывались». В соответствии с приказом от 30 июля 1937 г. «Об операции по ре-

прессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», подписанным наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым, устанавливался лимит подлежащих осуждению по 1-й категории (расстрел) и 2-й категории (10 лет лагерей). Лимит распространялся на все республики, края и области, в т. ч. и на Бурятию. Согласно приказу, планировалось начать операцию 5 августа 1937 г. и завершить ее в 4-месячный срок. 31 января 1938 г. ЦК ВКП(б) принял предложение НКВД СССР об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и антисоветского элемента по 22 областям, краям и республикам, в т. ч. по БМАССР – 500 чел. по 1-й категории.

На сегодня далеко не полный список подвергшихся репрессиям по Республике Бурятия составляет почти 20 тыс. чел. Кроме того, многие уроженцы Бурятии были репрессированы за пределами республики, и их дела находятся на архивном учете в других регионах России и странах СНГ.

За 1937 г. и 10 месяцев 1938 г. в республике было арестовано 6836 человек, из них осуждено 4907. Из 2483 осужденных по 1-й категории 569 были признаны шпионами и диверсантами 13 государств, в т. ч. 347 – японскими шпионами³. За неполных 2 года органы госбезопасности «выявили» 626 изменников Родины, диверсантов, вредителей, террористов, контрреволюционных агитаторов.

¹ Архив УФСБ, ф. 3, оп. 2, д. 56, л. 64.

² Базаров Б. В., Шагдуров Ю. П. О судьбах чекистов в Бурятии в 30-е годы // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 63.

³ История Бурятии. Век XX. Ч II... – С. 92.

Наибольшую группу из числа репрессированных составляли представители так называемой «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организации», по делу которой на 15 февраля 1938 г. было арестовано 2026 участников организации, в т. ч. 1303 ламы. Им вменялись в вину попытка отторгнуть БМАССР от СССР и создать Великое Монгольское государство под протекторатом Японии, националистическая обработка населения республики на антисоветской основе и связанная с этим попытка государственного переворота. Согласно акту от 18 марта 1938 г., подписанному заместителем наркома внутренних дел БМАССР и двумя начальниками отделов, так называемая «панмонгольская организация» была создана еще в период гражданской войны, и все руководство республики входило в эту организацию. Были арестованы второй секретарь обкома ВКП(б) Маркизов, председатель СНК республики Доржиев, председатель БурЦИК Дампилов, секретарь ОК ВЛКСМ Шулунов, 3 заведующих отделами обкома партии, 14 наркомов, 11 секретарей айкомов ВКП(б), 7 представителей аймисполкомов. Во главе этой «крупной организации» с разветвленной сетью стоял первый секретарь обкома партии М. Н. Ербанов, арестованный еще в 1937 г. В ночь с 22 на 23 июня 1938 г. были расстреляны сидевшие в улан-удэнской тюрьме И. Дампилов, Я. Похосоев – нарком земледелия, Д. Донгидон – нарком просвещения, М. Адамчикова – заведующая отделом обкома партии, Т. Еланов – нарком местной промышленности, В. Балтуев – нарком торговли, И. Хабаев – нарком юстиции, Б. Базарон – нарком финансов, Д. Буянтуев – председатель Госплана, М. Пилунов – председатель Буркоопсоюза, Ц. Догдомэ – секретарь Закаменского айкома партии, Н. Михайлов – секретарь Хоринского айкома партии, С. Кригель – заведующий отделом культуры Совнаркома, Р. Базарон – директор института культуры и др. – всего 33 чел.¹ В результате репрессий были обезглавлены бурятские организации ВКП(б) и комсомола, правительство и ЦИК республики. По обвинению во вредительстве и создании «панмонгольской организации» погибли не только руководители. Жертвами репрессий стали бухгалтеры, кладовщики, учетчики, плановики.

Была уничтожена почти вся творческая интеллигенция. Трагична судьба крупных ученых-

*Герой Советского
Союза, генерал-майор
И. В. Балдынов*

востоковедов Ц. Жамцарано, Б. Барадина, писателей Ц. Дондубона (Ц. Дона), П. Данбинова (Солбо-нэ Туя), Ж. Батоцыренова, Ч.-Ж. Базарона, Д. Да-шинимаева. В 1938 г. был репрессирован бывший председатель Реввоенсовета Монголии, профессор кафедры политической экономии Коммунистического университета трудящихся Востока Э.-Д. Ринчино. Огромный вред был нанесен исторической науке республики. Наряду с разоблачением школы Покровского институт культуры в 1934 г. провел собственную дискуссию, где были подвергнуты шельмованию известные ученые.

В этот же период перестала существовать как самостоятельная боевая единица РККА Буркав-бригада, принимавшая активное участие в боях на КВЖД. Весь командный состав бригады, включая младших командиров, был арестован по обвинению в попытке «осуществить военно-государственный переворот в Бурят-Монголии в блоке с панмонгольскими перерожденцами под протекторатом Японии», а также в преступных связях с репрессированным военным руководством страны. В числе репрессированных оказался и будущий генерал-майор, Герой Советского Союза И. В. Балдынов.

В эти же годы продолжалось раскулачивание, было выявлено 2979 кулаков, из них осуждено 2208. В ходе широкомасштабных репрессий не избежали участи своих мужей 59 жен «врагов народа».

В 1993 г. были впервые опубликованы сведения о работе бывших «троек» НКВД БМАССР за 1937–1938 гг. и количестве дел, рассмотренных комиссией НКВД СССР² (табл. 5).

¹ История Бурятии. Век XX. Ч. II... – С. 64.

² Там же, – С. 65.

Сведения о деятельности внесудебных органов на территории БМАССР за 1937–1938 гг.

Наименование внесудебного органа	Всего осуждено	По 1-й категории	По 2-й категории
Тройка НКВД в порядке приказа № 00447	3839	1900	1993
Особая тройка в порядке приказа № 00606	414	352	62
Комиссия НКВД СССР (альбом)	184	146	38
Итого	4491	2398	2093

Агван Доржиев (1853–1938), буддийский ученый, дипломат, религиозный, государственный и общественный деятель

Массовые репрессии в БМАССР привели к окончательному «решению религиозного вопроса». Если ко времени образования республики в мае 1923 г. на ее территории действовали 44 дацана, 211 православных храмов, 81 старообрядческий молитвенный дом, 7 иудейских синагог, 6 мусульманских мечетей, 5 баптистских общин,

1 католический костел¹, то к середине 1930-х гг. большая часть храмов и молитвенных домов были закрыты или разрушены.

Накануне войны в республике не было ни одного действующего храма. При этом наиболее серьезный удар был нанесен по дацанам. В числе методов воздействия были как экономические, так и политические: усиленное налогообложение, лишение избирательных прав, закрытие ремесленных мастерских при дацанах, которые обслуживали окрестное население, запрещение лечения методами тибетской медицины, выселение в северные районы республики и за ее пределы, прямые репрессии. Спецслужбы имели исчерпывающие данные обо всех перемещениях лам, местах их постоянного проживания и работы. В Улан-Удэ бывшие ламы трудились на ПВРЗ, стеклозаводе, мелькомбинате, мясокомбинате, восточном продовольственном складе, в аэропорту; по районам республики – на стройках райкомхозов, в школах, больницах, на поденной работе; за пределами республики – на станциях Зима, Черемхово, Белая, Черновские копи, Петровский Завод, Бада, Могзон, Ингода, Дарасун, Сретенск, Нерчинск, Шилка, Канск, Карымская, Оловянная². В 1936 г. Управление НКВД Восточно-Сибирского края представило сведения о численности лам 44 дацанов по годам (табл. 6)³.

¹ История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1992. – С. 64–65.

² Курас Л. В., Данзанова А. А. К вопросу о репрессиях ламского духовенства в Бурятии (конец 1920 – начало 1930-х гг.) // Религиозные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 165.

³ История Бурятии. Век XX... – С. 67.

Таблица 6

Численность лам в дацанах за 1916–1936 гг.

1916	1927	1930	1933	1934	1935	1936
11276	7566	5327	2758	1515	1271	923

К 1 ноября 1938 г. были арестованы 1864 ламы, из них осуждено – 968. В начале 1938 г. были арестованы все ламы-лекари Ацагатского дацана. Известный религиозный и общественный деятель, учитель его Святейшества Далай-ламы XIII Агван Доржиев в письме в адрес Президиума ВЦИК охарактеризовал состояние медицинского обслуживания в БМАССР: «Ламы – тибетские врачи, которые занимаются практической медициной, преследуются местными властями; лекарства, которые достаются с большим трудом из Тибета, Китая, отбираются и беспощадно уничтожаются; лам-докторов сажают в тюрьму, штрафуют большими налогами. Русские врачи и фельдшера из-за малой численности не могут обслуживать все население, а тибетские – преследуются»¹.

Репрессивная политика государства привела к фактическому отрыву бурятского народа от всей системы жизни и деятельности монгольских народов, разрыву традиционных связей с культурой народов Центральной Азии, к политической и моральной дискредитации буддизма.

На фоне общего беззакония в 1936 г. был принят Основной закон государства – Конституция СССР, а в 1937 г. – Конституция Бурят-Монгольской АССР, закрепившая административно-территориальную структуру республики. Но уже 26 сентября 1937 г. территория республики была разделена, и 6 крупных аймаков переданы Иркутской и Читинской областям. Из западных аймаков был образован Усть-Ордынский национальный округ в составе Иркутской области; из восточных – Агинский национальный округ в составе Читинской области.

Репрессии не обошли стороной и спецслужбы республики. Уже в декабре 1937 г. внутри органов НКВД БМАССР была «вскрыта» и ликвидирована «антисоветская, правотроцкистская, националистическая, шпионско-диверсионная организация». Были репрессированы Д. Д. Никифоров – начальник областного управления НКВД БМАССР, офицеры Л. Е. Помытов, Д. Ц. Чимытов, С. Ч. Чимидун, К. К. Спелит, Г. М. Митыпов и др. Их дела

находились на контроле заместителя наркома внутренних дел СССР Фриновского. В обвинительном заключении по делу К. К. Спелита² указывалось, что он вел работу по сохранению контрреволюционных националистических элементов, кулаков, лам, «разлагая агентурный аппарат, не давал контрольных заданий на вербовку новой агентуры, мариновал новые разработки в аппарате НКВД». Он обвинялся и в том, что не вел борьбу с ламством; в 1936 г. добился освобождения 30 арестованных в Хоринском районе по обвинению в подготовке к восстанию; в 1937 г. не дал санкцию на арест членов правотроцкистской организации в Баунтовском районе (после ареста К. К. Спелита в этом малонаселенном районе были арестованы 164 «правых троцкиста»). Погибший в тюрьме 10 августа 1937 г. начальник Хоринского райотдела НКВД С. Ч. Чимидун³ обвинялся в том, что не провел ни одного политического следственного дела, не реализовал ни одной агентурной разработки. Д.-Ц. Чимытов⁴, умерший 22 марта 1939 г. в Иркутской тюрьме УГБ, обвинялся в том, что противодействовал закрытию дацанов, прекращал дела по ламству. В целом по БМАССР за 1937–1941 гг. были репрессированы 24 сотрудника НКВД, причем некоторые из них – сами ревностные исполнители репрессий. Среди них руководитель НКВД республики Ткачев, Полканов, Бак, начальники отделов Гайковский, Кочетков, Трибой, которые, не имея необходимой профессиональной подготовки и образования, допускали грубейшие нарушения законности, в результате чего были допущены массовые необоснованные репрессии советских граждан. Ими давались санкции на арест по телеграфу или по спискам, представленным районными отделениями НКВД. Незаконная практика деятельности спецслужб нашла применение и в агентурной работе, когда использовались агенты-provokatory, сообщения которых не проверялись.

² Архив УФСБ РФ по РБ, д. 1615.

³ Там же, д. 1031.

⁴ Там же, д. 1022.

¹ НАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 103, л. 28.

Массовые беззакония и злоупотребления властью, введение чрезвычайных мер, не вызванных ни политической, ни оперативной обстановкой, привели к серьезному кризису во всех областях жизни как в Бурят-Монгольской АССР, так и в стране в целом.

17 ноября 1938 г. в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» была осуждена деятельность Н. И. Ежова и его окружения, вскрыты недостатки в работе НКВД, пресечены и ликвидированы нарушения социалистической законности. Принятым постановлением были запрещены массовые операции по арестам и выселению, установлена ответственность за каждый незаконный арест, который должен санкционироваться прокурором. Практика составления справок или меморандумов на арест отменялась. Этим же постановлением ликвидировались судебные «тройки» УНКВД. Были упразднены и следственные части в оперативных управлениях НКВД. Отменялись приказы и циркуляры НКВД о деятельности «троек» и упрощенном производстве следствия по делам. Сокращено количество дел, направляемых на рассмотрение особого совещания при НКВД СССР. Отменялась практика продления наказания лицам, находившимся в ссылке и лагерях. Приняты меры по реабилитации невинно осужденных, однако они не были последовательными. Продолжало функционировать Особое совещание при НКВД СССР как внесудебный репрессивный орган, не были отменены постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., которыми устанавливался исключительный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о вредительстве, террористических актах и контрабанде.

Руководство страны не рассматривало массовые репрессии как преступный или ошибочный метод решения проблем. Более того, репрессивной политике государства давалась высокая оценка, так как она способствовала «разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представляющих из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР». Методы следствия, физическое воздействие, с помощью которых от обвиняемых добивались самооговоров, клеветы на других, также не осуждались руководством страны. Более того, они

признавались правильными и необходимыми, соответствующими политической ситуации в стране и за рубежом.

В одном из директивных писем, направленном руководством партии и государства в обкомы ВКП(б) и органы управления НКВД, указывалось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК...», которое «считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь в виде исключения в отношении явных врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод».

Репрессивная политика Советского государства в 1920–1930-е гг. нанесла существенный урон военному и экономическому потенциалу страны. При этом обстановка массовых репрессий формировалась не только репрессивными органами. Этому во многом способствовали и средства массовой информации, кинофильмы, собрания трудовых и творческих коллективов, индивидуальные беседы о бдительности, что способствовало возникновению у каждого человека чувства подозрительности, стремления выявить врагов в собственном окружении. В 1939 г. была проведена небывалая по своим масштабам операция по «отмыванию» политического руководства от его причастности к террору 1937–1939 гг., когда удалось обвинить многих сотрудников спецслужб всех рангов в измене Родине, шпионаже и проведении незаконных репрессий в целях дискредитации советской власти. Партия и правительство не дали политической оценки массовым беззакониям. Поэтому и в последующие годы репрессии не ушли в небытие: активизируясь и затухая, они продолжались вплоть до начала 1950-х гг.

3.5. Государственное и национальное строительство (1923–1937 гг.)

Объединение бурят-монгольских областей в единую республику, не имевшее аналогов в истории, стало первым опытом государственного строительства на практике. К 1923 г. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика имела территорию 338140 квадратных верст с населением в 450675 чел., в т. ч. 33072 чел. городского населения. Буряты составляли 49 % от общего числа жителей республики, или 220422 чел. На территории Бурят-Монголии насчитывалось 2349 населенных пунктов, из них 3 города: Верхне-

удинск – столица республики, Троицкосавск и Баргузин. В 1924 г. административно-территориальное устройство составляли 9 аймаков, 35 хошунов, 26 волостей, 494 сельских и сомонных Советов.

Для обеспечения успешной жизнедеятельности республики как государственного образования необходимо было создать единую систему органов государственной власти и управления. Организация аппарата народных комиссариатов и начало его деятельности проходило при отсутствии опыта национально-государственного строительства, нужного количества подготовленных управленческих кадров, особенно из бурятской среды, слабых финансовых возможностей. В связи с этим предполагалось создание небольшого и недорогого аппарата управления. На 1 ноября 1923 г. штат сотрудников учреждений республики состоял из 2 360 человек¹.

Процесс создания органов власти и аппарата целиком находился под контролем партии, работа проводилась не партийными организациями, а партийными органами, точнее их аппаратами, так как на начальном этапе построения национальной государственности парторганизация сама находилась в стадии становления.

Одной из задач национально-автономного строительства было приспособление органов создаваемой государственной власти и аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки перевести делопроизводство на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей коренной национальности.

14 апреля 1924 г. Президиум ВЦИК на основе доклада комиссии по разработке вопроса о введении местных языков в автономных областях постановил: «1. В целях приспособления Советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному Советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех госорганов или отдельно их частей на соответствующие местные языки.

В этих целях утвердить следующие основные директивы:

а) считать первоочередной задачей подготовку и переподготовку местных работников для обслуживания государственных местных аппаратов, причем организация курсов ... и т. п. меры должны быть согласованы с финансовыми возможностями

государства...»² В постановлении ВЦИК особо подчеркивалось, что «переход к местному делопроизводству ни в коем случае не должен усложнить работу центральных органов РСФСР, сношения с которыми должны производиться на принятом в этих учреждениях языке, то есть на русском языке...»³

26 апреля 1924 г. на основании постановления Президиума ВЦИК ЦИК Бурят-Монгольской АССР принял постановление № 53, в котором предусматривались мероприятия по введению бурятского языка в делопроизводство в аймаках республики. В постановлении указывалось, что «бурят-монгольский народ, в течение столетий... подвергался усиленному действию русификации, направленной к уничтожению всего национального – обычая, языка, школы и т. п. И эта политика в некоторых районах Буреспублики (Аларский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки) имела настолько серьезный успех, что русский язык, русская грамотность и нередко русские обычаи и верования, чуждые бурятскому народу, вкоренились в массу, коверкая ее бытовой уклад жизни, останавливая культурный рост и развитие, лишая бурятское население родной грамотности и школ...»⁴

Принимая во внимание, что во всех восточных аймаках (из западных – в Тункинском) «...монголо-бурятская грамотность существовала в размерах, обеспечивающих возможность ведения в советских учреждениях делопроизводства на бурятском языке», Центральный исполнительный комитет постановил: «1) Ввести в Баргузинском, Хоринском, Агинском, Троицкосавском и Тункинском аймаках и в Верхнеудинском уезде среди бурят-монгольского населения делопроизводство на бурятском языке в следующем порядке: в сомонах с 1 июля, в хошисполкомах с 1 июля и в аймисполкомах с 1 октября с.г.; 2) Бюллетень ЦИК и СНК издавать на двух языках: бурятском и русском...»⁵

Темпы языковой ассимиляции, особенно в западных аймаках, привели к значительному сужению сферы применения бурятского языка. Принятые меры по переводу делопроизводства на бурятский язык способствовали расширению его социальных функций, что, безусловно, отвечало интересам бурятского населения.

² НАРБ, ф. 248, оп. 1, д. 117, л. 4.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ Там же.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 115, л. 28, 29.

Участники совещания по обслуживанию латинизации бурят-монгольского алфавита

Задача перевода делопроизводства на бурятский язык потребовала усиления подготовки и переподготовки кадров аппарата. Этот вопрос был рассмотрен Президиумом ЦИК БМАССР 21 августа 1924 г. В принятом постановлении предусматривались меры по открытию 3- и 6-месячных курсов по изучению литературного бурят-монгольского языка во всех аймаках Бурреспублики и в Верхнеудинском уезде на 20 чел. и в г. Верхнеудинске центральные курсы на 50 чел. для актива советских, партийных и профессиональных работников бурят-монгольской национальности¹. Решено было также организовать годичные курсы по подготовке делопроизводителей и секретарей хошисполкомов, а также центральные курсы для русских ответработников Бурреспублики на 30 чел.²

В январе 1925 г. в политписьме секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М. Сахьяновой о ходе «коренизации» сообщалось следующее: «Национа-

лизация аппарата проводится по мере сил и возможностей. Положение с национализацией выборного состава органов власти и разных организаций обстоит хорошо – задача выполнена на 100 %. В отношении комплектования аппаратов советских и иных органов дело обстоит хуже. Тут мы сплошь и рядом упираемся в отсутствие подготовленных кадров из бурят»³.

Среди первоочередных стояла задача национализации аппаратов исполкомов, нарсудов, органов милиции, но и здесь дело тормозилось отсутствием кадров, а также денежных средств. В 1926 г. был разработан план «коренизации» аппарата, согласно которому намечалось довести представительство бурят в республиканских учреждениях до 37,7 %. Однако фактически в 1926 г. в них работало всего 7,8 % бурят, в 1927 – 10,3 %. В 1928 г. количество ответственных работников из бурят увеличилось до 22,4 %, а технических – до 14,1 %. В аймачных и низовых советских и кооперативных органах ко-

¹ НАРБ, ф. Р-248, оп. 1, д. 117, л. 6.

² Там же.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 115, л. 27.

[illegible]

Бурят-монгольский алфавит

личество бурят было намечено довести до 33 %. В 1926 г. их число составляло 22,8 %, а в 1927 – 27,5 %¹.

Несмотря на некоторые успехи в деле привлечения в аппарат работников-бурят, намеченный план не выполнялся. Особенно плохо обстояло дело в низовых органах, где отсутствие подготовленных кадров усугублялось проблемой неграмотности

бурятского населения. На 1 октября 1927 г. из 199 сомонных Советов с бурятским или преимущественно бурятским населением делопроизводство на русском языке велось в 123. В аймачных же исполнительных комитетах делопроизводство велось частично на бурятском языке только в некоторых восточных районах: Агинском, Еравнинском, Хоринском, Селенгинском и Закаменском. Что же касается центрального аппарата, то здесь на бурятском языке издавались лишь некоторые законодательные бюллетени и инструкции².

Политика «коренизации», проводившаяся в условиях смешанного национального состава населения республики, требовала учета межнациональных отношений. Об этом писал в свое время председатель СНК БМАССР М. Ербанов: «...предъявление слишком больших требований к вновь принятому неопытному бурят-монголу и отсутствие при этом методов воспитания и помощи в целях его переподготовки и выработки из него работника ... грубое, пренебрежительно-высокомерное отношение к бурят-монголу со стороны отдельных русских работников в самих аппаратах, тенденция не помогать, как товарищу, а третировать на каждом шагу, имеет место и по сие время. С другой стороны, ...переоценка своих сил и возможностей... в самой бурят-

монгольской массе работников ... нежелание подчиняться русскому товарищу, руководителю учреждения (уклон в национализм) и предъявление слишком больших требований (претензий) на занятие той или иной должности (уклон в карьеризм) – все это имеет место в бурятской среде работников»³.

² Там же.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 54, л. 79.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 220.

Вопросы привлечения в аппарат работников из числа бурятского населения регулярно рассматривались президиумом и сессиями БурЦИК. В практику вводилась статистическая отчетность о ходе «коренизации» в государственном аппарате, в учреждениях, ведомствах, а также по отраслям народного хозяйства. В 1928 г. БурЦИК утвердил двухлетний план национализации аппарата.

На 1 октября 1929 г. в ЦИК, СНК и Госплане сотрудников-бурят было 37,5 %, русских – 57,1 %; среди них владели бурят-монгольской письменностью 8 чел., разговорным бурятским языком – 12; 36 сотрудников считались малограмотными¹.

Учитывая, что развитие бурят-монгольского языка невозможно без научной разработки, комиссия по «коренизации» аппарата отказалась от принятия спешных решений. Эту работу было предложено возглавить Бурят-Монгольскому ученому комитету, имевшему в своем составе специалистов-монголоведов.

Центральное место в преобразованиях 1920-х гг. заняла реформа бурят-монгольского алфавита. Обращение к латинскому алфавиту в качестве графической базы новых письменностей, представлялось единственно правильным решением. Новая латинизированная письменность активно внедрялась в национальных школах республики. Латинизированный алфавит был введен как предмет. В 1928/29 уч. г. в школах 1-й ступени обучалось 31700 чел., в 1929/30 уч. г. на 14,1 % больше – 36200 чел. В 1931 г. процесс «коренизации» бурятских школ шел довольно успешно: было издано 16 названий учебников на бурятском языке, в то время как в 1930 г. их было всего 2. В 1930 г. в западных аймаках до 60 % национальных школ было укомплектовано русскими учителями, в 1931 г. во всех бурятских школах республики, в т. ч. и в западных аймаках, работали учителя, знающие бурятский язык.

Контроль за ходом «коренизации» в национальных образованиях со стороны центральных государственных органов был усилен к концу 1920-х – началу 1930-х гг. В 1932 г. Президиум ВЦИК принял специальное постановление о состоянии «коренизации» советского аппарата в национальных районах, в котором еще раз были подчеркнуты государственная важность и политическое значение этой работы и определены дальнейшие задачи по ее

продолжению². В 1932 г. органами государственной статистики был введен ежегодный учет национального состава рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства каждой автономной республики и области. К 1936 г. в аппарате республиканских организаций и учреждений БМАССР работало уже 32,7 % бурят, в районных аппаратах – значительно больше³.

К концу 1930-х гг., несмотря на то, что планы «коренизации» выполнялись в среднем наполовину, было много сделано по привлечению представителей бурятского населения к государственному управлению. Этот процесс по методам и срокам его осуществления был во многом искусственным, однако в его ходе решалась крайне важная для жизнедеятельности республики задача подготовки национальных кадров.

Национально-государственное строительство республики, являвшейся автономной частью РСФСР, находилось под влиянием происходивших в стране процессов. В 1924 г. в СССР было начато новое районирование, предусматривавшее изменение административно-территориального деления страны.

Схема районирования Сибири, намеченная секциями Госплана и Сибплана, предусматривала создание четырех областей: Енисейской, Якутской, Ленско-Байкальской и Дальневосточной⁴.

По инициативе иркутских губернских органов в Сибплан был внесен проект создания Ленско-Байкальской области в составе Иркутской, Забайкальской губерний и БМАССР. Бурят-Монгольская АССР по проекту должна была войти в состав новой области на правах округа. Это означало существенное ограничение ее политической, хозяйственной самостоятельности, национального суверенитета и, по существу, было равносильно ликвидации ее как национально-государственного образования.

Проект создания Ленско-Байкальской области был опротестован руководством БМАССР, и на этой почве возник региональный конфликт, потребовавший вмешательства Центра. Руководство БМАССР выдвинуло ряд аргументов экономического и по-

² Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство... – С. 161.

³ Там же, с. 162.

⁴ Бурят-Монгольская республика – область. Доклад председателя секции по районированию при Госплане Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. – Иркутск, 1924. – С. 3.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 54, л. 21.

литического характера против создания Ленско-Байкальской области и обратилось за помощью в центральные органы. Позиция БМАССР нашла поддержку в Наркоминдел СССР. 12 июня 1925 г. нарком иностранных дел Г. Чичерин направил письмо И. Сталину, в котором обосновал невозможность включения БМАССР в Ленско-Байкальскую область: «...создание Бурят-Монгольской государственности в пределах самостоятельной Советской Республики имело прежде всего целью наилучшее влияние СССР на народы Дальнего Востока, пробуждение их и сближение с СССР в борьбе против иностранного империализма означало бы, что этот акт неизбежно произвел бы глубоко отрицательное впечатление на народы и правительства Монголии, Тибета и др. ...»¹ Далее в письме наркома подчеркивалось: «Признать включение Бурято-Монгольской Республики в состав Ленско-Байкальской области – значит фактически отказаться от проводимой в Центральной Азии и Монголии нашей политической линии. ...НКВД решительно возражает против вхождения Бурято-Монгольской Республики в состав Ленско-Байкальской области на правах округа и считает политически необходимым сохранить за БМАССР значение и права самостоятельной области ... учитывая то громадное значение факта существования Бурято-Монгольской Республики для всего Буддийского Востока»².

Исход конфликта в пользу БМАССР был обусловлен вмешательством Центра, для которого, судя по письму Наркоминдел, в тот момент интересы внешней политики и роли, отводимой Буреспублике в ней, вытекавшие из еще актуальных целей «мировой революции» на Востоке и в Центральной Азии, перевесили хозяйственные проблемы районирования региона.

На становление национальной государственности в Бурятии определенное влияние оказали решения III съезда Советов БМАССР, состоявшегося в конце марта – начале апреля 1927 г. и обсудившего ряд вопросов развития республики, в т. ч. о районировании и о Конституции БМАССР.

В основу нового районирования БМАССР съездом Советов были положены следующие принципы: а) трехступенная система административного деления: сомонные или сельские Советы, аймачные или районные Советы и центр республики; б) создание

сомонных или сельских Советов по национальному признаку; в) стремление к хозяйственной и территориальной целостности и национальной однородности при создании аймаков (районов)³.

Районирование республики было проведено в октябре 1927 г. Вместо 9 аймаков, 3 районов и 55 хошунов и волостей было создано 15 аймаков-районов. Вскоре к ним прибавился перешедший из Иркутского округа в состав БМАССР Кабанский район, населенный в основном русскими. Мотивируя возможность включения его в состав БМАССР, ВЦИК в своем решении от 20 декабря 1926 г. указывал на результаты опроса русского населения этого района, считавшего целесообразным присоединение к республике⁴. Количество сомонных и сельских Советов в результате нового районирования составило 374 единицы, из которых 140 были чисто бурятскими, 159 – русскими, 1 – украинский, 16 – тунгусских и 68 – смешанных⁵. При районировании были ликвидированы промежуточные административные звенья в виде хошунных или волостных исполкомов; аймаки (районы) сохранили права уездных органов власти. Дальнейшая работа Советов в условиях БМАССР показала необходимость создания хошунных исполкомов в отдаленных частях отдельных аймаков для улучшения руководства сомонными и сельскими Советами. Там были созданы Адон-Челонский и Онон-Тусский хошуны в Агинском аймаке, Ольхонский в Эхирит-Булагатском и Окинский в Тункинском⁶.

На III съезде Советов был рассмотрен и одобрен проект Конституции БМАССР, направленный на утверждение во ВЦИК РСФСР. Жизнедеятельность республики в это время продолжала определяться Конституциями СССР и РСФСР, а также Положением о государственном устройстве БМАССР.

Национально-государственное строительство в БМАССР до начала 1930-х гг., как и образование республики, во многом было обусловлено доктриной «мировой революции». БМАССР во внешней политике отводилась роль «форпоста социализма» и «плацдарма мировой революции на буддийском Востоке». В конце 1920-х гг. международная обстановка значительно осложнилась. В июле-ноябре 1929 г. на дальневосточных рубежах СССР и на

³ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 218–219.

⁴ Там же, с. 219.

⁵ Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 119.

⁶ Там же.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 715, л. 58.

² Там же, л. 58.

*Командный состав
Бурхавдивизиона*

Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) произошел давно назревавший вооруженный конфликт, в определенной степени повлиявший на внешнюю и внутреннюю политику страны.

К концу 1920-х гг. руководство ВКП(б) стало приходить к пониманию того, что проводимый все эти годы наступательный внешнеполитический курс в отношении стран Центральной Азии, рассчитанный на распространение там идей мировой революции, заметного результата (за исключением Монголии) не дал. «Пожар мировой революции» не перекинулся, как ожидалось, в страны Центральной Азии. Усиление влияния Японии в Центральноазиатском регионе, а также вооруженный конфликт на КВЖД подтолкнули руководство ВКП(б) к пересмотру сложившихся приоритетов в центральноазиатской и дальневосточной политике. Прежняя ориентация на «мировую революцию», потерявшая былую актуальность, была заменена новой доктриной «враждебного империалистического окружения СССР» и необходимости всемерного укрепления обороноспособности страны.

Новая оборонительная концепция, а также коллективизация и индустриализация потребовали соответствующей мощной политической и идеологической обработки общественного сознания. Всеми средствами политического, государственного и идеологического воздействия в стране искус-

ственно стала накаляться политическая обстановка. Усилиями партийной пропаганды в повседневную жизнь стали широко входить понятия «обострение классовой борьбы», «враждебное империалистическое окружение», «внутренние враги» и др. Изменилось отношение к национальным образованиям, особенно к тем, которые занимали приграничное положение.

Осложнилась обстановка и внутри республики. Свидетельством непростых межнациональных отношений к концу 1920-х гг. служит докладная записка секретаря Бурбкома ВКП(б) М. Сахьяновой в ЦК ВКП(б), написанная 12 мая 1929 г. В документе говорилось: «Решительный курс на реализацию задач культурно-национального строительства ... в самом начале своей реализации, наряду с общим усилением кулацкого сопротивления, усилил рост шовинистических настроений в беспартийных и партийных массах. Разговоры о том, что бурятам все, а русским ничего, что буряты и бурятские работники не нюхали революции, а, наоборот, боролись против нее, а теперь им – все блага революции, тепленькие местечки, учеба и т. д. Эти разговоры особенно усилились к началу и к весне 1928 г.»¹

К 1929 г. политическое значение Буреспублики уже стало оцениваться не через призму мировой ре-

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 53, л. 9.

волюции, как «форпоста социализма на буддийском Востоке» и «плацдарма мировой революции», а в связи с той опасностью, какую она могла представлять как национальное образование, занимавшее приграничное положение, в случае возникновения внешней угрозы, под которой подразумевались конфликт на КВЖД и усилившееся влияние Японии.

Все эти обстоятельства, наряду с объективными трудностями, а также некоторыми ошибками руководства БМАССР в хозяйственном, государственном и национально-культурном строительстве все больше вызывали у Центра опасения и склоняли его к ужесточению контроля над всеми процессами, происходившими в республике.

Одной из первых мер по усилению контроля было постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и работе Бурят-Монгольской партийной организации», принятое по отчету Буробкома ВКП(б) 27 мая 1929 г. В постановлении ЦК были отмечены достижения парторганизации, но значительно большее внимание было уделено допущенным в ее деятельности недостаткам. Подверглась критике и была признана недостаточной работа в области социалистического переустройства сельского хозяйства, культурного строительства в республике. ЦК, который руководствовался принятым в то время тезисом об «обострении классово-борьбы», потребовал решительных мер против усилившихся, по его мнению, проявлений «великодержавного шовинизма, панмонголизма и бурятского национализма».

В 1930 г. вновь возник вопрос о районировании Сибири, 15 июля он был рассмотрен Политбюро ЦК ВКП(б), и по докладу Г. Эйхе принято постановление «О разделении Сибири на две части», предусматривавшее выделение из состава Сибирского края и Дальневосточной области новой области с центром в Иркутске¹. В июле того же года решение об образовании Восточно-Сибирского края было утверждено Президиумом ВЦИК². Этим решением Бурят-Монгольская АССР была включена в состав края.

С учетом конфликта, возникшего при попытке образования Ленско-Байкальской области, включение Буреспублики в состав края было оформлено как добровольное вхождение. Предварительно решение было принято пленумом обкома ВКП(б), в печати прошла пропагандистская кампания. 19 августа 3-я сессия ЦИК БМАССР приняла решение

о вхождении республики с 1 октября 1930 г. в состав Восточно-Сибирского края. В своем докладе на сессии секретарь обкома ВКП(б) М. Ербанов так обосновывал необходимость создания края и вхождения республики в его состав: «В данный период, когда вся советская страна в лице СССР успешно осуществляет задачи по индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства, организация Восточно-Сибирского края является вполне своевременной и целесообразной... Вхождение Бурятии в Край, несомненно, усилит ее экономически и политически...»³

Безусловно, создание Восточно-Сибирского края было продолжением предпринятых в 1924–1925 гг. попыток создания Ленско-Байкальской области. Об этом также говорилось в докладе М. Ербанова: «Вопрос создания Северо-Байкальской (Ленско-Байкальской) области и вхождения в нее БМАССР обсуждался и раньше, но тогда организацию этой области наше Правительство считало несвоевременной, ибо тогда у нас только что разворачивалось социалистическое строительство, но теперь, когда на этом фронте мы достигли огромных успехов, Президиум ЦИК находит организацию Восточно-Сибирского края и вхождение в него БМАССР своевременной и необходимой»⁴.

Августовское постановление БурЦИК о вхождении БМАССР в состав края было утверждено V съездом Советов БМАССР в январе 1931 г.⁵ При вхождении БМАССР в состав края, согласно положению «Об условиях вхождения автономных республик в состав районированной области (Края)»⁶, утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) 7 июня 1928 г., а затем ВЦИК СССР, ей гарантировалось сохранение прав автономной республики. На практике эти гарантии оказались формальными. И без того ограниченные права автономной республики с вхождением в состав края еще более урезались. Появилась дополнительная властная и управленческая надстройка в виде краевых органов (крайкома ВКП(б), краевого съезда, крайисполкома и т. д.) и лишняя инстанция во взаимоотношениях республики с Центром⁷.

³ НАРБ, ф. 475, оп. 1, д. 460, л. 19.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 690, л. 10.

⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 274.

⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 690, л. 10–11.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 789, л. 12.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 274.

Пионеры Улан-Удэ

Образование Восточно-Сибирского края отражало тенденцию к усилению централизации и бюрократизации управления страной. Создание края и вхождение в него Буреспублики должно было обеспечить необходимый, с точки зрения центра, контроль над ходом национального строительства и социалистических преобразований в БМАССР.

Объединение в край Иркутской губернии, Забайкальской области и Буреспублики имело и положительное значение. Оно способствовало расширению и развитию экономических связей, устранению административных барьеров между ними, интеграции их хозяйственных механизмов в единый краевой. В то же время перечисленные факторы сыграли немаловажную роль в подготовке условий для разделения территории БМАССР в 1937 г. на 3 части.

Вслед за принятием постановления «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации» ЦК ВКП(б) дал указания Совнаркому РСФСР, союзным и федеративным наркоматам начать проведение мероприятий по развитию социалистической экономики и культуры в Бурят-Монголии. ЦК ВКП(б) направил на работу в республику 28 опытных работников для укрепления кадрами партийно-советских органов¹.

¹ Бурятская областная организация КПСС: Хроника. Кн. 1... – С. 149.

Выполняя директивы ЦК партии, центральные и краевые партийно-советские органы в 1929-м и последующие годы приняли ряд постановлений по Бурят-Монгольской АССР². Контроль за их исполнением осуществляли краевые органы.

Для республики 1929 год стал, как и для страны, переломным. Курс на развернутое наступление социализма по всему фронту затронул все стороны жизни республики и бурятского народа. Изменение политического курса партии в значительной мере повлияло на культурно-национальное строительство в республике. В первую очередь подверглась критике как ошибочная монгольская ориентация развития бурятской культуры, объявленная реакционной, «феодално-теократической».

С конца 1920-х гг. объектом открытой борьбы становится церковь.

С ликвидацией церкви был устранен противостоящий партии духовный институт. Но вместе с отрицанием религии подверглись ревизии и гонениям многие традиционные духовные ценности бурятского народа, объективно имевшие религиозные корни. Под флагом утверждения прогрессивных норм социалистической культуры в 1930-е гг. развернулось наступление на традиционный быт бурятского общества. Вековые обычаи и традиции были объявлены «пережитками прошлого», «патриархально-отсталыми», вместо них стали пропагандироваться и усиленно внедряться новые общественные коллективистские нормы и порядки социалистического общежития.

Процесс политических и социально-экономических преобразований в республике был противоречивым. Форсирование строительства социализма, ломавшего мировоззрение, вековой уклад, отношение к собственности и быт народа, объективно вызывало оппозиционные настроения и недовольство, а в

² Сентябрь 1930 г. – постановление СНК РСФСР «О земельной реформе в Бурят-Монгольской АССР»; Январь 1931 г. – постановление ВЦИК РСФСР «О советском, хозяйственном и социально-культурном состоянии в Бурят-Монгольской АССР»; 1931 г. – постановления крайкома ВКП(б): «О ходе земельной реформы в Бурят-Монгольской республике» (в мае), «О состоянии и подготовке кадров Бурят-Монгольской республики» (в июне); июль 1932 г. – постановление крайкома по вопросам национально-культурного строительства.

ряде случаев открытое вооруженное сопротивление власти со стороны населения, особенно сельского.

Создание собственной государственности, экономические, политические и культурные преобразования ускорили процесс национальной консолидации бурятского народа и оформление его, по утвердившемуся в тот период определению, «в бурятскую социалистическую нацию»¹. Создание республики с единой территорией способствовало устранению культурных, языковых различий, былой родоплеменной и территориальной обособленности, смешению бурятских локальных групп и двух бурятских ветвей, объединению в единую этнополитическую общность и формированию национального самосознания и менталитета уже единого народа. В период существования единой республики были созданы государственные институты защиты, воспроизводства и ретрансляции элементов новой социалистической национальной культуры бурятского народа.

Этническое становление и этнокультурное развитие бурятского народа определялось влиянием русского народа. Доминирование численности, культуры, языка народа-партнера, с одной стороны, способствовало культурному прогрессу, модернизации традиционной культуры и быта бурят, а с другой стороны – объективно вело к усилению ассимиляции, что отражалось на сохранении этнокультурной самобытности народа.

К концу 1930-х гг. структура органов государственной власти и управления, их функции, направления деятельности и государственное устройство республики оформились на принципах советской государственности. В 1936 г., после реорганизации Восточно-Сибирского края в Восточно-Сибирскую область, Бурят-Монгольская АССР, выйдя из его состава, получила самостоятельность. 11 августа 1937 г. чрезвычайный VII съезд Советов Бурят-Монгольской АССР утвердил Конституцию республики, разработанную на основе и в полном соответствии с новыми Конституциями СССР и РСФСР. С докладом «О проекте Конституции Бурят-Монгольской АССР» выступил председатель Конституционной комиссии М. Ербанов².

Принятие Основного закона БМАССР имело большое значение для республики как национально-

государственного образования, поскольку с момента образования в 1923 г. до 1937 г. – на протяжении 14 лет – ее жизнедеятельность определялась Конституциями СССР и РСФСР и Положением о государственном устройстве Бурят-Монгольской АССР.

Вместе с тем Конституция 1937 г. была далека от подлинного Основного закона национально-государственного образования, так как, в первую очередь, утверждала и закрепляла «завоевания» социализма и диктатуры пролетариата в лице Советов. До предела унифицированная, она отличалась от Конституций других автономных республик лишь формулировками тех статей, в которых содержались наименование республики, административное деление, названия населенных пунктов. По форме новая Конституция выглядела демократичной, но многие ее положения на деле являлись политической декларацией.

Во время принятия Конституции БМАССР в республике, как и во всей стране, общественно-политическая обстановка характеризовалась разгулом массовых репрессий и нарушениями законности. 1937 год стал переломным в истории бурятского народа и его национальной государственности: начинается новый этап, связанный с разделом единой государственности на три национально-территориальных образования. Было принято решение о территориальной реформе, предусматривавшей разукрупнение созданных 7 административно-территориальных единиц, на базе которых образовывались 14 новых краев, областей и округов³.

25 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области», постановило «утвердить проект постановления ЦИК СССР»⁴. В проекте говорилось: «а) Разделить Восточно-Сибирскую область на Иркутскую область с центром в г. Иркутске и Читинскую область с центром в г. Чите; б) Выделить в состав Читинской области следующие города и районы...; в) Присоединить к Читинской области города и районы Зейской области ДВР, ликвидировав Зейскую область как отдельную административную единицу; г) Присоединить к Читинской области Агинский и Улан-Ононский аймаки Бурят-Монгольской АССР, образовав в составе Читинской области Агинский Бурят-Монгольский национальный округ с цен-

¹ Затеев В. И. Формирование и расцвет бурятской социалистической нации. – Улан-Удэ, 1961.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 341.

³ Известия. – 1937. – 25 сент.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 992, л. 11.

тром в селении Агинском; д) Остальные города и районы бывшей Восточно-Сибирской области оставить в составе Иркутской области; е) Присоединить к Иркутской области Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский и Ольхонский аймаки Бурят-Монгольской АССР; ж) Образовать в составе Иркутской области Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в селении Усть-Орда в составе Аларского, Боханского и Эхирит-Булагатского аймаков, Середкинского, Евсеевского, Казачинского сельсоветов Кировского района, Усть-Осинского сельсовета Балаганского района»¹.

26 сентября 1937 г. ЦИК СССР принял постановление «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области», которое не было согласовано с органами власти республики (в тот момент все руководство БМАССР было репрессировано), шло вразрез с только что принятой Конституцией БМАССР, в частности с ее 15-й статьей (о территориальной целостности).

Национальная политика партии строилась с учетом конкретно-исторической обстановки и общих задач упрочения нового строя и государства. Возрастание военной угрозы со стороны Японии и активное национальное строительство в БМАССР вызывали у Центра беспокойство и ускорили принятие мер по обеспечению безопасности восточных границ страны, в частности в Забайкалье. Опасность возникновения в случае войны с Японией коллаборационизма бурятской части населения республики, являвшейся в этом приграничном регионе единственным крупным национальным образованием, оправдывало, с точки зрения Центра, принятие упреждающих мер. Одной из таких мер стало административное разделение территории Бурят-Монголии, которое должно было существенно укрепить безопасность региона, ослабив республику как национальное образование. Следующей мерой стало установление контроля над деятельностью бурятской элиты и развитием национальных процессов в национально-территориальных образованиях. В республике это было обеспечено назначением ЦК ВКП(б) на ключевой пост секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) С. Игнатьева, а в Агинском и Усть-Ордынском округах – контролем со стороны Иркутского и Читинского обкомов

партии. Вторым секретарем обкома партии был утвержден Г. Воронцов, третьим – А. Мотенов.

Раздел республики и бурятского народа на три административные единицы стал логическим продолжением национальной политики партии. Создание бурят-монгольских национальных округов формально обеспечивало национально-административную автономию бурятскому населению отошедших от БМАССР районов, но вместе с тем по своим последствиям для бурятского народа как этнического целого имело крайне негативные последствия.

В результате раздела БМАССР и передачи четырех ее аймаков с преимущественно бурятским населением в соседние Иркутскую и Читинскую области сократилась численность бурятского населения на территории республики. Если общая численность населения республики за 1926–1939 гг. выросла на 156,9 тыс. чел., или на 40,3 %, то численность бурятского населения уменьшилась на 13,8 тыс. чел. Прирост русского населения составил в этот же период 154,9 тыс. чел. Снижение численности бурятского населения произошло также из-за выезда бурят из Агинского аймака в Монголию и Внутреннюю Монголию. В результате таких миграций и отторжения территории с бурятским населением доля бурят в общей численности населения республики резко упала и составила к 1939 г. всего 21,3 %, т. е. менее четверти населения².

Активное национально-государственное строительство в республике (1923–1937 гг.) после принятия Конституции БМАССР и раздела ее территории затормозилось и постепенно было свернуто. В Конституции БМАССР (как и РСФСР) закреплялось, что «Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика есть социалистическое государство...»³

Причинами замедления и фактического свертывания процесса национально-государственного строительства в республике, как и в стране в целом, стало утверждение в конце 1930-х гг. политического курса на унификацию и интернационализацию всех сторон общественной жизни многонационального государства, основанного на теоретических положениях марксизма о построении социа-

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 992, л. 44.

² Мангатаева Д. Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26.

³ Конституция (Основной закон) БМАССР // Конституция (Основной закон) РСФСР. – М., 1952. – С. 115.

листического общества. С принятием Конституции БМАССР 1937 г. прекратили свое существование съезды Советов. В качестве высшего органа власти был утвержден Верховный Совет (ВС) БМАССР. Первые выборы в ВС республики состоялись в июне 1938 г., а в июле прошла его первая сессия, на которой был избран первый Президиум Верховного Совета БМАССР. Его председателем стал Г. С. Будаев. На первой сессии были образованы постоянные комиссии ВС БМАССР – законодательных, предположений и бюджетная.

С учреждением Верховного Совета было устранено существовавшее ранее положение, когда законодательствовало несколько органов: съезд Советов БМАССР, ЦИК БМАССР и его Президиум, СНК БМАССР. Вся полнота государственной власти в республике теперь принадлежала Верховному Совету, решавшему наиболее важные вопросы общественно-политической и экономической жизни Бурят-Монгольской АССР.

3.6. Культурное строительство

Ликвидация неграмотности

По данным переписи 1920 г., грамотность бурятского населения западной Бурятии составляла 17,4 %, а восточной (по переписи 1923 г.) – 14,1 %. Среди всего сельского населения грамотных было в среднем 21, 7 %, среди бурятского сельского населения – 15,3 %¹.

На территории Прибайкальской области насчитывалось 22 ликпункта, 25 изб-читален, школа для взрослых I ступени, в Бурят-Монгольских автономных областях РСФСР и ДВР таких учреждений не было вообще².

В августе 1923 г. правительством страны было принято постановление о форсировании ликвидации неграмотности к 10-летию Октября. Руководство процессом было возложено на созданный при Наркомпросе политико-просветительный отдел – Бурятполитпросвет, при котором работала чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (Грамчека).

Основными источниками финансирования и содержания системы учебных заведений по ликвидации неграмотности и малограмотности были местные бюджеты, периодически выделялись

На занятиях в начальной школе

средства из бюджета РСФСР. Распределение денег было централизованным и носило адресный характер. В 1924–1925 гг. ассигнования на ликвидацию неграмотности были увеличены до 16,9 % (в 1923–1924 гг. – 5,7 %). В 1924 г. было создано добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН). Многие учреждения, предприятия, редакции газет перечисляли средства в его пользу.

Открывались школы для взрослых, избы-читальни, народные дома, красные юрты, школы бурятской молодежи. Увеличилось до 164 количество учителей-бурят³. В отличие от школ старого типа, обучение велось на двух языках – русском и бурятском. Но грамотность на старомонгольском языке не признавалась, и это сыграло отрицательную роль в последующих переписях при оценке уровня грамотности бурятского населения.

На 1 сентября 1925 г. Бурятия располагала 58 бюджетными и 139 внебюджетными ликпунктами, из них в аймаках с бурятским населением – 86, русским – 98, других национальностей – 4. В ликпунктах обучалось 7878 неграмотных, закончили 4606 чел., т. е. 62 %, обучение вели 217 учителей, из них 94 преподавали на бурятском языке. Работали 19 хотонных школ ликвидации неграмотности, в которых обучалось 426 чел.⁴ Грамчека располагала 36,5 тыс. букварей, из них 31, 5 тыс. – на русском языке, 5 тыс. – на бурят-монгольском.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 346.

² НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 79, л. 14.

³ Соктоев И. А. Формирование социалистической интеллигенции в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – С. 9.

⁴ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 125, л. 128.

На первом этапе ликвидации неграмотности в регионе основными учебными единицами были ликбезы и избы-читальни. В дальнейшем организуются школы трех типов: школы грамотности, школы и группы для малограмотных, школы для взрослых повышенного типа (неполные средние и средние).

Первыми формами борьбы с неграмотностью являлись трехдневники и недели ОДН, во время которых читались доклады и лекции о значении грамоты, собирались добровольные взносы населения на ликбез, открывались пункты ликвидации неграмотности. В ликпунктах и школах не только обучали письму, но и проводили политико-воспитательную работу. Буквари для взрослых «Долой неграмотность», «Наша сила – наша нива» и другие книги для занятий были наполнены политическим содержанием. В середине 1920-х гг. в ликпунктах и школах для малограмотных был введен курс политграмоты, который учащиеся осваивали во время специальных политчасов. Учебные программы содержали и основы сельскохозяйственных знаний¹.

Однако созданной сети ликпунктов и школ не хватало. Учитывая хозяйственные и бытовые особенности коренного населения, практиковались новые (передвижные) формы работы для ликвидации неграмотности. В восточных аймаках открывались хотонные школы, которым предоставлялись помещения, выделялись средства на освещение и отопление. Учителей для этих школ выбирали из числа грамотных на общем собрании жителей².

По данным переписи 1926 г., грамотность населения Бурятии поднялась до 34,0 %, по сравнению с 21,7 % в 1920 г., в т. ч. среди бурят – до 27,0 % с 15,3. Грамотность женщин за эти годы повысилась с 8,8 до 17,3 %, в т. ч. буряток – с 4,2 до 10 %³. Активизация деятельности по ликвидации неграмотности привела к заметному расширению сети пунктов

Курсы ликбеза

ликбеза, росту количества обучающихся. В 1926/27 уч. г. существовало 126 бюджетных и 75 внебюджетных ликпунктов, 3 бюджетные и 3 внебюджетные школы для малограмотных⁴. А за период с 1924/25 уч. г. по 1928/29 уч. г. в Бурятии обучалось в ликпунктах, группах и хотонных школах 35500 неграмотных, окончили их 18600 чел.⁵

По общеобразовательному уровню населения республика намного отставала от среднего по стране, две трети населения оставались неграмотными. Грамотность бурятского населения в 1928 г. составляла 25,4 %⁶. Для борьбы с неграмотностью было создано культпоходное движение, где каждый культармеец обязан был обучить нескольких неграмотных. В результате культпохода в г. Верхнеудинске в 1929 г. было выявлено 879 неграмотных, создано 10 ликпунктов, в т. ч. 2 на бурятском языке, 4 школы для малограмотных, послано учиться в ликпункты 95 чел., охвачено индивидуальным обучением 234 чел.⁷

Летом 1929 г. партийные органы для борьбы с неграмотностью организовали культпоход в вос-

¹ Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. – М.: Наука, 1967. – С. 154.

² Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 183.

³ Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет... – С. 103.

⁴ Жизнь Бурятии. – 1927. – № 10. – С. 99.

⁵ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету... – С. 183.

⁶ Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1962. – С. 28.

⁷ Бадмацыренов С. С. Октябрь и всеобуч в Бурятии (из опыта работы областной партийной организации по осуществлению всеобуча). – Улан-Удэ, 1968. – С. 78.

точные аймаки¹. За время похода в Селенгинском аймаке было организовано 46 хотонных школ с 824 учащимися, создано 5 ячеек общества «Долой неграмотность» и 8 красных уголков, проведена 181 лекция, подготовлено 26 любительских постановок². Перед партийными, профсоюзными, комсомольскими и женскими организациями была поставлена конкретная задача – к 1930 г. полностью ликвидировать неграмотность своих членов.

В 1929 г. в Бурят-Монголии стала внедряться индивидуально-групповая система обучения, способствовавшая большому охвату неграмотных в условиях территориальной разбросанности населения. Многие обучавшиеся в ликпунктах быстро забывали грамоту, и появлялась необходимость следующей ступени ликбеза – школ для малограмотных. В дальнейшем стали предъявляться более высокие требования: обучающиеся должны были пройти программу начальной школы. Наряду со школами для малограмотных стали открываться начальные и заочные школы взрослых, расширявшие первоначальное образование.

В мае 1929 г. Центральный комитет ВКП(б) заслушал отчет Бурят-Монгольского обкома партии и в постановлении «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации»³ подверг резкой критике его работу. Он указал, что культурное строительство Бурятской республики находится в неудовлетворительном состоянии, и предложил сосредоточить особое внимание на задачах массовой ликвидации неграмотности, увеличения охвата школьной сетью детей батрацко-бедняцких масс, особенно восточных аймаков, подготовки и переподготовки учителей-бурят.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности» (май 1929 г.) и указанием Центрального комитета основной задачей стало завершение ликвидации неграмотности в течение ближайших пяти лет. В 1930 г. на ликвидацию неграмотности из бюджета Наркомпроса республики поступило 90 тыс. руб. Буркоопсоюз, профсоюзы и общество «Долой неграмотность» выделили 38 тыс.⁴ Создавались специальные фонды средств от субботников и воскресников,

материальных взносов, самообложения населения, отчислений из всех видов кооперации, займов индустриализации и др.⁵

Летом 1931 г. состоялся I республиканский съезд по культурному строительству и пленум Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), на которых были подведены первые итоги культурной революции в республике. По призыву областной партийной организации в движение по ликвидации неграмотности включились 1288 учителей и ликбезовцев, тысячи членов общества «Долой неграмотность», охватив обучением 18 тыс. чел. К осени 1932 г. неграмотность в Верхнеудинске была почти полностью ликвидирована. По республике план обучения неграмотных за 1931 г. был перевыполнен (вместо 55 тыс. чел. было обучено 67 тыс.). Росло количество школ и групп для неграмотных и малограмотных. В 1928/29 уч. г. их было в республике 107, в 1929/30 – 255, в 1930/31 – 909, в 1931/32 – 1160⁶.

Постановление СНК БМАССР от 5 октября 1931 г. определило задачу обучения лиц в возрасте от 16 до 50 лет: до 1 января 1932 г. – 40989 неграмотных и 17649 малограмотных, а в течение 1932 г. – 70010 неграмотных и 52653 малограмотных⁶.

Для реализации поставленных задач из республиканских учреждений на места направлялись бригады, организовывалось соревнование аймаков, сел, школ, ликпунктов, учителей, ликвидаторов и культармейцев. Некоторые аймаки (Хоринский, Аларский, Боханский) в 1931–1932 гг., поспешив объявить себя районами сплошной грамотности, в действительности не являлись таковыми.

X областная партийная конференция, состоявшаяся в начале 1934 г., на основе решений XVII съезда ВКП(б) постановила – обеспечить завершение ликвидации неграмотности и малограмотности населения республики в ближайшие годы. Однако работа среди коренного населения осложнялась переходом в 1931 г. бурятской письменности на латинскую графическую основу, приходилось заново создавать и издавать весь комплекс необходимой методической и учебной литературы. Главным тормозом стал перевод старомонгольской письменности на латинскую. В создавшейся ситуации основными учебными пособиями ликпунктов в начале 1930-х гг. становятся республиканские и

¹ Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации... – С. 30.

² Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 79.

³ ГАРФ, ф. 296, д. 429, оп. 1, л. 9.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1930. – 22 янв.

⁵ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 375, л. 161.

⁶ Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. – 1931. – № 5 (15 дек.). – С. 5.

Родительское собрание в Стеклозаводской начальной школе

районные газеты, журналы, изданные на новом алфавите.

Особое внимание в этот период было уделено проблеме ликвидации неграмотности среди женщин. Благодаря широкому привлечению общественности, активизировались специальные школы и ликпункты, Дома бурятки, практиковалось индивидуальное обучение женщин на дому. На 1 января 1933 г. грамотных среди населения республики было 67 %, причем среди мужчин 79,7 %, среди женщин – 54,5 %, среди бурятского населения соответственно 72,7 и 48,6 %¹.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» от 17 марта 1936 г. в борьбе с неграмотностью произошла организационная перестройка. Общество «Долой неграмотность» упразднялось. В Наркомпросе республики было создано управление по обучению взрослых, в районах – инспектура по школам неграмотных и малограмотных, при городских, районных и сельских Советах – секции по ликвидации неграмотности и малограмотности. Эта работа проходила под лозунгом общественного смотра деятельности учреждений просвещения и культуры Бурятии.

Общая грамотность населения в 1936 г. в сельской местности составила 75,2 %, в городе – 95,5 %, в среднем по республике – 78 %, грамотных мужчин было 82 %, женщин – 60 %; среди бурятского населения соответственно – 82 % и 53 %².

В связи с этим необходимо было организовать общеобразовательные школы взрослых повышенного типа. В 1935/36 уч. г. работало 10 таких школ с 600 учащимися, в следующем учебном году в результате лучшей организации начались регулярные занятия в 16 школах, в которых обучалось 1307 чел. Школы повышенного типа привлекали преимущественно молодежь, а также часть работников управленческого аппарата³. В 1939 г. 94 сельсовета и 272 колхоза завершили ликвидацию неграмотности среди взрослого населения.

Народное образование в Бурят-Монголии

С проведением социалистических преобразований в Бурятии началась работа по созданию новой модели образования – советской школы на основе положения «О единой трудовой школе РСФСР» от 30 сентября 1918 г. и постановления Наркомпроса РСФСР «О переустройстве школ национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. С образованием республики был сформирован Народный комиссариат просвещения.

В 1923/24 уч. г. в республике работало 485 школ I ступени и 12 школ II ступени, большинство из которых не имели необходимой материальной базы⁴. В отчете Бурнаркомпроса за 1923/24 уч. г. указывалось, что «хозяйственное положение школ тяжелое, до 60 % школ, хотя и имеют собственные здания..., но пришли в ветхость и требуют капитального ремонта. Остальные школы помещаются в наемных зданиях, порой случайных, не пригодных под школу, не удовлетворяющих и минимальным требованиям гигиены. Есть школы, особенно в бурятских улусах, помещающиеся в одной комнате, имеющей квартирную площадь от 4 до 6 сажень, при плохом освещении, причем в этой комнате помещается класс, общежитие и квартира учителя...»⁵

Для комплектации школ республике требовалось 225 зданий. В 1924/25 уч. г. их было только 5. Поэтому главной задачей народного образования в 1920-е гг. стало строительство новых и ремонт старых, дореволюционных школ. Совнарком РСФСР предоставил местным организациям права на формирование школьных строительных фондов. В 1925/26 уч. г. участие населения в

³ Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981)...

⁴ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 88.

⁵ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 9, л. 3.

¹ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 84.

² НАРБ, ф. Р-60, оп. 3, д. 172, л. 58.

Слет отличников. Верхнеудинск. 1933 г.

школьном строительстве позволило сэкономить 15554 руб. В Эхирит-Булагатском аймаке по инициативе населения было построено 6 новых школьных зданий. При отсутствии средств на зарплату учителям население добровольно платило двойной налог¹.

К 1927/28 уч. г. в республике было построено 30 типовых зданий для школ I ступени на бюджетные средства и 14 зданий – на средства населения. При

Занятия в Заудинской школе. 1935 г.

¹ Ескевич Л. К вопросу о введении всеобщего начального обучения (в Бурятии) // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 10–12.

58 школах I ступени были созданы общежития на 1160 чел., появилось новое учебное и хозяйственное оборудование. Однако обеспеченность школ типовыми зданиями в целом по республике оставалась недостаточной – всего 46,2 %².

На 1 июня 1924 г. в школах I и II ступени работали 654 преподавателя, из которых 504 чел., или 77,1 %, имели общее образование, а 150 чел., или 22,9 %, – специальное³. В первое время подготовка учителей велась на краткосрочных курсах, организованных в Верхнеудинске и аймачных центрах.

В 1923/24 уч. г. на базе этих

курсов в г. Верхнеудинске был организован педтехникум, с 1924/25 уч. г. начал функционировать второй – национальный, готовящий кадры для бурятских школ⁴. Ежегодный выпуск в этих учебных заведениях не превышал 40–50 чел., что не могло обеспечить потребности школ республики в учительских кадрах.

С первых лет существования республики в школах усиленно внедрялась система общественно-политического и трудового воспитания учащихся. В Харашибирской школе Хоринского аймака была создана ячейка РКСМ из 11 чел., в ней было введено самоуправление, организован школьный кооператив, издавалась еженедельная газета.

Одной из основных задач народного образования республики было формирование национальной школы. Из 222 бурятских школ в 1927/28 г. в 66 (29,8 %) преподавание велось на родном языке с использованием старомонгольской письменности, в остальных – на бурятском и русском. Большая часть учителей-бурят не знала монгольской письменности, а бурятские школы не были обеспечены учеб-

² НАРБ, ф. Р-60, оп. 3, д. 97, л. 20.

³ Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: Очерки и отчеты. 1923–1924 гг. – Верхнеудинск, 1925. – С. 266.

⁴ НАРБ, ф. Р-60, оп. 3, д. 1, л. 23.

На уроке физики

ной и учебно-методической литературой на родном языке. Школьная сеть в республике в 1927/28 г. состояла из 510 школ I ступени, 15 семилетних школ, 7 школ колхозной молодежи, 8 школ II ступени.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. руководство страны взяло курс на всеобщее начальное, а затем семилетнее образование¹. В Бурятии был создан Республиканский комитет по всеобучу, который поставил задачу охватить начальным обучением 48800 детей. В этот период широко практиковались месячники по всеобучу, мобилизации, договоры о помощи с хозяйственными и комсомольскими организациями.

В 1932/33 уч. г. республика в основном завершила введение всеобщего обязательного начального обучения, охватив школами 94,2 % детей в возрасте 8–11 лет. Однако хозяйственные особенности экономики региона приводили к отсеву учащихся из школы, особенно там, где население еще вело кочевой и полукочевой образ жизни. В постановлении бюро обкома ВКП(б) от 26 марта 1931 г. «О ходе и перспективах всеобщего начального обучения» отмечался «большой отсев учащихся, особенно среди населения, ведущего кочевой или полукочевой образ жизни»².

Пленум Бурятского обкома ВКП(б), состоявшийся 12 января 1932 г., определил переход на всеобщее семилетнее обучение с развертыванием широкой сети школ, в первую очередь в промыш-

ленных поселках и основных сельскохозяйственных районах, в качестве основной задачи в области национально-культурного строительства³.

В 1935 г. в народное образование было вложено 1240,9 тыс. руб. В течение 1927–1937 гг. в республике было построено 170 школ на 31540 учащихся, 25 интернатов на 2800 мест. Всего в селах республики в 1936 г. было 142 интерната, но и этого количества было недостаточно для всеобуча. В 1932–1933 гг. на базе семилеток были дополнительно открыты 4 средние школы, в 1934 г. – 9, в 1937 г. – 24.

Для подготовки земледельцев-кооператоров были созданы школы крестьянской молодежи (ШКМ), первая из которых была открыта в Мухоршибири 15 декабря 1924 г.⁴ Для подготовки специалистов средней квалификации была проведена профессионализация старших классов школ II ступени. Школы Бурятии получили педагогическую, сельскохозяйственную, кооперативную, политико-просветительную и землеустроительную специализацию.

За период с 1933 по 1939 г. произошел значительный рост числа средних школ. Если в 1933 г. работали 3 средние школы, то к 1939 г. их стало 32. Сокращение количества начальных школ в этот период происходило в результате организации средних и неполных средних школ на базе начальных (табл. 7).

³ Бурят-Монгольская правда. – 1932. – 18 янв.

⁴ Елаев Н. К. Бурятская школа. История, проблемы и опыт национализации. – Улан-Удэ, 1994. – С. 53.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 4... – С. 473.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 187, л. 91.

Таблица 7

**Грамотность русского и бурятского населения БМАССР
по переписям населения 1926 и 1939 гг. ***

Население	1926	1939
Городское население	77,1	86,7
Русские	77,2	86,8
в т. ч. мужчины	86,9	94,3
женщины	65,0	78,8
Буряты	71,1	85,7
в т. ч. мужчины	73,2	91,0
женщины	63,9	79,7
Сельское население	33,6	71,8
Русские	39,4	74,6
в т. ч. мужчины	56,6	86,6
женщины	22,6	62,8
Буряты	25,3	65,5
в т. ч. мужчины	43,9	76,4
женщины	7,2	58,2

* При определении процентной грамотности населения взято количество грамотных в возрасте 9 лет и старше в процентах к общей численности населения этих же возрастных групп.

Таблица составлена по материалам переписи населения 1926 и 1939 гг.

С 1930 г. начался переход к всеобщему начальному образованию. Расширялась сеть школ, укреплялась их материальная база, увеличивалось количество учащихся.

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» упорядочивало школьное дело: вводились стабильные программы, твердое расписание занятий, четкая организация, режим. Учительские кадры стали готовить новые учебные заведения – Агинское и Боханское педагогические училища, педагогический институт, были открыты рабфак и учительский институт. Кадры готовили и находившиеся за пределами Бурятии специальные учебные заведения: рабфаки, техникумы и вузы СССР.

В Бурятии была создана сеть краткосрочных курсов по подготовке педагогических кадров. В 1929–1930 гг. на этих курсах обучалось от 10 до 12 % работников просвещения, заочно учились около 10 %¹. За 1933–1937 гг. педтехникумы Бурятии вы-

пустили 381 учителя начальной школы, а учительский и педагогический институты за 1935–1937 гг. – 98 преподавателей семилетней и средней школы.

В составе учительства республики уже не было специалистов с начальным образованием, 43,2 % имели высшее, незаконченное высшее и среднее педагогическое образование². При сохранении определенных проблем к концу 1930-х гг. республика располагала весомым потенциалом учительства.

В 1926 г. в Верхнеудинске на заводе «Стеклодуй» по инициативе женотдела был открыт первый детский сад, содержавшийся на общественные средства. Первый детский сад на 110 мест в системе Наркомпроса республики был открыт 7 сентября 1928 г. в Верхнеудинске³. В 1929 г. в Аларском аймаке, в коммуне «Красный Нельхай», открылся первый сельский детский сад. Заведующая Н. Д. Морозова проводила среди бурятского населения педаго-

Удэ, 1964. – С. 42.

² Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации... – С. 76.

³ НАРБ, ф. Р-60, оп. 3, д. 175, л. 4.

¹ Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-

Один из первых детских садов

гические беседы о воспитании детей, выступала с лекциями и докладами о значении общественного дошкольного воспитания¹.

В 1935 г. вышло постановление СНК СССР «О мерах по упорядочению работы детских садов». В Улан-Удэ было построено 2 здания детских садов на 100 мест – Управлением связи и Наркомпросом – для детей трудящихся пригородного района. К 15-летию республики для детей рабочих паровозовагонного завода было сдано в эксплуатацию здание детского сада в социалистическом городке ПВЗ, а также типовые здания детских садов на 100 мест при крупнейших промышленных предприятиях республики: в г. Улан-Удэ – на стеклозаводе, в г. Городке – при Джидинском вольфрамо-молибденовом комбинате. Так было положено начало созданию системы дошкольного воспитания.

Профессиональное образование

В 1920–1930-е гг. остро стояла проблема кадров, несмотря на то, что революция облегчила доступ к культурным ценностям для всего народа. На расширенном совещании секретарей уездных и аймачных комитетов республики, состоявшемся 13 сентября 1923 г., основное внимание было уделено укреплению

нию областной партийной организации, подбору, расстановке и воспитанию кадров².

Формой подготовки и переподготовки выдвиженцев являлась курсовая система. Различные курсы, сначала краткосрочные (1–2-месячные), а затем и более продолжительные, организовывались непосредственно при наркоматах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, с отрывом и без отрыва от производства. Только в 1931 г. в республике через курсы прошло 8289 чел., из них 50 % бурят.

Наряду с краткосрочными курсами подготовки партийно-советских кадров и работников культурно-просветительных учреждений были созданы особые

учебные заведения – советско-партийные школы. Первая бурятская совпартшкола с годичным сроком обучения была открыта в октябре 1924 г. в Верхнеудинске. В ней было 75 слушателей. В 1927–1928 гг. в республике работали уже 4 подобные школы со 170 учащимися, 60 % из которых составляла бурятская молодежь³.

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства была перестроена деятельность советско-партийных школ. Они начали готовить руководящие кадры низового и районного звена с производственным уклоном – промышленным или сельскохозяйственным. В 1936 г. совпартшколы в стране, в т. ч. и в Бурятии, были реорганизованы в районные колхозные школы по подготовке и повышению квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов.

В начале 1930-х гг. в целях подготовки и повышения квалификации руководящих кадров МТС, председателей колхозов, директоров совхозов, руководящих советских партийных работников районного звена в стране организуются особые профессиональные учебные заведения – высшие коммунистические сельскохозяйственные школы с двухгодичным сроком обучения, дающие слушателям наряду с политической подготовкой минимум

¹ Суетин И. П., Снеткова Х. В. Общественное воспитание детей в Бурятской АССР. Народное образование в Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964. – С. 127.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 34, л. 34.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 07, л. 73.

Первый выпуск Бурят-Монгольского медицинского техникума. 1935 г.

необходимых знаний в области сельскохозяйственной техники, агрономии и животноводства в объеме среднего специального учебного заведения. В 1933 г. была открыта первая республиканская школа механизаторов «Тракторуг», переименованная затем в школу мехкадров, школа механизаторов в Верхнем Жириме, Илькинская агрошкола на базе Илькинского свиноводческого хозяйства, реорганизованная позже в школу механизации сельского хозяйства. В 1938–1939 гг. в республике было подготовлено 4580 механизаторов¹.

С первых дней советской власти, когда потребовались многочисленные руководящие и органи-

Студенты монгольского отделения Бурпедтехникума. 30 мая 1934 г. Троицкосавск

¹ Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири. 1917–1980. – М., 1985. – С. 84.

торские кадры аппаратов управления, использовался метод выдвиженчества, в т. ч. из коренного населения. Они проходили подготовку за пределами республики – в Москве и других городах страны. Большую роль в подготовке национальных руководящих партийно-советских кадров для восточных республик и областей страны, в т. ч. и Бурятии, сыграл созданный в 1921 г. в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока. В постановлении ЦК ВКП(б) по этому вопросу говорилось: «В целях подготовки кадров пар-

тийных и советских работников для договорных и автономных советских республик, трудовых коммун и национальных меньшинств учреждается в Москве при Наркомпросе Университет трудящихся Востока»². Только за первые 4 года существования БМАССР (1924–1927) этот университет окончили 65 представителей Бурятии, в т. ч. 55 бурят³.

Выдвиженцы – руководящие работники народного образования проходили подготовку в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, преобразованной в 1935 г. в Коммунистический педагогический институт им. Н. К. Крупской. Кадры высшего звена по отраслям промышленности, строительства и транспорта обучались в промышленных академиях. Все учебные заведения с сокращенными сроками обучения и особыми планами и программами были временными и вызванными к жизни необходимостью ускоренной подготовки кадров, крайне необходимых советской власти. В 1923–1925 гг. на учебу за пределы Бурятии было командировано 94 чел.⁴ В конце 1-й пятилетки в вузах и средних специальных учебных заведениях СССР обучалось более тысячи посланцев республики.

² Справочник партийного работника. Вып. 2. – М., 1922. – С. 98.

³ Соктоев И. А. Пути и методы формирования интеллигенции Бурятии // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – С. 16–17.

⁴ Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 105.

Первый выпуск театрального отделения техникума искусств

В этот период появилась настоятельная необходимость в средних специальных учебных заведениях для подготовки специалистов на местах. В 1923 г. Прибайкальским губисполкомом в Верхнеудинске была открыта ремесленная школа для воспитанников детских домов, имевшая 3 мастерские – слесарную, столярную, сапожную. В 1929 г. мастерские были переименованы в профессионально-техническую школу им. П. П. Постышева¹. К числу первых учреждений начального профессионального обучения относятся верхнеудинская школа кройки и шитья, учебно-курсовая база «Установка», созданная в апреле 1924 г. По договорам с хозяйственными организациями в течение 2–3 месяцев готовились строительные рабочие. Основным методом обучения было индивидуальное и бригадное ученичество. В 1930–1931 гг. на ст. Дивизионная работала школа строительного ученичества Забайкальской железной дороги, подготовившая 80 рабочих-строителей. В декабре 1932 г. на паровозовагонном заводе была открыта школа ФЗУ им. П. П. Постышева².

В 1920-х гг. в Бурятии открываются первые средние специальные профессиональные учеб-

ные заведения – бурятский и русский педагогические техникумы (1924), медицинский и автодорожный в Верхнеудинске, кооперативный в Кяхте, финансово-экономический в Кабанске, сельскохозяйственный в Алари (1930), техникум искусств в Верхнеудинске, животноводческий в с. Тамча Селенгинского района (1931), техникум путей сообщения в Верхнеудинске (1932).

В Бурят-Монгольском педагогическом техникуме с первых лет готовились кадры и для Монголии. В 1930 г. по решению обкома партии при техникуме были открыты подготовительные курсы для батра-

ков и бедняков. В 1932 г. с открытием в г. Улан-Удэ Бурят-Монгольского государственного педагогического института педагогические техникумы были переведены в Троицкосавск (Кяхта). С 1924 по 1932 г. в них было подготовлено 233 учителя начальных классов, а на педкурсах – 358. В последующие годы объединенный Кяхтинский педтехникум подготовил более 500 специалистов. В 1932/33 уч. г. на базе школ II ступени в Агинском и Боханском аймаках было открыто 2 педтехникума.

На заседании комиссии Госплана БМАССР в 1930 г. нарком здравоохранения А. Т. Трубочеев поставил вопрос об открытии медицинского техникума. В 1931 г. медтехникум размещался в здании детской поликлиники № 2, в 1932 г. был преобразован в фельдшерско-акушерскую школу с рабфаком для подготовки учащихся к поступлению в Восточно-Сибирский медицинский институт в г. Иркутске. С 1933 по 1937 г. фельдшерско-акушерская школа подготовила 239 специалистов.

Развитие торговли и нехватка кадров продавцов, счетоводов, товароведов потребовали создания в 1930 г. кооперативного техникума. В 1937 г. техникум переехал из Кяхты в Улан-Удэ, где к этому времени были построены учебный корпус и общежитие.

С ростом промышленного потенциала республики в 1930-е гг. возникла необходимость в кадрах,

¹ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 286, л. 61.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 306.

Труппа ортеатра под руководством режиссера Е. П. Просветова

особенно для промышленного гиганта Бурятии – паровозо-вагонного завода. СНК СССР 5 ноября 1937 г. принял постановление об открытии в Улан-Удэ техникума железнодорожного транспорта, а уже в декабре 1937 г. было набрано 30 учащихся. В последующем техникум превратился в основную кузницу кадров для молодой промышленности Бурятии.

В 1931 г. был открыт техникум искусств для подготовки артистов, режиссеров, композиторов. В техникуме преподавали Г. В. Бауэр (актерское мастерство), П. М. Берлинский (музыка), А. Добкина (ритмика и танец), С. П. Балдаев (история театра и обществоведение), П. Н. Дамбинов (русский язык и литература), М. А. Немлихер (биомеханика), А. И. Шадаев (бурятский язык), Н. Е. Левский (физкультура и акробатика). Много времени уделял занятиям со студентами режиссер Московского организационного синтетического театра Международного Крас-

ного стадиона Е. П. Просветов¹. В 1936 г. техникум искусств был преобразован в Бурят-Монгольское театральное-музыкальное училище, в связи с этим изменился профиль музыкального отделения, открылось исполнительское отделение с классами – вокальным, фортепиано, скрипки, виолончели и духовых инструментов².

В целях повышения образовательного уровня рабоче-крестьянской молодежи создавались рабочие факультеты «как автономные учебно-воспитательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян к высшей школе». Первый рабфак в Бурятии – областной вечерний с 4-годовичным сроком обучения и числом учащихся 110 чел. – был создан в сентябре

¹ См.: Николаев П. Н. Монолог перед занавесом. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – С. 20.

² Искусство Бурят-Монгольской АССР. – М.: Л., 1940. – С. 98–100.

Здание Агропединститута

1930 г. в Верхнеудинске. В последующие годы были организованы транспортный, медицинский, педагогический и другие рабфаки. С 1930 по 1940 г. в Верхнеудинске работал Монгольский рабфак, имевший большое значение в подготовке кадров для Монголии и Тувы. Многие из окончивших рабфак стали видными государственными деятелями и учеными: Ю. Цеденбал, первый секретарь ЦК МНРП и председатель президиума Великого Народного Хурала; Д. Майдар, заместитель Председателя Совета министров; Б. Ширендыб, президент Академии наук МНР и др.

В 1932/33 уч. г. стало уже 8 рабфаков с 965 учащимися; 577 из них составляла бурятская молодежь. На 1 января 1937 г. в республике работали 8 техникумов с 1367 учащимися и 5 рабфаков с 578 учащимися. За 1934–1936 гг. техникумы приняли 1787 абитуриентов и выпустили 534 специалиста. В эти годы на рабфаках обучались 2706 чел., закончили курс обучения 583 чел.¹ В конце 1930-х гг. с развитием средней общеобразовательной школы и техникумов рабфаки, выполнив свои функции, были упразднены.

10 января 1932 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление об открытии Бурят-

Монгольского педагогического института. В становлении института, организации учебного процесса, научной работы большую помощь оказали вузы Иркутска, Москвы, Ленинграда, направившие в Бурятию высококвалифицированных специалистов. В феврале 1932 г. открылся агрозоотехнический институт с агротехническим, зоотехническим и подготовительным отделениями. Временно его дирекция была общей с педагогическим институтом². В 1935 г. агрозоотехнический институт был преобразован в зооветеринарный, с зоотехническим и ветеринарным факультетами.

В первые годы советской власти рабоче-крестьянской молодежи при поступлении в вузы законодательно были предоставлены преимущества. В. И. Ленин выдвинул требование самой широкой возможности получения высшего образования «для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян»³. Классовый принцип был главным при отборе абитуриентов и в последующие годы – рабочие и колхозники принимались в первую очередь.

В 1936 г. Конституцией СССР всем гражданам страны было предоставлено равное право при поступлении в вузы, без каких-либо расовых, национальных, религиозных, имущественных или социальных ограничений. В том же году было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которым были введены единые правила приема во все вузы. Однако, несмотря на узаконенное равноправие граждан при поступлении в вузы, общество объективно еще не могло предоставить одинаковых шансов на получение высшего образования для представителей различных социальных групп.

К концу 1930-х гг. в республике сложилась система подготовки специалистов народного хозяй-

² Там же, с. 88.

³ Ленин В. И. IX съезд РКП (б). Доклад Центрального комитета // Полн. собр. соч. Т. 40. – С. 258–264.

¹ Митулов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации... – С. 90.

*Редакция газет
«Бурят-Монгольская
правда» и «Бурят-
Монгольский
комсомолец». 1923 г.*

ства, в т. ч. высшей квалификации. Изменился образовательный облик региона, что стало следствием целенаправленной культурно-просветительской работы властей, пытавшихся поднять грамотность и техническую подготовку населения, сформировать его политическую ориентацию.

Культурное просвещение населения республики

Самыми массовыми культурно-просветительскими учреждениями в 1920–1930-е гг. в Бурятии были клубы, избы-читальни, передвижные избы-читальни, для женщин – Дома бурятки, красные юрты. Руководил их работой Бурполитпросвет, созданный при Наркомпросе, а на местах была введена должность политпросветработника.

В начале 1920-х гг. в городах и сельской местности работало 99 клубов, народных домов и избы-читален, 43 библиотеки (1 центральная, 7 аймачных, 35 волостных) и 6 библиотек-передвижек, Верхнеудинский и Троицкосавский (Кяхтинский) краеведческие музеи. Избы-читальни и красные уголки создавались при школах и комсомольских ячейках, затем – при ликпунктах, крупных хотонных школах и местных Советах.

В июле 1926 г. в кочевых районах были введены должности организаторов, которые проводили беседы, собрания, вели работу среди женщин по

домоводству, санитарии, гигиене. Проводились практические мероприятия (демонстрация работы швейной машины, сепаратора, выпечка хлеба в русской печи, стирка белья, медконсультация).

В 1927 г. были организованы передвижные красные юрты в Хоринском, Агинском, Верхнеудинском и Троицкосавском аймаках. Для работы среди женщин в Агинском аймаке был организован Дом бурятки, где проводились занятия на бурятском языке в кружках домоводства, ликвидации неграмотности, пения, рукоделия. Среди женщин проводились делегатские и улусные собрания, «красные поляны», беседы по юртам.

В 1923 г. в республике работало 40 библиотек, но только четвертая их часть содержалась из государственного и местного бюджета, остальные функционировали на средства различных ведомств и обществ, зрелищных предприятий и находились при избах-читальнях, красных уголках, работники которых одновременно занимались библиотечным делом¹. Все библиотеки на территории республики были объединены в единую сеть, руководимую Бурятполитпросветом и его органами в аймаках. Основными формами массовой работы и пропаганды книги были читки и беседы, впоследствии стали проводиться читательские конференции, тематиче-

¹ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 145.

Госиздат БМАССР

ские викторины, показы новейшей литературы, отзывы о книгах, рекомендательные списки, обсуждения и доклады об отдельных произведениях¹. При комплектации фондов библиотек предпочтение отдавалось литературе по сельскохозяйственной, общественно-политической тематике и художественной, большим спросом пользовалась справочная литература.

С распространением советской власти в Бурятии стали регулярно издаваться газеты и журналы. В большом количестве выпускались листовки, плакаты, лозунги, в которых пропагандировались цели и задачи социалистического строительства, обсуждались повседневные вопросы.

В первые годы советской власти в Бурят-Монгольской автономной области РСФСР выходила газета «Красный бурят-монгол», в Бурят-Монгольской автономной области ДВР – «Шэнэ байдал» («Новая жизнь»), в Прибайкалье – «Рабочий и крестьянин Прибайкалья», «Красное Прибайкалье». С образованием Бурят-Монгольской АССР областные газеты были переименованы: «Бурят-Монгольская правда», «Бурят-Монголой унэн», «Бурятский комсомолец», «Скотовод и пахарь».

Для организации и направления работы прессы и издательской деятельности в декабре 1924 г. при подотделе печати – агитпропотделе обкома РКП(б) была создана постояннодействующая коллегия. В

мае 1924 г. начал издаваться журнал «Жизнь Бурятии», освещавший проблемные вопросы государственного, хозяйственного и культурного строительства, а в 1925–1926 гг. появились новые издания: «Залуу малшан» («Молодой скотовод»), «Ленинэй ашанар» («Внучата Ленина») и «Уран угын шэмэ» («Букет художественного слова»)². В 1926 г. газета «Скотовод и пахарь» была объединена с «Бурят-Монгольской правдой», временно прекратилось издание других газет и приложений³.

В сентябре 1931 г. Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) отметил существенные недостатки в работе печати республики: газета «Бурят-Монгольская правда» недостаточно оперативно отражала во-

просы культурного строительства; национальная газета «Бурят-Монголой унэн» все еще не стала центральной республиканской газетой, занимаясь переводом статей из «Бурят-Монгольской правды»; мало аймачных газет издавалось на бурятском языке. Были приняты меры к повышению идейно-политического уровня и полиграфического качества изданий. Тираж «Бурят-Монголой унэн» был увеличен до 7 тыс. экз.; помимо сельскохозяйственной тематики она стала освещать и другие стороны жизни.

Результатом культурного строительства в Бурятии в 1920–1930-е гг. стало создание широкой сети газет и журналов, организация книгоиздательского дела, появление национальной печати. В 1935 г. в республике выходили 31 газета, издававшиеся типографским способом (из них 10 – на бурятском языке); на промышленно-транспортных предприятиях – 8 многотиражек. В 1937 г. в республике издавалось газет в 2,5 раза больше, чем в 1932 г., а их тираж возрос в 3 раза⁴. К началу 1938 г. не было ни одного аймака, где бы не выходила своя газета. Многотиражная газета «Гигант Бурятии», выходившая с 1935 г. (тираж достигал более 6 тыс. экз.), освещала производственную и общественно-

² Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 50.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 180, л. 25–26.

⁴ Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации... – С. 137.

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 2478, л. 116.

политическую жизни ПВРЗ, число ее рабкоров достигало 500 чел.¹

В 1933–1937 гг., в связи с расширением издания газет, выпуск журналов сократился, выходили журналы «Социалистическое строительство Бурят-Монголии» (вместо «Советской Бурятии»), литературно-художественный «Бата зам» (Верный путь), «Эрдэм ба шажан» (до 1935 г.), «Безбожник» в 1937 г.

В 1923–1924 гг. в республике было 6 мелких издательств, главным из которых было издательство при Наркомпросе. Издавалась в основном учебная, массово-политическая, научно-популярная и санитарно-гигиеническая литература. Для централизации издательского дела в 1928 г. было осуществлено объединение книгоиздательской секции Буручкама, книготоргового предприятия «Улан-Туя» и типографии ЦСНХ в Бурят-Монгольское государственное книжное издательство (Бургиз). Мелкие издательства были упразднены². В продукции Бургиза преобладали учебная литература и пособия для школ всеобуча и ликбеза, особенно на бурятском языке. Для издания массовой политической литературы в 1932 г. было создано партийное издательство. На бурятский язык переводилось большое количество политической литературы.

В конце 1934 г. республиканские издательства – партиздат, госиздат и газетно-журнальное – были включены в Бурят-Монгольское государственное книжное издательство, что позволило сосредоточить в одном ведомстве издательские силы и средства, улучшить работу, удешевить стоимость продукции.

В этот период самыми доступными формами приобщения к культуре стали радио и кино. В республике началась работа по радио- и кинофикации. В 1923 г. в Бурятии насчитывалось всего 5 радиоприемников³. В марте 1926 г. было организовано республиканское отделение Общества друзей радио (ОДР)⁴, имевшее при Дворце труда в г. Верхнеудинске радиостудию, где проводились радио-концерты и радиогазеты. В программе радиоконцертов было широко представлено национальное искусство, устраивались всевозможные конкурсы и

Лотерейный билет Бурят-Монгольского общества друзей радио

вечера самодеятельности⁵. В 1928 г. радиоприемники появились в селах и улусах. В 1929 г. в г. Верхнеудинске открылась радиостанция, которая вела политико-воспитательные, общеобразовательные и культурно-просветительные передачи на русском и бурятском языках. Ранее вещание на Бурятию на родном языке осуществлялось из Иркутского радиопроцента. В 1929 г. в Верхнеудинске энтузиасты-радиолюбители соорудили первый в республике радиоузел, который обслуживал несколько радиотрансляционных точек, установленных в центре города⁶. Первые 700 слушателей впервые услышали голос местного диктора: «Говорит Верхнеудинск». Оборудование радиостанции было установлено в двухэтажном здании по ул. Ленина, напротив здания бывшего театра русской драмы. Передачи велись из студии на 2-м этаже. В одном только Верхнеудинском аймаке было 17 репродукторов, 658 радиоточек и 27 радиоаудиторий. В начале 1933 г. действовали радиовещательная станция, 10 трансляционных узлов и 900 радиоточек. Для руководства радиопропагандой был образован Комитет по радиовещанию.

Радиовещание постоянно развивалось: росло число передающих станций, расширялась зона охвата, увеличивалась мощность излучения, осваивались новые частотные диапазоны.

В декабре 1934 г. IV съезд Советов БМАССР поставил задачу – установить в каждом колхозе радиоточку, а в каждом сомонном и сельском Совете – радиоприемник. К концу 1935 г. в Бурятии было

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 2647, л. 80.

² Жизнь Бурятии. – 1929. – № 3–4. – С. 109.

³ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 148.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1936. – 5 июня.

⁵ Бурят-Монгольская правда. – 1927. – 17 дек.

⁶ Бурят-Монгольская АССР за десять лет... – С. 105.

На выставке

установлено 27 радиоузлов, 3675 трансляционных и 645 эфирных точек.

Первые программы радиовещания республики составлялись в соответствии с задачами советского строительства. Для радиослушателей транслировались новости, лекции и доклады о ликвидации неграмотности, развитии медицины, едином сельхозналоге, о деятельности комсомола, велись уроки политической грамоты, передавались пионерская газета, крестьянская радиогазета, концерты.

Увеличивалось время местного вещания: если в 1936–1937 гг. оно составляло 2 часа из 7–8 часов радиовещания, то к концу 1930-х гг. – уже 5 часов.

В 1924 г. появились и начали работу первые кинопередвижки¹, составившие основу киносети республики. В 1924–1925 гг. в Верхнеудинске работали 7 кинопередвижек и стационарный кинотеатр. 1 октября 1926 г. в столице Бурятии было уже 2 кинотеатра («Эрдэм» и «Арс»). В 1925–1926 гг. там демонстрировались фильмы «Броненосец Потемкин», «Бабий лог», «Красные дьяволята», «Избушка на Байкале», «Алкоголь, труд и здоровье» и др. Наркомпрос предпринял попытку собственного кинопроизводства – были сняты Буркавшола и бурятский религиозный праздник Цам. В 1927 г. было образовано общество друзей советского кино², чле-

ны которого проводили разъяснительные беседы перед началом фильма.

В постановлении ЦИК и СНК БурАССР от 14 декабря 1931 г. основной киноорганизацией в республике было признано агентство «Союзкино» и в его ведение передавались все кинопередвижки, состоявшие на бюджете айм- и райисполкомов, а также действовавшие на основе хозрасчета³. В 1930–1932 гг. на 3- и 6-месячных курсах было подготовлено 150 киномехаников⁴. В октябре 1935 г. в Верхнеудинске

состоялось открытие современного кинотеатра на 600 мест со звуковой киноустановкой, ставшего событием в жизни республики⁵. В 1937–1938 гг. республика располагала 9 звуковыми кинотеатрами, 17 звуковыми и 4 немymi киноустановками, 50 кинопередвижками.

Но Бурятия отставала от других республик и областей страны, что было связано со спецификой расположения бурятских населенных пунктов, кочевым образом жизни коренного населения и необходимостью транспортировки киноустановок, составлявших 87,8 % киносети республики.

Среди культурно-просветительных учреждений особое место занимали музеи. С образованием республики оживилась деятельность Троицкосавского (ныне Кяхтинского) краеведческого музея. В октябре 1923 г. музей перешел в ведение Наркомпроса БМАССР, и были созданы благоприятные условия для развертывания его научной и культурно-просветительной работы. В январе 1924 г. на базе музея при обществе изучения Прибайкалья и экспонатов сельскохозяйственной и промышленной выставки был создан Республиканский краеведческий

¹ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, л. 312.

² Бурят-Монгольская правда. – 1927. – 11 мая. – С. 4.

³ Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство Бурятской партийной организации... – С. 103.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 1744, л. 64.

⁵ Бурят-Монгольская правда. – 1935. – 10 окт.

музей в Верхнеудинске. Во 2-й половине 1920-х гг. в Верхнеудинске был открыт педагогический музей, позже реорганизованный в музей народного образования. Сотрудники музея создали актив и развернули лекционную пропаганду вопросов народного просвещения.

С первых же дней музеи стали уделять внимание культурно-просветительной и экспозиционной работе. Привычными для того времени были «дни бесплатного посещения». Основными видами обслуживания посетителей были экскурсии, выставки, беседы.

Для организации художественной самостоятельности, выявления и воспитания народных талантов 21 августа 1924 г. при Бурполитпросвете Наркомпроса республики было создано бюро по театральным делам, в 1925 г. реорганизованное в художественное бюро¹. Успехом и популярностью у земляков пользовался Агинский народный театр, близкий и понятный по своим идейным и эстетическим устремлениям каждому буряту. Спектакли устраивались в здании Агинской школы; постановочные средства были более чем скромными; интерьер, костюмы – все создавалось своими руками. В Агинском театре ставились небольшие одноактные пьесы, сценки на злобу дня, часто атеистического характера².

Наряду с бурятской самодеятельностью развивается народное творчество русского населения. На его репертуар и характер деятельности оказывали влияние приезжие группы «синеглазников». Как правило, программа выступлений как гастролирующих, так и местных коллективов отличалась политической и агитационной окраской.

В драмкружках Мухоршибирского народного дома и Баргузинского межсоюзного клуба в 1924–1926 гг. репетировали и демонстрировали пьесы А. Островского, А. Корнейчука «Платон Кречет», А. Горького «На дне», «Очная ставка» и др.³

Развитию народного творчества способствовала повседневная работа клубов, изб-читален и красных уголков: кружковая, проведение праздников и других торжеств (например, «красных полянок»),

организация массовых народных танцев, в частности бурятского ехора, и игр. Среди бурятской и русской прогрессивно настроенной молодежи улусов и сел были популярными ехорные песни и частушки с революционными мотивами⁴.

Во время месячного культпохода в восточные аймаки, организованного обкомами ВКП(б) и ВЛКСМ и Наркомпросом республики летом 1929 г., его участниками только в двух аймаках – Селенгинском и Кяхтинском – было проведено около 250 собраний, сходов, докладов, лекций, бесед, вечеров вопросов и ответов, любительских агитационно-художественных постановок, киносеансов, сурхарбанов. В Агинском аймаке в день VI годовщины образования Бурят-Монгольской республики, 19 июля, проводились митинги, доклады, сурхарбаны, киносеансы, организовывались сельскохозяйственные выставки⁵.

Вся культурно-массовая, просветительская, агитационная работа в республике проходила под лозунгом борьбы с ламаизмом. В целях организованной борьбы с религией в 1926–1927 гг. стали создаваться ячейки Союза воинствующих безбожников (СВБ). Ими проводились доклады, лекции и беседы, диспуты, создавались кружки безбожников, ставились спектакли с антирелигиозными мотивами. Во время летнего культпохода 1929 г. в восточные аймаки основной задачей была борьба с религией⁶. В феврале 1930 г. областным советом СВБ был проведен приуроченный к традиционному празднику Сагалган месячник антирелигиозной пропаганды⁷, вынесший постановление о подготовке к закрытию 20 дацанов, поддержанное обкомом партии⁸. Под действием антирелигиозной пропаганды население некоторых сел и улусов требовало закрыть местные храмы и молитвенные дома, а здания использовать под культурные учреждения.

В последующие годы в культурном строительстве наметилась устойчивая тенденция роста и совершенствования материально-технической базы культурно-просветительных учреждений. С 1933 г. изб-читальни стали реорганизовываться в сельские,

¹ Цибилов Б. Д. Культурное строительство в Бурят-Монголии в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925) // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Вып. 20. – Улан-Удэ, 1955. – С. 58.

² Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2 ... – С. 218–219.

³ НАРБ, ф. Р-60, оп. 2, д. 57, л. 152.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1930. – 24 июня.

⁵ Там же, с. 112–115.

⁶ Жизнь Бурятии. – 1929. – № 3–4. – С. 112.

⁷ Бурятияведение. – 1927. – № 3–4. – С. 71–72.

⁸ Бурят-Монгольская правда. – 1930. – 26 мая.

*Имба-читальня.
Верхнеудинск, 1925 г.*

колхозные и совхозные клубы, а аймачные избы-читальни – в Дома социалистической культуры. В годы 2-й и 3-й пятилеток строились городские и районные Дома культуры, клубы на предприятиях, в колхозах и совхозах. В 1937 г. в республике насчитывалось 353 клубных учреждения с вместительными зрительными залами и помещениями для работы кружков.

Во 2-й половине 1930-х гг. появились новые типы культурно-досуговых учреждений – передвижные библиотеки, кино- и радиопередвижки, передвижные выставки, агитповозки, агитмашины. Они обслуживали населенные пункты, не имевшие стационарных учреждений культуры, а также сельских тружеников, работавших летом в поле, на фермах. Продолжалась работа по подготовке клубных работников на 3- и 6-месячных курсах в столице республики.

В 1930 г. был упразднен Главполитпросвет и вместо него в наркомпросах РСФСР, других республик, в т. ч. и в БМАССР, были созданы библиотечные управления, отделы изб-читален, клубов, ДК, парков культуры и отдыха, музейной сети, школ и курсов для взрослых.

Для организационно-методической помощи культурно-просветительным учреждениям и подготовки кадров в 1936 г. был создан Республиканский дом народного творчества (РДНТ), который организовывал массовые мероприятия к знаменательным датам – годовщине республики, Дню Конституции и т. д., а также проводил смотры художественной самодеятельности во всех районах Бурятии. Для подготовки и переподготовки руководителей кружков художественной самодеятельности при РДНТ в сентябре 1939 г. были созданы курсы повышения

квалификации. К руководству учреждениями культуры активно привлекались члены РКП(б). Формировался механизм подотчетности работников культуры местным партийным организациям.

Физическая культура и спорт

Советская система физического воспитания строилась на базе идеологических (идейно-теоретических), организационно-управленческих, научно-методических и программно-нормативных основ, а также соответствующих организаций, учреждений. Их возникновение и первоначальное развитие обусловили становление физической культуры и спорта как нового общественного явления.

Уже первые декреты Советского правительства – «Декларация прав народов России», «Об отмене сословий», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству», согласно которому было учреждено Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии (Всевобуч), решения I и III съездов комсомола (1919, 1920 гг.) о физическом воспитании утвердили классовый подход к делу физической культуры и спорта. Важную роль в становлении и развитии нового физкультурного движения, его идеологических основ играли комсомол и советские профсоюзы, руководимые РКП(б) и уделявшие большое внимание развитию детского и юношеского спорта.

В Бурят-Монголии в 1920 г. организации Всевобуча совместно с комсомолом развернули работу по допризывной подготовке молодежи, в программу

которой входило военное, политическое и физическое воспитание. В 1920–1921 гг. в Верхнеудинске были созданы футбольные команды «Сокол», «Коммунар», «Гладиатор», «Реалист» и др. В апреле 1923 г. на Белой Глине (ныне район ЛВРЗ) был проведен первый праздник физкультурников города¹. В 1920-е гг. физкультура и спорт стали проникать в села и улусы Бурятии. Бурятская молодежь начала заниматься футболом, волейболом, легкой атлетикой.

С образованием Бурят-Монгольской АССР появилось больше возможностей для развития массового физкультурного движения. В декабре 1923 г. на первой сессии ЦИК БМАССР было принято постановление об организации Центрального совета физической культуры. Первым ответственным секретарем Бурят-Монгольского ЦСФК стал П. И. Батясов.

Советы физкультуры в 1923 г. были созданы в Селенгинском аймаке, а в 1924 г. – в Аларском, Баргузинском, Боханском, Троицкосавском, Хоринском и Эхирит-Булагатском аймаках².

2 августа 1924 г. в Верхнеудинске на городском ипподроме был проведен праздник, посвященный первой годовщине образования БМАССР. В спортивную программу праздника входило проведение районных сурхарбанов.

В сентябре 1924 г. советом физической культуры при ЦК БМАССР в Верхнеудинске была создана шахматная секция³. С 26 апреля по 29 мая 1925 г. прошел первый городской шахматный турнир⁴.

В 1925 г. ЦСФК открыл 6-месячные курсы по подготовке инструкторов физической культуры. В 1930 г. ЦСФК был преобразован в высший совет физкультуры, физкультурные организации начали создаваться на базе производственных предприятий, в учебных заведениях проводились массовые соревнования.

В 1930-е гг. был введен комплекс ГТО – единая спортивная классификация. В 1933 г. бюро обкома ВЛКСМ обязало каждого комсомольца сдать нормы ГТО, для чего проводились массовые пробеги, заплывы и походы. Развивались и военно-оборонные

виды спорта. Во взаимодействии с военкоматами создавались кавалерийские и стрелковые кружки, которые пользовались у молодежи большой популярностью. В 1932 г. стрелковые кружки посещало более 1 тыс. чел., кавалерийские – 600. С декабря 1934 г. в республике работала IV Всесоюзная стрелковая школа ЦС Осоавиахима СССР по подготов-

¹ Санданов Б. Физическая культура и спорт в Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 14–15.

² Открытие уездных советов физкультуры // Бурят-Монгольская правда. – 1924. – 3 апр.

³ Бурят-Монгольская правда. – 1924. – 24 сент.

⁴ Уголок шахматиста // Бурят-Монгольская правда. – 1925. – 31 мая.

Подготовка к физкультурным выступлениям во дворе комсомольского клуба. Верхнеудинск, 1930 г.

ке инструкторов I разряда. Регулярно проводились районные и республиканские стрелковые соревнования.

В 1930-е гг. началось массовое строительство спортивных площадок и стадионов. В 1931 г. в Верхнеудинске, на берегу Уды, был построен стадион «Динамо», а в 1933 г. – стадион на Верхней Березовке. В 1938 г. в Бурятии действовало 8 спортивных залов и несколько лыжных баз.

В 1934 и 1935 гг. группа лыжников во главе с поэтом С. Б. Метелицей прошли от Верхнеудинска до Иркутска. В 1935 г. была сформирована женская лыжная команда, совершившая тренировочный переход Верхнеудинск – Кабанск и 2 лыжных перехода Верхнеудинск – Кяхта и Верхнеудинск – Иркутск – Кутулик. 21 октября 1936 г. с площади Революции стартовал лыжный переход Улан-Удэ – Москва. Пять

Участницы пешеходно-лыжного перехода Улан-Удэ – Москва. 1936 г.

лыжниц – С. Тыхеева, М. Хахалова, Е. Константинова, А. Сункуева и В. Любимская – финишировали 6 марта 1937 г. на московском стадионе «Динамо», пройдя 6045 км за 93 дня. Постановлением ЦИК СССР от 9 марта 1937 г. все участники перехода были награждены орденами «Знак Почета»¹. Переход оказал большое влияние на развитие в Бурят-Монголии туризма и лыжного спорта.

Еще до перехода в 1935 г. в республике прошел первый чемпионат по лыжным гонкам. Известной лыжницей не только в республике, но и во всей стране была М. Лубкова. Более 20 лет она находилась на вершине спортивных побед, в 1938 г. стала чемпионкой Всесоюзного ДСО «Медик», через 5 лет повторив свой успех.

Выдающимся в истории лыжного спорта Бурятии было достижение М. Казакова, который выиграл 2 гонки в Москве на первенстве страны. Участникам предстояло соревноваться в забегах на 10 и 20 км с противогазом и гранатами. Представители Бурят-Монголии тогда вошли в десятку сильнейших.

Во 2-й половине 1930-х гг. широкое развитие получили легкая атлетика, спортивные игры, гимнастика, коньки, велосипед, шахматы, а также новые для республики виды – тяжелая атлетика, хоккей, горнолыжный и мотоспорт. В 1937 г. в первенстве Улан-Удэ по волейболу участвовали 18 мужских и 10 женских команд, в первенстве республики по легкой атлетике – 204 чел., из них 110 – из аймаков².

К 1937 г. было создано 6 ДСО: «Локомотив», «Медик», «Спартак», «Буревестник», «Динамо», «Темп». Действовали 6- и 2-месячные курсы, на которых готовили специалистов физической культуры и спорта.

Создание научных организаций и учреждений

С первых лет советской власти в тесном взаимодействии с задачами культурного строительства Бурятии начала складываться система научных организаций и учреждений. Еще до образования республики в Верхнеудинске открылись Прибайкальский народный университет, решавший в основном просветительские и общеобразовательные задачи, и краеведческая выставка, преобразованная в Прибайкальский областной музей.

¹ Тыхеева С. А. 95 незабываемых дней. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984.

² Фомин В. А., Мантуров С. В. Вековой путь физической культуры и спорта в Бурятии. – Улан-Удэ, 2002. – С. 19.

На конференции Бурят-Монгольского совета по культурным делам (Бурмонсовкуд) в июне 1922 г. в с. Додо-Анинское была выдвинута идея об учреждении Бурятского ученого комитета. Из-за отсутствия финансирования в первое время удалось осуществить только подготовительные работы. 8 июня 1922 г. по постановлению конференции по культурным делам двух Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР был образован Бурятский ученый комитет (Буручком), ставший первым научным учреждением. В состав Ученого комитета вошли Б. Б. Бардин, избранный председателем, Г. Ц. Цыбиков – ученый секретарь, Д. Б. Бизияин, Г. Р. Ринчинэ, Ч. Б. Базарон, Б. Ц. Цыренжапов, П. Н. Данбинов, Д. Н. Намжилон, О. Анжуев, С. Н. Воронцов, Б.-Ц. Бадмаев. В Положении о Буручкоме определялись его основные задачи:

- научно-исследовательская работа в области монгольского языкознания;
- сбор и изучение материалов по этнической истории и культуре бурятских племен;
- содействие подготовке научных работников из среды бурят-монголов в области языка, литературы, истории и национального искусства¹.

С образованием Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. общее руководство Буручкомом и его финансовое содержание было возложено на Народный комиссариат просвещения республики. На заседании Президиума БурЦИК от 24 декабря 1923 г. было принято Положение о Бурят-Монгольском ученом комитете². Руководящим органом ученого комитета стал совет, который состоял из его действительных членов, научных сотрудников, представителей Бурятского обкома РКП(б), Наркомпроса, научного общества им. Д. Банзарова, школьного совета Бурятского областного совета просвещения.

Совет избрал президиум, который руководил текущей работой, неся ответственность за направления и результаты своей деятельности. Ядро ученого комитета составляли ученые-ориенталисты, и поэтому на заседаниях президиума заслушивались доклады по проблемам «теории и практики национально-этнической, языковой культуры монгольских народов»³. Работа ученого комитета распределялась по трем секциям: научной, учебной, издательской.

В химической лаборатории

Большое значение для деятельности Буручка имело культурно-национальное совещание, проведенное в сентябре 1926 г. по инициативе руководящих органов республики, которое обсудило доклады о культурно-национальном строительстве и языковой культуре, определило направления научно-исследовательской работы в области языка, истории и культуры бурят-монголов.

В первые годы деятельность Буручка сводилась к составлению учебников на бурятском языке и переводу с русского языка популярных брошюр по политграмоте, санитарии и сельскому хозяйству. В дальнейшем комитет создал основные фонды научной библиотеки и рукописного отдела, вел словарно-терминологическую и переводческую работу, организовал сбор материалов по языку и устному народному творчеству. Несмотря на ограниченность средств, организовывались экспедиции и командировки сотрудников. Для изучения диалектов бурятского языка в Боханский и Аларский районы была направлена лингвистическая экспедиция под руководством научного сотрудника АН СССР Н. Н. Поппе⁴. В Троицкосавском, Селенгинском, Верхнеудинском районах были проведены первые археологические экспедиции Г. П. Сосновского. Члены художественной секции П. Данбинов и Р. Мырдыгеев в 1928 г. побывали в Эгитуйском дацане для изучения дацанского искусства⁵. Выполняя решение Бурят-Монгольского культурно-национального совещания 1926 г. о согласовании

¹ Научный архив БНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 1.

² НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 76, л. 7.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 1.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 51.

⁵ Там же, д. 29, л. 30.

работы с Монгольским ученым комитетом, профессор Г. Ц. Цыбиков в 1928 г. побывал в Монголии, где принял участие в обсуждении вопросов разработки единых правил орфографии монгольского письменного языка, терминологии, издания совместных трудов и художественного строительства¹. В своей работе Буручком испытывал большие трудности, связанные с недостатком финансирования, слабой материально-технической базой, нехваткой квалифицированных кадров. Сказывалось отсутствие опыта организации научных исследований.

С деятельностью Буручка непосредственно связано учреждение в декабре 1923 г. Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова. Для организации научно-исследовательской работы были образованы 3 секции: физико-географическая, политико-экономическая и историко-этнологическая². В 1927 г. была создана секция школьного краеведения. Научное общество имело свой печатный орган – журнал «Бурятиеведение», издаваемый совместно с Бурятским ученым комитетом. Статьи и сообщения членов общества печатались в журнале «Жизнь Бурятии». Естественнонаучные изыскания усилились после I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда (Новосибирск, декабрь 1926 г.), на котором были

поставлены задачи по индустриализации Сибири и участию в этом ученых.

В Бурят-Монголии членами БМНО исследовались озера, флора, фауна, рассматривались перспективы рыбного и охотничьего хозяйства. Было проведено геолого-минералогическое обследование западных районов республики. Изучение производительных сил Бурят-Монголии – главное направление работы политико-экономической секции. Основными задачами стали исследования в области сельского хозяйства, быта и условий труда в колхозах, рынки и пути сообщения в Бурятии.

Работой членов этой секции была в основном подготовлена 1-я научная конференция по изучению производительных сил Бурят-Монголии, состоявшаяся в Ленинграде в 1934 г. Члены общества выступали с популярными лекциями, докладами о достижениях в области науки и техники, совместно с киностудией «АРС» осуществляли постановки научных фильмов для широких масс трудящихся³.

Были организованы филиалы общества в аймаках в виде краеведческих кружков, организаторами которых были просвещенцы. Такие кружки успешно работали в Боханском аймаке – Бохане и Бильчире, в Эхирит-Булагатском аймаке – Хоготе, Кударо-Бурятском хошуне Верхнеудинского уезда, в Агинске и других местах⁴. Общество развернуло значительную краеведческую работу. На 1 октября 1926 г. в нем числилось 157 действительных членов и 36 членов-соревнователей⁵. В 1930 г. общество им. Д. Банзарова было закрыто в связи с реорганизацией системы краеведческих обществ.

С 1 октября 1923 г. в ведение Бурнаркомпроса был передан Троицкосавский музей. В 1925 г. гос-

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 16.

² Там же, ф. 246, оп. 1, д. 7, л. 13.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 2.

⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 370.

⁵ НАРБ, ф. Р-246, оп. 1, д. 18, л. 34–35.

Делегаты Бурят-Монголии в перерывах между заседаниями конференции АН СССР по изучению производительных сил БМАССР

плановая комиссия БМАССР приняла постановление о признании музея учреждением, имевшим «особое общегосударственное и республиканско-областное значение», и на этом основании он был переведен на госбюджет¹. В расширении научных исследований большую роль сыграла организация в Иркутске, при Восточно-Сибирском отделении Российского географического общества (ВСОРО), бурятской секции, которая с 1926 г. стала издавать «Бурятоведческий сборник»².

С середины 1920-х гг. по заданию Советского правительства Академия наук СССР развернула планомерное изучение производительных сил союзных и автономных республик, отдельных регионов страны. Больше стало организовываться комплексных экспедиций по изучению различных районов СССР. В эти годы в Бурят-Монголию было организовано несколько крупных экспедиций: зоологического музея МГУ во главе с ученым-хранителем Б. С. Виноградовым, АН СССР – по комплексному изучению оз. Байкал, которая положила начало созданию постояннодействующей Байкальской экспедиции, ботанической экспедиции по изучению почв и растительного мира Бурятии³.

¹ Попова Е. Е., Цыбиктаров А. Д. История Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1989–1990 гг.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2003. – С. 84.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 371.

³ Мохосоев М. В., Мантатов В. В. Наука в Бурятии: история, проблемы, перспективы // Развитие науки в Бурятии. – Улан-Удэ, 1982. – С. 26.

В 1926 г. на территории Бурят-Монголии работали несколько партий Геологического комитета. С 1927 г. Академия наук начала подготовку к открытию на базе Байкальской экспедиции постоянной лимнологической станции на Байкале. Доклад Байкальской экспедиции, сделанный Ю. Г. Верещагиным на IV международном конгрессе по теоретической и прикладной лимнологии в Италии осенью 1927 г., вызвал большой интерес мировой научной общественности⁴.

В конце 1920-х гг. в республике работала археологическая экспедиция АН СССР, 2 этнолингвистических отряда Академии наук, экспедиции Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. Были широко развернуты геолого-разведочные работы, на которые только в 1930 г. было потрачено свыше 150 тыс. руб. В 1930 г. в республике работало около 30, а в 1931 г. – 46 экспедиций и изыскательских партий⁵.

Комплексные и отраслевые научные экспедиции сыграли заметную роль в развитии научно-исследовательской работы в республике. Они возглавлялись известными учеными, в их отрядах работали специалисты своего дела, участвовавшим в них сотрудникам из Бурятии было чему поучиться. Отчеты экспедиций свидетельствуют о чрезвычайно насыщенном графике работ.

Правительство БМАССР и обком ВКП(б) обратились к Правительству СССР и Академии наук СССР с просьбой рассмотреть вопрос об изучении центральными научными учреждениями природных богатств Бурятии. Это предложение было принято, и общее собрание АН СССР 7 мая 1927 г. утвердило специальное положение о комиссии для исследования Монгольской и Танну-Тувинской республик и Бурят-Монгольской АССР⁶.

СНК РСФСР в своем постановлении по отчету Правительства БМАССР от 28 июня 1928 г. предложил СНК БМАССР, Госплану и наркоматам РСФСР при составлении пятилетнего плана предусмотреть, в соответствии с директивами XV съезда ВКП(б), «всестороннее научное изучение производительных сил Бурят-Монголии и разработать развернутые мероприятия хозяйственного и культурного развития республики»⁷.

⁴ Бурятисведение. – 1926. – № 4 (8). – С. 140.

⁵ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 139.

⁶ Материалы к истории АН СССР. – М.; Л., 1950. – С. 66.

⁷ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 120, л. 121.

В апреле 1934 г. в Ленинграде состоялась конференция по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Она была организована по инициативе Академии наук и Правительства БМАССР. Конференция подвела итоги экспедиционных работ и наметила обширную программу всестороннего изучения республики, координации исследований в области изучения материально-сырьевой базы, транспорта, сельского, лесного хозяйства. Был создан комитет по изучению производительных сил Бурят-Монголии, в состав которого вошли крупные ученые страны – академики А. Н. Карпинский, В. Л. Комаров, И. П. Губкин, А. Е. Ферсман. По материалам конференции АН СССР было издано 2 тома научных трудов под названием «Проблемы Бурят-Монгольской АССР».

Частые реорганизации в структуре Буручкома, БМНО приводили к тому, что работа в них так и оставалась на организационном уровне, собственно научная работа находилась на втором плане и носила эпизодический характер. Руководство Буручкома неоднократно обращалось с докладными записками в Наркомпрос республики, БурЦИК, в которых обосновывалась необходимость создания единого центра научно-исследовательской работы¹. 12 апреля 1929 г. состоялось совещание научных работников республики, на котором главным был вопрос о реорганизации Буручкома в научно-исследовательский институт. 17 мая 1929 г. Президиум ЦИК БМАССР постановил преобразовать ученый комитет в Государственный институт культуры.

Новый институт начал свою работу в октябре 1929 г. Основной целью деятельности института культуры стало «содействие научными исследованиями социалистическому строительству в Бурят-Монгольской республике». Институт культуры состоял на бюджете БМАССР. Планы и отчеты о НИР институт представлял в СНК БМАССР. В Институт вошли отделы экономики и изучения производительных сил, лингвистики, истории и этнологии, искусствоведения, но его руководству было предоставлено право самостоятельно изменять структуру. Директор и его заместитель назначались Советом народных комиссаров и утверждались ЦИК БМАССР. Предварительно кандидатуры согласовывались в Главнауке и Наркомпросе РСФСР. Первым директором института был назначен М. П. Хабаев, заместителем – Б. Б. Барадин. Штат состоял из 20

чел., включая технический персонал. С увеличением бюджетных средств появилась возможность проводить новые экспедиционные исследования, планировать научные командировки, пополнять библиотеку научной литературой. Работа отделов и каждого сотрудника строилась по пятилетнему плану.

В 1931 г. бюро обкома ВКП(б) подвергло критике работу института культуры «за допущение извращений в разработке вопросов языка и искусства». Извращения эти выражались в «националистическом уклоне, ориентации отдельных деятелей на теократический Тибет и дореволюционную хановскую Монголию с их феодально-теократической культурой»².

Бюро обкома ВКП(б) сочло, что институт не справился с задачей централизации всей научно-исследовательской работы, и изменило его направления и структуру. Было оставлено изучение истории, языка и письменности, искусства и литературы, антирелигиозная пропаганда, создан сектор перевода марксистско-ленинской литературы на бурятский язык. Вопросы экономики были переданы в ведение организованного при Госплане Института экономических исследований.

Приоритетная роль в решении вопросов национально-культурного строительства отводилась созданию общебурятской письменности и литературного языка. Поэтому перед институтом культуры были поставлены конкретные задачи по перестройке исследовательской работы в области языкознания. Постановлением ЦИК БМАССР от 19 марта 1936 г. институт культуры был реорганизован в Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы, истории (ГИЯЛИ)³. Круг проблем, подлежащих разработке в институте, значительно сузился. За ним были оставлены лишь проблемы языка и письменности, фольклора, литературы и истории.

В связи с изменениями в структуре произошло сокращение штатов. Положение, в котором оказался институт, было в немалой степени обусловлено тем, что в республике слабо велась подготовка квалифицированных научных кадров. По представлению партийных советских органов БМАССР 10

¹ НА БНЦ СО РАН, ф. 471, оп. 1, д. 64а, л. 15.

² Сборник директив Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. – Верхнеудинск, 1932. – С. 24.

³ НА БНЦ СО РАН, ф. 471, оп. 1, д. 111, л. 1.

января 1932 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление № 33 об открытии Бурят-Монгольского агропединститута в Верхнеудинске для подготовки учителей.

Большую организационную и подготовительную работу к открытию института провел М. П. Хабаев, назначенный затем его директором. В первое время основное внимание в работе было уделено привлечению квалифицированных специалистов. Существенную помощь оказали Иркутский педагогический институт и Иркутский университет. Накануне Великой Отечественной войны коллектив института насчитывал 42 человека, из них 12 доцентов и кандидатов наук¹.

Бурят-Монголия, как аграрный регион, особенно остро нуждалась в сельскохозяйственных кадрах. В 1935 г. из состава агропединститута был выделен Бурят-Монгольский зооветинститут с двумя отделениями – зоотехническим и ветеринарным². В 1936 г. при пединституте был создан учительский институт, где по ускоренной программе готовили учителей для сельских школ. Дирекция всех трех институтов временно была общей.

Преподавательский коллектив зооветинститута имел в своем составе 7 сотрудников с учеными степенями и званиями³. Преподаватели участвовали в научной жизни республики, но в связи с большой загруженностью в учебном процессе это участие было незначительным.

Великая Отечественная война поставила перед научными учреждениями задачи рационального использования сырьевых ресурсов и внутренних возможностей республики. Основное внимание уделялось экономическим, геологическим, сельскохозяйственным исследованиям. Работы в области языка, литературы, истории значительно сократились. В институте культуры осталось 5 научных сотрудников.

Формирование советской литературы. Становление национального искусства

Несмотря на то, что Бурятия была одной из довольно отсталых окраин Российской империи, еще до революции 1917 г. Верхнеудинск превратился в культурный центр Забайкалья, имевший школы, музеи, частные библиотеки, периодические изда-

ния. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали город быстро рос, увеличивалось население, появились новые школы и гимназии, росла численность интеллигенции. Еще в дореволюционное время в Верхнеудинске был создан любительский театр, в развитии которого большую роль сыграли русские политические ссыльные, местная интеллигенция. В 1908–1914 гг. появились первые произведения бурятской драматургии, которые ставились учащимися духовной и учительской семинарий, городских училищ и школ. После Октябрьской революции распространение получила театральная армейская и улусная (сельская) самодеятельность. Постановка сатирических атеистических пьес во время молебствий производила на верующих громадное впечатление. От участников, безусловно, требовались смелость, решительность и большая убежденность в правоте своего дела. Среди авторов первых бурятских пьес были С. П. Балдаев, И. Г. Дадуев, Д.-Р. Намжилон, Б. Барадин, Х. Н. Намсараев, А. И. Шадаев.

Самыми ранними и активными очагами распространения художественной самодеятельности были Агинск, Хоринск, Кижинга, Иволга, а также бурятские аймаки Иркутской губернии. В 1917 г. Ч.-Л. Базароном и Д.-Р. Намжилоном был основан быстро завоевавший популярность у населения Агинский театр. С их именами связано развитие этого самодеятельного театра и рост его до уровня народного полупрофессионального сценического коллектива.

В рукописных журналах бурятских студентов г. Иркутска «Очин», «Дольен», «Товарищ» в 1917–1918 гг. периодически выходили стихи молодых поэтов Д. Жабона, Ц. Дашиева, М. Гордеева, А. Балдаева, П. Шодонпилова, в которых преобладали агитационно-массовые мотивы. В этот период происходило становление бурятской живописи, связанное с творчеством первых бурятских художников А. Е. Хангалова, Ц. С. Сампилова, Р. С. Мэрдыеева.

Из-за отсутствия общенациональной письменности и издательской базы, неграмотности масс наибольшее развитие получил самый доступный вид искусства – самодеятельный театр и улусная драматургия. В Иркутске десятки самодеятельных трупп из учителей, бывших студентов и учащихся учебных заведений города ставили пьесы русских классиков. В Верхнеудинске возникли новые объединения любителей: комсомольско-молодежные, профсоюзные, армейские, работал постоянный

¹ НАРБ, ф. 250, оп. 1, д. 17, л. 10.

² Там же, ф. 474, оп. 16, д. 184, л. 1.

³ Там же.

*Русский сектор
Верхнеудинских
учебных мастер-
ских Московско-
го передвижного
оргтеатра
Международно-
го Красного ста-
диона. 1928 г.*

коллектив художественной самодеятельности при областном отделе народного образования. Появились новые виды театральных представлений: спектакль-диспут, спектакль-митинг, устраивались «литературные суды» над героями драматических произведений.

Вернулись к активному творчеству Солбонэ Туя (П. Дамбинов), выпустивший первый в истории бурятской поэзии сборник стихов «Цветостепь», Д. Намжилон, написавший «Быт бурятских аршанчиков». Вышли в свет рассказы и очерки Г.-Д. Нацова, М. Трубочеева, Б. Барадина. Из произведений драматургии пользовались успехом пьесы «О бедных и богатых» А. Тороева, «Учение – свет, а неученье – тьма» И. Дадиева, «Старик Барбадай» и «Революция» Х. Намсараева. Наибольший общественный резонанс вызвали исторические драмы Б. Барадина «Чойжидхатан» и «Великая сестрица-шаманка», поставленные на сцене Агинского народного театра. В любительском театре бурят органично были соединены традиции народного творчества с приемами и принципами русского (европейского по типу) театра.

Основные задачи в области национально-культурного строительства были сформулированы на пленуме обкома ВКП(б) 25 августа 1925 г. В тезисах обкома по «культурно-национальному строительству

Бурятии»¹ отмечалось наличие различных подходов к вопросу о национальной культуре. Как и в начале века, один подход заключался в отрицании возможности развития бурятской культуры как таковой, другой отстаивал необходимость обособленного от русской и европейской культуры развития на основе традиционности. В тезисах была дана критика этих подходов и подчеркнута необходимость развития бурятской национальной культуры – языка и письменности, литературы, искусства – на основе укрепления ее социалистического содержания, путем восприятия всего передового из других культур, прежде всего культуры русского народа. В сентябре 1926 г. тезисы обкома были обсуждены на первом республиканском культурно-национальном совещании, в котором приняли участие около 90 деятелей культуры Бурятии, а также представители научных учреждений Москвы, Монголии и Восточной Сибири².

Еще в начале 1921 г. в Верхнеудинске при народном доме им. В. И. Ленина было организовано

¹ Бурятская областная организация КПСС: хроника. Кн. 1... – С. 137.

² Цыбиков Г. Ц., Барадин Б. Б., Дамбинов П. М. Материалы к 1-му культурно-национальному совещанию. – Верхнеудинск, 1926; Ербанов М. Н. Вопросы культурно-национального строительства в Бурятии: краткий очерк. – Верхнеудинск, 1926.

Первый выпуск музыкального училища. 1934 г.

товарищество драматических артистов, состоявшее из актеров-профессионалов (П. Н. Маргер-Мерецкая, Д. Д. Лельский, Лельская, Вербо и др.) и полупрофессионалов-любителей, в числе которых были учительница Е. А. Танская, инженер железной дороги Немцев-Уваров. Репертуар был довольно пестрый: от классики до развлекательных пьес.

В 1920-е гг. в Верхнеудинске гастролеровали различные театральные труппы – Ячменева, Бунчука, «Творчество». В 1927 г. прошли гастроли московского театра «Синяя блуза» и Театра революции, оказавших значительное влияние на деятельность местных молодежных коллективов «Красная рубаха». В октябре 1928 г. в Верхнеудинске гастролеровал совершенно особый театральный коллектив, оставивший большой след в культурной жизни республики – труппа оргтеатра международного Красного стадиона, возникшего в Москве в 1922 г. под руководством режиссера Е. П. Просветова.

Гастрольные выступления оргтеатра открыли для верхнеудинских зрителей малоизвестную, но чрезвычайно интересную область – советскую драматургию 1920-х гг. На подмостках жили, страдали, попадали в комические и драматические ситуации простые советские люди в комедиях В. Шкваркина «Вредный элемент», «Чужой ребенок», в пьесах А. Афиногенова «Волчья тропа» и «Малиновое варенье», В. Катаева «Квадратура круга», В. Державина

«Молодежь и любовь», С. Левитина «Приговор», А. Файко «Человек и портфель».

По просьбе городской общественности оргтеатр после завершения своих гастролей по городам Сибири возвратился в Верхнеудинск и с некоторыми перерывами провел в Бурятии сезоны 1928/29, 1930/31 и 1932 гг. Это был первый профессиональный стационарный театр в Верхнеудинске, отвечавший требованиям времени. С деятельности оргтеатра началась история Русского драматического театра в Бурятии.

Директором русского театра был режиссер А. В. Миронский, художественными руководителями – А. Е. Ларионов, затем Л. Ицков. В труппе работали

талантливые актеры Е. Г. Перевалова, Е. Н. Ноздрин, В. А. Закатов, П. Р. Гофман, Л. И. Каверин. В 1937 г. целый выпуск актерского отделения Ленинградского театрального института вошел в творческий состав театра, среди них актеры, затем долго проработавшие в Улан-Удэ, – К. М. Жуков, В. С. Гусев. Репертуар театра был разнообразным и интересным.

В 1928 г. в Верхнеудинске была организована бурятская театральная студия, в 1930 г. на ее основе – техникум искусств с 4 отделениями – музыкальным, театральным, литературным и художественным. Техникум стал настоящей кузницей национальных кадров. Среди его выпускников были артисты, режиссеры, композиторы и драматурги: М. Шамбуева, Н. Балдано, Г. Цыдынжапов, Н. Гендунова, М. Степанова, Б. Ямпиллов, Д. Аюшеев, Ж. Батуев и др.

На основе решения обкома ВКП(б) и правительства республики 3 июня 1932 г. вышло постановление коллегии Наркомпроса об организации в Верхнеудинске Бурят-Монгольского государственного театра, имевшего в основном драматическо-музыкальное направление¹. Приказом Наркомпроса директором и художественным руководителем театра был назначен заведующий театральным отделе-

¹ НАРБ, ф. 471, оп. 7, д. 1, л. 1.

Конференция писателей БМАССР. В президиуме М. Н. Ербанов. 1930-е гг.

нием техникума искусств режиссер М. В. Хаптагаев, который подготовил с выпускниками к открытию театра спектакль «Прорыв» по пьесе Н. Балдано. Этим спектаклем театр был открыт 7 июля 1932 г.

Весной 1933 г. Наркомпрос РСФСР направил в Верхнеудинск для оказания помощи бурятскому театру выпускников режиссерского факультета ГИТИС А. В. Африканова и С. А. Бенкендорфа, учившихся режиссерскому мастерству у Б. М. Сушкевича и внесших впоследствии большой вклад в развитие культуры Бурятии.

Начало деятельности театра было сопряжено с преодолением громадных трудностей: слабая материальная база, отсутствие полноценных национальных пьес, квалифицированной режиссуры. В репертуар были включены пьесы, вошедшие в историю театра. Это «Рычи, Китай!» С. Третьякова, «Барьеры» А. Шадаева и А. Миронского, «Мэргэн» А. Шадаева, «Один из многих» Н. Балдано, «Сэсэгма» Ж. Тумунова. Ставились произведения русской и советской драматургии, мировой классики. В этот период проявились яркие актерские дарования Н. Гендуновой, Ч. Генинова, Ж. Иванова, В. Халматова, М. Степановой, Ю. Шангиной, Ж. Пагбаина,

Н. Балдано, У. Болдоновой. Профессиональная режиссура пришла в театр с М. Шамбуевой. Ее постановки отличала сценическая культура и чистота, завершенность формы, продуманность и слаженность всех частей спектакля. М. Шамбуева обладала большой творческой фантазией, импровизаторским даром и наряду с этим остро ощущала внутреннюю форму постановки.

В сезоне 1945/46 г. драматическая труппа музыкально-драматического театра пополнилась вернувшимися с Великой Отечественной войны актерами Г. Ф. Лосевым, А. И. Баженовым, Д. Д. Дондуковым, Ж. И. Ивановым, М. М. Машаровым, Р. С. Рабсаловым, С. И. Ринчиновым. В оперной труппе театра работали приехавшие из других городов России певцы Г. Бенеманская, Д. Кириченко, С. Орлова-Оксенбург, Н. Сычев, В. Ткаченко, А. Тыричев, К. Яровицын.

Развитие национального театра было сложным и противоречивым. В театральной критике шли острые дискуссии о роли и месте национального искусства, новаторстве, взаимосвязи с жизнью. Успешной работе бурятского театра способствовала деятельность творческого коллектива Русского дра-

матического театра, оказывавшего влияние на культурную жизнь города.

В июне 1938 г. решением Правительства БМАССР был открыт Республиканский колхозно-совхозный театр, призванный нести искусство в сельские районы республики. В его труппу входили выпускники театрально-музыкального училища Ц. Дарижапов, Б. Вампилов, И. Миронов, Д. Дагбаева, Ц.-Д. Балданов, Т. Гергесова, С. Балданов. Кроме них в труппу вошли одаренные представители художественной самодеятельности. Театр открылся спектаклем «Мэргэн» А. Шадаева в постановке М. Шамбуевой.

В конце 1938 г. в Улан-Удэ открылась Государственная филармония с симфоническим оркестром, а через год был организован оркестр бурятских народных инструментов и хоровой коллектив. Музыканты средней квалификации готовились местным театрально-музыкальным училищем, наиболее способная молодежь направлялась для дальнейшего обучения в музыкальные вузы страны. В 1938 г. на композиторском отделении Свердловской консерватории по классу профессора М. П. Фролова обучались Д. Д. Аюшеев и Б. Б. Ямпилов.

Почти сразу же после образования республики решение вопросов развития литературы и искусства было поставлено на государственный уровень. Еще в 1924 г. для этого был создан специальный государственный орган – театральное бюро, реорганизованное затем в художественное бюро при политпросотделе Наркомпроса БМАССР. В задачи бюро входило выявление и поддержка литературных дарований и сбор произведений национального искусства. В конце 1925 г. при Буручкеме была создана художественная секция, сыгравшая особую роль в становлении бурятской литературы и раскрытии творческого потенциала народа. При секции были организованы репертуарный совет, обсуждавший новые произведения, и литературный кружок, призванный способствовать росту литературно-творческих сил.

В октябре 1926 г. была создана писательская группа с двумя секциями – русской и бурятской, которая вошла в Сибирский союз писателей, а в 1927 г. – Бурят-Монгольское отделение Сибирского союза писателей, положившее начало образованию Бурятской ассоциации пролетарских писателей, ставшей своеобразным центром нарождавшейся профессиональной бурятской литературы.

Огромное влияние на формирование и становление художественной интеллигенции оказало постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», с воодушевлением воспринятое художественной интеллигенцией, которая видела в нем «важнейшее условие свободного художественного творчества и преодоление негативных сторон рапповщины»¹. В постановлении отмечалось, что в условиях НЭП, когда кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства. В новой обстановке, когда «на рубеже 1920–1930-х гг. произошли существенные сдвиги в политических и идейно-мировоззренческих взглядах и настроениях дореволюционной художественной интеллигенции»², подавляющая часть которой приняла новый строй, когда появились писатели и художники, рожденные периодом социалистического строительства, рамки существовавших пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАПМ и др.) стали тормозом для дальнейшего роста художественного творчества. Появилась «опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству»³.

Всего к началу 1930-х гг. в стране существовало около 40 различных литературно-художественных групп, ассоциаций и объединений. Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановил: «...объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем»⁴. Для помощи

¹ Ермаков В. Т. Формирование творческих организаций художественной интеллигенции в СССР (октябрь 1917 – конец 30-х гг.) // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР. – М., 1987. – С. 105.

² Там же, с. 100.

³ О перестройке литературно-художественных организаций: постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5 ... – С. 408.

⁴ Там же, с. 100.

Объединенный пленум правлений Восточно-Сибирского и Бурят-Монгольского отделений Союза советских писателей

писателям национальных республик были посланы литбригады. В Бурятию прибыла литбригада всесоюзного оргкомитета в составе писателей С. Станде, С. Вельтман, А. Тарасова, В. Яснева.

На основании постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. было решено реорганизовать Бурятскую ассоциацию пролетарских писателей в единый Союз писателей и художников Бурятии. 27 мая 1932 г. бюро обкома ВКП(б) приняло решение «организовать в Бурят-Монголии единый Союз писателей и художественных работников во главе с коммунистической фракцией, обеспечивающей общественную организацию творческих сил Бурят-Монголии и втягивающей в ряды работников искусства широкие слои рабочих и колхозных масс и советской художественной интеллигенции»¹.

10 мая 1933 г. был создан оргкомитет писателей республики в составе Ц. Дондубона (Ц. Дона), С. Ширабона, Х. Намсараева, Д. Хилтухина, И. Мадасона, Д. Дашинамаева, С. Ковалева. 29 марта 1934 г. в Верхнеудинске открылся I республиканский съезд бурятских писателей, который подвел итоги развития бурятской литературы за годы советской власти. На съезде развернулись оживленные прения по таким вопросам, как создание национального литературного языка, подготовка литературных кадров, использование художественного наследия прошлого, развитие метода соцреализма в бурятской советской литературе. Съезд избрал руководящие органы Союза писателей Бурятии. Председателем правления был избран И. Дампилон, ответственным секретарем – С. Ширабон. Делегатами на I Всесоюзный съезд писателей были избраны С. Ширабон, Солбонэ Туя и Е. Хоринская (Котлицкая).

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 199, л. 46.

Заклучительный спектакль Декады литературы и искусства БМАССР в Москве. 1940 г.

17 августа – 1 сентября 1934 г. на I Всесоюзном писательском съезде в Москве был создан Союз советских писателей, что, по существу, означало создание «приводного ремня» в сталинском понимании

Первая декада литературы и искусства БМАССР в Москве. 1940 г.

этого термина. Выступивший на съезде один из партийных руководителей того времени А. А. Жданов изложил тезисы, в которых в качестве «основного метода» советской литературы был принят социалистический реализм, способ творчества, в котором описание действительности дается не просто как описание «объективной реальности», а изображается «в ее революционном развитии» и должно «сочетаться с задачей переделки и воспитания трудящихся в духе социализма». Метод соцреализма был зафиксирован в принятом на съезде уставе Союза советских писателей. Позже он был записан в уставах всех творческих союзов. В уставе Союза композиторов СССР было записано: «Глубоко овладевая марксистско-ленинской теорией, вооружающей художника умением видеть подлинную правду жизни, советские композиторы руководствуются в своем творчестве методом социалистического реализма»¹. В 1932 г. были созданы Союз композиторов и Союз архитекторов СССР, а в 1939 г. – Союз художников.

При Наркомпросе БМАССР в 1932 г. была организована «художественно-производственная студия в составе 10 работников. В задачи студии включались содействие, организация, развитие изобразительных и прикладных искусств в республике»². В 1933 г., когда основные линии в развитии молодого изобразительного искусства Бурятии определились достаточно четко, был создан Союз художников. Активную роль в его создании сыграли Р. С. Мэрдыеев, Ц. С. Сампилов, Г. Е. Павлов, Ф. И. Балдаев. Председателем был избран Г. Е. Павлов, ответственным секретарем – Р. С. Мэрдыеев³.

К 1940 г. в основном завершился процесс становления бурятской советской литературы и искусства. Именно в это время было принято решение Советского правительства о проведении в октябре 1940 г. в Москве Декады искусства БМАССР.

В подготовке к показу достижений национальной культуры приняло участие большое количество людей. Всего по республике прошло 20 районных смотров художественной самодеятельности с участием 1500 человек. Лучшие исполнители и коллективы были отобраны для участия в декаде. Ониполнили состав хора и балета театра, вошли в оркестр народных инструментов и хор государствен-

¹ Устав Союза композиторов СССР. – М., 1970. – С. 3.

² НАРБ, ф. 248, оп. 1, д. 854, л. 48.

³ Там же, ф. 248, оп. 4, д. 8, л. 108.

Опера «Энхэ-Булат батор» на московской сцене. 1940 г.

ной филармонии. Тридцать народных умельцев объединились для организации декадной выставки художественных народных ремесел. Самостоятельные творческие коллективы представили семейский

Союз художников БМАССР. 1930-е гг.

колхозный хор из с. Большой Куналей Тарбагатайского аймака, эвенкийский и детский ансамбли Улан-Удэнского дома пионеров.

Первый секретарь обкома партии С.Д. Игнатьев и начальник Управления по делам искусств СНК БМАССР Г. Ц. Бельгаев побывали в Киргизии для ознакомления с опытом проведения киргизской декады. В сжатые сроки готовился театральный репертуар, были приглашены консультанты, педагоги-вокалисты, хормейстеры, балетмейстеры, дирижеры, художники, скульпторы-декораторы. Для отбора будущих участников декады в районы выезжали П. М. Берлинский, В. И. Морошкин, Б. Б. Ямпиров, М. С. Арсеньев, М. А. Ермаков.

К декаде были подготовлены новые спектакли, получившие высокую оценку столичного зрителя. Первая бурятская опера «Энхэ-Булат-батор» (либр. Н. Балдано, муз. М. Фролова), лирическая комедия «Эржэн» (либр. Н. Балдано и М. Эделя, муз. В. Морошкина) о дружбе русского и бурятского народов и музыкальная драма «Баир» А. Шадаева и Г. Цыдынжапова (муз. П. Берлинского), написанная по мотивам произведений устного народного творчества, – этапные произведения бурятского театрального искусства.

Успех декады обусловил дальнейший культурный подъем в республике. Участники ее стали настоящими «звездами» в нынешнем понимании этого слова. В своих мемуарах народный артист России Петр Николаев отмечал, что «первая декада – явление неповторимое, и роль ее в развитии нашего искусства совершенно особая»¹.

Здравоохранение

С установлением советской власти в Бурятии и образованием Бурят-Монгольской автономной республики 30 мая 1923 г. приказом Бурревкома от 1 августа 1923 г. был создан Бурят-Монгольский народный комиссариат здравоохранения с 3 самостоятельными отделами – Прибайкальским, Сибирским и Дальневосточным. В Бурнаркомздрав входили 12 больниц на 240 коек, 21 врачебный участок с амбулаторией, 38 фельдшерских пунктов, 4 аптеки, аптечный склад, дом матери и ребенка, кумысолечебный санаторий. Медицинский персонал состоял из 23 врачей, 58 фельдшеров, 10 фельдшериц-акушеров и 8 медицинских сестер. Один участковый врач приходился в среднем на

¹ Николаев П. Н. Монолог перед занавесом... – С. 59.

34483 чел., одна больничная койка – на 2700 чел. сельского населения¹.

До организации Бурнаркомздрава в городах республики существовало всего 5 больниц: лазарет Красного Креста, железнодорожная и городская гражданская больницы в Верхнеудинске, Кяхтинская и Баргузинская городские больницы. Бюджет Наркомздрава БМАССР на 1923 г. составлял 335673 руб., из них 233253 – республиканский и 102419 руб. – местный (аймачный, колхозный)².

Народный комиссариат здравоохранения во главе с его первым наркомом А.Т. Трубочевым с самого начала уделял основное внимание укреплению профилактической медицины и расширению и оснащению санитарно-профилактических учреждений. Уже к концу 1923 – 1-й половине 1924 г. удалось добиться резкого снижения заболеваемости паразитарными тифами, детскими инфекциями и натуральной оспой.

Наряду с противоэпидемическими работами необходимо было создать сеть лечебно-профилактических учреждений в аймаках и городах, оснастить их медицинским оборудованием и укомплектовать кадрами врачей и среднего медперсонала. К концу 1924 г. сеть сельских медицинских учреждений была значительно расширена: число врачебных участков увеличено с 21 до 27, участков больниц – с 11 до 18, на селе работало 25 врачей вместо 13 и 78 чел. среднего медицинского персонала³. Бесплатная медицинская помощь стала повсеместной. Особое внимание обращалось на скорейшее оснащение и комплектование лечебно-профилактических учреждений для борьбы с трахомой, туберкулезом, венерическими и другими социальными болезнями, организацию широкой экспедиционно-обследовательской работы среди населения.

К 1920-м гг. проблема социальных болезней среди национальных меньшинств России приобрела такой масштаб, что Советское государство начало предпринимать «централизованные меры по ликвидации этого опасного явления»⁴. Социальная патология населения изучалась отдельными научными работниками и целыми экспедициями. 25 мая 1928 г.

Персонал кумысолечебницы на Верхней Березовке

В рентгенкабинете

¹ НАРБ, ф. 475, оп. 9, д. 5, л. 9.

² Там же, л. 216.

³ Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2 ... – С. 276.

⁴ Проект комиссии по вопросам здравоохранения среди национальных меньшинств // ГАРФ, ф. А-482, оп. 19, д. 44, л. 3.

в г. Верхнеудинск для борьбы с эндемическим сифилисом прибыла совместная советско-германская медицинская экспедиция¹. В начале июня 1928 г. экспедиция побывала в селе Кульск Хоринского аймака БМАССР для предварительного осмотра. В 1926 и 1929 гг. провела исследовательскую работу экспедиция Государственного венерологического института им. В. М. Броннера, а в 1930 г. в Аларском аймаке побывала экспедиция Государственного туберкулезного института Наркомздрава РСФСР². Материалы экспедиций послужили основой для планирования социально-экономических и лечебно-профилактических мероприятий, направленных на охрану и укрепление здоровья населения.

Проводилась работа по охране здоровья детей, подростков и женщин-матерей. Естественный прирост бурятского населения был почти в 7 раз ниже русского³. Это было обусловлено, в первую очередь, высокой детской смертностью: у детей первого года жизни по отдельным аймакам с бурятским населением она доходила до 50 %⁴. В Верхнеудинске были открыты дом матери и ребенка, женские консультации, детский кабинет. В школах города и 4 крупных аймаков были введены должности врачей, а в остальных аймаках работа по оздоровлению детей и подростков была возложена по совместительству на врачей общемедицинской сети.

Органы здравоохранения проводили большую организационную работу по созданию в республике курортов. С 1921 по 1923 г. на территории республики работали небольшие курорты местного значения: Горячинск с термальной водой, Гаргинский углекислый термальный источник, Аршан с углекислыми источниками, Нилова Пустынь с радиоактивной термальной водой.

В начале 1924 г. Совнарком БМАССР постановлением «О лечебных местностях» отдал в распоряжение Бурнаркомздрава все местные лечебные курорты. В этом же году за счет бюджета были развернуты сезонные курорты Аршан и Горячинск. Курорты Нилова Пустынь и Гаргинский источник были отданы в ведение аймачных отделов здраво-

охранения, началась организация работы грязелечебницы на соленом озере Киран в Троицкосавском аймаке. В первый год своего существования Бурнаркомздрав расширил сеть аптек, которая успешно справлялась с задачей снабжения населения и лечебных учреждений медикаментами и медицинским оборудованием.

Организация сети лечебных учреждений в городах и обеспечение населения специальными видами медицинской помощи шло с большим трудом, в силу маломощности городских лечебниц, а также отсутствия врачей-специалистов. Кяхтинская и Баргузинская городские больницы были переданы в ведение аймаков. В числе городских больниц оставались лазарет Красного Креста и городская больница Верхнеудинска.

По постановлению ВЦИК РСФСР от 1 августа 1924 г. верхнеудинский лазарет Красного Креста был передан Бурнаркомздраву и на его базе организована республиканская больница на 120 коек⁵. С ее открытием значительно улучшилось оказание хирургической, терапевтической, гинекологической, акушерской и педиатрической медицинской помощи, но обеспечить прочие виды специализированной медицинской помощи она не могла. Поэтому продолжалась практика бронирования коек в больницах и клиниках других городов. По разрешению Наркомздрава РСФСР в Томской психиатрической больнице было забронировано 10 коек, в глазной клинике Иркутского университета – 5⁶. В сельской местности специализированная медицинская помощь не оказывалась, за исключением Троицкосавского аймака, где в штате больницы были хирург и терапевт. Из остальных аймаков больные, нуждавшиеся в специализированной помощи, направлялись в Верхнеудинск.

Оказание акушерской помощи в сельских местностях также было неудовлетворительным. Не на каждом врачебном участке была акушерка. В 1924 г. были организованы краткосрочные курсы повивальных сестер при республиканской больнице, выпускницы которых направлялись в село. В Верхнеудинске и Кяхте акушерскую помощь оказывали городские больницы. Начало акушерско-гинекологической службы было связано с организацией «красных юрт». Огромный вклад в становление службы

¹ Бурят-Монгольская правда. – 1928. – 27 мая.

² Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугаржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии. – Улан-Удэ, 2004. – С. 99.

³ Кубанцева М. А. К вопросу о причинах низкого прироста бурят-монгольского населения // Советская медицина Восточной Сибири. – Иркутск, 1931. – С. 4–5.

⁴ НАРБ, ф. 35, оп. 1, д. 85, л. 42.

⁵ Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугаржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии... – С. 102.

⁶ Там же, с. 108.

Сотрудники Наркомздрава. 1926 г.

внесла М. Н. Соснина, первый врач-гинеколог республики. Если в 1924 г. в Бурятии было 2 врача-гинеколога и 5 акушеров, то к 1940 г. их стало 20 и 181. Здравоохранение республики остро нуждалось в национальных кадрах, особенно акушерских и фельдшерских. Частично эту проблему решило открытие в Верхнеудинске первой фельдшерско-акушерской школы, которая сыграла огромную роль в подготовке медицинских кадров Бурятии. В 1933 г. появилась первая бурятка-врач В. К. Покровская, окончившая Иркутский мединститут¹.

К концу 1925 г. расширилась сеть медико-санитарных учреждений Бурнаркомздрава. Было положено начало организации скорой медицинской помощи при республиканской больнице, в штат которой были включены разъездные врач и сестра. Значительно увеличилось число учреждений по оздоровлению детей: открыто 11 яслей в 7 аймаках на 300 мест, в Верхнеудинске, Кяхте и Баргузине развернуты женско-детские консультации, организованы краткосрочные курсы по подготовке ясельных сестер. Для медико-санитарного контроля над школами и другими детскими коллективами были учреждены должности школьных санитарных врачей при Верхнеудинском горздраве и при санитарно-противоэпидемическом отделе Бурнаркомздрава.

В 1929 г. в республике работали 23 больницы на 555 коек и ведомственная железнодорожная. Число больниц увеличивалось в основном за счет роста сельской медицинской сети – 21 больница на 355 коек, 44 врачебные амбулатории, 18 самостоя-

тельных участковых амбулаторий. В Верхнеудинске была открыта самостоятельная женско-детская консультация, детская профилактическая амбулатория, постоянные ясли на стеклозаводе².

Расширилась сеть лечебно-профилактических учреждений по борьбе с социальными болезнями. В 1924 г. был открыт кожно-венерологический диспансер, который возглавил И. Д. Подгорный. В 1926 г. Г. А. Нагибин организовал работу противотуберкулезного диспансера³. Количество амбулаторий возросло до 42. В сельской местности было открыто 9 акушерских пунктов, что имело большое значение в

снижении материнской и детской смертности и послеродовых заболеваний. Большим достижением республики было открытие в 1930 г. Улан-Удэнского медицинского техникума, и в 1933 г. в нем обучалось уже 200 чел., из них 50 % бурят⁴.

Одним из главных показателей успешного развития медико-санитарного дела в республике стало снижение детских инфекционных болезней, трахомы и туберкулеза, значительно улучшились показатели естественного прироста населения. Если в

Профилактический осмотр в школе

² Очерки истории культуры Бурятии... – С. 277–278.

³ Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугаржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии... – С. 107.

⁴ НАРБ, ф. 665, оп. 1б, д. 5, л. 30.

¹ Здравоохранение Бурятии в лицах: 85-летию здравоохранения Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2008. – С. 56.

Послеродовая палата сельской больницы. 1923 г.

1924 г. рождаемость бурятского населения составляла 16,4 на 1000 чел., то в 1934 г. она повысилась до 31. Естественный прирост населения за этот период увеличился с 3,7 до 15,5 на 1000 чел.¹

В селе впервые было открыто 2 рентгенкабинета – в Ново-Селенгинске и Кабанске, увеличилось число медицинских работников. Если в 1933 г. в учреждениях здравоохранения республики работали 139 врачей, то в 1937 г. – 181. Благодаря успешному строительству больничных учреждений в республике, число коек к концу 2-й пятилетки увеличилось почти в 2 раза: с 860 в 1933 г. до 1651 в 1937 г.²

С первых лет образования Бурят-Монгольской республики работали педиатры В. З. Вассерман, А. Д. Дудин, М. Ф. Корягина, З. Ч. Вольф, Е. Д. Попова, Е. М. Баскакова, гинекологи М. Н. Со-снина, Н. И. Барбаков, А. П. Холопова, В. К. Покровская, С. Б. Сельверова и др.

3.7. Государственная политика по отношению к религиозным конфессиям

Революционные потрясения 1917 г. и приход к власти большевиков привели к кардинальной трансформации положения всех религиозных институтов. Законодательный массив, принятый в первые годы советской власти, был направлен на ограничение прав церкви. Декрет о земле, принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г., ликвидировал экономические привилегии церкви. 11 (24) декабря 1917 г. был издан декрет о передаче всех цер-

ковных школ в ведение Народного комиссариата просвещения. 18 (31) декабря 1917 г. была аннулирована действительность церковного брака и введен гражданский.

Основополагающим являлся декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.³, согласно которому религия объявлялась частным делом граждан. Власть предоставляла гражданам право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Декрет лишал церковь всего имущества, движимого и недвижимого, и права владеть им. Церковные и религиозные организации становились чисто общественными (частными обществами).

В апреле 1918 г. в Народном комиссариате юстиции РСФСР была создана «ликвидационная» комиссия (позднее – VIII отдел) по реализации декрета об отделении церкви от государства. Все имущество переходило в ведение местных Советов⁴. VIII отдел в 1920–1921 гг. подготовил и выслал на места более 450 разъяснений и распоряжений по различным вопросам претворения декрета в жизнь.

Основополагающие положения декрета об отделении церкви от государства вошли в Конституцию РСФСР, принятую в июле 1918 г. При этом государство еще не запрещало религиозную пропаганду, вместе с тем служители культа были лишены избирательных прав. Период 1917–1922 гг. в истории Бурятии характеризовался перманентной сменой власти и политических режимов, постоянными административно-территориальными трансформациями, что, естественно, сказывалось на положении религиозных институтов. Практическая реализация законодательных актов советской власти по отношению к религиозным конфессиям на территории Бурятии началась с образованием Бурят-Монгольских автономных областей в составе ДВР и РСФСР⁵.

На территории Бурятии были представлены все основные религиозные конфессии, не считая сект, обществ и групп верующих различного толка (табл. 8).

³ 21 января 1918 г. декрет был обнародован в «Известиях ВЦИК РСФСР» под названием «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах».

⁴ НАРБ, ф. Р-60, оп. 1, д. 19, л. 1.

⁵ Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). – Улан-Удэ, 2000. – С. 41–42.

¹ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 279.

² Здравоохранение Бурятии в лицах... – С. 59.

Таблица 8

Религиозные конфессии Бурятии (данные на 1922 г.)

Вероисповедание	Религиозные объединения	Здания культа	Верующие	Служители культа
Православное	211	154	83234	137
Буддийское	46	46	77830	7419
Старообрядческое	81	81	22700	81
Иудейское	7	7	460	7
Магометанское	6	5	389	6
Евангел. христ.	5	5	91	5
Римско-катол.	1	1	80	1
Итого	357	299	184784	7656

Сост. по: ГАРФ, ф. р-5263, оп. 1, д. 130, л. 53–54, 59–60.

Самой крупной и многочисленной конфессией было православие. Православные приходы Бурятии входили в состав Иркутской и Забайкальской епархий. По епархиям православные приходы делились на благочиннические округа во главе с благочинными. Православные приходы Бурятии были объединены в Верхнеудинское, Джидинское, Мысовское, Троицкосавское благочиния Забайкальской епархии¹, благочиние Тункинских миссионерских церквей, православные приходы Боханского, Аларского, Эхирит-Булагатского аймаков относились к Иркутской епархии².

Следующей по числу верующих была буддийская конфессия. Распределение дацанов по республике было неравномерным. На восточную ее часть приходилось 38 дацанов, а на западную – 6, т. е. основная масса дацанов была сосредоточена в восточных аймаках, наиболее крупными среди которых были Агинский, Анинский, Цугольский, Ацагатский, Цолгинский, Гусиноозерский и др.

Конфессиональной группой, делившейся на два основных направления – признающих необходимость духовенства (поповщина) и отрицающих необходимость духовенства (беспоповщина), были старообрядческие общины. Религиозной жизнью старообрядцев руководили уставщики и начетчики. Приходы входили в состав Иркутской и Амурской и всего Дальнего Востока старообрядческой епархии

(1911 г.), епископом которой был рукоположен о. Иосиф³.

Центры мусульманского, иудейского и римско-католического вероисповедания располагались в местах компактного проживания евреев, татар и поляков. Крупным религиозным центром был Верхнеудинск, где имелись синагога, мечеть и костел.

На территории Бурятии репрессивные меры коснулись священнослужителей, относящихся враждебно к советской власти, после отступления войск А. В. Колчака и атамана Г. М. Семенова. Продвижение партизанских отрядов по территории Забайкалья было отмечено репрессивными мерами по отношению к духовенству. Это стало причиной эмиграции в Китай и Монголию многих священников, выражавших лояльность по отношению к белым правительствам.

В середине 1921 г. в Чите был образован Центральный дальневосточный комитет по оказанию помощи голодающим Советской России, в подчинении которого находились Амурский, Бурят-Монгольский, Забайкальский, Приамурский, Прибайкальский комитеты общественных организаций⁴. В комитеты входили представители религиозных конфессий, в Бурят-Монгольский комитет Помгола – уполномоченный от буддийского духовенства, а в состав аймачных комитетов – представители

¹ ГАЗК, ф. Р-422, оп. 1, д. 12, л. 42–43.

² ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 14, л. 4.

³ Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 2007. – С. 51.

⁴ ГАЗК, ф. 1039, оп. 1, д. 131, л. 11.

дацанов, по одному от каждого. В Троицкосавский уездный комитет Помгола от Троицкой Покровской общины был избран уполномоченный прихожанин А. М. Виноградов, от Успенской кладбищенской церкви – протоиерей И. Казаков, от мусульманского общества – Сеймбурханов, от еврейской общины – Наговский. В Прибайкальский губернский комитет входили от еврейской общины – Д. Я. Столпер, православного духовенства – Тарасов, мусульманского общества – Еникеев¹.

К 9 ноября 1921 г. ширетуюем Гыгетуйского дацана было собрано 209 руб. 94 коп. советскими деньгами, 2 руб. 10 коп. серебром, 6 пудов 11,5 фунта мяса, 7 фунтов масла, 29 пудов 36 фунтов хлебом, 1 шуба; ширетуюем Сартольского дацана – 110 руб. советскими деньгами, 10 руб. серебром, 7 пудов 10 фунта ярицы, 1 пара унтов². Верующие передавали также церковную утварь и имущество, не имевшие богослужебного употребления. Доля церквей г. Верхнеудинска, согласно отчету Прибайкальского губкома Помгола, составила 183 руб. 55 коп. наличными и 703 руб. 95 коп. товарами и продуктами.

Деятельность священнослужителей, особенно буддийского духовенства, направленная на помощь голодающим, была отмечена государственными органами. 23 августа 1922 г. президиумом ЦДВК была выражена глубокая благодарность от имени голодающих русских, татар, калмыков и других народностей ширетуй-ламе Цугольского дацана Б. Николаеву, ширетуй-ламе Агинского дацана В. Жамцарано, ламам Цугольского дацана Ж. Лютневу и Д. Данзанову³.

С 1923 г. в Бурятии началась регистрация религиозных обществ, «не преследующих целей извлечения прибыли»: 5 июля – религиозное общество при Спасской церкви г. Верхнеудинска; 2 августа 1923 г. – Верхнеудинская еврейская религиозная община; 3 августа – религиозные общества при Верхнеудинском Одигитриевском соборе и при Михайло-Архангельской церкви, а также Верхнеудинское мусульманское религиозное общество; 18 января 1924 г. – католическое общество г. Верхнеудинска⁴. Регистрация старообрядческих общин началась с 1926 г.

Политика местных властей по отношению к буддийской конфессии определялась общими установками центра по антирелигиозной борьбе с учетом особенностей региона. Следующим шагом государства была попытка обновленческого раскола. В Бурятии эта кампания проявилась в основных конфессиях – православии и буддизме.

После создания в Москве Высшего церковного управления (ВЦУ) на местах были организованы аналогичные церковные управления. Ввиду особых географических условий Сибири, 2 июня 1922 г. было образовано самостоятельное Сибирское церковное управление с центром в г. Томске. В Забайкалье начало обновленческому расколу было положено после прибытия весной 1923 г. архиепископа М. Орлова и создания под его председательством Забайкальского губернского церковного управления⁵. Архиепископ Михаил созвал в Чите руководителей благочинных округов и раздал им свое управление с запретом поминать на богослужениях патриарха Тихона как лишенного церковного сана. Многие священнослужители со своими приходами подчинились решению церковного управления, тем самым перейдя в обновленчество.

В Бурятии крупными центрами обновленчества стали Верхнеудинский уезд, Баргузинский и Троицкосавский аймаки. В Верхнеудинске обновленчество было представлено Одигитриевским собором, Спасской и Вознесенской церквями. В Троицкосавске обновленцам принадлежали Свято-Троицкий собор во главе с епископом Г. Георгиевским, являвшимся с декабря 1922 г. уполномоченным Иркутского епархиального церковного совета по делу обновления, Покровская Никольская церковь, Тихвинская церковь в с. Усть-Кяхта, Ново-Селенгинский Вознесенский собор и др. В Баргузинском аймаке было образовано уездное церковное управление во главе с протоиереем Г. Кузнецовым, в подчинении которого находилось 14 приходов: Баргузинский Спасо-Преображенский собор, Телятниковская, Туркинская, Читканская Христорождественская, Сувинская Николаевская, Бодонская, Башаровская, Курумканская, Улюнская и другие церкви⁶.

Созданный в августе 1923 г. Священный синод Российской православной церкви разделил свои приходы на церковные управления в соответствии

¹ ГАЗК, ф. Р-510, оп. 1, д. 23, л. 24, 117, 127; ф. 1039, оп. 1, д. 14, л. 59.

² НАРБ, ф. 257, оп. 1, д. 7, л. 13, 18.

³ ГАЗК, ф. 1039, оп. 1, д. 136, л. 19, 152.

⁴ НАРБ, ф. Р-475, оп. 2, л. 20–22.

⁵ ГАЗК, ф. Р-422, оп. 1, д. 12, л. 5.

⁶ ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 114, л. 49, 173–174, 68.

с гражданским районированием. На территории Бурятии в 1924–1925 гг. шел организационный процесс создания самостоятельной обновленческой Верхнеудинской (Бурят-Монгольской) епархии во главе с Г. Асташевским. С 1926 г. в православных приходах Бурятии началось восстановление патриаршей церкви «после живистского погрома».

В 1928 г. новым правящим обновленческой Верхнеудинской (Бурят-Монгольской) епархии был назначен архиепископ Сретенский и Нерчинский В. Макушев. Был проведен епархиальный съезд обновленцев духовенства и мирян с 3 по 6 октября 1929 г.¹ Но к концу 1920-х гг. обновленческий раскол утратил привлекательность для православного населения, страдавшего от антицерковной политики. Усилился отток прихожан в патриаршую церковь, ряды обновленцев стали быстро сокращаться.

Для буддийской конфессии начало острой борьбы между консерваторами и обновленцами относится ко времени проведения I духовного съезда буддистов Бурят-Монгольских автономных областей ДВР и РСФСР 15 октября 1922 г. Был создан центральный орган административного управления Бурятии – Центральный духовный совет (ЦДС) во главе с хамбо-ламой, которому предстояло «сменить власть» во всех дацанах – избрать хидские советы, кампания выборов в которые проходила в 1923–1924 гг.

С 1923 г. обновленцы пытались провести в жизнь реформу буддийской церкви, согласно принятым на съезде документам. Именно проведение реформы явилось причиной раскола духовенства и мирян на два враждебных лагеря, в основе которого лежало не только отношение к советской власти, но и модернизация религиозных догматов, приспособление к изменившейся идеологии общества.

17 декабря 1925 г. было принято постановление № 221 ЦИК и СНК БМАССР о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви². Эта задержка объяснялась поисками особых форм применения советского законодательства РСФСР по отношению к религии в специфических условиях Бурятии. Большинство пунктов постановления определяло правовое положение буддийского вероисповедания, однако основные положения постановления распространялись на все конфессии.

Сугунды. 1925 г.

В 1925 г. в БМАССР для контроля и определения политики в отношении всех религиозных объединений республики, а также ведения антирелигиозной пропаганды при Бурбюро РКП(б) была создана комиссия по религиозным вопросам, утвержденная постановлением бюро обкома РКП(б) от 8 декабря 1925 г. Основными задачами комиссии были проработка, руководство и контроль за всеми мероприятиями по исполнению декрета об отделении церкви от государства. 25 декабря 1925 г. постановлением бюро обкома РКП(б) были учреждены аналогичные комиссии по религиозным вопросам при аймачных комитетах.

Борьба между обновленцами и консерваторами в буддийской конфессии обострилась в 1925–1927 гг. В этот период состоялся II буддийский собор Бурят-Монголии (20–31 декабря 1925 г.), который по своему представительству был обновленческим, фото 1925 Сугунды т. к. из 74 членов (58 лам и 16 мирян) от 40 дацанов БМАССР консерваторов было 21 чел. (18 лам и 3 мирянина), а обновленцев – 53 чел. (40 лам и 13 мирян). Лидерами обновленцев были А. Доржиев, состоявший в личном штате далай-ламы, хамбо-лама Ч. Иролтуев, Д. Мункожалов, Д. Дагбаев и др. Консерваторами считались бывший хоринский тайша Э. Вамбоцыренов, Д. Бадмаев, ширетуй Янгажинского дацана А. Гармаев, ширетуй Кижингинского дацана Ж. Залаев, Б. Найданов³.

В 1926–1928 гг. проводится национализация дацанов, и борьба между обновленцами и консерваторами резко обостряется. В августе 1928 г. проходит III собор буддистов Бурят-Монголии, на котором

¹ ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 110, л. 79, 183.

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 1, д. 189, л. 39.

³ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 657, л. 111, 82–83.

подводятся итоги обновленческой реформы: образованы хидские советы, дацаны переданы в большинстве случаев обновленцам. В итоге многие духовные лица приняли обновленчество формально, ради своих интересов, не признавая его существа, а то и вообще оставаясь безразличными к проведению реформы.

Стержнем, на который приходился основной объем пропагандистской антирелигиозной работы, стала общественная организация «союз безбожников» (1925 г.). Областной совет безбожников Бурятии был организован в Верхнеудинске 2 декабря 1926 г. и ставил задачей объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее видах и формах. В БМАССР в 1928 г. насчитывалось 23 ячейки общей численностью 928 чел. Содержание облсоюза обходилось государству примерно в 20 тыс. руб. в год¹. Рубеж 1920–1930-х гг. стал коренным переломом в истории страны, что естественным образом отразилось на взаимоотношениях государства и церкви. Антирелигиозная кампания стала составной частью программы, направленной на осуществление массовой

коллективизации, главным препятствием которой объявлялись религиозные институты. Основным правовым актом, конкретизирующим и регламентирующим деятельность религиозных институтов, стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», действовавшее, кстати, до 1990 г.

В 1935 г. было закрыто 23 православных храма, 16 часовен и 6 молитвенных домов, 6 дацанов (Цугольский, Эгитуйский, Тарбагатайский, Ацагатский, Окинский, Урда-Аймацкий); в 1936 г. – Погромнинская православная церковь, Старо-Брянская Пророко-Ильинская церковь, Кутуликская православная церковь Аларского аймака, Благовещенская церковь с. Талое Тункинского аймака и др.; 4 дацана (Кыренский, Иройский, Хандагатайский, Балтомурский), была взорвана Спасская церковь². По данным на 23 февраля 1937 г., на территории Бурятии оставалось 14 дацанов, из них на 5 дацанов оформлялись материалы на закрытие, 29 православных церквей, из них на 4 оформлялись материалы для закрытия, 20 старообрядческих молитвенных домов, 2 еврейские синагоги, 1 мусульманская мечеть³ (табл. 9).

Таблица 9

Религиозные объединения БМАССР

	1922 г.		1930 г.		1935 г.	
	религ. объединений	зданий культа	действ. религ. обществ	действ. зданий культа	религ. обществ	зданий культа
Православное	211	154	172	115	81	97
Буддийское	46	46	43	43	27	30
Старообрядческое	81	81	81	81	18	21
Католическое	1	1	–	–	–	–
Мусульманское	6	5	5	4	1	1
Иудейское	7	7	4	4	1	1
Итого	357	299	305	247	129	151

Сост. по: ГАРФ, ф. Р-5263, оп. 1, д. 130, л. 59–60; НАРБ, ф. Р-248, оп. 3, д. 30, л. 28.

В 1938 г. Президиум Верховного Совета БМАССР утвердил решения о закрытии 17 православных церквей, 7 старообрядческих церквей и молитвенных домов, еврейской синагоги в Баргузине, Чесанского да-

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 3, д. 31, 145, 150, 151, 155, 170, 177, 179, 183, 185, 202; Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: энц. спр-к. – Улан-Удэ, 2001.

³ Шагдуров Ю. П. Государство и религиозные конфессии Бурятии в 1920–1930 гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1998. – С. 80.

¹ НАРБ, ф. Р-581, оп. 1, д. 3, л. 140.

Первый республиканский съезд Союза безбожников БМАССР. 21–27 февраля 1929 г.

цана и Шелутаевского дугана в Хоринском аймаке. В 1939 г. был принят указ Президиума Верховного Совета БМАССР о закрытии татарской мечети, расположенной на территории Боханского аймака, на участке Мальта – Тараса, «по просьбе верующих – 13 чел.». В 1940 г. были закрыты старообрядческая церковь в с. Окино-Ключи, 2 молитвенных дома в с. Бичура, православная Улан-Удэнская Троицкая церковь, еврейская синагога в пос. Зауда Пригородного района г. Улан-Удэ¹. В результате к концу 1940 г. на территории республики не было ни одного действующего здания культа.

Закрытые молитвенные здания передавались в так называемое «безвозмездное пользование государству и народу», создавались особые комиссии «на предмет определения возможности и целесообразности использования означенных зданий и установления необходимых для этого ремонтных работ». В Верхнеудинске Николаевский храм был передан под железнодорожную библиотеку, Вознесенский храм – под столовую общественного питания рабочих и служащих кожзавода, Одигитриевский собор – под временные курсы стройкадров (с 1934 г. – антирелигиозный музей), Иннокентьевская часовня – под столовую общественного питания, еврейская синагога – под национальную школу, римско-католический костел – под столовую обще-

ственного питания рабочих и служащих водного транспорта, Покровская церковь в Эхирит-Булагатском аймаке – под избу-читальню, Баяндаевская Михаило-Архангельская и Новониколаевская церкви – под клубы; Кяхтинский Вознесенский храм – под шерстепрессовальню, храм в с. Барыкино-Ключи – под нарсуд и т. д.² Во многих местах закрытые здания культа, переданные в распоряжение местных Советов, использовались для различных хозяйственных нужд: в с. Десятниково, Харитоново, Куйтун Тарбагатайского аймака старообрядческие

церкви и молитвенные дома использовались как зернохранилища и складские помещения колхозов, в Кижингинском аймаке Чесанский дацан со всеми дуганами – под хозяйственные нужды Чесанской МТС, православная церковь в с. Большая Кудара Кяхтинского аймака разрушена, а кирпич и цемент использованы под постройку гаража, в с. Киран – под склад зерна колхоза и т. д.³

Наряду с закрытием культовых зданий на территории Бурятии начались широкомасштабные репрессии против духовенства и верующих. Основным их мотивом было то, что церковь препятствует росту колхозов, торпедировать активность бедняцко-среднекрестьянских масс, ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, арестовывались, приговаривались к различным срокам заключения; часть из них была выслана за пределы республики⁴. Исходя из базы данных Республиканской книги памяти жертв политических репрессий, в период 1929–1941 гг. были репрессированы 101 священнослужитель православной

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 3, д. 112, л. 3; д. 144, л. 3; ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 229, л. 5; д. 209, л. 5, 6.

³ НАРБ, ф. Р-248, оп. 3, д. 207, л. 15.

⁴ Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 72.

¹ НАРБ, ф. Р-475, оп. 2, д. 167, л. 6, 116.

Верхнеудинск. Спасская церковь, взорванная в 1936 г.

церкви, 1701 – буддийской церкви, 24 – старообрядческой. Данные по другим конфессиям отсутствуют, что можно объяснить проводившейся тактикой «пролетаризации» и «орабочивания» верхушки религиозных конфессий.

Для служителей культа самыми распространенными статьями обвинения были 58-10, 58-14, 58-2, 58-11, в немногих случаях – ряд других (58-2, 58-8, 58-1а) статей Уголовного кодекса РСФСР. Среди православных служителей к высшей мере наказания было приговорено 5 чел., освобождено в различные годы – 19, умерло под следствием – 10, остальные приговорены к различным (от 2 до 10 лет) срокам тюремного заключения; в буддийской конфессии приговорено к высшей мере наказания 520 человек; в старообрядческой конфессии было приговорено к высшей мере наказания 11 человек, 1 – к 10-летнему сроку тюремного заключения, остальные – на срок от 3 до 5 лет.

Во 2-й половине 1930-х гг. была отмечена активность религиозных обществ, связанная с принятием в 1936 г. Конституции СССР, статья 124 которой предусматривала: «В целях обеспечения гражданам свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В соответствии со ст. 135 духовенство получило избирательное право наравне со всеми гражданами страны¹.

¹ Русская православная церковь и право: комментарий. – М., 1999. – С. 35.

В оперативных сводках НКВД 1937 г. указывалось на активизацию верующих в связи с принятием Конституции. В феврале 1937 г. Центральный совет СвБ провел обследование антирелигиозной работы и деятельности религиозных организаций в БМАССР, указав на активизацию деятельности церкви и роста религиозных настроений на территории республики, что было отмечено и в постановлении Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б). Причем особо подчеркивалась активизация ламанизма, шаманства, старообрядчества². Верующие других конфессий продолжали отправление своих религиозных потребностей, проведение религиозных праздников. В ответ на эти действия верующих бюро ЦИК, СНК БМАССР и Бурят-Монгольский ОК ВКП(б) приняли ряд постановлений об ужесточении налогообложения, свертывании деятельности служителей культа и репрессивных мероприятиях, направленных на окончательную ликвидацию церкви и духовенства.

Разрушенный Анинский дацан

Вторая половина 1930-х гг. в Бурятии характеризуется как период окончательного удара по религии, приведшего в 1940 г. к полному разрешению «религиозного вопроса» – на территории республики не осталось ни одного действующего здания культа, богослужебное имущество было изъято, духовенство подверглось террору и насилию.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 3103, л. 3.

4

глава

Бурят-Монгольская АССР в годы Великой Отечественной войны

4.1. Воины Бурят-Монголии на фронтах войны

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских агрессоров и их союзников длилась 1418 дней. Вместе со всей страной на войну поднялась и Бурятия. Всего за годы войны из республики было призвано в армию около 120 тыс. чел., включая тех, кто служил в армии накануне войны. Воины из Бурятии были и среди тех, кто первым встретил врага на границе, в т. ч. среди защитников Брестской крепости. Тысячи наших земляков сражались с агрессорами в Белоруссии, на Смоленщине, под Ленинградом, в Прибалтике, участвовали в Сталинградской и Орловско-Курской битвах, освобождали страны Европы. Они проявляли стойкость и мужество, мастерство и умение, массовый героизм в боях за Родину, за что были награждены орденами и медалями СССР¹.

В боях за Родину особо отличились 43 уроженца Бурятии, удостоенные звания Героя Советского Союза: летчик Г. С. Асеев, командир стрелковой

роты В. И. Истомин, гвардии полковник В. Б. Борсоев, С. Н. Орешков, повторивший в августе 1943 г. бессмертный подвиг А. Матросова, гвардеец И. М. Чертенков и другие воины, отдавшие жизнь во имя победы и удостоенные звания Героя посмертно. Герои Советского Союза К. В. Оцимик, П. И. Баннов, И. М. Трофимов, О. А. Денисов, Г. Н. Москалев после войны вернулись в Бурятию и долгое время трудились на благо республики.

Митинг трудящихся. Улан-Удэ. 22 июня 1941 г.

¹ Санжиев Г. Л. Достойный вклад Бурятии в победу // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. — Улан-Удэ, 1999. — С. 7.

Батальон связи Забайкальского военного округа. Сидит второй справа Д. С. Унжуев, участник войны с Японией. 9 мая 1945 г.

Одиннадцать воинов из Бурятии удостоились трех степеней ордена Славы – высшей солдатской награды. Среди них С. И. Батагаев, Б. М. Дамчиев, И. В. Максимов, П. К. Радикальцев. Именами Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы названы улицы городов и сел Бурятии.

В годы Великой Отечественной войны уроженцы Бурятии доблестно сражались с немецко-фашистскими агрессорами на всех фронтах и во всех родах войск. Среди удостоенных боевых наград земляков были танкисты, летчики, связисты, артиллеристы, снайперы, моряки, военврачи и мед-

Герой Советского Союза командир взвода тяжелых танков М. Ф. Мархеев

сестры, политработники. Наравне с мужчинами из Бурятии на фронт добровольцами уходили женщины, совершившие немало подвигов на полях сражений.

Танкист Михаил Федорович Мархеев получил боевое крещение, защищая от врагов Подмосковье. Командуя танком Т-34, он проявил большую отвагу и умение в боях под Наро-Фоминском¹. Во время битвы за Москву М. Ф. Мархеев совершенствовал приемы ведения танкового боя, впоследствии примененные им в жестокой борьбе с немецкими танками на Кавказе, на Воронежском фронте, на Курской Дуге, при форсировании Днепра, в Белоруссии и Прибалтике.

Летом 1942 г. в одном из боев под Моздоком на танковый взвод Мархеева наступало до 30 немецких танков. Несмотря на десятикратное превосходство противника, советские танкисты подожгли 5 вражеских машин, продолжая удерживать позиции до подхода подкрепления. В октябре 1942 г., когда его танковый взвод находился в обороне, врытые в землю и замаскированные машины в течение короткого боя прицельным огнем уничтожили 8 гитлеровских танков. За эту боевую операцию отважный командир танкистов из Бурятии был представлен к ордену Красной Звезды².

Взвод тяжелых танков под командованием старшего лейтенанта М. Ф. Мархеева одним из первых форсировал Днепр у г. Перяславль-Хмельницкого и захватил плацдарм. Танк Мархеева первым ворвался в населенный пункт Великий Букрин и удерживал его до подхода основных сил. За мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 г. М. Ф. Мархееву было присвоено звание Героя Советского Союза³.

Летчик-истребитель из Бурятии П. Т. Харитонов был удостоен звания Героя Советского Союза в

¹ Золотоев А. К. Воины Бурятии в Отечественной войне. – Улан-Удэ, 1963. – С. 50.

² Цыренов Д. М. Наши земляки – Герои Советского Союза. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – С. 111.

³ Там же, с. 113.

Герой Советского Союза летчик П. Т. Харитонов

числе первых трех героев Великой Отечественной войны. Учитель начальной школы № 12 г. Улан-Удэ, воспитанник городского аэроклуба, он одним из первых советских летчиков совершил воздушный таран в небе над Псковом, уничтожив немецкий бомбардировщик. За этот подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г. П. Т. Харитонову было присвоено звание Героя Советского Союза. В течение войны мужественный летчик совершил еще один воздушный таран самолета противника. П. Т. Харитонов прошел славный боевой путь от рядового летчика до командира полка¹.

Особенно отличились на полях сражений Великой Отечественной войны бурятские снайперы. Прирожденные охотники, наделенные острой интуицией, терпением, метким глазом и твердой, не дающей промаха рукой, снайперы из Бурятии уничтожили своим огнем тысячи немецких солдат и

офицеров, сотни вражеских снайперов, корректировщиков артиллерийского огня, связистов. В список побед снайперов из Бурятии входили даже самолеты противника. Выходец из Тункинского аймака Ж. Е. Тулаев метким огнем уничтожил 313 немецких солдат и офицеров, более двух рот противника. За годы, проведенные на фронтах Великой Отечественной, Тулаев подготовил 33 снайпера, продолживших охоту за врагами. Его ученик Д. Будаев из Закаменского аймака истребил 85 гитлеровцев, а баргузинец Д. Ухинов – 197 солдат и офицеров противника. 14 февраля 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ж. Е. Тулаев был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»².

Снайпер Ц. Доржиев лично уничтожил 270 гитлеровцев, а 12 июня 1942 г. его ученики-снайперы сбили немецкий самолет. В январе 1943 г. Ц. Доржиев погиб от пули вражеского снайпера, сразив своего последнего, 270-го гитлеровца.

С первых дней войны в рядах советских моряков героически сражался улан-удэнец Б. П. Ущев. Он служил на острове Ханко – переднем крае советской обороны на Балтике и командовал торпедным катером. В сентябре 1941 г. во время атаки советскими катерниками вражеской эскадры в бухте Лыу катер Ущева торпедировал вражеский крейсер и большой эсминец, прикрывавший флагмана. При выходе из бухты экипаж Ущева совершил еще один подвиг, сняв с подбитого советского катера его команду под шквальным артиллерийским огнем противника. За потопление немецкого крейсера Б. П. Ущев был награжден вторым орденом Красного Знамени.

*Герой Советского
Союза снайпер
Ж. Е. Тулаев*

¹ Золотоев А. К. Воины Бурятии... – С. 22–24.

² Цыренов Д. М. Наши земляки – Герои... – С. 46–48.

Ветераны Великой Отечественной войны с земляками у памятника Г. К. Жукову в Москве 10 мая 2000 г. Слева направо: генерал-лейтенант. 1-й зам. нач. штаба войск МВД И. Г. Белобородов (родом из Сосновоозерска); Д. Ц. Дугаров; Г. Н. Москалев; Г. Л. Санжиев; М. М. Ильюнов; П. А. Попов; Герой России генерал-полковник М. А. Паньков (родом из Бичуры)

Летом 1944 г. катерники под командованием Б. П. Ущева потопили в Балтийском море близ Ленинграда несколько миноносцев противника. В одном из боев катер Ущева снова торпедировал немецкий крейсер, а также эсминец, который тут же разломился на части и затонул. За героическую борьбу с кораблями противника в июле 1944 г., накануне Дня Военно-Морского Флота гвардии капитан третьего ранга Б. П. Ущев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В части, где он служил, воевали 11 Героев Советского Союза, а их катера отправили на дно 119 военных кораблей и транспортов противника¹.

В рядах 82-й гвардейской стрелковой дивизии героически сражалась военврач 3-го ранга М. Т. Андреева. В одном из боев, в момент замешательства, когда под шквальным огнем на одном из участков советские бойцы стали отходить, военврач Андрее-

ва подняла бойцов в атаку. Враг был отброшен. В другой раз на одном из участков обороны дивизии немцы перешли в контрнаступление. В критический момент боя, когда замолчал станковый пулемет, М. Т. Андреева, заменив убитого пулеметчика, открыла по гитлеровцам огонь и уничтожила 45 немецких солдат. За отвагу и героизм девушка была награждена орденом Красного Знамени. 10 января 1943 г., оказывая под огнем противника медицинскую помощь командиру, М. Т. Андреева была серьезно ранена в ногу, но отказалась покинуть поле боя и продолжила оказание помощи раненым бойцам. Во время этого боя отважная дочь бурятского народа погибла².

С самого начала Великой Отечественной войны в Бурятии формировались различные подразделения, отправлявшиеся на фронт. Военному обучению подлежали все мужчины в возрасте до 50 лет

¹ Там же, с. 65–66.

² Золотоев А. К. Воины Бурятии... – С. 33–34.

Студентки пединститута г. Улан-Удэ Карпова (справа) и И. Хатхардаева на практических занятиях по военной подготовке

по 110-часовой программе в течение пяти месяцев. С 16 июля 1941 г. началась подготовка медицинских сестер, сандружинниц и снайперов. Бюро обкома ВКП(б) обязало обком Красного Креста немедленно развернуть 10 групп на курсах по подготовке медицинских сестер запаса РККА и 20 санитарных дружин¹.

В конце 1941 г. в Улан-Удэ было сформировано воинское соединение, получившее название 97-й стрелковой дивизии. Ее костяк составляли уроженцы Бурятии. В феврале 1942 г. дивизия была направлена на фронт. Боевой путь дивизии начался с завершающих боев за Москву. В последующем она участвовала в битве на Курской Дуге, в освобождении Белоруссии и Прибалтики, в боях в Восточной Пруссии. 10 апреля 1943 г. 97-я дивизия была преобразована в 83-ю гвардейскую.

В марте 1942 г. в Забайкалье была сформирована 321-я стрелковая дивизия. Основное ядро дивизии комплектовалось за счет молодежи комсомольского возраста из Бурятии и Читинской области. В ней служило около 4 тыс. бойцов только бурятской национальности. Дивизия прошла боевой путь от Сталинграда до Берлина.

Бурятия отправила на фронт свыше 120 тыс. своих сыновей и дочерей, из которых почти 40 тыс., около одной трети, не вернулись с полей сра-

жений, 6,5 тыс. возвратились с войны инвалидами². Из Улан-Удэ на войну ушли свыше 31 тыс. воинов, из которых более 18 тыс., или 59 %, не вернулись домой.

Из Бурятской областной партийной организации за годы войны в ряды Вооруженных Сил было направлено 6345 членов и кандидатов в члены партии, или 60 % ее состава к началу войны.

Во время Великой Отечественной войны большое внимание уделялось военно-физической подготовке, часто проводились военизированные соревнования: в летних кроссах участвовало 91705 чел., а в зимних лыжных – 106379 чел. Первый лыжный батальон добровольцев-физкультурников был сформирован в Улан-Удэ еще во время советско-финляндской войны, второй – в начале Великой Отечественной.

Свой вклад в победу над фашистской Германией внесли лыжники Бурятии. Во время боевых действий они шли первыми, прокладывая дорогу разведке и пехоте, поэтому несли самые большие потери. В батальоне, освобождавшем Калининскую область, сражались О. Березков, Д. Денисов, Н. Аспер, Г. Ильин, В. Варфоломеев, Г. Филатов, А. Галлиулин и другие жители Бурят-Монголии.

4.2. Всенародная помощь фронту

Каждый день войны против фашизма был материально обеспечен самоотверженным трудом работников тыла. Руководство республики приложило максимум усилий, чтобы мобилизовать людей на разгром врага, направить в нужное русло их волю и энергию. В первые же дни войны Бурятский областной комитет партии, опираясь на директивы и указания ЦК ВКП(б), определил главные направления и задачи местных партийных организаций в новых условиях. Им предстояла сложная работа по мобилизации людей в армию, подготовке военных резервов, перестройке народного хозяйства республики на военный лад.

Основными направлениями военной трансформации экономической структуры Бурятии являлись перевод промышленных предприятий на выпуск военной продукции и одновременное сокращение выпуска гражданской продукции; ввод в действие эвакуированных предприятий; ускоренное строительство новых производственных мощностей;

¹ Емельянов В. И. Воины Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1999. – С. 21–22.

² Там же, с. 22–23.

мобилизация материальных и трудовых ресурсов в сельском хозяйстве для обеспечения потребностей армии и городов, расширение посевов зерна, картофеля и овощей, технических культур; мобилизация и перестройка работы транспорта, предусматривавшая увеличение военных и сокращение пассажирских перевозок; усиление пропускной способности железных дорог; мобилизация строительных кадров и механизмов для сооружения оборонных объектов промышленных предприятий; подготовка кадров рабочих, служащих, специалистов в промышленности, на транспорте и в других отраслях; мобилизация ресурсов народного хозяйства и средств населения для нужд обороны; перестройка всей идеологической работы в условиях борьбы с германскими агрессорами.

По решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) на Улан-Удэнском паровозо-вагонном заводе был организован выпуск трех видов оборонной продукции: снарядов, мин и минометов. За 2 месяца войны завод в 2,5 раза увеличил выпуск продукции военного назначения, для чего потребовалось исключительное напряжение сил. Задание ГКО в ноябре 1941 г. было выполнено на 114, в декабре – на 109 %. Коллектив вагонно-пассажирского цеха закончил годовое задание по выпуску санитарных вагонов к 15 декабря¹.

Улан-Удэнский завод «Механлит» Лесосудомашстроя также начал выпускать оборонную продукцию. В конце 1941 г. было освоено 2 новых вида. Перестраивал свою работу и Джидинский вольфрамовый комбинат – единственный в тот период предприятие цветной металлургии на востоке страны. Комбинат перешел на 10–12-часовой рабочий день. Кроме основной продукции было освоено производство магазинов для ручных пулеметов и патронных коробок².

Важной задачей при перестройке промышленности Бурят-Монголии на военный лад было обеспечение предприятий топливом. С захватом врагом Донецкого и Подмосковского бассейнов страна лишилась 63 % угледобычи. В связи с этим возросло значение угольных бассейнов восточных регионов страны. Перестройка Гусиноозерских шахт на военный лад проходила в труднейших условиях. Мобилизация на фронт рабочих и снижение уровня

Изготовление консервов на Улан-Удэнском мясокомбинате

механизации угледобычи привели к резкому падению производительности труда. Часть оборудования недостаточно использовалась из-за отсутствия необходимых специалистов или недостаточной квалификации работающих.

Переводилась на военный лад работа местной промышленности, получившей заказы Наркомата обороны. Швейные, кожевенно-меховые и обувные предприятия Улан-Удэ перешли на изготовление обмундирования для Красной Армии. Кроме того, местная промышленность поставляла тесьму, материал для авиационного завода № 99. Улан-Удэнский стеклозавод наряду с основной работой перешел на изготовление автомобильного стекла, аптечной посуды для госпиталей и сложных фасонных шмотных изделий для сталелитейного цеха ПВРЗ³. Мебельные фабрики начали выпускать лыжи, деревянные части самолетов и стрелкового оружия, ящики для снарядов и мин.

На обеспечение нужд обороны были переведены и предприятия пищевой промышленности. В Бурят-Монголии готовили для фронта сухари,

¹ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1963. – С. 20–21.

² НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 481, л. 135.

³ Там же, л. 17.

галеты, печенье, пельмени и различные пищевые концентраты. На Улан-Удэнском ликеро-водочном заводе и мясокомбинате было организовано производство сухого спирта и пищевых концентратов. Только в сентябре 1941 г. на мясокомбинате было изготовлено 75 тыс. банок сухого спирта. Дополнительно в первый год войны был организован цех по пошиву полушубков и меховых рукавиц из овчины, которая обрабатывалась в специально созданном цехе¹.

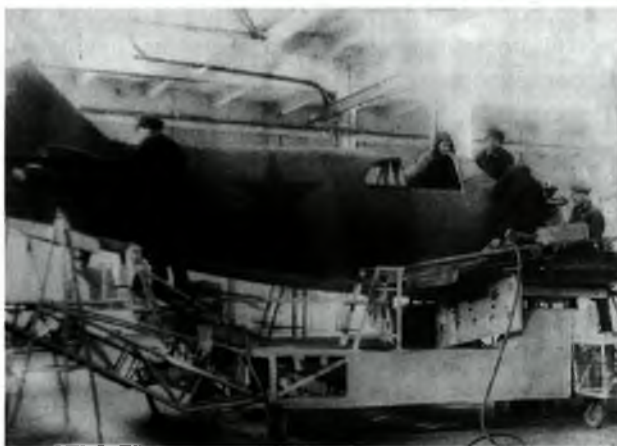
Одно из ведущих мест в военной промышленности Восточной Сибири занял построенный в предвоенные годы Улан-Удэнский авиационный завод. К началу войны завод уже ремонтировал истребители И-16, бомбардировщики СБ конструкции Н. Н. Поликарпова и авиационные двигатели. В первый год войны коллектив завода поставил головному Иркутскому авиазаводу 165 комплектов оперения пикирующего бомбардировщика ПЕ-2 конструкции В. М. Петлякова.

В августе 1942 г. по приказу наркома авиационной промышленности авиационный завод № 99 стал самостоятельным самолетостроительным. Коллективу было поручено освоение и серийный выпуск нового истребителя ЛА-5 конструкции С. А. Лавочкина. Параллельно завод продолжил производство агрегатов для бомбардировщика ПЕ-2. В 1942 г. было поставлено 534 комплекта, в 3,2 раза больше, чем в 1941 г.

Огромную роль в переводе народного хозяйства на военные рельсы играл железнодорожный транспорт. С первых же дней войны здесь был введен график военного времени, предусматривавший беспрепятственный пропуск военных составов, установление очередности в приеме грузов и ограничение пассажирских перевозок. Принимались меры к увеличению скорости движения, сокращались интервалы движения между эшелонами. Железнодорожники республики (4-е отделение ВСЖД) с первых дней войны боролись за образцовое содержание дороги и бесперебойное движение поездов. Была проведена огромная работа по устранению недостатков предвоенного периода. За первые 4 месяца войны железнодорожники республики отработали на ремонте путей свыше 20 тыс. чел.-смен, уложили 600 км пути, заменили 150 тыс. шпал и 102 км

Пикирующий бомбардировщик ПЕ-2

В сборочном цехе

рельсов, отремонтировали 860 км пути², увеличив поток воинских эшелонов с востока на фронт.

Сложнейшей задачей, стоявшей перед народным хозяйством СССР в начале войны, была эвакуация и размещение промышленных и транспортных предприятий из районов страны, находившихся под угрозой оккупации. Прежде чем решить вопрос о том, куда перебазировать то или иное предприятие, Совет по эвакуации проводил глубокий анализ экономического потенциала каждого из восточных районов страны. Из всех регионов, расположенных за Уралом, наиболее благоприятные условия для размещения промышленных предприятий были в Западной Сибири. В силу сравнительно слабого развития промышленности и транспортной сети, недостатка трудовых ресурсов, большой удаленности от театра военных действий и угрозы японской агрессии условия Бурят-Монголии были менее благоприятны. Тем не менее в республике удалось развернуть ряд эвакуированных предприятий. В пос. Нижнеангарск был перебазирован Очаков-

¹ Сперанский Н. Н., Харченко Г. С. Первенец мясной индустрии Востока. – Улан-Удэ, 1960. – С. 21.

² Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 21.

ский консервный завод Наркомрыбпрома из Николаевской области с кадрами и оборудованием. На Улан-Удэнский паровозовагоноремонтный завод прибыло оборудование с Острогжского вагоноремонтного завода, составившее новый цех № 4, где в короткий срок был налажен выпуск минометов. На Улан-Удэнский авиационный завод № 99 была доставлена часть оборудования авиазаводов из Москвы.

Быстрее всего удалось перевести на военный лад работу горнорудной, угольной и лесной отраслей промышленности, которым не пришлось переориентироваться на выпуск другой продукции. Перестройка для них означала увеличение объемов добываемой продукции, мобилизацию внутренних резервов, выполнение государственных заданий в условиях острой нехватки рабочих, сырья и механизмов.

Война коренным образом изменила условия промышленного производства. Были нарушены экономические связи, сложившиеся между крупными народнохозяйственными районами страны, отдельными отраслями производства и даже отдельными предприятиями. Оказалась разорванной производственная кооперация между предприятиями родственных отраслей промышленности. Это негативно сказалось на работе молодой промышленности республики. Имевшихся запасов топлива, сырья, материалов, инструмента, полуфабрикатов хватило ненадолго. Уже к осени 1941 г. вопросы материально-технического снабжения приобрели первостепенное значение.

Партийные и хозяйственные органы БМАССР добивались соблюдения на предприятиях режима экономии, изыскивали все необходимое для их функционирования. На предприятиях промышленности и транспорта развернулось движение за максимальное использование внутренних резервов, освоение выпуска продукции из местного сырья, материалов и оборудования. Особенно успешно в этом направлении работал Улан-Удэнский ПВРЗ. Завод решал вопросы снабжения и замены дефицитных материалов местными аналогами. В республике были найдены нужные сорта доломита для наплавки падин в мартеновских печах, разведаны и разработаны залежи мраморного известняка, необходимого при выплавке стали и производстве карбида кальция. Сталевары завода освоили варку углеродистой и хромистой стали для изготовления инструментов, инструментальщики — выпуск десят-

ков наименований нового инструмента. Было налажено производство шлифовальных резбифрез, применение которых в 3 раза сократило расход быстрорежущей стали¹, освоено производство термоизоляционных плит из отходов слюдяной крошки и местной глины. Из местного асбеста изготавливался асбестовый картон².

Улан-Удэнский стекольный завод до войны завозил кварцевый песок из Иркутской области. В дни войны по предложению лаборатории завода было решено заменить его местным, а также песком, получаемым из кварцевого камня³.

В соответствии с 3-м пятилетним планом, предусматривавшим преимущественное развитие точных районов страны, военно-промышленное строительство в республике развернулось по линии металлообрабатывающей, пищевой и других отраслей промышленности. Шло строительство Селендумского мотороремонтного завода, табачной фабрики в Улан-Удэ, Бичурского сахарного завода. Были сданы в эксплуатацию Заиграевский комбинат строительных материалов, Шалутский известковый завод, Илькинский авторемонтный завод и другие промышленные объекты.

Работу фабрик и заводов сдерживала нехватка электроэнергии. Поэтому в планах капитального строительства важное место занимали энергетические объекты. В начале войны в республике были построены многочисленные новые установки, в т. ч. ТЭЦ при Тимлюйском цементном заводе и Баргузинская электростанция.

Значительная часть капиталовложений шла на восстановление эвакуированных предприятий и оборудования. В 1941–1942 гг. почти не было промышленных объектов, замороженных в связи с началом войны. Все начатое в довоенные годы было приспособлено для развития военной экономики и нужд фронта.

Первые итоги перевода экономики БМАССР на военный режим раскрывали потенциальные возможности промышленности и транспорта. Вместе с тем в их работе в 1941 г. отмечались серьезные недостатки. Многие предприятия работали неритмично, наблюдались случаи аврального выполнения

¹ Безносков В., Наумкин А., Тармаханов Е., Четкин П. Гигант Бурятии. — Улан-Удэ, 1960. — С. 58–59.

² Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... — С. 36.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 481, л. 121–122.

плана, допускались простои и прогулы рабочих, неполное использование производственных мощностей, перерасход сырья, материалов, энергии, средств и топлива.

В январе 1942 г. в БМАССР прошел областной партактив. Он рассмотрел итоги 1941 г. и потребовал от руководителей хозяйственных организаций ликвидации отмеченных недостатков и мобилизации неиспользованных возможностей. В 1942 г. был увеличен выпуск продукции предприятий машиностроения и металлообработки. По сравнению с предыдущим годом, металлообрабатывающая промышленность республики дала производственной продукции на 253 млн. руб. больше¹, Улан-Удэнский судоремонтный завод увеличил выпуск в полтора раза, а механический завод Наркомата лесной промышленности выполнил годовой план на 152 %, изготовив деталей к тракторам на 126 тыс. руб. Коллектив ПВРЗ в 1942 г. увеличил выпуск продукции на 28,4 %, по сравнению с 1941 г., сэкономив около 5 млн. руб.²

Выполнили плановые задания 1942 г. большинство предприятий легкой и пищевой промышленности республики. В трудных условиях приходилось работать Улан-Удэнскому мясокомбинату, начавшему испытывать недостаток сырья для консервного производства. Благодаря упорной работе коллектива, комбинат в 1942 г. удвоил выпуск консервов³. Широкое развитие получили предприятия местной промышленности, в 1942 г. дополнительно открылось 21 предприятие⁴. С каждым годом их работа приобретала все большее значение в снабжении армии амуницией. Небольшие фабрики, мастерские, артели дали фронту десятки тыс. пар лыж, валенок, полушубков, шапок, рукавиц. Наилучших результатов добился завод «Металлоширпотреб», досрочно выполнив годовой план и увеличив выпуск продукции, по сравнению с предыдущим годом, на 74 %.

Весной 1942 г. было образовано Главное управление рыбной промышленности Сибири — Главсибрыбпром. В перспективных промысловых районах, в т. ч. на Байкале, было открыто 11 рыбопромышленных трестов союзного значения. В

1942 г. было добыто рыбы в 3 раза больше, чем в 1940-м⁵.

В 1942 г. были построены и сданы в эксплуатацию Северобайкальский консервный завод, Баргузинский рыботорматный завод, 2 рыбокопильных завода, 11 рыбоприемных пунктов, 227 рыболовецких лодок и начато строительство трех моторно-рыболовных станций (МРС). К концу года рыбная промышленность республики перевыполнила план добычи и дала стране рыбы в полтора раза больше, чем в 1941 г. Перевыполнили план все вновь созданные МРС и 71 рыболовецкий колхоз⁶. В помощь рыбной промышленности республики была привлечена местная и кооперативная промышленность. Государственные ассигнования на развитие отрасли увеличивались с каждым годом. Если в Бурят-Монгольской АССР в 1939–1941 гг. сумма капиталовложений в рыбную промышленность составила 3 млн. руб., то за 1942–1944 гг. — 18,2 млн. руб.⁷

Чтобы обеспечить потребности республики в топливе, необходимо было добывать 1300 т угля в сутки. Гусиноозерский уголь покрывал эту потребность на 25–30 %, поэтому необходимо было увеличить добычу до 700–750 т в сутки. В конце 1942 г. были пущены в эксплуатацию шахты Баянгольского месторождения в верховьях р. Джиды, на которые приходилось 9,3 % добычи угля в республике⁸.

Партийные органы Бурят-Монголии обязали руководителей шахт форсировать подготовительные работы; установить режим цикличности работы лав и горизонтов; использовать внутренние ресурсы предприятия; пересмотреть оплату труда основных рабочих; улучшить их бытовые условия в бараках и общежитиях.

В 1942 г. ГКО принял ряд решений, направленных на обеспечение заготовки и вывозки леса в осенне-зимний сезон 1942/43 г. На лесозаготовки было мобилизовано сельское население. Байкальский и Челутаевский леспромыхозы треста «Бурмонголлес» успешно справились с заданием 1942 г., сдав государству сверх плана более 20 тыс. куб. м высококачественной древесины⁹.

⁵ Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... — С. 59.

⁶ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 481, л. 72.

⁷ Там же, ф. 1388, оп. 1, д. 12, л. 35.

⁸ Там же.

⁹ Шулунов Ф. И. Формирование промышленности Бурятии

¹ НАРБ, ф. 17, оп. 8, д. 608, л. 14.

² Там же, ф. 1, оп. 1, д. 499, л. 30, 45.

³ Там же, л. 13.

⁴ 20 лет Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1943. — С. 55.

Значительно увеличилась нагрузка на железнодорожный и речной транспорт. План погрузки по Улан-Удэнскому отделению был выполнен на 105,5 %, по Гусиноозерскому участку – на 150,5 %. Станции республики погрузили свыше 16 тыс. вагонов лесоматериалов, около 2,5 тыс. вагонов муки, 6 тыс. вагонов угля и т. д.¹

Валовая продукция республики в 1941 г. выросла на 21 % по сравнению с 1940 г., а в 1942 г. – на 43,5 %².

1943 год характеризовался общим подъемом промышленного производства в стране, вводом в строй новых мощностей во всех отраслях промышленности, повышением производительности труда. Значительно улучшил работу и вышел в число передовых предприятий страны Улан-Удэнский ПВРЗ, завоевавший в июле переходящее Красное знамя НКПС, а в августе, сентябре и октябре – знамя ГКО. В полтора раза увеличил выпуск валовой продукции Улан-Удэнский судоремонтный завод³.

Большинство предприятий легкой и пищевой промышленности в 1943 г. перевыполнили план. Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат досрочно закончил программу первого полугодия и выделил в особый фонд Верховного командования 95 вагонов консервных изделий. Заводы треста «Маслопром» увеличили более чем в полтора раза производство масла, сыра и других молочных продуктов. Не отставал от него и трест «Росглавхлеб»⁴.

Рыбаки республики за первое полугодие 1943 г. дали стране и фронту на 30,2 тыс. ц рыбы больше, чем за соответствующий период 1942 г.⁵

В 1943 г. производительность труда в местной промышленности составила 105,6 % к плану. Несмотря на возросшую стоимость материалов и топлива, план по снижению себестоимости продукции был перевыполнен. Росли производственные фонды основных отраслей промышленности: металлообрабатывающей – на 52, пищевой – на 42 %⁶.

В целях более полного и рационального использования местного и привозного животноводческого

и ее развитие в послевоенный период. – Улан-Удэ, 1970. – С. 60–61.

¹ НАРБ, ф. 2, оп. 2, д. 31, л. 45.

² Подсчитано автором по: НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 32, л. 75.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 499, л. 45.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1943. – 6 июля.

⁵ Бурятия шагает в будущее. – Улан-Удэ, 1963. – С. 11.

⁶ Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии... – С. 69.

Строительство Улан-Удэнской суконной фабрики

сырья было начато строительство Улан-Удэнской суконной фабрики производительностью 800 тыс. м сукна в год. Свою первую продукцию общим метражом 2,9 тыс. м шерстяных тканей фабрика выдала в 1945 г. В 1943 г. было закончено строительство махорочной фабрики, вошел в строй сахарный завод⁷.

Серьезные трудности испытывала горная и золотодобывающая промышленность, не выполнил годовой план комбинат «Баргузинзолото».

Байкальский леспромхоз к началу 1943 г. заготовил сверх плана более 5 тыс. куб. м специальной древесины⁸. Выполнил план Челутаевский леспромхоз. В ассортименте поставляемой древесины увеличилась доля высококачественной продукции⁹.

В 1944–1945 гг. укреплялась топливно-энергетическая база. Темпы выработки электроэнергии в эти годы были самыми высокими. В республике на большинстве предприятий увеличилось количество электрогенераторов и электромоторов. Хотя к 1945 г. производство электроэнергии возросло до 104,7 млн. кВт·ч (в 1943 г. – 75,6 млн. кВт·ч)¹⁰, ее не хватало, на предприятиях шло движение за ее экономию, отпуск на бытовые нужды был ограничен.

В 1943–1945 гг. продолжалось капитальное строительство в угольной промышленности (Гуси-

⁷ Шулунов В. И. Формирование промышленности Бурятии... – С. 64–65.

⁸ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 45.

⁹ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 48, л. 45.

¹⁰ Туйск А. Г. Топливная промышленность и электроэнергетика Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1969. – С. 12.

ноозерские копи). В 1945 г. шахты, по сравнению с 1940 г., увеличили добычу угля на 150,8 тыс. т, в основном решив задачу обеспечения промышленности собственным углем. Добыча угля в республике за военное время возросла почти в 4,4 раза¹.

К 1945 г. грузооборот железнодорожного транспорта республики в несколько раз превысил довоенный уровень. Эксплуатационная длина железных дорог Бурят-Монголии за годы войны увеличилась на 247 км. Немалую роль в обеспечении своевременной перевозки народнохозяйственных и оборонных грузов сыграли Селенгинское и Байкальское пароходства, справившиеся с обеспечением Улан-Удэ топливом, зерновыми культурами и овощами и с задачами по увеличению грузооборота в советско-монгольской торговле.

Основная часть продукции легкой промышленности отправлялась на фронт (изделия швейных, обувных и других предприятий). В Бурят-Монголии в 1940 г. было выпущено 110 тыс. пар обуви, в 1945 г. – 193 тыс. пар². Валовый выпуск продукции предприятий местной промышленности увеличился в 1945 г., по сравнению с 1940 г., на 87,5 %, а предприятий кооперативной промышленности республики – на 42,1 % (за 1941–1944 гг.).

Трест «Бурмонголлес» в 1944 г. заготовил 487 тыс. куб. м леса (в 1940 г. – 1490 тыс.). Вместо требуемых 1395 рабочих в тресте работало всего 850. В целом лесная промышленность страны к концу войны сократила заготовку и вывозку древесины: в 1945 г., по сравнению с 1940 г., объемы сократились на 1028 тыс. куб. м.

В 1944–1945 гг. во многих регионах страны значительно снизилась добыча рыбы. Интенсивный лов в 1942–1943 гг. без воспроизводства привел к истощению рыбных запасов. Лов рыбы на Байкале, в степных озерах и реках, особенно во время нереста омуля, серьезно сказался на воспроизводстве рыбы. Если в 1941 г. улов одного рыбака гослова составлял 61 ц, то в 1944 г. – только 27 ц³.

Проблема кадров была одной из острейших в промышленности и на транспорте. Трудовые резервы понесли значительный урон. К ноябрю 1941 г. немецкие войска оккупировали территорию, на которой до войны проживало 88 млн. чел., или 42 %

населения СССР⁴. Война оторвала от мирного труда огромные массы людей. Опытные кадровые рабочие, служащие, инженеры, техники ушли в действующую армию. Мобилизации, проведенные в 1941–1942 гг., уменьшили численность промышленных кадров с 11 млн. чел. в 1940 г. до 7,2 млн. в 1942-м. В Восточной Сибири к 1 октября 1941 г. рабочих и служащих стало на 27 % меньше, чем в 1940 г.

Для решения проблемы рабочих кадров советское правительство предпринимало чрезвычайные меры. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»⁵ предоставлял директорам оборонных предприятий право устанавливать для всех или части рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы от одного до трех часов в день и оплачивать их в полуторном размере. Очередные и дополнительные отпуска заменялись денежной компенсацией.

Другой чрезвычайной мерой было распределение рабочей силы между отдельными отраслями народного хозяйства и крупными территориальными комплексами. Острый дефицит кадров на предприятиях уже через несколько месяцев после начала войны потребовал учета и мобилизации всего трудоспособного населения. При СНК СССР 30 июня 1941 г. был создан комитет по учету и распределению рабочей силы, а при областных и краевых исполкомах – соответствующие бюро⁶. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. объявлял о мобилизации мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет, не занятых общественно полезным трудом⁷.

Существенным источником пополнения кадров стали женщины, подростки и пенсионеры, добровольно пришедшие на производство. Если в 1941 г. удельный вес женщин среди рабочих промышленности республики был равен 37,4 %, то к 1943 г. он возрос до 58,2 %⁸.

⁴ О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М., 1946. – С. 4.

⁵ Правда. – 1941. – 27 июня.

⁶ Митрофанов А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1960. – С. 327.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. – М., 1968. – С. 64.

⁸ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 52, л. 33.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 499, л. 46.

² Там же, оп. 2, д. 47, л. 33.

³ Там же, ф. 196, оп. 2, д. 453, л. 41.

Формовщицы чугунолитейного цеха ПВРЗ. 1943 г.

Во втором полугодии 1941 г. произошли значительные изменения в возрастном составе рабочего класса страны. Если в 1939 г. молодежь до 18 лет составляла всего 6 % от общей численности рабочих и служащих промышленности СССР, то в 1942 г. – уже 15 %¹. В Бурят-Монголии процесс омоложения рабочего класса проходил более интенсивно – примерно каждый девятый рабочий и служащий был несовершеннолетним. Их доля была особенно высока среди мужчин – 13,4 %; среди женщин она равнялась 9,5 %.

Особую роль в пополнении рабочего класса квалифицированными кадрами сыграли школы и училища трудовых резервов. Эта система была создана накануне войны. Первый выпуск в 250 тыс. чел. состоялся в мае 1941 г.² В 1941 г. в БМАССР было 6 училищ и школ трудовых резервов, в которых обучалось 1,4 тыс. чел. и было выпущено 1,3 тыс. будущих рабочих. Всего за годы войны в системе трудовых резервов республики было подготовлено 13,1 тыс. квалифицированных рабочих.

Для учащихся был установлен 8-часовой рабочий день, что внесло изменения в программы и методику обучения. Воспитанники Улан-Удэнского железнодорожного училища № 1 в 1941 г. капитально отремонтировали 15 паровозов и 800 ваго-

нов. Многие из них выполняли задания на 150–200 %: в школах ФЗО № 2 и № 9 г. Улан-Удэ таких учеников было большинство (60 %)³.

Произошли изменения и в национальном составе рабочих: увеличилась численность рабочих и служащих из коренного населения. На Джидинский молибденовый комбинат прибыли мобилизованные в 1942 г. в «трудовую армию» советские немцы, по состоянию на 1 июня 1944 г. их численность в Бурятии составила 1652 чел. Большинство из них (77,1 %) всю войну трудились на Джидакомбинате, внося свой вклад в разгром германских агрессоров⁴.

Определенную роль в пополнении трудовых ресурсов республики сыграло эвакуированное со своими предприятиями население. На авиационный завод прибыло около 1 тыс. рабочих и служащих. За 1942–1943 гг. в БМАССР эвакуировались 5425 семей, и все трудоспособные в значительной мере были вовлечены в экономику республики.

Пенитенциарная система была крупнейшим промышленно-строительным управлением Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны: заключенные выполнили 13,7 % всего объема капитального строительства⁵.

В 1945 г. появился новый источник пополнения рабочего класса – демобилизованные из рядов Советской Армии. В республику на 1 ноября 1945 г. прибыли 3160 демобилизованных, в т. ч. в Улан-Удэ и Бабушкин – 757.

Для Бурятии военного периода было характерно постоянное обновление состава рабочего класса. Огромными усилиями с помощью мобилизационных мер, привлечения добровольцев, крайних возрастных групп, а также спецконтингентов удалось обеспечить бесперебойную работу промышленности и транспорта для нужд фронта и страны.

В дни войны эффективной формой организации труда были комсомольско-молодежные бригады. Они появились в паровозном депо, на ПВРЗ, су-

³ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 15, л. 89.

⁴ Саганова Л. П. Архивные материалы как исторический источник по изучению немцев Бурятии в 1940-е гг. – Улан-Удэ, 1999. – С. 78.

⁵ Гусарова Т. О., Курас Л. В., Суш С. П. Уголовно-исполнительная система Республики Бурятия (1923–1991 гг.). – Улан-Удэ, 2009. – С. 126.

¹ Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1946–1950. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1972. – С. 328.

² Котляр Э. С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1975. – С. 19.

И. Л. Гордеев с учеником. Паровозо-вагонный цех. 1943 г.

достроительном заводе и мясокомбинате, сочетая успешное и качественное выполнение производственных заданий и планов и удачную форму производственного обучения молодых рабочих. В октябре 1941 г. появились комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Впервые они были образованы в паровозном депо ст. Улан-Удэ. В механическом цехе депо фронтовые бригады Киселева и Домбровского регулярно выполняли производственные задания на 280–300 %¹. В июне 1942 г. в республике работали 34 комсомольско-молодежные фронтовые бригады, насчитывавшие в своих рядах 569 человек.

В 1943–1945 гг. подавляющее большинство работников предприятий и транспорта республики были охвачены соревнованием. Количество стахановцев и ударников в 1945 г. достигло 4500 чел. Только на предприятиях Улан-Удэ в 1943 г. их число возросло с 910 до 3070². Дальнейшее развитие получило движение двухсотников. К концу 1944 г. их число выросло в 5 раз, по сравнению с 1942 г.³ Появились новые имена среди многостаночников и тысячников (выполнявших норму на 1000 %). Рабочие инструментального цеха ПВРЗ Г. Лошаков и В. Кочетов, рационализируя трудовой процесс, довели дневную норму выработки до 1480 %. Кузнец вагоноремонтного пункта ст. Улан-Удэ Лымарь, работая на трех горнах, выполнял сменное задание на 1400 %⁴. Эти рекорды изменяли привычные пред-

ставления о нормах, открывая перспективы для будущих трудовых успехов.

За годы войны орденами и медалями СССР было награждено 244 работника промышленных предприятий, транспорта и сельского хозяйства: в их числе машинист депо ст. Улан-Удэ М. П. Соседенко, работница мясокомбината А. В. Кривогорничева, бригадир неводной бригады Горячинского рыбозавода Н. М. Петрова и др.⁵

Предприятия-победители соревнования также получили награды: знамена ГКО, ВЦСПС и наркоматов, Красные знамена обкомов ВКП(б), знамена подшефных воинских частей и соединений. Самой почетной наградой было Красное знамя Государственного Комитета Обороны. На вечное хранение знамени ГКО было оставлено на Улан-Удэнском мясокомбинате, коллектив которого в военные годы завоевывал его 4 раза. Трижды удостоивался знамени ГКО Улан-Удэнский ПВРЗ, получивший также высшую награду СССР – орден Ленина.

Война тяжелым грузом легла на плечи тружеников сельского хозяйства республики. Фронт и страну нужно было в достаточном количестве снабдить продовольствием, а промышленность – сырьем. Оккупация важных в сельскохозяйственном отношении юго-западных районов СССР резко осложнила положение. На территории, оккупированной немцами к ноябрю 1941 г., до войны производилось 38 % всей валовой продукции зерна, 84 % сахара, откармливалось 38 % поголовья крупного рогатого скота и 60 % свиней⁶. Основная тяжесть производства сельскохозяйственной продукции легла на восточные районы страны, прежде всего Сибирь и Казахстан, ставшие основной сельскохозяйственной базой страны.

Война внесла изменения в структуру сельского хозяйства восточных районов страны. Прежде всего здесь значительно увеличились посевные площади. Процесс расширения посевов затронул и Бурят-Монголию. Самый большой прирост посевов наблюдался в 1942 г. – 483 тыс. га (в 1940 г. – 418). С 1943 г. посевы сократились в связи с истощением земель и освобождением западных советских территорий от оккупантов, в связи с чем правительство

¹ Бурят-Монгольская правда. – 1942. – 19 марта.

² НАРБ, ф. 36, оп. 5, д. 75, л. 10.

³ Там же, л. 11.

⁴ Бурят-Монгольская правда. – 1944. – 7 мая.

⁵ НАРБ, ф. 36, оп. 5, д. 75, л. 13.

⁶ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1948. – С. 42; История Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. – М., 1963. – С. 166.

СССР предусмотрело в планах снижение посевов на востоке¹.

В республике качественно изменилась структура посевов. Сократились посевы яровой пшеницы, а ржи уменьшились с 68 тыс. га в 1940 г. до 28,5 тыс. в 1945 г.², что частично восполнялось посевами овса и проса. Осваивались новые земледельческие культуры. Сахарная свекла впервые была посеяна в 1941 г. на площади 152 га; в 1942 г. площадь ее посевов увеличилась до 860 га³. В 1941 г. было посеяно 28 га табака, в 1942 г. – 3683 га⁴. В целом за 1941–1945 гг. посевы технических культур увеличились примерно в 2,5 раза.

Большое значение в военное время имело расширение посевов картофеля. В Сибири, как и всюду в стране, он позволил значительно уменьшить напряженность с продовольствием; в 1942 г. здесь был достигнут наивысший прирост посевных площадей под картофель и овощи (на 44 % по сравнению с 1940 г.)⁵. В Бурят-Монголии картофельные поля за этот период расширились на 29 %⁶.

За первые 6 месяцев войны численность автомобилей в колхозах и МТС БМАССР сократилась на 59 %, тракторный парк – на 23 %. Производство запчастей для тракторов уменьшилось в 5 раз, а по многим деталям – в 10–15 и более. Недостаток горючего, плохое техническое состояние машинно-тракторного парка в сочетании с низкой квалификацией вновь пришедших механизаторов обусловили неудовлетворительное использование техники. Во многих МТС простаивал каждый третий трактор⁷.

Повсеместно стал применяться конно-ручной труд, в качестве тягловой силы использовался крупный рогатый скот, происходило возвращение к упрощенной обработке земли. Возрождение экстенсивных начал в обработке земель не вызвало радикальной перестройки в основных организационных формах сельскохозяйственного производства. Количество колхозов оставалось практически таким же, как и перед войной.

¹ Карнаухова Е. С. Колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1947. – С. 54.

² Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 52.

³ Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 187.

⁴ НАРБ, ф. Р-248, оп. 40, д. 176, л. 20.

⁵ Вознесенский Н. Военная экономика СССР... – С. 96.

⁶ Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 52.

⁷ РГАЭ, оп. 496, д. 27, л. 13, 18.

Более существенные и динамичные изменения наблюдались во внутриколхозных формах организации труда – бригадах, звеньях, временных производственных объединениях. С первых дней войны колхозы пересмотрели весь распорядок дня, утвердили новые графики работ и нормы выработки. В период важнейших сельскохозяйственных кампаний обычным делом стала организация ночных смен, бригад и обозов. Вместе со всеми трудился сокращенный до минимума управленческий аппарат. Уже к августу 1941 г. для полевых работ было высвобождено свыше 9 тыс. чел.⁸

13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», согласно которому каждый член сельхозартели должен был ежегодно вырабатывать не менее 100–150 трудодней, в зависимости от района, вместо 60–80 в 1939 г. Не выработавшие установленного минимума сельчане должны были считаться выбывшими из сельхозартели и лишались приусадебного участка. Вводился обязательный минимум и для подростков 12–16 лет – не менее 50 трудодней в год. Подобными мерами привлекалась к общественному труду часть колхозников, которая по разным причинам была еще в нем мало занята. Например, в 1941 г. в колхозах Бурят-Монголии количество трудоспособных женщин, не выработавших даже прежнего минимума (80 трудодней), составило 22,1 %, т. е. в 3 раза больше, чем в среднем по Сибири, и в 2 раза, чем по РСФСР⁹. Объяснялось это в основном тем, что не с кем было оставить детей. Кроме того, в колхозах республики не был налажен правильный учет трудодней.

Во 2-й половине 1942 г. в колхозах Бурятии были открыты 272 детплощадки, 60 постоянных и 435 сезонных яслей, которые приняли около 20 тыс. детей. Для налаживания учета на селе из числа молодежи городов было направлено более 150 счетоводов. Уже к концу года число колхозниц в Бурят-Монгольской АССР, не выработавших обязательного минимума трудодней, уменьшилось, по сравнению с 1941 г., почти в 4 раза и стало в 2 раза ниже, чем в среднем по РСФСР¹⁰.

Примерно 70 % трудодней принадлежало трудоспособным колхозникам, в т. ч. 46 % – женщи-

⁸ ГАРФ, ф. 21, оп. 1, д. 26, л. 135.

⁹ РГАЭ, ф. 21, оп. 1, д. 40, л. 95–97.

¹⁰ Там же, л. 97.

*Члены Президиума Верховного Совета БМАССР
Г. А. Цыденова, С. А. Тыхеева, Х. Г. Намсараева*

нам. Престарелые крестьяне и подростки Бурятии, как и в целом по РСФСР, выработали около 20 % начисленных трудодней – почти столько, сколько трудоспособные мужчины-колхозники. Крестьяне многих артелей принимали собственные решения о более высоком минимуме трудодней, чем рекомендовалось правительством. Возросла и помощь населения городов и рабочих поселков. Уже летом и осенью 1941 г. в уборке первого военного урожая в республике участвовало более 20 тыс. горожан – рабочих, служащих, домохозяек, студентов, учащихся.

Из-за массовой отправки людей на фронт и в тыловую промышленность подбор и подготовка колхозных кадров стали важнейшей задачей. Уже в первые недели войны органы власти Бурят-Монгольской АССР приняли срочные мобилизационные решения о направлении коммунистов из Улан-Удэ и райцентров на работу председателями колхозов. В течение августа 1941 г. город командировал в колхозы 32 коммуниста¹.

Еще до войны, в апреле 1941 г., председателем Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР была избрана 32-летняя Г. А. Цыденова. Во время войны в ее задачи входило обеспечение фронта хлебом, лесом, теплой одеждой. Она ездила по районам республики, встречалась с людьми, рассказывала о положении на фронте, оказывала помощь в проведении хлебоуборки и сдаче продуктов сельского хозяйства государству.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 31, л. 82.

Женщины часто становились председателями колхозов, руководили бригадами и звеньями. По сравнению с 1940 г., их доля среди бригадиров-растениеводов выросла с 3,5 до 40,5 %, в числе бригадиров-животноводов – с 12,3 до 56,7 %, бухгалтеров и счетоводов – с 7,8 до 55,2 %. Всего на этих ответственных участках было занято 12 тыс. женщин².

В результате мобилизации всех трудовых сил Бурят-Монгольская АССР значительно перевыполнила и без того повышенные задания весенних полевых работ. Если в 1941 г. посевные площади в колхозах республики составляли 428 тыс. га, то в 1942 г. задание было перевыполнено на 111,4 %, и площади составили 477 тыс. га. В 1942 г. посевная площадь в сельском хозяйстве Бурят-Монголии была самой высокой за все годы войны.

Основной массив зерновых в колхозах был убран на 10–15 дней раньше соответствующих прошлых годов сроков. Хлеборобы сдали государству 78 тыс. ц хлеба³. поголовье крупного рогатого скота в колхозах за 1942 г. увеличилось с 245,8 тыс. до 277,7 тыс., овец и коз – с 527,2 тыс. до 584,5 тыс.⁴ Завершение сельскохозяйственных работ 1942 г. совпало с окончанием первого, самого драматичного периода войны.

С января 1943 г. по январь 1944-го число трудоспособных мужчин по всем тыловым колхозам, включая Бурят-Монголию, вновь уменьшилось – с 41,6 % до 32,8 % от предвоенного уровня. При этом их сокращение в хозяйствах составило 31 %

Хлеб – фронту!

² ГАРФ, ф. 21, оп. 41, л. 83.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 48, л. 37.

⁴ РГАЭ, ф. 21, оп. 498, д. 24, л. 28.

Женщины-трактористки на пахоте

против 8,8 по РСФСР. Если число трудоспособных обоого пола по колхозам РСФСР в 1943 г. даже несколько увеличилось, то по республике оно упало на 13,4 %¹. Столь ощутимая разница объяснялась тем, что вплоть до 1944 г. сельское население БМАССР, включая специалистов, практически не знало бронирования от призывов в армию. К этому добавлялись регулярные трудовые мобилизации в промышленность и на заготовку древесины.

Коренной перелом в ходе войны создал благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления военной экономики. Впервые за войну появилась возможность поддержки сельского хозяйства. Государственные ассигнования на отрасль составили в 1944 г. 7,0 млрд. руб. против 5,1 млрд. в 1943-м².

Постепенно начала восстанавливаться материально-техническая база сельского хозяйства, в т. ч. и в Сибири. Набирал мощность Алтайский тракторный завод, завершилось строительство первой очереди Красноярского комбайнового завода. 14 марта 1944 г. СНК СССР принял постановление «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства». Рост поставок машин и запчастей позволил не только пополнить оборудованием прежние МТС, но и создать десятки новых. Разворачивалась ремонтная база, на село направлялись ремонтные бригады из квалифицированных рабочих.

Улучшилась подготовка специалистов сельского хозяйства. 7 августа 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию

сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР». В связи с неоднократными обращениями с мест правительство в 1944 г. запретило мобилизовать рабочую силу из колхозов в промышленность, на строительство, железнодорожный транспорт и в некоторые другие отрасли народного хозяйства, освободило колхозы от поставок лошадей. Исключение составляли лесозаготовительные и сплавные работы.

Несмотря на изменения к лучшему, быстро переломить ситуацию не удавалось из-за ограниченного характера принимаемых мер. Главной рабочей силой оставались женщины. В 1944 г. на их долю вновь пришлось 76 % всех начисленных в колхозах Бурят-Монголии трудодней. Более 50 % женщин работали бригадами-полеводками, почти 60 % – бригадами-животноводками и т. д.³ Не менее половины из них получили с фронта «похоронки».

Тяжелым началом полевых работ стала подготовка семян. Почти полное их отсутствие было одним из худших последствий минувшего года. Продолжавшиеся до глубокой зимы хлебозаготовки практически опустошили колхозные закрома. Личных запасов почти не стало, и вся надежда оставалась на государственную ссуду. Но даже в таких суровых условиях на полевых работах продолжалось Всесоюзное соревнование. Еще больший размах получило оно среди тракторных бригад, став в своей основе комсомольско-молодежным движением. В республике первенство оспаривали около 154 комсомольско-молодежных и женских тракторных бригад⁴.

Последняя военная весна совпала с празднованием Победы над фашистской Германией. В родные села начали возвращаться фронтовики. Впервые после четырех лет войны начало увеличиваться трудоспособное население колхозов республики: с декабря 1944 г. до конца 1945 г. оно возросло на 7 %. Но еще ощущались большие трудности, тяжелым бременем ложились накопившаяся усталость, невосполнимые потери родных и близких, все зримее проступала для каждой семьи истинная цена войны.

В целом по республике весенний сев 1945 г. прошел в более сжатые сроки, чем в 1943–1944 гг.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 45, л. 3.

² Все для фронта, все для Победы: сб. воспоминаний тружеников тыла. – Новосибирск, 1985. – С. 159.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 57, л. 52.

⁴ Анисков В. Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. – М., 1979. – С. 314.

Посевные площади зерновых в колхозах увеличились на 4,6 %, в основном за счет посевов яровой пшеницы.

Наступавшее улучшение было относительным: подъем оказался неустойчивым, ибо многое зависело от погодных условий. Еще слишком мал был запас страховых гарантий, связанный с низкой культурой земледелия и малой технической оснащённостью деревни. Недостаток средств механической обработки земли, низкий уровень квалификации механизаторских кадров, отсутствие минеральных удобрений сдерживали восстановление посевных площадей и повышение культуры земледелия в целом. Все это привело к тому, что валовой сбор зерновых в колхозах БМАССР в 1945 г. сократился, а хлебозаготовки и сбор картофеля в колхозах снизились на 29 %¹.

Неурожай затормозил начавшееся было восстановление животноводства, всецело зависящего от наличия кормов. Огромное недовыполнение зернопоставок покрывалось чрезмерным забоем скота. На 15 ноября 1945 г. план сдачи зерна по республике был выполнен лишь на 54 %.

Советское правительство предпринимало все возможные в создавшейся обстановке меры. Было принято решение о повышении оплаты за сверхурочные задания (в 1,5 раза), работу в выходные дни и т. д. Повысилась зарплата работников многих категорий. В союзной промышленности среднемесячная зарплата возросла с 375 руб. в 1940 г. до 573 руб. в 1944 г. (на угольных предприятиях – до 729 руб.). Среднемесячная зарплата ИТР выросла с 768 руб. в 1940 г. до 1209 руб. в 1942 г. (в угольной промышленности еще больше). В годы войны в промышленности и на транспорте применялась премиальная система. Доля премий в общей сумме заработка выросла от 4,5 % у рабочих и 11 % у ИТР до соответственно 8 и 28 %².

Учитывая значительные трудности со снабжением трудящихся продуктами и промышленными товарами первой необходимости в достаточном количестве, правительство СССР было вынуждено ввести нормированное снабжение. Хлеб, сахар, крупы, мясо, молоко, масло, спички, мыло, обувь, одежда распределялись по карточкам, цена их оставалась на уровне довоенных лет. Карточная система была

дифференцированной: первая категория – для рабочих и служащих оборонной, топливной, химической, металлургической промышленности, машиностроения, транспорта (железнодорожного, морского и части речных пароходств), строительства; вторая – для рабочих остальных отраслей промышленности, а также работников, отнесенных к первой категории, но работающих в управленческом аппарате, в обслуживании. Рабочие и ИТР первой категории получали хлеба 600 г (норма), служащие – 400 г, второй – соответственно 500 и 400. Для рабочих ряда профессий устанавливались повышенные нормы выдачи хлеба – от 650 до 1000 г.³

Советское правительство в годы войны провело ряд мероприятий, направленных на улучшение децентрализованного обеспечения рабочих продуктами первой необходимости. Важную роль в этом сыграла система подсобных хозяйств. В Бурят-Монголии каждое не только крупное, но и среднее предприятие и многие учреждения организовывали подсобные хозяйства. Местные органы выделяли им земли, содействовали в приобретении инвентаря, подборе кадров.

Вторым путем в развитии децентрализованного снабжения являлось личное огородничество. К середине 1943 г. индивидуальным огородничеством занимались более половины рабочих и служащих республики. Развитие огородничества и подсобных хозяйств несколько улучшало обеспечение рабочих и служащих продовольствием. Некоторые подсобные хозяйства снабжали предприятия общепита: были организованы столовые, буфеты, в которых рабочие получали горячие завтраки, обеды. На местах изыскивались и другие источники снабжения. Создавались специальные бригады для ловли рыбы, сбора дикорастущих ягод.

Несмотря на трудности военного времени, уделялось внимание жилищному строительству. Еще до войны ощущалась острая нехватка жилья. С прибытием в республику эвакуированного населения жилищная проблема резко обострилась. Рабочие с семьями жили в переуплотненных общежитиях, на частных квартирах, в бараках и землянках, не хватало бань, прачечных. С 1942 г. по решению Советского правительства местными хозяйственными органами было начато возведение жилья, на местах

¹ ГАРФ, ф. 7485, оп. 4, д. 640, л. 20.

² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны... – С. 117–118.

³ Митрофанов А. В. Рабочий класс Советского Союза... – С. 413; Чернявский У. Г. Война и продовольствие. – М., 1964. – С. 74.

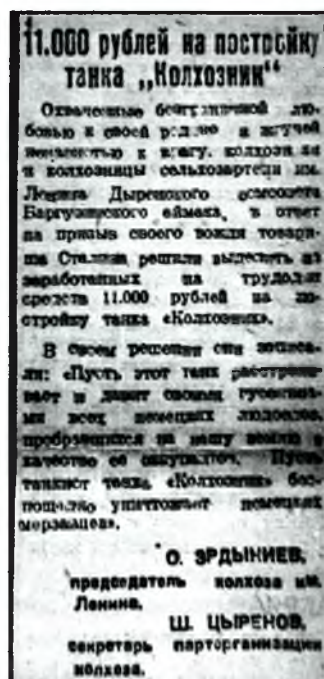
создавалась производственно-техническая база для строительства. В 1943 г. в БМАССР был введен в строй кирпичный завод. За 1941–1944 гг. жилой фонд местных Советов и промышленных предприятий только в Улан-Удэ увеличился на 63057 кв. м¹.

Патриотизм советского народа особенно ярко проявился в движении по оказанию добровольной материальной помощи фронту. Оно развернулось в разнообразных формах в ответ на призыв партии «Все для фронта, все для победы!» Одним из проявлений патриотизма было создание Фонда обороны СССР. Начавшись с первых дней войны, движение за создание этого фонда сначала носило стихийный характер и имело разнообразные формы. С предложением о создании народного фонда обороны трудящиеся республики выступали на митингах и собраниях, обращались в письмах и заявлениях в редакции газет, в партийные и советские органы на местах.

В конце июля – первых числах августа 1941 г. на промышленных предприятиях, в колхозах, учреждениях, учебных заведениях и общественных организациях прошли митинги и собрания, на которых жители Бурят-Монголии принимали решения активно включиться в создание Фонда обороны страны. Рабочие были инициаторами передачи на нужды обороны однодневных заработков и компенсаций за неиспользованный отпуск. Коллектив инструментального цеха Улан-Удэнского ПВРЗ 8 августа 1941 г. решил ежемесячно отчислять в Фонд обороны однодневный заработок.

Значительные средства поступали от массовых воскресников, устраиваемых рабочими и служащими промышленных предприятий и транспорта. В них участвовали многие домохозяйки. Первые воскресники в г. Улан-Удэ были проведены 29 июня 1941 г. Активное участие в них принимали железнодорожники. На всесоюзный воскресник 3 августа 1941 г. вышли более 9 тыс. железнодорожников Бурят-Монголии и членов их семей. Заработанные в этот день 80 тыс. руб. были внесены в Фонд обороны².

В создании и укреплении Фонда обороны активно участвовало колхозное крестьянство. В деревне одним из первых проявлений развернувшегося движения стали отчисления выработанных трудодней

*Газетная заметка
о сборе членами
сельхозартели
им. Ленина
Дыренского сомсовета
Баргузинского аймака
денег на постройку
танка «Колхозник»*

с причитающейся на них продукцией, а также натуральные и денежные пожертвования. Члены колхоза «Баянгол» Баргузинского района перечислили по 10–20 трудодней каждый. Колхозники сельхозартеля «Коминтерн» Селенгинского района отчислили по 10 трудодней³.

Одной из форм пополнения Фонда обороны с осени 1941 г. стала сдача общественного и личного скота колхозников для нужд Красной Армии. Комсомольцы Бурят-Монголии поставили на откорм 30 гол. крупного рогатого скота, 868 овец и коз, 816 свиней, 8134 гол. домашней птицы. Всего в республике было откормлено 14 тыс. свиней и 24250 овец⁴.

Помощью фронту являлось внесение в Фонд обороны хлеба и других продуктов. После сдачи излишков из предвоенных урожаев крестьяне выступили с инициативой о сверхплановых посевах зерновых и других культур. В республике, где преобладали яровые, наибольший засев «гектаров обороны» начался с весны 1942 г. в поддержку краснодарских, а с весны 1943 г. – ярославских колхозников. В 1942 г. колхозы Бурятии засеяли от 20 до 80 га озимой пшеницы сверх плана. От трудящихся

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 47, л. 61.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 475.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 229, л. 160.

⁴ Базаржапов В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 212.

Бурят-Монголии, где преобладало сельское промысловое население, к декабрю 1941 г. отчисления в тот же фонд составили 19,3 млн. руб. и на 17,9 млн. руб. облигациями. В 1942 г. было дополнительно внесено 18 млн. руб. деньгами и 32,2 млн. облигациями.

Значительный вклад в укрепление Фонда обороны внесла интеллигенция, учащиеся школ и техникумов, студенты вузов. Артисты, писатели, художники, композиторы участвовали в спектаклях, вечерах, выставках и концертах, сбор от которых шел в Фонд обороны.

Призыв «Все для фронта!» получил мощный отклик среди верующих-буддистов. По данным Госбанка СССР, на 1 января 1945 г. в Фонд обороны от верующих поступило 353100 руб. Многие ламы вносили личные пожертвования: Р. Жамьянов в 1944 г. сдал в помощь раненым бойцам 5 тыс. руб., Х. Галсанов – 60 тыс. руб., Л.-Н. Дармаев – 34 тыс. руб. Более 10 лам получили благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Гораздо весомее сделанных пожертвований были слова духовных лидеров, обращенные к народу. Бывший дид-хамбо-лама Х. Галсанов говорил: «Нам надо поднимать дух верующего населения и производить сбор средств в фонд Красной Армии и путем совершения молитвы разъяснять верующим о необходимости помочь Родине в этой войне, в войне с Германией...» Отдавая должное патриотической инициативе ламства, власти не препятствовали начавшимся с лета 1944 г. массовым религиозным молебнам в районах республики.

В архивах и перечнях поступлений в Фонд обороны по Бурят-Монголии немало записей о взносах детей. Комсомольцы были организаторами пяти комсомольско-молодежных воскресников в Фонд обороны. В республике на 3-м всесоюзном воскреснике было заработано 187 тыс. руб.

Ярким проявлением патриотизма явился также сбор средств на строительство военной техники. В БМАССР это движение началось в первые месяцы войны и развивалось параллельно с движением по созданию Фонда обороны. Начало сбора средств на постройку боевых машин относится к ноябрю 1941 г. К 5 ноября комсомольцами и молодежью г. Улан-Удэ на воскресниках было заработано 147432 руб. 90 коп.¹ На 27 декабря 1941 г. комсомольцы республики внесли на строительство танков и самолетов

Председатель колхоза П. М. Мункуев с семьей у самолета, построенного на личные сбережения

287 тыс. руб. 26 мая 1942 г. фронтовикам была передана танковая колонна «Социалистическая Бурят-Монголия», построенная на средства трудящихся республики на одном из уральских заводов.

Новый размах патриотическое движение приобрело осенью 1942 г. По примеру тамбовских колхозников, собравших средства на постройку танковой колонны, работники сельхозартели «Осоавиахим» Иволгинского аймака республики, готовясь к 25-й годовщине Октября, обратились ко всем трудящимся Бурят-Монголии с призывом начать сбор средств на постройку эскадрильи боевых самолетов «Социалистическая Бурят-Монголия»². Этот патриотический почин поддерживали все колхозники и к концу 1942 г. для этой цели было собрано 23 млн. руб.³

Нашлось много последователей саратовского колхозника Ф. Головатого, внесшего на строительство самолетов 200 тыс. руб. В числе первых была крестьянка артели «Победитель» Тарбагатайского района БМАССР П. Я. Васильева, сдавшая на постройку самолетов 100 тыс. руб. П. Н. Мункоев из джидинского колхоза пожертвовал на 50 тыс. руб. больше саратовского крестьянина, Д. Саганов из тункинского колхоза внес на боевую технику 190 тыс. руб., Ц. Банзаракцаев из колхоза «Галын-Очи» Джидинского района и Д. Эрдынеев из артели «Улан-Уданга» Селенгинского района – по 160 тыс. руб. Их взносы превосходили вклады целых коллективов. Двенадцать колхозников республики внесли в фонд вооружения 1662 тыс. руб. – почти

¹ НАРБ, ф. 2, оп. 1, д. 1859, л. 118.

² Бурят-Монгольская правда. – 1943. – 10 января.

³ Правда. – 1943. – 4 марта.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ
по ссудам поступившим в подарок бойцам действующей
Кр. Армии за время с 5/12-42 г. по 1/12-43 г.

Остаток на 5/12-42 г. 19,54ер.18н.

Поступления:

1. Поступило наличными от трудящихся республики в том числе:	руб.	1160984,47
1. город Улан-Удэ	444206,19	
2. изостинский этник	82948,00	
3. Дундговьский	39000,00	
4. Дундговьский	20722,00	
5. Забайкальский	12000,00	
6. О. Байкальский	6500,00	
7. Кяхтинский	10000,00	
8. Селенгинский	26822,00	
9. И. Ишировский	55000,00	
10. тарбагатайский	1922,30	
11. Забайкальский	261886,48	
12. Окинский	21776,00	
13. Тувинский	20419,30	
14. Кравчинский	72000,00	
15. Прибайкальский	3120,00	
16. Наргузинский	23403,88	
17. Баунтовский	10000,00	
18. Кичигинский	10481,23	
2. Поступило за переданные продукты городу в застав. фонд	209621,16	
3. Возврат неиспольз. средств тов. Отрельяновым	1000,00	
4. Поступило от комиссии по сбору теплых вещей	100000,00	
5. Тоже за реализацию часов золотых	3350,00	
6. Итого за 1942 год	2705-37	
	Итого	2266671-20

Денежный отчет Республиканской комиссии по сбору подарков для бойцов и командиров Красной Армии

половину стоимости танковой колонны. На деньги колхозников была построена танковая колонна «Молодой колхозник Бурят-Монголии».

Большие средства на приобретение вооружения для фронта поступили от коллективов промышленных предприятий и работников транспорта. Собрали средства на строительство танков и самолетов железнодорожники. На Улан-Удэнском паровозово-вагонном заводе было собрано 450 тыс. руб. для строительства боевых самолетов эскадрильи «Коллектив Улан-Удэнского ПВЗ».

Рыбаки Гослова и колхозов, рабочие и служащие рыбохозяйственных предприятий Бурят-Монгольской АССР передали 600 тыс. руб. на строительство танков «Байкальский рыбак». Коллективы предприятий лесной промышленности республики сдали 550 тыс. руб. на танковую колонну «Лесоруб Бурят-Монголии», работники торговли и потребительской операции внесли деньги на танки «Потребкооперация» и самолеты «Торговый работник»¹.

Активно участвовала в строительстве военных объектов интеллигенция республики. Народный художник БМАССР Ц. Сампилов внес 20 тыс. руб., народный артист СССР Г.Ц. Цыденжапов – 10 тыс. руб. На средства, собранные сибирской интеллигенцией, были введены в действие десятки танков и самолетов.

За годы войны трудящиеся Бурят-Монголии собрали в фонд вооружения 58 млн. руб.² Это далеко не полные данные, если учесть взносы облигациями, драгоценностями, продуктами сельского хозяйства.

Для покрытия военных расходов большое значение имели государственные займы. Советские люди в первые дни войны изъявили желание оказать всемерную материальную поддержку государству. Для привлечения дополнительных денежных средств на оборону страны правительство в апреле 1942 г. приняло решение о выпуске государственного военного займа. Новый заем выпускался на сумму 10 млрд. руб. сроком на 20 лет. Первый военный заем в Бурят-Монголии был размещен в сжатые сроки и более успешно, чем это было с довоенным займом. Труженики республики на заем 1942 г. дали 19 млн. руб. С успехом прошла подписка на второй государственный заем, объявленный 4 июля 1943 г.

Многие рабочие, инженерно-технические работники, служащие ПВРЗ подписались на сумму, равную или превышающую их месячный заработок. В промартели «Кооператор-комсомолец» 4 июня 23 человека подписались на 16 тыс. руб. Портниха О. Доржиева заявила: «Мой сын на фронте. Я счастлива за возможность помочь сыну и его боевым друзьям в борьбе с фашистами. Получая в месяц 500 руб., подписываюсь на 1 тыс. руб. и вношу эту сумму наличными». Портниха М. Банзаракцаева, зарабатывая 600 руб., подписалась на 1 тыс. и тоже внесла все деньги наличными. В целом по республике только за первые сутки подписки было дано займы государству 51700 тыс. руб., в т. ч. наличными – 12100 тыс. руб.³

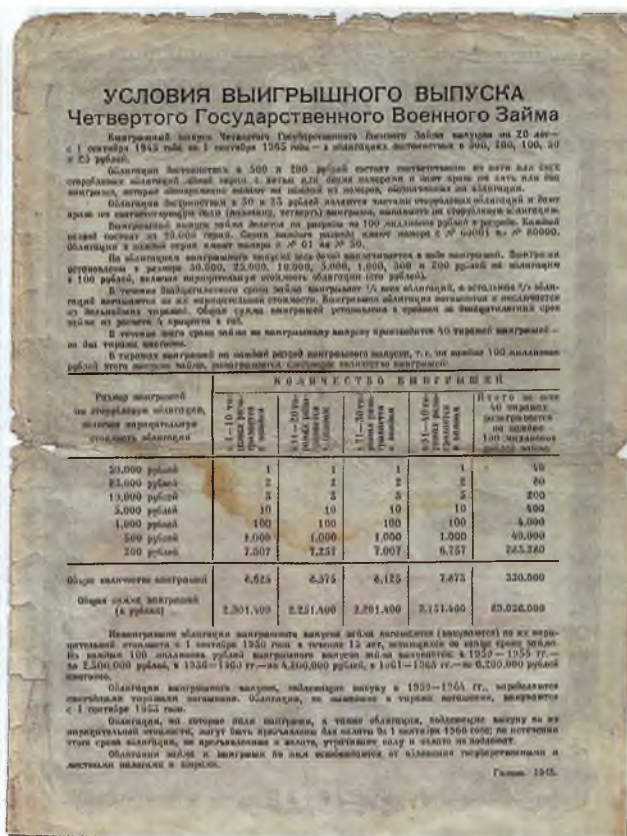
В сущности подписка приобрела тот же смысл, что и сбор денег. Обязательную разверстку подписных сумм колхозники, как правило, добровольно превышали в несколько раз. Снова появились иници-

войны... – С. 140.

² НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 173, л. 87.

³ Бурят-Монгольская правда. – 1943. – 6 июня.

¹ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной

Четвертый государственный военный заем 1945 г.

циаторы сверхкрупных сумм и своеобразные рекорды. Член колхоза им. В.И. Ленина Джидинского района Б. Дондуков на 227 тыс. руб. наличными выкупил облигации второго государственного займа, а председатель артели им. К. Маркса того же аймака Буянтуев подписался на 130 тыс. руб. Колхозники Полянский, Лодоев, Дымбрылов (Мухоршибирский район), Э. Зодбоев (Заиграевский район), Д. Очиров, Л. Данзанов (Селенгинский район) подписались на 100 тыс. руб. каждый и внесли всю сумму наличными¹.

Трудающиеся республики откликнулись на призыв о третьем военном займе (май 1944 г.) и подписались на 26733 тыс. руб. Общий успех определяла повсеместная массовость подписных кампаний. Оформление подписных листов завершалось, как правило, в течение двух-трех, максимум пяти дней. 24 колхозника Бурят-Монголии подписались на 50–100 тыс. руб., более 200 – на сумму от 5 до 50 тыс. руб.

Высокая активность крестьянства не свидетельствовала о наличии у людей лишних денежных средств. На счету была каждая крупинка зерна, каждый килограмм картофеля, которых не хватало для собственных нужд. Поэтому чтобы подписаться на заем, подчас приходилось идти на очередные жертвы.

«Займом Победы» назвали советские люди последний, четвертый, военный заем 1945 г., выпущенный 5 мая 1945 г. на сумму 25 млрд. руб. В Бурят-Монголии уже в первый день реализации этого займа подписка превысила намеченную сумму на 1341 тыс. руб. Более 7 млн. руб. трудающиеся внесли наличными. Всего за 1942–1945 гг. труженники республики внесли на военные займы более 288 млн. руб. драгоценностями и продуктами².

Значительным вкладом в государственный бюджет были поступления от проведения денежно-вещевых лотерей. За военный период в нашей стране организовано 4 такие лотереи. За годы войны

¹ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 142.

² Бурят-Монгольская правда. – 1945. – 15 мая.

Посылка на фронт

трудящиеся Бурят-Монголии приобрели лотерейных билетов на сумму 51 млн. руб.¹ Государственные военные займы и денежно-вещевые лотереи покрыли около 15 % всех военных расходов страны².

Сибиряки дали почти одну восьмую поступлений в госбюджет СССР по военным займам (10 млрд.) и почти четверть суммы по подписке на денежно-вещевые лотереи (около 2 млрд. руб.).

Забота об армии проявилась и в таком общенародном движении, как сбор для нее теплой одежды и обуви. До сентября 1941 г. проводился сбор обмундирования для добровольных народных и воинских формирований. С приближением зимы и очевидным затяжным характером войны эта патриотическая инициатива людей приобрела более целенаправленный характер.

5 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) специальным постановлением обязал местные партийные организации возглавить сбор теплых вещей, овчин, шерсти среди населения и обеспечить переработку

поступающего сырья. Шерсть и овчины поступали в специально созданные мастерские, на меховые и валяльные участки; носки, шарфы и варежки вязали на дому. В годы войны трудящиеся Бурят-Монголии сдали 322 тыс. штук теплых вещей.

Большую долю этих вещей, особенно крупных, собрали сельские жители. Каждая крестьянская семья считала своим долгом сдать как минимум одну теплую вещь, а то и целый комплект обмундирования. Деревня тех лет располагала большими возможностями для сбора полушубков, валенок, овчин и шерсти. В знак признательности за теплые вещи в Бурят-Монголию потоком шли письма фронтовиков со словами горячей благодарности.

Сбор подарков фронтовикам был начат с призыва работников Улан-Удэнского мясоконсервного комбината 12 декабря 1941 г. Трудящиеся республики, поддержав этот почин, собрали для воинов Красной Армии 43 т рыбы, 33 т колбасных изделий и копченостей, 9 т мяса, 27 т сухарей и пряников, 5 вагонов индивидуальных подарков и другие продукты. Всего было собрано новогодних подарков на сумму более 2421 тыс. руб.

Под новый 1942 год состав из 21 вагона с подарками от трудящихся Бурят-Монголии в сопровождении делегации республики прибыл в район Малоярославца, где они были вручены бойцам, командирам и политработникам 43-й армии Западного фронта. Трудящиеся Бурятии подготовили подарки и к 24-й годовщине Красной Армии. Под Наро-Фоминском они были вручены бойцам армии генерала Ефимова. Учитывая исключительное значение народной инициативы по сбору и отправке

Выполняя долг...

¹ Базаржапов В. Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны... – С. 35.

² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. – М., 1958. – С. 698.

Подарки для фронта от коллектива Центрального государственного архива г. Улан-Удэ. 1942 г.

подарков для фронта, ГКО решил придать ей организованный характер и принял 18 мая 1942 г. постановление «Об организации доставки подарков от населения для Красной Армии». Из Бурятии в 1942–1943 гг. фронт получил 138 вагонов продуктов и подарков.

Особенно дорогими для фронтовиков были посылки пионеров и школьников. Они напоминали бойцам о доме, о священном долге защиты детей от фашистов. В ноябре 1941 г. 850 учащихся школы № 65 г. Улан-Удэ собрали 1679 подарков на сумму 3400 руб. Юные патриоты за годы войны собрали и передали воинам большое количество литературы, письменных принадлежностей, кисетов, носовых платков, конвертов, воротничков, швейных иголок и т. п.

Огромную роль в укреплении связей тыла с фронтом сыграл взаимный обмен делегациями. Делегация Бурят-Монгольской АССР была первой делегацией национальных районов Сибири на фронте. В «Бурят-Монгольской правде» от 3 февраля 1942 г. этому событию была посвящена целая полоса. В 1942 г. на фронте побывала еще одна делегация из Бурят-Монголии, сопровождавшая первомайские подарки в 11-ю армию Северо-Западного фронта.

В Бурятию 28 июня 1942 г. приехала делегация бойцов и командиров Северо-Западного фронта. Они побывали на предприятиях

Улан-Удэ, рассказали о своих боевых делах и заверили тружеников тыла, что не жалея жизни будут сражаться до полной победы над врагом. С особой теплотой колхозниками был встречен легендарный снайпер, кавалер ордена Ленина Ц.-Д. Доржиев, избивший 270 фашистов.

Одной из форм связи тыла с фронтом были поездки в действующую армию фронтовых художественных и концертных бригад, которые стали организовываться уже в первые дни войны. По решению пленума ЦК профсоюзов работников искусства, у воинов Белорусского фронта в начале 1944 г. побывала концертная бригада артистов Бурятского драматического театра и Государственной филармонии. Концертная бригада Бурят-Монгольской АССР неоднократно выступала и перед воинами Забайкальского и Дальневосточного фронтов.

Труженики тыловых районов страны проявили огромную заботу о раненых фронтовиках. Во 2-м полугодии 1941 г. в Бурят-Монголии было организовано 14 эвакуогоспиталей: в гостинице «Байкал», в роддоме № 2, в школах города, в Горячинске и других местах.

Трудящимися Бурят-Монголии был создан фонд здоровья для раненых. Тысячи тонн различных продуктов были переданы госпиталям республики. С весны 1942 г. в фонд помощи госпиталям засеивались сверх плана сотни гектаров зерновых, картофеля и овощей. Многие колхозы и совхозы, а также отдельные колхозники откармливали для госпиталей крупный рогатый скот, овец, свиней, коз, домашнюю птицу. Колхозники заготавливали

Коллектив Центрального государственного архива г. Улан-Удэ в подшефной палате госпиталя. 8 марта 1942 г.

для больных и раненых лекарственные растения, орехи, ягоды и т. п. Школьниками было собрано, высушено и сдано более 16 т лекарственного сырья¹.

Фронтовики с чувством огромной благодарности отзывались о своих шефах, об их большой повседневной помощи госпиталям. «Врачи возродили меня во второй раз, а шефы своей заботой восстановили мое здоровье», – писал после выздоровления в улан-удэнском госпитале тяжело раненный сержант Н. П. Кизуб².

Немало фронтовиков война сделала инвалидами. По решению правительства инвалидам Отечественной войны предоставлялось преимущественное право зачисления на работу во все государственные и кооперативные предприятия, учреждения и организации. К концу 1944 г. в Бурят-Монгольской АССР были устроены на работу более 4 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны и более 100 обучались при госпиталях.

За 1941–1944 гг. инвалидам войны в республике в порядке материальной помощи было выдано 28149 комплектов одежды и белья, 2014 пар обуви, 3107 м мануфактуры, 47 гол. скота, а также большое количество топлива, продуктов питания и денег. Для одиноких инвалидов создавались специальные дома. В Улан-Удэ был открыт Дом инвалидов и интернат-общежитие на 40 мест для инвалидов, нуждавшихся во временном отдыхе после выхода из госпиталя до устройства на работу или учебу.

В первые дни войны Советское правительство приняло ряд законов, направленных на улучшение материального состояния семей фронтовиков, и выделило на эти цели средства. Семьям фронтовиков было выдано пособий более чем на 5,5 млн. руб.³ Кроме пенсий и пособий семьям военнослужащих предоставлялись значительные льготы по налогам, квартплате, устройству детей в ясли и детские сады и т. д. В случае гибели на фронте за семьей военнослужащего сохранялись на время войны все ранее предоставленные льготы.

Труженики Бурят-Монголии хорошо понимали, что забота о семьях фронтовиков есть часть заботы о Красной Армии. За 1941–1944 гг. в промышленности и сельском хозяйстве было трудоустроено более 6,3 тыс. членов семей фронтовиков. Заметно

усилилась помощь семьям фронтовиков после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям фронтовиков»⁴.

Многие бойцы и командиры в своих письмах благодарили партийные и советские организации за заботу об их семьях. Боец М. Тюков в апреле 1942 г. с фронта писал первому секретарю Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) С.Д. Игнатьеву: «Семен Денисович! Мы еще раз исключительно благодарны бюро обкома и Совнаркому за ваше внимание к нашим семьям. Никто из нас не беспокоится за оставленные нами свои семьи. Материально они обеспечены»⁵.

В фонд помощи детям поступали средства, заработанные на комсомольско-молодежных воскресниках, во время проведения дней, декадников и месячников помощи детям фронтовиков, добровольные отчисления однодневных заработков. Открывались детские столовые, спортивные площадки, создавались мастерские по ремонту детской обуви и одежды. Из этого же фонда оказывалась материальная помощь в виде единовременных пособий, назначались стипендии наиболее нуждавшимся ученикам. В 1944 г. из фонда было выплачено 200 комсомольских стипендий⁶.

В первые месяцы войны десятки тысяч детей были эвакуированы из прифронтовой полосы в Сибирь, в Бурят-Монголию было размещено 3 эвакуированных детских учреждения⁷. Большинство детей прибыли поздней осенью и зимой 1941–1942 гг., некоторые не имели теплой одежды и обуви. Истощенные, измученные непрерывными бомбежками и обстрелами, многие дети были тяжело больны. В республике сотни детей-сирот принимались на патронат или усыновлялись. Из 783 детей-сирот 334 были патронированы, 65 усыновлены, 230 переданы в опекунство, а 154 ребенка содержались на средства колхозов⁸.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2 ... – С. 204.

⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 36, л. 49.

⁶ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 390.

⁷ НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 277, л. 41.

⁸ Васильев Ю. А. Коммунистическая партия – организатор патриотического движения трудящихся. – Тюмень, 1963. – С. 81.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 2, д. 134, л. 87.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1917, л. 136.

³ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 36, л. 47.

4.3. Культура Бурятии в военные годы

В годы войны особенно ярко проявилась теснейшая связь многонациональной советской литературы и искусства с жизнью народа и страны. Отечественный исторический опыт доказал, что способность нации защищать свою свободу и независимость во многом определяется моральной зрелостью. Именно от морального состояния армии и народа в значительной степени зависел исход Великой Отечественной войны.

Российские деятели культуры, несмотря на серьезные потери в результате репрессий и преследований 1930-х гг., смогли в 1941 г. обрести новое дыхание, наполнить профессиональную, военно-шефскую, оборонно-массовую работу конкретным патриотическим содержанием. Спектакли, политические плакаты, стихотворения, поэмы, публицистические статьи, исторические очерки, романы, массовые песни, марши, симфонии, кантаты, другие произведения литературы и искусства можно по праву считать своеобразной хроникой, летописью Великой Отечественной войны. Многие из этих произведений до сих пор пользуются заслуженной популярностью.

С первых дней войны ушли в действующую армию многие бурятские художники, артисты, писатели: Ц. Номтоев, Б. Мунгонов, Д. Хилтухин, А. Уланов, Б. Базарон, Д. Мадасон и др. К. Брянский, А. Бардамов, В. Зарбуев, И. Батурин, Г. Костеев, Х. Дамбиев, М. Этингов, М. Олзоев, Ц. Цырендашин, А. Голубков, В. Морошкин, Г. Бадмаев, Т. Баргуев, М. Сыденов, Б. Аюржанаев погибли на поле брани. Ранеными вернулись с войны Г. Лосев, М. Машаров, Г. Батубаев, П. Разгильдеев, С. Ринчинов.

В тылу самоотверженно трудились писатели Х. Намсараев, А. Шадаев, Г. Цыдынжапов, Н. Балдано, художники Ц. Сампилов, Р. Мэрдыеев, композиторы и артисты театров. Они выступали на полях сражений, в цехах фабрик и заводов, в воинских частях, вдохновляя людей на героический труд во имя Родины.

Военное время внесло существенные коррективы в творческие планы работников искусства Бурят-Монголии, подчинило их деятельность нуждам фронта и обороны страны. В 1-й половине 1941 г. в республике работали 5 театрально-художественных коллективов: Государственный бурятский музыкально-драматический театр, Госу-

Бурятские писатели (слева направо) Х. Намсараев, Ж. Тумунов, Н. Балдано и А. Шадаев

дарственный русский драматический театр, театр юного зрителя, русский драмтеатр в г. Кяхте, бурятский колхозно-совхозный театр. Государственная филармония имела в своем составе симфонический оркестр, оркестр народных инструментов, хор и солистов. В сентябре 1941 г. был закрыт Кяхтинский русский драмтеатр, временно прекратила свою деятельность филармония. В декабре 1941 г. в связи с эвакуацией в Улан-Удэ Харьковского театра русской драмы был расформирован Государственный русский драмтеатр в Улан-Удэ, а актеры русских драмтеатров Кяхты и Улан-Удэ вошли в труппу Харьковского театра и ТЮЗа.

Ведущий театральный коллектив республики – Государственный музыкально-драматический театр, несмотря на то что значительная часть мужского состава была мобилизована в армию, продолжал упорно трудиться, поставив целью закрепить уровень творчества, достигнутый в декадных спектаклях в Москве, и в условиях военного времени создавать спектакли, вдохновляющие народ на борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

В годы войны музыкально-драматический театр вместе с другими театральными коллективами вел большую военно-шефскую работу. Концертные бригады театра систематически выступали перед ранеными бойцами в госпиталях, обслуживали части Забайкальского военного округа. Представители художественной интеллигенции в составе делегаций выезжали на Западный и Восточный фронты. В декабре 1941 г. в составе делегации, сопровождавшей эшелон с подарками, на Западный фронт вы-

Фронтальная концертная бригада под руководством Г.Ц. Цыдынжапова на Белорусском фронте. 1944 г.

езджал писатель Н. Балдано. В своих воспоминаниях он писал: «Мы отвезли на фронт подарки бойцам и письмо, которое подписали 275 тыс. жителей Бурятии. В этом письме говорилось: «Знайте, славные герои, что мы не жалеем сил в труде, во имя Победы мы ничего не пожалеем, чтобы помочь вам испепелить гитлеровскую кровожадную саранчу»¹. В 1943 г. концертная бригада музыкально-драматического театра из ведущих солистов во главе с художественным руководителем театра Г. Цыдынжаповым выезжала

Агитплакат С. М. Дугарона

для обслуживания частей Советской Армии на Белорусский фронт, где дала около 100 концертов.

В годы войны дальнейшее развитие получила музыкальная культура Бурятии. Военная тема отразилась прежде всего в народном творчестве и массовой песне: в «Марше кавалеристов» и «Балладе о Гастелло» Д. Аюшеева, «Метко целься!» Ж. Батуева, в «Сказании о Москве», «Смерть фашистам!», «Сталинград» Б. Ямпилова, «Победной песне» П. Берлинского. Были созданы симфонические произведения, кантаты и оратории.

Напряженно жил и трудился в годы войны коллектив художников Бурятии. По их инициативе было выпущено 170 номеров «агитокон», 50 плакатов². Теме войны посвящены многочисленные живописные полотна, несшие в себе черты плаката-призыва: «Готовы на фронт» В. Шестаковой, «Разрешите на фронт» и «Фашистам нет места» Р. Мэрдыеева, «Руки вверх!» А. Тимина и др. Не прекращалась выставочная деятельность. Ежегодно проводились республиканские выставки, в 1944 г. в Улан-Удэ прошла межобластная выставка художников Сибири и Дальнего Востока; в 1945 г. — персональная выставка Ц. Сампилова.

Великая Отечественная война внесла существенные изменения в развитие всех отраслей народного хозяйства, в т. ч. в книгоиздание. На массовых митингах советского народа, организуемых в первые часы войны, выражалась готовность любыми средствами (на фронте и в тылу) бороться с фашистской Германией до победного конца. Важная роль в этом отводилась работникам культуры, научным сотрудникам, ученым, писателям, издательским работникам. В резолюции, принятой на одном из митингов, ими было взято обязательство обеспечить высокое качество научно-исследовательской и творческой работы для борьбы с фашизмом³.

В первые военные месяцы постепенно сворачивается деятельность культурно-массовых учреждений. В августе 1941 г. закрываются театры юного зрителя и бурятский колхозно-совхозный (постановление СНК БМАССР № 520 от 13 августа 1941 г.), с 1 сентября 1941 г. прекращаются занятия в Бурят-Монгольском театральном училище и областной детской музыкальной школе (постановление СНК БМАССР № 526 от 15 августа 1941 г.), закрыва-

² Очерки истории и культуры Бурятии. Т. 2 ... — С. 327.

³ Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... — С. 14.

¹ Из личного архива Н. Г. Балдано.

Портрет народного художника Бурятской АССР Ц. С. Сампилова. Художник Г. Е. Павлов. 1951 г.

ется Государственная бурят-монгольская филармония (постановление СНК БМАССР № 552 от 26 августа 1941 г.).

С первых дней войны в соответствии с требованиями времени перестраивается книгоиздательское дело, что в первую очередь отразилось на характере издаваемой продукции. Преимущество отдавалось выпуску брошюр для широкого круга читателей агитационно-массового, профессионально-производственного и научно-популярного характера. В основном публиковалась литература, разъясняющая обстановку на фронте, работы, содержащие практические рекомендации по овладению новыми специальностями.

Важное место в деятельности издательств занимала массово-агитационная работа. Она проводилась в нескольких направлениях. Как и в довоенное время, массовыми тиражами выпускались произведения классиков марксизма-ленинизма, отдельными брошюрами были опубликованы выступления руководителей партии, политических деятелей, посвященные вопросам развития страны в годы войны. В 1942 г. на бурятском языке были изданы доклад И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы «XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» и «Приказ народного комиссара обороны» от 1 мая 1942 г. № 130. Выпущенные брошюры распространялись и за пределами республики. В 1943 г. к секретарю обкома ВКП(б) БМАССР по пропаганде обратился начальник политотдела 2-го бригадного района Забайкальской зоны ПВО с просьбой выслать книгу Сталина «О

Великой Отечественной войне Советского Союза» (1943) на русском и бурятском языках, выпущенную в Бурмонгизе, для работы с рядовым, сержантским и офицерским составом¹.

Издаваемые брошюры были рассчитаны на разные аудитории. «Памятка агитатора. О борьбе за экономию топлива и электроэнергии», «Памятка сельского агитатора на уборке урожая» (1942) и «Организация работы стенной газеты» Б. Горелика (1944) предназначались для партийного актива, редакторов стенгазет и рабселькоров, другие – для массового читателя и пропаганды военных знаний. Среди них брошюры «Что необходимо знать бойцу всеобщего о воинской дисциплине и караульной службе» Г. П. Пьяных, «Как бороться с воздушными десантами врага» М. Спирина, «В помощь изучающим военное дело», «В помощь группам самозащиты», «Как стрелять из винтовок и ручных пулеметов по вражеским самолетам и парашютистам» И. А. Виноградова.

В соответствии с решением VII пленума Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) от 25–25 октября 1941 г. особое внимание уделялось пропаганде военных знаний и средств противовоздушной и противохимической обороны, разъяснению значения постановления ГКО о всеобщем и постановления СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне»². В 1941 г. были выпущены «Памятка бойцу по противохимической обороне и защите от зажигательных веществ», «Временная инструкция по тушению зажигательных авиабомб и пожаров от них в населенных пунктах», «Будь готов к ПВХО».

Многие работы освещали вопросы санитарии. В 1943 г. издательство выпустило на бурятском языке брошюры А. И. Доброхотовой «Берегите детей от заразных болезней», П. Г. Сергиева «Малярия», памятки общественным санинструкторам «Сыпной тиф и борьба с ним», «Будь донором!» и «Как обеспечить себя витамином С», в которых содержались практические советы по профилактике заболеваний в тылу.

В первые месяцы войны многие экономически развитые регионы страны были оккупированы, в связи с чем резко ощущалась нехватка жизненно важных ресурсов. Появилась потребность в скорейшем проведении работ по их выявлению и ис-

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4230, л. 39.

² Там же, д. 3764, л. 7–8.

пользованию в глубоком тылу. Уже в 1941 г. перед работниками Бурят-Монголии были поставлены задачи по изучению местных запасов и выработке путей их эффективного использования¹.

В постановлении Совета народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР и бюро обкома ВКП(б) от 31 мая 1942 г. № 254 говорилось о необходимости проведения научной конференции по изучению и освоению экономических ресурсов Бурят-Монгольской АССР, для участия в которой привлекались профильные специалисты, научные и инженерно-технические работники, стахановцы². По результатам работы конференции, в связи с актуальностью затрагиваемых проблем, для популяризации научно-технических достижений было принято решение об издании материалов конференции³. Отдельными брошюрами в рамках «Экономической серии» в 1943 г. были выпущены стенограммы докладов С. Д. Игнатьева «Экономические ресурсы Бурят-Монголии и задачи их освоения в условиях Отечественной войны»⁴, М. Н. Балкова «Крупный рогатый скот Бурят-Монгольской АССР», В. Яснитского «Лекарственное сырье Бурят-Монгольской АССР и его использование», В. А. Святогора «Растительные богатства Бурят-Монгольской АССР» (1943).

Помимо этого, согласно постановлению СНК Бурят-Монгольской АССР и бюро обкома ВКП(б) № 21а от 11 января 1943 г., были проведены работы по проведению решений республиканской научной конференции посредством их пропаганды в книжной продукции⁵. В результате появились брошюры П. К. Метляева «115 центнеров картофеля с гектара. Опыт звеньеводов колхоза им. XVIII партсъезда Заиграевского аймака А. П. Шурыгиной», М. А. Рампиловой «Перспективные сорта зерновых культур по Бурят-Монгольской АССР». Первая была посвящена методу получения высоких урожаев картофеля, вторая обобщала опыт передовых колхозов.

В декабре 1942 г. при ГИЯЛИ был создан сектор экономики, в котором сконцентрировались научные

исследования. Результатом его работы стало издание трудов ученых республики, в частности С. В. Обручева «Полезные ископаемые и минеральные источники Окинского аймака БМАССР». Сектором были подготовлены брошюры в помощь предприятиям местной промышленности и колхозам, работы, пропагандирующие новые методы агротехники, приемы разведения технических культур⁶.

Огромную роль в переломные моменты истории играло обращение народа к изучению своего исторического прошлого, и поэтому большое внимание уделялось изданию исторической литературы, выполнявшей в условиях войны важные задачи по поддержанию патриотических чувств и боевого духа советских людей посредством популяризации истории народа, его обычаев. Уже в 1941 г. Бурмонгизом был издан сборник статей и материалов «Из героического прошлого русского народа».

Наибольшего размаха достигла пропаганда героических традиций в связи с празднованием 700-летия со дня Ледового побоища – разгрома немецких рыцарей на Руси. Этому мероприятию придавалось огромное политическое и воспитательное значение. 4 марта 1942 г. Бурятским обкомом ВКП(б) было принято постановление «О проведении в Бурят-Монголии 700-летия Ледового побоища», в котором отмечалась необходимость пропаганды идей патриотизма на конкретных исторических примерах. Важная роль в его реализации отводилась Бурят-Монгольскому государственному издательству, которому был поручен выпуск юбилейных брошюр и плакатов, посвященных празднику⁷. К юбилею были опубликованы работы А. Козаченко «Ледовое побоище» (1941 г.), Д. Введенского «Поучительный урок прошлого» (1942 г.). В серии «Великие борцы за русскую землю» вышли книги В. Данилевского «Александр Невский» и «Дмитрий Пожарский» (1944 г.).

С июня 1942 г. активно проводилась подготовка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) отделу пропаганды ОК ВКП(б) было поручено разработать и представить план издания юбилейных материалов, отражающих достижения республики за годы советской власти, а Госплану БМАССР – подготовить спра-

¹ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 392.

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 14, д. 97, л. 213.

³ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 3996, л. 39.

⁴ Залкинд Е. М. Изучение истории, литературы и экономики Бурят-Монголии // XX лет БМАССР. – Улан-Удэ, 1943. – С. 169.

⁵ НАРБ, ф. Р-248, оп. 14, д. 266, л. 5.

⁶ Золотов А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны... – С. 128.

⁷ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 3987, л. 7.

вочные и сводные материалы для их дальнейшего использования в юбилейных изданиях¹.

Среди мероприятий, приуроченных к празднованию XX годовщины республики, важное место отводилось изданию юбилейной литературы, для подготовки которой 31 марта 1943 г. была сформирована секция по юбилейным изданиям. В нее вошли М. Д. Зугеев (руководитель), А. С. Толстихин (редактор газеты «Бурят-Монгольская правда»), М. И. Шулушкин (заместитель директора ГИЯЛИ), А. И. Шадаев (писатель), А. Г. Туйск (представитель ГИЯЛИ), Н. Тугутов (корреспондент «Правды»), В. Г. Манкетов (директор Бургиза)². Результатом ее работы стало утверждение в тематическом плане издательства около 10 названий книг, посвященных юбилейной дате³, среди которых были политико-экономический сборник статей и материалов «XX лет Бурят-Монгольской АССР», «Антология бурят-монгольской литературы» Б. Санжина и А. Шадаева, изданная в серии «20 лет бурят-монгольской литературе», литературно-художественный сборник «Сталин в творчестве народов Бурят-Монгольской АССР»⁴, работы Л. А. Петрова «Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый», А. Тороева «Двадцать лет», Н. Тугутова «Последняя юрта» и сборник стихов К. Брянского «Во славу родины»⁵.

Статьи и заметки ученых, преподавателей высших учебных заведений республики, появлявшиеся на страницах местных журналов и газет, ввиду своей актуальности публиковались отдельными брошюрами. Среди них работы Ф. А. Кудрявцева «Боевые традиции бурят-монгольского народа» (1942), Е. М. Залкинды «Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов» (1943)⁶.

В этот период в республике проводится работа по сбору материалов, посвященных Великой Отечественной войне. 25 февраля 1942 г. на заседании бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о концентрации документальных материалов. В постановлении говорилось «о необходимости» сохранения всех видов докумен-

тальных материалов, отображающих участие трудящихся Бурят-Монголии в Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками, их творческий, трудовой героизм по укреплению единства фронта и тыла и место Бурят-Монголии в системе военных лагерей советского народа». Республиканскому издательству, редакциям республиканских и областных газет было предложено систематически подбирать материалы о патриотизме и трудовом героизме трудящихся Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны для передачи их в фонд партархива при обкоме партии⁷. В марте 1943 г. была создана республиканская комиссия по истории Великой Отечественной войны в составе Санжиева (председатель), Введенского, Бельгаева, Куприянова. Изучение и научная обработка отобранного материала были сконцентрированы в ГИЯЛИ⁸.

Важную роль в поддержании боевого духа советского народа играли художественные произведения. Перед писателями и поэтами республики стояла задача всемерного содействия художественными средствами патриотическому воспитанию трудящихся для достижения победы над врагом⁹. Ежегодно Бурмонгизом выпускалось до 30 названий художественных книг о войне, героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков¹⁰. В 1942 г. был напечатан сборник стихов Ц. Галсанова «Прославленные», в который были включены стихотворения о подвиге советских людей на фронте и в тылу¹¹. Были опубликованы поэмы Ж. Тумунова «Благословение матери» и «Четыре года», повествующие о неразрывной связи между фронтом и тылом, о взаимоотношениях между людьми в нелегкое военное время¹².

Отличительной чертой творчества писателей и поэтов в военный период было их обращение к фольклору. В это время издаются отдельными брошюрами произведения сказителя Е. И. Сорокикова «Новые сказки», «Русско-богатырская

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 3990, л. 113–114.

² Там же, д. 4209, л. 107.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4211, л. 20.

⁴ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4210, л. 11.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4211, л. 20.

⁶ Санжиева Л. Б. Печать Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Улан-Удэ, 1985. – С. 68.

⁷ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 3986, л. 130.

⁸ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4209, л. 2–3.

⁹ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 392.

¹⁰ Российская книжная палата: книгоиздание военных лет. 1939–1945 гг. // <http://1945.bookchamber.ru/about.htm>

¹¹ Панчуков А. П. Интеллигенция БМ в дни Отечественной войны // XX лет БМАССР. – Улан-Удэ, 1943. – С. 125.

¹² Найдаков В. Ц. И перо приравнялось к штыку // И в тылу ковалась победа. – Улан-Удэ, 1985. – С. 94.

семья», «Сон Гитлера», «О Стриже и его хвосте», «Рыбак Василий и его семья». Известным поэтом-улигершином А. Тороевым был создан ряд новых улигеров: «Двадцать лет», «Тулаев Батор», «Оборона Москвы», «Сталинград»¹. В 1944 г., согласно Постановлению СНК БМАССР от 21 июля, было принято решение о созыве 28 июля республиканской творческой конференции писателей и улигершинов с привлечением широкого литературного актива и народных сказителей республики². Основными вопросами для обсуждения стали бурят-монгольская литература в годы Великой Отечественной войны и издание народно-героического эпоса «Гэсэр»³.

Писатели республики своими произведениями активно отзывались на крупные события в жизни страны. К 700-летию со дня Ледового побоища были изданы стихотворение Ц. Галсанова «Эхо на Чудском озере. Александр Невский» и историческая повесть С. Григорьева «Суворов».

Многие поэты и писатели республики на фронтах в действующей армии продолжали заниматься творчеством. Они не теряли связи с тылом, вели переписку с Бурмонгизом, куда посылали свои произведения для публикации⁴. 13–15 сентября 1943 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) был разработан ряд мероприятий, направленных на «улучшение связи бурят-монгольского народа с бойцами, сержантами и офицерами бурят-монголами, сражающимися на фронтах Великой Отечественной войны, и воспитание в них советского патриотизма, высокого воинского долга и ненависти к врагам нашей Родины». Было предусмотрено издание Бурмонгизом брошюр для агитаторов и бойцов-фронтовиков, посвященных героическим традициям бурят-монгольского народа, книг о самоотверженном труде земляков в тылу. В частности, было опубликовано «Письмо бурят-монгольского народа И. В. Сталину» (1943). Союзу писателей предлагалось выпустить сборник стихов и рассказов о Великой Отечественной войне на бурят-монгольском и русском языках, Дому народного творчества и филармонии рекомендовано опубликовать сборник новых бурят-монгольских пе-

сен, дирекции ГИЯЛИ – издать произведения народных сказителей, отрывки из народно-героических эпосов «Гэсэр» и «Шоно-батор»⁵. В 1943 г. в рамках серии «Героический эпос бурят-монгольского народа» был выпущен «Гэсэр. Отрывок из главы о битве Гэсэра с Гал-Нурман-ханом».

В годы войны активно проводилась работа по изданию учебной литературы. Основной задачей школы в военное время стал всеобщий и перестройка учебно-воспитательной работы в соответствии с военной обстановкой. Все это требовало от учителя серьезной подготовки, было пересмотрено преподавание основных предметов⁶.

26 декабря 1941 г. в постановлении СНК БМАССР № 719 «О тематическом плане учебно-методической литературы для бурят-монгольских школ на 1942 г.» содержались рекомендации по коллективному составлению учебников и проведению их широкого обсуждения, направленные на обеспечение их полноценного и своевременного выпуска. Было предусмотрено издание 21 учебника объемом 169 п. л. (из них 10 – на бурят-монгольском языке)⁷. Однако военное время внесло свои коррективы в намеченные планы. В результате прекращения поставок бумаги из центра издание учебников уменьшилось до 11 названий, а остальные были перенесены в план 1943 г.⁸ До 1944 г. число названий продолжало сокращаться. Если в 1941 г. было издано 18 учебных книг, то в 1943-м – только 5⁹. В это же время массовым тиражом был издан доклад Сталина на заседании Моссовета 6 ноября 1942 г., посвященный 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции, выпущенный отдельными брошюрами на русском и бурят-монгольском языках¹⁰.

Проблемы снабжения издательства необходимыми расходными материалами наблюдались и в последующие годы. В докладной записке секретаря обкома ВКП(б) А. Кудрявцева начальнику Управления пропаганды и агитации Г. Александрову указывается, что «Бурят-Монгольское книжное издательство на протяжении четырех лет не получало карто-

¹ Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны. – Иркутск, 1995. – С. 71.

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 14, д. 125, л. 120.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4401, л. 80б.

⁴ Найдаков В. Ц. И перо приравнялось к штыку... – С. 108.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4215, л. 85.

⁶ Там же, д. 4073, л. 69, 69об.

⁷ Там же, ф. Р-248, оп. 14, д. 91, л. 84.

⁸ Там же, д. 102, л. 19.

⁹ Российская книжная палата: Книгоиздание военных лет 1939–1945 гг. // <http://1945.bookchamber.ru/about.htm>.

¹⁰ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4099, л. 233, 237.

на и бумаги для обложек, в результате чего издание учебников для бурят-монгольских школ постоянно задерживается и переносится на следующий год», и содержится просьба выделить ее в счет фонда 1944 г.¹

Несмотря на существовавшие проблемы, работа по подготовке учебных изданий продолжалась, тщательно изучались потребности школ Бурят-Монголии в учебно-методической литературе. Большинство учебников выходило на бурят-монгольском языке. В соответствии с планом коренизации бурятских школ преподавание общеобразовательных предметов в начальной и частично средней школе велось на родном языке, поэтому была потребность в подготовке и выпуске переводных, наиболее стабильных учебников, изданных ранее Учпедгизом (Сборников арифметических задач и упражнений для 2–4 классов Н. С. Поповой), а также в составлении оригинальных учебных пособий на родном языке для начальных, неполных средних и средних школ². В 1941 г. вышли «Учебник бурят-монгольского языка (начальный курс)» К. М. Черемисова, Д. А. Абашеева, М. Н. Имехенова, учебник для неполной средней и средней школы «Грамматика бурят-монгольского языка» М. Н. Имехенова.

Помимо обеспечения потребностей в учебной литературе школ республики Бурмонгиз занимался ее изданием для учебных заведений Усть-Ордынского и Агинского бурят-монгольских национальных округов. В 1944 г. было принято решение об увеличении плана выпуска и выделении в штате издательства трех дополнительных ставок редакторов учебной литературы. Были подобраны и направлены в распоряжение Бургиза 2 учителя-методиста, а в Наркомпросе БМАССР была введена должность консультанта по изданию³.

Перевод в 1930-х гг. бурятской письменности на русскую кириллическую графическую основу привел к необходимости создания и издания научно-исследовательских работ, справочных и учебных пособий. Проблемы изучения литературного языка в основном поднимались в «Записках» ГИЯЛИ, но публиковались и отдельные работы. В 1941 г. Бурмонгизом был выпущен «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова. Разработкой грамматических основ языка занимались местные методисты, которые выпуска-

ли оригинальные учебные пособия. В 1941 г. были изданы «Методические указания к Букварю для школ взрослых» М. Н. Имехенова, в 1943 г. – учебник Д. А. Алексеева и М. Н. Имехенова «Бурят-монгол хэлэнэй синтаксис».

6 декабря 1942 г. постановлением бюро обкома БМАССР № 388 при ГИЯЛИ была создана республиканская терминологическая комиссия «в целях улучшения качества перевода политической и научно-просветительской литературы на бурят-монгольский язык и наведения порядка в деле перевода политических терминов». В ее состав вошли Т. А. Бертагаев, Д. А. Абашеев, Д. Д. Амоглонов, Р. Б. Бимбаев, Ц. Ж. Дамдинжапов, Д. Д. Лубсанов, Д. М. Мижидон, Х. Н. Намсараев, Б. С. Санжин и К. М. Черемисов⁴.

В годы войны все полиграфические предприятия были переведены на военный режим работы. На базе республиканской гостипографии при государственном газетном издательстве СНК Бурят-Монгольской АССР был оборудован спеццех, основной задачей которого помимо выпуска книжной и газетной продукции являлось печатание продовольственных и промтоварных карточек, а также издание особо важных государственных документов⁵. Работать с каждым месяцем становилось труднее, поскольку многие работники издательства и типографии уходили на фронт, часть из них переводились на оборонные предприятия.

В декабре 1942 г. на производство были направлены 3 человека из Бургосиздата, 4 – из издательства республиканских газет, 2 – из Буркниги⁶. Возникали проблемы в поставке расходных материалов, в частности бумаги. В 1943 г. секретарь обкома ВКП(б) А. Кудрявцев обратился в отдел пропаганды и агитации и ОГИЗ РСФСР с просьбой выделить для типографии полиграфические материалы и запасные части – матрицы⁷. Однако подобные обращения в большинстве случаев не удовлетворялись.

За годы войны типографией ни разу не было получено необходимого оборудования, что привело к крайнему износу машинного парка. Из четырех машин литьевого цеха в рабочем состоянии находились только 2, предназначенные для производства газет, по этой причине набор книг делали

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4230, л. 54.

² Там же, ф. Р-248, оп. 16, д. 194, л. 50–53.

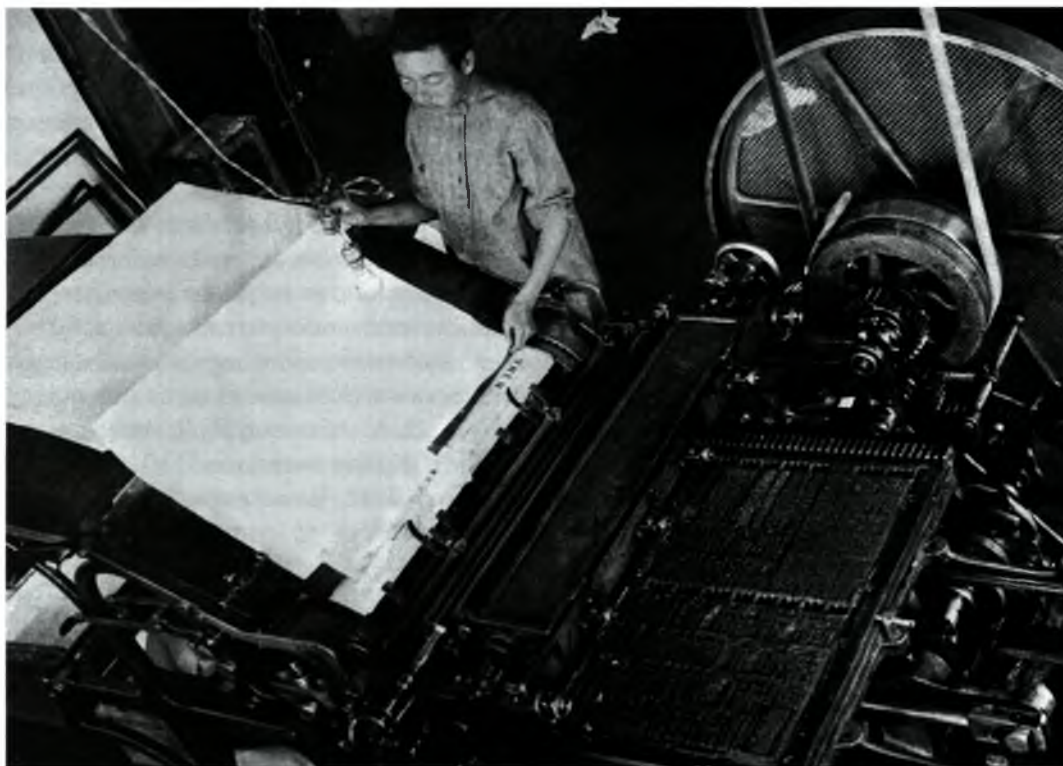
³ Там же, оп. 14, д. 123, л. 40.

⁴ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 4612, л. 13об, 14.

⁵ Там же, ф. Р-248, оп. 16, д. 266, л. 5.

⁶ Там же, оп. 1, д. 104, л. 28, 29.

⁷ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 4230, л. 53.

*В типографии
Главлита*

вручную. В 1945 г. секретарем Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) А. Кудрявцевым были отправлены письма Г. М. Маленкову и А. Н. Косыгину с просьбой о решении данного вопроса¹. Только в 1946 г. было дано распоряжение выделить типографии необходимые запчасти и расходные материалы – литьевые матрицы, клинья, электронагреватели, шрифты и наборные кассы².

Полиграфические предприятия старались внести свою лепту в дело победы над фашистской Германией не только изданием книг. В августе 1941 г. на переплавку было передано 15 т старых шрифтов, а полученный металл пошел на нужды промышленности³.

К 1944 г. политическая обстановка начала стабилизироваться. Уровень развития книгоиздания постепенно возвращался к довоенному. Увеличивались объемы выпускаемых книг, менялась их тематика в связи с сокращением брошюр по военному делу. Больше внимания стало уделяться полиграфическому оформлению книг. 24 июля при Бурмонгизе для улучшения полиграфического

исполнения художественной и детской литературы был создан художественный совет под председательством В. Г. Манкетова. В него вошли Р. Б. Бимбаев, Е. М. Залкинд, Д. Д. Амоголонов, Х. Н. Намсараев, Ц. Г. Галсанов, Д. Л. Линховоин и др.⁴ С 1 января 1945 г. объявляется конкурс на лучшую художественную книгу для детей школьного возраста на бурят-монгольском языке, в котором принимали участие не только писатели и поэты, но и ученые, преподаватели, участники Великой Отечественной войны⁵.

В военные годы содержание выпускаемой книжной продукции тщательно контролировалось политическими органами. Деятельность Главлита претерпела изменения в соответствии с требованиями времени. За месяц до войны цензура была военизирована. 2 июня 1941 г. для усиления военной цензуры в СССР постановлением ЦК ВКП(б) «Об утверждении Положения о главном военном цензоре при СНК СССР» главный военный цензор, его заместители и старшие цензоры союзных и автономных республик, краев и областей считались состоящими на действительной военной службе и

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4694, л. 125.

² Там же, д. 4723, л. 19.

³ Там же, д. 1777, л. 69.

⁴ Там же, ф. Р-248, оп. 14, д. 125, л. 135.

⁵ Там же, д. 129, л. 113.

были откомандированы в распоряжение главного военного цензора при СНК СССР¹.

Основное внимание цензуры в этот период было сосредоточено на неразглашении военной тайны. Более жесткому контролю подвергались периодические издания и частная корреспонденция. Были разработаны и изданы списки и перечни сведений, не подлежащих опубликованию, среди которых первостепенное внимание уделялось недопущению информации о состоянии дел на фронте, отличавшейся от официальных сводок².

Большинство работников цензуры были призваны на фронт. Пришедшие на их место не имели опыта подобной работы. В приказе уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати № 270 от 26 мая 1942 г. отмечалось, что «товарищи допускают разглашения военной и государственной тайны в печати, политико-идеологические ошибки»... «слабо знают перечни и дополнения к ним, не изучают инструкции и информационные письма», начальники главкрайобллитов недостаточно внимания уделяют подбору и воспитанию кадров. При приеме на работу не изучаются личные дела, с цензорами-уполномоченными начальники незнакомы из-за редкого посещения районов. Для устранения всех этих ошибок необходимо было провести мероприятия по «созданию постоянного резерва работников, способных заменить цензоров, организовать работу по изучению перечней, регулярно устраивать инструктажи и специальные семинары»³.

Документом, характеризующим деятельность Главлита, стала записка агитпропа ЦК ВКП(б) А. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) А. Щербакову, написанная 29 июля 1944 г. в результате проведения проверки работы Главлита «по осуществлению предварительного контроля за изданной литературой»⁴. В ней говорилось о допущенных местными органами цензуры перегибах, проявившихся в практике необоснованных вычерков, когда недостатки редакторской работы принимаются цензорами за политические ошибки, что создает

дополнительную работу аппарату Главлита РСФСР по вторичной проверке книг. В результате им была выработана система мер для борьбы с создавшимся положением. Было предложено провести совещание работников цензуры для обсуждения ошибок в их работе, «ввести в действие практику составления письменных отзывов на книги и ежедневное представление Главлитом в Управление пропаганды ЦК ВКП(б) сведений о запрещенных к изданию книгах с указанием мотивов запрещения»⁵. Таким образом, в этот сложный для страны период органы цензуры ревностно исполняли свой долг.

Согласно решению ЦК ВКП(б) от 19 марта «О работе Молотовского областного издательства», отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) БМАССР в 1943 г. было поручено проверить работу Бурят-Монгольского книжного издательства, рассмотреть тематический план издательства на 1943 г. и утвердить его. При этом требовалось обеспечить тщательный предварительный просмотр рукописей всей литературы, выпускаемой издательством⁶.

27 апреля 1942 г. было принято решение об изъятии из обращения словаря военно-политических терминов Д. А. Абашеева⁷ на бурят-монгольском языке, подготовленного в ГИЯЛИ и выпущенного тиражом 3 тыс. экз., как «неправильно, извращенно толкующего смысл большого количества военных и политических терминов, как вредный идеологический брак». Директору ГИЯЛИ, Бурмонгиза и начальнику Бурглавлита было предписано строжайше проверять, контролировать качество издаваемой продукции, особенно на бурят-монгольском языке⁸.

В 1943 г. в постановлении Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) № 201/5 «О факте издания недоброкачественной брошюры Бурят-Монгольским государственным издательством» говорилось, что издательством без разрешения обкома ВКП(б) была выпущена брошюра «Важнейшие решения о работе машинно-тракторных станций» (1943, 1000 экз.; отв. ред. Манкетов), подготовленная политсектором Наркомзема БМАССР по согласованию с работником отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Введенским. Официальным мотивом ее изъятия послужило то, что в ней были приведены устаревшие

¹ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 85.

² Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941–1952 гг. // Вопросы истории. — 1996. — № 11–12. — С. 87–89.

³ История советской политической цензуры... — С. 332–333.

⁴ Там же, с. 86.

⁵ Там же, с. 86–89.

⁶ НАРБ. ф. П-1, оп. 1, д. 4209, л. 102.

⁷ Абашеев Д. А. Краткий словарь военно-политических терминов. — Улан-Удэ: Бургиз, 1941. — 112 с.

⁸ НАРБ. ф. П-1, оп. 1, д. 3988, л. 117–118.

постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б)¹. В июле 1944 г. постановлением Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) № 289/5 «О методической разработке лекции «Фашизм – душитель свободы совести», изданной Бурмонгизом, предписывалось брошюру, разработанную по материалам центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР, изъять как политически вредную².

Снижение выпуска книжной продукции наблюдалось в 1942 г., а к 1943 г. издательству практически удалось по количеству названий достичь довоенного уровня. В 1941 г. было выпущено 99 названий, в 1942 – 53, в 1943 – 85³. Повышенное

внимание уделялось выпуску литературы на бурят-монгольском языке. Однако в годы войны ее количество сократилось в несколько раз. Если в 1941 г. на бурятском языке было издано более половины всех книг – 53 названия, то в последующий период наблюдается тенденция к сокращению: в 1942 г. до 23 названий, в 1943 г. – до 34.

Великая Отечественная война поставила перед издательствами новые задачи, что привело к изменению направлений их работы. Акцент делался на издание массовыми тиражами небольших научно-популярных брошюр, посвященных актуальным вопросам военного дела, экономики, сельского хозяйства, медицины. Издавались книги о событиях военной, научной и культурной жизни страны и республики.

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 4210, л. 15.

² Там же, д. 4400, л. 8.

³ Российская книжная палата: Книгоиздание военных лет. 1939–1945 гг. // <http://1945.bookchamber.ru/about.htm>

5

глава

Бурятия в послевоенные годы (1946–1960)

5.1. Восстановление народного хозяйства и рост промышленного потенциала республики

Помимо огромных разрушений война потребовала новых усилий для возвращения народного хозяйства к условиям мирного времени. С этим было связано и глубокое преобразование общества, испытывавшего, как и в начале 1930-х гг., состояние повышенной мобильности. Общественные изменения проявились, прежде всего, в обновлении рабочего класса, увеличении притока женщин в народное хозяйство, в приоритете технической и профессиональной компетентности.

В марте 1946 г. сессия Верховного Совета СССР обсудила и утвердила пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг., приняла закон о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик – в Советы министров союзных и автономных республик. При обсуждении проекта 4-го пятилетнего плана имела место напряженная дискуссия, завершившаяся победой сторонников возврата к довоенной моде-

ли экономического развития. План 4-й пятилетки, принятый по докладу председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, предусматривал восстановление довоенного уровня промышленного производства уже в 1948 г., а к концу пятилетки – его превышение на 48 %. В докладе отмечалась необходимость первоочередного восстановления и развития тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, создания в стране «обилия основных предметов потребления» для обеспечения материального благополучия народов СССР, достижения технического прогресса во всех областях, повышения обороноспособности страны¹.

Выдвигая подобные задания, правительство не предполагало пересмотра основ советской экономической системы, характерных для периода индустриального рывка и военного времени. Сталин неоднократно подчеркивал, что советский метод индустриализации коренным образом отличается от капиталистического, так как индустриализация СССР начиналась не с легкой, а с тяжелой про-

¹ Заседание Верховного Совета СССР (первая сессия). 12–19 марта 1946 г.: стеногр. отчет. – М., 1946. – С. 359–361.

мышленности. В своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 г., обосновывая необходимость поднятия в перспективе уровня отечественной промышленности втрое, по сравнению с довоенным, И. Сталин прямо заявил, что только при этом условии можно считать страну гарантированной «от всяких случайностей»¹.

В программе хозяйственного и культурного строительства на 1946–1950 гг., утвержденной Верховными Советами СССР и РСФСР, предусматривалось дальнейшее развитие в Бурят-Монголии транспортного машиностроения, увеличение добычи цветных и редких металлов, развитие пищевой, топливной, лесной промышленности и промышленности строительных материалов. В республике создавалась новая отрасль промышленности – суконная. Намечался значительный рост производства в стекольной, маслосыроваренной, мукомольной, хлебобулочной промышленности. Усиливалась роль местной промышленности и кооперативов в производстве товаров широкого потребления. В октябре 1946 г. Верховный Совет Бурят-Монгольской АССР утвердил представленный Советом министров республики пятилетний план развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.

Годы пятилетки были отмечены ростом инвестиций, которые достигали по стране в среднем за год 22 % национального дохода против 17 % в довоенный период, далеко выходя за предусмотренные планом показатели. Характерной чертой развития промышленности Бурят-Монголии являлось широкое и быстрое развертывание капитального строительства. Основная доля капиталовложений была направлена в отрасли тяжелой промышленности – металлообрабатывающую и др. Общий объем капиталовложений в народное хозяйство республики за 2 послевоенные пятилетки составил 1,9 млрд. руб., в т. ч. на строительно-монтажные работы 1,27 млрд. руб., при этом общая доля капиталовложений (75 %) была направлена в промышленность. Такой объем инвестиций был связан с началом строительства и вводом в строй действующих предприятий ряда крупных промышленных объектов как по линии союзной и федеральной, так и местной промышленности. Только за годы 4-й и 5-й пятилеток на капитальное строительство и оснащение пред-

приятий механизмами и оборудованием было израсходовано более 60 млн. руб.²

В 1947 г. Союзное правительство решило увеличить ряд показателей пятилетнего плана, вновь вернувшись к политике приоритетов. Следует учесть, что борьба СССР за мировую гегемонию обуславливала достижение максимально высокого прироста промышленной продукции. Проблема темпов экономического роста выдвигалась в разряд первоочередных. Чтобы выдержать экономическую конкуренцию как необходимое условие удержания политической власти в стране, советское руководство было вынуждено утверждать новые показатели отечественной промышленности на пределе возможного, каждый раз склоняясь в сторону планамаксимума и заведомо смиряясь с неизбежным срывом в отдельных отраслях.

Как и в годы 1-й пятилетки, многие новостройки оставались незавершенными. Инвестиционный бум сопровождался инфляционными явлениями, связанными с дефицитом, трудностями в снабжении и перекосами в оплате труда, а также очень высоким спросом на рабочую силу со стороны предприятий, больше озабоченных максимальным увеличением числа работающих и парка оборудования, чем созданием условий для повышения производительности труда. В 1947 г. была проведена денежная реформа и отменена карточная система. Значительной была эмиссия в 1949, 1950 и 1951 гг. Правительство несколько раз снижало государственные розничные цены на продукты массового потребления. Цены снижались в 1949–1952 гг. в основном за счет изъятия продукции сельского хозяйства по низким заготовительным ценам через систему обязательных поставок с колхозов и личных хозяйств граждан и продажи ее по относительно высоким розничным ценам. Следовательно, общее снижение цен проводилось целиком за счет деревни, за счет перенапряжения сил ее населения и резкого ухудшения его материального положения.

Финансовая стабилизация была достигнута, созданы необходимые условия для ускоренного восстановления и развития промышленности. В целом по стране прирост промышленной продукции обуславливался преимущественно вводом в строй новых объектов. Например, в 1949 г., по сравнению

¹ Попов В. Г. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 62.

² Аюшеев А. Д., Ендонов Ч. З. Роль государственного бюджета в коммунистическом строительстве БурАССР. – Улан-Удэ, 1963. – С. 45.

с 1948 г., ввод новых мощностей по производству чугуна вырос на 52 %, проката – на 20 %, угля – на 80 %, хотя производство этих видов продукции росло гораздо медленнее. Несмотря на то, что эти показатели свидетельствовали о проблемах с эффективностью промышленного развития и скрывали многочисленные диспропорции, на 1950 г. был вновь принят высокий план, на уровне фактического выполнения плана 1949 г. – 18,5 % прироста промышленной продукции¹. Достичь его намечалось за счет значительного наращивания капитальных вложений. Эта модель экономического развития – попытки значительного увеличения промышленного производства (преимущественно тяжелой промышленности) за счет форсированного наращивания капиталовложений – преобладала в последние годы сталинского правления.

По темпам своего развития промышленность Бурят-Монголии занимала одно из первых мест среди союзных и автономных республик Советского Союза. Валовая продукция всей промышленности в 1956 г., по сравнению с 1913 г., в Казахской ССР выросла в 36 раз, в Узбекской – в 14, в Таджикской – в 27, в Киргизской – в 42, в Туркменской – в 17, а в Бурят-Монголии продукция только крупной промышленности выросла в 53 раза².

Бурное развитие промышленности в республике вело к увеличению объема валовой продукции: в 1950 г., по сравнению с 1940 г., почти в 1,5 раза, а в 1955 г., по сравнению с 1950 г., – на 61 %³. Были созданы новые отрасли промышленности – станкостроительная, цементная, текстильная, трикотажная и др. В связи с этим изменилась отраслевая структура промышленности республики.

Индустриальное развитие БМАССР в годы 2 послевоенных пятилеток характеризовалось более или менее равномерным размещением промышленности на территории республики. Если в начале 1-й пятилетки (1928) большинство предприятий крупной промышленности находилось в г. Улан-Удэ и только 6 предприятий были расположены на периферии, то в 1955 г. уже две трети всех предприятий крупной промышленности размещались за пределами столицы республики. Были сформированы новые промышленные узлы и очаги в Заиграевском,

Закаменском, Кабанском, Селенгинском, Прибайкальском и Хоринском районах.

Промышленное развитие шло по линии повышения роли БМАССР в экономике Восточной Сибири, а отдельные отрасли республиканской промышленности заняли видное место в общесоюзном и межрайонном территориальном разделении труда. Хотя на долю республики приходилось только 4,8 % территории Восточно-Сибирского экономического района, 10 % промышленной продукции, Бурят-Монголия давала 37,5 % производства цемента этого района, 100 % производства стекла, основную массу концентратов ряда металлов и 13,4 % вывозки древесины⁴. Несмотря на это, ее удельный вес в общем производстве промышленной продукции Восточной Сибири снизился в последние годы 5-й пятилетки в связи с более быстрыми темпами роста производства в Красноярском крае и Иркутской области.

В послевоенный период важной частью технического прогресса стала электрификация народного хозяйства. Уровень энергетической базы не соответствовал планам развития промышленного производства, требовалось большее количество электрической и тепловой энергии. Поэтому исключительное значение для дальнейшего индустриального развития республики имела угольная промышленность. В послевоенные годы добыча угля возросла с 39 тыс. т в 1940 г. до 636 тыс. т в 1955 г., или в 16,3 раза⁵.

Мощность электростанций республики выросла в 1955 г., по сравнению с 1940 г., в 3 раза. Увеличилось производство электроэнергии на душу населения. Так, если в 1940 г. оно равнялось 150,3 кВт·ч, то в 1956 г. достигло 507 кВт·ч. Электровооруженность труда в промышленности Бурятии увеличилась в 1955 г. по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза и составляла 5 тыс. кВт·ч.

Расширение энергетической базы республики в годы послевоенных пятилеток шло за счет строительства и ввода новых электростанций, а также расширения и реконструкции существующих. Были построены и введены в строй Баянгольская электростанция, Тимлюйская ТЭЦ, ряд мелких и средних электростанций в районах республики и на промышленных предприятиях. К концу 1955 г. действо-

¹ ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 51а, д. 5437, л. 1–14.

² Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. – М., 1957. – С. 123, 125, 136, 139.

³ Народное хозяйство БМАССР... – С. 12.

⁴ Шулунов Ф. И. Формирование и развитие промышленности... – С. 89.

⁵ Народное хозяйство БМАССР... – С. 18–19.

вали 684 электростанции и установки. Технико-экономические показатели электростанций республики были ниже таковых на тепловых станциях страны. Удельный вес расхода топлива на выработку 1 кВт·ч на самой крупной и самой экономичной электростанции республики – Улан-Удэнской ТЭЦ составлял 500–530 г условного топлива, тогда как на большинстве тепловых станций страны расходовалось 300–400 г. В целом по республике ежегодный перерасход топлива превышал 50 тыс. т угля¹.

Ведущее место в отраслевой структуре промышленности Бурят-Монголии занимали машиностроение и металлообработка, представленные двумя предприятиями союзного и 11 предприятиями республиканского подчинения. Самое крупное из них – Улан-Удэнский ПВРЗ – с 1946 г. было переведено на серийное производство новых паровозов и вагонов. Специализация завода сопровождалась внедрением современной техники, изменением технологии производства, необходимостью подготовки высококвалифицированных кадров. Перестройке подверглась работа инструментального, кузнечного, литейного цехов. К 1948 г. ПВРЗ выпустил новых паровозов СО в 3–4 раза больше, чем в 1946 г., и в 24 раза больше, чем в 1940-м². В 1949 г. был выпущен новый мощный товарный паровоз типа 1–5–2, сконструированный главным конструктором завода П. М. Шаройко. Результаты испытаний показали его значительные преимущества по сравнению с существовавшими серийными паровозами типа СО и ФД, а также с новыми опытными паровозами других паровозостроительных заводов страны. В 1950 г. паровоз П. М. Шаройко был рекомендован к серийному производству на других заводах страны.

Но в годы 5-й пятилетки ПВРЗ вновь был переспециализирован на ремонт подвижного состава и изготовление запчастей для железных дорог Сибири и Дальнего Востока. Изменение специализации не могло не отразиться на ритмичности работы. Производственные мощности не были в достаточной степени загружены. Между литейными и механическими производствами возникали несоответствия, отсутствовал поточный метод производства из-за мелкосерийных и индивидуальных заказов, которые поступали от главка Министерства путей

сообщения. Только за половину 1955 г. убытки завода от брака составили свыше 1 млн. руб. Тем не менее пятилетние планы по основным показателям выполнялись досрочно, путем неимоверного напряжения сил рабочих и ИТР завода.

В послевоенные годы наращивал производственные мощности Улан-Удэнский машиностроительный завод. Валовая продукция машзавода к концу 5-й пятилетки более чем в 3 раза превосходила общую валовую продукцию 11 предприятий республиканского значения.

В годы 5-й пятилетки Улан-Удэнский судоремонтный завод по существу стал судостроительным. Помимо производства капитального и текущего ремонта судов и барж завод вел строительство крупных металлических барж, буксирных пароходов, теплоходов-толкачей. В общей сложности завод сосредоточил в своих руках около 90 % судостроения речного флота Восточной Сибири, выполнил ряд правительственных заказов: баржи-понтон для Ангарской ГЭС, сухогрузные металлические баржи для Братской ГЭС и др. Но здесь так же, как и на других предприятиях республики, были слабо механизированы трудоемкие и вспомогательные работы. Отсутствовало массово-поточное производство, что было главной причиной высокой себестоимости выпускаемой продукции, по сравнению с другими родственными предприятиями этой отрасли.

Завод «Механлит» производил ремонт трелевочных тракторов, автомашин, изготавливал различный инвентарь для лесозаготовительных предприятий. Валовая продукция завода за годы 5-й пятилетки увеличилась в 3,1 раза. К предприятиям республиканского значения относились Улан-Удэнский и Селендумский мотороремонтные заводы, Улан-Удэнское и Гусиноозерское паровозные депо, вагонное депо ст. Улан-Удэ, весоремзавод, артель им. С. М. Кирова, ремонтно-механические мастерские ДжидакOMBината и другие мелкие ремонтно-механические мастерские ряда республиканских ведомств. Несмотря на то, что большинство этих предприятий осваивало новые производства и увеличивало объем продукции, существовавшая ремонтная база не соответствовала возрастающим потребностям республики в капитальном ремонте машинного парка. Потребности народного хозяйства, промышленности в современных машинах, станках, механизмах удовлетворялись путем завоза их в плановом порядке из других экономических районов.

¹ Санжиева Т. Е. Электрификация Советской Бурятии (1923–1983 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – С. 66.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 506.

Политинформация в трудовом коллективе цеха пиломатериалов. 1952 г.

В годы войны резко сократился объем лесозаготовок (в 1945 г. по сравнению с 1940 г. – в 3,5 раза). Необходимо было не только достичь довоенного уровня производства древесины, но и превзойти его. Лесная промышленность была подвергнута коренной перестройке. Были механизированы основные работы, возросла энерговооруженность леспромхозов комбината «Забайкаллес», созданного в 1953 г. (по сравнению с 4-й пятилеткой более чем в 5 раз). По темпам роста лесозаготовок республика превысила общесоюзные показатели, а по Восточной Сибири в среднем лесозаготовки увеличились в 11,5 раза. К концу 5-й пятилетки в республике было 92 деревообрабатывающих предприятия, цеха и мастерских, из них наиболее крупные Улан-Удэнский и Ключевский лесозаводы «Востсибдрева», Селенгинский шпалорезный завод комбината «Забайкаллес», Онохойский лесокombинат и др. Большинство пред-

приятий были маломощны, технически слабы, не связаны между собой производственно и экономически¹. Производство мебели было представлено Улан-Удэнской мебельной фабрикой. Тогда в республике не было целлюлозно-бумажного, гидролизного, фанерного и других производств. Поэтому развитие лесопильно-деревообрабатывающей и деревоперерабатывающей промышленности не соответствовало уровню лесозаготовок.

Промышленность строительных материалов была представлена 3 профилирующими производствами – цементным, кирпичным и стекольным. Валовая продукция промышленности стройматериалов возросла в 1955 г., по сравнению с 1940 г., в 2,3 раза². В послевоенный период в строй дей-

¹ Материалы по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1. – Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. – С. 295.

² Народное хозяйство БМАССР... – С. 14.

Тимлюйский цементно-шиферный завод

ствующих вошли Тимлюйский цементный завод, Заиграевский и Улан-Удэнский шлакоблочные заводы, Улан-Удэнский асфальтобетонный завод, было начато строительство шиферного завода, Татауровского кирпичного и нескольких мелких кирпичных заводов в районах республики. Заметно расширился ассортимент выпускаемой продукции. В 1954 г. было налажено производство сборных железобетонных конструкций, что сыграло большую роль в переводе строительства на индустриальные рельсы.

В послевоенные годы пищевая и легкая промышленность специализировалась на производстве мяса и мясопродуктов, рыбы и шерстяных тканей. На долю пищевой промышленности в 1955 г. приходилось 35 % всей валовой продукции промышленности товаров народного потребления, чему способствовало расширение ее сырьевой базы. В республике увеличилось производство продукции животноводства. К примеру, если в 1950 г. было произведено мяса всех видов 7,7 тыс. т, молока – 40 тыс. т, яиц – 2,6 млн. шт., то в 1955 г. производство мяса увеличилось до 14 тыс. т, молока – до 55, 6 тыс. т, яиц – до 5,4 млн. шт. Все это, безусловно,

сказалось на увеличении сырьевых ресурсов пищевой промышленности.

Была расширена материально-производственная и сырьевая база легкой промышленности за счет строительства новых и увеличения мощности действующих предприятий. В послевоенные годы была построена Улан-Удэнская суконная фабрика (1946 г.), вступили в строй Кяхтинская обувная, прядильно-трикотажная и швейная фабрики и другие предприятия местного значения. Легкая промышленность по большинству изделий увеличила объем производства, по сравнению с предыдущей, 4-й пятилеткой, в 2 и более раз.

Местная государственная и кооперативная промышленность БМАССР являлась дополнительным источником постоянно растущих потребностей народного хозяйства и трудящихся республики. Валовая продукция ее, по сравнению с 1940 г., возросла в 1955 г. в 2,9 раза, причем наибольший прирост был достигнут в годы 5-й пятилетки.

Еще в начале 1950-х гг. созданная политическая и экономическая система породила серьезные экономические трудности, социально-политическую напряженность в обществе. После смерти Сталина новое руководство предприняло шаги, направленные против злоупотреблений прошлых лет. На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК, в связи с необходимостью предотвращения полного краха сельского хозяйства, было решено существенно повысить государственные закупочные цены: в 5,5 раза на мясо, в 2 раза на молоко, на 50 % на зерновые. Повышение закупочных цен сопровождалось уменьшением обязательных поставок, списанием долгов колхозов, снижением налогов с приусадебных участков и с продажи на свободном рынке. После долгого периода падения доходы колхозников значительно повысились и продолжали расти до 1957–1958 гг.

В 1954 г. началось расширение посевных площадей и освоение целинных земель Северного Казахстана, Сибири, Алтая и Южного Урала. За 3 года было освоено 37 млн. га, что было в 3 раза больше намеченного и составляло примерно 30 % всех обрабатываемых в то время земель в СССР. Только за 2 года (1954–1955) в Бурят-Монголии было освоено 147,6 тыс. га целинных и залежных земель.

Опираясь на первые обнадеживающие результаты реформ в сельском хозяйстве, правительство стимулировало социальную активность, призванную выявить «неисчерпаемые резервы произво-

На колхозном поле

дительности» советских трудящихся и преодолеть внутренние сложности экономического проекта, который базировался на трех трудно сочетаемых целях: повышении уровня потребления, высоких темпах экономического роста и направлении крупных капиталовложений в тяжелую промышленность.

Важным условием быстрого восстановления и развития народного хозяйства в годы 1-й послевоенной пятилетки являлась организация эффективной системы подготовки и переподготовки кадров для обеспечения промышленности рабочей силой, причем первостепенное значение приобретало улучшение подготовки и повышение квалификации рабочих. Это было обусловлено значительным притоком на производство неквалифицированной рабочей силы и необходимостью обучения новым профессиям лиц, уже участвующих в общественном производстве, в связи с тем что многие предприятия переводились на выпуск новых видов продукции, изменялись техника и технология производства.

В 1950-е гг. основной формой подготовки рабочих стала система индивидуально-бригадного и курсового обучения. За 10 лет (1950–1959) было подготовлено 41,9 тыс. рабочих, а в системе трудовых резервов – 20,8 тыс. чел. Наставниками молодых кадров являлись опытные рабочие высокой квалификации. Среди них машинисты-новаторы депо ст. Улан-Удэ, лауреаты Сталинской премии С. Д. Асеев и Д. Н. Ягодин.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, созванный за 8 месяцев до уставного срока, в связи с насущной необходимостью подведения итогов произошедших после смерти Сталина изменений и дискуссии о выборе курса. Съезд утвердил 6-й пятилетний план на 1956–1960 гг., в котором особое внимание уделялось сельскому хозяйству, производству предметов потребления опережающими темпами по сравнению со средствами производства, а также жилищному строительству. Большое внимание в директивах 6-го пятилетнего плана было уделено развитию произ-

водительных сил в восточных районах Советского Союза, в т. ч. в Сибири, сооружению мощных гидроэлектрических станций (Усть-Каменогорской, Новосибирской, Иркутской, Братской). Новые перспективы открывались перед народным хозяйством

Машинист С. Д. Асеев – лауреат Сталинской премии

Строительство нового жилого дома

Бурятии, богатой природными ресурсами (уголь, железная и марганцевая руды, редкие и цветные металлы, бокситы, асбест, слюда, минералы, лес, запасы водной энергии).

В годы 6-й пятилетки началась реконструкция Улан-Удэнского ПВРЗ, завода «Механлит», Селендумского мотороремонтного, улан-удэнских стекольного и судостроительного заводов. Мощность электрических станций республики была увеличена более чем в 3,5 раза за счет расширения Улан-Удэнской ТЭЦ, станций на Джидакомбинате и Тимлюйском заводе, а также постройки новых – на Гусиноозерских угольных шахтах и целлюлозном комбинате.

С ростом материального благосостояния трудящихся было связано развитие легкой и пищевой промышленности. В Улан-Удэ началось строительство кожевенно-обувного комбината, шерстомочной и швейной фабрик, кондитерской фабрики, хлебозаводов, овощеконсервного, маслодельного, сыроваренного заводов, фабрики макаронных изделий, прядильно-трикотажной фабрики в г. Кяхте.

В 1957 г. было ликвидировано 10 союзных промышленных министерств, замененных сотней совнархозов, на региональном уровне управлявших предприятиями, которые должны были устанавливать прямые связи между собой. Эта реформа облегчила развитие некоторых отраслей местной промышленности, но затруднила функционирование ряда секторов крупной промышленности.

В декабре 1957 г. пленум ЦК, ознакомленный с трудностями выполнения 6-й пятилетки, уменьшил показатели роста производства и производительности труда и одобрил создание нового планирующего органа – Государственной комиссии по экономике, призванной координировать разработку ближайших планов, тогда как за Госпланом было оставлено долгосрочное планирование.

В валовой продукции народного хозяйства Бурятии в 1960-е гг. удельный вес индустрии превышал 80 %. Удельный вес производства средств производства в валовой продукции промышленности составлял примерно 60 %, а производства предметов потребления – около 40.

К этому времени промышленность Бурятии была представлена девятью отраслями, включавшими в себя целый ряд более узких самостоятельных подотраслей. Основными являлись цветная металлургия, электроэнергетика, машиностроение и металлообработка, топливная, лесная, стекольная, строительных материалов, легкая и пищевая. По численности промышленно-производственного персонала (ППП) и основным промышленно-производственным фондам (ППФ) на первом месте находилось машиностроение и металлообработка (соответственно 30,9 % и 24,9 %), затем лесная (27,4 и 16,3), пищевая (11,6 и 13,6), строительных материалов (9,2 и 3,5), топливная (2,1 и 3,8), стекольная (2,1 и 2,4) и производство электроэнергии (1,6 и 8,2 %). По выпуску валовой продукции 1-е место занимала пищевая промышленность (33,6 %), 2-е – машиностроение и металлообработка (30,4), 3-е – лесная (17,7), 4-е – легкая (10,1 %). На долю других отраслей приходилось: промышленности строительных материалов – 7,6 %, электроэнергетики – 2,7, топливной (угольной) промышленности – 1,9, стекольной – 1,4 % валовой продукции. Стоимость валовой продукции цветной промышленности в статистических материалах не указывалась, но по нашим подсчетам ее удельный вес составлял примерно 4,5 %. Большинство предприятий находилось в ведении союзного и федерального правительств и лишь около 10 % – Совета министров Бурятии. Следовательно, крупные предприятия были ориентированы на производство продукции для союзно-федеральных ведомств. В 1957 г., в связи с созданием Совета народного хозяйства (совнархоза) и получением Бурятией статуса самостоятельного экономического и административного района, большинство крупных пред-

приятый находилось в подчинении Бурятского совнархоза. Но уже с конца 1961 г. они были переданы Восточно-Сибирскому укрупненному совнархозу, в т. ч. и находившиеся в ведении местных Советов.

В территориальном размещении промышленного производства, являющемся одним из важных показателей индустриального развития, в предыдущие пятилетия произошли значительные сдвиги – в разных местах республики появились новые промышленные очаги. Несмотря на это, размещение оставалось довольно неравномерным, возможности развития промышленности в целом ряде районов использовались слабо. Более половины продукции по-прежнему производили предприятия г. Улан-Удэ, причем его доля не сокращалась, а, напротив, продолжала расти. Кроме Улан-Удэ и нескольких городов основными районами размещения промышленности являлась нижняя часть бассейна р. Уды, где образовались 2 промышленных района – Заиграевский и Прибайкальский. Сосредоточение предприятий в крупных промышленных узлах создавало возможности для дальнейшей специализации производства, улучшения использования трудовых резервов, налаживания технологических и экономических связей между отдельными предприятиями, повышения производительности труда, рационального развития городского хозяйства. В то же время это обостряло ряд социальных и экологических проблем, прежде всего в г. Улан-Удэ. Территориальная организация индустриального развития в латентном виде содержала опасность экономической и социальной напряженности, что в условиях многонациональной республики имело еще и этнические аспекты.

По технико-экономическим, качественным показателям ряд крупных предприятий машиностроения, цветной металлургии, а также Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат относились к среднесоюзному уровню, другие же предприятия республики не смогли к нему приблизиться.

Промышленность республики в целом считалась рентабельной, хотя и имелись серьезные проблемы в оснащении предприятий новой техникой, совершенствовании технологии производства и использования машин и механизмов, сырья и материалов, улучшении организации производства и повышении производительности труда.

Индустриальный потенциал Бурятии рос за счет строительства новых предприятий, реконструкции, расширения и технического перевооруже-

ния действующих производств. Всего в республике к 1960 г. давали продукцию 235 предприятий. При разработке планов подъема экономики автономных республик Сибири предусматривались ускоренные темпы роста промышленного производства. Возросший экономический потенциал государства позволил произвести определенное перераспределение капитальных вложений, выделить значительные средства районам Сибири и Дальнего Востока – более 40 %.

Организационная и техническая реконструкция проводилась в первую очередь на машиностроительных и ремонтных предприятиях. На базе ремонтного завода «Механлит» возникло современное предприятие «Электромашина». В ходе реконструкции были построены новые и расширены старые цеха, увеличены в 1,7 раза производственные площади, основные производственные фонды возросли в 3,7 раза. Предприятие было оснащено новым оборудованием, в результате чего стало машиностроительным, выпускающим электродвигатели и автокраны.

Старые предприятия «Металлоширпотреб» и мотороремонтный завод в 1961 г. были реорганизованы в заводы «Теплоавтоматика» и «Буряткабель», выпускавшие уже совершенно другую продукцию. Позже они были объединены и образовали завод «Теплоприбор», выпускающий приборы теплового контроля, обмоточные машины и др.

В Улан-Удэ было построено новое крупное предприятие военно-промышленного комплекса – приборостроительный завод. В промышленности Бурятии появились новые отрасли, связанные с техническим прогрессом, – электротехническая и приборостроительная.

Техническая реконструкция осуществлялась на Улан-Удэнском локомотивагоноремонтном заводе (прежде ПВРЗ). За 1959–1964 гг. здесь было организовано 9 новых цехов, установлено 797 станков, внедрено 3240 наименований нестандартного оборудования и технологической оснастки, 1825 наименований сложного инструмента, 12 комплексномеханизированных участков, 19 конвейерных и поточных линий. Уровень механизации и автоматизации производства к 1965 г. повысился в 2 раза, производительность труда возросла на 55,9 %. Коллектив предприятия без остановки производства осуществил реконструкцию и начал осваивать ремонт электровозов (с 1962 г.) и тепловозов (с 1963 г.). За время реконструкции было переквалифицировано

Диаграмма поступления и внедрения изобретений и рационализаторских предложений в 1955–1959 гг.

2,4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников, подготовлено 400 новых рабочих.

Коллектив рабочих и инженерно-технических работников Джидинского вольфрамо-молибденового комбината осуществил значительные мероприятия по совершенствованию техники и технологии производства. Опыт комбината был распространен на других предприятиях отрасли. На руднике Холтосон уровень механизации работ поднялся до 75 %, на руднике Первомайском достиг 82 %. На обогащательной фабрике все процессы производства были полностью механизированы. Производительность труда рабочих комбината значительно возросла, например на руднике Первомайском – в 15 раз.

На шахтах Гусиноозерского угольного бассейна преобладал ручной труд, поэтому основное

внимание было уделено механизации угледобычи. В результате реконструкции старых шахт и строительства новых, оснащения их более производительными механизмами значительно повысился технический уровень добычи угля. Шахта 7/8 была превращена в комплексно-механизированное предприятие. На шахте 2/5 были внедрены узкозахватные комбайны в комплексе с изгибающимися конвейерами. Главные стволы шахт были переоборудованы на современный конвейерный подъем. В 1963 г. началась добыча угля на новом Холбольдинском разрезе.

В развитии энергетики республики большую роль сыграло строительство высоковольтных линий электропередач. Двухцепная ЛЭП связала Улан-Удэ с Иркутском, соединила бурятскую энергосистему с объединенной энергетической системой Сибири. Новая ЛЭП связала Улан-Удэ с Гусиноозерском и Кяхтой, что привело к устойчивому энергоснабжению южных районов Бурятии. Несмотря на это, не было достигнуто полной стабильности в обеспечении потребителей электроэнергией, надежности в работе оборудования. Имели место значительные потери, остановки, аварии, что наносило ущерб работе других отраслей.

В связи с расширением объемов капитального строительства особого внимания потребовало развитие производства стройматериалов. Были построены и вступили в строй Таловский завод железобетонных конструкций, Татауровский кирпичный и Татауровский известковый заводы, Таракановский известковый карьер, Улан-Удэнский завод крупнопанельного домостроения, первая очередь Онохойского лесокombината. По существу, эта отрасль промышленности создавалась заново.

Была проведена реконструкция мехстеклозавода, построены новые и оснащены техникой действовавшие цеха, введена в эксплуатацию вторая очередь завода. В результате проведенных мероприятий мощность предприятия возросла вдвое.

Произошли качественные сдвиги в механизации производства в лесозаготовительной и деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности. На Улан-Удэнском мясокомбинате были внедрены автоматические линии для изготовления жестяных банок, установлен автомат-дозатор при производстве фаршевых консервов. На заводе первичной переработки скота был внедрен новый метод убоя и обескровливания животных. На тонкосуконной фабрике замена устаревшего оборудования на но-

Бригада убойного цеха мясокомбината г. Улан-Удэ

На Джидинском вольфрам-молибденовом комбинате. 1949 г.

вое, увеличение машинного парка, реконструкция фабричных корпусов обеспечили рост основных фондов (в 1,5 раза), увеличение выпуска продукции и повышение ее качества. Были сданы в эксплуатацию фабрика первичной обработки шерсти (ПОШ) в Улан-Удэ и Кяхтинская прядельно-трикотажная фабрика.

В годы семилетки появились новые прогрессивные отрасли и подотрасли, изменилось их соотношение по объему производства продукции. Опережающими темпами развивались электроэнергетика, машиностроение и металлообработка. За 1959–1965 гг. основные промышленно-производственные фонды выросли в 2,1 раза, т. е. столько же, сколько за 15 предыдущих лет (1946–1960), что в суммарном выражении составило 800 млн. руб. Только на промышленных предприятиях г. Улан-Удэ было внедрено в производство 5 тыс. единиц нового, модернизировано около 1800 единиц действовавшего оборудования, что позволило заметно поднять фондо-, механо- и электровооруженность труда рабочих. Объем валовой продукции промышленности вырос на 81 %, производительность труда – на 45 %.

На дороге Улан-Удэ – Джиды

Вместе с тем задания семилетки по увеличению объемов производства не были полностью выполнены, ряд крупных объектов, предусмотренных планом, не были построены. Плановые задания часто корректировались, вносились изменения в мероприятия по реконструкции предприятий и совершенствованию структуры промышленности. Также сказывались последствия недостатков и упущений

перспективного планирования со стороны органов власти как республики, так и центра. В целом по стране годы семилетки были отмечены значительным увеличением капиталовложений и быстрым ростом кредитов, превышавших возможности государственного бюджета; резким ростом промышленности, производящей средства производства; массовым притоком низкоквалифицированной рабочей силы из сельской местности, усилившим текучесть кадров; ощутимым снижением темпов экономического роста.

В сентябре 1965 г. пленум ЦК принял решение об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Реформа хозяйственной деятельности предприятий была изложена в постановлениях от 4 октября 1965 г. «Об улучшении планирования и стимулирования производственной экономики» и «О государственном производственном предприятии при социализме». Она началась с проведения новой административной централизации, упразднения совнархозов и восстановления центральных промышленных министерств. Были созданы крупные государственные комитеты – Госкомцен, Госснаб, Госкомитет по науке и технике.

План развития народного хозяйства Бурятской АССР на 1966–1970 гг. предусматривал увеличение объема промышленного производства, по сравнению с 1965 г., в 1,5 раза, производительности труда в промышленности – на 32 %. С 1966 г. начала осуществляться хозяйственная реформа, продолженная в последующие годы. Предприятия получали некоторую автономию. Число обязательных показателей было сведено до минимума. Кроме валовых показателей были введены новые: стоимость реализованной продукции, общий фонд заработной платы, общая сумма централизованных капиталовложений. Чтобы стимулировать инициативу, часть доходов оставалась в распоряжении предприятий.

Переход промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования начался во 2-й половине 1966 г. На предприятиях республики был развернут всеобуч для рабочих, инженерно-технических работников, руководителей всех звеньев народного хозяйства, были созданы экономические советы, школы, семинары. Больше внимания стало уделяться внутризаводскому планированию, внедрению системы бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого

предъявления, научной организации труда (НОТ) на предприятиях. В 1966 г. в республике было проведено 236 научно-технических конференций и совещаний по практике осуществления хозяйственной реформы.

Первым в республике на новую систему хозяйствования перешел с 1 июля 1966 г. завод «Теплоприбор», вслед за ним по новой системе стали работать коллективы Улан-Удэнской тонкосуконной фабрики, основные цеха Тимлюйского цементного завода, 5 цехов ЛВРЗ, Улан-Удэнская ТЭЦ, с начала 1967 г. – завод «Электромашин», Улан-Удэнское отделение железной дороги, предприятия управления «Бурятэнерго». В конце 1969 г. заводы и фабрики, переведенные на новую систему хозяйствования, давали 68,3 % продукции и 91,7 % прибыли. В 1970 г. 149 предприятий, или 69,6 %, работали по новой системе. По объему производства на них приходилось 77,5 %, по численности промышленно-производственного персонала – 91,9 %.

Дальнейшее развитие промышленности позволило ускорить темпы роста предметов потребления. В декабре 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностей для увеличения товаров народного потребления». На действующих предприятиях легкой и пищевой промышленности республики была проведена реконструкция и расширение производства, а также введены новые производственные мощности.

Замена устаревшего оборудования на новое, увеличение машинного парка, реконструкция корпусов обеспечили на Улан-Удэнской тонкосуконной фабрике рост основных фондов (в 1,5 раза), увеличение выпуска продукции и повышение ее качества. В целом объем продукции легкой промышленности только за годы 8-й пятилетки возрос в 2,2 раза, а ее удельный вес в общем объеме промышленной продукции республики повысился с 15,4 % в 1965 г. до 26,8 % в 1970 г.

Был осуществлен перевод рабочих и служащих на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. В процессе реформирования народного хозяйства на реконструкцию и техническое перевооружение действующих, строительство и ввод в эксплуатацию новых предприятий было направлено около 70 % всех капитальных вложений, объем которых в 1970 г. увеличился в 2 раза, по сравнению с 1965 г.

За годы 8-й пятилетки в строй вступили Холбожджинский угольный разрез, новый комплекс приборостроительного завода, Илькинский авторемонтный завод, Баргузинская автоматическая дизельная электростанция, карьер химически чистых известняков, завод силикатного кирпича, макаронная фабрика, молочные заводы. Продолжалось строительство Селенгинского ЦКК, Гусиноозерской ГРЭС и Улан-Удэнского завода мостовых металлических конструкций (ЗММК). Что касается ЗММК, то республика не планировала строительства такого предприятия, но предложение Министерства транспортного строительства СССР о размещении стройки на территории Бурятии было принято органами власти республики за благо. Интерес представляло не столько само производство мостовых металлических конструкций, сколько возможности стройки в развитии социально-бытовых объектов г. Улан-Удэ. Это был самый крупный завод в системе МТС, на который возлагалось обеспечение строителей железных и автомобильных дорог Сибири и Дальнего Востока мостовыми конструкциями.

Была электрифицирована железная дорога на участке Слюдянка – Мысовая – Улан-Удэ – Петровский Завод протяженностью 471 км.

Половина капитальных вложений производственного назначения использовались для реконструкции и технического оснащения заводов «Электромашина», «Теплоприбор», судостроительного, Новобрянского механического, металлоизделий им. С. М. Кирова, тонкосуконной фабрики и ряда других предприятий. При этом реконструкция и наращивание мощностей предприятий осуществлялись без перерывов в их работе, на ходу, что создавало большие трудности, требовало напряженной работы. Новые мощности были введены на ЛВРЗ и авиационном заводе, Джидинском вольфрамомолибденовом комбинате, на предприятиях лесной промышленности. Для Улан-Удэнского стекольного завода 8-я пятилетка была периодом освоения проектной мощности введенных в эксплуатацию нового составного цеха, второй системы по выработке оконного стекла, новых газогенераторов на заводской станции.

В эти годы в структуре промышленности Бурятии произошли значительные изменения. Возникли новые отрасли. Реконструкция и техническое перевооружение предприятий позволили перевести их на выпуск новых видов продукции, в определенной мере изменить соотношение во внутренней струк-

туре отраслей промышленности. Среднегодовые темпы прироста производительности труда в промышленности в 1966–1970 гг. составили 7,9 % против 3,7 % в 1961–1965 гг. По темпам роста производительности труда в эти годы Бурятия обогнала все крупные экономические районы Российской Федерации, что было свидетельством позитивных перемен в экономике республики.

В то же время практика реформы показала, что проблемы, связанные с природой экономических показателей и ведомственностью, остались нерешенными. Новые показатели вводились с трудом. Поощрительные фонды не смогли должным образом стимулировать рабочую силу. Отсутствие горизонтальных связей между предприятиями и организациями стало причиной многих трудностей. Уже с первых шагов реформирования стало ясно, что оно представляет собой набор разрозненных и противоречивых мер. На предприятиях участились случаи нарушения плановой дисциплины, занижения заданий на первые кварталы и месяцы за счет переноса на последующие. Не полностью использовались производственные мощности, допускалась бесхозяйственность и расточительность. Несмотря на повышение уровня механизации и автоматизации производства, на предприятиях республики оставалось большое число немеханизированных участков, особенно во вспомогательных производствах. Немало предприятий не выполняло заданий по производительности труда, а на некоторых рост заработной платы ее опережал. Не был изжит брак, слабой оставалась дисциплина, допускались потери рабочего времени из-за прогулов и опозданий.

5.2. Сельское хозяйство

Сельское хозяйство Бурят-Монголии вступило в первое послевоенное пятилетие с подорванной военной материально-технической базой и резко сократившимися трудовыми ресурсами. Трудоспособное население колхозов в 1946 г. составляло 73077 чел., т. е. сократилось, по сравнению с 1940 г., на 23937 чел. Количество колхозных дворов уменьшилось с 54527 в 1940 г. до 47645 в 1945 г.¹

Бурят-Монголия не пострадала от военных действий, но война наложила свой отпечаток на все стороны ее жизни и хозяйства. Резко снизилось

¹ Подсчитано по: НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 379, л. 108.

производство продукции невоенного характера. По сравнению с довоенным уровнем, размеры посевных площадей зерновых уменьшились с 365,3 тыс. га в 1940 г. до 270,4 тыс. в 1946 г., посевы овощей и картофеля – с 16,9 тыс. до 8,7 тыс. в 1946 г., кормовых культур соответственно – с 34,4 тыс. га до 13,8 тыс.¹ Снизилась урожайность зерновых культур с 8,1 ц в 1940 г. до 1,7 ц в 1946 г., овощей – с 52 до 33,6 ц, картофеля – соответственно с 56,0 до 43,7 ц². Существенное снижение урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур было вызвано не только недостатком рабочей силы и техники, что вело к снижению качества обработки полей, к нарушению агротехнических правил, но и засухой 1946 г.³

Небывалые материальные и людские потери повлекли за собой глубокие деформации в сельском хозяйстве: в товарно-денежных отношениях между городом и селом, в заготовительной, налоговой, финансовой политике, в соотношении функций государственных, партийных и иных органов.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились 2 самых крупных вида налога – сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких, малосемейных граждан, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств и др. Кроме того, каждая семья в сельской местности облагалась добровольным налогом – самообложением. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на ремонт дорог, постройку школ, больниц и пр. С 1946 г. был отменен военный налог, что стало серьезным облегчением для хозяйств колхозников.

С 1939 г. сельскохозяйственный налог стал исчисляться с личного хозяйства колхозников, исходя из размеров доходности. Однако данная система налогообложения в послевоенные годы не оправдала себя, так как нарушала правильное сочетание общественных и личных интересов и не стимулировала рациональное ведение подсобного хозяйства.

¹ НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 379, л. 110; Народное хозяйство Бурятской АССР за 60 лет. – Улан-Удэ, 1977. – С. 62; Народное хозяйство Бурятской АССР. 1923–1983. – С. 45; НАРБ, ф. Р-691, оп. 1, д. 2416, л. 2; ф. Р-195, оп. 13, д. 1953, л. 8.

² Там же, д. 301, л. 328; д. 379, л. 111; ф. Р-691, оп. 1, д. 1695, л. 7.

³ Там же, ф. Р-195, оп. 13, д. 301, л. 276.

В 1948 г. размер сельскохозяйственного налога, по сравнению 1947 г., повысился на 30 %. Налог на единоличные крестьянские хозяйства был вдвое выше, чем на хозяйства колхозников⁴.

Издержки такой налоговой политики были пагубны для сельского хозяйства. Для уменьшения налога колхозники сокращали поголовье скота, вырубали фруктовые деревья, занимали приусадебные участки менее доходными культурами.

Кроме того, колхозный двор ежегодно выплачивал страховые платежи, стоимость облигаций государственных займов; хозяйствам, не имевшим скота, приходилось покупать мясо и молоко для госпоставок, что было обязательным для каждого двора, независимо от наличия скота. Своевременный расчет с государством стал не по плечу большинству сельского населения.

Законы «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов», принятые в 1952 г., в очередной раз повышали общую сумму налогов, увеличивая нормы доходности для личных хозяйств колхозников. Кроме того, к общему нормативному доходу устанавливалась единая 10 %-ная надбавка на прочие доходы (от птицеводства, выращивания молодняка скота, сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.), вне зависимости от их размера.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. налоги и обязательные поставки сделали невозможным содержание личного хозяйства, которое для большинства колхозников было единственным источником существования.

Основные принципы заготовительной политики, сложившиеся в довоенные и военные годы, продолжали существовать и в первое послевоенное пятилетие. Сохранился налоговый характер заготовок. Колхозы ежегодно должны были в порядке обязательных поставок по установленной государственной цене сдавать основные сельскохозяйственные продукты через заготовительные органы. При определении размеров заготавливаемой колхозной продукции исходили из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об изменении в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов»⁵.

Кроме обязательных заготовок колхозы выплачивали натуральную оплату за работы, выполнен-

⁴ Зима В. Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.

⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. – М., 1967. – С. 746–749.

ные МТС. Чем выше была урожайность, тем выше ставки натуроплаты. Общий объем поставок зерна государству вместе с натуроплатой и возвращением ссуд был довольно обременительным для многих колхозов: к концу пятилетки, не достигнув урожайности 1940 г., они сдавали с каждого га больше, чем в предвоенные годы¹.

Заготовительные цены в послевоенные пятилетки были низкими, почти не изменившись с начала 1930-х гг. Нормы продукции животноводства исчислялись с каждого га земли, закрепленного за колхозом. С 1949 г. для колхозов были определены средние нормы сдачи продуктов государству: мяса – 3 кг с га земельной площади, молока – 10,6 л, яиц – 10 шт. с га пашни².

Заготовки мяса в 1952 г. составили в Бурятии 131385 ц – это в 2 раза больше заготовок 1941 г.; заготовки молока – 312145 ц, или в 1,4 раза больше, чем в 1941 г., заготовки шерсти – 11894,75 ц, или в 2,7 раза больше, чем в 1941 г.³

Если учесть, что продуктивность стада к концу пятилетки не превышала довоенных показателей, то новые нормы заготовок были довольно напряженными. Колхозы сдавали государству большую часть продукции, причем заготовительные цены были очень низкими. В марте 1946 г. 1 л молока государство покупало у колхозов за 25 коп. Заготовительная политика первых послевоенных лет не стимулировала выполнение обязательных поставок.

Большинство колхозов и совхозов Бурятии находились в тяжелом финансовом положении: их денежные доходы в 1953 г. составляли всего 130 млн.

В сепараторной

руб., или в среднем на один колхоз приходилось немногим более 30 тыс. руб.⁴

В 1941 г. тракторный парк республики насчитывал 1728 ед., в 1946 г. – 1623, автомобилей – соответственно 1389 и 382, зерноуборочных комбайнов – 566 и 667⁵. Ремонт сильно изношенной техники был затруднен из-за отсутствия запасных частей.

Большинство МТС располагало слабой материально-технической базой. В Баргузинской МТС, организованной в 1937 г., не было гаража, все постройки обветшали, грузовые автомашины стояли под открытым небом. Не лучшим было положение в Бичурской МТС.

Участие МТС в механизации животноводческих ферм было слабым из-за недостатка машин и помещений. Задача комплексной механизации сельского хозяйства не была решена. На 1 января 1953 г. на 8 фермах республики было установлено механизированное водоснабжение, на 19 фермах введено электромеханическое доение коров, на 3 фермах механизирован внутрифермерский транспорт, на 39 фермах – кормоприготовление, на 17 фермах – мойка и резка сочных кормов, на 121 ферме – запарива-

¹ Советская деревня в первые послевоенные годы. – М., 1978. – С. 268.

² Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М., 1948. – С. 174–176; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. – М., 1958. – С. 445, 450, 453.

³ НАРБ, ф. Р-691, оп. 6, д. 26, л. 143.

⁴ Там же, ф. Р-1, оп. 203, д. 9, л. 8.

⁵ Бурятская АССР в цифрах (1923–1973): сб. ст. – Улан-Удэ, 1973. – С. 108.

Уборка урожая в колхозе им. Сталина Кижингинского аймака. Редактор газеты Сангадиева и парторг Ринчиннамаев

ние¹. Восстановление и рост машинно-тракторного парка вели к повышению уровня механизации сельскохозяйственных работ: в 1946 г. она составляла в колхозах республики 38,0 %, в 1947 г. – 45 %.

Механизаторов готовили в Татауровской, Илькинской и Селенгинской механизаторских школах. В 1939 г. в механизаторских школах и на краткосрочных курсах при МТС было подготовлено 2917 механизаторов различных специальностей. В начале 1941 г. потребность в трактористах была удовлетворена на 133 %, в бригадах тракторных бригад – на 110, в комбайнерах – на 113,7².

За годы войны численность механизаторов в сельском хозяйстве значительно сократилась. Мужское население было призвано в армию, и на сель-

скохозяйственных машинах работали женщины и подростки. На 1 июля 1944 г. в республике насчитывалось 4488 механизаторов при потребности 4836 человек. МТС в эти годы не имели постоянного контингента механизаторов. Трактористы и комбайнеры набирались из числа колхозников, которые не зачислялись в штат МТС, а оставались на положении членов колхозов. Их работа в МТС носила сезонный характер. После окончания основных сельскохозяйственных работ механизаторы уходили в колхоз, а в МТС оставались ремонтные рабочие. В 1946 г. МТС республики получили пополнение механизаторскими кадрами за счет демобилизованных из Советской Армии.

В 4-й пятилетке была начата электрификация сельского хозяйства республики. В ряде колхозов на электроэнергию работали зерноочистительные машины, мельницы, пилорамы, механические мастерские, кузницы, столярные мастерские, стригальные пункты. К концу пятилетки мощность сельских электростанций достигла 3,3 тыс. кВт против 0,5 тыс. кВт в 1940 г., а выработка электроэнергии увеличилась с 0,3 млн. кВт·ч до 3,2 млн. кВт·ч. К 1950 г., по сравнению с 1945 г., количество электрифицированных колхозов увеличилось в 9,1 раза, машинно-тракторных станций – почти в 2 раза, мощность сельских электроустановок возросла в 5,5 раза³.

Несмотря на рост мощности электростанций в сельских местностях, лишь небольшая часть колхозов была электрифицирована, причем электроэнергия использовалась для осветительных, а не для производственных целей. В 1950 г. из 365 колхозов только 56 применяли электроэнергию в производственных процессах.

Для восстановления животноводства нужно было не только увеличить поголовье скота, но и укрепить кормовую базу. О тяжелейшем состоянии в животноводстве говорилось в телеграмме секретаря обкома ВКП(б) А. Кудрявцева в ЦК Г. М. Маленкову: «...отдельные животноводческие аймаки обеспечены кормами всего лишь в пределах 20–30 % к потребности, в декабре 1945 г. 80 тыс. гол. крупного рогатого скота, лошадей находятся в истощенном состоянии... урожайность сена, по предварительным данным, – 7 ц с га, заготовка кормов – 36,6 % планового задания». Республика просила выделить

¹ НАРБ, ф. Р-1145, оп. 1, д. 388, л. 90.

² Иванов М. Б. Деятельность партийной организации по подготовке и воспитанию кадров сельского хозяйства в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941) // Из истории партийной организации Бурятии. – С. 213.

³ НАРБ, ф. Р-1145, оп. 1, д. 388, л. 34; История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 519.

*Ж. Б. Ванкеев —
председатель колхоза
имени К. Маркса
Селенгинского аймака,
Герой Социалистического
Труда*

в январе 1946 г. для колхозов 6 тыс. т концентрированных кормов¹.

Осложнила положение в животноводстве засуха 1946 г., вследствие которой обеспеченность кормами составила 58,3 %, что привело к высокому падежу молодняка. поголовье свиней по республике сократилось, по сравнению с 1941 г., более чем в 7 раз, в Бичурском районе — в 10 раз, Тарбагатайском — в 11, Северо-Байкальском — в 42 раза. Если в 1941 г. на трудоспособного колхозника приходилось в среднем 1640 гол. скота, то в 1946 г. — менее 200². Животноводство, оставаясь основной отраслью сельского хозяйства Бурятии, было малопродуктивным: валовая продукция сельского хозяйства республики в 1950 г. составила 78 % к уровню 1940 г.

В 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства», в котором развитие животноводства выдвигалось «как центральная задача партии и государства в развитии сельского хозяйства»³. Еще в 1929 г. в 22 коммуны республики были завезены мериносы-производители для метизации

грубошерстных овец. В 1939 г. удельный вес тонкорунных овец в колхозах составлял 1,6 %, помесных овец — 32,4 %⁴. В колхозах им. XVIII партсъезда, им. Тельмана Селенгинского аймака и совхозе «Боргойский» Джидинского аймака все поголовье овец было представлено улучшенными животными, что привело к изменению качественного состава шерсти. В 1940 г. удельный вес тонкой и полутонкой шерсти составил 19,7 %, полугрубой — 42,5 %, грубой — 37,6 %⁵.

За годы 4-й пятилетки заготовка шерсти по колхозам республики выросла с 395909 кг в 1946 г. до 700352 кг в 1950 г., в т. ч. в Джидинском аймаке — с 20058 до 61340 кг, Торейском — с 14097 до 30422 кг, Хоринском — с 34051 до 65221 кг, Кижингинском — с 35068 до 52523 кг⁶.

В 1946 г. председателем колхоза им. К. Маркса Селенгинского аймака был выдвинут ветеран войны, талантливый и энергичный организатор Ж. Б. Ванкеев. К середине 1950-х гг. колхоз стал одним из крупных многоотраслевых хозяйств. Коренным образом была улучшена породность общественно-

Колхозная отара

⁴ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 7446, оп. 15, д. 84, л. 12–145; Пилданов Р. П., Ильин М. П. Перспективы развития тонкорунного и полутонкорунного овцеводства в БурАССР // Материалы Бурятского регионального совещания-конф. по развитию производительных сил Вост. Сибири. — Улан-Удэ, 1959. — С. 455.

⁵ Пилданов Р. П., Ильин М. П. Перспективы развития... — С. 439.

⁶ НАРБ, ф. Р-691, оп. 6, д. 57, л. 279.

¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 4, д. 467, л. 136, 114.

² НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 301, л. 320–324.

³ Директивы КПСС и Советского правительства. Т. 3. — М., 1958. — С. 341–367.

*П. Б. Жалсанова –
доярка-пятитысячница,
Герой
Социалистического
Труда*

*Р. С. Бубеев –
председатель колхоза
им. Кирова
Баргузинского района,
Герой
Социалистического
Труда*

го скота, внедрена высокопродуктивная симментальская порода крупного рогатого скота и ее помеси. В овцеводстве при активном участии ученых-зоотехников Р. П. Пилданова, И. И. Соколова, Л. Н. Изыскеновой, С. И. Билтуева была выведена бурятская тонкорунная порода овец. К концу 1950-х гг. колхоз стал миллионером, а Ж. Б. Ванкееву присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Этому же звания была удостоена и знатная доярка-пятитысячница племфермы «Иро» П. Б. Жалсанова.

В 1953 г. по стране в целом был превзойден довоенный уровень численности всех видов продуктивного скота, но в Бурятии поголовье крупного рогатого скота было меньше уровня 1941 г. на 47,4 тыс. гол., поголовье лошадей – на 31,3 тыс. гол., лишь по овцам и козам был едва превышен уровень 1928 г. (921,4 тыс. и 852,7 тыс.), поголовье свиней в 1953 г. не достигло уровня 1941 г.¹ В среднем на 1 двор в колхозах приходилось: лошадей – 1,73 гол., крупного рогатого скота – 5,2 гол., овец и коз – 12,95 гол., свиней – 0,49 гол.²

Первая послевоенная сельскохозяйственная кампания доказала несостоятельность потребительского подхода к деревне. Погоня за расширением посевных площадей привела к тому, что осенью низкий урожай зерновых не смогли убрать в срок. Просчеты в организации уборочной и посевной списали на засуху и низкую дисциплину труда в сельском хозяйстве. Для того чтобы выполнить государственный план, изъяли семенное и продоволь-

ственное зерно, включая предназначенное к выдаче по трудодням.

По сравнению с 1945 г., в 1950 г. посевные площади в колхозах выросли на 5 %. В годы войны в республике стали выращивать сахарную свеклу, в 1945 г. она занимала площадь 1300 га, 1000 га из которых размещались в колхозах Бичурского района, где получали по 200–300 ц с га, хотя эта культура была новой для Бурят-Монголии. Но в других колхозах урожайность была низкой, и с января 1946 г. колхозы Бурятии получили разрешение от наркомата заготовок каждую тонну сахарной свеклы считать за 3 ц картофеля или овощей в счет обязательных поставок, а взамен картофеля и овощей разрешалось сдавать сахарную свеклу.

В 1946 г. только в некоторых колхозах Бурятии – «Путь социализма» Кабанского, им. Чапаева Джидинского районов – собирали урожай зерновых от 8,4 до 13 ц с га; в остальных хозяйствах средняя урожайность зерновых равнялась 2,0 ц с га, картофеля – 46,0 ц, овощей в среднем – 34,0 ц, сахарной свеклы – 7,0 ц, махорки – 3,7 ц, зелени – 7,5 ц.

Валовой сбор зерна в колхозах республики составил более 80 % предусмотренного на конец пятилетки. Десятки колхозов, сотни передовиков полеводства получили рекордные урожаи, превышавшие урожаи довоенных лет. 17 передовиков сельского хозяйства получили звание Героя Социалистического Труда. Среди них Б. С. Дымбрылов, бригадир тракторной бригады Саянтуйской МТС, добившийся на площади 156 га урожайности пшеницы 22,9 ц с га. В числе награжденных были Ч. Б. Бадмаев – бригадир тракторной бригады Баргузинской МТС, Р. С. Бубеев – председатель колхоза им. Кирова Баргузинского района, Ц. Ш. Бубеев – бригадир

¹ НАРБ, ф. Р-691, оп. 6, д. 26, л. 144.

² НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 379, л. 121, 122.

*Н.Б. Ринчино – бригадир
полеводческой бригады
колхоза
имени Калинина
Курумканского района,
Герой
Социалистического
Труда*

тракторной бригады Курумканского района, Г. Д. Дамбаев – председатель колхоза им. Калинина Курумканского района, Н. Е. Конева – звеньевая колхоза им. Буденного Байкало-Кударинского района, С. К. Кисилев – звеньевой колхоза в с. Новая Брянь Заиграевского района, Н. Б. Ринчино – бригадир полеводческой бригады колхоза им. Калинина Курумканского района¹.

Размеры сельскохозяйственной артели определялись в большинстве случаев не экономической обоснованностью норм, отвечавших требованиям рационального ведения хозяйства, а наличием хозяйств и населения, проживавшего в 1 деревне. К 1950 г. в республике насчитывалось 396 колхозов и 49019 колхозных дворов с трудоспособным населением 80,3 тыс. чел. В среднем 1 колхоз объединял 119–123 двора, имел 987 га посевной площади, 659 гол. крупного рогатого скота, 1384 гол. овец, 66 гол. свиней. По сравнению с 1940 г., количество дворов, пришедших на 1 колхоз, увеличилось на 12, посевной площади – на 225 га, поголовья крупного рогатого скота – на 126 гол., овец – на 518 гол., свиней – на 20 гол.² Основной формой организации труда в колхозах была постоянная производственная бригада. Бригады создавались на срок не менее полного севооборота, за ними правление колхоза закрепляло инвентарь, рабочий скот, производственные помещения.

В целях укрепления производственной бригады была изменена оплата труда в колхозах: в 1948 г. по-

становление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» вводило индивидуальную и групповую сдельщину³.

Большое значение для восстановления сельского хозяйства, организационно-хозяйственного укрепления колхозов имело постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Примерный Устав сельскохозяйственной артели, действовавший с 1935 г., вплоть до 1969 г. считался основным законом колхозной жизни.

В октябре–ноябре 1946 г. в колхозах республики на 1467 чел. были сокращены штаты административного и обслуживающего персонала и сняты с оплаты трудоднями 1364 чел. Колхозам было возвращено 22813 га колхозных земель, незаконно занятых различными организациями для подсобных хозяйств и посевов, а также изъятых у отдельных колхозников, самовольно увеличивших свои приусадебные участки. Колхозам вернули 358 лошадей, 2632 гол. крупного рогатого скота, 1035 овец, автомашины, сельхозмашины и постройки, незаконно изъятые.

Совет Министров СССР в конце 1949 и в 1950 г. принял подряд 4 постановления по вопросам развития сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР. За 1946–1950 гг. республика получила 1080 тракто-

Стойловое содержание скота

¹ НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 1481, л. 60; Климов А. Герои Социалистического Труда Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – С. 3–70.

² Рассчитано по: Народное хозяйство Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1957. – С. 28, 88; НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 379, л. 7.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. – М., 1968. – С. 488.

ров и другой сельскохозяйственной техники, а колхозам было выдано 11,5 млн. руб. долгосрочного кредита и списано свыше 2,4 млн. руб. задолженности¹.

30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». На 1 декабря 1950 г. 445 сельскохозяйственных артелей объединились в 125 колхозов, из которых позднее было образовано 50 укрупненных колхозов. За счет сокращения административно-управленческого аппарата и обслуживающего персонала были высвобождены для работы в бригадах и животноводческих фермах более 400 человек. Массовое укрупнение колхозов было закончено в 1951–1952 гг. В результате их число сократилось к началу 1953 г. до 297², а размеры выросли. Так, в результате слияния колхозов «Улан-Удунга» и им. Карла Маркса Селенгинского аймака появился крупнейший в республике животноводческий колхоз, имевший 1150 гол. лошадей, 3200 гол. крупного рогатого скота, 14800 овец и коз, 120 свиней и около 2000 гол. домашней птицы. За колхозом было закреплено 46156 га земельных угодий, в т. ч. 3585 – пашни, 5018 – покоса, 19812 – пастбищ³.

В укрупненном колхозе им. Ленина Байкало-Кударинского района были созданы лучшие условия для использования техники, трудовых ресурсов, внедрения передовой агротехники. В течение 29 лет это хозяйство возглавлял Т. Д. Сычев, депутат Верховного Совета СССР, много сделавший, чтобы хозяйство стало одним из лучших в республике.

Однако некоторые совхозы, в частности «Еравнинский», «Боргойский», «Эрдэм», стали убыточными. В принятом постановлении «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)» отмечалось, что областной комитет не организовал работу колхозов, совхозов, сельскохозяйственных органов по созданию прочной кормовой базы как главного условия дальнейшего развития животноводства. ЦК ВКП(б) отметил также совершенно недостаточное внимание вопросам повышения культуры земледелия и улучшения работы МТС, поверхностное руководство народным хозяйством, слабость критики и самокритики, администрирование и необоснованную замену большого

количества работников, низкий уровень партийно-организационной и политической работы⁴.

За первую послевоенную пятилетку поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 8,6 %, коз и овец – на 14, свиней – на 4,5 %. За пятилетие колхозы Бурятии достигли и превзошли довоенный уровень по поголовью овец, коз и свиней, вместе с тем поголовье крупного рогатого скота еще не было восстановлено, низкой оставалась и его продуктивность.

По валовому сбору сельскохозяйственных культур колхозы приблизились к уровню 1940 г. Наиболее успешным был 1947 год, когда валовой сбор зерна в колхозах составил более 80 % валового сбора зерна, предусмотренного на конец пятилетки.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953 г.) впервые поставил вопрос о материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства и увеличении его доходности.

В 1954 г. колхозы «Пограничник», «Заря», им. Ленина, «Красный пахарь» объединились в колхоз им. Ранжурова и выбрали председателем А. Н. Соковикова. Доход колхоза в 1954 г. составил 150 тыс. руб., к 1967 г. колхоз стал миллионером, получив доход 1277172 руб. В колхозе большое внимание уделялось племенной работе, полеводству. Если в 1953 г. урожай зерновых составлял 2,6 ц с га, то в конце 1970-х гг. сорта пшеницы «бурятская-34», «бурятская-79» давали по 35–38 ц. В колхозе работали знатные механизаторы, шоферы, доярки, животноводы Г. И. Максимов, В. С. Анхов, Б. Галданов, П. Жаркой и др. В Шароголе (центральная усадьба) велось большое строительство. Были построены коровники, 2 полевых стана с банями, зерноочистительные пункты, гараж, бытовые и медицинские объекты. Председатель колхоза, фронтовик, кавалер ордена Отечественной войны I степени, был награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени⁵.

Но с середины 1950-х гг. аграрный курс КПСС претерпел серьезные изменения. Началось наступление на личные подсобные хозяйства. 6 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Этим

¹ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 419.

² НАРБ, ф. Р-1159, оп. 1, д. 56, л. 8; д. 129, л. 102.

³ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2... – С. 519.

⁴ НАРБ, ф. Р-1, оп. 127, д. 1, л. 1–7.

⁵ Бурятия. – 2008. – 20 авг.

постановлением запрещалось увеличивать размер приусадебного участка колхозников за счет общественных земель и рекомендовалось сокращать его. Был закреплён принцип ограничения количества скота, находившегося в личной собственности колхозников¹. 26 августа 1956 г. постановлением Совета Министров СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах². Это постановление ставило крестьян в тупик. Им приходилось либо нарушать только что принятое постановление, либо сокращать количество скота в своем хозяйстве.

В постановлении декабрьского (1958 г.) пленума ЦК КПСС указывалось, что «...с ростом общественного хозяйства колхозов личное хозяйство колхозников будет постоянно утрачивать свое значение, колхознику станет выгоднее получать продукты из колхоза, чем тратить свой труд на их производство в личном хозяйстве»³. Концепция «отмирания» личного подсобного хозяйства была поддержана декабрьским (1959 г.) пленумом ЦК КПСС.

Приусадебное хозяйство приносило колхозной семье в 1946–1951 гг. от 42 до 65 %, а в 1953–1960 гг. от 42 до 46 % всего совокупного дохода.

В 1950-е гг. был поднят правовой и социальный статус крестьян, в ряде районов страны началась выдача колхозникам паспортов, из Примерного Устава сельскохозяйственной артели был исключен пункт, запрещавший выход из колхоза.

Реформаторская деятельность Н. С. Хрущева была непоследовательной и противоречивой. Волонтаристскими были установки XXI и XXII съездов партии на развернутое строительство коммунизма и свертывание личных подсобных хозяйств. Вновь был нарушен принцип материальной заинтересованности колхозников, начались ограничения самостоятельности колхозов в планировании и т. д. Большой вред сельскому хозяйству нанесли непродуманные рекомендации по чрезмерному распространению кукурузы, ликвидации чистых паров, проведению в ускоренные сроки реорганизации МТС.

С середины 1950-х гг. начался новый этап укрупнения колхозов и преобразования колхозов в совхозы, что преподносилось как концентрация производства. Укрупнение колхозов вело к их неуправляемости, однако в этом был и рациональный элемент использования крупной техники бывших МТС.

В Закаменском районе был образован укрупненный колхоз (преобразованный позже в совхоз) в необжитой местности Дутулур. В с. Михайловка к местному колхозу были присоединены хозяйства из Бургалтая, к хамнейскому колхозу – колхозы Бургуй и Хуртаги. В результате такого укрупнения вовсе перестали существовать 7 сел. В с. Улентуй (отделение дутулурского совхоза) осталось 20 семей, не стало клуба, его перевезли на центральную усадьбу, перестала работать баня, закрылись дошкольные учреждения, фельдшерский и ветеринарный пункты⁴.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4 ... – С. 290–297.

² Экономическая жизнь СССР. Т. 2... – С. 480.

³ КПСС в резолюциях... – С. 289.

⁴ Доржиев Б. Ш. Закамна: ист. очерк. – Улан-Удэ, 1993. – С. 90–91.

Семья чабанки Б. Т. Доржиевой, Героя Социалистического Труда

В хозяйственной деятельности совхозов, несмотря на рост количественных показателей (посевных площадей, поголовья скота), оставалось много проблем. В 1950-е гг. остро встал вопрос о подготовке руководящих кадров колхозов и совхозов. Из 264 председателей колхозов на 1 апреля 1954 г. высшее образование имели 5 чел., среднее – 55 чел., 4–6 классов – 95 чел., а 35 председателей имели образование ниже начального. Еще ниже был образовательный уровень бригадиров – 82,6 % из 975 чел. имели начальное образование, 77,4 % заведующих животноводческими фермами из 1159 также имели начальное образование¹.

Большую роль в подготовке кадров специалистов сельского хозяйства, руководителей хозяйств сыграл Бурят-Монгольский зооветинститут, из года в год увеличивавший выпуск студентов. За 9 выпусков (1949–1957) институт подготовил 620 специалистов, в следующие 5 (1958–1962) – 1431 чел., в 1962 г. вуз осуществил первый выпуск инженеров-строителей, инженеров-технологов мясо-молочной промышленности, технологов по коже и меховому сырью. С заводов и фабрик были направлены на работу в МТС и совхозы 230 инженеров и техников, 214 чел. были отозваны с различных должностей в городе, районных центрах и назначены руководителями производственных подразделений в колхозах и совхозах.

Сельское хозяйство Бурятии, являясь составной частью единого народнохозяйственного ком-

плекса страны, развивалось под влиянием проводимых реформ. Особенности развития аграрного сектора республики продолжали определяться климатическими и производственными условиями. Сложившаяся исторически, обусловленная природно-экономическими факторами экстенсивная пастбищно-стойловая система скотоводства и преимущественно пастбищная система овцеводства в значительной мере сохранилась до конца 1950-х гг.

Совет Министров РСФСР 7 февраля 1954 г. принял постановление «О мерах по дальнейшему росту тонкорунного и полутонкорунного овцеводства в Бурят-Монгольской АССР». В республике было организовано 5 государственных станций по племенному делу и искусственному осеменению овец. В колхозах и совхозах создано 196 пунктов искусственного осеменения, из других краев и областей стали завозиться племенные производители². За 1951–1957 гг. в колхозы и совхозы республики было завезено 12 тыс. баранов тонкорунных пород – алтайской, грозненской, советского мериноса. Удельный вес тонкорунных и полутонкорунных овец в общем стаде вырос с 6,8 % в 1940 г. до 61,7 % в 1957 г. Удельный вес полугрубошерстных овец уменьшился с 40 % в 1940 г. до 35,7 % в 1957 г.³

В 5 хозяйствах республики: ордена Ленина совхозе «Боргойский», ОПХ «Иволгинское», совхозе «Загустайский» Кижингинского района, колхозах «Победа» Бичурского и им. Карла Маркса Селенгинского районов – была развернута работа по выведению нового внутривидового типа овец. «Бурятский» тип забайкальской тонкорунной породы был выведен Р. П. Пилдановым, И. И. Соколовым, В. П. Шантахановым, П. Д. Дарижаповым, Ж. И. Грозовым и Ф. Т. Зубенко. Тонкорунное овцеводство в Бурятии стало ведущим. Удельный вес тонкорунных овец в 1960-е гг. составлял 80 %.

За годы советской власти поголовье овец в Бурятии увеличилось в 4 раза. При этом за 25 лет (1923–1948) количество овец увеличилось на 202,4 тыс. гол., за 10 лет (1947–1957) – на 804,4 тыс. гол., достигнув к 1961 г. 1562,4 тыс.

В структуре общественного стада произошли изменения не только по видам скота, но и по поро-

² Паршков А. А. Основные итоги развития сельского хозяйства Бурятии после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953) // Тр. Бурят. зоовет. ин-та. Вып. 14. – Улан-Удэ, 1959. – С. 67; НАРБ, ф. Р-1, оп. 23, д. 74, л. 73.

³ Подсчитано по: Пилданов Р. П., Ильин М. П. Перспективы развития ... – С. 456.

¹ Подсчитано по: НАРБ, ф. Р-1159, оп. 1, д. 94, л. 8, 9.

*Старший
чабан совхоза
«Боргойский»
А. Цыренова.
1965 г.*

дам. Удельный вес симментальской породы крупного рогатого скота продолжал быть определяющим, в породах овец наибольший удельный вес занимали алтайская и советский меринос, среди пород свиней наибольшее распространение имела крупная белая. Улучшение пород животных позволяло повышать их продуктивность. Симментальская порода крупного рогатого скота и бурятские помеси давали в учебно-опытном хозяйстве Бурятского сельскохозяйственного института удой на 1 корову от 6000 до 7000 кг при 4 %-ной жирности молока¹.

Старший чабан Б. Р. Дабаев из совхоза «Боргойский» получил и сохранил от 100 маток 115 ягнят при среднем настриге по 4,1 кг от овцы; старший чабан А. Жанчипов получил в среднем по 7,069 кг шерсти с 1 головы; чабан хоринского совхоза Н. Г. Краснопеев получил от 100 маток по 100 ягнят. Более 60 чабанских бригад колхозов и совхозов республики в 1957 г. получили и вырастили от 110 до 184 ягнят на 100 маток².

Развитие животноводства тормозилось неустойчивой кормовой базой. В 1950-е гг. задача увеличения кормовой базы в колхозах и совхозах решалась переходом от кормодобывания к кормопроизводству за счет трансформации сельскохозяйственных угодий и изменения структуры посевных площадей.

По указанию сверху, без учета естественно-климатических условий, в 1954 г. в Бурятии впервые

посеяли 100 га кукурузы, в 1955 г. – уже 48600 га, в 1956 г. – 65400 га, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. посевные площади кукурузы в колхозах и совхозах республики колебались от 30500 га до 35600 га. Для Бурятии это была новая культура, ее агротехника не была полностью освоена, да и суровые климатические условия – частые заморозки и засуха – не позволяли получать высокие урожаи. В 1955 г. урожайность кукурузы на силос составила 24 ц с га, в 1959 г. – 91 ц, в 1960 г. – 67 ц³. Некоторые колхозы уже в 1956 г. добились хороших результатов при ее возделывании. Звено Д. Гинеева из колхоза «Улан-Бургултай» Торейского района получило урожай кукурузы на силос почти по 400 ц с га на площади 17 га, звено Т. Г. Батомункева из колхоза им. Ленина Джидинского района на площади 27 га вырастило урожай кукурузы на силос по 260 ц с га. К сожалению, таких примеров было мало.

Отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства не только Бурятии, но и всей Сибири оказало повсеместное внедрение пропашной системы земледелия, недостаточно проверенной в широких производственных условиях. Первоначально эта система носила характер рекомендаций, но начиная с 1961 г. усилиями некоторых администраторов была по существу сведена к политике ликвидации паров, распахке лугов и пастбищ под пропашные культуры.

Решающая роль в увеличении сельскохозяйственной продукции отводилась освоению целины. Хотя в методах освоения целины было много ошибочного, нерационального, тем не менее это позволило частично решить зерновую проблему, расширить посевные площади под кормовые культуры. За 1954–1956 гг. в республике было освоено 206,8 тыс. га новых земель: в Джидинском районе – 45,0 тыс. га, Еравнинском – 42,4 тыс., Мухоршибирском – 13,9 тыс., Селенгинском – 13,6 тыс. К 1956 г. вырос валовой сбор зерновых культур⁴.

Курс, выработанный сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС, ориентировал на быстрый подъем производства зерна, главным образом, за счет такой срочной меры, как освоение целинных и залежных земель. Для реализации поставленной задачи государственные капитальные вложения в сельское хозяйство Бурятии с 1953 по 1958 г., по сравнению с предшествующим пятилетием, были

¹ НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 1585, л. 76.

² НАРБ, ф. Р-691, оп. 6, д. 132, л. 29, 40.

³ Там же, ф. Р-195, оп. 13, д. 2345, л. 14, 39.

⁴ Там же, ф. Р-1, оп. 168, д. 78, л. 4.

увеличены в 3,6 раза, составив более 330 млн. руб. Большой приток капитальных вложений позволил резко увеличить техническую оснащенность сельского хозяйства. За этот период в колхозы и совхозы республики поступило 1585 тракторов и 986 комбайнов, или в 2 с лишним раза больше, чем с 1948 по 1952 г.

В 1954–1958 гг. возросла электровооруженность сельского хозяйства Бурятии. В 1958 г. колхозы и совхозы республики получили электроэнергию в 2,6 раза больше, чем в 1953 г. Из общего количества электроэнергии 2/3 было использовано на производственные нужды¹.

Меры, разработанные сентябрьским (1953) пленумом ЦК КПСС, способствовали укреплению производственной базы сельского хозяйства, повышению на селе роли экономических рычагов стимулирования и управления сельскохозяйственным производством, оказывали благотворное влияние на развитие сельского хозяйства.

5.3. Культура Бурятии в послевоенные годы

XXIV пленум Бурят-Монгольского обкома партии, состоявшийся в сентябре 1946 г., обозначил решительный поворот в идеологической работе и национальной политике. На пленуме исключительное по важности место было отведено художественной литературе. Не утруждая себя доказательствами, первый секретарь обкома ВКП(б) А. В. Кудрявцев обвинил видных деятелей культуры, писателей, партийных работников в буржуазном национализме. Книга «Межи» С. Метелицы, «Новеллы» А. Бальбурова, «Частушки» Л. Элиасова и ряд других оценивались как клеветнические произведения, проникнутые буржуазно-националистическими идеями. Авторы этих книг объявлялись «охвостом буржуазно-националистических элементов». Ответственность за эти мнимые, совершенно надуманные просчеты возлагалась на секретаря обкома партии по идеологии Б. С. Санжиева. Заявление Б. С. Санжиева, категорически опровергавшего обвинение в буржуазном национализме, не было даже принято к сведению.

Безапелляционная, грубая критика в постановлениях ЦК ВКП(б), решениях и всей практике работы Бурят-Монгольского обкома партии нанесла невосполнимый ущерб развитию литературы и ис-

кусства. Это особенно тяжело отразилось на творческой судьбе многих талантливых деятелей литературы и искусства республики.

Прошедшие по итогам XXIV пленума обкома партии собрания в научных учреждениях, творческих союзах целиком и полностью одобрили решения обкома. С конца 1946 г. кампании «критики и самокритики» периодически проводились в творческих союзах и учреждениях искусства. Работа Союза писателей становилась все более и более контролируемой. С 1946 по 1952 г. вопросы литературы несколько раз рассматривались на бюро обкома партии, ежегодно заслушивались на пленумах и всех партийных конференциях. 9 октября 1946 г. была создана самостоятельная первичная партийная организация Союза писателей, усилившая влияние партии на развитие литературы.

В послевоенные годы в Бурят-Монголии появилось много работ по литературе, фольклору и литературному языку, среди которых выделялись труды Ц. Б. Цыдендамбаева, А. И. Уланова, Л. Е. Элиасова, Ц. О. Очирова, А. А. Белоусова, Н. О. Шаракшиновой, Е. В. Баранниковой. Со статьями о современной литературе выступали писатели Ц. Г. Галсанов, Ж. Тумунов, Ц.-Д. Дамдинжапов.

Произведения Х. Намсараева, Ж. Тумунова, Ц. Галсанова пользовались признанием и заслужили высокие оценки литературной общественности страны. Ц. Галсанов в этот период – председатель Союза писателей Бурят-Монголии. Его поэтический сборник «Заря над Азией» получил восторженные отклики. Ему удалось изведать необычайный взлет и самое тяжелое падение. Имя Х. Намсараева стало поистине народным, а Ж. Тумунов снискал славу автора первого бурятского романа.

Однако в сентябре 1946 г. на собрании писателей по обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» поэму Ж. Тумунова «Сухэ-Батор» оценили с точки зрения «идейно-политических извращений», и на нескольких собраниях писатель был вынужден признавать наличие серьезных политических просчетов и художественных недостатков своей поэмы². Безоговорочное согласие с критикой было одним из приемов, зачастую сохранявших возможность дальнейшего творчества. Позже достоинства произведений Ж. Тумунова будут признаны литературной общественностью, выдвинув его в первый ряд представителей бурятской литературы.

¹ 300 лет нерушимой дружбы. – Улан-Удэ, 1959. – С. 96; Очерк истории Бурятской организации КПСС... – С. 481.

² Бурят-Монгольская правда. – 1946. – 31 сент.

Иначе сложилась творческая судьба Ч. Цыдендамбаева. За стихотворение «Сугланай Зур» его исключили из Союза писателей¹. Лирическая поэзия Ч. Цыдендамбаева была признана аполитичной, а творческая работа – несостоятельной. Но уже в феврале 1947 г. после «покаяния» поэт заново был принят в ряды творческого союза², тем не менее он уже потерял кредит доверия руководства Союза писателей. Ч. Цыдендамбаев приступил к изучению дореволюционного прошлого Бурятии. Его внимание привлекла уникальная судьба первого бурятского ученого Д. Банзарова. Проследившая историю его жизни, работает в архивах, изучает литературу, едет в Казань³. Результатом этой кропотливой работы явилась первая часть знаменитой дилогии «Доржи, сын Банзара». Но редактор альманаха «Байкал» отказался печатать роман. Предварительно он вычеркнул все места, касающиеся лам и шаманов, мотивируя это тем, что советский народ может обойтись и обходиться без них⁴.

На пленуме обкома партии в январе 1952 г. роману была дана оценка как произведению, проникнутому буржуазно-националистической идеологией, идеализирующему дореволюционное прошлое Бурят-Монголии⁵. Писатель был вынужден отвезти роман за пределы республики и без всяких изменений опубликовал его в 1953 г. в Иркутске⁶. Ко времени II съезда писателей в 1954 г. роман был издан в Улан-Удэ, а имя Ч. Цыдендамбаева заняло достойное место среди писателей республики.

В послевоенные годы стало значительно труднее работать лирическим поэтам: Б. Базарон, Д. Мадасон, Ц. Номтоев были вынуждены «замолчать» на долгое время. Молчание расценивалось как нежелание принять деятельное участие в социалистическом строительстве. Видимо, сказалась оценка лирики А. Ахматовой как творчества, «пропитанного духом пессимизма и упадничества, застывшего на позициях эстетства и декадентства, не желающего идти в ногу с народом»⁷.

Незаслуженные обвинения высказывались в литературно-критических статьях М. П. Хамаганова в адрес Ц.-Д. Дондоковой, которая была объявлена выразительницей пессимизма, ее стихи перестали печататься⁸.

Жестоким критике подвергалось, казалось бы, невинное описание пейзажей поэтами Д. Мадасоном, Ц. Жимбиевым, И. Кимом, С. Дунаевым и др. В упрек Д. Мадасону было поставлено то, что в поэме «На цветущих лугах» он описал кошение сена обычной литовкой. В этом увидели идеализацию ручного труда, прадедовских орудий. По мнению критиков, он должен был показывать передовые формы труда и людей, освоивших в колхозе новую технику. Ц. Жимбиев, описавший «черную кузницу», в которой «и стон, и звон, и гром», был также раскритикован за идеализацию дедовской техники⁹. А С. Дунаеву, написавшему «Марш косарей», было указано, что в настоящее время даже «конная сенокосилка и конные грабли не новинка, на лугах работают и на более сложной технике»¹⁰. Идею невыдержанным признавалось стихотворение И. Кима «Родной край», в котором автор, описывая родную природу, не показал глубоких социалистических преобразований, которые произошли в жизни Бурят-Монголии за годы советской власти¹¹. В его стихотворении «Песня простора» «образы природы, гор и рек, глухарей и жаворонков, зари и солнца заслонили черты социалистической действительности»¹².

При национальном бюро Союза советских писателей СССР в феврале 1947 г. состоялось обсуждение романа И. Чернева «Семейщина». Роман получил разноречивую оценку. Некоторые критики, которых позже отнесли к «космополитам», выступили в защиту романа. Среди тех, кто дал положительную оценку, был А. И. Уланов. 27 ноября и 1 декабря 1947 г. в Улан-Удэ состоялось совещание писателей и литературоведов, научных сотрудников НИИКЭ с участием партийных и советских работников, где обсуждался роман И. Чернева¹³.

¹ НАРБ, ф. 906, оп. 1, д. 3, л. 12.

² Там же, д. 4, л. 17.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, д. 35, л. 39.

⁵ Там же, л. 43.

⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 5446, л. 37.

⁷ Там же, л. 3–43.

⁸ Там же, ф. 906, оп. 1, д. 103, л. 102–105.

⁹ Хамаганов М. П. Против космополитизма, за большевистскую партийность в литературе // Байкал. – 1949. – № 1. – С. 159.

¹⁰ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 5466, л. 32–34.

¹¹ Там же, л. 31.

¹² Там же, л. 36.

¹³ Там же, л. 37.

По докладу М. П. Хамаганова после бурного обсуждения была принята резолюция, осуждающая роман. В резолюции говорилось, что «Семейщина» является идеологически вредной и не отвечает запросам советского народа. В романе было найдено возвеличивание и героизация врагов, культивирование кулацкого хозяйства, противопоставление города и деревни, проповедование националистической концепции о «едином потоке семейщины» и уже знакомая клевета на политику партии¹. Неудивительно, что после подобных выводов роман испытал настоящее «хождение по мукам», прежде чем дошел до широкой аудитории.

В октябре 1946 г. был заключен издательский договор между Бурят-Монгольским отделением Союза советских писателей и поэтом А. Ольхон на составление сборника переводов бурят-монгольских поэтов «Источники песен» в объеме 2 тыс. стихотворных строк, одобренного Союзом писателей республики². В сборник вошли переводы стихотворений Х. Намсараева, Б. Абидуева, Ц. Галсанова, Н. Балдано, Ш. Нимбуева, улигеры А. Торова и т. д. Однако качество перевода, его идейные и художественные достоинства были подвергнуты резкой критике на совещании в отделе пропаганды и агитации Иркутского обкома ВКП(б) в июле 1948 г. Стихотворения поэтов получили в основном высокую оценку с точки зрения художественной глубины, патриотической и эмоциональной звучности. Но, по мнению участников совещания, А. Ольхон допустил много вольностей в переводе. На их взгляд, отдельные стихотворения Х. Намсараева («Светла страна моя родная» и др.) выглядели политически и художественно незрелыми, легковесными. Х. Намсараева обвинили в несвойственной ему личной нескромности («Я песней обрадовал страну молодого народа», «Слово напевное потомки мои не забудут», «Напевы мои долговечны» и др.). В поэме Ш. Нимбуева, говорилось далее, были допущены ошибки в трактовке роли отдельных личностей в истории. Завоевательные походы Чингис-хана были показаны как нечто благородное, героическое, величественное. В сборнике практически отсутствовала тема активного вторжения в жизнь, современные ритмы республики. «Переводчик слащаво живописует радость поэта-пастуха, прибегая к насыщенным ми-

стицизмом образам». Были признаны безыдейными и аполитичными описания пейзажей, любовная лирика, которые якобы «не выразили в большинстве своем изменений, происшедших в социально-экономической жизни Бурят-Монголии»³. В письме Х. Намсараеву А. Ольхон с горечью писал: «Как я понимаю, из Улан-Удэ пожелали начальники, чтобы критиковали ваших бурятских поэтов, но так как здесь нет никого понимающего язык бурятской поэзии, то постарались критиковать переводчика...»⁴

Кампания борьбы с «буржуазным национализмом», продолжавшаяся до начала 1950-х гг., совпала с конъюнктурными веяниями. Некоторые работники науки и культуры были втянуты в эту критику, поскольку неучастие было равносильно бессмысленному самопожертвованию, а участие давало возможность жить, работать, обретать почет и славу. Занявших выжидательную позицию попытались сломить и поставить в безвыходное положение в ходе печально известной кампании против «феодално-ханского эпоса» «Гэсэр».

«Гэсэр» является уникальным памятником древней культуры бурятского народа, уже в XIX в. получившим признание ученых. Однако история изучения эпоса свидетельствует не о триумфальном шествии к широкому читателю, а о трудной и сложной судьбе памятника, о подъемах и спадах внимания к нему со стороны общественности Бурятии. В 1930–1931 гг. эхирит-булагатский вариант был издан Академией наук СССР. В связи с проведением декады литературы и искусства Бурят-Монголии в Москве в 1940 г. вопросы устного народного творчества бурят актуализировались. По предложению ученых, писателей, деятелей культуры к декаде приурочили широкую пропаганду «Гэсэра». В статьях секретарей Бурятского обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьева, А. У. Хахалова и др. в центральной и местной печати подчеркивалось значение самобытного эпоса бурятского народа в духовной культуре прошлого и настоящего.

Вопрос о выборе памятника устного народного творчества обсуждался в Бурят-Монгольском ГИЯЛИ. Рассматривались 3 произведения – «Аламжи-Мэргэн», «Шоно-батор» и Гэсэр». В июле 1940 г. в Улан-Удэ приехал Н. Н. Поппе, член-корреспондент АН СССР, возглавлявший в ту пору кабинет монголоведения и бурятоведения в Московском институ-

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 5466, л. 37.

² Базаров Б. В. Критики и самокритики послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2. – С. 102–109.

³ Там же, с. 105.

⁴ Восточно-Сибирская правда. – 1948. – 1 авг.

*Члены бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (слева направо):
сидят А. У. Хахалов, второй секретарь; Б. С. Санжиев, секретарь по пропаганде;
С. М. Иванов, председатель Совнаркома; С. Д. Игнатьев, первый секретарь
обкома; К. Т. Барабанов, третий секретарь; К. Н. Языков, секретарь по сельскому
хозяйству;
стоят Н. Н. Федюков, нарком госбезопасности; И. И. Логушкин, секретарь
по рыбной промышленности; М. З. Браудэ, секретарь по транспорту; П. С.
Леликов, секретарь Улан-Удэнского горкома партии; В. М. Кучеров, секретарь
по промышленности; Г. А. Баландин, секретарь по кадрам; П. И. Татьянин,
секретарь по торговле*

те востоковедения. После переговоров и консультаций выбор был сделан в пользу «Гэсэра», имевшего значительный свод стихотворных строк и выделявшегося среди всех остальных произведений фольклора¹.

Руководство сбором материала и научным освоением «Гэсэра» в областном комитете партии было возложено на секретаря обкома ВКП(б) Б. С. Санжиева, который к тому моменту имел опыт работы в ГИЯЛИ заместителем директора, а затем заведующим отделом пропаганды и агитации обкома партии.

В сентябре 1940 г. в Элисте праздновали 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар». Исходя из данных исторической науки о переселении бурятских племен на территорию Прибайкалья в XIII–XIV вв., было принято решение о праздновании 600-летия «Гэсэра»².

С конца 1940 г. сбор материала в Аларском, Нукотском, Боханском, Эхирит-Булагатском аймаках

начали С. Балдаев и Д. Хилтухин, а с февраля 1941 г. к этой работе подключились И. Мадасон, А. Бальбуров, А. Уланов, М. Степанов и др.³ В развертывании работы по сбору первичного материала активное участие приняли директор ГИЯЛИ Г. Ц. Бельгаев, секретарь обкома ВКП(б) Б. С. Санжиев, ученый секретарь ГИЯЛИ Н. Д. Зугеев, сотрудники ГИЯЛИ Д. Хилтухин, С. Балдаев, руководство Союза писателей – М. Шулушкин, Ц. Галсанов, Х. Намсараев, Н. Балдано, А. Шадаев.

В апреле 1941 г. был подготовлен еще не отработанный свод материалов, состоявший из 115 тыс. стихотворных строк.

Начавшаяся война замедлила темпы проводимой работы. Часть писателей и сотрудников были мобилизованы на фронт, другие перестроили направление своей литературной деятельности исходя из тех задач, которые стояли перед всем народом.

Однако работа по подготовке к юбилею «Гэсэра» не прекращалась. В июле 1943 г. Б. С. Санжиев вызвал в отдел пропаганды и агитации Н. Г. Балдано и предложил ему стать составителем сводного текста «Гэсэра». Предложение мотивировалось тем, что обработанная ранее Н. Г. Балдано глава улигера «Хараасгай-мэргэн» стилистически наиболее соответствовала предъявляемым требованиям. В задачу составителя, по мнению Б. С. Санжиева, входил тщательный отбор всего «самого ценного в идейном и художественном отношении, очищение от чуждого и наносного, бережное отношение к словесной ткани и сохранение стилистических особенностей повествования»⁴.

В работу по переводу эпоса на русский язык активно включился поэт-переводчик М. Тарловский. 12 августа 1943 г. на своем творческом вечере в

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 5097, л. 7.

² Там же, л. 9.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 16.

⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 24.

*Б.С. Санжиев,
секретарь
обкома ВКП(б),
впоследствии доктор
исторических наук,
профессор*

Доме науки, искусства и литературы в Улан-Удэ он прочел фрагменты перевода эпоса «Гэсэр»¹.

В июле 1944 г. состоялась конференция писателей и улигершинов Бурят-Монгольской АССР с участием представителей Москвы, Иркутска и Читы, на которой с докладом «Об издании бурят-монгольского эпоса «Гэсэр» выступил М. Шулукшин². В августе 1944 г. состоялась встреча народных улигершинов с писателями и научными работниками Улан-Удэ, на которой свои песни, стихи и отрывки из улигеров исполнили А. Торов, Ц. Зодбоев, П. Тушемилов, Б. Имеев, П. Дмитриев, Б. Жатухаев³.

Для Бурят-Монгольского обкома партии М. Тарловский и Н. Балдано подготовили сюжет и фабулу эпоса, которые, согласно принятому тогда порядку, были переданы Б. С. Санжиевым в ЦК ВКП(б). Эти материалы позволяли оценить эпос о Гэсэре как произведение высокохудожественное и истинно народное.

В это же время Х. Намсараев, Ц. Галсанов, Д. Хилтухин, А. Шадаев, С. Балдаев и другие писатели, поэты и ученые в своих публикациях пропагандировали эпос, возвышая его в глазах современников. Герои Советского Союза, бойцы Советской Армии сравнивались с Гэсэром, посвятившим себя борьбе со злом. Под редакцией Ц. Галсанова была издана книга, состоявшая из первых двух глав «Гэ-

сэра». Его стихи о Гэсэре переложены на музыку композитором Д. Аюшеевым⁴.

В августе 1946 г. Н. Балдано составил сводный текст в 25 тыс. стихотворных строк⁵, с использованием материалов большинства известных и записанных к тому времени вариантов эпоса. Однако в стране все более явственно назревали политические процессы, которые существенно деформировали понимание роли и значение художественной культуры в жизни общества. В предвоенные годы был проведен ряд кампаний, надолго вычеркнувших из советской литературы имена многих видных писателей. В числе первых подвергся критике один из величайших эпосов мира – киргизский «Манас». Его судьбу разделили многие другие произведения устного народного творчества. В Казахстане в этот период было запрещено более трехсот произведений народного эпоса⁶. Отрицательное отношение к народным эпическим творениям инициировало постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», принятое в 1944 г. В постановлении резко критиковались ошибки «националистического характера, приукрашивание Золотой Орды в ханско-феодальном эпосе об Едигее»⁷. Была развернута «принципиальная большевистская критика» богатырских поэм монгольских народов, среднеазиатского «Алпамыса», кипчакского эпоса о ногайских баторах, каракалпакского эпоса «Кырккыз», огузского эпоса «Китаб-и дэдэм Коркут», эпического цикла Закавказья и Средней Азии «Кер-оглы» и мн. др.

В послевоенные годы в адрес писателей все чаще звучат обвинения в буржуазном национализме. В мае 1945 г. был исключен из Союза писателей один из видных исследователей фольклора С. П. Балдаев. Его не имевший политической подоплеки призыв к изучению творчества улигершинов, «последних могикан» устного фольклора, был расценен как клеветнический. Позднее к нему был приклеен ярлык «небезызвестного старца, морального растлителя»⁸.

⁴ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 51.

⁵ Там же, л. 48.

⁶ Там же, л. 52.

⁷ Там же, л. 53.

⁸ О партийной и советской печати: сб. док-тов. – М., 1954. – С. 526–529.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 25.

² История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1967.

³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 34.

Обстановка значительно обострилась после принятия ЦК ВКП(б) постановлений 1946–1948 гг. по вопросам литературы и искусства. Политические инсинуации, передергивание фактов, клевета и другие недозволенные приемы стали прочно входить в арсенал методов многих работников обкома ВКП(б). Исключения из рядов партии, творческих союзов, увольнения из учреждений культуры стали принимать все большие масштабы. Эта судьба была уготована Ч. Цыдендамбаеву, М. Хабаеву и др. Энтузиасты «Гэсэра» в этой обстановке, тем не менее, продолжали свою работу.

Совещание по вопросу о «Гэсэриаде» состоялось 20–21 мая 1948 г. На нем присутствовали члены и кандидаты в члены бюро ОК ВКП(б), ответственные работники обкома, Совета министров республики, сотрудники НИИКЭ, педагогического института, писатели, драматурги, представители прессы. Совещание признало эпос «Гэсэр» феодально-ханским, клерикальным, антинародным. Выдающийся памятник устного народного творчества стал предметом огульной, несправедливой критики. Предметом недобросовестной политической спекуляции некоторое время был тезис об антирусской направленности эпоса. В основе этой версии лежала антинаучная трактовка употреблявшегося в произведении слова «мангатхай». Этим словом обозначались различные чудовища, некая сила сознательного зла, беспощадного и всепоглощающего. Вместе с тем среди части бурятского населения бытовало слово «мангут», которым называли русских. Натянута и произвольно объединив эти два слова в смысловом значении, гонители эпоса «Гэсэр» пришли к антинаучному выводу о том, что под термином «мангатхай» подразумевается русский народ.

Враждебное отношение к эпосу противоречило сложившимся научным концепциям. В кругах научной общественности шли серьезные дебаты в отношении «Гэсэра», вызванные особенностями развития научных школ. По вопросу происхождения эпоса академики М. Я. Шмидт, В. Я. Владимирцов, С. А. Козин придерживались монгольской версии, Н. Н. Поппе – бурятской, Г. Н. Потанин был за уйгурское направление. Активную разработку «Лин-Гэсэра» проводил монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн. Представители этих направлений не могли согласиться с позицией руководства республики.

Тем не менее в научных учреждениях, творческих союзах республики были проведены собрания, на которых удалось добиться согласия с оценкой

обкома партии. Любое мнение в пользу эпоса расценивалось как антипартийное или антинародное.

Во 2-й половине 1948 г. вышла в свет книга академика С. А. Козина «Эпос монгольских народов». В этом капитальном труде были изложены взгляды ученого относительно текстов «Сокровенного сказания», «Джангариады», «Гэсэриады». Пропаганда этих эпосов противоречила позиции Бурят-Монгольского обкома партии. 18 декабря 1948 г. на страницах газеты «Бурят-Монгольская правда» появилась разгромная рецензия «Против идеализации феодально-ханского эпоса»¹, в которой были сделаны выводы об «антинаучности и антиисторичности» взглядов академика, содержался ряд голословных утверждений по поводу роли Чингис-хана в мировой истории на основе одностороннего анализа «Сокровенного сказания». «Джангар» и «Гэсэр» были объявлены феодально-ханскими эпосами.

На пленуме Союза писателей республики в феврале 1949 г. было подчеркнуто, что эпос «Гэсэр» никогда не являлся самобытным бурят-монгольским эпосом. Он происходит из тибетско-монгольской версии и некоторых позднейших наслоений, «продиктованных сначала ламами, а затем шаманами, во всех случаях кулацко-нойонатской знатью в угоду эксплуататорским классам»².

ЦК ВКП(б) так и не высказал своего отношения к эпосу «Гэсэр». В апреле 1951 г. состоялось его обсуждение в Институте востоковедения АН СССР, а затем, в феврале 1953 г., в Улан-Удэ, на объединенной научной сессии Института востоковедения АН СССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Участники сессии пришли к единому мнению о том, что бурятские версии «Гэсэра» в своей основе являются народными. Они подвергли критике отождествление Чингис-хана и главного персонажа эпоса. Было подвергнуто критике, как ненаучное, утверждение о том, что войны Гэсэра носили характер разбойничьих, грабительских завоеваний. Убедительно опровергалось утвердившееся мнение о том, что эпос имеет националистическую, антирусскую направленность. В итоге эпос был признан ценным культурным наследием бурятского народа.

¹ Хамаганов М. П. Критические заметки о бурят-монгольской литературе // Записки БМНИИКЭ. – Улан-Удэ, 1948. – С. 182.

² Там же.

*Хоца Намсараев проводит беседу с писателями Бурят-Монголии.
Слева направо: А. Жамбалов, Х. Намсараев, Б. Мунгонов, Д. Жалсараев. 1949 г.*

В сложных условиях послевоенных лет творчество видных представителей культуры и науки было во многом осложнено обстановкой авторитарности суждения и оценок, отрицанием элементарных художественных свобод. Несмотря на политические издержки руководства развитием художественной культуры, порожденные системой культа личности, господством административно-командной системы, послевоенный этап развития литературы и искусства нельзя признавать лишенным созидательных тенденций. В сложных условиях послевоенного времени были достигнуты ощутимые результаты в культурном строительстве. Значительно окрепла материальная база художественной культуры в Бурят-Монгольской АССР. Окончательно сложились творческие союзы работников литературы и искусства. Широкий размах приобрела художественная самодеятельность.

В послевоенные годы имена представителей бурятской литературы уже становятся известными в стране. С. Вургун в докладе на II съезде писателей СССР «О советской поэзии» сказал: «За 20 лет, прошедших после I съезда, наши ряды значительно пополнились творческими именами. Зазвучал голос гордого степного беркута казахского народа поэта Джамбула, окрепло и расцвело творчество народного поэта Абхазии Дм. Гулия, народного поэта Бурят-Монголии Х. Намсараева; значительные

успехи завоевала поэзия народов, не знавших письменности до Октября, поэзия киргизская, башкирская, якутская, чувашская, адыгейская и др.»¹

Патриотизм художников, гордость за одержанную советским народом победу усилили чувство единения с народом, партией, стремление служить великим идеям. Обращаясь к событиям войны, творческая интеллигенция осмысливала историческое значение одержанной победы, истоки всенародного подвига, лучшие стороны характера советского человека. Бурятские поэты единодушно выражали восторг, радость в связи с победой в минувшей войне. «С полной чашей горячей» призывал

встретить победителей Х. Намсараев, «выгравировать день Победы золотом и серебром» предлагал Ц. Галсанов. В стихах почти не звучат скорбные ноты, лишь Ж. Тумунов в поэме «Четыре года» повествует о тяготах, выпавших на долю советского солдата, утратах, потерях и страданиях страны.

Многие произведения писателей Бурят-Монголии рассказывали о проблемах послевоенной жизни, трудовом энтузиазме рабочих, колхозников, интеллигенции – это сборники «Плоды счастья» Х. Намсараева, «Новые стихи» Ж. Тумунова, «Новый урожай», «Советское солнце» Ц. Галсанова, «Утро» Ч. Цыдендамбаева, «Первая борозда» Ц. Жимбиева, «Песни табунщика» Д. Хилтухина и мн. др.

Заинтересованность руководства республики в дальнейшем развитии литературы и искусства выразилась в создании благоприятных условий для творческого роста и формирования молодых дарований. В это время в бурятской литературе появились имена Стенькина, Жамбалона, Касаткина и др.

В августе 1947 г. на собрании писателей республики говорилось о подъеме литературного творчества и появлении новых талантливых произведений на современные темы – повести Х. Намсараева «Золотая стрела», пьесы Н. Балдано «Баян-гол», сбор-

¹ Хамаганов М. П. Критические заметки... – С. 3.

Делегация бурятских писателей в Москве. 1950 г.

ника стихов Б. Базарона «На посту», басен и стихов С. Дунаева, стихотворений Ш. Нимбуева и др.¹

Наметился переход ведущих бурятских поэтов и драматургов к прозе. Роман о событиях гражданской войны в Забайкалье и установлении советской власти в Бурят-Монголии пишет Ж. Тумунов. В жанре прозы начинают работать Н. Балдано, Ц. Номтоев, С. Дунаев, И. Ким. В области драматургии новые пьесы пишут Г. Цыдынжапов, Н. Балдано, Д. Хилтухин, Ч. Цыдендамбаев.

Достижением национальной литературы стали переводы на бурятский язык произведений классиков марксизма и советских писателей. Были переведены и изданы «Слово о полку Игореве», «Кому на Руси жить хорошо», «Зоя», «Дубровский», «Тарас Бульба», «Хаджи Мурат», «Непокоренные», «Молодая гвардия», «Белая береза», «Жатва», «Владимир Ильич Ленин», стихи, басни, рассказы Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Горького, Маяковского, Чуковского, Маршака, Суркова, Щипачева.

Положительно оценивая эти первые успехи послевоенной литературы Бурят-Монголии, бюро обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «О рабо-

те Союза советских писателей» в январе 1949 г. поставило перед отделением союза писателей задачу «направить основное внимание на создание идейно насыщенных и высокохудожественных произведений на темы современности, показывающих организующую и направляющую роль партии, раскрывающих советский патриотизм и дружбу народов. Одновременно писатели должны разоблачать и бичевать пережитки капитализма в сознании людей, религиозные предрассудки, суеверия и другие отголоски прошлого, мешающие советским людям идти вперед».

Учитывая, что в послевоенные годы был создан ряд полноценных в идейном и художественном отношении произведений и в целях дальнейшего развития бурятской литературы обком ВКП(б) просил ЦК партии провести в декабре 1950 г. Декаду бурят-монгольской литературы в Москве².

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 26 мая 1950 г. «О проведении вечеров бурят-монгольской литературы в Москве» отделению Союза писателей проведение мероприятия было разрешено. Обком ВКП(б) контролировал подготовку

¹ Бурят-Монгольская правда. – 1948. – 18 дек.

² РГАЛИ, ф. 631, оп. 28, д. 2, с. 76.

Бурятский драмтеатр, сцена из спектакля. 1949 г.

к вечерам бурят-монгольской литературы и одобрил ее решением бюро от 13 ноября 1950 г. В газете «Культура и жизнь» от 31 декабря 1950 г. были отмечены успехи бурят-монгольской литературы: «Отрадным было появление наряду с писателями Х. Намсараевым, Ц. Галсановым, Н. Балдано, имена которых известны не только в республике, молодых поэтов и прозаиков Ц. Жимбиева, Д. Жалсараева, Д. Гунзынова, В. Стенькина и др. Был сделан решительный поворот к теме героической романтики труда. Читатели имели возможность ознакомиться с повестями Х. Намсараева «Луч победы», «Золотая стрела», посвященными патриотическому подвигу народа в суровые годы Великой Отечественной войны, повестью Ц. Очирова «Долина счастья», рассказывающей о жизни колхозной деревни»¹.

Литературной общественностью были высоко оценены первые бурят-монгольские романы «На утренней заре» Х. Намсараева, «Степь проснулась» Ж. Тумунова. Тема приобщения масс к революции

была раскрыта в поэме «Ангарский военком» Ц. Галсанова, в которой показан образ бесстрашного командира партизанского отряда Павла Балтахинова. Стихи Ц. Галсанова «Заря над Азией» и стихи Д. Жалсараева «Слово о правде» посвящены борьбе за мир.

На строительстве театра оперы и балета. 1951 г.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2 ... – С. 602.

Семейский хор с. Большой Куналей – участник II Декады литературы и искусства БурАССР. Москва, 1959 г.

Во время пребывания в Москве писатели Бурятии выступали во дворцах культуры и клубах передовых предприятий, в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)¹. В Союзе писателей СССР прошло обсуждение наиболее значительных произведений бурят-монгольской литературы, в котором приняли участие более 30 московских писателей и критиков.

Вечера бурят-монгольской литературы в Москве показали ее возросшую зрелость и значительные успехи. Вместе с тем обсуждение произведений в Союзе писателей СССР выявило слабость некоторых произведений, особенно драматургии и детской литературы в художественном отношении.

Прочное положение в музыкальной жизни страны занял театр оперы и балета Бурят-Монгольской АССР. В конце 1948 г. произошло разделение бурят-монгольского музыкально-драматического театра на театр оперы и балета и театр драмы. К этому времени в репертуар театра оперы и балета уже вошли спектакли мировой, русской и советской классики – «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Пиковая дама» Чайковского, «Травиата» Верди, «Паяцы» Леонковалло, «Чио-Чио-Сан» Пуччини и др. В 1952 г. театр начал сезон в новом, великолепном помещении на центральной площади города, выполненном в национальном стиле по проекту

архитектора А. Федорова. В театре к этому времени сложился разносторонний и профессионально слаженный творческий коллектив. Оперная труппа была представлена Б. Балдаковым, А. Арсалановым, Н. Петровой, Л. Линховоином, В. Лыгденовой, К. Гомбоевой-Языковой. Творческих успехов добились начинающие мастера балета Л. Сахьянова, Ю. Семенова, Ц. Бадмаев. Вместе с тем перед коллективом театра оперы и балета стояли нерешенные проблемы, и главной из них была ограниченность национального репертуара. На сцене театра редко появлялись национальные спектакли. Исключением были оперы «Энхэ-Булат батор» М. Фролова, «На Байкале» Л. Книппера (1948 г.), «Мэдэгмаша» С. Рязова (1952 г.).

Политическая «оттепель» в литературно-художественном творчестве

В середине 1950-х гг. в советском обществе стала все более осознаваться необходимость глубоких, подчас болезненных и даже трагических перемен. Смерть И.В. Сталина, июльский и октябрьский (1953 г.) пленумы ЦК КПСС, XX съезд КПСС знаменовали собой мощный импульс, побудивший к определенному переосмыслению пройденного страной пути, анализу уроков истории, поиску ответов на вопросы, волновавшие людей. В условиях общественных перемен, борьбы с последствиями культа личности, проводившейся под знаком восстановления ленинских норм партийной и совет-

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 4929, л. 78.

ской жизни, значение художественной культуры закономерно возрастало.

В период демократизации советского общества Бурятская областная партийная организация наметила меры по улучшению положения в драматургии, одобрила планы по созданию пьес, либретто опер и балетов, подчеркнула необходимость привлечения молодых творческих сил.

В августе 1953 г. бюро обкома КПСС рассматривало вопрос о созыве 2-го съезда писателей Бурят-Монгольской АССР. Основным докладчиком по первому вопросу «О состоянии и задачах бурят-монгольской советской литературы» был утвержден первый секретарь обкома партии А. У. Хахалов. Докладчиками по различным направлениям творческой деятельности Союза писателей были утверждены известные ученые, литературоведы, представители творческих союзов¹.

2-й съезд писателей республики состоялся 22–23 августа 1954 г. В докладе и прениях критически анализировалось состояние литературы и искусства. Выступления на съезде отражали назревшие требования глубоких перемен в общественной жизни. Наиболее резкой критике и самокритике были подвергнуты ослабление связи литературы и искусства с жизнью, конъюнктурщина типа «теории бесконфликтности». В ходе прений выяснилась неблагоприятная роль литературно-художественной критики, которая не всегда исходила из требований объективной оценки произведений, конъюнктурно игнорировала достижения литературы. Более того, некоторые критики допускали недозволенные приемы, клевету².

По итогам 2-го съезда писателей республики обком партии в октябре 1954 г. принял специальное решение³, в котором были вскрыты серьезные недостатки и ошибки в руководстве творческой организации писателей, высказана критика в адрес руководства Союза писателей, которое «плохо направляло творческую работу, нетерпимо относилось к развитию критики и самокритики, допускало взаимные восхваления, действовало в угоду приятельским отношениям, сдерживало доступ в литературу молодых сил». Писателей упрекали в том, что многие из них перестали работать над повышением своего идейного уровня и профессионального

мастерства, оторвались от жизни, не изучают действительность. Признавалась недостаточной работа над актуальными темами современности, о чем свидетельствовали неудачи при создании образов положительных героев. Это было особенно важно в период, когда партия и правительство выдвинули важнейшие задачи крутого подъема всех отраслей хозяйства. Отстающим участком признавалась драматургия. Медлительностью и нерешительностью объяснялось то обстоятельство, что некоторые удачные произведения долгое время не находили поддержки и публикации, тогда как в печати появлялись вещи, не заслуживающие внимания, незрелые и недоработанные.

Обком партии считал неотложной задачей писателей республики создание художественно полноценных, высококачественных произведений на современные темы о жизни рабочего класса и тружеников сельского хозяйства, раскрытие художественными средствами духовного богатства и трудовых подвигов советских людей, глубокий показ нашей действительности в жизненных конфликтах. Секретариату Союза писателей СССР были адресованы просьбы о возможности командировки на продолжительный срок группы литераторов для обмена опытом, организации переводов на русский язык произведений бурят-монгольских авторов и печатании их в издательствах «Советский писатель», литературно-художественных журналах. В частности, предлагались произведения Х. Намсараева «На утренней заре», Ж. Тумунова «Золотой дождь», Ч. Цыдендамбаева «Соном Гармаев», сборники новых стихов, рассказы и пьесы⁴.

16 июля 1954 г. общее собрание писателей обсудило вопрос «За чистоту марксистско-ленинских принципов в литературе». В основу обсуждения была положена статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», появившаяся в конце 1953 г. в «Новом мире». В ряде статей «Литературной газеты» и выступлениях на партийных собраниях писателей Москвы и Ленинграда было заявлено, что подобные статьи вызваны неудовлетворительным состоянием идейно-политической работы. Собрание писателей Бурят-Монголии также присоединилось к этой точке зрения. По докладу Н. Балдано, выступлениям А. Уланова, Ч.-Р. Намжилова, В. Штернберга, Р. Белоглазовой, М. Хамаганова и др. была

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 5097, л. 2.

² Там же, д. 5107, л. 7.

³ Культура и жизнь. – 1950. – 31 дек.

⁴ История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1967. – С. 452.

принята резолюция, осуждающая статью В. Померанцева. Писатели высказывались за более активное изучение и обсуждение общетеоретических вопросов¹.

В апреле 1954 г. общее собрание писателей республики обсудило статью Ф. Гладкова «Об этике писателя», опубликованную в «Литературной газете». Состоялся заинтересованный и принципиальный разговор о нравственной позиции, общественном долге писателя². Оздоровление творческих и просто человеческих отношений в Союзе писателей должно стать залогом дальнейших успехов в литературе. Собрание признало статью Ф. Гладкова от 6 апреля 1954 г. «Об этике писателя» своевременной и правильной. Было признано необходимым создать атмосферу непримиримости к моральной распушенности; руководство Союза писателей ориентировалось на более внимательное отношение к нуждам своих членов, создание условий для нормального развития критики и самокритики.

Большая работа была проведена партийными и советскими органами по полной или частичной реабилитации незаконно осужденных или обвиненных в 1930–1940-х гг. деятелей культуры и науки. Однако не все мероприятия последовательно и четко доводились до логического завершения. К тому же реабилитация по уголовному делу не всегда означала реабилитацию политическую.

17 марта 1956 г. общее собрание писателей рассмотрело заявления А. Бальбурова, С. Дунаева, С. Метелицы с просьбой о восстановлении их в рядах Союза писателей: в свое время они были оттуда исключены. Собрание писателей удовлетворило их заявления и обратилось в ЦСП РСФСР с просьбой об утверждении своего решения³.

Решением заседания правления ЦСП БМАССР от 24 июня 1957 г. в правах члена ЦСП БМАССР был посмертно восстановлен Ц. Д. Дондубон, 1905 г. р., член КПСС с 1927 г., член Союза писателей с 1934 г., автор одного из первых крупных прозаических произведений «Брынзын санха», повести «Хиртэхэн хара» и ряда рассказов и очерков, который перевел на бурятский язык «Приключения Мюнхгаузена» Э. Распэ, художественно обработал эпическую поэму бурятского народа «Убугун Жэбжэнэй». Он был

репрессирован в конце 1930-х гг. по сфабрикованному обвинению в «панмонголизме, буржуазном национализме и антисоветизме».

На этом же собрании был посмертно введен в ЦСП Ж. Б. Батоцыренов, кандидат в члены СП с 1935 г., автор повести «Саган шуурган» (Снежный буран), напечатанной в 1929 г.⁴ 18 октября 1957 г. было удовлетворено заявление о восстановлении в Союзе писателей СССР Ц. Г. Галсанова, а 20 ноября 1957 г. – С. П. Балдаева.

Однако восстановление деятелей культуры в правах проходило на фоне консервативного понимания и осмысления исторического опыта нашей страны. Такой перелом общественного сознания зачастую приводил к противоположным оценкам общественных деятелей прошлого, ранее обвиненных, например, в буржуазном национализме, а подлинная история и мотивы осуждения лиц, уже реабилитированных, не оглашались, а попросту замалчивались.

На XX областной партийной конференции, прошедшей в январе 1958 г., подчеркивая позитивные моменты в развитии литературы и искусства, докладчик А. У. Хахалов отметил «Сказание о великой дружбе» Х. Намсараева, «Соном Гармаев» Ч. Цыдендамбаева, «Весеннюю песню» Ц. Шагжина, «Барометр показывает бурю» Д. Батожабая. Однако общие политические подходы к истории бурятской литературы проявились в требованиях «принципиальной критики» отдельных писателей и их произведений, содержавших националистические ошибки и извращения. Имелись в виду писатели и поэты 1920–1930-х гг. Солбонэ Туя, Ц. Дон и др.⁵ Мало известно об обстоятельствах осуждения Л. Элиасова, А. Уланова, С. Метелицы.

В 1950–1960-е гг. значительно повысилась роль творческих организаций, художественных советов, призванных координировать работу писателей, художников, театральных коллективов и т. д. Большинство новых постановок в театрах проходило экспертизу художественных советов, мнение которых учитывалось и авторами, и исполнителями. Художественным советом Бурят-Монгольского драматического театра формировался весь репертуар, оценивались содержание пьес и художественно-постановочные вопросы. Обсуждались пьесы не только местных авторов, но и мировой, русской и

¹ Культурное строительство в Бурятской АССР. 1917–1981: док. и мат.-лы. – Улан-Удэ, 1983. – С. 276.

² Там же, с. 18.

³ НАРБ, ф. 906, оп. 1, д. 52, л. 38.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 5890, л. 38–41.

⁵ Там же, д. 35, л. 96.

Ж. Т. Тумунов

советской классики: «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Тайфун» Цао Юя, «Враги» М. Горького, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Будамшу» Ц. Шагжина, «Ход конем» Д. Батожабая и др.

В начале 1953 г. прошло обсуждение пьесы «Искры великого костра» Н. Балдано, в ходе которого высказывались в основном положительные оценки, различные точки зрения, предложения и замечания. В частности, было отмечено, что автором введено в пьесу слишком большое количество действующих лиц без учета возможностей театра. Представлялись лишними отдельные персонажи. Нуждались в доработке образы положительных героев, большевиков, партизан, женские характеры. Все эти замечания и предложения высказывались в доброжелательной обстановке обсуждения коллегами, актерами, критиками¹.

Комедия А. И. Шадаева «Крылатая рыба» была принята в марте 1955 г. и рекомендована Республиканскому дому народного творчества для распространения среди сельских самодеятельных коллективов, а также к изданию Бурмонгиздатом. Пьеса «Первый год» Ц. Шагжина в январе 1956 г. была принята после вторичного обсуждения, с отдельными замечаниями².

В сатирической пьесе Д. Батожабая «Ход конем» разоблачались карьеристы, приспособленцы, пробравшиеся в науку. Ее постановка состоялась в 1954 г., а позже художественный совет Министер-

ства культуры БМАССР рекомендовал театру и автору доработать пьесу: сильным отрицательным героям должны противостоять сильные положительные³.

Общественному резонансу пьесы благоприятствовало написание ее по следам научной сессии о характере эпоса «Гэсэр», где были подвергнуты резкой критике грубое администрирование в науке, приклеивание политических ярлыков, нетерпимое отношение к критике и свободному научному спору. Некоторые моменты из произведения прямо перекликались с известными общественности действительными фактами...⁴

Требование яркой обрисовки положительно-го героя вносило большие изменения не только в структуру произведения, но и в общие замыслы художника. Далеко не всегда положительный герой мог стойко противостоять определенной ситуации, сложившейся системе взаимоотношений и выйти победителем. Зачастую вынужденное обстоятельствами бегство являлось средством разрешения своеобразной жизненной проблемы. В ситуации 1940–1950-х гг. партийный работник как абстрактный литературный образ обычно выводился исключительно положительным, и это обстоятельство затушевывало все сложности внутрипартийной обстановки. Постановка пьесы «Ход конем» так и не была возобновлена.

Повышение роли творческих организаций и художественных советов сказалось в координации различных направлений деятельности и усилении их влияния. Это способствовало значительному профессиональному росту драматургов и театральных коллективов, их гражданской зрелости, хотя они по-прежнему испытывали административное давление.

Процессы демократизации общественной жизни нередко сопровождались некоторыми издержками и потерями: активные деятели культуры 1930–1940-х гг. не всегда находили свое место в условиях обновления 1950-х. Уже не так рельефно и не в прежнем объеме проявлялась творческая и общественная деятельность Г. Ц. Цыдынжапова, который все же проявил незаурядные данные организатора культурной жизни республики в ходе подготовки к Декаде литературы и искусства Бурятии в Москве. Объективные и субъективные условия фактически

¹ НАРБ, ф. 906, оп. 1, д. 34, л. 102.

² Там же, д. 103, л. 38–39.

³ РГАСПИ, ф. 556, оп. 3, д. 162, л. 39.

⁴ Там же, л. 72.

вывели из общественной жизни одного из видных поэтов Бурятии Ц. Г. Галсанова.

В самом расцвете творческих сил, на 39-м году жизни, 12 января 1955 г., умер один из крупнейших писателей Бурятии Ж. Тумунов. 26 июня 1959 г. ушел из жизни один из основоположников бурятской советской литературы Х. Намсараев. В конце сентября 1959 г. бюро Бурятского обкома КПСС вынесло решение о ходатайстве перед Советом Министров РСФСР о присвоении его имени Государственному бурятскому театру драмы и Кижингинской средней школе¹.

В этот период появляются произведения Д. Батожабая, Ц. Шагжина, Б. Мунгонова, Н. Дамдинова, Д. Улзытуева, Р. Белоглазовой. Новое звучание обрели произведения А. Бальбурова, С. Метелицы, Ч. Цыдендамбаева, Ц.-Д. Дондоковой, Б. Базарона, Ц. Номтоева, Д. Мадасона.

Большим событием в культурной жизни Бурятии стало учреждение в 1955 г. нового общественно-политического и литературно-художественного журнала на русском и бурятском языках «Свет над Байкалом» («Байгалай Толон»). С созданием журнала (впоследствии он стал называться «Байкал») писатели республики обрели авторитетную трибуну. Романы, десятки повестей, рассказов, очерков, стихотворений и поэм получили путевку в жизнь при помощи журнала, создание которого в значительной мере способствовало и развитию литературной критики².

В начале июня 1961 г. на бюро обкома партии был заслушан вопрос «О журнале «Свет над Байкалом» и высказаны серьезные замечания: неудовлетворительное освещение проблем современности, недостаток критических статей, низкий тираж. Обком партии вошел в бюро ЦК КПСС с просьбой разрешить переименование журнала «Свет над Байкалом» на «Байкал»³.

1950-е годы в целом характеризовались подъемом художественной культуры Бурят-Монголии. Новыми творческими поисками, обретениями, победами, удачами была отмечена работа театра оперы и балета, репертуар которого включал лучшие достижения мировой, русской и советской классики. Коллектив театра был представлен именами талантливых артистов: Б. Балдакова, А. Арсаланова,

Б. Манкетова, Д. Кыштымовой, Л. Линховойна, Л. Сахьяновой, Ц. Бадмаева, П. Абашеева, дирижера В. Маймескула, режиссера Г. Цыдынжапова.

В 1960-е гг. значительными были достижения художников республики, работающих практически во всех жанрах – живописном портрете, тематической картине, скульптуре, графике. Плодотворно работала студия изобразительного искусства. Руководителем занятий по живописи был Г. Баженов, по рисунку – А. Сахаровская⁴. Однако в работе Союза художников было немало недостатков, сдерживавших дальнейшее развитие изобразительного искусства. В апреле 1961 г. вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы Союза художников» обсуждался на заседании бюро обкома партии, в результате чего были открыты передвижные и групповые выставки в селах и городах республики. Однако после Декады литературы и искусства художники перестали работать над сюжетно-тематическими полотнами, отражающими жизнь современной Бурятии. Преобладающим стал пейзажный жанр, неудовлетворительно развивалось декоративно-прикладное искусство. В оформлении общественных зданий, учреждений в республике появилось немало низкопробных изделий кустарей и халтурщиков: собачек, кошечек из гипса, бумажных цветов, плохих копий с картин великих художников, бессодержательных панно, искаженных портретов.

Обком партии предложил Союзу организовать систематическую студийную учебу художников, рассматривать на заседаниях правления и художественных советах творческие вопросы, проводить творческие «четверги» и теоретические конференции с постановкой актуальных вопросов теории и практики современного изобразительного искусства. Намечалось открыть цех декоративно-прикладного искусства, провести ряд передвижных выставок⁵.

В период «оттепели» в республике улучшились условия для развития художественной культуры. Обком КПСС придавал исключительно важное значение Декаде литературы и искусства в Москве, посвященной 300-летию добровольного вхождения Бурят-Монголии в состав России. В феврале 1957 г. было принято специальное решение, где подготовка и проведение декады были признаны важнейшей

¹ НАРБ, ф. 1717, оп. 1, д. 12, л. 6.

² Там же, д. 13, л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 25–28.

⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 6315, л. 12–13.

Русский драмтеатр. Сцена из спектакля «Сквозь грозы» И. Кычакова

задачей партийной организации и работников литературы и искусства республики. Необходимо было представить разнообразный по содержанию, высокодейный и художественно полноценный репертуар, отображающий современную жизнь республики, революционное прошлое нашего народа, богатство устного народного творчества и спектакли из русской классики. В репертуаре драматических театров должны были быть произведения, показывающие борьбу трудящихся за подъем народного хозяйства в свете решений XX съезда КПСС, революционную борьбу рабочего класса и крестьянства, пьесы из русской и мировой классики. В связи с совпадением декады с празднованием 300-летия добровольного вхождения Бурят-Монголии в состав России было предложено сосредоточить внимание писателей и композиторов на создании произведений, посвященных этой дате. Внимание писателей, художников, композиторов направлялось на создание высокохудожественных произведений, глубоко отображающих успехи социалистического строительства, рост культуры Бурят-Монголии, братскую дружбу с великим русским народом. Был образован оргкомитет во главе с Д. Ц. Болсохоевым и его заместителем Д. Ц. Цыремпилоном. Главным художественным руководителем был назначен Г. Ц. Цыдынжапов. Для усиления подготовки к декаде было решено провести собрание работников литерату-

ры и искусства с участием представителей общественности города¹.

6 мая 1958 г. на бюро обкома партии была заслушана информация Союза писателей республики о подготовке к Декаде литературы и искусства. Была отмечена неудовлетворительная подготовка Союза писателей к этому знаменательному событию и намечался ряд срочных мероприятий по обеспечению издания к декаде всех художественных произведений в 1958-м и первом квартале 1959 г. Редакции журнала «Свет над Байкалом» было предложено улучшить работу отдела критики и литературоведения,

систематически публиковать статьи о состоянии литературной работы. Контроль за устранением недостатков был возложен на отдел пропаганды и агитации обкома партии².

В январе 1959 г. был заслушан вопрос «О ходе подготовки театров республики к Декаде литературы и искусства». Обком партии отметил отсутствие должного напряжения в работе театральных коллективов и потребовал решительного улучшения дел. Члены бюро обкома партии были распределены по отдельным творческим коллективам. Перед Советом министров республики и Улан-Удэнским горкомом КПСС была поставлена задача срочного решения вопросов о мастерских для театров, предоставлении дополнительных репетиционных помещений, квартир, необходимого количества номеров гостиниц для творческих коллективов театров и приглашенных специалистов. Руководству театров было запрещено отвлекать творческие силы на постановки новых спектаклей и концертов, не входящих в декадный репертуар. Обком партии обязал Министерство местной промышленности и Бурпромсовет обеспечить своевременное выполнение заказов театров и филармонии на пошив костюмов и обуви. Была образована неуставная партийная ор-

¹ История бурятской советской литературы... – С. 261.

² НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 6315, л. 12–15.

ганизация работников литературы и искусства¹.

Вопрос об освещении Декады литературы и искусства в центральной печати и радио был также рассмотрен на заседании бюро обкома партии в октябре 1959 г. Была образована специальная пресс-группа, партийным и советским работникам, деятелям литературы и искусства рекомендовалось выступить в центральной печати².

Несколько раз вопросы о подготовке к декаде рассматривал Союз писателей РСФСР. В феврале 1958 г. были заслушаны сообщения издательств «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Детгиз», «Искусство», «Советская Россия», «Московский рабочий», «Современник» о выпуске книг бурятских писателей³. В декабре 1958 г. этот вопрос вновь был заслушан в порядке контроля⁴. В марте 1959 г. были рассмотрены и обсуждены материалы по подготовке и проведению литературной части декады⁵. 3–4 декабря 1959 г. состоялось обсуждение произведений бурятских писателей на заседании комиссии по литературе народов РСФСР⁶.

Состоявшаяся с 27 ноября по 8 декабря 1959 г. Декада литературы и искусства в Москве показала значительный рост художественной культуры в республике. С особым успехом прошли вечер открытия в Колонном зале Дома Союзов, встреча бурятских писателей с летчиками в Чкаловском доме офицеров, с железнодорожниками в УДЖК, со студентами МГУ им. М.В. Ломоносова, со слушателями Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также встреча бурятских и московских писателей в Центральном

Концерт II Декады литературы и искусства в Москве

доме литераторов. Успешно прошла читательская конференция по роману Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» в Загорском доме культуры. В четырехдневных творческих обсуждениях произведений бурятской литературы приняли участие более 80 литераторов Москвы, Ленинграда, Нальчика, Элисты и других городов, обсудивших 12 романов и повестей, 3 сборника рассказов, антологию бурятской поэзии и 7 книг стихов, большое количество очерков истории советской бурятской литературы и ряд критико-литературоведческих работ⁷.

Выступления на Декаде коллективов Государственного ордена Ленина Бурятского театра оперы и балета, Государственного русского драматического театра, Бурятского государственного ансамбля песни и танца, творческих союзов и художественной самодеятельности Бурятской АССР отличались высоким профессиональным уровнем, продемонстрировали крупные достижения в создании нового репертуара.

За период подготовки к декаде театральными коллективами совместно с драматургами и композиторами республики был создан ряд значительных сценических произведений. В театре оперы и балета были поставлены опера «Побратимы» Д. Аюшеева, балеты «Красавица Ангара» А. Книппера и Б. Ямпилова и «Во имя любви» Ж. Батуева и

¹ Куницын О. Музыкальный театр Бурятии. — Улан-Удэ, 1988. — С. 40.

² Там же, с. 41.

³ НАРБ, ф. 1704, оп. 1, д. 162, л. 3–8.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 6487, л. 36–39.

⁵ Там же, д. 6152, л. 41–43.

⁶ Там же, д. 6237, л. 4–5.

⁷ Там же, д. 6308, л. 4–5.

А. И. Тимин. Портрет Бадмы Балдакова

Б. Мейзеля; в бурятском театре драмы – «Будамшу» Ц. Шагжина, «Барометр показывает бурю» Д. Батожабая и «Ровесники» Б. Пурбуева; в русском драматическом театре – спектакль «Сквозь грозы» И. Кычакова.

Все эти вновь созданные произведения и спектакли, а также показанные на декаде в Москве классические произведения – опера «Князь Игорь» А. Бородина, спектакли «Горе от ума» А. Грибоедова и «Василиса Мелентьева» А. Островского – также свидетельствовали о значительном росте театральной культуры республики.

С большим успехом выступил на декаде коллектив ансамбля песни и танца, познакомивший москвичей с самобытным искусством Бурятии. Общему успеху Декады литературы и искусства Бурятии в значительной мере содействовало выступление большой группы мастеров искусств. Незаурядные данные и высокое профессиональное мастерство продемонстрировали артисты театра оперы и балета Л. Линховоин, Л. Сахьянова, Б. Балдаков, А. Арсаланов, А. Бурлак, В. Манкетов, В. Бамбацыренов, Н. Петрова, К. Иванова, А. Седов, П. Абашеев, Ю. Баранов; театра драмы – В. Халматов, Б. Вампилов, Ф. Сахиров, М. Степанова; Русского драматического театра – Ю. Коршун, М. Гладков и др.

Уровень народного творчества, представленного выступлениями самодеятельных коллективов Кижингинского народного хора, танцевального коллектива зооветеринарного института, хорового ансамбля работниц г. Улан-Удэ, свидетельствовал о значительном росте хорового и танцевального самодеятельного искусства республики.

Отмечая все эти положительные моменты и давая высокую оценку Декаде литературы и искусства, бюро Союза писателей РСФСР на заседании 8 декабря 1959 г. и коллегия Министерства культуры РСФСР 31 декабря 1959 г. отметили недостаточное внимание к современности, слабое отражение жизни рабочего класса в литературе, современной советской темы в оперных и балетных спектаклях¹. Коллективу театра оперы и балета рекомендовалось уделить особое внимание дальнейшему повышению музыкальной культуры спектаклей, вокальному мастерству исполнителей, а также повышению уровня режиссерской работы. Русский драматический театр, показав на декаде пьесы «Сквозь грозы» и «Василиса Мелентьева», не справился с задачей создания спектакля на современную тему, вовремя не завершив работу над пьесой М. Соболя «Дело было на Алтае». Не получило должного размаха и самодеятельное искусство Бурятии. На выставке художников Бурятской АССР были представлены работы, посвященные современной жизни Бурятии и ее передовым людям. Она показала творческий рост художников А. И. Тимина, Ц. С. Сампилова, А. А. Окладникова, Э. Э. Аюшеева и др. Тепло было встречено зрителями народное декоративное искусство. Однако во многих произведениях художников отмечались незаконченность и торопливость исполнения, а также недостаточное техническое мастерство.

Обсудив итоги Декады литературы и искусства в Москве, бюро Бурятского обкома КПСС 3 марта 1960 г. наметило ряд мероприятий по дальнейшему улучшению художественного творчества в республике². Деятельность работников литературы и искусства направлялась на безусловное закрепление и дальнейшее творческое развитие успехов, достигнутых в период подготовки и проведения декады, и в этих целях был объявлен конкурс на лучшую пьесу о современности и с 1961 г. учреждены премии им. Х. Намсараева и Ц. Сампилова, присуждаемые

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 6316, л. 34.

² РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 35, л. 2–3.

Встреча писателей с рабочими ПВЗ. 1961 г.

раз в 3 года за лучшие произведения литературы и изобразительного искусства. В целях обеспечения дальнейшей планомерной подготовки кадров для творческих коллективов обком партии обязал Министерство культуры республики с учетом потребности ежегодно направлять группы учащихся-бурят в средние и высшие музыкальные и хореографические учебные заведения. Было предложено организовать при театре оперы и балета хоровую и балетную студии из наиболее одаренных участников художественной самодеятельности. Министерству просвещения было поручено рассмотреть вопрос и внести предложение «О подготовке кадров преподавателей пения и музыки в школах» на рассмотрение Совета министров республики. Улан Удэнский горком, райком КПСС, облпрофсовет, обком ВЛКСМ, Министерство культуры, Комитет радиовещания, Бурятское отделение общества по распространению политических и научных знаний, руководство театров, филармонии и творческих союзов обязывались широко ознакомить трудящихся с итогами декады. С этой целью Министерству культуры было предложено организовать выступления

участников декады перед населением. Предполагалось декадную программу показать в Иркутской и Читинской областях. Намечались мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению некоторых учреждений культуры, организации книжной торговли и повышению роли самодеятельного художественного творчества.

Успешное проведение Декады литературы и искусства в Москве открывало еще большие возможности для дальнейшего развития художественной культуры республики, для привлечения новых сил центра с целью более глубокого изучения проблем литературы и искусства Бурятии. Важным в этом отношении было выделение структур общественных организаций и союзов, подчиненных Российской Федерации. Это позволило сосредоточить внимание на сложных вопросах развития культуры краев, областей, автономных образований РСФСР.

Важным событием в литературной жизни Бурятии было выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР в июле 1961 г.¹ 8 групп писате-

¹ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 35, л. 12.

Президиум выездного секретариата Союза писателей РСФСР. Улан-Удэ. 1961 г.

лей встречались с трудящимися города на паровозо-вагонном заводе, стекольном заводе, машзаводе, в клубе железнодорожников, республиканской библиотеке и т. д. В этих встречах приняли участие писатели и поэты Л. Соболев, Н. Доризо, В. Полторацкий, К. Кулиев, С. Сартаков, С. Васильев, А. Пришвин, А. Кешоков, С. Липкин, Д. Кугультинов, М. Сергеев, бурятские, иркутские, читинские, якутские, хакаские, тувинские писатели. После состоявшегося вечера братских литератур участники заседания секретариата выехали в районы республики, посетили г. Кяхту, Хоринский, Тарбагатайский, Селенгинский районы. 25 писателей выступили по телевидению¹.

В докладе Н. Балдано «Современность и национальные традиции» подчеркивалось, что бурятская литература родилась под знаком современности. Первая бурятская повесть Ц. Дона, стихотворения Х. Намсараева, Б. Абидаева, Д. Дашиномева, Б. Базарона отражали богатые и сложные процессы социалистических преобразований. Отмечалось, что национальная самобытность литературы важна не

как самоцель, а как одно из средств исторически конкретного выражения передового идейного содержания. Говорилось также о том, что бурятская литература еще отстает от жизни народа и пока недостаточно выполняет одну из главных своих задач – утверждение в художественных образах новых черт бурятской социалистической нации. Особое место в докладе было посвящено вопросам взаимоотношений современной литературы и фольклора, в частности в эпосе «Гэсэр». «Его осуждение, по существу, представляло собой извращение и отрицание народной сущности бурятского героического эпоса, говорил докладчик, было проявлением пренебрежительного, аполитичного отношения к традициям народа... Отрицая «Гэсэр», писатели не могли творчески обращаться ни к фольклору, ни к образам и сюжетам, ни к поэтическим средствам, отшлифованным веками...»²

Отмечалось непреходящее значение развития бурятской литературы и ее взаимосвязь с братскими советскими литературами, благодаря чему она

¹ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 35, л. 5.

² Там же, д. 73, л. 10.

Слева направо: И. Калашников, Ч. Цыдендамбаев, Ц. Жимбиев, Н. Дамдинов, Ц.-Д. Дондокова, Д. Улымжиев, Д. Батожабай

избежала замкнутости и национальной ограниченности, укрепила новые социалистические традиции и стала полноправной частью общей многонациональной советской литературы. Встретила серьезные возражения бытовавшая тогда формулировка, что в борьбе за активное вторжение в жизнь художественные средства, доставшиеся в наследство от фольклора, не могли оказать национальным писателям большой услуги, в силу чего они обратились к помощи русской литературы. Г. Ф. Кунгуров высказался в этом отношении определенно: «Дело не в том, что фольклор, его художественные средства не могли помочь писателям, а в том, что эти художественные формы неумело использовались, они канонизировались, казались железными и навсегда данными. У писателей еще не было той гибкости, той смелости, которые требовались при использовании художественных средств фольклора». К русской же литературе бурятские писатели обращаются, по его мнению, не из-за недостатков фольклора, а «в силу исторических и культурных связей, близости и общности народных интересов,

в силу того, что в русской литературе был большой опыт...»¹

Не встретила поддержки расхожая формулировка о якобы излишнем увлечении писателей исторической тематикой. Писатель Д. Романенко, напротив, считал необходимым расширение именно этой сферы деятельности художников, проводя мысль о том, что сила литературы – в современности истории.

Интересные мысли о новаторстве в художественном творчестве высказал И. П. Куприянов. Новаторство необходимо и в форме, и в содержании. Оно состоит в умении передать стройно, ярко, выразительно новое содержание нашей жизни, образ мыслей и чувств нашего современника. Он решительно высказался только против одного: когда людей в спектаклях заслоняют внешние приемы, эффекты, тогда формальные компоненты мешают раскрыть характер, душу человека.

Принципиально поднимался вопрос о качестве переводческой работы. Н. И. Рыленков обратил вни-

¹ Культурное строительство в Бурятской АССР... – С. 327.

Писатели Бурятии (слева направо) Ц. Бадмаев, А. Бальбуров, С. Ангабаев, Ч-Р. Намжилов

мание на недостаточно хорошие переводы трудов бурятских писателей на русский язык, при которых теряются художественные качества, колорит и своеобразие произведений. Л. Соболев высказался против того, чтобы поэты-переводчики переводимое произведение приспособляли к своей авторской концепции. Он высоко отозвался о переводе Е. Евтушенко сборника стихов «Ая-ганга» Д. Улзытуева, отдельно проанализировал произведение бурятского поэта и отметил: «В стихотворении Дондока есть «Ая-ганга», дух которой Вы почувствуете, а в переводе Е. Евтушенко – это флакон великолепных духов «Ая-ганга»¹.

В сентябре 1961 г. на заседании бюро обкома партии выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР оценивалось как значительное событие. Отмечалась общая положительная оценка, данная секретариатом, вместе с тем обращалось внимание на разработку проблем современности, создание положительного образа современника. Говорилось о недостатках переводов на русский язык, об отсутствии детской литературы на бурятском языке.

1950-е годы характеризовались оживленным поиском новых путей дальнейшего развития литературы и искусства. Партийные организации в этом процессе поддерживали общую тенденцию демократизации политической жизни в стране. Однако эта поддержка не означала отказа от монополии в идеологической сфере, в силу чего определившаяся

тенденция не получила дальнейшего углубления в деятельности творческих союзов и учреждений искусства.

Деятели культуры стремились отразить в своем творчестве изменения, новые процессы в жизни общества, показать его наиболее характерные черты. Этому были посвящены поэма Ч. Цыдендамбаева «Соном Гармаев», роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый», пьеса Д. Батожабая «Ход конем», рассказы А. Бальбурова «Наша Рая», К. Цыденова «В поле» и др.

Произведения «Похищенное счастье» (кн. 1) Д. Батожабая, «Последнее отступление» И. Калашникова, «Истоки» (в окончательной редакции «Поющие стрелы») А. Бальбурова, постановки в Бурятском театре драмы спектакля «Барометр показывает бурю» Д. Батожабая, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, картина «Следы интервентов» А. Окладникова обозначили новый этап творческой зрелости бурятской советской художественной культуры.

Более глубокий подход в художественном отображении Великой Отечественной войны отмечен в рассказах Ж. Тумунова, документальной повести А. Бальбурова и Д. Хилтухина «Приказываю жить», драме Д. Батожабая «Сердечные раны», картине Р. Мэрдыеева «Разрешите на фронт» и др.

Большое развитие получила традиция освоения и творческой переработки идейно-художественных богатств бурятского фольклора. Комедия Ц. Шагжина «Будамшу», стихотворение Ц. Жимбиева «Войско Бабжи», рассказ В. Лубсанова «Биография Баира», балет Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара» были тесно связаны с традициями устного народного творчества.

Осмыслению глубинных процессов развития общества, его историческому прошлому были посвящены вторая часть трилогии о Д. Банзарове «Вдали от родных степей» Ч. Цыдендамбаева, «Похищенное счастье» Д. Батожабая, опера «Побратимы» Д. Аюшеева, картина «Вести из России» А. Окладникова.

Характерной чертой литературы и искусства Бурятии 1950–1960-х гг. является, прежде всего, утверждение реалистического стиля во всех жанрах литературы. В творческую практику пришли лаконизм в выражении чувств и переживаний человека, углубленная психологическая разработка характеров, философское осмысление и художественное обобщение явлений действительности.

¹ Культурное строительство в Бурятской АССР... – С. 326–329.

Съезд сельских медицинских работников Бурят-Монголии. 1944 г.

Здравоохранение в 1940–1950-е гг.

Санитарно-противоэпидемическая служба за годы советской власти превратилась в хорошо налаженную систему организаций, имевших достаточное количество врачей, различные лаборатории и санпропускники. К концу 1940 г. в республике насчитывалось 7 санитарно-противоэпидемических станций, 5 лабораторий. До 52 чел. увеличился штат врачей. Значительно окрепла эта служба на селе: были развернуты 2 межрайонные, 3 аймачные санэпидстанции, 3 санитарно-бактериологические лаборатории и 2 противомаларийные станции. К концу 1940 г. борьба с социальными болезнями велась в комплексе, имевшем в своей системе больницы, физиолечебницы, поликлиники, амбулатории, 5 санаториев, 4 пункта и 2 диспансера. На базе дома отдыха ПВЗ был открыт Ильинский детский туб-санаторий. В противотуберкулезных учреждениях насчитывалось 36 штатных врачебных должностей. Расширилась сеть противовенерических учреждений: число пунктов вендиспансеров возросло до 18, в них имелось 30 врачебных должностей. Заболеваемость социальными болезнями к началу войны была сведена к минимуму.

В 1940 г. общее количество штатных должностей среднего медицинского персонала в системе

Бурнаркомздрава увеличилось почти в 2 раза и составило 1162 фельдшера и акушерки, из них 706 – на селе. В лечебных учреждениях республики к концу 1940 г. насчитывалось 1389 чел. среднего медицинского персонала, 79 фармацевтов¹.

Большую роль в становлении здравоохранения Бурятии в 1920–1930-е гг. сыграл его первый нарком А. Т. Трубочев. С 1923 по 1932 г. при его активном участии были открыты районные больницы во всех аймаках республики. Число больничных коек увеличилось с 270 до 710.

С первых дней войны все силы страны были отданы фронту. В июле 1941 г. Наркомздрав совместно с комитетом Красного Креста приступил к подготовке медсестер запаса. Было организовано 12 курсов, на которых обучалось 420 человек.²

К октябрю 1941 г. в системе НКЗ Бурятии было сформировано 10 эвакуационных госпиталей на 3700 коек³. Для работы в госпиталях были мобили-

¹ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 281.

² Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугаржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии... – С. 116.

³ Ивашенко И. К. Деятельность эвакогоспиталей Бурятии (1941–1945) // Советское здравоохранение. – 1985. – № 5. – С. 56.

зованы наиболее квалифицированные кадры. Начальниками госпиталей были назначены главный врач областной больницы В. Н. Ильков, доцент московского мединститута Г. Т. Власов, опытные врачи М. И. Звонарев, И. Д. Бороздин, С. Ливенберг, Б. Б. Батуев и др.¹ Всей деятельностью руководил отдел эвакуогоспиталей Бурнаркомздрава во главе с В. Х. Берзиным. Эвакуогоспитали испытывали острую нехватку медицинских кадров. К концу 1941 г. в республику прибыли 67 врачей из других регионов страны². Раненые и больные доставлялись военно-санитарными поездами, прибывавшими с ближайших к фронту тыловых госпитальных баз. Всего с момента организации до мая 1945 г. в эвакуогоспитали Бурятии поступило 30968 раненых и больных³. Для работы в госпиталях привлекались наиболее квалифицированные специалисты, помощь оказывали женщины, дети и студенты. За период войны хирурги эвакуогоспиталей провели более 16 тыс. операций.

Одной из важнейших задач здравоохранения Бурятии в годы войны оставалось обеспечение санитарно-эпидемического благополучия. Проблем было много: повсеместно наблюдалась нехватка санузлов, кипяченой воды, не говоря уже о должной медико-санитарной службе. Все это наряду с проблемами скученности, миграции населения, плохой работой бань, ухудшением питания и физическими нагрузками создавало реальную угрозу распространения опасных инфекций. В противотуберкулезную и противотифозную работу включились не только специализированные лечебные учреждения, но и вся сеть здравоохранения. Большой вклад в организацию помощи населению внесли ведущие фтизиатры республики А. Г. Нагибин, А. П. Коновалова, Ф. Н. Дульбеев, М. А. Волкова, Э. Р. Раднаев, Ч. Р. Раднаев и др. Тем не менее инфекционная заболеваемость в годы войны значительно превысила довоенный уровень. Для улучшения противозаразительной работы было принято решение о передаче областной санэпидемстанции в ведение горздравотдела. Была создана единая городская противозаразительная служба.

С окончанием Великой Отечественной войны перед здравоохранением республики встали новые задачи, в соответствии с планом восста-

новления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. В 1948 г. в Бурят-Монгольской АССР началась реформа здравоохранения, проводившаяся в общесоюзном масштабе. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения СССР № 431 от 24 октября 1947 г. было начато объединение амбулаторно-поликлинических учреждений с больницами⁴.

15 мая 1948 г. на пост министра здравоохранения республики была назначена известный врач В. Р. Боянова⁵, активно взявшаяся за реализацию этой реформы. К концу 1950 г. в основном закончилось объединение лечебных учреждений в городах и аймачных центрах. Реформа коснулась и сельских врачебных участков. В соответствии с постановлением Совета министров БМАССР № 436 от 7 сентября 1951 г. 9 сельских врачебных амбулаторий были реорганизованы в пятикочевные участковые больницы⁶. В Горячинске и Киране было открыто 2 спецстационара. В Улан-Удэ в начале 1948 г. республиканская больница объединилась с центральной поликлиникой. Позднее амбулатории с больницами были объединены на промышленных предприятиях, женские и детские консультации с родильными домами и детскими больницами, диспансеры со стационарами. В результате были созданы крупные больнично-поликлинические объединения. Из-за большой территориальной разбросанности необъединенными остались 50 сельских участковых больниц и амбулаторий.

В 1950 г. из государственного бюджета на здравоохранение было выделено 2,1 млрд. руб.⁷ Реформа позволила существенно улучшить работу сельских медицинских учреждений, особенно районных больниц. Последние, располагая кадрами хирургов, терапевтов, акушеров-гинекологов, педиатров, оказывали специализированную медицинскую помощь в сельской местности. Но несмотря на относительные успехи, сеть лечебно-профилактических учреждений в республике отставала от средних показателей по РСФСР⁸.

⁴ Смирнов Е. И. Медицина и организация здравоохранения (1947–1953). – М., 1989. – С. 32.

⁵ Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугаржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии... – С. 145.

⁶ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 6098, л. 22.

⁷ Там же, ф. 665, оп. 1, д. 150, л. 4.

⁸ Чикин С. Я. О финансировании здравоохранения за годы Советской власти // Советская медицина. – 1990. – № 11. –

¹ НАРБ, ф. 665, оп. 1, д. 1212, л. 101.

² Там же, л. 84.

³ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 4661, л. 19.

Республиканская больница. 1960 г.

Реорганизации подверглось и Министерство здравоохранения республики: был введен институт главных специалистов – хирурга, терапевта, педиатра и акушера-гинеколога. На них возлагалось руководство и планирование специализированной помощи, внедрение достижений науки в практику.

В послевоенные годы медицинские работники Бурятии больших успехов достигли в борьбе с туберкулезом, инфекционными и венерическими заболеваниями. В городах и селах республики работали 30 вендиспансеров и пунктов, 28 туберкулезных диспансеров и кабинетов, 12 противотуберкулезных санаториев, открылись новые противотуберкулезные санатории в Баргузинском, Мухоршибирском и Баунтовском аймаках. Под руководством хирурга Э. Р. Раднаева в Верхне-Березовском тубдиспансере успешно применялись сложные хирургические методы лечения легочного туберкулеза¹.

Дальнейшее развитие получила служба скорой медицинской помощи. За послевоенные годы она была укреплена кадрами и технически переоснащена. В 1950 г. ею обслужено 13846 вызовов (около

38 вызовов в сутки)². Врачи и средние медицинские работники оказывали первую помощь при различных травмах и острой заболеваемости населения республики.

Несмотря на сложные послевоенные годы, одной из приоритетных задач здравоохранения оставалась охрана здоровья детей и матерей. Предусматривалось значительное расширение сети родильных домов и женских консультаций, детских лечебно-профилактических и оздоровительных учреждений. В Бурятии число больничных коек для детей увеличилось с 54 в 1940 г. до 504 в 1950 г. Для укрепления здоровья детей были открыты десятки новых пионерских лагерей, оздоровительных площадок и оздоровительных групп в детских садах и яслях. Только в 1949 г. в пионерских лагерях отдохнуло более 6750 школьников³. По сравнению с довоенным 1940 годом, к концу пятилетки в полтора раза возросло количество коек в родильных домах, расширилась сеть консультаций. В лечебных учреждениях республики работали более 150 врачей-педиатров и акушеров-гинекологов. Детских вра-

С. 42.

¹ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 428.

² НАРБ, ф. 665, оп. 1, д. 150, л. 40.

³ Очерки истории культуры Бурятии... – С. 429.

чей здесь насчитывалось в 6 раз больше, чем всех врачей в дореволюционном Забайкалье. С 1947 г. в каждой сельской районной больнице была введена должность районного акушера-гинеколога. Весь комплекс мероприятий позволил резко снизить заболеваемость и смертность детей, родовые травмы и послеродовые осложнения. Главные специалисты Министерства здравоохранения республики, заслуженные врачи БМАССР и РСФСР педиатр А. М. Дудин и акушер-гинеколог М. Н. Соснина оказывали квалифицированную консультативную и методическую помощь молодым медицинским кадрам.

Министерством здравоохранения СССР была проведена реорганизация санитарно-противоэпидемической службы. Во всех городах и районах республики были созданы санитарно-эпидемические станции, функционировали 4 противобруцеллезных и 5 противомаларийных станций, 10 санитарно-бактериологических лабораторий, 134 стационарные и 177 передвижных дезокамер. Все эти учреждения обслуживали 93 врача и 322 средних медицинских работника.

Общий объем капиталовложений в здравоохранение Бурятии в 1951–1955 гг. составил 62,4 млн. руб. Большинство запланированных объектов было введено в строй в течение 1952–1958 гг. – 11 больниц, в т. ч. на Тимлюйском цементно-шиферном заводе и в поселке Баянгол Закаменского аймака, 6 поликлиник, 3 аймачные аптеки, 8 детских яслей на 500 мест¹.

Бурятия значительно пополнилась кадрами врачей-специалистов. Для подготовки врачей-бурят по ходатайству обкома КПСС и Совета министров Бурят-Монгольской АССР с 1952 г. Министерство здравоохранения РСФСР ежегодно предоставляло республике внеконкурсные места в медицинские институты страны. За 1952–1953 гг. в мединституты поступило 98 чел., из них 50 % бурят². Если в 1948 г. в лечебных учреждениях республики работали 52 врача-бурята, то в 1962 г. уже 233. Более 200 студентов обучались в медицинских вузах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иркутска и других городов страны. Большая часть среднего медицинского персонала готовилась на месте. Улан-Удэнское медицинское училище выпустило за годы своего существования тысячи медицинских работников среднего звена – фельдшеров, медицинских сестер,

зубных техников. Позднее их стали готовить в медицинских училищах Кяхты и Селенгинска. Но укомплектованность врачами по республике составляла всего 67 %. В 1951 г. число врачебных должностей, по сравнению с 1949 г., возросло на 132 единицы, а специалистов – всего на 27 человек.³

Большая часть выпускников медицинских институтов направлялись в сельскую местность: из 37 врачей, поступивших в распоряжение Министерства здравоохранения республики в 1953 г., 30 были направлены в село⁴. Несмотря на это, укомплектованность врачебными кадрами в сельской местности составляла в 1950 г. 71,6 %, в 1953 г. – 69,5⁵.

Все районные и укрупненные сельские участковые больницы имели свой санитарный транспорт. Широкое применение получила санитарная авиация, что в условиях Бурятии имело большое значение для оперативных выездов к больным и их транспортировки в районные и городские больницы.

В 1955–1957 гг. были введены в эксплуатацию поликлиника и терапевтический корпус республиканской больницы, продолжалось строительство больницы в Усть-Баргузине и нового здания медицинского училища в Улан-Удэ. В 1957 г. началось строительство районной больницы в Байкало-Кударе и участковой в Большой Кударе.

В 1956 г. рождаемость на 1 тыс. составила 33 ребенка (в целом по стране – 26,5). В ряде районов (Джидинском, Кижингинском, Хоринском, Тункинском) показатель рождаемости колебался от 41 до 43. В республике в 1956 г. насчитывалось 464 матери-героини, каждая из которых вырастила и воспитала 10 и более детей⁶.

В послевоенные годы органы здравоохранения Бурятии, несмотря на все трудности, расширили сеть лечебных и санитарно-профилактических учреждений, укрепили их материально-техническую часть. Многие медицинские работники были награждены орденами и медалями, в т. ч. орденом Ленина – З. Б. Бадмаева, Ф. С. Гальперова, А. А. Кузьменко, Н. Н. Кибаров, орденом Трудового Красного Знамени – С. С. Бороноев, В. Е. Бобова, А. М. Дудин, Т. И. Семенова.

³ Там же, ф. 665, оп. 1, д. 289, л. 31.

⁴ Там же, ф. 665, оп. 1, д. 610а, л. 58.

⁵ Там же, ф. 665, оп. 1, д. 150, л. 16.

⁶ Здравоохранение Бурятии в лицах... – С. 434.

¹ Там же, с. 432.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 6535, л. 12.

Физическая культура и спорт

В послевоенные годы популярными видами спорта в республике стали волейбол, футбол, стрелковый и лыжный спорт, легкая атлетика, конькобежный и велосипедный спорт, шахматы и шашки, бокс. В 1948 г. в Железнодорожном районе г. Улан-Удэ открылся стадион им. 25-летия Бурятской АССР на 12 тыс. мест.

Впервые спортсмены Советского Союза приняли участие в играх XV Олимпиады в Хельсинки в 1952 г. В олимпийскую сборную вошли 2 бурятских спортсмена – пулевик П. Николаев и легкоатлет Г. Ивакин.

Наибольшее развитие в эти годы получили бокс, вольная борьба и стрельба из лука. Сказалась этнокультурная традиция бурятского народа – приобретенное веками умение хорошо бороться и поражать цель из лука.

История бокса в Бурятии тесно связана с именем Р. Гусева. В 1944 г. он организовал в Улан-Удэ секцию, положившую начало многим победам бурятских боксеров на ринге. Первенство Бурятии 1955 г. в зачет спартакиады собрало рекордное количество участников – 210 боксеров. Скомплектованная по итогам этих соревнований сборная команда Бурятии в составе Б. Жигмитова, В. Бадмаева, С. Шодорова, В. Шабаетова, В. Николаева, П. Лаптева, В. Посохова, А. Ринчинова и Ч. Митупова защитила спортивную честь республики на первенстве Дальневосточной зоны, проходившем в марте 1956 г. в Улан-Удэ в зачет Спартакиады народов РСФСР¹.

Особую популярность бокс завоевал в Бурятии после Олимпийских игр в Мельбурне в 1956 г., когда В. Сафронов, начавший заниматься в г. Улан-Удэ, здесь его первыми наставниками были А. Ринчинов и В. Николаев, стал первым олимпийским чемпионом нашей страны в боксе. Олимпийские игры 1964 г. в Токио принесли мировую славу В. Баранникову – он стал серебряным призером: травма руки не позволила ему стать олимпийским чемпионом.

В Римской олимпиаде 1960 г. участвовали легкоатлеты С. Попов и Е. Лепехина. Чемпион Европы в марафоне С. Попов в Риме стал пятым. Трехкратная чемпионка СССР Е. Лепехина на дистанции 800 м была четвертой.

В 1962 г. был проведен первый чемпионат Бурятии по вольной борьбе. В 1963 г. команда республи-

В. К. Сафронов – олимпийский чемпион по боксу в Мельбурне (1956)

ки, участвуя в зональных соревнованиях II Спартакиады народов СССР, заняла 4-е место, а мастер спорта Н. Ивахинов стал чемпионом зоны. За 40 лет в Бурятии было подготовлено 200 мастеров спорта, 18 мастеров спорта международного класса, 3 заслуженных мастера спорта по вольной борьбе².

В Олимпиаде 1968 г. в Мехико принял участие уроженец Баунтовского района боец классического стиля, чемпион мира Г. Сапунов, занявший 6-е место. Участником зимней Олимпиады 1968 г. в Гренобле стал чемпион СССР в беге на коньках Ю. Малыхин. Под руководством бурятского тренера Т. Шевчук начинала свою спортивную карьеру Л. Титова, впоследствии олимпийская чемпионка в беге на коньках на дистанции 500 м в Гренобле и первая чемпионка мира по спринтерскому многоборью. Серебряным призером чемпионата мира по спринтерскому многоборью стал П. Пегов, мировой рекордсмен в беге на 500 и 1000 м, участник Олимпиады в Сараево.

Стрельба из лука по международным правилам начала развиваться в Бурятии с конца 1950-х гг., в чем большую роль сыграл Д. Поликарпов. Более 20 мастеров спорта воспитал Д. Эрдынеев, первый из российских стрелков из лука мастер спорта СССР. На всесоюзной арене добились успеха А. Бутхаев и Б. Цыбиков: первый стал чемпионом ВЦСПС, второй неоднократно становился чемпионом страны. Оба выполнили норматив мастера спорта международного класса³.

² Баймеев Г. Б. На ковер вызываются... – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. – С. 59.

³ Фомин В. А., Мантуров С. В. Вековой путь физической

¹ Санданов Б. Физическая культура и спорт в Бурятии... – С. 115.

В. И. Баранников, серебряный призер Токийской олимпиады 1964 г.

В 1959 г. сборная команда гонщиков Бурятии заняла 1-е место в первенстве Дальневосточной зоны, а затем стала одной из сильнейших в Сибири. В 1950–1960-е гг. сильнейшими велогонщиками Бурятии были Н. Жарников, Н. Горбатько, В. Смолен, Н. Стряпунин, Х. Убугунова, Э. Логвиненко, В. Горюнов, Л. Давыдов, О. Зайкин, А. Бруднев, П. Ефимов и др.

Развитие науки

В декабре 1942 г. по инициативе правительства республики в г. Улан-Удэ состоялась 1-я научная конференция по изучению и освоению экономических ресурсов БМАССР, в которой приняли участие ученые Томска, Иркутска и представители Академии наук СССР¹.

В связи с тем что в республике не было научного учреждения, занимавшегося экономическими проблемами, в 1943 г. в Государственном институте языка, литературы и истории был создан сектор экономики, в том же году в состав института был введен Ботанический сад. Последовала новая реорганизация. Постановлением СНК БМАССР институт был реорганизован в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (БМНИИКЭ)². Работы историков, крае-

ведов республики хотя и сократились, но продолжались. В БМНИИКЭ временно прекратилось издание «Записок», но печатались монографические работы.

Восточно-Сибирским геологическим управлением велись изыскательские работы. Только в 1942 г. на территории республики работали 22 геологические партии и экспедиции.

В связи с войной сократился контингент студентов и преподавателей педагогического института. Из 42 преподавателей 21 были

призваны в действующую армию. В число временно закрытых вузов попал Бурят-Монгольский зооветинститут. Студентов распределили по другим учебным заведениям, большинство преподавателей перешли в штат пединститута. Но потребность в специалистах сельского хозяйства не исчезала, и по ходатайству партийно-советских органов зооветинститут был восстановлен³.

Во время войны преподаватели институтов занимались разработкой научных тем, имевших важное народнохозяйственное значение. В экспедициях, организованных по линии АН СССР, Восточно-Сибирского геологического управления, наркомата обороны, принимали участие преподаватели Бурятского педагогического института.

Ушедших на фронт сотрудников ГИЯЛИ, преподавателей вузов уже с августа 1941 г. заменили новые кадры. По направлению Наркомпроса РСФСР в Улан-Удэ приехали доценты С. Н. Чеботарев (историк) и Н. А. Бернштейн (биолог). С 1942 г. в институте стали работать доценты Н. И. Биргер (химик), Г. А. Бертагаев (бурятский язык и литература), В. И. Андреев (педагогика)⁴.

С окончанием Великой Отечественной войны наука получила возможность вернуться к нормальным условиям работы. В 1949 г. был создан

культуры и спорта в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 42.

¹ Туйск А. Г. Исследования в области экономики БМАССР (К 35-летию института культуры). – Улан-Удэ, 1958. – С. 110.

² Научный архив БНЦ СО РАН, ф. 474, оп. 1, д. 150, л. 4.

³ Давыдов А. Г. Бурятский сельскохозяйственный институт. – Улан-Удэ, 1963. – С. 4.

⁴ Хабаев М. П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. – Улан-Удэ, 1983. – С. 13.

Восточно-Сибирский филиал АН СССР, в сферу деятельности которого вошли Читинская и Иркутская области, Бурят-Монгольская АССР¹.

С 1945 по 1949 г. Институт культуры и экономики организовал несколько экспедиций, в т. ч. лимнологическую под руководством профессора М. М. Кожова, экспедицию по обследованию почв Тункинской долины и др.² Чуть позже экономическое обследование региона было возложено на географо-экономический сектор ВСФ АН СССР, а сектор экономики при Институте культуры и экономики был закрыт. В ноябре 1949 г. постановлением Правительства БМАССР НИИЭК был снова преобразован в Институт культуры с тремя секторами: истории, языка и письменности, литературы и фольклора. Послевоенное десятилетие было отмечено появлением ряда капитальных работ по истории, языкознанию, литературе.

Восстановленный в 1944 г. коллектив зооветеринарного института пополнился новыми кадрами. В 1952 г. к двум факультетам (зоотехническому и ветеринарному) добавился агрономический, а в 1955 г. – технологический факультет. К 1958 г. в институте было 32 кафедры, 146 работников, в т. ч. 3 доктора-профессора и 64 кандидата-доцента³. Круг исследуемых проблем сельского хозяйства расширился. Профессор В. Р. Филиппов начал разработку вопросов иммунитета при некоторых инфекционных заболеваниях сельскохозяйственных животных, профессор Д. К. Червяков изучал лекарственные растения Бурятии, профессор И. А. Спирихов продолжил начатые в войну исследования в области морфологии органов животных. Группа преподавателей разрабатывала вопросы диагностики и лечения незаразных заболеваний домашних животных⁴.

В эти годы при зооветеринарном институте открылось еще 3 научно-исследовательских учреждения, которые в дальнейшем выделились в самостоятельные. В 1949 г. была организована Бурятская плодово-ягодная станция, директором которой был назначен кандидат сельскохозяйственных наук

Н. Н. Гаврилов, чуть позже открылась Бурятская научно-исследовательская ветеринарная станция (директор М. М. Тутушин), на базе трех опытных станций (государственной селекционной, овоще-семеноводческой и мелиоративной) в 1956 г. была организована Бурятская государственная сельскохозяйственная опытная станция. Директором стал кандидат сельскохозяйственных наук М. М. Клеев⁵.

Экономическая ситуация требовала изучения производительных сил Бурят-Монголии. Для организации масштабных исследований по их развитию в послевоенные годы были созданы новые научно-исследовательские учреждения – Бурятская экономическая группа Восточно-Сибирского филиала АН СССР, Бурятский филиал Всесоюзного географического общества и Бурятская комплексная геологическая экспедиция. Открытию этих учреждений предшествовала работа Бурят-Монгольской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил (СИПС) Академии наук, организованной по решению Правительства СССР в 1952 г.

Исследования, проведенные экспедициями и отрядами под руководством ученых Москвы, Ленинграда, Иркутска, дали возможность подготовить геоботанические карты использования сельскохозяйственных угодий, были изучены природные богатства республики и определены перспективы развития рыбной, мясной, лесоперерабатывающей промышленности. Геологами республики был сделан важный вывод о республике как о металлоносном районе СССР.

В Бурятии за послевоенный период было создано 8 научно-исследовательских учреждений, дальнейшее развитие получила вузовская и академическая наука. Бурятия стала республикой со своим научным потенциалом и своими исследовательскими коллективами.

Телевидение

Телевидение Бурятии ведет отсчет с 1960 г., когда была сооружена 162-метровая телевизионная вышка и введен в постоянную эксплуатацию Улан-Удэнский программный телевизионный центр. 10 июня 1961 г. постановлением Совета министров Бурятской АССР была открыта Улан-Удэнская студия телевидения. Ее первым директором был назначен

¹ Казарин В. И. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск, 1998. – С. 200.

² Мохоусов М. В., Мантатов В. В. Наука в Бурятии: история, проблемы, перспективы. Развитие науки в Бурятии. – Улан-Удэ, 1982. – С. 27.

³ НАРБ, ф. 474, оп. 1, д. 192, л. 3.

⁴ Там же, оп. 16, д. 184, л. 2.

⁵ Там же, л. 6.

С. Ж. Гончикова – диктор Улан-Удэнской студии телевидения

А. В. Александров. 16 июня 1961 г. после испытательной тест-таблицы в эфир вышла заставка «Улан-Удэнская студия телевидения».

Над первым официальным телевыпуском работали режиссеры П. Николаев и И. Миронов, звуко-режиссер Г. Загбаева, телеоператоры А. Дмитриенко и Н. Втюрин. Первыми дикторами Бурятского телевидения были А. Болдогоева, С. Гончикова, В. Корнев, В. Жалсараева, Л. Перминов, В. Хацанов.

7 ноября 1962 г. состоялся первый выезд передвижной телевизионной станции на площадь Советов, откуда велся прямой репортаж с демонстрации, посвященной 45-й годовщине Великого Октября. 14 октября 1967 г. с помощью наземной станции «Орбита» была получена картинка Центрального телевидения, и со 2 ноября началась постоянная трансляция его передач. Все передачи, подготовленные журналистами Улан-Удэнской студии ТВ, до ноября 1970 г. выходили в прямом эфире. 19 ноября 1970 г. была осуществлена первая видеозапись передачи на видеомagneтoфoне «Кадр-1».

С апреля 1980 г. телезрители Бурятии получили возможность принимать вторую всесоюзную программу. 7 ноября 1982 г. в эфир вышла первая цветная передача Бурятского телевидения. С 1 октября 1985 г. вся его программа перешла на цветное изображение. С 13 декабря 1989 г. состоялся 1-й выезд журналистов ГРИ с ТЖК (телевизионным журналистским комплексом) на съемки в один из цехов ЛВРЗ.

За период существования студии телевидения программы, созданные ее творческими группами, принимали участие в многочисленных всесоюзных и всероссийских телевизионных фестивалях, конкурсах и смотрах и стали обладателями главных призов, лауреатами, дипломантами и призерами в различных номинациях. По обменным каналам творческие программы Бурятского ТВ были показаны телезрителям многих городов Советского Союза. Отдельные (в основном музыкального и познавательного плана) передачи показывались за рубежом: в Монголии, Китае, Японии, Индии, Северной Корее, Малайзии, Арабских Эмиратах, Франции, Италии.

*Вышка
Улан-
Удэнского
телевизион-
ного центра*

5.4. Состояние основных религиозных конфессий

Деятельность религиозных учреждений находилась под жестким административным контролем. Однако патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны побудила советское руководство к необходимости предоставления РПЦ ряда юридических и экономических уступок и возобновления деятельности ее институтов. С 1943 г. руководство страны официально признало необходимость нормализации взаимоотношений с религиозными организациями, а также подтвердило курс на частичное восстановление традиционных форм церковной жизни. Советское государство де-факто признало Русскую православную церковь централизованной организацией. 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР для взаимодействия с органами советской власти, который со временем стал превращаться в регистрирующий и контролирующий орган, полностью зависимый от партийного руководства. На местах при СНК союзных и автономных республик и при обл(край)исполкомах осенью 1943 г. были введены должности уполномоченных Совета по делам РПЦ. Совет по делам религий в БМАССР был образован в 1944–1945 гг. Указом Священного синода от 16 ноября 1948 г. приходы Бурят-Монгольской АССР вошли в состав Иркутской епархии.

Основным показателем нормализации государственно-церковных взаимоотношений в послевоенный период стал процесс открытия и возвращения церквей верующим. Порядок получения и открытия молитвенного здания регулировался специальными постановлениями СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» и от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Многоступенчатость процедуры открытия церковных зданий позволяла местным органам власти регулировать этот процесс. На территории БМАССР было открыто 2 церкви¹ – Заудинская Вознесенская православная церковь в Улан-Удэ и Успенская церковь в Кяхте². Однако не

все ходатайства об открытии церквей находили положительное решение.

В справке уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР по БМАССР Н. Г. Гармаева «О состоянии религиозного движения и деятельности духовенства в республике» от 26 января 1949 г. указывалось, что «имеются 4 группы верующих, ходатайствующих об открытии церквей в с. Читкан и д. Усть-Баргузин Баргузинского аймака, в с. Кудара Байкало-Кударинского аймака и в д. Каленово Иволгинского аймака»³. Православные верующие г. Улан-Удэ неоднократно обращались в различные инстанции с заявлениями о передаче им Одигитриевского собора. 15 июня 1956 г. было подано заявление в Совмин РСФСР, в котором подробно излагалась сложившаяся ситуация. Как сообщал уполномоченный по делам культов Линхобоев, в просьбе верующим со стороны республиканского руководства было отказано из-за того, что «храм находится в центре города и в нем размещен Бурят-Монгольский музей». Верующие, со своей стороны, говорили, что «храм находится в запущенном состоянии, с забитыми жестью окнами и совершенно пустой... здание приходит в упадок и запустение от того, что за ним не следят и десятилетиями не ремонтируют, а нам он необходим, так как имеющийся у нас храм не вмещает всех верующих в обычные воскресные дни, не говоря уже о двенадесятих праздниках и центральных, как Пасха и Рождество, когда народ вынужден стоять в ограде храма и даже за оградой»⁴.

Подобная ситуация складывалась и с другими конфессиями. С 1944 г. группа верующих евреев (20 чел.) г. Улан-Удэ ходатайствовала об открытии синагоги, неоднократно обращаясь к Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, в Совет по делам религиозных культов при Совмине СССР. Верующими правомерно ставился вопрос о затягивании с решением, так как «правительство республики, предоставив возможность отправлять свои религиозные требы верующим из числа местного бурятского и русского населения..., не только лишает их законного права объединения в религиозную общину, но и... ущемляет даже национальные интересы евреев»⁵.

¹ Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг. – Иркутск, 2010. – С. 22.

² НАРБ, ф. Р-248, оп. 14, д. 136, л. 13; ф. Р-1857, оп. 1, д. 15, л. 2.

³ Там же, оп. 4, д. 75, л. 45.

⁴ Там же, д. 86, л. 79–80.

⁵ Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. –

Однако обращения верующих не нашли отклика со стороны властей.

На территории Бурятии была зарегистрирована старообрядческая церковь беглопоповского согласия в с. Заган Мухоршибирского аймака, возглавляемая П. И. Симоновым.

В середине 1950-х гг. в Бурятию прибыл католический священник Петрас Ясас для отправления духовных треб литовцев, находящихся на спецпоселении в Заиграевском и Хоринском аймаках. Местными властями ему «было дано право заниматься религиозной деятельностью (хотя в определенных рамках и без соответствующей справки о регистрации». Ясас проводил религиозные обряды в домах у верующих, с выездом на лесозаготовительные участки Заиграевского и Хоринского аймаков, а также в Улан-Удэ. В течение 1957 г. им было проведено 84 крещения детей, 33 венчания, 3 похорон, 2500 исповеданий, 2500 причастий¹. В декабре 1959 г. его якобы незаконная деятельность была прекращена.

С конца 1950-х – середины 1960-х гг. отмечается усиление антирелигиозной кампании, которая характеризовалась вмешательством государства в административно-управленческую деятельность религиозных организаций. Основанием для закрытия церквей могли служить низкая доходность, наличие соседней церкви, слабая посещаемость или отсутствие священнослужителя и учредителей (двадцатки), иногда церковь закрывали под предлогом несоответствия правилам техники безопасности, жилищно-эксплуатационным стандартам и т. д.

В 1962 г. была закрыта Успенская церковь в Кяхте, так как она, по отчету уполномоченного Совета по делам религий Д. Б. Очиржапова, имела «небольшой средний годовой доход в размере 100 тыс. руб.», службы в церкви проводились по праздникам, а также по субботним и воскресным дням,

посетителей бывало незначительное количество: в большие праздники до 200–300, а в обыденные дни – по 20–30 верующих». Местные органы власти были «намерены превратить в спортивный городок со стадионом и различными спортивными площадками прилегающую к церкви территорию, а само здание – в спортивный зал для зимних оздоровительных мероприятий». В 1970 г. здание церкви было передано на баланс Министерства культуры республики. С 1973 г. в здании церкви располагалась картинная галерея Кяхтинского краеведческого музея им. Обручева².

На территории Бурятии действовали незарегистрированные общины и группы: по данным 1962 г., в г. Улан-Удэ баптистская община (20 чел.), еврейская община (15–20 чел.), несколько десятков старообрядческих общин в Бичурском, Мухоршибирском, Селенгинском, Прибайкальском, Заиграевском районах³. В 1978 г. была зарегистрирована группа евангельских христиан-баптистов, которая имела свой молитвенный дом, на пользование которым был заключен договор⁴.

Основными источниками доходов церквей были средства, полученные от продажи свечей, просфор, крестиков, икон, тарелочного сбора, треб и приношений. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов Д. Очиржапов указывал в отчете, что «в результате постоянно проводимой в республике атеистической работы кривая доходов по обеим церквям, хотя и медленно, но снижается. По сравнению с 1958 г. сумма поступлений уменьшилась на 12 %»⁵. Полученные доходы распределялись в основном на содержание обслуживающего персонала и хоров, проведение ремонтных работ и т. д.

Улан-Удэ, 2001. – С. 157.

¹ Из истории религиозных конфессий... – С. 170.

² НАРБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 74, л. 14.

³ Из истории религиозных конфессий... – С. 182–183.

⁴ НАРБ, ф. Р-248, оп. 1, д. 3889, л. 1–2.

⁵ Там же, оп. 4, д. 106, л. 7–8.

6

глава

Бурятская АССР в 1970–1985 гг.

6.1. Индустриальное развитие республики

К концу 8-й пятилетки на хозрасчет в целом по стране было переведено 6365 предприятий. В Бурятии в 1970 г. 149 предприятий, или 69,6 % от их общего числа, работали по новой системе. По объему производства на них приходилось 77,5 %, по численности промышленно-производственного персонала – 91,9 %¹.

На первом этапе реформы произошли заметные количественные и качественные изменения в индустрии республики. За пятилетие производство промышленной продукции увеличилось в 1,62 раза, производительность труда – на 46 %, прибыль – в 3,6 раза². Полученная в 8-й пятилетке прибыль от промышленности Бурятии вдвое превышала аналогичный показатель семилетки. Но на многих предприятиях наблюдалось устаревание производственных фондов, низкий уровень производственной и плановой дисциплины, материально-технического обеспечения плановых заданий. О недостаточности

экономических стимулов свидетельствовало низкое качество продукции, высокая затратность сырья, материалов и энергии, завышение цен. Привычная ориентация на объемные показатели валового выпуска продукции сохранилась в скрытой форме и в условиях хозяйственной реформы. Распространенным явлением оставалась корректировка планов.

Реформа не затронула и не могла затронуть основ хозяйствования государственных предприятий – форм собственности, принципов распределения вырабатываемой прибыли, ценообразования, методов управления.

В целях развития хозяйственной реформы была предпринята перестройка организационных структур промышленности, осуществлялся переход к трех- и двухзвенному управлению с созданием производственных объединений. К середине 1970-х гг. в промышленности Бурятии было образовано 10 объединений, в состав которых вошли 48 предприятий. Производственные объединения мясной, молочной, швейной, кондитерской промышленности, Забайкаллес, Буржелезобетон, Бурятстройматериалы, Бурятавторемонт, Россельхозтехника, Байкалрыбпром выпускали 25 % промышленной продукции республики, а с включением продукции, вырабатываемой тонкосуконным комбинатом, объ-

¹ Продайвода К. М. Индустриальная поступь Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – С. 22.

² Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. – Улан-Удэ, 1971. – С. 26, 31.

единившим 2 фабрики, на долю производственных объединений приходилось более 50 % всей выпускаемой продукции¹.

Производственные подразделения объединений специализировались на выпуске определенного ассортимента изделий, была проведена централизация заготовительных цехов, инструментального хозяйства, ремонтно-технических служб, конструкторских и технологических отделов. С созданием объединений появились сложности в управлении. Увеличилось число работающих, вырос объем производства, стало больше потребляться сырья, материалов, энергии. Значительно усложнило управление в условиях объединений и то, что филиалы были расположены на большом расстоянии от головного предприятия. В производственном объединении «Туяна» головное предприятие было расположено в Улан-Удэ, а его филиалы – в с. Бичуре и г. Бабушкине. Ощущалась нехватка транспорта и средств связи. Объединения носили преимущественно отраслевой характер, межотраслевых было мало. Тем самым усиливался монополизм, ведомственная разобщенность экономики, диктат производителя одноплановой продукции. К тому же появились дополнительные управленческие структуры. При неизменном производственном звене специализация и кооперация оборачивались ростом управленческих штатов. В этих условиях реформа приобретала косметический характер, так как ни установление цен, ни общее руководство производством, ни сбыт продукции не были предоставлены самим предприятиям.

Создание промышленных объединений и комбинатов делало актуальным применение АСУП, связанной с межзаводским, межпроизводственным планированием и управлением. Только за годы 9-й пятилетки в Бурятии было создано 12 вычислительных центров, значительно расширилась сеть машинно-счетных станций. В этот период был выполнен большой объем работ совместно с ленинградским объединением «Электронмаш» по совершенствованию системы управления с внедрением АСУП на Улан-Удэнском ЛВРЗ. Завод представлял собой промышленный комплекс типа объединенного предприятия, состоявшего из специализированных производств: литейно-механического, локомоти-

Гусиноозерская ГРЭС

во- и вагоноремонтного. Эти производства были введены как самостоятельные хозрасчетные звенья в структуру управления заводом, которая из двухуровневой (цех – заводоуправление) трансформировалась в трехуровневую (цех – производство – заводоуправление). Такая принципиальная перестройка структуры управления ЛВРЗ, по расчетам, позволяла установить наиболее рациональное соотношение между централизацией и децентрализацией управления, углубить хозяйственный расчет и значительно повысить эффективность управления производством. Улучшение организационной структуры управления давало возможность в относительно короткий срок разработать и решить большое количество задач при помощи ЭВТ, внедрить 1-ю и 2-ю очереди АСУП, что положительно сказалось на выполнении государственных планов. АСУП была внедрена также на тонкосуконном комбинате, авиационном заводе, Теплоприборе и некоторых других предприятиях республики.

9-ю пятилетку индустрия Бурятии завершила с неплохими результатами, что было напрямую связано с приоритетным развитием экономики Сибири в эти годы. За 1970–1975 гг. основные фонды индустрии увеличились на 39 %. Высокие темпы были достигнуты в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (178 %), машиностроении и металлообработке (56 %), электроэнергетике (54 %). Производительность труда в промышленности выросла на 35 %, выпуск продукции увеличился на 48 %².

¹ Бирюков В. Г. Совершенствование управления производством на основе внедрения ЭВТ в Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1978. – С. 23.

² Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 107.

Более того, темпы производительности труда в промышленности Бурятии в 8-й и 9-й пятилетках обеспечили опережение среднесоюзного и среднефедеративного показателей.

В 9-й пятилетке капиталовложения в промышленность республики составили 1639,5 млн. руб. Более 70 % из них было направлено на производственное строительство. Всего было введено в действие основных фондов на сумму 1471,5 млн. руб. Были сооружены и сданы в эксплуатацию Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, заводы мостовых металлоконструкций и крупнопанельного домостроения, Шалутский комбикормовый завод, первая очередь завода «Бурятферммаш», фабрика верхнего трикотажа, Холбожджинский угольный разрез, первая очередь Гусиноозерской ГРЭС (4 энергоблока) и др. Были реконструированы и расширены мощности Тимлюйского завода асбоцементных изделий, Татауровского комбината строительных материалов, Улан-Удэнского завода КПД, гормолзавода, завода металлоизделий им. Кирова и др., начал работать приборостроительный завод. Введены в действие производственные мощности для выпуска сборных железобетонных конструкций и деталей на 77 тыс. куб. м, стальных конструкций – на 50 тыс. т в год.

Произошли заметные изменения в структуре промышленности: возникли новые отрасли – сельскохозяйственное машиностроение, целлюлозно-бумажная промышленность, увеличились объемы производства в электроэнергетике, угольной и легкой промышленности. Продолжал расти удельный вес группы А, что считалось закономерностью развития социалистического производства в СССР. Но едва ли это было оптимальным для такой республики, как Бурятия, остро нуждавшейся в быстром росте производства предметов потребления, продукции легкой и пищевой промышленности. Машиностроение, включая предприятия авиа-, судостроения, как и в целом по стране, было большей частью ориентировано на военные заказы, поэтому его отдача для потребительского рынка республики была совершенно неадекватной имевшимся мощностям.

Среднегодовой темп прироста промышленной продукции составил 8,4 %. При видимом росте показателей удельный вес Бурятской АССР в составе Восточно-Сибирского экономического района и страны в целом уменьшился. Если в начале 1950-х гг. доля Бурятии в промышленном производстве

Герой Социалистического Труда проходчик Г. Д. Тучинов

экономического района составляла примерно 10 %, то с 1975 г. она снизилась до 8 %.

План развития народного хозяйства Бурятской АССР в 10-й пятилетке (1976–1980 гг.) предусматривал увеличение валовой продукции промышленности на 40,6 %, рост капитальных вложений в народное хозяйство, по сравнению с предыдущей пятилеткой, на 35,1 %. Особенно высокие темпы планировались в электроэнергетике (в 4,7 раза), угольной промышленности (в 2,6 раза), машиностроении и металлообработке (в 1,7 раза). Для этого требовалось резкое повышение эффективности всего общественного производства, качества выпускаемой продукции. Особое внимание обращалось на развитие топливно-энергетической базы промышленности. За пятилетие были введены в эксплуатацию 1-я очередь Гусиноозерской ГРЭС мощностью 840 тыс. кВт, угольные разрезы – Холбожджинский – на 3 млн. т, Дабан-Горхонский – на 10 тыс. т угля в год. В результате в республике увеличилась выработка электроэнергии и добыча угля.

За годы 10-й пятилетки в развитие всех отраслей народного хозяйства было вложено 2,5 млрд. руб. капитальных вложений, или в 1,6 раза больше, чем в 9-й. Введены основные фонды стоимостью 2 млрд. руб., или на 40 % больше, чем в предыдущей, что составило более одной трети всех капиталовложений за годы советской власти. На столь значительный рост капиталовложений в 10-й пятилетке повлияло интенсивное строительство Бурятского участка БАМ.

Была построена первая очередь завода «Бурятферммаш» в г. Улан-Удэ – предприятия сельско-

Горняки Холбольджинского угольного разреза

хозяйственного машиностроения, производящего оборудование для комплексной механизации животноводческих помещений. Строительство такого завода имело большое значение для сельского хозяйства республики. Была сдана в эксплуатацию опытная фабрика Ошурковского апатитового завода. Однако фабрику пришлось закрыть, так как она не отвечала требованиям экологической защиты природы в бассейне оз. Байкал, что, в свою очередь, явилось следствием ошибочного планирования размещения подобных предприятий.

Вступили в строй новые предприятия пищевой и легкой промышленности – молочный завод и фабрика верхнего трикотажа в Улан-Удэ, Заиграевская бройлерная фабрика, начали давать продукцию первые очереди Хоронхойского и Шалутского комбикормовых заводов.

Шла реконструкция, проводились мероприятия по механизации и автоматизации технологических процессов, сокращению ручного труда на заводе «Теплоприбор». Завод досрочно выполнил пятилетний план, увеличил производство продукции на 36,5 %, производительности труда – на 21,4 %. Было проведено техническое перевооружение на Тимлюйском цементном заводе, заводе «Электромашина», тонкосуконном комбинате, Новобрянском механическом заводе, в объединении «Туяна».

В промышленности республики 24 предприятия, в т. ч. тонкосуконный комбинат, швейное объединение «Байкал», Заиграевское карьероуправление, Улан-Удэнский хлебокомбинат, за-

вод безалкогольных напитков, сапоговаляльная фабрика и др., повысили производительность труда при снижении численности промышленно-производственного персонала. Улучшили качество выпускаемой продукции коллективы Тимлюйского цементного, Улан-Удэнского авиационного, приборостроительного и судостроительного заводов, заводов «Теплоприбор», «Электромашина», тонкосуконного комбината, швейного объединения «Туяна» и ряда других предприятий.

Однако в целом промышленность республики недо-

полнила задания пятилетки по темпам роста объемов производства и производительности труда, объем промышленного производства вырос лишь на 19 % вместо запланированных 40,6 %, производительность труда увеличилась лишь на 8 %. Были введены в эксплуатацию производственные фонды стоимостью 1896 млн. руб., основные фонды промышленности выросли на 58 %. Наибольший прирост был достигнут в топливной промышленности (159 %), электроэнергетике (129 %), промышленности строительных материалов (76 %).

Общая тенденция снижения роста производительности труда в промышленности РСФСР и Бурятии была очевидна. Основной причиной стало неполное использование резервов, вызванное недостатками хозяйственного механизма. Со 2-й половины 1970-х гг. советская экономика начала сползать в кризис, который развивался в новых для страны демографических условиях.

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве Бурятии с 1940 по 1960 г. увеличилась в 2,3 раза против 1,8 по РСФСР, в последующие 20 лет (1960–1980 гг.) вновь произошло удвоение численности этих категорий. Всего за 40 лет (1940–1980 гг.) численность рабочих и служащих в народном хозяйстве Бурятии увеличилась в 4,5 раза против трех по РСФСР. Если в предшествующий период увеличение количества работающих происходило в большей мере за счет вовлечения в общественное производство людей, занятых в личном подсобном и домашнем хозяйстве, высвобождения

*Улан-Удэнский
речной порт*

значительного количества работавших из сельскохозяйственного производства и перераспределения их по другим отраслям материального производства и непроизводственной сферы, то во 2-й половине 1970-х гг. перечисленные источники были почти исчерпаны. В эти годы воспроизводство трудовых ресурсов приобрело совершенно новые, ранее не наблюдавшиеся черты. Прогрессивные социально-экономические изменения уровня и образа жизни вызвали, в свою очередь, качественные изменения в режиме воспроизводства населения на суженной демографической основе, как в целом по стране, так и по республике. Главным источником пополнения народного хозяйства кадрами стала молодежь. Доля молодежи, вступившей в трудоспособный возраст, в приросте трудовых ресурсов Бурятии составила 81,5 %, а за счет занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве – 7,6 %. Заметно возросла доля пенсионеров, составившая 10,9 %. Ввиду резкого снижения уровня рождаемости в 1960-е гг., 1980–1990-е годы характеризовались спадом естественного прироста. И если в стране с 1975 г. стало уже невозможно любыми средствами поддерживать экономический рост, прибегая, как прежде, к массовому привлечению новой рабочей силы, то в Бурятии в 10-й пятилетке на от-

дельных предприятиях и в отраслях было привлечено больше трудовых ресурсов, чем намечалось на пятилетие. В республике продолжала действовать тенденция, складывавшаяся в течение длительного периода, – увеличение производительности труда за счет привлечения дополнительных работников. Сокращение прироста трудовых ресурсов не привело к тому, что предприятия стали добиваться бо-

Растет рабочая смена

лее рационального использования рабочей силы.

Одним из направлений совершенствования хозяйственного механизма стало повышение ответственности за соблюдение договорных обязательств. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» была предусмотрена оценка деятельности предприятий по выполнению плана поставок. Ответственность за поставки продукции по номенклатуре и в сроки ставилась в один ряд с ответственностью за выполнение таких заданий, как рост объема продукции, производительности труда, качества изделий, т. е. была повышена роль натуральных показателей. Получил распространение такой метод, как измерение производительности труда по чистой или нормативно-чистой продукции. В 1982 г. уже 52 союзных министерства и ведомства использовали показатели нормативно-чистой продукции. В Бурятии в 1981 г. предприятий, где производительность труда исчислялась по нормативно-чистой продукции, насчитывалось всего 14, или 8 % от общего числа действовавших, в 1982 г. – 49 %, в 1983 г. – уже 78 %. При переходе на показатель нормативно-чистой продукции темпы роста производительности труда увеличивались быстрее, чем при показателе товарной продукции. Под этот прирост выплачивалась дополнительная заработная плата в пределах нормативного расхода на рубль чистой продукции. Предприятия получали возможность более полно оплачивать труд, требовавший высокой квалификации, опыта, умения, сноровки. Поэтому нередко появлялось стремление к искусственному завышению трудоемкости. Некоторым предприятиям было выгодно выпускать изделия с высокой трудоемкостью в ущерб другим, необходимым по плану производства.

Экономисты отмечали: «Переход к новому этапу перестройки, в рамках которого станет доступен более глубокий пласт резервов, связанный с осуществлением радикальной экономической реформы, выдвигает в центр внимания создание механизма централизованного планового управления, опирающегося на полный, неусеченный хозрасчет предприятий, их возросшую самостоятельность и ответственность за конечные народнохозяйственные результаты»¹.

С 1984 г. начал осуществляться очередной эксперимент по расширению прав производственных объединений (предприятий) в планировании и хозяйственной деятельности, усилении их ответственности за результаты работы. По первым итогам эксперимента было принято партийно-государственное постановление «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса» (1985 г.)². Предпринималась еще одна попытка создания целостной системы управления, планирования, стимулирования, совершенствования организационных основ.

К концу 1985 г. по новым условиям работала треть производственных объединений (предприятий) промышленности, которыми выпускалось более половины общего объема продукции. Был провозглашен переход экономики к качественно новому этапу – интенсификации, хотя в этот период страна уже входила в системный кризис экономики. Стратегическая линия на ускорение, сформулированная на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС, предусматривала в тактическом плане первоочередное использование возможностей, связанных с повышением организованности и дисциплины, улучшением стиля руководства. Но ситуация в народном хозяйстве не переставала ухудшаться. Показатели промышленного производства продолжали снижаться – до нулевого уровня в 1989 г. и 10 %-ного сокращения в 1991 г. Тем не менее в этих условиях была предпринята серия реформ и проведена громадная законодательная работа. Развитие реформ определяли 2 основные тенденции: расширение самостоятельности государственных предприятий и расширение сферы деятельности частного сектора. Закон «О государственном предприятии» от 30 июня 1987 г., вошедший в силу с 1 января 1989 г., был призван обеспечить переход на хозрасчет и самофинансирование. Если до 1990 г. план был основным стержнем деятельности предприятия, то теперь оно получило возможность самому планировать свою деятельность. При этом государство оставалось главным заказчиком в промышленности, оно определяло номенклатуру выпускаемых изделий и устанавливало цены и ставки налогообложения, т. е. финансовая самостоятельность предприятий была, по существу, мнимой. Сфера рынка оказалась ограничен-

чины, направления, проблемы. – М.: Экономика, 1989. – С. 17.

² Правда. – 1985. – 1 авг.

¹ Шаталин С. С., Гайдар Е. Т. Экономическая реформа: при-

ной договорами между предприятиями, заключаемыми после выполнения госзаказов. Несмотря на провозглашенный принцип самофинансирования, предприятия продолжали пользоваться крупными субсидиями, чтобы избежать банкротства. Реформа ценообразования была отсрочена. Что касается второго направления реформы – развития частной инициативы, то оно сталкивалось с самыми разнообразными трудностями (официальными, неофициальными, производственными и др.).

Ни одна из начатых в экономике реформ практически не дала положительных результатов. Социалистическая система хозяйствования давала нарастающие сбои в центральном звене – планировании. Частые корректировки планов, несоответствие годовых планов пятилетним заданиям были лишь частью кризиса планомерности развития экономики. Причины кризиса плановой системы крылись в том, что в новых условиях бюджетное распределение до 75 % национального дохода, попытка охватить материальными балансами до 80–90 % всей продукции сами порождали торможение. Результаты хозяйствования свидетельствовали о запаздывании резервов второго эшелона, связанных со структурной перестройкой, экономической реформой.

Хроническим явлением стал срыв договорных поставок. Обычной была «штурмовщина» в последние недели года с последующей доработкой и спадом активности в начале другого года, имели место приписки, искажения отчетности. Средние сроки строительства, превышавшие нормативные более чем в 3 раза, рост запасов, опережавший рост национального дохода, каждое третье предприятие, не справлявшееся с планом прибыли, были только отражением нараставшего дисбаланса экономики.

Реформы 1960–1980-х гг. не затронули экстенсивной сущности экономического механизма. Руководство страны не могло отказаться по идеологическим и политическим соображениям от валового подхода, хотя ученые предупреждали о его скрытых опасностях еще в 1920-е гг. Система, на ранних этапах продемонстрировавшая высокий динамизм, обнаружила тенденции к саморазрушению. Падала не просто эффективность управления – неэффективное управление материализовалось в структуре и направлении огромных ресурсов.

Деятельность партийных, государственных, хозяйственных организаций по совершенствованию экономических отношений, улучшению управления, планирования, организации, стимулирования

промышленного производства была значительной по масштабам и носила самый разносторонний характер: правовой, административный, разъяснительный, контрольный и т. д. Осуществлялись мероприятия по повышению самостоятельности предприятий, большего использования материальных стимулов. Но либерализация цен, регулирование внешнеэкономической деятельности в пользу отраслей ТЭК и приватизация разрушили существовавшую экономическую среду. Они ее не реформировали, а, по сути, взорвали. Что касается государственного управления, то его структура оказалась весьма живучей. Государство отказалось от функции планирования в прямой форме, но оно еще оказывало влияние на хозяйственную деятельность предприятий методами административного и экономического характера, включавшими в себя тарифную политику, налоговые ставки, ограничение уровня рентабельности в целях налогообложения, квотирование, лицензирование. Все перечисленные меры до поры воспроизводили отраслевую структуру.

Снижение темпов развития производства руководство республики объясняло необеспеченностью промышленности сырьем, срывом сроков ввода в эксплуатацию отдельных предприятий, упущениями в управлении промышленным производством. На самом деле причины лежали гораздо глубже. Крупные инвестиции в народное хозяйство, запуск инфляционных процессов в сочетании с административной централизацией экономики и усилением контроля – вот путь, по которому пошло руководство страны, оказавшись неспособным решить проблемы структурной перестройки экономики.

Начиная с 1975 г. в целом по стране стало невозможно любыми средствами поддерживать экономический рост, прибегая, как прежде, к массовому привлечению новой рабочей силы. В Бурятии наблюдался ее дефицит. Союзное правительство прибегло к резкому увеличению импорта иностранной техники и технологий в надежде быстро поднять производительность труда. Этот путь привлекал больше, чем реформа организации труда, от которой можно было ожидать только медленных и предположительных результатов. Инвестиционный бум достиг таких размеров, что на промышленных предприятиях скапливалось большое количество нового, неустановленного оборудования. К примеру, в 1980 г. стоимость такого оборудования на предприятиях республики составила 10 млн. руб.

Традиционная сырьевая база страны была в определенном смысле истощена, поэтому добывающая промышленность смещалась на восток. Но в силу экстенсивного характера развития промышленности материально-техническая база индустрии обновлялась медленно. Высок был процент физического и морального износа оборудования и основных фондов. В среднем сроки эксплуатации машин и механизмов в промышленности Бурятии составляли 30,7 года, что на 9,6 года превышало период эксплуатации по нормативам. Старение оборудования отрицательно сказывалось на производительности труда и качестве выпускаемой продукции, приводило к росту затрат на ремонт устаревшей техники. Замедление процесса обновления материальной базы производства свидетельствовало о падении темпов технического прогресса в промышленности республики, что особенно стало заметно во 2-й половине 1970-х гг. Значительно снизилась фондоотдача, упали темпы прироста производительности труда и другие показатели эффективности промышленного производства. В 1971–1975 гг. производительность труда в индустрии выросла на 36 %, по сравнению с предшествующим пятилетием, а в 10-й пятилетке – лишь на 8 %.

Продолжал расти удельный вес военных расходов, что непосредственно отражалось на развитии гражданского производства. На предприятиях оборонного комплекса Бурятии началась конверсия, осуществляемая крайне медленно и нерационально. Отсутствие комплексного подхода к конверсии не позволяло снизить напряжение на потребительском рынке. Производство товаров народного потребления за счет перепрофилирования мощностей Улан-Удэнского авиационного, приборостроительного заводов, Гусиноозерского радиозавода в натуральном выражении было незначительным. Причем на большинстве предприятий оборонного комплекса производство товаров для населения было низко rentабельным и в некоторых случаях убыточным.

Начавшийся кризис организации труда вел к торможению и провалу беспрестанно перекраиваемой реформы. Ситуация усугублялась консервативным уклоном политики властей. Причина кризиса коренилась также в неспособности существовавшей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества. Система оставалась по существу той же самой, что и при ее возникновении в 1930-е гг.: чрезмерная централизация, директивное плани-

рование, отсутствие рыночного ценообразования, контроль всех способов материального стимулирования трудящихся центром, ограничение или просто запрещение индивидуальной трудовой деятельности населения в производстве, сфере услуг, торговле. Трудящиеся могли рассчитывать только на деятельность в общественном секторе.

Из итогов выполнения 10-го пятилетнего плана не были сделаны глубокие выводы, как в республике, так и в центре. Позднее ЦК КПСС вынужден был признать, что «на рубеже 1970–1980-х гг. страна стала терять темпы движения вперед в экономике, в социальной и духовной сферах начали накапливаться трудности и нерешенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления».

6.2. Байкало-Амурская магистраль (Бурятский участок)

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» было принято 8 июля 1974 г.¹ Строительство магистрали, проходящей по территории Иркутской, Читинской, Амурской областей, Бурятской и Якутской АССР, Хабаровского края, стало событием большой исторической, экономической и политической важности, крупнейшей общесоюзной программой, направленной на форсирование социально-экономического и демографического развития восточных районов СССР и обусловленной стратегическими приоритетами укрепления обороны и усиления советского присутствия в Тихоокеанском бассейне. По объему капиталовложений магистраль была самой крупной стройкой страны.

Бурятский участок, длиной 524 км, где дорога проходила по вечной мерзлоте, через болота и горы, оказался самым сложным в инженерно-геологическом, сейсмологическом и климатическом плане. Его строительство потребовало сложнейших научно-технических решений по сооружению тоннелей, мостов, искусственных строительных сооружений, ЛЭП-220. Составляя по протяженности всего лишь шестую часть строящейся железной дороги, Бурятский участок вобрал в себя почти треть ее стоимости².

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. – М.: Политиздат, 1978. – С. 417–419.

² НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8862, л. 8.

Магистраль пролегла в долине Верхней Ангары и Муйской котловине по территории двух районов республики – Северо-Байкальского и Баунтовского. Для этих мест была характерна низкая плотность населения и охотничье-промысловый тип хозяйства. Бурятский участок БАМ отличался отсутствием транспортных связей, удаленностью от транссибирской железной дороги и центра республики и, как следствие этого, экономической неосвоенностью территории.

Эти особенности определили специфику сооружения магистрали на территории Бурятии. В отличие от Западного участка, где БАМ начинали строить уже сложившиеся опытные коллективы, здесь все строительные подразделения создавались с нуля. Отсутствие надежных транспортных коммуникаций было главным сдерживающим фактором в реализации планов строительства. Поэтому на подготовительном этапе строительства необходимо было, сконцентрировав все силы и средства, создать условия для дальнейшей напряженной работы – строительства тоннелей и укладки железнодорожного пути. Внимание центральных и местных руководящих органов было сосредоточено на формировании сплоченных трудовых коллективов и их расстановке на участках будущей магистрали. Одновременно надо было решать проблемы создания транспортной схемы для доставки грузов, организации материально-технического снабжения стройки, обеспечения строителей всем необходимым для первых зимовок в условиях освоения необжитой таежной территории, приступать к строительству рабочих поселков.

Формирование трудовых коллективов было начато в феврале 1974 г., когда был создан тоннельный отряд (ТО) № 11 во главе с В. М. Кобляковым¹. Ядром коллектива ТО-11 стали кадровые рабочие «Главтоннельмостростроя». 26 мая 1974 г. первая группа тоннельщиков отправилась в пос. Улюнхан. Следующие 4 десанта в течение лета высадились на мысе Курлы, перевале Даван, у озер Бакани и Иркин. Перед ними была поставлена задача – начать сооружение автомобильной дороги Тазы – Уоян и далее по направлению к Северомуйскому хребту для переброски грузов и техники, подготовить площадки под будущий ствол Байкальского тоннеля². Строители двигались в байкальском и северомуй-

ском направлениях, вырубая просеки и отсыпая автомобильные дороги. Одновременно вели строительство базовых лагерей, вертолетных площадок, временного жилья, баз, складов, объектов соцкультбыта.

30 июля 1974 г. были созданы строительномонтажный поезд (СМП) № 572 (начальник Н. Т. Базылев), 4 механизированные колонны (МК) – № 137, 138, 139, 140, входившие в трест «ЗапБАМ-строймеханизация» (начальник В. В. Евтушенко), мостоотряд (МО) № 34, спецуправление № 88 в составе треста «Трансвзрывпром»³. Руководящее звено, инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие прибывали на стройку с предприятий Министерства транспортного строительства.

22 октября 1974 г. состоялся третий пленум Бурятского обкома КПСС, посвященный вопросам сооружения БАМ. Учитывая важность обсуждаемой проблемы, на пленуме присутствовали представители ЦК КПСС, Министерства транспортного строительства СССР, ГлавБАМстроя и шефских организаций из Белоруссии, Латвии, Литвы⁴. На пленуме были обсуждены вопросы формирования строительных организаций, их технической оснащенности, перевозки и доставки грузов, обеспечения и обслуживания строителей всем необходимым. Большое внимание было уделено социально-бытовым вопросам. Такие же решения приняли Совет министров республики и обком ВЛКСМ.

Выполняя решения директивных органов республики, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации, промышленные предприятия и учреждения Бурятии стали оказывать помощь строительным организациям БАМ в их становлении и развитии, доставке грузов, создании баз материально-технического снабжения на трассе. Республиканские министерства торговли, бытового обслуживания, здравоохранения, культуры, просвещения Бурятии занялись проблемами материально-бытового и социально-культурного обеспечения строителей. Завод мостовых металлических конструкций (ЗММК), локомотивагоноремонтный завод (ЛВРЗ), Улан-Удэнское отделение железной дороги, Улан-Удэнский судостроительный завод, Тимлюйский цементный и шиферный заводы, Таловский завод железобетонных изделий, объедине-

¹ НАРБ, ф. Р-1880, оп. 1, д. 8, л. 1.

² Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 8822, л. 2.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, д. 8141, л. 2.

Коллектив треста «Нижнеангарсктрансстрой». 1982 г.

ние «Забайкаллес» работали под девизом «Заказам БАМа – зеленую улицу». На ЗММК было изготовлено примерно две трети будущих мостов.

Формирование производственных коллективов шло под руководством Бурятского обкома КПСС. На БАМ были направлены опытные партийные, советские и хозяйственные руководители В. А. Бодров, В. И. Бочеев, Н. Б. Бужинаев, Г. Ш. Дамбаев, Н. И. Крючков, К. Д. Лубсандоржиев, П. Т. Манзаров, В. Д. Раднаев, В. В. Хингелов, А. А. Цыренов, В. В. Цыренов, Ч. Б. Цыренов. На должность секретаря парткома стройки был рекомендован Р. П. Мухаров. Были подготовлены и местные кадры: П. К. Непомнящих, С. Ф. Рассохин, В. В. Старков, О. Ф. Усынин и многие другие¹. Руководители республики А. У. Модогоев, К. М. Продайвода, В. Г. Бирюков, А. А. Бадиев, В. Б. Саганов, С. В. Ангапов, Л. В. Потапов неоднократно бывали на строительстве БАМ и достаточно глубоко вникали в его проблемы.

10 ноября 1974 г. для централизованного руководства стройкой была создана одна из самых крупных строительных организаций ГлавБАМстроя – трест «Нижнеангарсктрансстрой» (НАТС), ставший генеральным подрядчиком строительства БАМ на территории Бурятии. Руководителем треста был

назначен опытный строитель В. М. Кривочуприн. С августа 1977 по 1985 г. трест возглавлял Герой Социалистического Труда Ф. В. Ходаковский². Подразделения НАТС вели основное строительство железной дороги и объектов соцкультбыта поселков. К концу 1974 г. на Бурятском участке БАМ работало уже 1568 чел. Ими было освоено 3,5 млн. руб. на строительно-монтажных работах, пройдено 400 км просек под автодорогу, построено более 5 тыс. кв. м временного жилья³.

В целом организационная структура основных и вспомогательных подразделений Бурятского участка сложилась в 1975 г. Было создано 12 новых строительно-монтажных подразделений, НАТС пополнился поездом СМП-575, автобазой и конторой материально-технического снабжения. Для торгового и медицинского обслуживания строителей были организованы Управление рабочего снабжения (УРС) и врачебная служба. В последующем в системе треста были созданы Управление производственно-технической комплектации, ремонтно-прокатная база, мехколонна, комбинат производственных предприятий, жилищно-коммунальный отдел.

¹ Модогоев А. У. Годы и люди. – Улан-Удэ, 1993. – С. 104.

² В сердце моем БАМ. – Улан-Удэ, 2010. – С. 5.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8822, л. 3.

Все тоннели БАМ строило Управление строительством «БАМтоннельстрой» (БТС), организованное 9 января 1975 г. в составе 3 тоннельных отрядов, автобазы и других вспомогательных подразделений. Его руководителем был назначен И. А. Салопекин. С 1980 г. БТС возглавил В. А. Бессолов. В конце 1975 г. в БТС работали 2076 человек. Позднее были образованы ТО № 18, 19, 21, 22, 27, 2 автобазы, учебный пункт. В 1977 г., когда начались работы по проходке тоннелей, в состав БТС входило уже 8 тоннельных отрядов, 2 автобазы, управление механизации работ, контора эксплуатации, проката и ремонта оборудования, управление производственной технической комплектации и жилищно-коммунальная контора¹.

В апреле 1975 г. был организован трест «ЛенинградБАМстрой» (управляющий Б. А. Тихомиров, с 1985 г. – В. М. Анисимов), возводивший город Северобайкальск – будущий центр Бурятского участка БАМ. В 1977 г. был заложен первый кубометр бетона в первый жилой дом Северобайкальска.

В 1-й половине 1975 г. в Бурятию были перебазированы МК № 146, 160, 161, которые влились в трест «ЗапБАМстроймеханизация» (управляющий В. В. Евгушенко), производивший работы по отсыпке земляного полотна железной дороги, прокладке автомобильных дорог, подъездных путей и разработке карьеров. Они дислоцировались в Нижнеангарске, Северобайкальске, Новом Уояне и Таксимо. В это же время были сформированы коллективы мостостроительных отрядов № 52, 53, входящих в состав треста «Мостострой-9» (начальник И. Д. Рассказов). В июне 1975 г. приступил к монтажу оборудования, необходимого для проходки верхнего ствола Байкальского тоннеля, участок карагандинского управления «Шахтспецстрой».

В связи с созданием новых строительных подразделений и становлением уже существующих численность транспортных строителей быстро росла. В феврале 1975 г. она составила 2010 чел., к началу июля – 3580 чел., а к концу года – 6998. В 1977 г. на Бурятский участок были передислоцированы СМП-581, ТО-18, образованы СМП-597 и некоторые другие организации. В 1-м квартале 1977 г. в НАТС работали 2101 чел., в БТС – 2213, тресте «ЗапБАМстроймеханизация» – 1784, Мостострое-9 – 977, ПМК «ЛенБАМстрой» – 501 чел. Всего на Бурятском участке работали 9738 чел, из них в

строительных организациях – 6081 чел.² Таким образом, за небольшой подготовительный период на Бурятском участке БАМ были сформированы квалифицированные трудовые коллективы.

В дальнейшем, в связи с возрастанием производственных объемов, численность бамовских подразделений продолжала расти, повышалась квалификация строителей.

В 1974–1976 гг. были вырублены просеки под автомобильную и железную дороги общей протяженностью свыше 500 км, построено 450 км автомобильной дороги, причалы в порту Байкал, Култук, Усть-Баргузине и на мысе Курлы. Одновременно обустраивались припортовые и шахтные строительные площадки на Байкальском и Северомуйском тоннелях, велись монтажные и пуско-наладочные работы по устройству временной радиосвязи, сборка жилых домов во временных поселках, строительство перевалочных и производственных баз. Строители занимались устройством зимних автодорог от мыса Курлы до порталов Байкальского и Северомуйского тоннелей, перевозкой грунта, строительных материалов, деталей домов, оборудования. Один только ТО-11 перевез 57 тыс. т грунта³. В 1976–1977 гг. строители МО № 52 и 53 приступили к сооружению больших железнодорожных мостов через реки Гоуджекит, Тья, Верхняя Ангара, Витим. В 1978 г. под укладку железнодорожного пути было сдано 8 мостов⁴.

Для быстрого выполнения программы строительства строительно-монтажные поезда и мехколонны дислоцировались вдоль строящейся магистрали, ускоряя строительство поселков и вовлекая в хозяйственный оборот прилегающие территории. На трассе были созданы новые поселки – Северобайкальск, Кичера, Новый Уоян, Гоуджекит, Северомуйск. К концу 1976 г. в них было построено около 60 тыс. кв. м жилья, 10 столовых, 15 магазинов, 2 клуба, больница, амбулатория, 2 детских сада и другие объекты⁵.

В 1978 г. трест «Нижнеангарсктрансстрой» стал интенсивно наращивать производственные мощности и пополняться новыми строительными подразделениями. На Бурятском участке были дислоцированы мехколонны № 142, 143, 132, 135, соз-

² Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 4, 5, 8.

³ Там же, ф. Р-1880, оп. 1, д. 16, л. 14; д. 17, л. 13.

⁴ Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 10.

⁵ Там же, д. 8822, л. 8, 9.

¹ НАРБ, ф. Р-1880, оп. 1, д. 1110, л. 9; д. 16, л. 14.

Прибытие на Бурятский участок БАМ бойцов отряда им. XVIII съезда ВЛКСМ. Май 1978 г.

даны строительно-монтажные поезда № 607 и 608, тоннельные отряды № 21 и 22, комбинат производственных предприятий. На стройплощадке мысовых тоннелей высадили коллектив ТО-16.

В мае 1978 г. в Бурятию прибыл Всесоюзный комсомольский отряд им. XVIII съезда ВЛКСМ в составе 300 чел. Это были посланцы комсомольских организаций Белоруссии, Латвии, Литвы, Молдавии, Краснодарского края, Кабардино-Балкарии, Ленинградской области. Командиром отряда был назначен В. И. Аксенов, комиссаром – А. И. Рябков. Бойцы отряда дополнили СМП-608 в пос. Кичера. В конце 1978 г. на Бурятском участке действовали 42 строительных коллектива и 11 обслуживающих организаций, в которых трудилось около 17 тыс. чел.¹

В 1979–1980 гг. были созданы СМП № 648, 654, 669, 670, 694, МО-97, была передислоцирована МК-140, в Новом Уояне открылся комбинат производственных предприятий. Немногим позднее в Бурятию были переведены СМП-708 и МК-136. К середине 1980-х гг. здесь работали 11 СМП, 10 механизированных колон, 2 спецподразделения по буровзрывным работам, 8 тоннельных отрядов, 4 автобазы, 6 МО, десятки обслуживающих и вспомогательных подразделений. В 1984 г. только в тресте НАТС трудилось 34 тыс. строителей².

Основными путями пополнения трудовых коллективов были общественный призыв, направление выпускников профессионально-технических

училищ, перевод из предприятий министерства и других ведомств, вольный наем. Использование комплекса материальных и моральных стимулов позволило создать достаточно мощные потоки мигрантов в районы БАМ. Районные коэффициенты к заработной плате, надбавки за разъездной характер работы, различные виды льгот, приоритетное снабжение товарами повышенного спроса привлекали сюда рабочую силу. Но помимо материальной заинтересованности юношей и девушек манили на БАМ молодежная романтика, героика трудовых будней ударных строек, осознание личной и непосредственной причастности к реализации этого грандиозного проекта. Ряды строителей стремительно пополнялись за счет притока комсомольцев и молодежи из разных республик и областей Советского Союза. Средний возраст работающих на Бурятском участке БАМ составлял 28–35 лет.

В формировании трудовых коллективов большую роль сыграл ЦК ВЛКСМ, объявивший строительство ударной комсомольской стройкой. Началось шефское движение «БАМ строит вся страна». За 10 лет на Бурятский участок по комсомольским путевкам прибыло 20 тыс. чел.³ Среди них были бойцы 4 всесоюзных, 29 республиканских, краевых и областных комсомольских отрядов. В Северобайкальск прибыл Всесоюзный ударный отряд «Молодогвардеец» в составе 335 добровольцев из Молдавии и Украины. Работой комсомольских организаций руководил штаб ЦК ВЛКСМ на Бурятском участке БАМ (Б. Балбаров, О. Очертаров).

В 1983 г. в подразделениях треста НАТС трудились посланцы 6 союзных, 4 автономных республик, 2 краев и 4 областей. Более 40 % строителей составляла молодежь в возрасте до 30 лет. Прославили себя трудом и общественной активностью отряды им. XVII, XVIII, XIX съездов ВЛКСМ, им. XXVI съезда КПСС, «Комсомолец Ленинграда», «Комсомолец Эстонии», «Комсомолец Бурятии», «Комсомолец Молдавии». Сооружение БАМ играло роль социального «клапана»: массовое движение молодежи на «стройку века» разряжало социальную напряженность в центральных районах страны, создавало возможности для самореализации молодого поколения.

В мае 1980 г. был сформирован отряд «Комсомолец Бурятии» из 111 бойцов, которые составили

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 10.

² Там же, д. 9116, л. 15; д. 8822, л. 12.

³ Там же, д. 8971, л. 4.

Строители Бурятского участка БАМ

костяк СМП-670. Командиром отряда был назначен Л. Бороев, комиссаром – М. Кокорин. Местом постоянной дислокации «Комсомольца Бурятии» стал пос. Таксимо, который в дальнейшем превратился в крупную узловую железнодорожную станцию с объектами жилья и соцкультбыта. На стройке трудились представители 77 национальностей¹.

БАМ строила вся страна. Более 60 министерств и ведомств, сотни предприятий-поставщиков, проектных и научных организаций обеспечивали бамовцев всем необходимым. Ленинградский завод «Звезда» поставлял передвижные электростанции «БАМ-500», Калининский, Воронежский и Костромской экскаваторные заводы – экскаваторы, Челябинский тракторный – бульдозеры, Челябинский завод дорожных машин – автогрейдеры, из Тюмени и Новосибирска на БАМ присылали бетоносмесители, из Рустави и Никополя – башенные краны. Новокузнецкий металлургический комбинат

обеспечивал бесперебойную поставку рельсов. По Транссибирской магистрали на перевалочную станцию Таловка нескончаемым потоком поступали разнообразные грузы для Бурятского участка магистрали.

В связи с этим одной из первоочередных задач в 1975–1977 гг. стало установление транспортных связей и коммуникаций. Завоз всех грузов от Транссиба в район строительства обеспечивался наземным, водным и воздушным путями. Основная тяжесть перевозок приходилась на долю автомобильного транспорта. С весны 1974 г. тяжелые грузы и оборудование перевозились по Баргузинскому тракту до Курумкана. Объем перевозок ежемесячно возрастал, увеличивались вес и габариты грузов. По этой единственной круглогодичной дороге общей протяженностью 700 км, связывающей Транссиб и север Бурятии, перевозили гусеничные экскаваторы, бульдозеры, буровые станки и другое тяжеловесное оборудование. Общий вес автопоездов достигал 40–50 т. В 1975 г. до Уояна и Севе-

¹ Правда Бурятии. – 2009. – 18 июня.

ромуйского тоннеля автомобильным транспортом было доставлено 70 тыс. т грузов¹.

Для увеличения пропускной способности Баргузинского тракта, по которому ежедневно курсировали до 1 тыс. автомобилей большой грузоподъемности, было реконструировано полотно автодороги на участке от Таловки до Баргузина, укреплено 32 малых и средних моста, построено несколько больших мостов. В насыпь автодорог было перемещено около 3 млн. куб. м грунта, уложено 80 металлических гофрированных водопропускных труб, построено более 60 мостов. На трассе были организованы места остановок, отдыха и питания водителей, построены пункты техобслуживания и автозаправочные станции. Огромные масштабы перевозок потребовали значительного расширения автомобильного парка. В 1977 г. в строительных организациях Бурятского участка БАМ насчитывалось 1214 автомашин.

К началу строительства Бурятского участка на севере Байкала было всего 8 км проселочной дороги и десятки верст оленьих троп. Поэтому насущной задачей стало создание сети постоянных и временных автомобильных дорог, связывающих разные участки строительства. Строительство притрассовой автодороги от Нижнеангарска до западного портала Байкальского тоннеля с 1976 г. обеспечило круглогодичный проезд от Усть-Кута до Нижнеангарска. Сооружение участков притрассовой автодороги от Уояна до восточного портала Северомуйского тоннеля и от Нижнеангарска до Нового Уояна связало между собой оба тоннеля, обеспечив доставку грузов на Северомуйский тоннель². В связи с началом сооружения БАМ республиканское предприятие Бурятавтодор (начальник И. С. Гринчишин) приступило к строительству сети автомобильных дорог в Северобайкальском районе. В 1978 г. была построена гравийная дорога Нижнеангарск – пос. Верхняя Заимка, затем началось строительство участка дороги Северобайкальск – с. Байкальское. По берегу Байкала параллельно мысовым тоннелям была построена автодорога с асфальтобетонным покрытием протяженностью 20 км. Дорожные работы выполнялись трестами «Нижнеангарсктрансстрой», «ЗапБАМстроймеханизация», «Мостострой-9». Их подразделения прокладывали дороги к эвенкийским селам Холодное, Байкальское, Верхняя Заим-

ка, Старый Уоян, вели строительство и реконструкцию притрассовой дороги от Северобайкальска в сторону перевала Даван, к границе с Иркутской областью. В 1977 г. строители НАТС ускоренными темпами прокладывали притрассовую дорогу к р. Витим. Большой вклад в развитие дорог внес СМП-708, построивший асфальтобетонные заводы в Северобайкальске и Новом Уояне. Всего на Бурятском участке БАМ дорожники Бурятии приняли на баланс 466 км реконструированных и вновь построенных дорог, в т. ч. 174 км с асфальтобетонным покрытием. Из 83 мостов общей длиной 3505 пог. м 33 моста длиной 2848 м были перестроены на постоянные железобетонные³.

На начальном этапе строительства автотранспорт не мог полностью обеспечить своевременную доставку грузов к местам дислокации бамовских подразделений, и грузы перевозили по летнему водному пути по Байкалу, байкальской ледовой трассе и зимникам. Водный путь по Байкалу и Верхней Ангаре стал важнейшим элементом развивающейся транспортной схемы, созданной при строительстве БАМ, при этом использовались суда Нижнеангарского рыбзавода и Восточно-Сибирского пароходства. Тоннельщики освоили водный путь по Верхней Ангаре: с помощью байкальской флотилии они провели баржи с грузом до Уояна⁴. Небольшая пропускная способность порта Байкал позволила за короткую летнюю навигацию перевезти около 2 тыс. т техники, щитовых домов, вагончиков и другого оборудования⁵. В навигацию 1975 г. по Байкалу было перевезено уже 39 тыс. т грузов, но и этого было недостаточно. При возрастающих объемах водных перевозок без сооружения новых судов и строительства дополнительных причалов на Байкале невозможно было сделать плановый выход к Байкальскому и Северомуйскому тоннелям.

Учитывая огромную значимость быстрой и экономичной доставки грузов для сооружения тоннелей на Бурятском участке, Совет Министров СССР в 1975 г. принял специальное постановление, которое обязывало министерства судостроительной промышленности, транспортного строительства и речного флота РСФСР построить новые суда и причалы в Култуке. Для обеспечения водных пере-

³ Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 137–138.

⁴ В сердце моем БАМ... – С. 46.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8141, л. 37.

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 11.

² Там же, л. 6, 13, 7а.

возок по Байкалу было построено и реконструировано 10 пирсов в Северобайкальске, Култук, Усть-Баргузине, Нижнеангарске, в порту Байкал. Запуск в строй в 1976 г. этих объектов позволил перевезти в навигацию уже 110 тыс. т оборудования и материалов и обеспечить выход к Байкальскому и Северомуйскому тоннелям¹.

Строительство судов для БАМ стало важнейшей задачей коллектива Улан-Удэнского судостроительного завода (директор Н. А. Розанов). Судостроители Бурятии провели полную реконструкцию производства и при участии Пермского судостроительного завода досрочно построили 5 буксиров и 8 барж. В сентябре 1975 г., на 9 месяцев раньше срока, головной буксир «Улан-Удэ» был спущен на воду². В навигацию были перевезены передвижные электростанции, компрессоры, краны и другие механизмы, сборные дома-вагончики, землеройные машины, сборные конструкции и горюче-смазочные материалы. Всего по Байкалу за период с 1974 по 1985 г. на Бурятский участок было доставлено более 1,6 млн. т строительных грузов и горюче-смазочных материалов³.

Короткий период летней навигации на Байкале обусловил максимальное использование других возможных вариантов при доставке грузов на строительство тоннелей: переброску грузов в зимний период по дорогам, прокладываемым в глухой тайге и по льду Байкала. В конце 1974 г. группа во главе с главным инженером СМП-572 Б. Д. Федоровым вышла из Улюнхана пробивать «пролаз» в горнотаяжной глуши до села Уоян, где уже строилась грунтовая дорога Тазы – Уоян. Только в начале февраля 1975 г. ценой невероятных усилий они достигли пункта назначения. В канун 1976 г. мехколонны треста «ЗапБАМстроймеханизация» пробили через тайгу со стороны Усть-Кута притрассовую автодорогу к Северобайкальску и Нижнеангарску протяженностью 300 км⁴. Так был открыт путь для доставки механизмов, техники и оборудования к Байкальскому тоннелю и Нижнеангарску. Уже в январе 1976 г. по зимнику, проложенному бульдозеристами СМП-575, первая колонна с грузами пробила через Байкальский хребет в поселок строи-

телей на мысе Курлы⁵. Одними из тех, кто осваивал зимник из Усть-Кута до Северобайкальска, была комсомольско-молодежная бригада В. И. Цивилева из автобазы треста «Нижнеангарсктрансстрой».

При создании транспортной схемы на Бурятском участке особое внимание уделялось ледовой дороге по Байкалу, по которой с начала февраля до середины апреля можно было перебрасывать на север необходимые грузы. В феврале 1975 г. несколько водителей во главе с начальником автобазы НАТС В. П. Слоневским впервые проложили ледовую трассу по Байкалу, после чего начались интенсивные ледовые перевозки. За два с половиной месяца существования трассы на мыс Курлы и в Нижнеангарск было доставлено свыше 5 тыс. т грузов. В марте, когда лед набрал наибольшую прочность, механизаторы из МК-137 перегнали по Байкалу пять 100-сильных бульдозеров⁶. В 1976 г. Бурятавтодор обустроил по Байкалу ледовую дорогу Усть-Баргузин – Нижнеангарск протяженностью 296 км. Сотрудникам дорожной службы пришлось самим разработать инструкцию по устройству, содержанию и обеспечению безопасности движения транспорта по ледовой дороге, выполнить большой объем подготовительных работ⁷. Зимники и ледовая дорога по Байкалу существовали почти 3 года, пока стальная колея, укладываемая строителями Западного участка от Усть-Кута, не подошла к границе Бурятии.

С началом строительства БАМ возросла потребность в авиационном обслуживании отдаленных и труднодоступных районов севера Бурятии. В условиях бездорожья большую помощь бамовским строителям оказал коллектив Улан-Удэнского авиапредприятия (руководитель Г. Н. Пономаренко). Только за 9 месяцев 1974 г. на БАМ было перевезено более 1 тыс. пассажиров, доставлено 190,5 т груза. Общий налет самолетами и вертолетами составил 1760 часов. Экипажи вертолетов Ми-8 (командиры Меркушин, Кочетов) и Ми-4 (командиры Ребров, Цыремпилов и др.) перебрасывали десанты, доставляли технику, продовольствие, горючее, строительные материалы в самые труднодоступные места. Большой объем перевозок был выполнен экипажами самолетов Ан-2 (командиры Таболин, Шомоев, Рудаков)⁸.

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 8.

² В сердце моем БАМ... – С. 17.

³ БАМ продолжается... – С. 8.

⁴ В сердце моем БАМ... – С. 53.

⁵ Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 23.

⁶ В сердце моем БАМ... – С. 45.

⁷ Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 138.

⁸ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8141, л. 11.

Вертолет – надежный транспорт для доставки грузов на строительстве БАМ

Для обеспечения строительства необходимо было улучшить состояние грунтовых аэродромов. В сложных географических условиях авиаторы Бурятии провели реконструкцию и расширение существующих аэропортов в Нижнеангарске и Уояне и построили новые – в Северомуйске и Таксимо, реконструировали взлетную полосу в Усть-Баргузине и Ангарагане. К концу 1976 г. коллективы Северобайкальского ремонтно-строительного участка и СМП-575 закончили строительство пристроя к аэровокзалу Нижнеангарского аэропорта, а коллектив МК-160 удлинил взлетно-посадочную полосу. Вскоре авиарейсы в Нижнеангарск стали выполняться на самолетах Ан-24¹. В августе 1977 г. коллективы СМП-597 и МК-139 построили новый аэропорт в Северомуйске. Высокогорный рельеф местности делал почти невозможным строительство аэропорта для приема больших самолетов, однако острая потребность БАМтоннельстроя – заказчика, проектировщика и подрядчика – в воздушном сообщении позволила решить, казалось, неразрешимую проблему. Для удлинения существовавшей взлетной полосы, прежде пригодной только для самолетов Ан-2, была проведена срезка склона горы и отсыпка откосов². Реконструкция и строительство аэропортов обеспечили надежную транспортную связь Бурятского участка БАМ с индустриально развитыми районами страны. Непосредственное участие в решении сложных вопросов реконструк-

ции и строительства аэропортов принимали заместители командира авиапредприятия А. П. Абашеев и Ю. А. Яуров.

С притоком населения на Бурятский участок, появлением вдоль строящейся магистрали поселков совершенствовалась организация транспортного обслуживания: появлялись новые авиалинии, увеличивалось число пассажирских рейсов, возрастал объем грузов, перевозимых самолетами Ан-24, Ил-14, Ан-26. В 1975 г. начала действовать постоянная авиасвязь между Уояном и Нижнеангарском, в 1978 г. авиалинии связали Улан-Удэ и Северомуйск³.

В 1983 г. коллективы СМП-708 и СМП-607 приступили к реконструкции аэропорта Нижнеангарск, который, будучи «перевалочной базой» для воздушных десантов, уже не соответствовал современным требованиям и не справлялся с возрастающим потоком пассажиров. В 1987 г. строители БАМ получили воздушное сообщение с Улан-Удэ, Иркутском, Братском, Усть-Кутом и далее со всей страной. В 1990 г. новый аэропорт в поселке Таксимо начал принимать самолеты Ан-24.

В процессе строительства БАМ постоянно внедрялись новейшие достижения научно-технического прогресса. Механовооруженность бамовских строительных подразделений была одной из самых высоких в стране. Только в 1975–1976 гг. бамовцы получили 743 одноковшовых и 82 многоковшовых отечественных экскаваторов, 435 бульдозеров, 320 автогрейдеров⁴.

Огромные масштабы перевозок на Бурятском участке потребовали значительного расширения автомобильного парка. К концу 1975 г. только в СМП-572 и ТО-11 насчитывалось соответственно 200 и более 150 машин. В 1975 г. в БТС имелся 341 автомобиль⁵. С сентября 1976 г. на стройку стали прибывать КамАЗы.

В 1977 г. в бамовских подразделениях работали 86 экскаваторов, 112 бульдозеров, 119 автомобильных кранов. В 1979 г. на строительстве уже использовалось более 2,5 тыс. автомобилей большой грузоподъемности. В БТС на строительстве тоннелей только подземного оборудования для бурения, погрузки, откатки и бетонирования име-

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 19.

² Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 146.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 9172, л. 13.

⁴ Соболев Ю. А. Зона БАМ: пути экономического развития. – М.: Мысль, 1979. – С. 137.

⁵ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8431, л. 12; ф. Р-1880, оп. 1, д. 17, л. 5.

лось более 850 единиц¹. В дальнейшем механовооруженность НАТС и БТС продолжала расти. В 1984 г. в НАТС строительные работы велись с использованием 71 экскаватора, 101 бульдозера, 165 кранов всех марок, 750 грузовых автомашин, 64 бетономешалок, 14 штукатурных станций². Наряду с другими факторами наличие огромного парка дорожно-строительной техники позволило сократить сроки и повысить качество строительных работ.

На строительстве БАМ впервые в отечественной практике в массовом масштабе применялась импортная техника. Зарубежные фирмы поставляли на стройку свои машины и оборудование — автомобили и самосвалы «Магирус», прицепы «Кегель (ФРГ)», бульдозеры «Интернешнл Хорвестер», тракторы «Катерпиллер» (США), экскаваторы «Като», бульдозеры «Комацу» (Япония). Импортная техника начала прибывать на БАМ с конца 1974 г., после подписания контракта с западногерманской фирмой «Магирус». Вслед за тем на стройке стали появляться машины и оборудование различных зарубежных фирм. Поставки импортной техники проводились в 3–4 приема до 1980 г. С ее помощью был выполнен большой объем строительно-монтажных работ, грузовых перевозок, проходки тоннелей. К 1982 г. на Бурятском участке работали приблизительно 1,5 тыс. «Магирусов»³. Они использовались для перевозки строительных материалов по бездорожью из Усть-Кута до Северобайкальска. С 1979 по июль 1983 г. на «Магирусах» было перевезено 23, 8 млн. т грузов⁴.

Тоннели БАМ стали испытательным полигоном для зарубежной техники. В забоях и на строитель-

Первый поезд на Бурятском участке БАМ

ных площадках «БАМтоннельстроя» применялись буровые рамы «Фурукава», металлические опалубки «САГА-КОГИО» (Япония) и «Тамрок» (Финляндия), станки разведочного бурения «Диамек» (Швеция) и «Тони-Боринг» (Япония), горнопроходческий комплекс «Роббинс» (США), механизированные щиты фирмы «Вирт» (ФРГ). Применение импортной техники играло роль дополнительного, но отнюдь не определяющего фактора: 90 % работ на проходке тоннелей было выполнено на отечественной технике и механизмах⁵. В то же время оптимальное использование наиболее совершенной техники отечественного и зарубежного производства позволило уменьшить затраты труда, выиграть время, ускорить проходку тоннелей.

Создание разветвленной транспортной схемы в отдаленных труднодоступных местах севера Бурятии стало одной из героических страниц в летописи строительства Бурятского участка БАМ.

Строители получили надежную транспортную связь с другими регионами страны, которая обеспечила поступление на стройку современной техники и оборудования. Это способствовало ускоренному освоению трассы и позволило приступить непосредственно к укладке железнодорожных путей и горнопроходческим работам на тоннелях.

¹ Транспортное строительство. — 1984. — № 10. — С. 38.

² БАМ продолжается... — С. 8.

³ Северный Байкал. — 1982. — 26 июня.

⁴ Текущий архив автобазы треста «Нижнеангарсктрансстрой». Отчет о производственной деятельности за 1983 г.

⁵ Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... — С. 35.

Большая заслуга в обеспечении и реализации государственной программы строительства и хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали принадлежала партийным, профсоюзным, комсомольским организациям стройки, хозяйственным руководителям, специалистам, которые эффективно решали появляющиеся проблемы, внедряли новые формы организации труда, создавали условия для творчества и новых инженерно-технологических решений. Среди них были В. М. Анисимов, Б. Б. Бадмацыренов, В. А. Бодров, Л. Бороев, А. В. Битуев, Е. Я. Голод, Ю. П. Гусев, Ю. Д. Дондуков, С. Н. Иваньев, Г. Б. Имыкшенов, А. П. Кравченко, Н. И. Крючков, Р. Н. Козлов, В. Д. Кутузов, В. Н. Линейцев, Е. Ю. Лудупова, С. В. Лысцев, П. Т. Манзаров, Р. П. Мухаров, В. Нехланов, А. И. Подзарей, А. П. Романов, В. А. Рубан, А. А. Сафонов, В. А. Скарга, А. А. Фоменко, В. Д. Цыденов, Д. Ц. Цыренов, П. Ч. Шобогоров и др.¹

В 1978 г. строители Бурятского участка встретили стальную колею на границе Иркутской области, на вершине байкальского хребта – Даван. С этого времени началось непосредственное строительство магистрали – укладка рельсов на земле Бурятии. Строительство железной дороги было поделено на участки: Даван – Северобайкальск, Северобайкальск – Кичера, Кичера – Новый Уоян, Новый Уоян – Муякан, Муякан – Таксимо, Таксимо – Витим. В октябре 1979 г. первый поезд прибыл в Северобайкальск. Уже в 1982 г. был принят в постоянную эксплуатацию участок Лена-Восточная – Кунерма, протяженностью 247 км. В декабре 1983 г. поезд прибыл на станцию Таксимо, последнюю на Бурятском участке.

В октябре 1984 г. у разъезда Балбухта (Читинская область) произошла стыковка Бурятского и Читинского участков. Строительство завершила бригада Героя Социалистического Труда А. Бондаря. За 1974–1984 гг. коллектив строителей Бурятского участка БАМ уложил 615 км железнодорожных путей. Была завершена самая трудоемкая часть работы, в ходе которой было освоено 60 % капиталовложений. С укладкой «золотого звена» Байкало-Амурская магистраль стала единым целым на всем протяжении. Однако работа на железной дороге на этом не прекратилась: необходимо было сдать ее в постоянную эксплуатацию.

В 1986 г. строители ввели в эксплуатацию железнодорожную линию Байкальский тоннель – Северобайкальск протяженностью 56,8 км с электрификацией, автоблокировкой, электрической централизацией с Байкальским тоннелем, локомотивное депо на 250 ремонтов в год, 5 км станционных путей, уложили второй путь обхода Северомуйского хребта в 56 км с 40-градусным уклоном и другие объекты. В 1987 г. тресту «Нижнеангарсктрансстрой» предстояло ввести пусковой комплекс до ст. Уоян (179 км), в 1988 г. – до ст. Ангаракан (101 км), в 1989 г. – до Витима (188 км).

Однако не все, что было запланировано, строители смогли выполнить. Коллективы строительно-монтажных поездов 607, 597, 651 в течение года не приступили к работе на разъездах Дзелинда, Кирон, Огдында, Анамакит. На строительстве противообвальных галерей в районе Мысовых тоннелей не выполнили целевые задачи СМП-708, 581, МО-52. Подразделения треста НАТС допустили удорожание стоимости строительно-монтажных работ (СМР) на 7,12 %². Все это стало причиной неритмичной работы в начале 1987 г. Коллективы, занятые на открытой трассе Северо-Муйского хребта, должны были освоить 16 млн. руб., однако к началу 1987 г. они недоосвоили 4,5 млн. Летом 1986 г. на объекте работала всего одна МК-161, затем сюда прибыли еще 6 коллективов. На открытой трассе Северомуйского хребта в 1987 г. работали 14 мехколонн, 7 мостоотрядов, 3 спецуправления взрывников³.

Пусковой комплекс Северобайкальск – Уоян содержал около 740 больших и малых объектов. В него входили 4 мысовых тоннеля, электрификация пути, станции Нижнеангарск-2, Кичера, Ангоя, Уоян, 3 школы, 3 детских сада, 99 мостов, в т. ч. один из самых крупных на трассе мост через р. Верхнюю Ангару, тяговые подстанции, природоохранные и другие объекты. На пусковом комплексе Северобайкальск – Уоян были заняты 8 подразделений треста НАТС, 9 субподрядных организаций, 3 шефских – всего 790 чел. На пусковом перегоне работали 5 комсомольско-молодежных коллективов треста. В их составе было 228 чел., из них 197 – молодежь до 30 лет. Однако многие объекты не были укомплектованы трудовыми, материальными и техническими ресурсами, поэтому на сдаточ-

² Текущий архив «Нижнеангарсктрансстрой». Отчет о производственной деятельности за 1987 г., л. 27.

³ Правда. – 1987. – 12 июля.

¹ В сердце моем БАМ... – С. 14.

ный комплекс были переведены коллективы строителей с Западного участка – МК-131 и МК-161.

Для выполнения плановых заданий на сдаточных объектах стали проводиться конкурсы профессионального мастерства. Первый конкурс был проведен в июле 1987 г. в Кичере. В результате конкурса пожарное депо в Кичере, отделочные работы которого могли занять месяц-полтора, было сдано за 4 дня. Первое место в конкурсе штукатуров-маляров заняло звено из СМП-669 в составе Л. Н. Сардановой и Е. Н. Брижановой¹. Второй конкурс был проведен на разъезде Анамакит. Средняя производительность труда на нем составила 150–160 %. Победителями конкурса стали М. М. Антонова (СМП-575), М. В. Билюкова, Л. Ф. Копылова (ЖКО)².

Строительство БАМ шло в сложных физико-геологических условиях, без тщательного инженерного изучения и проектирования. Лишь около 20 % объектов были обеспечены научными и проектными разработками³, поэтому в ходе строительства нередко появлялись технические сложности, ускоренные сроки строительства отчасти снижали его качество. До 1980 г. планы строительно-монтажных работ ежегодно перевыполнялись. Но в 1980 г. из запланированных 117 км пути было уложено 63 км. Укладка пути задерживалась из-за неготовности земляного полотна, мостов и других сооружений⁴. План 1981 г. также не был выполнен. Было допущено удорожание строительных работ на 5 млн. руб. На строительство производственных зданий, мастерских, депо, материально-технических складов было направлено свыше 10 млн. руб.

Вместе со строительством основного пути проводилась электрификация железной дороги. Первую опору в 1984 г. на Даване установила комсомольско-молодежная бригада под руководством Н. Старкова из СМП-651, которая специализировалась на установке опор и жестких поперечин. Коллектив заключил с администрацией треста НАТС договор на электрификацию всего Бурятского участка БАМ. Установку контактных опор кроме СМП-651 проводил СМП-656. Тысячную опору контактной сети установили на разъезде Ангоя в 1987 г. 30 сентября 1987 г. со ст. Северобайкальск в сторону Уояна от-

правился первый электровоз. Поезд с 6 пассажирами, членами государственной комиссии, вели машинист В. Филиппов и помощник машиниста Н. Лазоренко.

Трасса БАМ вводилась поэтапно, готовые участки поступали во временную эксплуатацию для транспортировки грузов. 1 октября 1980 г. Байкало-Амурская железная дорога была разделена на 3 отделения: Северобайкальское, Тындинское и Ургальское. В состав Северобайкальского отделения вошла дорога от Усть-Кута (Иркутская область) до Хани (Якутская АССР).

Поскольку железная дорога находилась во временной эксплуатации, скорость движения поездов составляла всего 40 км в час, вес и длина поездов были также небольшими. С 1981 г. по частям началась сдача железнодорожного пути в постоянную эксплуатацию. К 1985 г. эксплуатационная длина главных путей, по которым ходили поезда, составила 329 км, в постоянной эксплуатации находилось 257 км⁵. Одновременно шло становление хозяйственных подразделений дороги. С января 1986 г. Северобайкальское отделение дороги стало работать в условиях постоянной эксплуатации.

Увеличение грузооборота тормозилось по ряду причин. На участке Даван – Северобайкальск, открытом для движения поездов в 1979 г., путь не был поставлен на слой балласта под шпалами, концы шпал были оголены, не было закончено строительство мостов, временных пролетов. Все это снижало скорость движения по участку до 40 км в час, а по недостроенным мостам – до 15 км вместо положенных 50⁶. Отделение дороги вынуждено было выполнять несвойственную ему работу: вести ремонт земполотна и других сооружений. В штат отделения были включены путевыправочные колонны, колонны по ремонту и содержанию земляного полотна и т. д.

До 1984 г. сложным местом для железнодорожников был перевал Даван. До Кунермы тепловоз вел состав в 2,8 тыс. т, на Даване груз сокращали до 2 тыс., к составу дополнительно цепляли 3 локомотива. 20 января 1984 г. первый грузовой поезд, которым управлял машинист Северобайкальского

¹ Правда. – 1987. – 12 июля.

² Северный Байкал. – 1987. – 15 сент.

³ Правда. – 1987. – 14 авг.

⁴ Текущий архив «Нижнеангарсктрансстрой». Отчет о производственной деятельности за 1981 г., л. 12.

⁵ Текущий архив «Нижнеангарсктрансстрой». Отчет о производственной деятельности за 1984 г., л. 24.

⁶ Байкало-Амурская магистраль на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона. К 25-летию начала строительства БАМ. – Улан-Удэ, 1999. – С. 57.

отделения А. П. Витер, открыл движение сквозь Байкальский хребет по 7-километровому тоннелю.

Вожение тяжелых поездов велось на всех 3 отделениях дороги. В Северобайкальском отделении 50,6 % общих затрат времени оборота рабочего парка вагонов приходилось на грузовые операции, в основном перевозили лес и строительные материалы. Ходили и пассажирские поезда: сначала только 2 поезда Усть-Кут – Кунерма и Северобайкальск – Даван. В 1985 г. появились 2 прицепных вагона Северобайкальск – Красноярск и Северобайкальск – Москва.

В 1980-е гг. в локомотивном хозяйстве работала почти четвертая часть всего контингента железнодорожников, здесь была сосредоточена значительная часть основных производственных фондов, на него приходилось более 1/3 эксплуатационных расходов и свыше 30 % балансовой прибыли линейных транспортных предприятий. Самые мощные электропоезда, выпускаемые в стране, – ВЛ-85 – работали на стройке БАМ. Действовал пункт технического осмотра и ремонта, на ст. Киренга были построены базы экипировки локомотивов. Сооружение контейнерной площадки на ст. Северобайкальск позволило прекратить доставку контейнеров автомобилями за 350 км по бездорожью от Усть-Кута. С 1986 г. отделение перешло на электрическую тягу. Грузовая работа на электротяге выполнялась на 86 %, пассажирское движение – полностью¹.

В 1990 г. Северобайкальское отделение приняло весь участок железнодорожной линии на электровозной тяге от Северобайкальска до Хани, протяженностью 700 км главного пути с 12 благоустроенными поселками.

Одновременно со строительством дороги шло сооружение населенных пунктов с современной социальной инфраструктурой. Вначале создавались временные поселки строителей с элементарным набором объектов социально-бытовой сферы, были организованы ведомственные службы торгового, медицинского и культурного обслуживания, укреплялась материально-техническая база местных учреждений. Резкий приток населения в притрасовую зону обусловил отставание в развитии социальной инфраструктуры. Объекты соцкультбыта сооружались преимущественно во временном исполнении, складывающаяся система жилищно-

коммунального хозяйства и торгово-бытового обслуживания не отвечала потребностям растущего населения региона.

При постоянном перевыполнении заданий основного производства планы строительства жилья и объектов соцкультбыта регулярно срывались. В первые 5 лет строительства БАТС не сдал в эксплуатацию 60 тыс. кв. м жилья, в результате чего около 40 % строителей продолжали жить в вагончиках и временках. Особенно тяжелое положение сложилось у тоннельщиков. В 1977 г. для тоннельщиков было возведено 60 % жилья от плана, в 1978 – 55,6 %, а в 1979 – только 23 %. Тоннелестроители были вынуждены сами строить себе жилье. В 1977–1978 гг. силами БАМтоннельстроя было сдано 100 жилых домов на 32,8 тыс. кв. м². Такая ситуация в строительстве жилья продолжалась весь период и была обусловлена запаздыванием поступления деталей щитовых домов, неукomплектованностью строительных подразделений кадрами, просчетами в проектировании.

17 ноября 1975 г. был утвержден проект строительства г. Северобайкальска на мысе Курлы, подготовленный ленинградским институтом «Ленгипрогор». Основным подрядчиком стал трест «ЛенинградБАМстрой». Ленинградские строители возвели в городе более 90 тыс. кв. м добротного жилья, построили ряд объектов социально-культурного назначения: 2 школы, 4 детских сада, административные и транспортные здания, железнодорожный и автомобильный вокзалы и ряд других². Северобайкальск превратился в современный город с развитой транспортной, промышленно-торговой и социально-бытовой инфраструктурой, учреждениями культуры и образования. Всего на трассе появилось 11 поселков. Во всех были созданы условия для нормальной жизни населения: работали магазины, столовые, школы, детские сады, пионерские лагеря, учреждения здравоохранения.

Союзные республики взяли шефство над строительством поселков. Кичеру строили шефы из Эстонии, Уоян – из Литвы, Янчукан – из Армении, Ангою – из Азербайджана и т. д. Шефы из Литвы возвели в пос. Новый Уоян детский сад, общеобразовательную школу, общежитие железнодорож-

¹ Текущий архив Северобайкальского отделения БАМ. Отчет о производственной работе за 1986 г., л. 31.

² Байкалов Н. С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМ (1974–1989 гг.). – Улан-Удэ, 2007. – С. 49.

³ В сердце моем БАМ... – С. 36.

Они построили Бурятский участок БАМ

ников, очистные сооружения, инженерные сети, 2 трансформаторные станции, пост электрической централизации при железнодорожном вокзале. Большая часть строительного материала в Уоян поступала из Литвы. За 7 лет участия в строительстве БАМ коллектив СМП «ЛитваБАМстрой» создал свою строительную базу, в составе которой имелся бетонный узел, арматурный и столярный цехи и другие объекты. В октябре 1987 г. станция Новый Уоян стала работать в режиме постоянной эксплуатации¹. На помощь строителям СМП «Таллинстрой» прибыли специалисты из Нарвы, Тарту, Пярну и Кохтла-Ярве. В летние каникулы в Кичере работал студенческий стройотряд «Эстстудбамдизайн» из Таллинского художественного института. Будущие дизайнеры оформили внутренний интерьер школы и вокзала.

Однако в целом темпы строительства жилья и объектов соцкультбыта были низкими, по сравнению с темпами сооружения магистрали и прито-

ком населения в зону БАМ. Развитие материально-технической базы торговли и бытового обслуживания отставало от потребностей строителей. Обеспеченность торговыми площадями в 1979 г. составляла: магазинов – 60 %, столовых – 75 %, холодильников – 50, общетоварных складов – 64 % к существовавшим нормативам. В 1980 г. УРС состоял из 10 ОРСов, центральной торговой базы и автобазы на 250 грузовых автомобилей. В коллективе работало более 4 тыс. чел., торговое обслуживание обеспечивали 374 повара, 576 продавцов, 82 пекаря и 80 кондитеров.

Большинство предприятий службы быта на Бурятском участке БАМ были маломощными, слабо оснащенными инвентарем и материалами. В первые годы строительства магистрали районный комбинат бытового обслуживания не мог справиться с возрастающей нагрузкой и запросами прибывающего населения. В 1979 г. было открыто 3 дома быта: в Северомуйске, Новом Уояне, Северобайкальске. В 1985 г. в системе бытового обслуживания было уже

¹ Северный Байкал. – 1987. – 26 сент.

Бригада строителей у портала Мысового тоннеля. 1982 г.

6 домов быта и 75 мастерских. В 1989 г. в районе действовало 23 парикмахерских, 12 прокатных пунктов и 6 фотоателье. В целом же объем реализации бытовых услуг был значительно ниже (20 руб. на 1 чел.), чем в среднем по РСФСР (31,5 руб.)¹.

В первые годы строительства магистрали медицинские услуги в прилегающей зоне оказывали ЦРБ в Нижнеангарске, участковые больницы в селах Уоян, Кумора и Байкальское и 5 фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП). В условиях бездорожья по всей трассе были оборудованы вертолетные площадки, организован филиал санитарной авиации. В дальнейшем сеть учреждений здравоохранения развивалась. В 1977 г. в Новом Уояне была открыта участковая больница со стационаром на 50 коек, в 1983 г. сдан в эксплуатацию новый больничный комплекс на 150 коек. К 1985 г. медицинские услуги на Бурятском участке БАМ оказывали 4 железнодорожные больницы, центральная районная больница Северо-Байкальского района, 9 амбулаторий, 26 ФАП и здравпунктов². Укрепились их материально-техническая база, увеличилось число медицинских работников, среди которых было много специалистов высокой квалификации. В то же время не хватало финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

Одним из самых сложных объектов БАМ была проходка 10 тоннелей, из которых 8 приходилось на Бурятский участок. Они отличались большой протя-

женностью, сложными природно-климатическими, топографическими, инженерно-, гидрогеологическими и сейсмическими условиями строительства. Впервые в мировом тоннелестроении проходка велась в грунтах, скованных вечной мерзлотой, соседствующей с термальными водами. Общая протяженность этих подземных сооружений чуть более 30 км, менее сотой части всей дороги, но затраты по трудоемкости составляли ее шестую часть.

Создание строительной и жилищной базы позволило тоннельщикам в 1976 г. приступить к проходке тоннелей. В начале года был закончен цикл подготовительных работ на площадке вертикального ствола Байкальского тоннеля, что позволило шахтерам из Караганды приступить к основным горнопроходческим работам. В течение 4 лет коллективы ТО-19 (начальник А. Г. Вихрь), ТО-12 (А. Г. Манюков), ТО-21 (Н. А. Твердохлебов) пробивали Байкальский хребет. В процессе проходки тоннельщики столкнулись с десятками разломов, из которых хлестала попеременно то ледяная, то термальная вода. Несмотря на это, бригада В. Р. Толстоухова вышла на скорость проходки в 75 м в месяц – это был первый бамовский рекорд. Затем бригада Ю. Д. Бардаченко установила новый рекорд, 138 м, доказав, что резерв увеличения скорости проходки – в изменении, уплотнении процессов бурения, откатки, зачистки и крепления³. В результате сквозная сбойка Байкальского тоннеля была завершена на год раньше срока – 6 февраля 1981 г. Летом 1983 г. в тоннеле легли рельсы. В августе 1984 г. Байкальский тоннель длиной 6,7 км был сдан в эксплуатацию и через него пошли грузовые поезда. В 1985 г. прошел первый пассажирский экспресс.

В феврале 1979 г. ТО-16 (начальник А. И. Подзарей), передислоцировавшийся из Якутии, начал врезку на 4 мысовых тоннелях, общая протяженность которых вместе с галереями составляла 5,3 км. Тоннели впервые сооружались двухпутными. Они строились в более благоприятных условиях, чем другие тоннели, – с хорошими транспортными связями и близкими снабженческими базами. Мысовые тоннели строились 8 лет и были сданы в эксплуатацию в 1987 г.

На строительстве Байкальского тоннеля впервые в отечественной практике была применена временная железобетонная анкерная крепь, что дало большую экономию металла и трудовых затрат.

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8862, л. 15.

² Байкалов Н. С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМ... – С. 71.

³ НАРБ, ф. П-1, оп. 1, д. 8575, л. 8.

Усложнение работ при проходке тоннелей требовало специальных конструкций крепей, отделок и способов сооружения, обеспечивающих устойчивость тоннелей на всех стадиях строительства и эксплуатации, особенно в зонах тектонических разломов. Эти задачи инженерам БТС пришлось решать по ходу строительства, постоянно совершенствуя методы проходки.

При сооружении Байкальского тоннеля были освоены новые методы ведения горнопроходческих и бетонных работ, что позволило впервые в стране перевести работу тоннельщиков на хозяйственный расчет. Первыми перешли на этот метод рабочие участка № 1 (начальник В. М. Янковский). Прогрессивный метод коллективного труда позволил заинтересовать в конечном результате рабочих всех специальностей: проходчиков, откатчиков, слесарей, механиков, электриков. В 1983 г. хозяйственным способом было выполнено около 80 % общего объема строительно-монтажных работ. Экономия составила 0,5 млн. руб. На мысовых тоннелях впервые в отечественной практике была внедрена автоматизированная система управления технологическим процессом (АСУТП). Все это впоследствии пригодилось при строительстве Северомуйского тоннеля.

Наиболее сложной была проходка Северомуйского тоннеля – одного из самых длинных. Его общая протяженность с учетом подземных выработок составляет 40 км. С самого начала сооружения тоннельщики столкнулись с неизученностью геофизических условий. Из 15,3 км геологическая съемка проводилась только на пяти¹. Проходку предусматривалось вести с двух порталов (восточного и западного) и четырех шахтных стволов, к которым следовало развернуть навстречу друг другу забои и, таким образом, пробивать хребет сразу с 10 точек. Проходка основного тоннеля началась 28 мая 1978 г. Преодоление многочисленных трещин снижало скорость работы в 30 раз. На участке проходки тоннеля от ствола № 3 было пройдено более 50 зон разломов различной протяженности. Внедрение новой прогрессивной технологии позволило бригаде Героя Социалистического Труда В. Р. Толстоухова вновь добиться успеха. В мае 1982 г. за 29 рабочих дней с помощью «Фурукавы» было пройдено 171,5 пог. м тоннеля, что в 2,5 раза превысило проектную скорость проходки. В дальнейшем рекорд В. Р. Тол-

Ствол шахты Северомуйского тоннеля. 1984 г.

стоухова был перекрыт бригадой Н. А. Дроваля и составил 176,5 м².

К началу 1979 г. тоннельщики дошли до наиболее сложного слоя породы хребта, а 20 сентября наткнулись на Ангараканский разлом, который задержал горные работы более чем на 2 года. Внедрение метода комплексного водопонижения и искусственного закрепления слабых грунтов позволило 10 октября 1981 г. возобновить проходку штольни с западного портала. С помощью мощной дренажной системы из Ангараканского разлива откачали более 20 млн. куб. м воды. Для преодоления гигантской подземной воронки, заполненной водой, было предложено закрепить при проходке стены тоннеля раствором. В мае 1982 г. началась укладка обходного пути, длиной в 26 км.

В самый пик строительства тоннеля, в 1983–1984 гг., на Северо-Муйском хребте дислоцировались ТО № 11, 18, 19, 21, 22, 27, управление механизации, 2 автобазы, УПТК, ЖКК. Общая численность работающих на тоннеле составляла тогда более 7,5 тыс. чел. Работы на Северомуйском тоннеле продолжались, но на срок их завершения сильно влияли сложные природно-геологические условия. Было принято решение о строительстве на Северомуйском хребте открытой трассы с тремя сравнительно небольшими подземными коридорами. 30 марта 2001 г. состоялась последняя сбойка в Северомуйском тоннеле. Горнопроходческие бригады В. Гаценко и В. Казеева из ТО-21 на глубине 300 м соединили тоннель. 21 декабря 2001 г. по

¹ НАРБ, ф. Р-1888, д. 563, л. 15.

² Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 34–35.

Обходной путь Северомуйского тоннеля

Северомуйскому тоннелю прошел первый поезд с почетными пассажирами. Усилия трудовых коллективов «БАМтоннельстроя», «Ленметрогипротранса», «БАМтоннельпроекта», «Нижнеангарсктрансстрой» и субподрядных организаций, работников Восточно-Сибирской железной дороги увенчались успехом: в 2003 г. тоннель был сдан в эксплуатацию¹.

На строительстве тоннелей Бурятского участка БАМ сформировался высококвалифицированный отряд горных рабочих, способный совершать проходку в экстремальных природно-климатических условиях. Коллектив «БАМтоннельстроя» за годы строительства накопил бесценный опыт, который стал достоянием российского и мирового тоннелестроения. Подразделения «БАМтоннельстроя» наращивали объемы строительства без увеличения численности работающих. Годовой объем работ ежегодно возрастал – от 3 млн. руб. в 1974 г. до 80 млн. в 1982 г. и до 90 млн. в 1990 г. Все это достигалось за счет инициативы и профессиональной выучки строителей².

Строителями Бурятского участка было освоено более 5 млрд. руб. капиталовложений, перемещено около

100 млн. куб. м грунта, уложено 615 км главного железнодорожного пути, построено 262 железнодорожных моста, смонтированы 354 водопропускные трубы, возведено 14 поселков и город Северобайкальск, введено в эксплуатацию около 500 тыс. кв. м жилья, из них более 100 тыс. в постоянном исполнении, 48 детских дошкольных учреждений, 32 школы, 2 школы искусств, 20 клубов, 13 стационарных больниц, 23 столовые, 48 магазинов, роддом на 60 коек, типография, молокозавод, 3 фермы крупного рогатого скота на 600 голов, 3,5 тыс. кв. м жилья в совхозах, центральные ремонтные механические мастерские, за-

вод по ремонту «Магировус». Построены 100 км дорог с твердым покрытием вдоль трассы БАМ, районная электроподстанция в Таксимо, Байкальский тоннель, первая очередь депо, котельная, очистные сооружения в г. Северобайкальске и десятки других объектов. Все это было построено в необжитых, лишенных транспортных связей местах, в сложнейших природных условиях³.

Сооружение магистрали позволило расширить геологические, научно-исследовательские работы, провести оценочные работы на территориях Северо-Байкальского и Муйского районов. В результате были разведаны месторождения: Холоднинское колчеданно-полиметаллическое, Орехитканское молибденовое, Молодежное – хризотил-асбеста, Иркиндинское и Кедровское золоторудные и др.

Ударный труд строителей был отмечен высокими правительственными наградами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1984 г. за большой вклад в строительство БАМ генподрядный трест «Нижнеангарсктрансстрой» был награжден орденом Октябрьской революции.

За высокие трудовые достижения на строительстве Байкало-Амурской магистрали звания

¹ В сердце моем БАМ... – С. 72.

² Трасса мужества. Бурятский участок БАМ... – С. 35.

³ БАМ продолжается. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – С. 4.

*На праздновании 25-летия
БАМ. Справа налево: И. В.
Гордиенко, В. П. Сысоев, М. Б.
Бархутов, Р. П. Мухаров*

Героя Социалистического Труда были удостоены бригадир монтеров пути СМП-581 А. В. Бондарь, монтер пути СМП-581 Я. Д. Огородничук, бригадир комплексной бригады СМП-608 В. И. Аксенов, начальник управления «БАМтоннельстрой» В. А. Бессолов, бригадиры проходческих бригад Н. А. Еременко и В. Р. Толстоухов. Тысячи строителей в разное время были награждены орденами и медалями, удостоены почетных званий. Бамовцы по праву гордились лауреатами Ленинского комсомола, орденосносцами В. И. Цивилевым, Н. П. Дровалем, А. И. Бухтияровым, В. Бритиковым, И. Халзановым, В. Мункуевым, В. Прокушевым, Л. М. Филоник и др. Прошедшие бамовскую школу С. Лысцев, А. Фоменко, В. Рубан, О. Будник, А. Битуев, В. Линейцев стали руководителями разного ранга в правительстве РБ, федеральных, региональных и республиканских структурах.

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали оказало большое воздействие на социально-экономическое развитие северных районов Бурятской АССР. В некогда глухие места магистраль принесла новый уклад жизни, современную культуру и быт. Население Северо-Байкальского и Баунтовского районов выросло за это время почти в 20 раз и составило к 1990 г. около 100 тыс. человек.

Сегодня по магистрали ежегодно перевозится до 1 млн. т грузов. Экономический потенциал ее очень высок, а Бурятский участок – важный стратегиче-

ский узел всей магистрали. Его эксплуатация неизмеримо увеличивает геополитический вес республики, усиливает ее составляющую в растущем геополитическом балансе восточных районов России как активной территории Азиатско-Тихоокеанского бассейна.

6.3. Сельское хозяйство

К середине 1960-х гг. в сельскохозяйственном производстве оставалось множество нерешенных проблем. Их решению была посвящена работа мартовского (1965) пленума ЦК КПСС. На нем была разработана новая программа создания устойчивых экономических условий, стимулирующих подъем сельскохозяйственного производства, и принята новая система планирования производства и распределения доходов, которая повышала заинтересованность колхозов в продаже государству выращенной продукции, особенно сверхплановой. Предполагалось резкое увеличение капиталовложений, реализация долговременной комплексной программы механизации, химизации и мелиорации земель, совершенствование организации и управления, внедрение в сельскохозяйственное производство научно-технического прогресса, достижений науки и передового опыта¹.

¹ Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г.: стеногр. отчет. – М.: Политиздат, 1965. – С. 7, 9–16, 132; Курсом мартовского пленума. – М., 1975. – С. 5, 6, 11.

Сложившаяся в прошлые годы практика планирования колхозно-совхозного производства привела к его чрезмерной централизации и администрированию, нарушению принципов колхозной демократии и формализму, нередко планы принимались без учета региональных и природно-климатических условий. Новые принципы планирования и экономического стимулирования сельскохозяйственного производства базировались на экономической основе государственных капиталовложений, объем которых неуклонно рос.

Ввиду сложного экономического положения колхозов и совхозов с них регулярно списывались крупные суммы задолженности. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г. «Об оказании финансовой помощи колхозам» с них была списана задолженность прошлых лет по ссудам Госбанка СССР в размере более 2 млрд. руб., а также задолженность за технику, помещения и оборудование, приобретенные у МТС и ремонтно-технических станций. С колхозов Бурятии государство списало 6 млн. руб. долгов¹. Плановые задания по продаже сельскохозяйственной продукции на 1965 г. были снижены, план закупок на 1966–1970 гг. был определен на уровне среднегодового размера фактических заготовок за 1962–1964 гг. Предусматривалось, что сверхплановые закупки будут производиться только на добровольной основе, без дополнительных заданий хозяйствам. Устанавливалась надбавка к основным ценам в размере 50 % для обеспечения хозяйствам разной специализации и в разных климатических зонах примерно равных условий для развития производства². Были повышены закупочные цены почти на все продукты сельского хозяйства, особенно в 1965 и 1970 гг. В 1969–1971 гг. существенно увеличились закупочные цены на все основные продукты животноводства³. В результате только в 1968 г. колхозы и совхозы республики получили дополнительный доход от реализации продукции овцеводства почти в 10 млн. руб.⁴

Наиболее высокие темпы роста продукции сельского хозяйства наблюдались во 2-й половине 1960-х – начале 1970-х гг. По сравнению с пред-

В закрома Родины

шествующим пятилетием прирост валовой продукции сельского хозяйства в Бурятии составил 22 %. Достигнут он был, главным образом, за счет повышения урожайности культур в земледелии и роста продуктивности скота в животноводстве.

В 9-й пятилетке темпы роста прибыли в колхозах и совхозах резко замедлились, доходность общественного хозяйства осталась на уровне предшествующего пятилетия: сказались неблагоприятные погодные условия 1972 и 1975 гг. Однако ежегодные колебания доходности колхозно-совхозного производства объяснялись не только климатическими условиями, но и экономическими факторами функционирования общественного производства. Рост производственных затрат стал одной из важнейших причин снижения темпов производства сельскохозяйственной продукции в стране во 2-й половине 1970-х гг. Причиной этого роста стало завышение цен на технику, горючее, смазочные материалы, минеральные удобрения и другие продукты промышленного производства, потребляемые колхозами и совхозами. Цены на новую технику росли более высокими темпами, чем ее производительность. Например, цена нового трактора Т-150 повысилась, по сравнению с трактором ДТ-75, в 1,9 раза, а производительность – лишь в 1,6 раза. В промышленном производстве возросла энергоемкость, металлоемкость: оно, как и сельское хозяйство, развивалось в основном экстенсивно, что и вело к удорожанию продукции.

Вскоре наряду с твердыми планами стали устанавливаться так называемые «общие объемы закупок», появились различные «дополнительные задания», «встречные повышенные обязательства»,

¹ НАРБ, ф. Р-1, оп. 2, д. 44, л. 28.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. – М., 1968. – С. 613–617.

³ КПСС в резолюциях. Т. 9... – С. 501–509.

⁴ НАРБ, ф. Р-1, оп. 2, д. 73, л. 29.

«подарки» съезду, к торжественным датам и т. д. Возродилась практика изменения планов.

Резкое повышение издержек производства привело к нивелированию экономических выгод, полученных колхозами и совхозами от повышения закупочных цен. Особенно неблагоприятно это соотношение сложилось в первые годы 10-й пятилетки, до июльского (1978) пленума ЦК, когда закупочные цены на сельхозпродукты оставались на одном уровне, а издержки производства продолжали расти более быстрыми темпами. Из 105 колхозов и совхозов Бурятии 1975 хозяйственный год рентабельно закончили 47 хозяйств, или 44,76 %, реализация сельскохозяйственной продукции только совхозам принесла за год убытки в сумме 6 млн. 140 тыс. руб.¹

Новый курс политики ускорения развития сельского хозяйства наряду с совершенствованием системы заготовок сельскохозяйственных продуктов важное место отводил переводу совхозов на полный хозяйственный расчет и колхозов – на внутрихозяйственный расчет². В Бурятии для сельскохозяйственных подразделений были разработаны помещичьи и поквартальные хозрасчетные задания по производству продуктов и экономическим затратам. В 1967 г. в республике на хозрасчете работало 1660 отар, 80 свиноферм, 405 молочных гуртов и ферм, 110 полеводческих бригад. Работа хозрасчетных подразделений ежемесячно проверялась сравнением итогов с плановыми показателями. Многие хозяйства успешно работали в новых экономических условиях, но попытки перехода к полному хозрасчету в 1960-е гг. не увенчались успехом.

В 1970-х гг. в 74 % совхозов республики был внедрен внутрихозяйственный расчет с применением чековой формы взаиморасчетов. В 1982 г. этот метод хозяйствования применялся в 83 хозяйствах в отдельных отраслях животноводства. Но в большинстве колхозов первичный учет материальных средств и затрат труда велся слабо³.

В 11-й пятилетке в производство стал внедряться коллективный подряд, который при правильном применении обеспечивал сочетание общественных и личных интересов, воспитывал у людей чувство хозяина, способствовал укреплению порядка и

дисциплины. В 1983 г. за тракторными бригадами и звеньями, работавшими на подряде, было закреплено 471,1 тыс. га пашни, что составляло 46 % от общей площади пашни. В 1984 г. число подразделений, работавших на подряде, в сравнении с 1983 г., увеличилось на 353 (с 459 до 812), а закрепленной пашни – на 135 % (с 471,1 тыс. га до 637,0 тыс.). В 1985 г. количество подразделений, работавших на подряде, сократилось до 523, но процент закрепленной площади достиг 83,3, или 647,1 тыс. га⁴. В 1983 г. на молочно-товарных фермах было 18 подразделений, работавших на подряде, в 1984 г. – 41, в 1985 г. – 71; в овцеводстве в 1983 г. – 531, в 1984 г. – 2039 и в 1985 г. – 2091⁵.

В 1986 г. удельный вес подрядных коллективов в сельском хозяйстве республики составлял 62 %, или 3,5 тыс. первичных подразделений колхозов и совхозов. За подрядными звеньями и бригадами было закреплено более 90 % посевных площадей зерновых и картофеля, 78 % посевов кормовых культур, 63 % овощей, 44 % поголовья коров и 90 % поголовья овец⁶. Примером успешной работы на подряде стала деятельность колхоза «Победа» Бичурского района. Урожайность зерновых культур здесь повысили с 12 до 19 ц с га, чистый доход возрос до 425 тыс. руб.⁷ Но во многих хозяйствах и районах хозрасчет и коллективный подряд не стали стимулом для повышения эффективности сельского хозяйства, особенно животноводства.

Коллективами семейного подряда в 1987 г. в республике обслуживалось 13 тыс. гол. молодняка крупного рогатого скота, 2 тыс. лошадей, 4 % поголовья свиней. Четыре семейные бригады занимались выращиванием овощей. Себестоимость продукции в семейных коллективах была гораздо ниже, чем в колхозе и совхозах. Семья Г. Г. Базарова из совхоза «Хамнейский», обслуживая маточную отару, получила центнер шерсти за 427 руб., центнер привеса за 61 руб. (в совхозе себестоимость 1 ц шерсти составила 998 руб. и 1 ц привеса – 189 руб.)⁸. Наибольшее применение новая форма организации труда нашла в

⁴ Подсчитано по: НАРБ, ф. Р-1, оп. 51, д. 75, л. 84; Текущий архив Госагропрома БурАССР. Справка о внедрении коллективного подряда в хозяйствах БурАССР.

⁵ Текущий архив Госагропрома БурАССР. Справка о внедрении...

⁶ Правда Бурятии. – 1987. – 19 февр.

⁷ Правда Бурятии. – 1986. – 30 апр.

⁸ Правда Бурятии. – 1988. – 8 дек.

¹ Подсчитано по: НАРБ, ф. Р-1, оп. 34, д. 21, л. 57.

² Решения партии и правительства по сельскому хозяйству... – С. 202–214.

³ НАРБ, ф. Р-1, оп. 40, д. 78, л. 44; оп. 47, д. 33, л. 2.

овцеводстве, где подряд составлял 84,1 %. Арендными коллективами в 1989 г. в республике обрабатывалось 20 % пашни, обслуживалось 20 % поголовья крупного рогатого скота и 10 % свиней. На арендный подряд были переведены в основном все отрасли в совхозах «Бодонгутский», «Баргузинский», «Комсомольский», «Загустайский», «Хамнейский», «Билютайский», колхоза им. Д. Банзарова. За 3 года 12-й пятилетки в совхозе «Бодонгутский» производительность труда увеличилась на 144 % при росте заработной платы на 110 %. В 1989 г. чистая прибыль в совхозе составила 1779 тыс. руб.¹

В систему экономических мер, обеспечивавших личную заинтересованность колхозников в выполнении хозрасчетных заданий, была включена новая оплата труда, введенная постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР (май 1966 г.) «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». Документом определялся перевод колхозников на гарантированную оплату труда, исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. При этом изменялась практика распределения доходов. Если раньше фонд оплаты в колхозах формировался из остатков средств после отчислений на неделимые и другие общественные фонды, то теперь он стал складываться одновременно с возмещением материальных затрат в процессе производства. Такой порядок распределения доходов был закреплён примерным Уставом колхоза в 1969 г. Предусматривалась также дополнительная оплата за увеличение производства продукции,

улучшение ее качества, снижение себестоимости. Новое положение вводилось с 1 июля 1966 г.

С 1 ноября 1966 г. более 70 колхозов Бурятии перешли на гарантированную оплату труда. Новая система оплаты повлияла на улучшение финансового состояния колхозов, режима экономии и расхода средств. Увеличение продажи сельскохозяйственных продуктов позволило колхозам увеличить денежные доходы, по сравнению с 1965 г., на 108,7 %, или на 4380 тыс. руб.²

Переход к новой оплате труда колхозников облегчался тем, что все колхозы республики к этому времени практиковали денежную оплату труда. Еще в 1958 г. денежная часть оплаты труда колхозников Бурятии достигла 59,6 % заработка. В 1959 г. колхозникам республики было выдано авансом 35,5 % заработка и 64,5 % – при распределении дохода после окончания хозяйственного года. Среднемесячный размер заработной платы колхозников в течение года составил около 27 руб. В 1959 г. на денежную оплату труда перешли полностью 16 из 130 колхозов республики, а к концу 1960 г. новую систему оплаты труда использовали уже 60 % колхозов³.

Осложняло переход на новую оплату отсутствие единой тарифной системы. Колхозы по-разному, в зависимости от своих экономических возможностей, тарифицировали труд своих членов. В колхозе «Коммунизм» Мухоршибирского района оплата одного человеко-дня в 1964 г. составляла 3,84 руб., а в колхозе «Путь Ленина» этого же района – 1,31 руб. В экономически слабых колхозах доходы, направляемые на оплату, не всегда были эквивалентны фактическим затратам труда. Существовал большой разрыв в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников.

К концу 1970 г. оплата труда колхозников увеличилась на 48,8 % и достигла 83,2 руб. в месяц. В целом за 1959–1979 гг. оплата труда в колхозах Бурятии увеличилась более чем в 4 раза, составив в 1979 г. 115,2 руб. в месяц.

С 1 января 1965 г., согласно закону о пенсиях и пособиях членам колхоза, принятому Верховным Советом СССР 15 июля 1964 г., было впервые введено пенсионное обеспечение колхозников: установлены пенсии колхозникам по старости и инва-

¹ Текущий архив Госагропрома БурАССР. Справка о внедрении...

² Подсчитано по: НАРБ. ф. Р-1, оп. 2, д. 139, л. 174.

³ Лобанов Н. С. Денежная оплата труда в колхозах (по материалам колхозов БАССР). – М., 1961. – С. 65, 66; Народное хозяйство БурАССР. – Улан-Удэ, 1963. – С. 123.

лидности, а их семьям – по случаю потери кормильца. Кроме этого, впервые в общегосударственном масштабе за счет того же фонда стали выплачивать пособия женщинам-колхозницам по беременности и родам. В 1965 г. пенсию стали получать 8 млн. колхозников. В новом Уставе колхоза, принятом в 1969 г., впервые вводилось страхование колхозников, стали выделяться путевки в санатории и дома отдыха. В эти годы проводились и другие мероприятия, направленные на повышение материального уровня жизни колхозников, в частности сняты ограничения с использования личных подсобных хозяйств. В 1966 г. в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих Бурятии числилась одна треть поголовья крупного рогатого скота, 38,5 % поголовья коров, 37,7 % – свиней, 6,5 % – овец. В 1965 г. удельный вес производства мяса в личных подсобных хозяйствах в общем объеме составлял 34,9 %, яиц – 65,1, шерсти – 4,9, молока – 30,2¹. За 1965–1979 гг. производство валовой сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах увеличилось на 45 %². В 1982 г. на долю личных подсобных хозяйств приходилось около 62 % картофеля, 26 % овощей, 40 % мяса, 33 % молока от общего производства этих продуктов³. Однако в дальнейшем в личных подсобных хозяйствах шло снижение численности поголовья крупного рогатого скота, падало производство мяса, молока, яиц. Объяснялось это, прежде всего, объективными причинами, характерными и для других регионов страны: сокращением числа колхозов и колхозников, частичным их переходом в ряды рабочих промышленности, сокращением числа ведущих личное подсобное хозяйство. Уменьшение поголовья крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах было связано с трудностями обеспечения животных кормами. С ростом поголовья общественного стада и сокращением сельскохозяйственных угодий, используемых под луга и пастбища, владельцам личных коров и другого скота стало труднее находить места для выпасов и заготовок кормов.

В 1989 г. на 1 крестьянский двор в Бурятии приходилось около 21 сотки сельскохозяйственных угодий, в т. ч. около 11 соток пашни и 10 соток сенокосов. В общей сложности в личном пользовании

крестьянского двора находилось 1,2 % пашни и 3,7 % сенокосов, которыми располагала республика. В конце 1980-х гг. личные подсобные хозяйства дали 64,5 % общего объема производства картофеля, более 20 % овощей, треть мяса и около 28 % молока⁴.

Важным было регулирование экономических отношений колхозов и совхозов с обслуживающими их организациями. Последние не несли материальной ответственности за несвоевременное выполнение или низкое качество работ, выполняемых по договорам с хозяйствами. Например, «Сельхозтехника» практически не отвечала за низкое качество ремонта машинного парка, а соответственно, и за ущерб, который терпели хозяйства из-за простоя плохо отремонтированных машин. Объемы работ по капитальному ремонту тракторов, автомобилей, зерноуборочных комбайнов, сельхозмашин за 10-ю пятилетку возросли в республике в 1,2 раза, но потребности колхозов и совхозов в качественном ремонте техники не были удовлетворены⁵.

Продолжался процесс преобразования колхозов в совхозы. Во-первых, считалось, что иметь дело с единой формой хозяйства проще. Во-вторых, местные власти стремились быстрее поднять уровень жизни сельских тружеников, обеспечить их правами, которые имел рабочий класс. По сравнению с колхозами, в совхозах больше средств отпускалось на строительство жилья, центров культурно-бытового назначения. В 1973 г. 5 колхозов в Закаменском районе были реорганизованы в совхозы, в Прибайкальском, Селенгинском и

¹ Очерки истории БурАССР периода развитого социализма... – С. 40.

² Там же, с. 228.

³ НАРБ, ф. Р-1, оп. 77, д. 19, л. 87.

⁴ Правда Бурятии. – 1990. – 17 нояб.

⁵ НАРБ, ф. Р-1, оп. 47, д. 29, л. 78.

Строительство промышленного объекта в с. Турунтаево

Улан-Удэнском – по 2 колхоза¹. Нередко процесс преобразования колхозов в совхозы использовался как выход из имевшихся финансовых трудностей. В 1985 г. число совхозов в Бурятии достигло 124, количество колхозов осталось примерно на том же уровне – 62².

Одной из причин, повлиявших в Бурятии на ускорение преобразования отдельных колхозов в совхозы, было строительство Байкало-Амурской магистрали, проходившей по северным районам республики. Резко увеличившееся за счет строителей население районов БАМ и в связи с этим возросшие потребности в продуктах питания потребовали новых форм организации сельскохозяйственного производства. Маломощные колхозы Северо-Байкальского и Баунтовского районов, по которым проходила магистраль, не могли решить эту задачу.

Массовое преобразование колхозов в совхозы привело к классовым изменениям. Процесс снижения доли крестьянства в Бурятии происходил более быстрыми темпами, чем в целом в РСФСР. Коренное население, проживавшее в основном в сельской местности, было в наибольшей степени затронуто этим процессом: в колхозах Бурятии к началу 1980-х гг. состояло только 17 % бурят³.

В 1966–1970 гг. динамично развивалась совхозная система. На июльском (1970) пленуме ЦК КПСС главное внимание было сосредоточено на вопросах укрепления материально-технической базы и технического переоснащения сельского хозяйства. Отсутствие глубокого экономического анализа проведения хозяйственной реформы и стремление

достигнуть дальнейшего роста производства исключительно применением технического прогресса свидетельствовали о серьезном пересмотре приоритетов в аграрной политике. В руководстве стало преобладать мнение, что достичь дальнейшего повышения эффективности сельского хозяйства можно за счет директивного планирования и постоянного наращивания капитальных вложений, без серьезных изменений организационно-экономических отношений.

К середине 1960-х гг. в технической оснащенности колхозов и совхозов были достигнуты значительные успехи, многие трудоемкие работы были механизированы полностью или частично. Однако машиновооруженность колхозно-совхозного производства оставалась недостаточной. Не хватало тракторов, автомобилей, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, что затягивало сроки проведения работ, приводило к снижению урожайности.

В 8-й пятилетке основные полевые работы в колхозах и совхозах Бурятии (пахота, сев, уборка зерновых, силосных и др. культур) были полностью механизированы, близилась к завершению механизация работ по посадке картофеля, очистке и погрузке зерна и др. Но механизация трудоемких процессов в животноводстве была значительно ниже, чем в полеводстве. На фермах еще преобладал ручной труд. В 1966 г. план механизации трудоемких работ на животноводческих фермах был выполнен по водоснабжению на 50 %, раздаче кормов – на 27, удалению навоза – 37, подготовке кормов к скармливанию – на 30 и внедрению механизированной дойки коров – всего на 5 %⁴. Ряд хозяйств, приобретя технологическое оборудование, подолгу не приступали к его монтажу. Из 80 доильных установок, полученных хозяйствами республики в 1966–1967 гг., было установлено 50, из которых с перебоями работали лишь 23 агрегата. В животноводстве процесс внедрения машин и механизмов в 1960-е гг. только начинался. В большей степени была механизирована стрижка овец – на 90–94 %, подача воды на свиноводческих и птицеводческих фермах – на 44–50, раздача кормов на свиноводческих фермах – на 38 %. К тому же механизация животноводческих ферм проводилась неравномерно: внедрялись отдельные машины и механизмы, но они не были соединены

¹ НАРБ, ф. 12, оп. 2, д. 4, л. 2, 3.

² Народное хозяйство БурАССР в одиннадцатой пятилетке. 1981–1985 гг. – Улан-Удэ, 1986. – С. 39.

³ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1980. – С. 29, 37.

⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР: сб. ст. – Улан-Удэ, 1971. – С. 160; Народное хозяйство БурАССР в десятой пятилетке... – С. 22; Народное хозяйство БурАССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 19; НАРБ, ф. Р-195, оп. 13, д. 1585, л. 31.

в единую производственную и технологическую цепь. В справке о работе совхозов за 1965 г. указывалось: «Установлено доильных агрегатов на 7897 коров, но машинной дойкой доят только 340 коров к общему поголовью дойных коров (0,17 %)». Причину объясняли «неправильным подбором групп коров, низким уровнем комплексной механизации, отсутствием передвижных доильных агрегатов, особенно летом, когда дойное стадо находилось на летних пастбищах»¹.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства было тесно связано с электрификацией деревни, которая в республике была начата фактически в послевоенные годы. В 1959 г. энергетическую базу республики составляли в основном мелкие электростанции. На 1 января 1966 г. из 111 совхозов и колхозов 86 были подключены к Бурятской энергосистеме, 5 – к Иркутской и 20 получали электроэнергию от собственных электростанций².

Подключение сельских потребителей республики к государственным централизованным энергосистемам позволило повысить надежность снабжения колхозов и совхозов электроэнергией, поднять уровень электрификации сельского хозяйства. В 1965 г. из 863 населенных пунктов, расположенных в сельской местности, было электрифицировано 647, или 74,9 %³. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в республике были электрифицированы все населенные пункты с 15 дворами и больше. Уровень электрификации дворов колхозников и рабочих совхозов достиг 98,7 %, что превышало уровень электрификации в целом по стране. Удельный вес электроснабжения сельского хозяйства от энергосистемы был доведен до 96,3 %⁴. Потребление электроэнергии в сельском хозяйстве в 9-й пятилетке возросло, по сравнению с 8-й, в 2,4 раза, в т. ч. на производственные нужды – более чем в 3 раза, и на конец пятилетки составляло 57 %. За 1980 г. потребление электроэнергии в сельском хозяйстве превысило уровень 1975 г. более чем вдвое⁵. К 1981–1982 гг. были электрифицированы все колхозы и совхозы республики, все бригады на маточных

отарах, в основном была завершена электромеханизация производственных процессов в свиноводстве и птицеводстве.

Успехи в электрификации сельского хозяйства, увеличение энергетических мощностей колхозов и совхозов создали благоприятные предпосылки для перехода от частичной к комплексной механизации производственных процессов труда в земледелии и животноводстве.

После мартовского (1965) пленума ЦК КПСС в развитии животноводства четко обозначилось 2 направления: первое – строительство крупных современных комплексов по производству мяса, молока, яиц; второе – реконструкция старых ферм. Особое внимание стало уделяться укреплению материально-технической базы животноводства и его переводу на промышленную основу. Повышение уровня индустриализации в животноводстве могло освободить часть работников, необходимых в других отраслях хозяйства, и привлечь на фермы молодежь: в животноводческой отрасли республики был довольно высок процент работников старше 50 лет⁶.

Для механизации производственных процессов в животноводстве за 1976–1980 гг. государство поставило колхозам и совхозам республики машин и оборудования на 36,6 млн. руб. За 10-ю пятилетку комплексная механизация на молочно-товарных фермах выросла на 10 %. На комплексных механизированных фермах выращивали 44,7 тыс. гол. крупного рогатого 94,5 тыс. свиней и 1,7 млн. гол. птицы.

Основные сельскохозяйственные производственные фонды увеличились с 204,3 млн. руб. в 1965 г. до 314,7 млн. в 1970 г., т.е. в 1,5 раза, к концу 9-й пятилетки они выросли еще на 77,6 %, к концу 10-й – на 43 %⁷. В конце 1985 г. они составляли 1362 млн. руб.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства способствовало росту его энерго- и фондовооруженности. В конце 1985 г. фондовооруженность труда (в расчете на 1 работника) исчислялась в 13,5 тыс. руб., а фондообеспеченность (в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий) – 404,6 тыс. руб. Фондовооруженность труда росла

¹ НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 5175, л. 33.

² Там же, ф. Р-1, оп. 51, д. 59, л. 65.

³ Очерки истории БурАССР развитого социализма... – С. 36.

⁴ НАРБ, ф. Р-1, оп. 23, д. 73, л. 99; Правда Бурятии. – 1990. – 17 окт.

⁵ Правда Бурятии. – 1981. – 16 янв.

⁶ НАРБ, ф. Р-1, оп. 22, д. 87, л. 26.

⁷ Народное хозяйство БурАССР. – Улан-Удэ, 1971. – С. 181; Народное хозяйство БАССР в девятой пятилетке... – С. 56, 58; Правда Бурятии. – 1981. – 16 янв.

Дождевальная установка

ускоренными темпами: на 1 работника сельского хозяйства в 1960 г. приходилось в среднем основных производственных фондов на 5,2 тыс. руб., в 1965 г. – на 3,2 тыс. руб., в 1970 – на 4,5 тыс., в 1975 – на 7,2 тыс., в 1980 – на 10,7 тыс., в 1985 – на 13,5 тыс. руб.

За прошедший после мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС период энергетические мощности сельского хозяйства республики возросли в 3,24 раза, энерговооруженность труда в расчете на 1 работника увеличилась более чем в 3,3 раза, а на 100 га посевной площади – в 3,7 раза. Но производительность труда в сельском хозяйстве за 2 десятилетия повысилась лишь в 2 раза¹. Запланированный рост производительности труда в колхозах и совхозах не был достигнут. В числе причин назывались недостатки сложившейся системы руководства и управления сельским хозяйством, ведомственная разобщенность, обилие принимаемых решений, которые практически оставались на бумаге, расщепление средств между многочисленными хозяйственными органами, комитетами, министерствами. При этом значительная часть партне-

ров не чувствовали ответственности за конечный итог производства.

Завершение комплексной механизации в сельском хозяйстве стало важнейшей задачей 11-й пятилетки. Но при укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов имели место и крупные недостатки: колхозы и совхозы слабо обеспечивались техникой, машин и сельскохозяйственного оборудования, особенно для борьбы с эрозией почв и новых методов обработки пашни, выпускалось мало и часто низкого качества. В хозяйствах наблюдалось нецелесообразное списывание техники и нерациональное использование капитальных вложений. Основные средства шли на закупку все новой и новой техники, хотя использовалась она слабо, сменная выработка тракторов падала. Энергонасыщенные тракторы К-700 и К-701 работали в среднем всего 157 дней в году. Недостаточное внимание уделялось и строительству объектов растениеводства и кормопроизводства.

Недостатки в развитии материально-технической базы сельского хозяйства особенно ошутимы были в специфических природно-климатических условиях Бурятии, где, по сравнению с европейской

¹ Коммунист. – 1987. – № 4. – С. 33.

частью страны, требовались значительно большие затраты энергоресурсов.

В 1960–1980-е гг. велась большая работа по мелиорации земель, химизации, селекции, семеноводству, внедрению научных разработок в практику колхозов и совхозов. Для Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР ускоренное и широкое развитие мелиорации имело особое значение: на обширной территории сооружались и проектировались десятки промышленных предприятий, строились новые города, росло население, которое надо было обеспечивать продуктами питания за счет местных ресурсов.

В Бурятии было признано необходимым провести реконструкцию оросительных систем и начать строительство новых – Тугуйской, Дырестуйской и др. Планировалось в 1966–1970 гг. провести работы по орошению на площади 10,2 тыс. га, по обводнению и освоению безводных пастбищ – на площади 220 тыс. га¹.

В апреле 1966 г. бюро обкома КПСС и Совет министров республики приняли постановление «О мероприятиях по борьбе с ветровой и водной эрозией почв в колхозах и совхозах республики». Из имевшихся 919 тыс. га пашни ветровой эрозии было подвержено более 305 тыс. га, из них в сильной степени – около 80 тыс. га, водной эрозии было подвержено около 75 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в т. ч. 57 тыс. га пашни². Постановлением были определены противоэрозионные мероприятия: внедрение полосного размещения культур, безотвальная обработка почвы, посадка лесополос. Организационные меры дали положительные результаты: например, в Баргузинском районе в 1966–1967 гг. было освоено 57 посевных севооборотов на площади свыше 50 тыс. га, в т. ч. 12 тыс. га почвозащитных, с полосным размещением посевов и безотвальной обработкой почвы. В целом по республике к 1968 г. на 26,7 тыс. га были введены почвозащитные севообороты с полосным размещением культур, на 14,5 тыс. га применялась безотвальная обработка почвы. В 1971 г. в связи с выходом постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по сохранению природных богатств бассейна озера Байкал» были утверждены мероприятия по проведению противоэрозионных работ в республике на 1971–1975 гг., определено 15

опытно-показательных хозяйств по борьбе с эрозией почв. В разработке планов почвозащитных мероприятий для них принимали участие научные работники Бурятского филиала СО АН СССР, БурНИИСХ, опытной станции и др. Принимались меры по снабжению хозяйств противоэрозионной техникой, расширялась площадь противоэрозионной обработки почвы. Если в 1970 г. безотвальная обработка почвы с сохранением стерни была проведена на 4,7 тыс. га, то в 1975 г. – уже на 33,4 тыс., полосное размещение культур и паров увеличилось на 3,6 тыс. га, а площадь посева специальными противоэрозионными сеялками увеличилась почти в 10 раз³. Внедрялись интенсивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур. Об их высокой эффективности говорил опыт бригад и хозяйств республики. Колхоз «Улюнский» Баргузинского района, внедрив в 1985 г. интенсивную технологию при выращивании пшеницы, с площади 1035 га собрал по 34 ц при средней урожайности зерновых по колхозу 27 ц с га. В Джидинском районе в совхозе «Боргойский» яровой пшеницы, выращенной по интенсивной технологии, получено от 25 до 35 ц с каждого га, а в колхозах им. Ленина, XX партсъезда – от 30 до 32⁴. В целом по республике по интенсивной технологии яровая пшеница возделывалась на площади почти 58 тыс. га, урожайность на этих полях составила 22 ц с га (по обычной технологии пшеница давала урожай 17,7 ц с га)⁵.

³ Там же, оп. 22, д. 73, л. 22; Подсчитано по: Народное хозяйство БурАССР в десятой пятилетке... – С. 22, 23; НАРБ, ф. Р-1, оп. 37, д. 7, л. 3.

⁴ Правда Бурятии. – 1985. – 13 дек.

⁵ Народное хозяйство Бурятской АССР. 1923–1983 гг. ... – С. 724.

¹ НАРБ, ф. Р-1, оп. 2, д. 107, л. 149.

² Там же, оп. 22, д. 5, л. 85.

*Герой
Социалистического Труда
чабанка
О. Э. Сангадиева*

Интенсификация сельского хозяйства зависела и от кадрового потенциала. В год образования республики специалистов с высшим и средним специальным образованием в сельском хозяйстве было всего 68, в 1926–1927 гг. 1 агроном обслуживал 52 колхоза. В 1965 г. все директора, главные агрономы, зоотехники, инженеры, ветврачи имели высшее и среднее специальное образование, к 1980 г. специалистов с образованием было 5460 чел. Появились энергичные, инициативные, грамотные руководители хозяйств: Н. Т. Антоненко, В. Д. Тюменцев, И. А. Игнатьев, Н. А. Мельников, Л. Ц. Цыренов, А. Н. Зайцев, Б. П. Мурхонов, Р. С. Бадмаев, Р. Ц. Базарон и др.¹

В 1959 г. по всей республике развернулось движение «Молодежь – на овцеводство». Выпускница Баянголской средней школы О. Сангадиева по путевке комсомола начала работать на маточной отаре. После 2 лет работы она возглавила отару, а в 1963 г. ее отара получила и сохранила по 109 ягнят от 100 овцематок, и с этого года по 1970 г. чабанская отара Сангадиевой ежегодно получала по 100–109 ягнят от 100 овцематок. В 1970 г. Ольгу избрали делегатом XVI съезда ВЛКСМ. Задания 5 лет по выходу молодняка, по настригу шерсти ею были выполнены за 4 года. За досрочное выполнение плановых заданий и социалистических обязательств О. Э. Сангадиева была удостоена ордена Ленина, в 1976 г. ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда².

И все-таки кадровая проблема оставалась нерешенной. В 1978 г. в колхозах и совхозах из 1241 руководителя производственных подразделений 848 (68,3 %) не имели соответствующего образования.

Сложные бытовые условия, низкая заработная плата вели к большой текучести: за 1976–1977 гг. сменились 142 управляющих отделениями, 176 бригадиров производственных бригад, 230 заведующих животноводческими фермами³. Многие трудились не по специальности.

Социальным итогом технического прогресса в деревне стал рост численности и удельного веса работников механизированного труда. В 1982 г. численность трактористов, комбайнеров и шоферов в сельском хозяйстве составила 12,7 тыс. чел., из которых 56 % были мастерами высокой квалификации, удельный вес механизаторов в общем количестве занятых в колхозном производстве доходил до 20 %⁴. С появлением новых профессий: оператор машинного доения, слесарь-электрик, слесарь-сантехник, наладчик – повысилась производительность труда. В 1962 г., когда доярки Мухоршибирского района перешли на машинную дойку, производительность труда на фермах выросла в 2–3 раза⁵. В 1982 г. оператор доильного зала Нижне-Иволгинского молочного комплекса Бурятского НИИСХ Ц. Д. Цыденов на доильной установке УДЕ-8, обслуживая 100 коров, надоил 200,1 т молока. Оператор цеха откорма свиней свиноплеменника «Южный» В. Е. Ефремова получила за год 1929 ц привеса свиней при расходе кормов на производстве 1 ц свинины 4,25 ц корм. ед.

Для закрепления кадров на селе большое внимание уделялось жилищному и социально-культурному строительству, улучшению культурно-бытового, торгового и медицинского обслуживания сельского населения. За 1972–1982 гг. сельскохозяйственные предприятия построили 992 тыс. кв. м нового жилья, школ на 10,7 тыс. мест, дошкольных учреждений на 7120 мест, клубы, библиотеки, комбинаты быта, магазины. В 1976–1981 гг. на объекты социально-культурного назначения было использовано 26,7 % общего объема капитальных вложений колхозов и совхозов⁶. Однако диспропорции в соотношении между капитальными вложениями в производственную и социальную сферу села затрудняли решение кадровой проблемы.

³ НАРБ, ф. Р-1, оп. 37, д. 19, л. 49.

⁴ Лысов В. Ф. По пути интенсификации // Под знаменем Октября. 1917–1977 гг. – Улан-Удэ, 1977. – С. 124; Народное хозяйство БурАССР в десятой пятилетке... – С. 264.

⁵ Очерки истории Бурятской организации КПСС... – С. 520.

⁶ Лысов В. Ф. По пути интенсификации... – С. 122, 126.

¹ РГАЭ, ф. 7446, оп. 1, д. 39, л. 143; Лысов В. Ф. Вопросы интенсификации сельского хозяйства. – Улан-Удэ, 1974. – С. 161; Бурятия. – 2006. – 4 марта; Бурятия. – 2006. – 13 апр.

² Бурятия. – 2009. – 4 июня.

Научные исследования для сельского хозяйства республики в основном проводились в Бурятском научно-исследовательском институте сельского хозяйства Сибирского отделения ВАСХНИЛ, созданного в 1981 г. на базе Бурятской республиканской сельскохозяйственной опытной станции и Бурятского комплексного научно-исследовательского отдела СО ВАСХНИЛ.

*Герой
Социалистического Труда
доярка
Н. Л. Тадвашкина*

Ведущим направлением в области растениеводства было выведение и внедрение в производство высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур. Были выведены новые сорта яровой пшеницы «Онохойская-4», «Бурятская-3», «Бурятская-79», озимая рожь «Удинская», овес «Онохойский-547» и др., которые получили высокую оценку в хозяйствах Бурятии и Читинской области. Яровой сорт пшеницы «Онохойская-4», выведенный учеными Бурятской государственной сельскохозяйственной опытной станции и внедрявшийся в производство в 1970-е гг., к 1975 г. занял более 70 % посевных площадей пшеницы в республике и получил распространение в Забайкалье. Ежегодный доход от внедрения этого сорта составил 5,5–6 млн. руб.¹ Селекционеры республики под руководством заслуженного агронома РСФСР А. Г. Дубровской дали производству новые высокопродуктивные сорта пшеницы «Бурятская-34» и «Бурятская-79». В ряде хозяйств Улан-Удэнского, Бичурского, Мухоршибирского, Кяхтинского районов на площадях, занятых этими сортами, тракторно-полеводческие бригады получали урожай зерна по 25–30 ц с га.

А. Г. Дубровская, автор высокопродуктивных, устойчивых к засухе, болезням и вредителям сортов «Селенга», «Лютесценс-521», «Иволгинская» и др., была награждена орденами Ленина и Знак Почета².

За высокие показатели орденами Ленина и Трудового Красного Знамени была награждена Ф. С. Ворона, главный агроном колхоза «Родина». Колхоз ежегодно перевыполнял плановые задания по сдаче хлеба государству, в 1975 г. собрал 55 тыс. ц вместо плановых 10 тыс. ц. Председателем колхоза тогда был кавалер орденов Ленина и Знак Почета И. Р. Агафонов³.

В результате длительной работы научных и практических коллективов на овцеводческих племенных фермах совхозов «Боргойский» Джидинского и «Загустайский» Кижингинского районов, колхозов «Коммунизм» Джидинского, им. К. Маркса Селенгинского, «Победа» Бичурского районов и в опытном хозяйстве Бурятской сельскохозяйственной опытной станции «Иволгинское» был создан новый внутрипородный тип забайкальской породы овец, хорошо приспособленный к пастбищному содержанию в условиях Забайкалья. 5 июля 1973 г. он был утвержден приказом Минсельхоза СССР. Создателями этого типа овец стали Р. П. Пилданов, Ф. Т. Зубенко, И. И. Соколов, Ж. И. Громов, В. П. Шантаханов, П. Д. Дарижапов. Им были выданы авторские свидетельства.

Ученые Бурятского сельскохозяйственного института проводили работу по интенсификации молочного животноводства и мясного скотоводства. Скрещивание местного симментализированного крупного рогатого скота с калмыцкой и казахской белоголовой породами позволило создать специализированное мясное стадо из более чем 80 тыс. гол. и реализовать племенной молодняк в республике и за ее пределами. За 10 лет (1970–1980) хозяйства республики закупили через госплемобъединение около 35 тыс. гол. крупного рогатого скота, в т. ч. почти 20 тыс. высококлассных. Хозяйствам было продано около 100 тыс. овец, из них половину маток. В 1978 г. в республике насчитывалось 22 племенные фермы, которые разводили и совершенствовали скот симментальской породы. Герой Социалистического Труда Н. Л. Тадвашкина и П. Б. Жалсанова из совхоза «Селенгинский», Л. Н. Седых, Л. И. Мяханова, С. П. Степанова, Г. А. Ступакова из учхоза «Байкал» еже-

¹ Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. – 1975. – № 2. – С. 4.

² Лысов В. Ф. От первых коммун – к агропромышленному комплексу // В семье единой, братской. – Улан-Удэ, 1983. – С. 114; Бурятия. – 2005. – 5 апр.

³ Бурятия. – 2009. – 17 сент.

годно надаивали по 5 тыс. и более кг молока от каждой коровы¹.

Результаты племенной работы были высоко оценены на проводимых выставках-аукционах. В 1978 г. диплом I степени получил колхоз им. Ленина Селенгинского района, диплом II степени – колхоз «Маяк» Улан-Удэнского района, диплом III степени – ОПХ «Иволгинское»².

Но проблема повышения продуктивности животноводства и растениеводства не была решена и в 1980-е гг. Среднегодовой удой молока от 1 коровы в колхозах и совхозах в 1965 г. составлял 1343 кг, в 1975 г. – 1767 кг, в 1985 г. – 1651 кг; средний годовой настриг шерсти с 1 овцы в 1965 г. равнялся 2,8 кг, в 1975 г. – 2,9 кг, в 1985 г. – 2,8 кг. Урожайность зерновых в 1982 г. составила в среднем по республике 11 ц с га³.

Для увеличения производства продукции животноводства партийные, советские и сельскохозяйственные органы республики разработали и осуществили ряд мер по переводу этой важной отрасли на промышленную основу. В мае 1964 г. был создан республиканский совет по специализации сельского хозяйства, позднее было принято постановление о специализации хозяйств Кабанского производственного колхозно-совхозного управления: совхозов «Оймурский» (директор А. Н. Зайцев) и «Шергинский» (директор Н. Е. Медведев) – на производстве свинины; совхоза «Байкальский» – на производстве мяса говядины и молока, совхоза «Кабанский» – на выращивании уток⁴.

Совхоз «Кабанский» возглавил А. И. Хмелев. В 1977 г. хозяйство было преобразовано в птицефабрику «Кабанская» и стало одним из крупнейших и высокорентабельных в республике хозяйств. За высокие показатели совхоз был награжден орденом «Знак Почета». В 1978 г. птицефабрика «Кабанская» производила 36 тыс. ц мяса, здесь надаивали более 3 тыс. л молока на корову, получали по 85–90 телят от 100 коров, стабильно собирали по 15–17 ц зерна с га, а поголовье уток насчитывало полтора миллиона. Все отрасли были рентабельными. Чи-

стая прибыль достигла 1,7 млн. руб. Расширялось производство, строилось жилье и объекты социальной сферы. А. И. Хмелев избирался делегатом XXIV съезда КПСС, дважды награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции и другими наградами⁵.

Специализация сельскохозяйственного производства в масштабе республики и районов определяла специализацию каждого хозяйства. В 1959 г., первый год существования, совхоз «Комсомольский» закупил в племсовхозе «Красный Октябрь» Волгоградской области 13 быков-производителей казахской белоголовой породы, позже завезли племенных телок и бычков из племсовхоза «Революционный путь». В 1966–1988 гг. было закуплено более 2 тыс. голов племенного скота в племенных заводах «Чапаевский», «Ленинский», «Анжучинский» Республики Казахстан. Организатором завода племенных животных в Бурятию был первый директор совхоза Б. И. Николаев (впоследствии министр сельского хозяйства, первый заместитель председателя Совета министров БурАССР, ныне профессор, доктор сельскохозяйственных наук, академик, награжденный 18 правительственными наградами, в т. ч. 5 орденами).

Самые высокие урожаи зерновых получены в 1974 и 1975 гг., когда с площади 6,4 тыс. га получили 64,5 тыс. ц и 66 тыс. ц валового сбора – по 10,5 ц с 1 га. В этот период директором совхоза «Комсомольский» Еравнинского района работал Н. Н. Найданов (впоследствии министр сельского хозяйства БурАССР, кавалер ордена «Знак Почета»).

За 50 лет многие труженики совхоза за образцовый труд были награждены медалями и орденами: заслуженный механизатор БурАССР, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции, почетный гражданин Еравнинского района Ц. Д. Митыпов; заслуженный механизатор РБ И. В. Рыбаков; заслуженный механизатор БурАССР, депутат Верховного Совета Бурятской АССР В. П. Шумков; бывший скотник совхоза, кавалер ордена «Знак Почета» Ц. Т. Базаров; бывший чабан, скотник совхоза, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Ж. Г. Гынденжапов; скотник, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, П. Б. Рабданов. Приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 24 апреля 2009 г. ЗАО «Комсомольский» Еравнинского района было отнесено к пле-

¹ Центральный архив ВЦСПС, ф. 1, оп. 44, д. 8240, л. 84; Бурятия. – 2008. – 5 апр.

² Правда Бурятии. – 1978. – 3 окт.

³ Народное хозяйство БурАССР в десятой пятилетке... С. 91–92; Народное хозяйство БурАССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 73–74; НАРБ, ф. Р-1, оп. 51, д. 59, л. 10.

⁴ НАРБ, ф. Р-1, оп. 2, д. 11, л. 100; д. 12, л. 10.

⁵ Бурятия. – 2008. – 28 марта.

*На Сотниковской
птицефабрике*

менным заводам по разведению крупного рогатого скота казахской белоголовой породы¹.

В Бурятии наиболее приемлемой формой межхозяйственного кооперирования было создание отраслевых и территориально-отраслевых межхозяйственных объединений, прежде всего в птицеводстве и овощеводстве. Трест «Птицепром» объединил 5 птицеводческих фабрик и ферм яичного направления и утиный совхоз «Кабанский». Производство яиц с 1967 по 1970 г. на 1 птицефабрику треста возросло с 1281 до 2165 шт., в 1970 г. на каждую несушку по тресту было получено 207 яиц против 125 в 1967 г. В сравнении с 1953 г., выход яиц на каждую несушку увеличился в 1970 г. в 5,1 раза, в сравнении с 1962 г. – в 3,98 раза. Специализированные хозяйства имели возможность рационально использовать научно-технические достижения, разделение и кооперацию труда между отдельными внутрихозяйственными подразделениями, совершенствовать технологию производства.

В совхозах «Оймурский» и «Шергинский» шел процесс освоения цеховой технологии производства свинины, объем которого в 1971 г., по сравне-

нию с 1964 г., увеличился в совхозе «Оймурский» в 4,4 раза, в совхозе «Шергинский» – в 6 раз².

В середине 1970-х гг. работа по специализации, концентрации и развитию межхозяйственного производственного кооперирования находилась в начальной стадии. Специализированными совхозами производилось лишь 7 % общего количества овощей, 35 % молока, 31 % говядины, 44 % шерсти. Лучше обстояло дело в производстве свинины – 71 % и птицеводстве – 99 % всей совхозной продукции.

За 1976–1980 гг. были построены крупные сельскохозяйственные производственные объекты: 23 молочных комплекса, Сотниковская и Улан-Удэнская птицефабрики, свинопункты «Южный», «Усть-Кяхтинский» и «Прибайкальский» на 24 тыс. голов откорма в год каждый³. Самыми крупными из 49 колхозно-совхозных межхозяйственных предприятий были колхозно-совхозные межхозяйственные свинопункты «Южный» и «Усть-Кяхтинский», дававшие до 40 % всей производимой в республике свинины. Было образовано межхозяй-

¹ Бурятия. – 2009. – 2 июня.

² НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 5974, л. 13,20; ф. Р-1, оп. 33, д. 56, л. 6.

³ Там же, оп. 36, д. 26, л. 131; оп. 37, д. 30, л. 37; оп. 37, д. 13, л. 90.

ственное государственно-колхозное объединение по производству говядины на базе откормочного совхоза «Талецкий» Заиграевского района¹.

К началу 10-й пятилетки на 9 из 62 специализированных совхозов, занимавшихся свиноводством, приходилось 50 % общего количества производимой свинины, одну треть общего количества говядины давали 18 специализированных мясных совхозов. Более 90 % яиц и 80 % мяса птицы производили 5 птицефабрик и 2 специализированных совхоза треста «Птицепром»².

За 1976–1980 гг. производство свинины возросло на 15 %, мяса птицы – в 1,5 раза. Было налажено поточное промышленное производство мяса птицы на Заиграевской бройлерной фабрике, Еланской, Никольской гусиной, Твороговской утиной фабриках. По сравнению с предшествующим пятилетием, среднегодовая продажа мяса увеличилась на 3,7 %, яиц – на 46 %³. При механической дойке производство молока обходилось дешевле, производительность труда повышалась почти в 2 раза⁴. Но производственные мощности реконструированных ферм и новых молочных комплексов использовались не полностью. В 1977 г. из 23 молочных комплексов проектная мощность по продуктивности коров была освоена на одном «Колесовском» в Кабанском районе, в остальных проектная мощность была освоена в пределах 50–70 %⁵. Причины крылись в том, что молочные комплексы строились порой с отклонениями от проекта и комплектовались малопродуктивными животными. Не было необходимой кормовой базы, не хватало квалифицированных кадров операторов.

В земледелии появились новые организационные формы управления производством, основанные на специализации и межхозяйственной кооперации: объединение «Буртсортсемпром», республиканское производственное объединение «Бурятсельхозхимия» и др. Ориентация колхозов и совхозов Бурятии на производство товарного зерна (пшеницы) приводила к засеву зерновыми одних и тех же полей по несколько лет подряд, что было одной из основных причин низкой урожайности.

Хозяйства вынуждены были приобретать большое количество концентрированных и грубых кормов.

Валовая продукция сельского хозяйства, хотя и медленно, но росла вплоть до 1970 г., увеличившись в 2,6 раза к довоенному уровню, а в дальнейшем находилась почти на одном уровне. С 1978 г. фактически прекратился рост сельскохозяйственного производства, а к концу 10-й пятилетки произошел его спад почти на 20 %. В 1985 г. валовой продукции сельского хозяйства производилось лишь в 2,8 раза больше, чем в 1940 г.⁶

В 1976–1980-е гг. животноводство развивалось в еще более сложных условиях, чем полеводство: в связи с засухой оно недостаточно обеспечивалось кормами. Наблюдалась яловость маточного поголовья, падеж скота. Но в эти же годы поголовье птицы увеличилось на 1120,7 тыс., свиней – на 36,5 тыс. Поголовье крупного рогатого скота возросло на 14 тыс., в т. ч. коров – на 4 тыс., поголовье овец сократилось⁷. Были увеличены среднегодовые объемы закупок продуктов животноводства: мяса – на 3,6 %, молока – на 8,6, шерсти – на 6,2, яиц – на 45,8 %. Производство свинины в общественном секторе возросло на 5,5 %, мяса птицы – на 54.

В 1960–1980-е гг. в колхозах и совхозах республики за счет увеличения капитальных вложений (более 1,6 млрд. руб.) почти полностью обновился машинно-тракторный парк, за счет поступления более энергетически мощных и производительных машин произошла его качественная перестройка. Только за 10-ю пятилетку колхозы и совхозы республики получили от государства 5164 трактора, 5567 грузовых автомобилей, 1672 зерновых комбайна и много другой техники и механизмов⁸.

В полеводстве были механизированы все трудоемкие процессы, в животноводстве достаточно высокий уровень механизации был достигнут в свиноводстве – 63 % и птицеводстве – 90 %. Механизация ферм крупного рогатого скота была недостаточной – от 30 % до 67 %. Интенсификация сельского хозяйства достигалась за счет мелиорации земель, селекции, химизации и распространения

¹ Лысов В. Ф. Агропромышленный комплекс в зоне Байкала // Опыт и проблемы развития. – М., 1979. – С. 70.

² НАРБ, ф. Р-1, оп. 45, д. 22, л. 90; д. 13, л. 23.

³ Там же.

⁴ ГАРФ, ф. 7689, оп. 20, д. 3066, л. 24.

⁵ НАРБ, ф. Р-1, оп. 37, д. 23, л. 60; оп. 45, д. 22, л. 36.

⁶ Лысов В. Ф. Агропромышленный комплекс в зоне Байкала // Опыт и проблемы развития. – С. 112; Правда Бурятии. – 1993. – 1 июня.

⁷ Подсчитано по: Народное хозяйство БурАССР в десятой пятилетке... – С. 74–76; НАРБ, ф. Р-691, оп. 7, д. 12, л. 29; оп. 1, д. 2905, л. 24.

⁸ 60 лет Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1984. – С. 27, 28.

ния новых высокопродуктивных сортов растений и пород скота.

К началу 1980-х гг. в Бурятии насчитывалось 115 совхозов, 55 колхозов, 29 государственных межхозяйственных сельскохозяйственных предприятий. Это были механизированные хозяйства, имевшие высокопродуктивные стада крупного рогатого скота, развивавшие тонкорунное овцеводство, мясное скотоводство, птицеводство. В год они производили сельскохозяйственной продукции более чем на 356 млн. руб.¹

Особенность этого периода заключалась в формировании АПК. Кроме колхозов и совхозов существовало 59 сельскохозяйственных предприятий, 96 предприятий, состоявших на самостоятельном балансе, свинокомплексы, мощные откормочные базы и молочные комплексы, появились предприятия мелiorации, агрохимии, строительства и техники.

С 1960 по 1985 г. численность жителей села уменьшилась с 410,8 до 385 тыс. и составила 38,0 % от населения республики. В составе сельского населения продолжался рост численности рабочих и служащих, сокращение доли колхозников: в 1979 г. составила 15,2 %, рабочих и служащих – 84,8 %. В 3,4 раза увеличилась в колхозах и совхозах численность специалистов с высшим и средним специальным образованием.

В животноводстве во многих хозяйствах начала внедряться сменная работа, все населенные пункты, чабанские бригады при маточных отарах, вдали от центральных усадеб хозяйств, получали электроэнергию от государственной электросети. В населенных пунктах появились добротные жилые дома, Дома культуры и клубы. В каждом колхозе и совхозе было выстроены средние школы, детские сады, районные и участковые больницы, поликлиники и аптеки.

Однако в развитии сельскохозяйственного производства в эти годы наблюдались и негативные тенденции, выразившиеся в более низких темпах роста сельскохозяйственного производства, отставании социальной инфраструктуры села, что вело к сокращению трудовых ресурсов деревни. В 1970-е гг. власти отказались от концепции хозяйственной реформы 1965 г., вследствие чего расстроилась система хозрасчета, а кредит превратился в безвозмездную форму бюджетных ассигнований. Экономические методы управле-

ния заменялись наращиванием капитальных вложений в аграрную сферу. Однако для существенных сдвигов в продовольственном обеспечении населения одного технического перевооружения сельского хозяйства оказалось недостаточно. Необходим был хозяйственный механизм, продуктивно использующий поток материальных и финансовых ресурсов. Реализация слишком большого числа проектов частично являлась причиной чрезмерного увеличения средств без должной отдачи.

Попыткой исправить положение было принятие в мае 1982 г. Продовольственной программы, соединявшей воедино вопросы развития сельского хозяйства и обслуживавших его отраслей промышленности, заготовок, хранения, транспортировки, переработки продукции и торговли продуктами питания. Ее принятие также было продиктовано необходимостью перехода к качественно новым принципам планирования и управления, разработки целевых программ.

Неоднократно (в середине 1950-х, 2-й половине 1960-х, середине 1980-х гг.) перед обществом ставились задачи перехода на интенсивную экономику, социально-экономические и политические формы и средства управления народным хозяйством, но производственные отношения оставались, по существу, адекватными экстенсивному пути развития. Поэтому принимаемые меры приносили кратковременный успех: качественные показатели улучшались медленно, а некоторые даже ухудшались. Достигнутые результаты оказались далекими от запланированных и несоизмеримыми с финансовыми затратами. Колхозная система не имела реальных возможностей проявить свой потенциал как кооперативная форма хозяйства.

6.4. Материальное благосостояние населения БурАССР

Принципиальные перемены в уровне жизни населения страны стали ощутимо сказываться со 2-й половины 1950-х гг. Однако гораздо сильнее они проявились в 1960-е и 1970-е гг., когда общую ориентацию хозяйственного развития страны стал определять курс на повышение благосостояния народа.

Подъем общей культуры и квалификации работников столь же быстро и постоянно увеличивал их материальные и культурные потребности. Без удовлетворения этих потребностей невозможно было

¹ Там же.

обеспечить народное хозяйство кадрами, необходимыми для современного производства.

К началу 1960-х гг. произошел существенный рост заработной платы рабочих и служащих, которая, как известно, является основным источником доходов рабочего класса (она обеспечивала 75–85 % всех поступлений в семейные бюджеты рабочих и служащих). Важнейшим условием, способствовавшим росту заработной платы, явились мероприятия по ее упорядочению. На первом этапе была повышена зарплата низко- и среднеоплачиваемых работников материального производства. Затем это коснулось и работников непроизводственной сферы. Упорядочение зарплаты было направлено на уменьшение разрыва в оплате труда низко- и высококвалифицированных работников. Введенные новые тарифные сетки и тарифные ставки в значительной степени сократили этот разрыв. Если раньше тарифные ставки рабочих высшего разряда в основных отраслях промышленности были выше ставки низшего разряда в 2,5–3,5 раза, то после упорядочения – в 1,8–2 раза, что способствовало повышению удельного веса тарифной системы в общем фонде заработной платы. В результате заработная плата к началу 1960-х гг. существенно увеличилась на основе совершенствования нормирования и тарификации¹.

В 1960 г. в Бурятии и ряде других районов Сибири и Дальнего Востока был введен районный коэффициент 1,2 к заработной плате рабочих и служащих большинства производственных отраслей народного хозяйства. Были повышены минимальные размеры зарплаты, отменены налоги с заработной платы до 60 руб. и снижены с зарплаты до 80 руб. Темпы роста заработной платы рабочих и служащих Бурятии в годы семилетки опережали темпы роста заработной платы рабочих и служащих в целом по стране и РСФСР. С 1960 по 1965 г. прирост заработной платы рабочих и служащих составил по Бурятии 20,8 %, по РСФСР – 19,1 %, по стране – 19,7 %. Но это увеличение являлось, главным образом, результатом введения в республике районного коэффициента и повышения ставок и окладов, а не планомерного роста производительности труда, как это было в целом по стране (табл. 1)².

Введенные к заработной плате коэффициенты должны были компенсировать имеющиеся различия в условиях жизни и труда в северных и восточных регионах. Однако эта компенсация была недостаточной и потому не способствовала в той мере, в какой задумывалась, привлечению, а тем более закреплению новых рабочих кадров.

Таблица 1

Среднемесячная денежная оплата труда рабочих и служащих (руб.)*

Регион	1965 г.	1980 г.	1986 г.
РСФСР	97,6	177,7	207,8
Восточно-Сибирский район	112,4	206,9	240,0
Бурятская АССР	103,0	189,6	222,0
Читинская область	104,3	187,9	220,0
Иркутская область	112,8	209,9	246,0

* Сост. по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М., 1987. – С. 434; Бурятская АССР в цифрах. – Улан-Удэ, 1987. – С. 75.

При общем росте заработной платы рабочих и служащих в разных областях и автономных республиках Сибири наблюдались существенные различия. В 1965 г. размер среднемесячной заработной платы рабочих и служащих региона составлял от 103,0 (Бурятская АССР) до 112,8 (Иркутская область), а в 1986 г. от 220,0 (Читинская область) до 246,0 руб. (Иркутская область). При этом размер

средней зарплаты в рассмотренных районах был выше, чем по РСФСР. Этому в первую очередь способствовало введение районных коэффициентов к заработной плате работников некоторых отраслей индустрии, интенсивное развитие ряда отраслей промышленности с более высокой оплатой труда и др. Различия в оплате труда во многом были обу-

¹ Ефимкин М. М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х гг. – Новосибирск, 1990. – С. 104.

² Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма... – С. 218; Народное хозяйство СССР за 70 лет: стат. сб. – М., 1987. – С. 431, 434.

Праздничная демонстрация на пл. Советов в Улан-Удэ

словлены и дифференциацией районных коэффициентов как на территории, так и по отраслям. Это приводило к тому, что заработная плата у рабочих сквозных профессий, работавших в разных отраслях, существенно различалась, что, в свою очередь, способствовало текучести кадров, слабому их закреплению на производстве. В 1985 г. средняя заработная плата работников промышленности Бурятской АССР (промышленно-производственного персонала) достигла 238,6 руб. в месяц и превысила уровень 1959 г. в 2,4 раза.

В годы 10-й пятилетки была увеличена оплата труда отдельных категорий работников черной и цветной металлургии, угольной и текстильной промышленности. В годы 11-й пятилетки были установлены дополнительные льготы по заработной плате работникам лесной промышленности.

Работающим на предприятиях хлебопекарной и макаронной промышленности (независимо от ведомственной подчиненности) были повышены доплаты за работу в ночное время. Рабочим, мастерам, руководителям участков и других подразделений, специалистам и служащим, работавшим в двух- и трехсменном режиме на предприятиях промышленности, строительства, транспорта и связи, были установлены доплаты за работу в вечернюю и ночную смены (взамен доплат за работу в ночное время). Были установлены также некоторые другие меры морального и материального стимулирования за работу в многосменном режиме.

Зарботная плата рабочих промышленности росла опережающими темпами по отношению к зарплате специалистов. В 1959 г. заработная плата рабочих в промышленности Бурятии составляла 66,6 % заработной платы инженерно-технических работников, в 1976 г. – 87,0 %, а к 1980 г. уже отмечалось отставание должностных ставок и окладов рядового состава инженерно-технических работни-

ков от среднего размера заработной платы квалифицированных рабочих и лиц, занятых на производстве с тяжелыми и вредными условиями. Такое положение было не совсем правильным, в какой-то мере обесценивавшим труд инженеров и техников. Часто практиковалось нерациональное использование дипломированных специалистов. Значительная их часть работали на должностях, не требовавших такого уровня подготовки.

В этот период особое внимание было обращено на сокращение разрыва между низко- и высокооплачиваемыми слоями рабочих и служащих. В 1960–1970-е гг. трижды увеличивался минимальный размер заработной платы рабочих и служащих, дважды повышались ставки и оклады среднеоплачиваемых категорий работников.

В эти и последующие годы был принят и введен в жизнь целый ряд партийных и правительственных постановлений, направленных на совершенствование системы оплаты труда и повышение заработной платы трудящихся.

В целом значительно увеличился совокупный доход рабочих семей. Почти во всех районах Сибири в 1981 г. он составил 400 руб. и более, а в 1985 г. почти 500 руб.

Высокие темпы роста заработной платы и увеличение ее доли в составе денежного совокупного дохода были обусловлены также изменением системы премирования за перевыполнение плана по росту производительности труда. Зарботная плата передовых рабочих стала гораздо выше средней.

В большой степени этому способствовала введенная в годы 8-й пятилетки новая система планирования и экономического стимулирования. Создававшийся путем отчислений от прибылей фонд материального поощрения позволил значительно увеличить выплату премий, единовременных пособий и других видов вознаграждений.

*Мать-героиня
Ц. Д. Аюшеева*

Большую роль играли общественные фонды потребления (ОФП), которые служили источником дополнительных доходов трудящихся. Из ОФП населению обеспечивались бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата ежегодных отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержание детей в дошкольных учреждениях и ряд других выплат и льгот.

В 1960 г. общественные фонды потребления в стране составили 27,3 млрд. руб., их размер в 5 раз превысил довоенный уровень. В 1985 г. эта сумма достигла 147 млрд. руб. и превысила уровень 1960 г. в 5,4 раза¹.

По Бурятской АССР выплаты и льготы населению из ОФП с 1960 по 1985 г. возросли также в 5 раз. В совокупных доходах рабочих и служащих выплаты и льготы из этих фондов в 1980 г. составили 22,8 %². Пенсионное обеспечение осуществлялось полностью за счет средств государства, без каких-либо вычетов из доходов трудящихся.

Переход к системе содержания основной массы престарелых с помощью общественных фондов потребления начался с принятия в 1956 г. Закона о государственных пенсиях. По этому закону был расширен круг лиц, имевших право на пенсии, а сами пенсии были существенно увеличены. Временем создания всеобщей системы пенсионного обеспечения престарелых явились 1960–1970-е годы.

В этот период в пенсионный возраст стали вступать мужчины и женщины, которые несколько десятилетий назад обеспечили стремительное увеличение рабочего класса. Теперь тем же темпом шло относительное и абсолютное нарастание числа рабочих и служащих, имевших право на пенсии по старости. Численность пенсионеров, состоявших на учете в органах социального обеспечения Бурятской АССР, в 1961 г. составила 45 тыс., а в 1985 г. – 156,9 тыс.³

Более 1/3 всех общественных фондов потребления шло на социальное обеспечение и социальное страхование. Пенсионный возраст по старости был установлен для мужчин 60 лет, для женщин – 55 лет. Для рабочих и служащих, которые были заняты на горячих, подземных и других тяжелых работах, пенсионный возраст был уменьшен на 5–10 лет. В годы 8-й пятилетки получили право на пенсионное обслуживание на 5 лет раньше установленного срока работники текстильной промышленности. Возрос средний размер получаемых пенсий. В области социального страхования были установлены пособия по временной нетрудоспособности в размере 100 % среднемесячной заработной платы при непрерывном стаже от 5 до 8 лет. По бюджету государственного социального страхования в 1965 г. расходы составили 14,8 млн. руб., в 1970 г. – 24,8 млн. руб., всего за годы 8-й пятилетки – 113,8 млн. руб.⁴

В годы 9-й пятилетки минимальный размер пенсий по старости рабочим и служащим был увеличен до 45 руб. В целях улучшения материального положения малообеспеченных семей с 1974 г. были введены пособия на детей из этих семей. Размер ежемесячного пособия составлял 12 руб. и выплачивался до достижения ребенком 8-летнего возраста, если совокупный доход на члена семьи не превышал 50 руб. Женщины по беременности и родам получили право на получение пособий в размере 100 % заработной платы независимо от трудового стажа, увеличилось число дней по уходу за больным ребенком. Матери, имевшие двоих детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка получали от государства единовременное пособие, а имевшие троих детей при рождении четвертого и каждого следующего ребенка – ежемесячное пособие.

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет: стат. сб. – С. 435.

² Беляков А. М. Социально-экономическое развитие республики в современных условиях // Великий Октябрь и развитие бурятского народа. – Улан-Удэ, 1987. – С. 34.

³ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. – С. 130.

⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 255.

Строительство детской клинической больницы

В 11-й пятилетке в целях усиления государственной помощи семьям были введены выплаты государственного единовременного пособия работающим или обучающимся с отрывом от производства матерям в размере 50 руб. при рождении первого ребенка и 100 руб. при рождении второго и третьего ребенка с сохранением действовавших размеров пособий при рождении четвертого и последующих детей.

В годы 10-й пятилетки было проведено дальнейшее улучшение пенсионного обеспечения некоторых категорий работников угольной промышленности и черной металлургии. В 1980 г. был повышен минимальный размер пенсий инвалидам Великой Отечественной войны III группы, инвалидам I и II групп было предоставлено право бесплатного проезда по железной дороге.

Инвалидам III группы и проживающим совместно с ними членам их семей была предоставлена 50-процентная скидка с квартирной платы и установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией; инвалиды III группы были освобождены от уплаты подоходного налога с получаемой заработной платы независимо от ее размера.

За годы 11-й пятилетки был принят ряд важных партийных и правительственных постановлений, направленных на улучшение социального обеспечения ветеранов войны и труда. По республике расходы на социальное обеспечение увеличились за пятилетку на 40 %¹. Были увеличены размеры пен-

сий и пособий 90 тыс. чел. С 1 ноября 1981 г. минимальные размеры пенсий и пособий по старости были увеличены до 50 руб.

Система социального обеспечения не ограничивалась лишь выплатами пособий и пенсий. Только половина общественных фондов потребления реализовывалась в форме различных денежных выплат; другую половину составляли средства, направляемые государством, профсоюзами, предприятиями и организациями на разного рода услуги (здравоохранение, общее и профессиональное образование, культурное обслуживание, воспитание детей и подростков, обслуживание жилых домов, принадлежавших местным Советам и ведомствам и т. д.), оказываемые населению бесплатно или на льготных условиях. Это были невидимые, но весьма существенные – до 15 % – поступления в бюджеты рабочих семей.

В республике была создана широкая система медицинской помощи, финансируемая из общественных фондов потребления. Если в 1960 г. в Бурятской АССР действовало 150 больничных учреждений, в которых было 5863 места, то в 1985 г. число их в результате укрупнения сократилось до 143, зато количество коек возросло в 2,3 раза и составило 13616 мест².

Большинство действующих ныне больниц и поликлиник было построено в течение этого периода: за годы 9-й пятилетки – больничный комплекс в Кяхте, Улан-Удэнская городская больница скорой помощи с поликлиникой, комплекс железнодорожной больницы с поликлиникой в Улан-Удэ и др., за годы 10-й пятилетки – за счет промышленных предприятий больницы в г. Гусиноозерске, п. Ильинка, в 11-й пятилетке началось строительство многопрофильной клинической детской больницы в Улан-Удэ.

Благодаря технической оснащенности учреждений здравоохранения, повышению квалификации кадров улучшилось медицинское обслуживание населения. Численность врачей всех специальностей увеличилась с 1959 по 1989 г. в 4 раза, среднего медицинского персонала – в 3 раза³.

Вместе с тем все еще остро стояла проблема более полного удовлетворения потребно-

тилетки... – С. 90.

² Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. – С. 227; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. – С. 128.

³ Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый и итоги пятилетки... – С. 90.

¹ Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый и итоги пя-

Герой Советского Союза Н. С. Афанасьев среди юных земляков-хоринцев

стей населения в высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощи.

Как известно, старость и инвалидность приводят к возникновению у трудящихся особых потребностей, обусловленных состоянием их здоровья, прежде всего существенного расширения медицинского обслуживания или наблюдения, что для многих инвалидов и престарелых становится постоянной необходимостью. В годы 10-й пятилетки в Бурятской АССР количество проживавших в домах-интернатах увеличилось с 1384 до 1540 чел.¹ Ежегодно возрастали расходы на содержание домов-интернатов для инвалидов и престарелых. Почти 3 млн. руб. было израсходовано на эти цели в 1985 г. – на 19 % было больше, чем в 1980 г. Было улучшено питание ветеранов, их бытовые условия. К примеру, в Мухоршибирском доме-интернате построены новое общежитие, котельная, столовая, красный уголок. В домах-интернатах развивались подсобные хозяйства, чтобы люди могли не только отдыхать, но и, по желанию, трудиться.

В этот период в социальном обеспечении, здравоохранении, народном образовании произошли значительные качественные изменения, позволявшие полнее удовлетворять возраставшие духовные потребности жителей республики. Особое внимание уделялось воспитанию и образованию подрастающего поколения. В годы семилетки, в начале 8-й пятилетки было введено обязательное восьми-

летнее образование молодежи. Во 2-й половине 1960-х гг. начался переход к обязательному среднему образованию. В Бурятской АССР реконструировались, расширялись старые и строились, уже по типовым проектам, новые школы. В 1960/61 уч. г. в республике работали 741 общеобразовательная школа с контингентом 140,1 тыс. учащихся, в 1985/86 уч. г. – 601 школа, в которых обучалось 176,1 тыс. школьников². Сокращение числа общеобразовательных школ объяснялось их укрупнением. В новых типовых школьных зданиях были оборудованы предметные кабинеты. При всех восьмилетних и средних школах были созданы учебные мастерские, где школьники получали основы политехнических знаний. В годы 9-й и 10-й пятилеток соз-

давались учебно-производственные комбинаты, напрямую связанные с коллективами базовых предприятий. В школах была введена новая программа по трудовому обучению, особенностью которой являлась большая практическая и профориентационная направленность. Широкое распространение получила такая форма обучения и воспитания учащихся младших классов, как группы и школы продленного дня. В 1970/71 уч. г. школ продленного дня и школ с группами продленного дня было 284, с контингентом 19,4 тыс. учащихся, а в 1985/86 уч. г. – уже 392, с контингентом 53,9 тыс.³.

Большая работа велась по организации летнего отдыха школьников, улучшению его качества. Расширение сети пионерских лагерей позволило увеличить число отдохнувших детей. В 1960 г. в них отдохнуло 18,7 тыс., в 1980 г. – 25,4 тыс., в 1985 г. – 23,1 тыс. школьников.

Улучшалось материальное и бытовое положение студентов. Размеры стипендий студентов вузов возросли на 25 %, учащихся средних специальных учебных заведений и училищ ПТО – на 50 %. В 1960/61 уч. г. в вузах республики обучалось 5,4 тыс. студентов, в 1985/86 году – 22,2 тыс., в средних специальных учебных заведениях – соответственно 7 тыс. и 17,7 тыс.⁴ За счет укрепления материально-

¹ Десятая пятилетка Бурятии. Год пятый... – С. 91.

² Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 129–130.

³ Там же, с. 131.

⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 240; Народ-

технической базы учебных заведений, повышения заработной платы преподавателей, роста их квалификации, увеличения размеров стипендий студентов постоянно росла стоимость обучения на всех уровнях. В 1-й половине 1960-х гг. обучение каждого школьника обходилось государству в среднем более 100 руб. в год; в школах с продленным днем – примерно 150; в школах-интернатах – 600; подготовка специалиста в вузе – 800–900 (включая стипендию); в среднем учебном заведении – 450 руб.¹

В 1980 г. расходы на 1 обучающегося в общеобразовательной школе составили 180 руб., в среднем специальном учебном заведении – 670 руб., в вузе – более 1 тыс. руб. в год.

В 1985 г. на обучение 1 ученика в общеобразовательной школе республики было затрачено в среднем 315 руб., на содержание и обучение в интернате при школе – 609, в школе-интернате – 1418 руб.²

Интенсивно развивалась сеть дошкольных учреждений. Если в 1960 г. их насчитывалось 287 с 18,4 тыс. детей, то в 1985 г. – уже 690 с контингентом 76,7 тыс. детей³. Качественно изменились условия, в которых работали дошкольные учреждения. Развитие народного хозяйства республики, необходимость привлечения в расширявшееся производство новой рабочей силы, в т. ч. женщин, требовали большего количества садов и яслей. Однако строительство детских дошкольных и других гражданских объектов отставало от возраставших потребностей.

О росте народного потребления свидетельствуют данные розничной государственной и кооперативной торговли. Через торговлю реализуется 4/5 всех средств, поступающих в личное потребление населения. Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, увеличился с 269,0 млн. руб. в 1960 г. до 1183,7 млн. в 1985 г.⁴ В то же время темпы роста розничного товарооборота по Бурятской АССР были ниже, чем в среднем по Российской Федерации.

ное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 134.

¹ Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма... – С. 232–233.

² Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый... – С. 87.

³ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 130.

⁴ Рассчитано по: Бурятская АССР в цифрах. – Улан-Удэ, 1986. – С. 14.

Увеличение общего объема розничного товарооборота сопровождалось улучшением его структуры. За период 1960–1980 гг. расходы на продовольственные товары выросли в 2,4 раза, а на непродовольственные – в 3,1 раза⁵. Только за годы 10-й пятилетки продажа трикотажных изделий возросла на 37,2 %, тканей – на 33 %, обуви – на 10 %. Был обеспечен более высокий рост продажи товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Реализация бытовых электропылесосов возросла на 56 %, часов – на 29, фотоаппаратов – на 22, мотоциклов и мотороллеров – на 14,4, легковых автомобилей – на 18 %.

В 1980 г. в республике на каждые 100 семей приходилось 90 телевизоров, радиоприемников и радиол, 91 стиральная машина, 72 холодильника, 16 мотоциклов и мотороллеров⁶. За 1981–1985 гг. объем розничного товарооборота Бурятии увеличился в сопоставимых ценах на 14,5 % и в расчете на душу населения составил 1175 руб. против 1059 в 1980 г. В 1985 г., несмотря на сокращение продажи винно-водочных изделий в связи с антиалкогольной кампанией, розничный товарооборот возрос на 0,5 % против 1984 г.

Структура питания трудящихся республики в этот период улучшилась за счет роста потребления наиболее ценных в питательном отношении продуктов. В 1985 г., по сравнению с 1960 г., потребление мяса и мясoproдуктов на душу населения увеличилось на 16 кг (33 %), молока и молочных продуктов – на 88 кг (46 %), яиц – на 98 шт. (75 %), рыбы и рыбопродуктов – на 19,5 кг (100 %), сахара – на 37 кг (100 %), масла растительного – на 9 кг (100 %), картофеля – на 3 кг (3 %), овощей и бахчевых – на 28 кг (64 %), хлеба и хлебных продуктов – снизилось на 7 кг (5 %)⁷. Значительно возрос удельный вес высококалорийных продуктов в питании населения, хотя по перечисленным компонентам потребления продовольственных товаров Бурятия также отставала от РСФСР. В то же время норма потребления картофеля, хлеба и мучных изделий в расчете на душу населения оставалась выше, по сравнению с РСФСР в целом, и превышала научно обоснованные рекомендации.

В 1959–1990 гг. продолжала укрепляться материальная база торговли. В республике было по-

⁵ Клопов Э. В. Рабочий класс СССР. – М., 1985. – С. 118.

⁶ Десятая пятилетка Бурятии. Год пятый... – С. 84.

⁷ Рассчитано по: Бурятская АССР в цифрах... – С. 85.

строено много новых, современных магазинов, предприятий общественного питания, реконструированы старые магазины и столовые, увеличена их торговая площадь и число мест. Всего за 1961–1990 гг. было введено в действие 927 магазинов общей площадью 98130 кв. м и 269 предприятий общественного питания на 18706 мест¹.

За 30 лет в Бурятской АССР изменилось соотношение розничного товарооборота, улучшилась его структура. В связи с ростом доходов трудящихся произошли радикальные изменения в сфере потребления промышленных товаров. Повышение уровня обеспеченности рабочих семей предметами культурно-бытового назначения сопровождалось повышением качества этих товаров.

Одним из наиболее важных результатов социального развития в этот период являлось существенное улучшение жилищных условий трудящихся. Жилищное строительство велось в основном за счет государственных и частично кооперативных средств. В 1961–1990 гг. государственные и кооперативные организации вложили в жилищное строительство 1508,9 млн. руб. За этот период было введено государственными и кооперативными организациями 6492,4 тыс. кв. м жилой площади, 693,6 тыс. кв. м жилой площади – населением за свой счет и с помощью государственного кредита (без жилых домов колхозников)².

Для улучшения жилищных условий рабочих семей особенно большое значение имели два обстоятельства. Во-первых, почти 2/3 всего нового жилищного строительства, осуществленного в Бурятской АССР в этот период, приходилось на города – основную сферу жизнедеятельности рабочего класса. Жилищный фонд городов и поселков городского типа возрос на 222 %. В годы семилетки в городах было введено в строй 89,5 % от всего построенного в республике жилья; в годы 8-й пятилетки – 70,2; 9-й – 69,6; 10-й – 71,8; 11-й – 68,1 %³. Во-вторых, значительная часть нового жилья строилась за счет государственных капитальных вложений. Квартиры в домах, принадлежавших местным Советам или предприятиям, предоставлялись бес-

платно. Увеличилась средняя обеспеченность рабочих и служащих Бурятии жилой площадью, однако рост был незначительным и уступал среднесибирским показателям. В 1972 г. в Бурятской АССР отдельные квартиры имели 57,5 % рабочих и служащих, а в 1981 г. – 62,7 %, т. е. рост составил 5,2 %, тогда как по Восточной Сибири – соответственно 53,4 % и 62,4 %, или обеспеченность отдельными квартирами возросла на 9,0 %⁴. На получение рабочими современного жилья влияли такие социально значимые факторы, как многочисленность семей, продолжительность трудового стажа, особенно на данном предприятии, уровень их производственной и общественной активности.

За 1960–1990 гг. было в основном ликвидировано такое наследие прошлых лет, как жилье барачного типа, построенное в 1930-е гг., когда начали сооружаться промышленные гиганты Бурятии – ЛВРЗ, мясокомбинат, БМДК и др. Существенно улучшилась благоустроенность рабочих жилищ. Плановая застройка коренным образом изменила облик городских и сельских поселений. Строительство многоэтажных каменных домов, начатое на рубеже 1950–1960-х гг., создание производственных и жилых кварталов с сохранением зеленых зон отдыха значительно улучшило внешний вид городов, условия жизни населения. Только за 1981–1985 гг. в республике на благоустройство жилья было израсходовано 23,5 млн. руб. Уровень благоустройства жилищного фонда возрос на 6 %⁵.

Конечно, существенное улучшение жилищных условий рабочих семей, всего населения в 1960–1980-е гг. не означает, что уже тогда все проблемы обеспечения трудящихся новым благоустроенным жильем были решены. Немало семей продолжали жить в коммунальных, неблагоустроенных квартирах, годами ожидая получения жилья. Несмотря на улучшение работы строителей, планы ввода жилья зачастую не выполнялись. Имелось немало нареканий на качество строительства. В 1984 г. инспекцией Госархстройконтроля и Госгражданстроя СССР была проведена выборочная проверка качества строительства жилья и объектов соцкультбыта. В результате проверки были высказаны серьезные замечания «Главбурятстрою», «Улан-Удэтранстрою»,

¹ Там же, с. 108.

² Материалы Бурятского республиканского управления статистики; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 99.

³ Рассчитано по: Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. – 1984. – С. 188; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 108.

⁴ Ефимкин М. М. Рабочие Сибири. Конец 1950-х – середины 1980-х гг... – С. 125.

⁵ Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый... – С. 113.

объединению «Бурятпромстройматериалы»¹. Темпы и масштабы жилищного строительства отставали от возраставших потребностей населения республики.

Однако четко обозначившаяся тенденция к улучшению положения в жилищном вопросе была воспринята как уже сложившаяся реальность в масштабах всей страны. Была поставлена задача обеспечения к 2000 г. каждой семьи отдельной квартирой или домом². Это было явным забеганием вперед, результатом субъективного подхода к решению одной из важнейших социальных задач. Не были учтены возможности строительной индустрии, состояние наличного жилого фонда, прогнозируемый рост населения и развитие экономики.

Несмотря на имевшиеся недостатки, в Бурятской АССР была выполнена жилищная программа, позволившая рабочим и служащим кардинально улучшить свои жилищные условия. В целом средняя обеспеченность жильем рабочих и служащих автономной республики была ниже, чем по Восточной Сибири (11,7 кв. м на 1 чел.) и РСФСР (13,2 кв. м) при действующем нормативе обеспеченности общей жилой площадью в 13,5 кв. м. В Бурятии средняя обеспеченность в расчете на 1 жителя была увеличена на 60 % и доведена до 11,6 кв. м.

Повышение уровня жизни рабочих и их семей было связано также и с тем, что в 1960–1970-е гг. у всех работников государственного сектора народного хозяйства существенно улучшилось соотношение рабочего и нерабочего времени, увеличился фонд свободного времени, которое могло быть использовано для отдыха и досуга, для воспитания детей и собственного профессионального и культурного развития. Во 2-й половине 1950-х гг. весьма ощутимо сократилась продолжительность рабочей недели – с 48 до 41 часа. Во 2-й половине 1960-х гг. был осуществлен переход на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными днями, позволивший оптимизировать распределение свободного времени. Росту фонда свободного времени способствовало значительное увеличение годичных отпусков.

Укреплению достатка в семье содействовало развитие коллективного садоводства и огородничества. К концу рассматриваемого периода в Бурятской АССР насчитывалось 57 садоводческих товариществ, в которых было занято более 20 тыс. семей городов Улан-Удэ, Гусиноозерска и Закамен-

ска. Коллективным огородничеством в республике было занято около 40 тыс. чел.³ Предприятиями Министерства жилищно-коммунального хозяйства республики было освоено производство домиков для участков, в широком ассортименте производился и завозился различный инвентарь, удобрения.

В 1960–1970-е гг. личное подсобное хозяйство уже не играло той роли, что прежде. Это было обусловлено, с одной стороны, развитием урбанизации, которая проявляется не только в росте городов и удельного веса горожан в составе всего населения, но и в усиленном внедрении городских стандартов и городских условий жизни в повседневный быт жителей малых городов и рабочих поселков. С другой стороны, уменьшению затрат времени на труд в личном подсобном хозяйстве способствовало получившее широкое распространение в массовом сознании трудящихся мнение об этом занятии как об архаичном и потому подлежащем возможно большей минимизации. Такое уменьшение было несвоевременным, потому что, во-первых, достигнутый уровень производства сельскохозяйственной продукции еще не обеспечивал удовлетворения всех потребностей населения в продуктах питания, а во-вторых, работа в подсобном хозяйстве играла немалую роль в трудовом воспитании детей, подростков, усиливала семейную ориентацию взрослых. Интерес городских рабочих к личному подсобному хозяйству не иссяк, а возрос к концу 1970-х – началу 1980-х гг. Этой проблеме было уделено серьезное внимание, т. к. коллективное садоводство и огородничество давало не только добавку к семейному столу, но и рациональный досуг и трудовое воспитание детей.

Большое значение придавалось эффективному и наиболее рациональному использованию нерабочего времени, улучшению быта и отдыха трудящихся, поэтому совершенствовалось бытовое обслуживание, выполнявшее широкий спектр различных видов услуг. Если в послевоенные годы в стране насчитывалось несколько десятков видов услуг, то к 1990 г. их стало более 640. Только за двадцатилетие, с 1960 по 1980 г., число предприятий бытового обслуживания в Бурятии увеличилось с 423 до 831, объем выполненных работ – с 2523 тыс. руб. до 28207 тыс., или в 11 с лишним раз. Среднегородовая численность работников в 1965 г. составила

¹ НАРБ, ф. П-1, оп. 3, д. 91, л. 12.

² Материалы XXVII съезда КПСС. – М., 1987. – С. 60.

³ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 116.

1102 чел., в 1985 г. – 7894 чел., т. е. увеличилась в 7 раз¹. Служба быта превратилась в крупную механизированную отрасль народного хозяйства со специализированными предприятиями, оснащенными современной техникой. На смену маломощным мастерским, оказывавшим населению ограниченный круг услуг, были введены в эксплуатацию крупные комбинаты бытового обслуживания: в годы 9-й пятилетки был открыт Дом быта в г. Улан-Удэ, в 10-й пятилетке начал действовать завод по ремонту радиоаппаратуры в г. Улан-Удэ, 4 комбината бытового обслуживания. В годы 11-й пятилетки по линии Минфина было введено 118 объектов площадью 14,7 тыс. кв. м, построены дома бытовых услуг в п. Кырен, Новокижингинск, расширена сеть комплексных приемных пунктов в г. Улан-Удэ. Построено ГПТУ бытовиков проектной стоимостью 1237 тыс. руб. В 1984 г. было открыто 12 комплексных приемных пунктов, дом бытовых услуг в пос. Онохой, ателье «Сапожок» в г. Улан-Удэ, фотоателье в г. Северобайкальске. Всего за годы пятилетки было освоено капитальных вложений на сумму 5,2 млн. руб. и приобретено оборудования на 3 млн.²

Были внедрены новые виды услуг: ремонт цветных телевизоров, профилактическое обслуживание телевизоров черно-белого изображения, срочная химчистка, обмен неисправных приборов на заранее отремонтированные, фотосъемка свадебных

ритуалов, антимошная обработка одежды и меховых изделий и т. д. Развивались прокат предметов культурно-бытового назначения, химическая чистка и крашение, ремонт и индивидуальный пошив обуви, ремонт бытовых машин и приборов. В повседневную жизнь вошли прием заказов на дому и по телефону, доставка выполненных заказов на дом, ремонт бытовой техники мастерами на дому, выполнение заказов предприятиями бытового обслуживания в присутствии заказчика и др. Это позволило за 11-ю пятилетку увеличить объем бытовых услуг на 35,1 %. Причем рост был достигнут в основном за счет использования резервов, повышения производительности труда. За эти годы более чем в 2 раза вырос объем услуг по ремонту теле- и радиоаппаратуры, в 2,6 раза – по ремонту холодильников, пылесосов, стиральных и швейных машин, по ремонту и строительству жилья, в 3 раза – услуги пунктов проката. Почти вдвое увеличили свою мощность Северобайкальский и Баунтовский райбыткомбинаты, Буряттелерадиобыттехника, Бурятремстройбыт, Бурятобувбыт. Но Бурятия по объему бытовых услуг все же отставала от средних показателей по стране и РСФСР (табл. 2), необходимо было развивать эту отрасль, т. к. расширение комплекса и объема бытовых услуг имело большое значение для обслуживания населения, роста его благосостояния и культурного уровня.

Таблица 2

Объем оказанных бытовых услуг в расчете на душу населения, руб.

Регион	1965 г.	1985 г.
Бурятская АССР	6,21	27,8
РСФСР	9,0	41,0
СССР	8,17	39,0

Сост. по: Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке... – С. 148; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 125; Народное хозяйство СССР за 70 лет... – С. 501.

В этот период в республике проводится большая работа по расширению сети коммунального хозяйства.

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 129; Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке... – С. 148; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 124.

² Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год третий. – Улан-Удэ, 1984. – С. 93; Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый... – С. 111.

В 1960 г. одиночное протяжение уличной водопроводной сети составляло 94,7 км, а в 1985 г. – 343,8 км; канализационной сети – соответственно 34,1 и 180,9 км. Число прачечных увеличилось в 4 с лишним раза, гостиниц – с 4 до 63, в них мест – с 287 до 2838³.

³ Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 203–204; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... – С. 127.

Повышение материального благосостояния населения Бурятии было достигнуто в русле общих закономерностей, характерных для РСФСР и страны в целом.

6.5. Развитие культуры

Народное образование

С принятием закона «О всеобщем обязательном среднем образовании Бурятии» финансирование системы народного образования увеличилось с 29,6 млн. руб. в 1965 г. до 44,2 млн. в 1970 г.¹ Оснащение школ учебными наглядными пособиями, оформление и оборудование учебных кабинетов создали условия для перехода на кабинетную систему обучения. В 1969/70 уч. г. по этой системе работали 125 восьмилетних и средних школ, или 40 % от общего количества. В школах функционировали 2435 учебных кабинетов физики, химии, биологии, математики, русского языка и литературы, географии, техники, иностранных языков.

Общее число школ сократилось: в 1969/70 уч. г. работали 140 восьмилетних, 181 средняя школа, 13 школ-интернатов. При этом общее количество учащихся в общеобразовательных школах возросло до 186,7 тыс.²

Для профессиональной подготовки старшеклассников и организации их труда в 1979/80 уч. г. в республике работали 8 учебно-производственных комбинатов, 28 цехов и участков на промышленных предприятиях, 149 кабинетов машиноведения. В школах имелось 420 учебных мастерских, 285 кабинетов трудового обучения.

Больше внимания стало уделяться эстетическому воспитанию учащихся. С середины 1970-х гг. обучение детей в школах республики с первого класса стало проводиться по экспериментальной программе, составленной известным композитором и педагогом Д. Б. Кабалевским. В основе этого обучения – песни, танцы, создающие базу для выявления музыкально одаренных детей и их последующего музыкального образования. В 1978 г. по новой программе музыкальное образование получили учащиеся в 18 школах республики. Через 3 года, в 1981 г., обучение по этой

программе велось уже в 211 школах (14245 учащихся). Одновременно развивалась массовая школьная художественная самодеятельность.

Совершенствовалась работа и по физической подготовке учащихся. В школах были созданы новые спортивные залы, оборудованные различным спортивным инвентарем.

20 июня 1972 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию и дальнейшему развитию общеобразовательной школы». На начало 1980/81 уч. г. всеми формами обучения было охвачено 98,5 % выпускников восьмых классов против 78 % в 1970/71 уч. г. В отдельных районах (Баргузинском, Бичурском, Заиграевском), в г. Улан-Удэ эти показатели были еще выше (99,3–99,7 %). По итогам работы 1979 г. Бурятская АССР была удостоена переходящего Красного знамени ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Министерства просвещения СССР за успехи, достигнутые во Всесоюзном смотре «Каждому молодому труженику – среднее образование»³.

К началу 1980-х гг. в Бурятской АССР успешно завершилось введение всеобщего среднего обучения, в чем огромную роль играли педагогические коллективы. В 1970-е гг. в республике трудились 420 заслуженных учителей РСФСР и Бурятской АССР, более 1000 отличников народного просвещения РСФСР и СССР⁴.

В 1980-х гг. основное внимание уделялось повышению качества обучения и воспитания подрастающего поколения, повышению роли бурятской школы в подготовке будущих кадров народного хозяйства, науки и культуры. В 1986 г. министр народного образования С. Д. Намсараев отмечал значительное улучшение обучения учащихся родному языку и литературе в бурятских школах⁵.

С 1 сентября 1988 г. в 9-х классах школ республики началось изучение нового общеобразовательного предмета – основ информатики и вычислительной техники. В последующие годы оно продолжалось в 10-х классах. В школах было оборудовано

³ НАРБ, ф. 1, оп. 28, д. 13, л. 119–122; Там же, ф. 2, оп. 1, д. 8555, л. 9–11; Народное образование, наука и культура. – С. 1, 6, 23, 26.

⁴ Культура Бурятии в условиях развитого социализма. – Новосибирск, 1983. – С. 38–39.

⁵ Намсараев С. Д. Система образования: пути становления и задачи реформы // Республике Бурятия – 70 лет. – Улан-Удэ, 1993. – С. 70–71.

¹ Народное хозяйство Бурятской АССР... – С. 234; Республика моя Бурятия: краткая хрестоматия по истории республики. 1946–1997 гг. – Улан-Удэ, 1998. – С. 152–160.

² Народное образование, наука и культура: стат. сб. – Улан-Удэ, 1981. – С. 19, 26.

99 кабинетов информатики, в которых установлено 1200 микрокалькуляторов. Так было положено начало обучению компьютерному делу.

В 1990 г. удельный вес средних школ, имевших кабинеты информатики и вычислительной техники, в общем числе средних школ республики на начало учебного года составил 32,0 %, что было выше, чем в Восточно-Сибирском регионе (25,3 %). Государственные капитальные вложения в строительство общеобразовательных школ в расчете на 10 тыс. школьников в 1970 г. составили 225 тыс. руб., в 1980 г. – 238 тыс., в 1990 г. – 654 тыс. Это было меньше, чем в Иркутской области (742 тыс.), однако больше, чем в Читинской (581 тыс.) и Тувинской АССР (585 тыс. руб.). Ввод в действие общеобразовательных школ за счет всех источников финансирования в расчете на 10 тыс. школьников в республике составил 204 ученических места, что было выше, чем в Иркутской области и Тувинской АССР¹.

Было увеличено количество школ продленного дня, в которых занималось почти 2/5 общего числа учащихся. Кроме того, работали 12 школ-интернатов с 4,2 тыс. детей.

Происходило расширение сети и перестройка системы профессионально-технического образования, перевод школ и ПТУ в средние учебные заведения. К 1985/86 уч. г. число учебных заведений возросло с 20 до 39, причем 18 из них стали средними, а численность учащихся увеличилась с 3,7 тыс. до 15,1 тыс. В 1990 г. число учащихся средних специальных учебных заведений Бурятской АССР на 10 тыс. чел. населения составило 151 чел. По этому показателю республика достигла уровня Российской Федерации (153 чел.) и Восточно-Сибирского региона (155 чел.).

Число средних специальных учебных заведений увеличилось с 15 до 21, а количество обучающихся в них – от 7,0 до 17,7 тыс. Были открыты электротехникум связи, техникум механизации учета, индустриально-педагогический, 2 медицинских, дошкольно-педагогическое и хореографическое училища. Подготовка специалистов расширилась до 72 профессий.

В составе выпускников средних специальных учебных заведений более 75 % приходилось на специалистов предприятий промышленности,

строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства. Значительная их часть направлялась в районы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Средние учебные заведения играли возрастающую роль в подготовке специалистов для республики в области здравоохранения, просвещения и искусства. Немало выпускников музыкального и хореографического училищ в дальнейшем стали выдающимися деятелями бурятского искусства.

Из 7,5 тыс. специалистов клубного и библиотечного дела, подготовленных институтом культуры за 20 лет (1960–1985), свыше 5,5 тыс. работников трудились в Якутии, Туве, Иркутской и Читинской областях, Красноярском крае, а также в Монголии. Технологический институт заключал договоры с предприятиями Восточной Сибири, проводил набор студентов из рабочих. В 1962–1980 гг. институт подготовил более 13 тыс. инженерных кадров, значительная их часть работала на предприятиях Сибири.

Расширили и увеличили подготовку специалистов Бурятский педагогический и Бурятский сельскохозяйственный институты, построившие капитальные учебные корпуса и общежития, постоянно расширявшие и укреплявшие материально-техническую базу. В этих институтах работали высококвалифицированные профессорско-преподавательские коллективы.

В 1990 г. численность студентов высших учебных заведений республики на 10 тыс. чел. составила 195 чел. – больше, чем по Восточно-Сибирскому региону (178 чел.)².

Развитие науки

Появление радикальных проектов перестройки территориальной структуры Академии наук СССР было инициировано местными органами власти. 18 июня 1958 г. Совет министров Бурятской АССР обратился в Совет министров РСФСР с письмом о создании Бурятского комплексного научно-исследовательского института на базе бурят-монгольской группы Восточно-Сибирского филиала и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры.

Президиум АН СССР 27 июня 1958 г. принял постановление о создании в г. Улан-Удэ Бурятского комплексного научно-исследовательского институ-

¹ Показатели социального развития Восточно-Сибирского экономического района и Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1991. – С. 108–113.

² Показатели социального развития Восточно-Сибирского... – С. 115.

Ученые и организаторы науки в Бурятии: сидят (слева направо) В. Б. Базаров, Б. С. Санжиев, А. П. Окладников, Д. Д. Лубсанов; стоят: Г. Л. Санжиев, С. Д. Ринчинов, И. И. Комогорцев, В. М. Горлов

та (БКНИИ) с непосредственным подчинением президиуму СО АН СССР. В августе БКНИИ был включен в состав СО АН СССР. Исполняющим обязанности директора института, а впоследствии директором был назначен кандидат философских наук Д. Д. Лубсанов, занимавший этот пост до 1960 г. Согласно Положению о БКНИИ СО АН СССР, институт состоял из 7 отделов, 3 секторов и 2 лабораторий¹.

В год открытия института (1958) научных сотрудников насчитывалось 118 чел., из них старших научных сотрудников – 50, младших научных сотрудников и лаборантов – 53². По мере роста числа подразделений увеличивалась и численность научных сотрудников.

Многие известные ученые оказывали помощь в создании и развитии БКНИИ. Особенно важна была помощь ученых Сибирского отделения АН СССР в подборе кадров и открытии аспирантуры. При поддержке и помощи президиума Сибирского отделения АН СССР, партийно-советских органов республики институт проводил работу по приглашению ученых-сибиряков, работавших в других городах. В течение нескольких лет отделы и лаборатории радиофизики, биологии, почвоведения, геологии, химии были укомплектованы квалифицированными кадрами ученых. Наряду с этим началась подготовка молодежи.

Число научных сотрудников ежегодно росло и к 1965 г. увеличилось до 301 чел. За это время было подготовлено 5 докторов и 43 кандидата наук³.

Сибирское отделение АН СССР постоянно увеличивало финансирование Бурятского комплексного института для расширения личного состава коллектива, проведения научно-исследовательских работ, создания материально-технической базы. Бурятский обком КПСС и Совет министров республики включали в планы строительства возведение указанных объектов института. В результате удалось обе-

спечить его необходимыми условиями для работы на новом этапе становления, и во всех подразделениях развернулась плодотворная научно-исследовательская деятельность. Впервые в Бурятии проводились научные исследования на академическом уровне в области экономики и географии, радиофизики, геологии, химии, биологии и почвоведения, значительно расширились и углубились работы по гуманитарным наукам. С 1958 по 1966 г. были завершены исследования по 42 темам, издано 119 научных трудов, подготовлено 140 научных рекомендаций.

В сентябре 1966 г. было принято постановление об организации на базе БКНИИ Бурятского филиала СО АН СССР⁴. В состав филиала вошли Бурятский институт естественных наук, Бурятский институт общественных наук, три общих вспомогательных подразделения, научная библиотека, редакционно-издательский отдел и музей. Административно-управленческая часть была общей для филиала и институтов. Институт естественных наук состоял из 4 отделов и 2 лабораторий, 4 вспомогательных подразделений. В Институте общественных наук насчитывалось 11 секторов и музей восточных культур с рукописным фондом⁵.

³ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 1.

⁴ Там же, д. 1, л. 14.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹ Научный архив БНЦ, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 1.

² Там же, д. 122, л. 16.

*Ю. Н. Рерих
с научными
сотрудниками
отдела зарубежного
Востока БКНИИ*

В 1970-е гг. при формировании научных коллективов упор делался на местные кадры. Создание новых учреждений шло путем «отпочковывания» от уже действовавших¹.

В 1967 г. в самостоятельное подразделение выделился отдел геологии, в 1973 г. на его базе был создан Геологический институт. В 1970 г. самостоятельным структурным подразделением стал отдел экономических исследований, выделившийся из Института общественных наук. На основе отделов биологии и почвоведения Института естественных наук в 1981 г. был создан Институт биологии БФ СО АН СССР.

Основным источником пополнения кадров являлась целевая аспирантура. Своя аспирантура была открыта еще в БКНИИ. С конца 1960-х гг. для подготовки кадров стало активно практиковаться соискательство.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. президиум БФ СО АН СССР (председатель профессор В. Р. Филиппов) уделял большое внимание совершенствованию организационной структуры филиала. Были созданы новые отделы и лаборатории.

Развитие химических исследований связано с именем М. В. Мохосоева, приглашенного в 1972 г. из Донецка на должность заведующего лабораторией. В 1975 г. он стал председателем президиума

Бурятского филиала СО АН СССР. Значителен его вклад в развитие всей академической науки. Под его руководством в Бурятском филиале возникли и стали развиваться новые научные направления, возрос научный потенциал, окрепла материальная база. Бурятский филиал стал одним из крупных региональных центров.

На должность директора Геологического института был приглашен доктор геолого-минералогических наук Н. Л. Добрецов, директором института биологии – доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ Э. Л. Климашевский.

Председатель президиума Бурятского филиала СО АН СССР М. В. Мохосоев и председатель Сибирского отделения АН СССР В. А. Коптюг

¹ Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. – Новосибирск, 1990. – С. 104.

Отдел языкознания БКНИИ. 1958 г.

К 1980 г. в Бурятском филиале СО АН СССР трудились 300 научных сотрудников, в т. ч. 1 чл.-кор. АН СССР, 1 чл.-кор. ВАСХНИЛ, 16 докторов и 153 кандидата наук¹.

Последующее развитие академической науки Бурятии связано с открытием в 1975 г. в Улан-Удэ отдела комплексных исследований Сибирского научно-исследовательского института животноводства. В составе отдела работали 5 лабораторий: промышленного животноводства, ветеринарии, экономики и организации сельскохозяйственного производства, механизации и электрификации. Первым руководителем отдела был назначен К. М. Барядаев.

Селекционной работой в регионе занимались и сотрудники созданной в 1956 г. Бурятской сельскохозяйственной опытной станции. На базе этих двух сельскохозяйственных подразделений в апреле 1981 г. был открыт Бурятский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (БурНИИСХ). Как записано в уставе, институт создан «для того, чтобы разрабатывать и внедрять в практику обоснованные системы почвозащитного земледелия и интенсивного кормопроизводства, интенсивные методы ведения основных отраслей животноводства, заниматься выведением высокоурожайных сортов зерновых культур, решить проблемы продовольственной базы зоны БАМ, размещения и специализации сельского хозяйства, рационального использования его производственных ресурсов – земли, фондов, рабочей

*Председатель
президиума Бурятского
филиала СО АН СССР
в 1969–1975 гг.
профессор
В. Р. Филиппов*

*Председатель
президиума Бурятского
филиала СО АН СССР
в 1975–1987 гг.,
чл.-корр. АН СССР
М. В. Мохосоев*

*Председатель
президиума Бурятского
филиала СО АН СССР
в 1987–1988 гг.
академик
Н. Л. Добрецов*

силы»². Для выполнения этих задач было образовано 4 отдела, 13 лабораторий, группа научно-технической информации и внедрения. Кроме того, в своем распоряжении институт имел 2 опытных

¹ Научный архив БНЦ, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 7.

² Николаев Б. И. Наука и дело // Байкал. – 1981. – № 4. – С. 60.

Здание сельскохозяйственного института в Улан-Удэ

хозяйства, за которыми закреплялось 42 га сельхозугодий, 7 тыс. гол. крупного рогатого скота, 5,5 тыс. овец, 3 тыс. свиней¹.

В 1978 г. отраслевая наука в Бурятии пополнилась еще одним учреждением. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР в августе 1978 г. в г. Улан-Удэ был открыт Восточно-Сибирский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт рыбного хозяйства на базе Байкальского, Якутского и Красноярского отделений Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, находящегося в г. Тюмени².

В 1975 г. был создан Бурятский филиал научно-исследовательского института национальных школ, ставший своеобразной лабораторией работников педагогической науки. Под руководством профессора М. Н. Мангадаева немногочисленный коллектив филиала занимался изучением преподавания филологических дисциплин в бурятской национальной школе.

Изучением прошлого и настоящего края занимались сотрудники научно-методических групп в музейном объединении и Центральном государственном архиве Бурятской АССР.

Дальнейшее развитие вузов республики способствовало подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства и региональной науки.

В связи с тем что Бурят-Монгольская АССР с июля 1958 г. стала называться Бурятской АССР, зооветеринарный институт был переименован в Бурятский сельскохозяйственный институт³, Бурят-Монгольский педагогический институт – в Бу-

рятский государственный педагогический институт⁴. Ректором сельхозинститута дважды (с 1952 по 1958 г. и с 1962 по 1969 г.) был В. Р. Филиппов, внесший значительный вклад в становление и развитие сельскохозяйственной науки. В 1960-е гг. институт открыл свою аспирантуру. Рост научно-педагогических кадров был динамичным: если в 1961 г. в институте было 192 преподавателя, из них 4 доктора наук и 79 кандидатов, то в 1971 г. – 322 преподавателя, из них 7 докторов и 129 кандидатов наук⁵.

Созданные в 1955 г. технологический и строительный факультеты стали базой для первого в Забайкалье технического вуза – Восточно-Сибирского технологического института, открытого в 1962 г. За первые 4 года в институте было создано 17 кафедр по 8 специальностям, на которых работали 54 преподавателя, из них 9 со степенями и званиями⁶. Ректором этого крупнейшего вуза с 1962 по 1991 г. был профессор Д. Ш. Фролов, талантливый организатор науки, педагог, кавалер многих правительственных наград за ратный и мирный труд.

Открытый в 1960 г. Восточно-Сибирский институт культуры стал четвертым в стране после Москвы, Ленинграда и Харькова. Он готовил специалистов для 13 областей и республик Сибири и Дальнего Востока.

За 20 лет ассигнования на бурятскую науку увеличились в 10 раз. Они были направлены на развитие наук о Земле, что было связано с добычей и переработкой полезных ископаемых, на исследования топливно-энергетических, минерально-сырьевых и биологических ресурсов, а также на охрану окружающей среды⁷.

Исследования в области вычислительной математики, информатики, микроэлектроники, радиобиологии, машиноведения, биотехнологии, генной инженерии в Бурятии только начинались.

Увеличение ассигнований на науку сопровождалось перераспределением средств: значительная их часть шла на капитальное строительство, но постепенно увеличивалась доля, предназначенная на развитие фундаментальных исследований и развитие

⁴ Там же, ф. 666, оп. 1, д. 332, л. 3.

⁵ Бурятский сельскохозяйственный институт: 60 лет. 1931–1991 гг. – Улан-Удэ, 1991. – С. 9.

⁶ НАРБ, ф. 1751, оп. 1, д. 12, л. 4.

⁷ Социальное развитие Республики Бурятия: стат. сб... – С. 50–51.

¹ Заря коммунизма. – 1981. – 10 дек.

² Собрание постановлений Правительства РСФСР. – М., 1978. – С. 76.

³ НАРБ, ф. 471, оп. 16, д. 184, л. 23.

*Ректор Восточно-Сибирского технологического института в 1962–1991 гг.
профессор
Д. Ш. Фролов*

лабораторной базы. Значительную помощь ВСТИ в проведении исследований оказывали промышленные предприятия республики (авиазавод, приборостроительное объединение, завод «Теплоприбор», тонкосуконный, мясоконсервный комбинаты).

В республике получили развитие исследования в области геологии, химии, экономики, радиофизики, техники, а также истории, языкознания, литературоведения и востоковедения. Возрос уровень прикладных исследований. В апреле 1988 г. было принято постановление Президиума СО АН СССР «О перспективах развития Бурятского филиала СО АН СССР на период до 2000 г.», которое существенно расширило функции академической науки в регионе и наметило перспективы ее дальнейшего развития¹.

Бурятская литература

В бурятской прозе в 1970-е гг. ведущее место занял роман, в частности историко-революционный. Появились романы «Круглый год» Ш.-С. Бадлуева, «Щедрое сердце» Б. Мунгонова, «Луна за облаком» В. Сергеева, «Когда начинается утро» и «Рубеж» К. Балкова, «Год огненной змеи» и «Течение» Ц. Жимбиева, «Аргамак имеет хозяина» и «Большая родословная» Д. Эрдынеева, «У подножия» М. Степанова, «Охотники за голубыми гусями» Ч. Цыдендамбаева, «Долина бессмертников» В. Митыпова. Большинство из них было посвящено проблемам современной деревни. Романы «Луна за облаком», «Когда начинается утро», «У подножия» показывали рабочий класс Бурятии, в т. ч. его национальный отряд. Роман «Большая родословная» раскрывает взаимоотношения города и бурятского улуса. В романе В. Митыпова «Долина бессмертников» далекое прошлое сопрягается с современностью.

Качественные изменения происходили и в бурятской поэзии. Значительно выросло профессиональное мастерство поэтов. Зрелой силой отмечены сборники стихов и поэм Н. Дамдинова, Д. Жалсараева, Д. Улзытуева, Ц.-Д. Дондоковой, А. Бадаева, Г. Чимитова, В. Петонова, М. Самбуева, Л. Тапхаева.

Много книг было опубликовано для детей и юношества: «Чернильница Д. Банзарова» Ч. Цыдендамбаева, «Пятерка», «Беркут» и «Тайны Алханая» Ж. Балданжабона, «Юноши» Х. Намсараева, «Инициаторы» и «Клятва» Ц. Номтоева, в которых писатели отражали будни школы, стремления, мечты детей, поднимали проблемы трудового воспитания, взаимоотношений подростка с коллективом, стремились создать образ положительного героя.

С книгами рассказов для детей выступали Б. Санжин, Б. Мунгонов, В. Бильдушкинов, М. Осодоев и другие писатели. Книги бурятских писателей для детей и юношества получили широкую известность. Многие из них в переводе на русский язык издавались в Москве, Новосибирске, Иркутске и Элисте, а на бурятском языке – в Монгольской Народной Республике².

Народные поэты Бурятии Н. Дамдинов и Д. Улзытуев

За сравнительно короткий срок, с 1973 по 1985 г., в центральных и местных издательствах было опубликовано 19 новых романов, более 90 новых повестей, 30 книг рассказов, 141 книга стихов.

² Культура Бурятии в условиях развитого социализма... – С. 88–90, 95–96, 99, 105, 112–113; Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2... – С. 547–548, 555, 559, 564; История бурятской советской литературы. Т. 3...; Современная бурятская литература (1956–1995). – Улан-Удэ, 1997. – С. 75–76.

¹ Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН. – Новосибирск: Гео, 2006. – С. 55.

С. Ринчинов. Тоонто

Д.-Н. Дугаров. Портрет Линховоина в роли Кончака

К началу 1980-х гг. писатели Бурятии в своем творчестве вышли на новые рубежи. Бурятская литература по значимости проблематики и по художественному качеству произведений во многом достигла фактического выравнивания с передовыми литературами, имеющими длительные и прочные традиции.

Изобразительное искусство

Подъем художественного творчества бурятских мастеров в 1970–1980-е гг. был связан с интенсивным развитием разных жанров. Успешно развивалась живопись. В этот период появились картины Д.-Н. Дугарова «Прошное», «За власть Советов», «Первый трактор», произведения А. Б. Даржаева «Пастухи», «Табунщик», С. Р. Ринчинова «Тоонто» («Семья»), «Сурхарбан», «Провозглашение советской власти», «Жаворонки поют». В портретной живописи успешно работали А. И. Тимин, С. Р. Ринчинов, Ю. А. Чирков, Д.-Н. Дугаров, А. О. Цыбикова, И. И. Старикова, Д. Г. Пурбуева.

Формировался новый жанр – портрет-картина. В этом жанре работал Ю. А. Чирков, создавший целую галерею образов представителей бурятского народа. Интересны работы А. В. Казанского «Портрет

А. Цыбикова. Шепот времени

Ш.-Ж. Раднаев. Летний дождик

Т. Манжеев. Мелодия

А. Дугарова. Ока. После наводнения

Л. Доржиев. Ногоон Дара Эхэ

писателя М. Степанова», Д.-Н. Дугарова «Отара в Боргое. Портрет Героя Социалистического Труда Г. Л. Рабдаева», К. А. Дульбеева «Портрет Героя Социалистического Труда Цыремпиловой. Просторы Джида» и его же «Портрет знатного чабана Семенова». Представляют большой интерес произведения А. О. Цыбиковой «Портрет артиста балета Павлен-

ко», «Портрет архитектора Цыренжаповой», «Арюна в стеганом халате», «Автопортрет с сорокой».

А. Сахаровская. Абай Гэсэр

Г. Васильев. Мальчик с птичкой

В яркой манере А. И. Тиминим были выполнены эскизы театральных декораций и костюмов к опере «Энхэ-Булат-батор», балету «Красавица Ангара» и другим постановкам, М. Е. Шестаковой – для ансамбля «Байкал»¹.

Черты традиционного быта и современности нашли воплощение в скульптурах Э. Д. Цыденова, Г. Г. Васильева, М. Б. Эрдынеева, Б. Зодбоева, Б. Экеева.

Появилась керамика А. П. Хомякова, Р. Ц. Жимбиевой, В. Базарова, gobелены С. Ринчиновой, Т. Тимина, выполненные на высоком художественном уровне. В изготовлении бурятских ковров успешно применяли конский волос Н. Эрдынеева и Е. Тыхеева.

В полной мере возродилось ювелирное искусство. В Бурятии работала группа молодых чеканщиков по серебру и мельхиору, успешно сочетавших эти материалы с полудрагоценными камнями – кораллом, малахитом, лазуритом. Известными мастерами стали Р. Нохоров, Д. Санжиева, Б. Жамбалов, Б. Базаров, В. Бадмаева, Б. Батожабай и др.

В 1974 г. в Улан-Удэ открылся самый крупный в Сибири и на Дальнем Востоке выставочный зал. В Северобайкальске в новой картинной галерее состоялась выставка произведений художников «Мы строим БАМ». Здесь же начал работать университет культуры с факультетами музыки и изобразительного искусства².

На новый уровень развития поднялось изобразительное искусство. Произведения бурятских художников демонстрировались на многих крупных российских, зональных и всесоюзных выставках. С успехом прошла выставка «Искусство советской Бурятии» в Государственном музее искусств народов Востока в феврале 1980 г.³, в которой приняли участие Б. Тайсаев с серией работ «Мир у Байкала», молодой график Т. Манжеев с циклами «Из детства» и «Музыканты», А. С. Дугарова с работами «Знаки», «Осень» и др. В 1991 г. были представлены работы М. Ванданова «Слушающий тишину», «Друзья», «Ожидание». Для творчества скульптора Д. Намдакова характерен органичный сплав традиции и современности. Выразительный силуэт, текучая пластика формы, меланхоличе-

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 3, д. 14, л. 55–57; Изобразительное искусство автономных республик РСФСР. – Л., 1973. – С. 5.

² Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): док-ты и мат-лы. – Улан-Удэ, 1983. – С. 503–504, 545, 546.

³ Культура Бурятии в условиях развитого социализма... – С. 143.

ская погруженность фигур в состояние некой медитации присущи работам «Кокон», «Звездочет». Мастер умело использует природные свойства материалов: бивня мамонта, дерева, бронзы, серебра»¹. В скульптуре Бурятии новых пластических решений добились В. Уризченко, Г. Васильев, С. Балдано.

Театр

Бурятский государственный орден Ленина театр оперы и балета продолжал в своей деятельности развивать три главных направления: работу над классикой, постановку советских произведений и создание бурятских национальных спектаклей. В действующем репертуаре театра было около 40 спектаклей.

Ежегодно коллектив театра выезжал на несколько месяцев на гастроли в города Сибири и Дальнего Востока. Кроме того было немало индивидуальных гастролей ведущих мастеров. Л. Линховоин дважды ездил с группой мастеров СССР по странам Африки, выступал с концертами в странах Юго-Восточной Азии. Л. Сахьянова и П. Абашеев гастролеровали в Болгарии, Монголии, КНР, Афганистане, Иране, Японии, Канаде. К. Базарсадаев с концертной группой артистов выступал в Швеции, Англии, странах Африки.

Крупным достижением театра в 1970-е гг. стала новая редакция балета Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара». В 1972 г. он был удостоен Государственной премии РСФСР². В октябре 1974 г. в Якутске проходили дни балетного искусства Бурятии, на которых были показаны балеты «Красавица Ангара», «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и «Спартак» А. Н. Хачатуряна. В 1978 г. на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване выступали артисты Бурятского театра оперы и балета Е. Самбуева и Ю. Муруев.

В 1979 г. первую бурятскую детскую оперу «Чудесный клад» Б. Ямпилова поставили Бурятский театр оперы и балета и Центральный детский музыкальный театр в г. Москве. В этом же году состоялись премьеры оперы Б. Ямпилова «Прозрение» и балета Ж. Батуева «Сын земли». Эти произведения свидетельствовали о дальнейшем развитии национального репертуара театра оперы и балета.

Народный артист СССР Л. Линховоин

Народная артистка СССР Л. Сахьянова и народный артист РСФСР П. Абашеев

¹ Буряты. — М.: Наука, 2004. — С. 546–550.

² Культура Бурятии в условиях развитого социализма... — С. 130.

*Народный артист
СССР
К. Базарсадаев*

*Народный артист
РСФСР
Б. Балдаков*

*Народный артист
СССР
Д. Дашиев*

Народная артистка РСФСР О. Короткова

Событием в жизни театра стали летние гастроли 1979 г. в Москве, Ленинграде и городах юга страны. В рецензиях центральной прессы высоко оценивался исполнительский уровень актеров, отмечалось разнообразие национального оперного и балетного репертуара. В Кремлевском дворце съездов состоялись отчетные вечера мастеров искусств республики народных артистов СССР Л. Сахьяновой и Л. Линховойна. Л. Линховойн и К. Базарсадаев не однажды исполняли центральные партии в оперных спектаклях Большого театра в Москве и Кировского в Ленинграде.

Яркие образы на сцене создавали известные мастера, народные артисты СССР Л. Линховойн, Л. Сахьянова, К. Базарсадаев, народные артисты РСФСР Б. Балдаков, Н. Петрова, П. Абашеев, В. Буруев, С. Раднаев, Д. Дашиев и Л. Левченко, заслуженные артистки РСФСР и Бурятской АССР О. Короткова и Е. Самбуева. Радовали прекрасными выступлениями на международных конкурсах Г. Шойдагбаева, ставшая позже народной артисткой СССР, и О. Аюрова, удостоенная звания народной артистки РСФСР. В театре работали 7 лауреатов всесоюзных и международных конкурсов.

Бурятский академический театр оперы и балета переживал период подъема и расцвета творческой деятельности. 6 ноября 1979 г. он был удостоен звания «академический»¹. О росте авторитета театра свидетельствовало проведение в 1982 г. Всероссийского фестиваля «Молодые

¹ Культурное строительство в Бурятской АССР... – С. 546.

голоса и молодой балет России» и творческой конференции по проблемам исполнительского мастерства творческой молодежи музыкальных театров. Со сцены театра звучала новая вокально-симфоническая музыка бурятских авторов: «Сарказмы Будамшу» Ю. Ирдынеева, оратория «У обелиска» Б. Ямпилова, новые песни А. Андуреева, Б. Цырендашиева и др.

Плодотворно работал Бурятский театр драмы им. Х. Намсараева, в репертуаре которого были произведения классики и советских драматургов, а также спектакли по пьесам бурятских авторов: А. Бальбурова, Н. Дамдинова, Ц. Шагжина, «Чингис Саянов» Ж. Цыреннимаева, «Беспокойные ночи» В. Дылгырова, «Буря» Ж. Зимина, «Похождения Урбана» Д. Батожабая и «Ранние заморозки» Д. Эрдынеева.

Коллектив театра продолжал сохранять довольно высокий творческий тонус и в последующие сезоны. Большой интерес вызвали у зрителей спектакли о современности: «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова, «Страна Айгуль» М. Карима, «Мой бедный Марат» А. Арбузова, «А зори здесь тихие» Б. Васильева. На сцене Бурятского театра были поставлены пьесы, переведенные с русского, белорусского, киргизского, башкирского языков. Осенью 1972 г. на заключительном этапе II Всероссийского фестиваля национальной драматургии и театрального искусства народов СССР спектакль Бурятского театра «Тополек мой в красной косынке» занял первое место в Сибири. Дипломами первой степени фестиваля были отмечены режиссер-постановщик С. Будажапов, художник В. Бройко, артисты Л. Дугарова и М. Жапхандаев.

Продолжались гастрольные поездки в Иркутскую и Читинскую области, республики Сибири, районы Бурятии. В мае 1976 г. состоялись гастроли коллектива в Москве. В течение двух недель был показан разнообразный репертуар, включавший «Кнут тайши» Х. Намсараева, лирическую комедию А. Вампилова «Старший сын», две монгольские пьесы – историко-революционную драму «Ээдрээ» («На перепутье») Д. Намдага и фольклорную комедию «Неуловимый Сэнгэ» Ч. Ойдова, поэтическую казахскую комедию «Поэма о любви» Г. Мусрепова; произведения русских советских авторов – народную трагедию «Ленушка» Л. Леонова, «Барабанщица» А. Салынского, современную производственную пьесу «Власть» А. Софронова. Театр убедительно под-

Народные артисты РСФСР Е. Самбуева и Ю. Муруев

*Народная артистка СССР
Г. Шойдагбаева*

*Народные
артисты РСФСР
концертмейстер
Д. Линховоин
и солист оперы
Б. Боров*

твердил свою зрелость, самобытность, профессиональное мастерство¹.

Зрители, пресса, театральные критики отметили творческие успехи коллектива. Высокая оценка достижений бурятского искусства выразилась в присвоении театру 3 марта 1977 г. звания «академический» и награждении орденом Трудового Красного Знамени.

В 1980-е гг. театр продолжал работу по расширению национального репертуара. Были поставлены пьесы Б. Эрдынеева «Черная борода», А. Ангараева «Горная вершина», «Полнолуние», «Ночь без сна» и сатирическая комедия «Волшебная дача на Аршане». Молодежи БАМ была посвящена лирико-романтическая пьеса Ц.-Д. Дондоковой и Ф. Сахирова «Большой колокол». Н. Дамдинов предложил театру историческую драму «Кольцо декабриста», поэт и журналист Г. Дашипылов – пьесу «Подснежники той весны». Успешно прошла водеvilльная диалогия Ш.-Н. Цыденжапова «Дорога любви» и «Сила любви».

С начала сезона 1982/83 г. театр работал в новом здании. Здесь были поставлены спектакли «Не

бросай огонь, Прометей» М. Карима, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Последние» М. Горького, «Катастрофа» Д. Батожабая, «Бальжан-хатан» Д. Эрдынеева, «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Будамшуу» Ц. Шагжина².

Русский драматический театр в 1970-е гг. имел широкий репертуар русской и мировой классики, пьес по современной тематике. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина режиссер А. Никитин поставил пьесу «Семья» И. Попова. Образы М. А. Ульяновой и В. Ульянова создали народная артистка Бурятской АССР К. Т. Никулина и артист А. Родин. Спектакль получил высокую оценку в республиканской печати.

Удачей театра стал спектакль «Гамлет», поставленный И. Прохоновым к 400-летию юбилею Шекспира. Современный репертуар был представлен пьесами «Совесть» Д. Павловой (режиссер И. Прохонov), «Цыган» Провоторова, «Океан» М. Штейна (режиссер К. Петров), «Поднятая целина» М. Шолохова (режиссер Н. Кутянский).

Весной 1979 г. театр отметил свое 50-летие. В юбилейном сезоне артисты подготовили и постави-

¹ Культура Бурятии в условиях развитого социализма... – С. 124; Культурное строительство в Бурятской АССР... – С. 544, 548.

² Найдакова В. Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева – последняя четверть XX в. (1975–2002 гг.). – Улан-Удэ, 2002. – С. 156, 180, 183, 192, 195.

Народная артистка России Г. Шелкова в роли Валентины («Валентин и Валентина» по пьесе М. Роуцина)

ли спектакли на современные темы – «Мои надежды» М. Шатрова и «Последний срок» В. Распутина. В репертуаре была мировая и русская классика: «Недоросль» Д. Фонвизина, «Дурочка» Лопе де Вега, «Привидения» Г. Ибсена. В театре работали опытные мастера сцены К. Никулина, С. Панков, Г. Юхнович, Г. Федоров, С. Стефанеску, В. Караева, О. Хлебникова и талантливые молодые актеры Л. Архипова, Г. Шелкова, Л. Богдашина, Л. Наливайко, Л. Слесарева, Н. Туманова, Е. Путивец, Н. Рагулина, Г. Харитонova, Е. Тихомиров и др.

В 1980-е гг. главным режиссером театра был заслуженный деятель искусств России Н. Е. Логачев, затем заслуженный деятель искусств России А. А. Бурков, главным художником – заслуженный деятель искусств Бурятской АССР Н. А. Быстров. В постановке Н. Логачева состоялась премьера первой части пьесы И. Калашникова «Разрыв-трава» и в постановке А. Буркова – второй части.

Особой популярностью пользовались пьесы С. Лобозерова «Маленький спектакль на лоне природы» (1983 г.), «По соседству мы живем» (1985 г.), «От субботы к воскресенью» (1988 г.). Постановщиком всех трех спектаклей был А. А. Бурков.

В 1967 г. был создан театр кукол для детей и юношества «Улигер». Первым директором театра был Ф. Гаврилов, первым режиссером – Р. Радчук, поставивший за 15 лет работы на сцене театра несколько десятков детских спектаклей. В разные годы в театре кукол работали режиссеры и художники-постановщики С. Столяров, А. Первушин,

Д. Баторова, Т. Бадагаева, С. Хажитов, Н. Дугаржабон, Е. Будажапова, Л. Пономарева, В. Утенков.

В репертуаре театра наряду с произведениями русских и зарубежных авторов особое место занимали спектакли по пьесам бурятских драматургов Ц. Шагжина, Ц.-Б. Бадмаева, М. Батоина, Ж. Зимина и др. Театр ставил спектакли на русском и бурятском языках.

В 1970-е гг. театр поставил спектакли «Приключения вездехода Феди» И. Токмаковой, «Березовые глазки» А. Попеску, «Три желания» Ю. Елисеева, «Тархай – красный малахай» Ц.-Б. Бадмаева, «Пропал переулочек» В. Гофельда.

В 1975 г. коллектив гастролировал в районах республики, выезжал в Иркутск, Красноярск, Владивосток, Агинский Бурятский автономный округ. Труппа театра пополнилась молодыми актерами – выпускниками Восточно-Сибирского государственного института культуры г. Улан-Удэ. Большой успех у зрителей вызвал музыкально-пластический спектакль «Дюймовочка». Инсценировку сказки Г.-Х. Андерсена осуществил режиссер Б. Константинов. С этим спектаклем театр принял участие в международном фестивале в г. Бейруте. Режиссером О. Жалцановым был поставлен ряд бурятских спектаклей.

К концу 1970-х гг. театры Бурятии достигли своей зрелости, показывая спектакли из мировой и русской классики, уверенно осваивая современную тематику.

Спорт

За советский период в Бурятии было подготовлено 10 заслуженных мастеров спорта, 58 мастеров спорта международного класса и около 800 мастеров спорта.

В создание бурятской школы бокса огромный вклад внесли заслуженные тренеры РСФСР А. Ринчинов и А. Атарханов. Одно время А. Ринчинов тренировал В. Сафронова и воспитал чемпиона СССР Б. Зориктуева, вышедшего в четверть финала на Мюнхенской олимпиаде в 1972 г. Лучшими воспитанниками А. Атарханова были чемпион страны 1971 г. В. Стрельников, принявший участие в чемпионате Европы в Мадриде, и Б. Жигмитов, многократный чемпион республики, Дальневосточной зоны, призер Спартакиады народов России, а также боксеры международного уровня Я. Цуй-Юн-Сен и П. Федотов. В разные годы успешно выступали на ринге чемпион России М. Дворкин, трехкрат-

*Рекордсмен
СССР по легкой
атлетике
П. Яковлев*

*Чемпион мира
борец Б. Будаев*

ный победитель чемпионатов России В. Намжилов, двухкратный чемпион России Ю. Вдовин, призер чемпионата Европы, четырехкратный призер первенств Советского Союза А. Дугаров, бронзовый медалист чемпионата страны 1985 г. И. Хабалов и др.

Высоких результатов добились бурятские лучники – мастера спорта международного класса В. Дарханов, И. Лукашевич, С. Николаева, Ц. Цыренжапов, Н. Бумбошкина, Т. Эрдынеева. В 1984 г. убедительную победу на международных соревнованиях «Дружба-84» одержала чемпионка России и Советского Союза С. Гомбожапова.

Выросло новое поколение талантливых легкоатлетов: П. Яковлев, Т. Позднякова, Н. Миromanова-Виноградова, А. Костецкий, Е. Ситникова, Н. Солominская, Г. Темников, А. Данчинова. П. Яковлев

Бурятские борцы

принял участие в Московской олимпиаде 1980 г., к которой он подошел с двумя рекордами страны и титулом лучшего бегуна Союза.

В ДСО «Урожай», СК «Забайкалец», ДСО «Динамо», ДСО «Буревестник» было подготовлено более 200 мастеров спорта, 18 мастеров спорта международного класса, 3 заслуженных мастера спорта по вольной борьбе¹. Мастер спорта международного класса О. Алексеев в 1979 г. победил на Тбилисском международном турнире и получил право участвовать в чемпионате Европы, где одержал убедительную победу.

Стремительно развивалась спортивная карьера борца Б. Будаева: в 1979 г. он стал чемпионом мира среди молодежи, в 1982 г. – чемпионом Европы, в 1985 г. – чемпионом СССР. В 1989 г. он взом на высшую ступень пьедестала почета чемпионата мира, в 38 лет стал чемпионом Азии и выступил на Олимпийских играх в Атланте.

Призером чемпионатов Европы и мира, победителем Кубка мира стал С. Замбалов. Запомнились зрителям яркие выступления мастеров международного класса Г. Манжуева, Г. Цыренова, В. Миланханова, М. Цыдыпова, Н. Иванова, А. Матюнова и др. Паралимпиец А. Захряпин четыре раза становился чемпионом мира.

Успех бурятских борцов не был бы возможным без их наставников Н. Ивахинова, Г. Маху-

¹ Фомин В. А., Мантуров С. В. Вековой путь физической культуры и спорта в Бурятии... – С. 44.

това, К. Балдаева, В. Бумбошкина, Ф. Махутова, В. Иванова, Г. Баймеева, В. Гармаева, В. Сыдеева, В. Баймеева.

6.6. Государство и религиозные конфессии

В 1975–1978 гг. в законодательство о религиозных культах был внесен ряд изменений, облегчавших положение верующих и религиозных организаций. Но, несмотря на то, что в Конституции СССР 1977 г. был подтвержден принцип свободы совести, вплоть до 1990-х гг. в отношении религии продолжала действовать политика запретов. Церковь была лишена статуса общественной организации. Статья 51 гласила, что «граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации», или эти организации создаются «в соответствии с целями коммунистического строительства».

Для надзора за священниками и верующими в целях соблюдения законодательства «О религиозных культах» при исполкомах были созданы общественные комиссии. Еще в 1969 г. в Бурятии они были организованы в 19 аймисполкомах. В их задачу входил учет и надзор за деятельностью бывших священников, контроль за их передвижениями по республике.

В работе органов власти с духовенством признавалась необходимость активного влияния на правильный отбор абитуриентов в духовные учебные заведения и политико-воспитательный процесс в них. В русле общей политики государства в защиту мира признавалось необходимым активизировать деятельность религиозных организаций против опасности ядерной войны. Выполнение этих мероприятий на основе постановления ЦК КПСС от 22 сентября 1981 г. «Об усилении атеистического воспитания» свидетельствовало о том, что государство держало под контролем все религиозные конфессии.

В начале 1980-х гг. в религиозной политике прослеживалась определенная двойственность. С одной стороны, предлагалось усилить меры контроля, а с другой – высшее партийное руководство проводило политику послаблений религии. Важным фактором, влиявшим на такой подход, была устойчивая религиозная приверженность определенной части населения, несмотря на десятилетия борьбы советского государства с религией. С каждым годом росло количество посещений дацанов, духовных треб населения, приглашений лам на дом для исполнения

буддийских обрядов. Только за 1986 г. Иволгинский дацан посетили около 30 тыс. чел., из них более 50 % женщин¹. В 1987 г. поступило 36 тыс. заказов на разные молитвы: за общее благополучие – 22400, за доброе здоровье – 8 тыс., за упокой души – 4,6 тыс., за благополучную службу в армии – 400, за хорошую учебу – 600. Только от хуралов Сахиусан в кассу дацана поступило в 1985 г. 70 тыс. руб., в 1986 г. – 79,7 тыс., в 1987 г. – 72,7 тыс. руб.² В последующие годы доходы ЦДУБ с каждым годом увеличивались «за счет сумм пожертвований и увеличения посещений верующих в дацан во время приездов иностранных делегаций из буддийских стран. Основным источником дохода были праздничные хуралы, на которые съезжалось множество верующих из разных районов республики»³.

Идея религиозной свободы как составной части прав человека нашла свое развитие в заключительном акте совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе (СБСЕ), подписанном в Хельсинки в августе 1975 г. По линии СБСЕ развитие понятия права на свободу совести нашло отражение в итоговых документах Мадридских встреч 1980 и 1983 гг., встрече экспертов по правам человека в Оттаве в 1985 г., встрече экспертов в Берне по проблемам человеческих контактов в 1986 г., Венской встрече 1989 г. Во время работы Комиссии по правам человека в Женеве 15 марта 1998 г. были обсуждены вопросы религиозной свободы национальных меньшинств и коренных народов мира. Во всех документах государства-участники подтвердили, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, что это право включает свободу менять религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или веру публично или частным образом путем отправления культа, обучения и выполнения религиозных и ритуальных обрядов. Осуществление этих прав подлежит лишь таким ограничениям, которые предписаны законом и соответствуют международным стандартам.

КПСС пыталась перестроить церковно-государственные отношения в соответствии с международными принципами свободы совести и веротерпимости.

Официальным органом государственного контроля за деятельностью религиозных организаций

¹ НАРБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 174, л. 2.

² НАРБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 170, л. 5.

³ НАРБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 53, л. 20.

в стране был Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Постановлением СМ СССР от 8 декабря 1965 г. № 1043 Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов были преобразованы в единый Совет по делам религий. Согласно положению, утвержденному постановлением СМ СССР от 10 мая 1966 г. № 361, Совет по делам религий контролировал соблюдение Конституции, правильное применение и исполнение законов СССР по вопросам, относящимся к религии.

В 1980-х гг. в г. Улан-Удэ было создано православное общество «Спасение», которое совместно с Бурятским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры занялось реставрацией Свято-Троицкой церкви и продажей

церковной литературы; также оно выступало за принятие нового законодательства о свободе совести, за возрождение православной церкви.

С середины 1980-х гг. началось потепление религиозного климата в стране, что нашло выражение в либерализации государственно-церковных взаимоотношений. С согласия ЦК КПСС Совет по делам религий давал разрешение религиозным объединениям на проведение международных мероприятий или участие в них. Участие Совета распространялось и на такую, казалось бы, сугубо конфессиональную деятельность, как формирование групп паломников.

В это время была заложена основа роста влияния религии на общество.

Бурятия во 2-й половине 1980-х – начале 1990-х гг.

7.1. Перестройка и кризис экономики

Развитие республики и округов в этот период определялось направлениями экономической политики страны, изменившимися в конце 1970-х гг. В ведущих отраслях централизованного народного хозяйства страны начали проявляться признаки стагнации производства. Был взят курс на его интенсификацию на основе достижений науки и техники. В связи с этим предпочтение отдавалось стимулированию единичных массовых производств. Освоение новых природных ресурсов приостанавливалось. Обострившиеся экологические проблемы, в первую очередь оз. Байкал, потребовали внедрения природоохранных мероприятий.

После 1985 г. новым партийным руководством страны были предприняты попытки реформирования экономики «сверху» на основе «обновления», «ускорения» и «гласности». Однако положение продолжало ухудшаться. Отказ от использования партии в качестве инструмента реформ усугубил ситуацию. Начатый демонтаж государственной системы, основой которой была партия, привел к разрушению управленческой вертикали и государственной власти. Ослабление партийной власти и централизма при отсутствии научно обоснованной

стратегии преобразований государства и общества объективно привело к дестабилизации политической обстановки и сползанию страны в экономический, а затем и в глубокий системный кризис.

1990-е годы характеризуются кардинальными изменениями в экономике республики и округов. Отказ от планового ведения хозяйства и переход к рыночным отношениям потребовал расширения экономической самостоятельности предприятий и организаций, изменения форм их собственности. В связи с этим в республике, как и в целом по стране, началась широкомасштабная кампания по разгосударствлению реального сектора экономики. За период с 1992 по 1997 г. в Бурятии было приватизировано 1362 предприятия. В промышленности доля предприятий с государственной собственностью сократилась до 11,1 %, в строительстве – до 14,4 %, в сельском хозяйстве – до 15 %. Общая стоимость приватизированного имущества и земли составила 41,8 млрд. руб.¹

Наибольший удельный вес основных производственных фондов в частной собственности составил в сельском хозяйстве 84,9 %, в торговле и общественном питании – 53,3, в информационно-

¹ Республика Бурятия: краткий энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 1998. – С. 204.

вычислительном обслуживании – 48,6 %. В остальных отраслях доля частной собственности была невелика. В результате приватизации и акционирования структура хозяйства республики резко изменилась. Большую роль в экономике республики стали играть акционерные общества. Путем акционирования было приватизировано 94 % предприятий транспорта и связи, 73 % – строительства, 53 % – промышленности.

К концу 1997 г. в республике было организовано 534 АООТ, что составило 4 % от общего количества хозяйствующих субъектов. На долю акционерных обществ приходилась треть (33 %) капитала всех крупных и средних предприятий, 41 % выручки от реализации продукции, было постоянно занято 27 % общей численности работавших (100,2 тыс.). В этот период возникли предприятия с участием иностранного капитала. Активно стали развиваться малые предприятия, количество которых выросло с 700 в 1991 г. до 3,4 тыс. в 1997 г. В сельском хозяйстве республики наряду с традиционными организационно-правовыми формами стали появляться новые. Первые 230 фермерских хозяйств возникли в 1992 г., а в 1996 г. их насчитывалось уже около 3,4 тыс. Эти формы хозяйствующих субъектов составили основу формирования новой экономической структуры хозяйства республики.

Однако рыночные преобразования вступили в противоречие со сложившейся структурой экономики Бурятии, которая была сформирована в результате проводимой в течение десятилетий политики. В структуре промышленности преобладали предприятия ресурсодобывающих отраслей и связанные с ними производства первичной переработки. Развитие горнодобывающих и оборонных отраслей происходило в ущерб развитию производства товаров народного потребления. В силу этого почти 2/3 объема производимой продукции вывозилось в другие регионы страны, а большая часть продукции, потребляемой внутри республики, завозилась извне. Это обусловило формирование ряда экстенсивных факторов – сравнительно низкого уровня технологии и производительности труда, высокой капиталоемкости и материалоемкости производства. Износ производственных фондов в начале 1996 г. достиг 43 %, в т. ч. в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – 53, стекольной – 52, легкой, пищевой промышленности и производстве строительных материалов – 45 %. Эксплуатация физически и морально устаревших

производственных фондов привела к повышению материальных и финансовых затрат. Более 40 % амортизационных отчислений в промышленности направлялись на возмещение затрат по капитальному ремонту¹. Диспропорции в отраслях промышленности наиболее остро проявились в годы переходного периода и кризиса. Выпуск промышленной продукции в Бурятии в 1996 г. сократился в 2 раза против 1992 г. Только за второе полугодие 1996 г. объем валового внутреннего продукта снизился на 11 %, а промышленной продукции – на 13. Наибольший спад произошел в машиностроении (на 27 %), в легкой промышленности (на 39 %), в деревообработке и целлюлозно-бумажной промышленности (на 62 %). За 1991–1996 гг. объем инвестиций в основной капитал сократился в 7 раз. Ежегодно сокращался объем освоенных средств в жилищном строительстве.

Экономический кризис наиболее остро затронул сельское хозяйство республики. Его положение было ухудшено форсированием процесса реорганизации сельскохозяйственных предприятий в начале 1990-х гг. По инициативе Совмина республики была развернута кампания по ликвидации колхозов и совхозов. Но, как показала практика последующих лет, курс на ликвидацию колхозов и создание вместо них фермерских хозяйств не дал положительного результата. В 1996 г. на долю фермерских хозяйств приходилось всего 3 % валовой продукции. По сравнению с 1990 г., произошел спад производства сельхозпродукции по всем ее видам. Средняя урожайность зерновых в 1996 г. составила 9,8 ц с га.

Особенно тяжело кризис отразился на животноводстве – традиционной основе хозяйственной деятельности бурятского населения, которое в новых условиях стало невыгодным производством. В связи с этим сократилось поголовье скота. Если в 1991 г. в различных категориях хозяйств поголовье крупного рогатого скота достигло 559 тыс., то к началу 1997 г. оно сократилось до 370,2 тыс. Поголовье овец за этот же период сократилось с 1 млн. 384 тыс. до 357,4 тыс., лошадей – с 76,5 тыс. до 61,9 тыс.² С резким сокращением поголовья скота

¹ Доклад Президента Республики Бурятия Л. В. Потапова «Национальная политика и социально-экономическое развитие Республики Бурятия». Материалы Первого съезда народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1997. – С. 13–14.

² Там же, с. 15.

уменьшились объемы производства животноводческой продукции.

Кризис отразился не только на отраслях мясного скотоводства и тонкорунного овцеводства, он также негативно сказался на традиционном укладе местного населения. В условиях перехода к рынку и разрастания экономического кризиса в Республике Бурятия в 1990–1997 гг. обострилась проблема занятости населения. За 5 лет реформ численность занятых в экономике уменьшилась на 42,8 тыс. (9,2 %) при увеличении численности населения в трудоспособном возрасте на 13,2 тыс. (2,2 %).

Ситуация на рынке труда в Бурятии, по сравнению с другими регионами, значительно ухудшилась. В 1992–1996 гг. рынок труда характеризовался ускоренным увеличением предложения свободной рабочей силы, низким спросом на нее, быстрым ростом безработицы. Уровень безработицы в 1993 г. составил 6 %, в 1995 г. – 14,2, в 1996 г. – 14,3 %, что на 57,1 % выше, чем по России в целом, а темпы увеличения уровня безработицы намного опережали другие регионы страны. Значительно выросла численность женщин-безработных. Доля безработной молодежи до 29 лет в общей численности безработных составила 42 %, а удельный вес выпускников высших и средних специальных учебных заведений – 9,3 %.

Негативным моментом стало то, что в республике степень застойной безработицы (доля хронических безработных, ищущих работу более года) увеличилась с 13,6 до 26,2 %. Но наиболее серьезной проблемой на рынке труда стала скрытая безработица (включая неполную занятость), которая в той или иной степени затронула 78,8 тыс., или 25,6 % от числа занятых в экономике, что оказалось выше среднероссийских показателей. Однако, по данным социологических исследований, реальная скрытая безработица составляла около 40–45 % работавших. В сельской местности доля безработных составила 39,7 % от их общей численности, а в России – 26,7 %. Следствием стало усиление миграции сельского населения в города, особенно в Улан-Удэ.

Наряду с этими процессами переход к рынку и экономический кризис ухудшили социальное положение населения. Темпы инфляции первых лет реформ, а затем сжатие денежной массы привели к росту бартерных отношений и расчету по взаимозачетам между предприятиями и организациями. Хронические задержки заработной платы привели к увеличению ее задолженности, начиная с несколь-

ких месяцев до года и более в отдельных отраслях, включая бюджетную, и отбросили за черту бедности более 60 % населения республики. Обострение социально-политической ситуации в республике, как и в России, вызвало ряд акций массового протеста: митинги, учительские забастовки, голодовки, пикетирование правительственных зданий.

Кризисные процессы также затронули все стороны жизни и все отрасли хозяйства двух бурятских округов. В сельском хозяйстве округов, являвшемся основой их экономики, произошло сокращение поголовья скота. Только за 1990 г. общественное стадо в Усть-Ордынском округе сократилось на 58 тыс. овец, почти на 3 тыс. гол. крупного рогатого скота и на 500 тыс. свиней¹.

Наметилась тенденция сокращения производства основных видов животноводческой продукции. Особенно заметными стали спад производства, нехватка продовольствия и других товаров народного потребления, разбалансированность финансов, недостаток материальных ресурсов, перебои в работе транспорта.

7.2. Этнополитическая ситуация

С началом процесса «перестройки» и демократизации жизни общества накопившиеся за многие годы проблемы и противоречия в области национально-культурного развития получили возможность «выхода наружу». Выразителем требований, связанных с решением национальных проблем, стали после десятилетий молчания представители бурятской интеллигенции.

В развитии этнополитического процесса в начале 1990-х гг. в Бурятии наметились две основные тенденции. Одна из них была связана с проявлением бурятского национализма как защитной реакции бурятского этноса на изменившиеся условия существования. Другая, направленная на общедемократические перемены, включая «суверенизацию», отражала интересы большинства населения, и в первую очередь русского. Взаимодействие этих двух тенденций привело к относительному равновесию сил двух основных этнических групп – русских и бурят, которое и определяло все заметные изменения, происходившие в политической жизни республики.

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М., 1995. – С. 539.

*Встреча ветеранов.
В первом ряду
второй слева
первый секретарь
Бурятского
обкома КПСС
А. У. Модогоев*

Сохранению в Бурятии в 1990-е гг. относительно стабильной этнополитической ситуации способствовало то, что, с одной стороны, у русских, составлявших большинство населения, в силу ряда исторических и психологических факторов отсутствовал ярко выраженный этнонационализм; с другой – сдерживающим фактором, не позволявшим резко обострить обстановку, была пассивность бурятского национализма, отличавшегося защитно-оборонительным характером.

В канун «перестройки» (январь 1984 г.) в связи с уходом на пенсию был освобожден от обязанностей первого секретаря Бурятского обкома КПСС А. У. Модогоев, занимавший этот пост с 1962 г., и избран А. М. Беляков¹.

После тридцатилетнего лидерства во власти представителей бурят в середине 1980-х гг. в очередной раз изменилась этническая принадлежность первого секретаря обкома партии – фактического главы республики. Как свидетельствует исторический опыт Бурят-Монголии, а затем Бурятии, личность первого секретаря и в немалой степени его этническая принадлежность играли важную роль в обеспечении управления республикой. С момента образования автономии во главе партийной иерархии до 1937 г. находились представители бурят: до 1928 г. М. М. Сахьянова, в последующие годы – М. Н. Ербанов. Это позволило в условиях жест-

кого контроля Центра, а также нападок и обвинений в правом уклоне и национализме внутри республики обеспечить решение задач национально-государственного и культурно-национального строительства, отвечавшего интересам не только бурятского, но и всего населения БМАССР. После раздела Бурят-Монголии в 1937 г. главой обкома ВКП(б) был назначен представитель Центра С. Д. Игнатьев. Замена главы обкома была проведена Центром для обеспечения контроля и «очищения» республики от влияния «бурятского национализма и панмонголизма». После С. Д. Игнатьева с 1943 по 1951 г. обком возглавлял А. В. Кудрявцев.

За этот период «очищения», продлившегося до 1951 г., сформировался основной отряд национальной интеллигенции и руководящего эшелона республики, целиком и полностью соответствовавшего политическим требованиям режима. С этого времени со стороны бурятской интеллигенции никаких проявлений национализма, не говоря уже о какой-либо оппозиционности режиму, замечено не было. Она стала полностью лояльна советскому строю и компартии. И уже из этой среды стало возможным в 1951 г. назначение первым секретарем обкома бурята, и то лишь после его «проверки» на практической работе в аппарате ЦК партии. И в других автономиях Союза отбор на должность первого секретаря связывался с учетом состояния этнополитической обстановки в регионе и степени лояльности по отношению к Центру кандидата на этот пост из «мест-

¹ Бурятская областная организация КПСС: Хроника. В 2 кн. Кн. I. – Улан-Удэ, 1987. – С. 198–199.

ных националов». Например, в Чечено-Ингушетии во все годы советской власти «вплоть до последних лет перестройки для чеченца и ингуша был недоступен пост первого секретаря обкома КПСС»¹².

Этот небольшой экскурс в историю партийной власти позволяет глубже понять причины изменения взаимоотношений между двумя основными этническими группами населения республики к началу 1990-х гг. Численное соотношение бурят и русских, по данным переписи 1989 г., составляло соответственно 24 и 69 %. Бурятское население в численном отношении фактически представляло собой меньшинство. Однако нахождение у власти партийно-советской номенклатуры, возглавлявшейся представителем бурятской части населения, воспринималось как должное большинством населения и устраивало его бурятскую часть. Это объяснялось тем, что в условиях советского времени процесс принятия политических решений целиком контролировался партией, и численное соотношение этнических групп на него не влияло.

С приходом А. М. Белякова на пост первого секретаря обкома, совпавшим с периодом «перестройки», произошла частичная смена в партийно-советском руководстве высшего эшелона республики, которая не обошла представителей бурят, занимавших ключевые посты. Эти меры обкома были расценены бурятской элитой как попытка оттеснения бурят от власти.

Начавшаяся демократизация общественной жизни и произошедшая смена руководства республики дали новый импульс обсуждению назревших проблем Бурятии. В связи с этим возродилась к жизни проблема раздела территории БМАСР в 1937 г., что дало основание для выдвижения требований восстановления Бурятии в границах 1937 г. и возвращения республике ее старого названия – Бурят-Монголия.

В августе 1990 г. группа из 58 общественных деятелей и ветеранов республики направила письмо на имя председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишанова, в котором поднимался вопрос об отмене неконституционного акта 1937 г. и восстановлении республики в прежних ее границах. «Формальным поводом для дробления народа, – указывалось в письме, – была территориальная разбросанность, а фактически,

судя по времени совершения этого чудовищного акта беззакония и произвола, инициаторы и организаторы дробления и без того маленького народа хотели ликвидировать экономическую и территориальную основу «панмонголизма»². Это была первая попытка открытой постановки вопроса о территориальном разделе Бурятии. Письмо, выражавшее настроения бурятской общественности, получило большой резонанс не только в республике, но и в округах.

В стране тем временем нарастали центробежные тенденции. Ослабление политической власти партии привело и к ослаблению власти Центра. При отсутствии реальных политико-правовых, военных, экономических, социальных, культурных и экологических гарантий безопасности со стороны СССР как верховного гаранта прав и свобод входивших в него наций наиболее политизированные из них перешли к политической борьбе за реализацию своего права на национальное самоопределение и, в конечном итоге, за национальный суверенитет.

В марте 1990 г. состоялись выборы депутатов нового Верховного Совета Бурятской АССР, председателем которого был избран бывший глава Совета министров С. Буддаев.

Центральные власти РСФСР для реализации суверенитета и интересов России вступили в острый конфликт с союзными органами, его Верховным Советом и Президентом СССР, при этом стремились заручиться поддержкой или хотя бы «выжидательным нейтралитетом» правительств республик в составе РСФСР и демонстрировали подчеркнуто благосклонное отношение к проявлениям этнополитического самоутверждения и суверенизации бывших российских автономий³.

После призыва Б. Ельцина в августе 1990 г. к автономным республикам «проглотить столько суверенитета, сколько они смогут», 14 российских республик приняли декларации о государственном суверенитете. Только 2 республики – Мордовия и Дагестан не объявили себя суверенными⁴.

² Правда Бурятии. – 1990. – 24 авг.

³ Аклаев А. Р. Этнополитические конфликты в Российской Федерации и проблемы легитимности власти // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995. – С. 20.

⁴ Строев М. В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. – Казань, 1998. – С. 13.

¹ Гудаборшев А. Малые народы большой России // Независимая газета. – 1999. – 24 февр.

Процессы, происходившие в России, не замедлили сказаться на политической ситуации в республике. В сентябре 1990 г. республиканские власти приступили к разработке проекта Федеративного договора между Бурятской АССР и РСФСР и проекта Декларации о государственном суверенитете.

В печати появились публикации представителей общественности, подвергавшие критике статус автономной республики, компетенции которой определялись «сверху» и ограничивали ее возможности эффективного использования и развития своего потенциала. Настойчиво звучали предложения отказаться от положения автономной республики и принять Декларацию о государственном суверенитете. В ходе дискуссии по этому вопросу выявились различные подходы: от полного отрицания суверенитета республики до признания государственного суверенитета, вплоть до выхода Бурятии из состава федерации¹.

В условиях всеобщей эйфории суверенизации 8 октября 1990 г. Верховный Совет Бурятской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете, в которой получили закрепление новые концептуальные положения, касающиеся народовластия, государственной власти в республике, территориальной неприкосновенности, экономической самостоятельности, экологической безопасности и национально-культурного развития народов Бурятии². Авторы документа, стремясь уйти от выделения конкретного народа-этноса в качестве носителя суверенитета, подошли к определению народа как совокупности наций (этнических групп) – многонационального народа Бурятии. «Граждане республики всех национальностей, – провозглашалось в Декларации, – составляют народ Бурятской ССР. Народ Бурятии является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике»³.

Процесс демократизации общественно-политической жизни страны начала 1990-х гг. подвел черту под 70-летней историей существования БМАССР – БурАССР – национальной государственности бурятского народа и положил начало

переходу к новой форме государственности – территориального типа.

С учетом произошедших перемен Верховный Совет республики внес в текст действовавшей Конституции (1978 г.) ряд поправок, направленных на закрепление и развитие демократических преобразований. Был расширен круг вопросов, решавшихся парламентом, и усилены его контрольные функции. В утвержденном в апреле 1991 г. Положении о Президиуме Верховного Совета БССР была повышена роль и ответственность этого постояннодействующего органа. Ряд комиссий Верховного Совета республики были преобразованы в комитеты. Верховный Совет в этот период сконцентрировал в своих руках основные контрольные функции, которые ранее являлись прерогативой обкома партии. Бурятия стала оформляться как парламентская республика.

После подавления августовского 1991 г. путча были подписаны Беловежские соглашения, завершившие историю существования Советского Союза как единого государства. Провал путча ГКЧП привел к кризису власти в Бурятии: 26 августа председатель Верховного Совета республики С. Булдаев был отстранен «за непринципиальную позицию, занятую во время путча», после чего Верховный Совет два месяца не мог избрать председателя. 21 октября председателем Верховного Совета стал бывший секретарь Бурятского рескома КПСС и глава коммунистической фракции ВС Л. Потапов.

В ноябре 1991 г. Верховным Советом Бурятской республики был принят закон о местном самоуправлении. На основе этого закона началась реформа местных органов власти и управления. Органами власти в районах признавались Советы народных депутатов, а органами управления – районные администрации.

Вместе с тем при принятии этих решений не были до конца учтены все возможные, в т. ч. и негативные, последствия. Принятые Верховным Советом в условиях эйфории суверенизации решения не отражали в полной мере настроения всего населения и не стали подлинно демократическим волеизъявлением народа. К этому времени основная масса населения страны и республики выступала за сохранение существовавшего государственного устройства страны – Союза ССР. Провозглашение суверенитета произошло не в результате вызревших политических и экономических условий в республике, а под влиянием по-

¹ Хышиктуев О. В. Конституционно-правовой статус Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1996. – С. 76–77.

² Сессия Верховного Совета Бурятской АССР: стеногр. отчет. – Улан-Удэ, 1990. – С. 27.

³ Хышиктуев О. В. Конституционно-правовой статус... – С. 80.

литических событий, происходивших в стране в начале 1990-х годов.

Правящая элита не была консолидирована политически, более того, в борьбе за власть наметилось ее размежевание по идеологическим и этно-клановым признакам, что сказалось на ее способности проводить собственный независимый политический и экономический курс в республике и на федеральном уровне.

Одной из причин размежевания правящей элиты по национальному признаку стало устранение всех препятствий и моральных ограничений в борьбе за политическое доминирование. Соперничество этнически ориентированных властных группировок, периодически вынужденных апеллировать к народу, в определенной мере оказывало влияние на межнациональные отношения, находившиеся до этого времени в состоянии относительного покоя.

Изменения в обществе вызвали активную реакцию со стороны бурятской интеллигенции, радикально настроенная часть которой возлагала определенные надежды на повышение статуса Бурятии как предпосылки дальнейшего укрепления правового положения бурятского народа в республике.

В свою очередь, среди русской части населения Бурятии в связи с распадом СССР и переходом русских в положение национального меньшинства в новых государствах, бывших республиках Союза, также произошли изменения в отношении государственности Бурятии и своего статуса в ней. Прежняя политика в отношении бурятского народа, не вызывавшая сомнений в недалеком прошлом, в новых политических условиях, и особенно после провозглашения суверенитета, потеряла былую легитимность. Более того, мотивируемая интересами защиты прав человека и соотношением численности этнических групп она стала оспариваться национально ориентированной частью русского населения.

С принятием Декларации о суверенитете был сделан практический шаг по пути развития демократии и наполнения реальным содержанием провозглашенных формальных политических прав и свобод. Но после этого шага вопрос о взаимодействии контактирующих этнических групп в сложившейся структуре властных отношений стал предметом пристального общественного внимания, а то и прямых спекуляций со стороны отдельных политических групп в республике.

Митинг на площади Советов. 1991 г.

Провозглашение суверенитета не стало необходимым шагом в политической консолидации этнически и культурно отличающегося населения региона. После провозглашения суверенитета в экономике и социальном положении населения республики заметных перемен в лучшую сторону не произошло.

Объективная потребность в принятии мер по восстановлению утраченных культурных традиций и языка, которая не была продиктована политическими декларациями, назрела, и она способствовала росту активности бурятского населения. Весной 1990 г. по инициативе группы научной и творческой интеллигенции был образован общественный совет по координации возрождения и развития языка, культуры, традиций и обычаев бурятского народа. В это же время в Иркутске состоялась учредительная конференция Бурятского культурного центра, в которой участвовала делегация Усть-Ордынского округа. Председателем Бурятского культурного центра был избран профессор Иркутского университета В. Х. Харнохоев¹. Усилиями бурятских диаспор аналогичные культурные центры были созданы в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах страны.

Одним из первых, в 1974 г., Общество бурятской культуры возникло в Киеве. Деятельность общества охватывала не только бурят, но и представителей других национальностей. С созданием в 1994 г. благотворительного фонда «Дальний Восток» началось формирование бурят-монгольского направ-

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа... – С. 533.

ления, целью которого должно было стать изучение лучших образцов культуры Бурятии от древности до настоящего времени с дальнейшим распространением этих знаний в Украине. Председатель общества Р. Д. Цырендоржиев уже дал несколько уроков бурятского языка членам фонда ДВ. Общество проводило городские вечера, посвященные Сагаалгану. Интерес к бурятской культуре возрос после успешно проведенных Дней культуры Республики Бурятия в Украине в апреле 1993 г., имевших большой резонанс. В Киеве был создан институт буддизма, деятельности которого содействует Общество бурятской культуры и фонд ДВ. В Украине появились буддийские общины¹.

Московский центр «Урчал», объединивший инициативных представителей бурятской диаспоры во главе с Н. Ч. Цыбеновой, взаимодействуя со столичными властями, развернул широкую работу по пропаганде бурятской культуры и языка среди выходцев из Бурятии. Традиционными в столице стали празднования Сагаалгана, создана бурятская воскресная школа.

Бурятский культурный центр в Санкт-Петербурге, возглавляемый профессором ЛГУ А. О. Бороноевым, наладив контакт с местной буддийской общиной, оказал помощь в открытии старейшего буддийского дацана Гунзэчойнэй, построенного еще в начале века по инициативе Цанид-Хамбо-ламы А. Доржиева.

В декабре 1990 г. в Петровск-Забайкальском районе Читинской области была создана Ассоциация развития бурятской культуры с центром в Усть-Оборе, крупном бурятском селе с национальной средней школой. В 1994 г. здесь был построен дуган, где регулярно проводится обряд «обоо тахилган» (поклонение духу местности).

В ноябре 1990 г. Президиум Верховного Совета республики по предложению общественности во главе с председателем Союза писателей Бурятии Б. С. Дугаровым принял постановление о юбилейных мероприятиях, посвященных 1000-летию эпоса «Гэсэр». Эта идея была одобрена ЮНЕСКО. Празднование началось 17 августа 1991 г. на берегу р. Ангары, в с. Хадаахан Нукутского района Усть-Ордынского округа с освящения знамени Гэсэра – голубого полотнища, символизирующего духовное единение бурят.

Б. С. Дугаров

22 февраля 1991 г., в дни праздника Белого месяца – Сагалгаана, в г. Улан-Удэ открылся I Всебурятский съезд по консолидации и духовному возрождению нации. В работе съезда приняли участие представители Бурятской ССР, Усть-Ордынского и Агинского Бурятских автономных округов, Иркутской и Читинской областей, бурятских культурных центров Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Бишкека, Свердловска, Кызыла и других городов страны, Монгольской Народной Республики и Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) КНР. На съезд прибыли 592 делегата. Наряду с бурятами здесь присутствовали представители других национальностей республики: русские, украинцы, евреи, эвенки, чуваша, татары, немцы, корейцы и другие – всего 51 делегат².

Съезд открыл председатель оргкомитета зампред Совмина Бурятии Г. Манжуев, с вступительным словом выступил председатель Верховного Совета Бурятской ССР С. Булдаев, с приветствиями к участникам съезда обратились руководители обкомов: Бурятского – Л. Потапов, Читинского – Н. Мерзликин, Иркутского – В. Иваницкий, а также, впервые за годы существования республики, председатель ЦДУБ СССР Пандидо Хамбо-лама М. Цыбиков.

С основным докладом на съезде выступил профессор БИОН СО АН СССР Т. М. Михайлов, который дал глубокий анализ истории развития бурятского народа, его культуры, государственности, а также состояния и проблем бурят на современном этапе. Всего на съезде выступили 62 делегата и участника. Лейтмотивом выступлений на съезде

¹ Абаева Л., Цыренов С. Республика Бурятия. Модель этнологического мониторинга. – М., 1999. – С. 86–87.

² Материалы Всебурятского съезда по консолидации и духовному возрождению нации (22–24 февр. 1991 г.). – Улан-Удэ, 1996. – С. 78.

Юбилейные мероприятия, посвященные 1000-летию эпоса «Гэсэр»

было кризисное состояние бурятской культуры и положения бурятского народа и необходимость срочных мер по их возрождению. Съезд единодушно осудил неконституционный акт раздела республики в 1937 г., но в вопросе о возможности территориального воссоединения бурятских образований мнения участников съезда разошлись.

Съезд учредил Всебурятскую ассоциацию развития культуры (ВАРК), избрал ее совет в количестве 119 чел. и президиум совета в составе 22 чел. Президентом ВАРК был избран Д.-Н. Д. Дугаров, народный художник России¹. Съезд принял постановление и обращение к бурятскому народу.

Проведение I Всебурятского съезда имело большое значение в культурной жизни народа. Впервые накопившиеся за многие десятилетия проблемы национальной политики, истории, бурятской культуры, языка были коллективно обсуждены, по ним были приняты взвешенные решения. Учреждение Всебурятской ассоциации развития культуры как общественной организации стало первым практическим шагом по духовной консолидации бурятского народа и возрождению его культуры.

Подготовка съезда от начала до конца проходила под контролем обкома партии. Среди делегатов

достаточно полно были представлены руководители всех уровней, интеллигенция, рабочие и колхозники. Съезд 1991 г. показал глубину атомизации ранее отличавшегося общинностью бурятского этноса, потерю им самоуправленческих начал и традиций самоорганизации. Другой итог съезда – образование ВАРК, первой общественной организации этнокультурной направленности, созданной для практической работы по восстановлению утраченных элементов культуры и языка, реализации принципов национально-культурной автономии при решении вопроса бурятской культуры на практике.

В период существования партийной власти, обеспечивавшей поддержку ассоциации, государственные органы выделяли средства на проведение мероприятий. С ликвидацией партийной системы и ухудшением экономической ситуации финансирование ВАРК существенно сократилось.

Всебурятский съезд дал толчок появлению в г. Улан-Удэ более 20 районных землячеств, объединивших улан-удэнцев – уроженцев сельских районов республики, Агинского и Усть-Ордынского округов. Некоторые землячества объединили не только бурят, но и выходцев из определенного района независимо от национальности. Землячества прошли регистрацию в Минюсте республики как общественные объединения. Ими были избраны советы и установлены связи со своими районами.

¹ Материалы Всебурятского съезда по консолидации... – С. 203.

*Первый
президент ВАРК,
народный
художник России
Д.-Н. Д. Дугаров*

Появление землячеств было неоднозначно воспринято в самой бурятской среде. Высказывались опасения, что они могут привести к углублению обособления бурят по территориальному признаку и способствовать еще большей внутриэтнической разобщенности. Однако опасения оказались безосновательными.

В связи с проведением общепермского съезда впервые внимание общественности и органов власти республики было обращено на проблемы бурятских диаспор. Наиболее крупные диаспоры бурят сложились в Республике Саха-Якутия – более 8 тыс. чел., в Москве – около 1,5 тыс., в Казахстане – более 1 тыс., в Красноярском крае – около 1,5 тыс., в Магаданской области – 1,5 тыс. чел., а также в других регионах России и ближнего зарубежья¹.

В конце 1980-х гг. органы государственной власти республики предприняли попытку выработки диаспоральной политики. Объектом их внимания стала бурятская диаспора численностью 6,6 тыс. чел., проживающая за рубежом – в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР. В период установления советской власти и гражданской войны из восточных аймаков Забайкалья в Монголию и Китай эмигрировала большая группа бурят общей численностью до 20 тыс. чел.², часть которых осела в местности Шэнэхэн во Внутренней Монголии Китая. Эти буряты стали называться шэнэхэнскими.

Автономное образование в Китае помогло бурятам на протяжении десятилетий жизни в иноязычном окружении сохранить традиционную культуру, родной язык и избежать ассимиляции близким в расовом отношении ханьским большинством. Практическим результатом развития двусторонних контактов Республики Бурятия с АРВМ стал переезд в Бурятию более 200 шэнэхэнских бурят – граждан КНР. В 1993 г. они создали свою общественную организацию – землячество³. Прибытие шэнэхэнских бурят на историческую родину было важным событием в истории бурятского этноса, но оно обнажило и множество проблем социального и правового характера. Кроме того, обнаружилось, что историческая родина не готова их принять.

К 1990-м гг. в Бурятии на фоне активизации этнокультурных процессов стало особенно заметно кризисное состояние бурятского языка. Это дало толчок к пересмотру языковой политики в республике и в первую очередь законодательной базы. В 1992 г. Верховным Советом республики был принят закон «О языках народов Республики Бурятия», согласно которому бурятскому языку придавался статус государственного наряду с русским. Закон также гарантировал право всех народов Бурятии на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Признание бурятского языка государственным должно было обеспечить его нормальное функционирование в общественной жизни, поднять его престиж, улучшить преподавание, что никоим образом не означало ущемления языковых прав других народов, проживающих в Бурятии. Веским доводом для принятия закона являлось то, что территория Бурятии – единственный регион, где бурятский язык может сохраняться и развиваться, переходя от поколения к поколению. С учетом сложившейся языковой ситуации принятие закона было назревшей мерой, но далеко не единственной, которая могла бы изменить положение дел с бурятским языком.

В начале 1990-х гг. в республике были сделаны шаги по поддержке и развитию традиционной общности бурят, в т. ч. народных праздников, степень сохранности которых оказалась низкой. Традиционные бурятские праздники – одна из форм духовной культуры, – как и у многих народов, имеют календарный характер, уходят своими корнями в глубокую древность и тесно связаны с культом предков, рели-

¹ Буряты в зеркале статистики. – Улан-Удэ, 1996. – С. 6.

² Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии... – С. 325.

³ Бурятия. – 1993. – 24 июля.

гиозными верованиями и особенностями традиционных форм кочевого хозяйства. Например, бурятский летний праздник «Сурхарбан» – один из немногих народных праздников, официально отмечавшийся после образования республики, в 1990-е гг. получил второе дыхание. С ним совмещаются другие юбилеи и важные события, в программу включаются спортивные состязания, выступления артистов. В последнее время его составным компонентом стали «презентации» сельских районов с установкой бурятских юрт и традиционной бурятской кухни. В 1992 г. решением Верховного Совета Бурятии традиционный народный праздник «Сагаалган» – Новый год по лунному календарю – был объявлен официальным праздником и стал широко отмечаться в республике.

В марте 1996 г. в соответствии с Уставом ВАРК был созван II Общебурятский съезд. С отчетом о деятельности Совета ВАРК за прошедшие 5 лет со времени проведения первого съезда выступил президент Всебурятской ассоциации Д.-Н. Д. Дугаров. С докладом «Об основных положениях концепции возрождения бурятского народа, его культуры» выступил заведующий отделом БИОН, доктор философских наук, профессор Ю. Б. Рандалов. В его докладе и в выступлениях делегатов и участников съезда звучала определенная неудовлетворенность процессами этнокультурной консолидации бурятского народа и деятельностью ВАРК в этом направлении. Подверглась критике деятельность совета ВАРК, ограничившаяся развитием преимущественно прикладных и фольклорных форм бурятского искусства и культуры. Отмечалось слабое влияние ВАРК на этнокультурные и особенно на общественно-политические процессы. Председателями Усть-Ордынского и Агинского отделений ВАРК были высказаны претензии в адрес руководства ассоциации из-за слабой финансовой и организационно-методической помощи низовым подразделениям. Нарастающее напряжение на съезде получило свое выражение в выступлении бывшего зампреда правительства Г. Манжуева, который подверг резкой критике кадровую политику Л. Потапова. Он обратил внимание на наличие этнических мотивов, в соответствии с которыми были уволены и подверглись преследованиям бывшие члены правительства, а также избирательность в подборе кадров в действующий госаппарат. Кульминационным моментом съезда стала попытка радикально настроенной части делегатов принять на съезде устав конгресса бурятского народа как по-

литической организации и провести выборы руководящих органов новой организации. Но усилиями председательствующих на съезде представителей правительства, традиционно избранных в состав рабочего президиума, удалось завершить съезд в соответствии с утвержденной повесткой дня.

Съезд не внес кардинальных изменений в политику ВАРК, так как его решения не отличались новизной. Президентом ВАРК был вновь избран Д.-Н. Д. Дугаров. При подготовке второго съезда были повторены ошибки предыдущего. Выборы делегатов происходили формально и фактически также сводились к их «назначению» по заранее составленным спискам согласно «табели о рангах».

В то же время II Общебурятский съезд стал важным событием в этнокультурной жизни бурятского народа и своеобразным индикатором этнополитических процессов в республике и округах. На съезде была обнародована идея создания Конгресса бурятского народа, что совпало с созданием Русской общины Республики Бурятия – регионального отделения Конгресса русских общин Д. Рогозина. Основной целью эта организация ставила защиту гражданских прав русского населения республики. Председателем Русской общины стал генеральный директор ОАО «Амта» С. Пронин, секретарем – В. Яковлев.

Попытка радикально настроенной части интеллигенции трансформировать ВАРК в политическую организацию, не имевшая успеха на II съезде, получила практическое воплощение в создании Конгресса бурятского народа (КБН). На учредительном съезде был принят устав КБН и избраны его руководящие органы. Президентом стал Е. М. Егоров, бывший зампред правительства В. Б. Саганова. В состав совета Конгресса вошли известные общественные деятели, представители органов государственной власти и местного самоуправления республики и округов.

В качестве главной задачи КБН ставил защиту прав и интересов бурятского народа, консолидацию и объединение усилий всех организаций для решения его насущных проблем, расширение влияния на различные сферы общественно-политической жизни республики и округов, укрепление межнациональных отношений и дружбы народов, участие в работе органов власти и развитие международных связей¹. «Общим приоритетом должна стать страте-

¹ Егоров Е. М. О конгрессе бурятского народа // Современ-

Президиум III Всебурятского съезда

гия этнического выживания и развития бурятского этноса в содружестве этносов Российской Федерации», – отмечал в одном из своих выступлений президент конгресса Е. М. Егоров¹.

Коллективными членами КБН стали 29 предприятий и учреждений. Отделения конгресса были созданы в Усть-Ордынском и Агинском округах, Мухоршибирском, Кижингинском и других районах республики. КБН предпринял попытки усиления своего влияния на принятие государственных решений.

Особое внимание в своей деятельности конгресс уделил проблеме раздела БМАССР в 1937 г., восстановления республики в прежних границах и возвращения к ее старому названию – Бурят-Монголия. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. про-

блема раздела республики и бурятского народа была самой обсуждаемой.

Актуализации проблемы 1937 г. в республике способствовали решения, принятые на уровне России в начале 1990-х гг. В апреле 1991 г. был принят закон Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов». С выходом закона в республике появилась надежда на устранение исторической несправедливости, связанной с разделом республики в 1937 г. Некоторые этнические общественные организации, представители бурятской интеллигенции стали выдвигать требования к органам власти о признании незаконным акта 1937 г. и приравнивании бурят к репрессированным народам. Под их напором в 1992 г. руководство республики поставило этот вопрос перед федеральным центром. Однако, как следовало из ответа Министерства по делам национальностей Совету министров республики, бурятский народ не подпал под статус репрессированного и действие закона на него не распространялось. Несмотря на это, в июне 1993 г.

ное положение бурятского народа и перспективы его развития. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1996. – С. 19.

¹ Егоров Е. М. Конгресс бурятского народа – фактор демократизации республики // Проблемы истории и культурно-национального строительства в РБ. – Улан-Удэ, 1998. – С. 57.

Верховный Совет Республики Бурятия принял свое постановление, в котором народы Бурятии реабилитировались и акт 1937 г. признавался незаконным.

В начале 1990-х гг. возможность восстановления единой Бурятии в границах до 1937 г. на законной основе не отрицалась широкими слоями бурятского населения, а также руководством республики и округов. Однако в дальнейшем проблема объединения стала терять свою притягательность. Стремление руководства округов и республики к реальному достижению самостоятельности в условиях начавшихся экономических реформ отодвинуло этнополитические проблемы, в т. ч. проблему объединения народа, на второй план.

Конгресс бурятского народа, не удовлетворившись формальностью принятых мер, вновь поднял проблему раздела Бурятии, подготовив и направив обращение в адрес Президента Республики Бурятия и Народного Хурала, руководства бурятских округов, а на федеральном уровне – Государственной думы Федерального Собрания РФ. В Госдуме обращение КБН неожиданно нашло поддержку у депутата от Агинского Бурятского автономного округа народного артиста СССР И. Кобзона, открыто признавшего проблему раздела Бурятии и бурятского народа. В своих выступлениях во время поездок в Агинский округ и Бурятию он неоднократно поднимал вопрос воссоединения и постепенно сформулировал его как поэтапный процесс в первую очередь духовного объединения, а затем уже административного и территориального¹.

Идея интеграции бурятских образований получила практическое развитие в решениях законодательных органов власти Республики Бурятия и автономных округов. Задачи трех законодательных собраний в этом вопросе были сформулированы председателем Народного Хурала Бурятии М. Семеновым в одном из его интервью: «Парламенты трех субъектов Федерации, где проживает бурятское население, ставят перед собой задачу – создание единого экономического, духовного, культурного, языкового и информационного пространства»². Начало этому процессу было положено Соглашениями исполнительных органов 1996 г. об организации Ассоциации парламентов трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Агинского и

*Президент Конгресса
бурятского народа
Е. М. Егоров*

Усть-Ордынского автономных округов. Цель – защита интересов коренного населения, развитие языка, культуры, обычаев и традиций.

К середине 1990-х гг. в основном утвердились контуры новой российской государственности как Федерации. Однако отсутствие у руководства ясных и четких перспектив развития федерализма породило противоречивую политику. Заигрывания и уступки Центра при разграничении предметов совместного ведения и полномочий региональным властям подвели к опасной черте существование государства как единого целого. Чеченская война 1994–1996 гг. обнажила изъяны созданного режима и проблемы в сфере национальных отношений.

В 1996 г. была завершена работа над Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной 15 июня Указом Президента России № 909. По инициативе Народного Хурала Бурятии была начата работа над проектом республиканской Концепции национальной политики. Варианты проекта были опубликованы для обсуждения в республиканской газете «Бурятия», проект обсуждался на парламентских слушаниях в Народном Хурале с участием представителей общественных организаций, национально-культурных центров, КБН, Русской общины. Будучи оппонентами, группы разработчиков проекта отстаивали противоположные взгляды по вопросам, затрагивавшим интересы бурятской и русской части населения. Их позиции, получавшие отражение в СМИ, так или иначе оказывали воздействие на этнополитическую ситуацию в республике.

4–5 апреля 1997 г. в Улан-Удэ был созван Первый съезд народов Бурятии, на который было избрано более 500 делегатов от всех районов республики,

¹ Иосифы в судьбе бурятского народа // АиФ в Бурятии. – 1999. – № 26 (61).

² Там же.

органов власти, национально-культурных объединений, политических партий и общественных организаций. Главная задача съезда состояла в разработке мер по укреплению межнационального согласия в республике. С основным докладом выступил Президент Бурятии Л. Потапов, оценивший национальные отношения в республике как стабильные, «несмотря на ряд нерешенных проблем, трудностей и негативных явлений»¹. Директор Бурятского института общественных наук СО РАН, профессор В. Найдаков в содокладе попытался выразить свою позицию и свое понимание того, что есть «народы Республики Бурятия». По его мнению, принятому большинством делегатов, коренными этносами не могут быть выходцы из Европы, как бы долго они здесь ни проживали. Выступившие на съезде делегаты и приглашенные обсудили проблемы межнациональных отношений, экономического и социального развития республики. Съезд принял рекомендации и обращение к гражданам Республики Бурятия.

После съезда Правительство республики приняло Республиканскую концепцию национальной политики. Из представителей национально-культурных центров, госорганов и общественности был создан консультативный орган – Совет национальностей, призванный содействовать налаживанию диалога между этническими общностями и органами власти республики.

7.3. Религиозный «ренессанс»

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. вошли в историю церкви как период коренного перелома в религиозной политике государства. Кардинальные социально-экономические преобразования, демократизация общественно-политической жизни способствовали интенсивному процессу возрождения традиционных конфессий и появлению

Его Святейшество Далай-лама XIV на Алханае

Буддийская святыня Зандан Жуу

¹ Материалы Первого съезда народов Республики Бурятия. – С. 7.

новых религиозных движений в Республике Бурятия.

1 октября 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». 25 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», положивший конец «легитимному» ущемлению прав верующих. В религиозной политике обозначились тенденции, направленные на изменение позиции государства в отношении к церкви. В Бурятии, как и во всей России, полным ходом шел возрожденческий процесс, или «этнический ренессанс».

Возросла политическая активность буддийского духовенства, представители которого принимали непосредственное участие в публичной политике и деятельности органов власти: в 1989 г. депутатом Верховного Совета РСФСР был избран лама Э. Цыбикжапов, членом Конституционного собрания Российской Федерации – лама Д. Мархаев, в 1994 г. депутатами Народного Хурала Республики Бурятия – ламы Ф. Самаев и М. Чойбонов.

В 1992 г. Центральное духовное управление буддистов получило статус общероссийской конфессиональной структуры. После смерти Хамбо-ламы М. Цыбикова в 1992 г. централизованная организация стала распадаться на самостоятельные структуры, теряя финансовый и идеологический контроль над дацанами. В 1995 г. Пандидо Хамбо-ламой был избран Д. Аюшеев. В 1997 г. Центральное духовное управление буддистов было переименовано в Буддийскую традиционную сангху России, в которую не вошли буддийские общины Калмыкии и Тувы¹. Лама Н. Илюхинов и его сторонники, буддийские общины, не вошедшие в Буддийскую традиционную сангху, на сугунды (съезде) буддийских священников и мирян приняли решение о создании Духовного управления буддистов России², которое в 1998 г. было зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации как общероссийская религиозная организация.

Активизировались международные и межрегиональные связи Центрального духовного управления буддистов России и других буддийских организаций, прежде всего, тесные контакты с Далай-

Служба в Одигитриевском соборе г. Улан-Удэ

ламой XIV и его администрацией. Были созданы культурно-просветительские и общественные организации: «Общество друзей Тибета», Фонды Агвана Доржиева, Буддийский фонд, «Ахалар», Буддийско-христианский союз и др.³

Свято-Троицкий храм в г. Улан-Удэ

¹ Манзанов Г. Е. Религиозные традиции в культуре бурятского народа. – Улан-Удэ, 2005. – С. 92.

² Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. – Улан-Удэ, 2006. – С. 98.

³ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение... – С. 293.

В 1988 г. 1000-летие крещения Руси отмечалось государством как событие общенационального значения¹. Оно послужило примером и для Бурятии, через 3 года отметившей 250-летие официального признания буддизма в России. На юбилейных торжествах в республике побывали делегации национальных центров Азиатской буддийской конференции за мир, региональных центров Всемирного братства буддистов, «Двора Татхагаты» и Русской православной церкви. Главным событием юбилейных торжеств был визит Его Святейшества Далай-ламы XIV. С программой пребывания Далай-ламы в Бурятии были связаны богослужение-благословение на стадионе им. 25-летия Бурятской АССР, встреча с общественностью республики в театре оперы и балета, несколько хуралов в Иволгинском, Гусино-озерском и Ацагатском дацанах, посещение выставки «Деревянная скульптура Бурятии XVIII – начала XX в.», пресс-конференция.

В результате демократизации российского общества буддийская церковь получила широкий простор для проповеднической и социальной деятельности, возможность возвращения ранее изъятых культовых сооружений и церковных ценностей, строительства новых храмов и регистрации новых общин. В 1991 г. Министерство культуры РФ передало Центральному духовному управлению буддистов в безвозмездное пользование 2212 культовых предметов из фондов музея истории Бурятии, в т. ч. знаменитую сандаловую статую Зандан Жуу. Был создан международный буддийский центр «Святыня Зандан Жуу». В 1980-е гг. было официально разрешено возобновление лечебной практики эмчилам в дацанах, запрещенной в 1930–1970-е годы.

В 1991 г. состоялось освящение 8 новых дацанов – Мурочинского, Эгитуйского, Гэгэтуйского, Анинского, Санагинского, Кыренского, Ацагатского, Усть-Ордынского. В последующие годы открыты Кижингинский, Бичурский, Хоринский, Чесанский, Улан-Удэнский (на Верхней Березовке) дацаны.

В Иволгинском дацане в феврале 1991 г. был открыт буддийский институт «Даши Чойнхорлин»

¹ Урбанаева И. С., Михайлов Т. М., Рандалов Ю. Б. и др. Национальный вопрос в Бурятии... – С. 19–20.

для подготовки священнослужителей. С июня 1999 г. институт получил государственную лицензию на право образовательной деятельности в качестве высшей религиозной школы. В институте обучаются студенты из Бурятии, Тувы, Калмыкии, Хакасии, Алтая, других регионов России, ближнего зарубежья и Монголии.

Начало восстановления православных храмов на территории Бурятии приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Одним из первых постановлением Совета министров Бурятской АССР № 6 от 18 января 1988 г. и приказом Министерства культуры Республики Бурятия № 137 от 15 июня 1991 г. Русской православной церкви был передан Свято-Троицкий храм в г. Улан-Удэ. С лета 1990 г. в храме начаты восстановительные и ремонтные работы, а в 1996 г. ему передана территория городского сада².

В марте 1994 г. было образовано Бурятское благочиние. Первоначально оно входило в состав Иркутской и Читинской епархий РПЦ. В связи с восстановлением в апреле 1994 г. Читинской и Забайкальской епархий Бурятское благочиние перешло под ее юрисдикцию³.

31 марта 1992 г. при Свято-Одигитриевском соборе был зарегистрирован православный приход. 1 августа 1995 г. вышел указ Президента РФ о поэтапной передаче Русской православной церкви кафедрального собора Свято-Одигитриевской Божьей Матери⁴.

Значительная часть интеллигенции, не удовлетворенная официальной идеологией, все активнее обращалась к религиозным ценностям. Этому способствовал бурный рост национального самосознания, сопровождавшийся повышением интереса к национальной истории, наследию выдающихся деятелей прошлого, чье творчество было тесно связано с религиозными учениями.

² Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 2001. – С. 249.

³ Там же, с. 9.

⁴ Из истории религиозных конфессий... – С. 232.

Бурятия в условиях трансформации российского общества (1992–2000-е гг.)

8.1. Социально-экономическое развитие республики на рубеже XX–XXI вв.

Для Российской Федерации начало 1990-х гг. ознаменовалось коренными экономическими преобразованиями, основным содержанием которых был переход от социалистической экономической модели к рыночной. К концу 1990-х гг. в стране в целом была создана основа рыночной экономики: сформировались сфера услуг, валютный и фондовый рынки, развились финансовые институты, система оптовой и розничной торговли. Масштабная приватизация госсобственности, проведенная в короткие сроки, привела к доминированию негосударственного сектора в экономике государства.

Однако первоначально шоковая либерализация российской экономики привела к деградации промышленного и трудового потенциала страны. Валовой внутренний продукт России только за 1-ю пятилетку реформ (1991–1996) снизился на 38 %, объем промышленного производства – на 53 %, а в некоторых отраслях (машиностроении, легкой промышленности и др.) – на 60–70 %. Спад капиталовложений в 3 раза превысил предельно допустимый уровень для воспроизводства основных фондов. В 1992–1996 гг. сельскохозяйственное производство

сократилось на 30 %¹. Доля импортных продуктов питания в Российской Федерации составила в 1996 г. 40 % при предельно-критическом значении в мировой практике 30 %².

Демонетизация экономики привела к разрушению единого экономического пространства, кризису бюджетной системы, рождению денежных суррогатов. По инициативе Министерства финансов и Министерства экономики России экономика страны была фактически переведена на безденежное содержание.

Ключевым элементом российских реформ явилась приватизация. Форсированный переход максимально большой части бывшего государственного имущества в частные руки был провозглашен в качестве главной предпосылки перехода к рынку. Российская приватизация выполнила задачу демонтажа механизма централизованного управления экономикой, но при этом предоставила возможность узкому кругу частных лиц бесконтрольно распоряжаться производственным потенциалом страны.

¹ Локосов В. В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 88; Россия в цифрах: краткий стат. сб. – М.: Госкомстат РФ, 2003. – С. 28.

² Там же, с. 89.

К началу 2000-х гг. в российской экономике продолжался спад производства, возрастали темпы инфляции, не был преодолен бюджетный и инвестиционный кризис. Объем ВВП России в 2001 г. составил 67,1 % ВВП 1990 г. По качеству жизни, экономического и человеческого развития Россия опустилась на 64-е место в мире (СССР занимал 35-е место)¹. Характерной чертой экономики стала зависимость от экспорта минерально-сырьевых ресурсов, который оставался основной статьей дохода государственного бюджета. Российская промышленность прекратила производство большинства высокотехнологичных потребительских товаров. Практически весь российский бизнес носил нелегитимный, а часто откровенно криминальный характер².

За годы реформ существенно снизился уровень жизни населения, росла задолженность по заработной плате и социальным выплатам. В 1 пятилетке реформ (1991–1996) соотношение в доходах между наиболее и наименее обеспеченными 10 % граждан равнялось 15:1. Численность работников госаппарата выросла за годы реформ почти в 3 раза³. К середине 1990-х гг. средняя продолжительность жизни мужского населения снизилась до 58 лет.

В Республике Бурятия проблемы формирования рыночной модели усугублялись региональными особенностями. В советский период в республике был накоплен значительный экономический потенциал. Но экономика Бурятии, развиваясь как составная часть единого народнохозяйственного комплекса СССР, ориентировалась в основном на добычу сырья и его первичную переработку, а не на конечный продукт. Предприятия машиностроения и металлообработки, составлявшие основу экономики республики, фактически выполняли лишь два технологических цикла: последнюю операцию производства изделия и передачу его в эксплуатацию. Для республиканской экономики были характерны перекося в сторону горнодобывающей и оборонной отраслей промышленности в ущерб гражданскому машиностроению и производству потребительских

товаров и зависимость от внерегиональных рынков приобретения сырья, машин и оборудования, продовольственных и непродовольственных товаров. Объем капитальных вложений в экономику Бурятии на душу населения был ниже, чем в среднем по России. Из-за необходимости сохранения чистоты оз. Байкал значительные средства расходовались на охрану природы – в 1,8 раза больше, чем по стране. В 2000 г. издержки и потери, которые несла республика в связи с необходимостью проведения природоохранных мероприятий в бассейне озера, составили 1,4 млн. руб., в 2001 г. – 1,6 млн. руб.⁴ Из-за низкого уровня развития производства, повышенных затрат, обусловленных природно-климатическими условиями и экологическими требованиями, в Бурятии сложился дефицитный бюджет.

В 1990-е гг. Бурятия по основным параметрам социально-экономического развития была в ряду замыкающих. Уровень выпуска промышленной продукции на душу населения республики составлял в 1996 г. менее 70 % соответствующего уровня Российской Федерации. Производительные силы, удваивавшиеся в послевоенный период каждые 10 лет, в условиях экономической реформы оказались дезорганизованными. Активно начал набирать силу процесс разгосударствления предприятий. В период чековой приватизации (1992–1994) было приватизировано 93 % предприятий. К концу 1998 г. доля негосударственного сектора в общем количестве промышленных предприятий составила 95 %. Большая их часть была сосредоточена в торговле и общественном питании – 57,5 %. В промышленности доля негосударственного сектора составляла 14,5 %, в строительстве – 10,7, на транспорте – 1, в науке – 1,2 %⁵. Большая часть приватизированных предприятий не смогли повысить эффективность своей работы и преодолеть спад производства.

На январь 2001 г. в республике было зарегистрировано 17284 юридических лица, в т. ч. 11874 коммерческие организации. Более половины предприятий и организаций было сосредоточено в г. Улан-Удэ – 54,5 %⁶.

¹ Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М.: БСГ-Пресс, 2003. – С. 7.

² Радаев В. В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. – 2001. – № 6. – С. 60–79.

³ Деягин М. Г. Идеология возрождения. Как мы уйдем из нищеты и маразма. – М., 2000. – С. 34.

⁴ Ирильдеев В. Г. Приоритеты государственной социально-экономической политики в РБ // Интеграционные процессы постсоветской экономики и стран АТР на рубеже 20–21 вв.: состояние, проблемы перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. – Улан-Удэ, 2002. – С. 24.

⁵ Бурятия в цифрах: стат. сб. № 02-3. Ч. 2. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1999. – С. 10.

⁶ Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе.

Либерализация цен усилила инфляцию. Самый значительный скачок потребительских цен (в 25,5 раза) был отмечен в 1992 г., когда практически вся промышленная продукция, товары и платные услуги для населения начали реализовываться по свободным ценам. На инфляционную динамику повлияли рост цен на энергоносители, транспортные перевозки, жилищно-коммунальные услуги, импортные товары (за счет увеличения таможенных пошлин).

Экономические преобразования сопровождались значительным спадом промышленного производства, который начался еще в 1990 г. В 1996 г. объем промышленного производства составлял 45 % от уровня 1990 года¹.

С 1991 г. начался процесс сокращения производства практически всех важнейших потребительских товаров. В 1997 г. их выпуск составил всего 26 % от объема производства в 1990 г., в т. ч. продовольственных товаров – 29 %, непродовольственных – 35 %².

Либерализация цен, неразвитость инфраструктуры рынка привели к углублению диспаритета цен, разрушению сложившихся в течение многих лет хозяйственных связей в аграрном секторе республики. В первую пятилетку реформ (1991–1996) валовая продукция сельского хозяйства составила 46 % по отношению к 1990 г., валовой сбор зерна снизился на 49 %, овощей – на 32, картофеля – на 33 %; практически вдвое сократилось поголовье скота³.

На смену колхозно-совхозной системе ведения сельскохозяйственного производства пришли коллективные, кооперативные, акционерные и другие частные сельскохозяйственные предприятия, получившие в собственность землю и средства производства. Однако становление новых методов хозяйствования в аграрной отрасли шло трудно. За 1992–2000 гг. число крестьянских фермерских хозяйств, прекративших свою деятельность, составило 1575, в т. ч. в 2000 г. – 297⁴.

Существенно сократился объем транспортных перевозок: за 1994 г. перевозки грузов железнодорожным транспортом снизились на 18 %, автомобильным – на 51 %, авиационным – на 52 %. Значительное удорожание стоимости проезда привело к снижению объема пассажирских перевозок на 16 %⁵.

Обвальному снижению производства сопутствовал сильный спад инвестиционной активности. За 6 лет (1991–1996) объем вложений в экономику Бурятии уменьшился на 93 %. В 1999 г. республика заняла 58-е место среди субъектов РФ по инвестиционному потенциалу (Иркутская область – 16-е место, Читинская – 49-е)⁶.

Доля государства в общем объеме инвестиций в 1994 г. составила 42 % против 92–96 % в 1989–1992 гг., причем доля централизованно выделяемых республике капитальных вложений из средств федерального бюджета в общем объеме инвестиций сократилась в 1994 г. до 35 % против 62–68 % в 1989–1992 гг. Доля внебюджетных источников в общем объеме, напротив, выросла с 40,7 % в 1993 г. до 82,8 % в 1998-м. Несмотря на продолжавшийся спад производства, остановку многих предприятий и отсутствие у них средств на инвестиции, доля капитальных вложений за счет собственных средств предприятий и организаций всех форм собственности возросла с 17,8 % в 1993 г. до 66,6 % в 1998 г.⁷

По мере спада производства начались сокращения налоговых поступлений, падение платежной дисциплины, снижение финансовой поддержки Бурятии из федеральных источников. Значительные изменения претерпела бюджетная система республики. Основной статьей доходной части бюджетов стали налоговые поступления (85–98 % в собственных доходах бюджетов).

Основная тяжесть расходов на реализацию социальных программ легла на региональные и местные бюджеты. Удельный вес расходов на социальные нужды в расходах консолидированного бюджета республики в 1997 г. достиг 49,2 %⁸.

Значительно выросла доля убыточных организаций: их удельный вес в сельском хозяйстве в 1996 г. составлял свыше 80 % от общего числа

Исследования и материалы. – М.; Иркутск, 2002. – Вып. 2. – С. 141.

¹ Республика Бурятия – 75 лет: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. – С. 25.

² Там же, с. 26.

³ Там же, с. 32.

⁴ Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе... – С. 143.

⁵ Республика Бурятия – 75 лет... – С. 37.

⁶ Итигилова Л. Инвестиционный рейтинг Бурятии в 1999 г. // Бурятия. – 2000. – 19 янв.

⁷ Бурятия в цифрах... – С. 40–41.

⁸ Республика Бурятия – 75 лет... – С. 52.

Визит Б.Н. Ельцина в Бурятию. В центре Б.Н. Ельцин, на первом плане крайний справа директор совхоза «Оронгойский» В. Д. Цыденов, слева фермер В. Б. Кишиктеев. 1992 г.

(в 1991 г. убыточными были только 3 % предприятий), в промышленности – 71 % (в 1991 г. – 10,6 %), в строительстве – 51 % (в 1991 г. – 5,4 %). В целом в республике доля убыточных предприятий в 1996 г. составила 73 %¹.

В условиях нараставшего кризиса республиканское правительство активизировало взаимодействие с федеральным центром. В мае 1995 г. был принят указ Президента РФ Б. Н. Ельцина «О дополнительных мерах федеральной поддержки социально-экономического развития Республики Бурятия», в котором предлагалось разработать федеральную программу социально-экономического развития республики. Программа была разработана и утверждена Правительством России в апреле 1996 г. Ее выполнение было возложено на специализированную дирекцию и фонд реализации и предполагало существенное изменение отраслевой структуры экономики Бурятии при сохранении сырьевой специализации и высокой доли добывающих отраслей². Была снижена ставка налога на прибыль на 1 % за каждый процент роста реализации промышленной продукции, принят ряд мер по стабилизации ситуации в топливно-энергетическом комплексе и аграрной сфере.

Либерализация цен неизбежно привела к необходимости натурального обмена. В 1996 г. промышленным предприятиям было оплачено бартером около 76 % выручки от реализации продукции, предприятиям топливно-энергетического комплекса – 95 %. Значительно вырос уровень кредиторской и дебиторской задолженности.

Углублявшийся экономический кризис и чрезвычайная ситуация в финансово-бюджетной и социальной сфере республики вынудили руководство Бурятии прибегнуть к нестандартным мерам, направленным на ограничение расходов и увеличение доходов на основе жесткого режима экономии. В соответствии с Указом Президента РФ Л. В. Потапова № 394 от 11 ноября 1996 г. в республике был введен «особый режим управления экономикой и социальной сферой» сроком на один год. Правительство РФ отреагировало на этот указ принятием в апреле 1997 г. постановления «О неотложных мерах государственной поддержки социально-экономического развития РБ в 1997–1999 гг.» Введение особого режима некоторые политики оценивали как «открытый вызов российскому законодательству», поскольку главным его элементом был отказ от выполнения ряда республиканских и федеральных законов³.

¹ Республика Бурятия – 75 лет... – С. 54.

² Международные, межгосударственные и федеральные целевые программы природно-ресурсной направленности. – М.: НИА – Природа и РЭФИА, 2001. – С. 136.

³ Митрохин С. С. Модели федерализма. В поисках альтернативы хаосу и распаду // Федерализм. – 1997. – № 1 (5). – С. 103.

В условиях особого режима управления были заморожены тарифы на электроэнергию, что снизило затраты на производство. Для поддержки местных товаропроизводителей постановлением Правительства Бурятии в республике с 1997 г. вводился институт республиканского госзаказа, позволивший в том же году реализовать товаров и услуг на сумму около 40 млрд. руб.¹

Принятые меры способствовали стабилизации выпуска промышленной продукции, росту объема ВРП на 1 %, производства продукции сельского хозяйства на 4 %, увеличению объема платных услуг на 3 %, росту темпов жилищного строительства. Эти экономические показатели вывели Бурятию на третье место по темпам роста промышленной продукции среди десяти регионов Восточной Сибири². Однако принятые меры позволили лишь временно стабилизировать ситуацию.

Практически на всем протяжении 1990-х гг. объем капитальных вложений в экономику Бурятии на душу населения был ниже общероссийского. Значительная часть средств расходовалась на природоохранные мероприятия, что не учитывалось при формировании бюджета России и принятии мер по экономической поддержке субъектов РФ.

Финансовый кризис, разразившийся в стране в августе 1998 г., ухудшил социально-экономическую ситуацию в республике. В первую очередь это выразилось в росте неплатежей. В начале 1996 г. задержки по заработной плате в бюджетной сфере составили 4 и более месяцев, а в производственной сфере – более года³. К концу 1998 г. цены на потребительском рынке возросли на 64 %, в производственном секторе – на 18 %. Выпуск промышленной продукции уменьшился на 6 %, валовая продукция сельского хозяйства – на 15 %, на 19 % сократились объемы жилищного строительства, на 29,2 % – объем розничного товарооборота. К концу 1998 г. доля убыточных предприятий в основных отраслях экономики республики составила 74 %⁴.

Финансовый кризис 1998 г. вызвал девальвацию и понижение курса рубля, что способствовало сокращению импорта и оживлению отечественной промышленности. При этом характерный для большинства регионов посткризисный подъем импортозамещающих производств не отразился в полной мере на развитии пищевой и легкой промышленности Бурятии из-за низкой платежеспособности местного населения. Объем промышленной продукции республики с 1998 по 2000 г. увеличился на 10,6 % и составил 11792 млн. руб. – в основном за счет роста производства электроэнергии, топливной промышленности, цветной металлургии, машиностроения и металлообработки⁵.

Для стимулирования местных товаропроизводителей на 8 предприятиях республики были созданы территориально-промышленные зоны. Предприятия получили льготы по налогу на имущество по законсервированному оборудованию и части спецоборудования. Уровень инвестиций в основной капитал в 2001 г., по сравнению с 1998 г., вырос в 1,5 раза⁶.

С 2000 г. отмечается устойчивый рост основных показателей социально-экономического развития республики. Валовой региональный продукт (ВРП) Бурятии с 1999 по 2003 г. увеличился в реальном выражении на 27,8 %, при этом республика опережала среднероссийский уровень по темпам роста производства.

В 2003 г. объем инвестиций в основной капитал составил 9144,5 млн. руб., с темпом роста 126,8 %. Из общего объема инвестирования 90,8 % было использовано на строительство, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение объектов производственного назначения и 9,2 % – на развитие непроизводственной сферы. Доля государственных инвестиций составила 11,3 % от общего объема инвестиций, из которых 62,2 % пришлось на республиканский бюджет. Доля внебюджетных инвестиций достигла 89 %, или 8138,81 млн. руб. Основным их источником стали собственные средства предприятий (57,5 % от общего объема инвестиций)⁷.

1999. – С. 24.

⁵ Бурятия в цифрах: крат. стат. сб. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – С. 32.

⁶ Кузьмин Д. Экономика Бурятии берет разгон // Бурятия. – 2002. – 21 июня.

⁷ Комплексный доклад «Социально-экономическое развитие Республики Бурятия: итоги 2003 года и перспективы на 2004

¹ Агалов В. К., Атанов Н. И. Экономика Бурятии на современном этапе // Республика Бурятия – государство в составе РФ (к 75-летию образования). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 53.

² Потапов Л. В. От преодоления кризиса – к подъему экономики // Президентская власть в Бурятии. – Улан-Удэ, 2000. – С. 3.

³ Там же.

⁴ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия в условиях реформ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН,

В 2003 г. объем промышленного производства достиг 90 % от уровня 1990 г. Восстановление промышленности сопровождалось значительными изменениями структуры производства. Развивавшиеся в первые годы реформ отрасли топливно-энергетического комплекса, цветной металлургии уступили ведущие позиции обрабатывающим отраслям. Основной прирост производства пришелся на машиностроение и металлообработку, доля которых в структуре промышленного производства составила в 2003 г. 38,9 % против 31,6 % в 2002 г.¹

Активно происходил процесс смены собственников. Крупнейшие отраслевые предприятия Бурятии вошли в состав крупных российских промышленных холдингов: ЛВРЗ – РЖД, Бурятнефтепродукт – ЮКОС, Бурятэнерго – РАО ЕЭС, Электро-связь – Сибирьтелеком, Селенгинский ЦКК – Базовый элемент, Тугнуйский угольный разрез – СУЭК и др. Это способствовало оптимизации их деятельности, повышению производственных показателей, росту качества услуг.

В агропромышленном комплексе республики радикального улучшения не произошло. В результате реорганизации сельскохозяйственных предприятий большинство из них оказалось не в состоянии обеспечить эффективное хозяйствование и выполнение своих обязательств перед бюджетом, внебюджетными фондами и кредиторами даже при условии реструктуризации долгов и совершенствовании методов управления. Уровень самообеспечения республики сельскохозяйственной продукцией в 2003 г. составлял в мясе и мясопродуктах 67 %, молоке и молокопродуктах – 90, яйце и яйцепродуктах – 41, овощах – 100,4, картофеле – 98 %. По сравнению с 1990 г., в 2003 г. на 42 % сократились посевные площади в хозяйствах всех категорий².

В 2003 г. поголовье крупного рогатого скота относительно 1990 г. сократилось на 40 %, лошадей – на 36, овец – на 85, свиней – на 64, птицы – на 81,9 %. В целом за период 1990–2002 гг. объемы производства мяса сократились на 52 %, молока – на 15, яиц – на 81, шерсти – на 97 %³.

В условиях снижения реальных доходов населения и роста безработицы повысилась роль личных подсобных хозяйств. Доля производимой ими

сельскохозяйственной продукции в 2002 г. составила 81 % ее общего объема.

С началом 2000-х гг. возросла роль малого предпринимательства в экономике республики. На 1 октября 2003 г. действовало 2905 малых предприятий юридических лиц, что составило 18,1 % от общего числа предприятий и организаций. На 1000 жителей республики приходилось 3 малых предприятия (по России этот показатель в среднем равен 6). Основная часть малых предприятий республики (46,1 %) работали в сфере торговли и общественного питания, доля малых предприятий в промышленности и строительстве составила соответственно 17,3 и 13,6 %⁴.

К октябрю 2003 г. число предпринимателей без образования юридического лица (ПБОЮЛ) в целом по республике составило 30,7 тыс. Большинство из них (63,5 %) были зарегистрированы в г. Улан-Удэ. Они работали в торговле, бытовом обслуживании населения, переработке сельхозпродукции, производстве мебели. Доля работавших на малых предприятиях в общем числе занятых в экономике Бурятии в 2003 г. составила 5,6 %, что было ниже, чем в среднем по Российской Федерации, где этот показатель равнялся 11,09 %. В том же году малые предприятия республики выпустили товаров и оказали услуг на 4,3 млрд. руб. (47,3 %)⁵.

Для поддержки малого предпринимательства правительство республики разработало механизм финансовой поддержки его инвестиционных проектов. Для малых предприятий была установлена квота в размере 15 % бюджетных ассигнований и объема государственных гарантий, направляемых на инвестирование высокоэффективных проектов.

Оборот внешней торговли Республики Бурятия в 2002 г. составил 254,4 млн. дол., в т. ч. экспорт – 217,2 млн.⁶ В 2003 г. внешнеторговый оборот республики вырос на 36,5 % и достиг 347,17 млн. дол. Экспорт превысил импорт на 302,24 млн. дол. В структуре экспорта республики доминировали сырье и авиационная техника, которая была освоена еще в советский период. Доля машин и оборудования увеличилась с 48 до 66,5 % при сокращении доли древесины и изделий из нее с 29,5 до 15,5 %⁷.

год». – Улан-Удэ, 2004. – С. 49.

¹ Там же, с. 59.

² Бурятия в цифрах... – С. 44–46.

³ Там же, с. 51.

⁴ Комплексный доклад... – С. 101.

⁵ Бурятия в цифрах... – С. 29–30.

⁶ Там же, с. 110.

⁷ Комплексный доклад... – С. 107.

Экономический рост шел не за счет инноваций и внедрения новых технологий. Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (в % к ВРП) в 2003 г. в республике оказались в 6 раз ниже среднемирового уровня и в 3,7 раза ниже среднероссийского. Для республики характерно преобладание ученых гуманитарного профиля и низкий процент занятых прикладными научно-исследовательскими работами. Износ основных фондов превысил допустимые нормы на всех предприятиях, особенно износ машин и оборудования – 62,3 %.

Актуальным остается вопрос экономического обеспечения повышенного экологического статуса региона. Удельный вес экологических затрат в себестоимости продукции ряда отраслей экономики превышает среднероссийские показатели в 2–3 раза, а на предприятиях энергетики – в 4–5 раз. Экологические ограничения снижают уровень конкурентоспособности и привлекательности перспективных инвестиционных проектов.

С 2000 г. Правительство Бурятии ввело систему индикативного управления как основного метода государственного регулирования социально-экономических процессов. Эта система сочетает в себе государственное регулирование с рыночным саморегулированием и основывается на разработке системы индикаторов социально-экономического развития территории. В Республике Бурятия система индикативного управления реализуется на четырех уровнях: на макроэкономическом (Республика Бурятия), на территориальном (города и районы), на межэкономическом – в виде разрабатываемых межотраслевых, межрегиональных планов, прогнозов и программ развития отраслей, территориально-производственных комплексов и промышленных узлов и на микроэкономическом – в виде стратегических планов развития предприятий.

Однако система индикативного управления экономикой Бурятии не принесла ожидаемых результатов, так как оказалась не подкрепленной стратегическими интересами предприятий. Значительная часть утвержденных республиканских отраслевых программ не была выполнена из-за недостаточного финансирования.

Сложная экономическая ситуация в республике обусловила зависимость от дотаций федерального центра. Бурятия была в числе 29 дотационных регионов России. В 2001 г. объем государственного долга республики составил 1 млрд. 725 млн. руб., что

в 2 раза превысило предельно допустимые нормы заимствования¹. В предыдущем пятилетии наблюдался устойчивый рост дефицита бюджета республики, составившего в 2002 г. 726,7 млн. руб., или 1,8 % к валовому региональному продукту². В 2005 г. дефицит бюджета республики составил уже 793,6 млн. руб., а объем дотаций из бюджета РФ – 5604 млн. При этом текущие трансферты в российские регионы из федерального центра примерно в 9 раз превышают объем инвестиционной поддержки регионов. Участие федерального бюджета в процессе социально-экономического развития регионов преследует цели выравнивания, но не ориентирует их на стимулирование экономического развития.

Серьезной проблемой для экономики республики на современном этапе является недостаточность инвестиций из-за неразвитости фондового рынка Бурятии, труднодоступности долгосрочных кредитов и высокого банковского процента. Результатом стало исчезновение ряда крупных предприятий легкой, пищевой, стекольной, деревообрабатывающей и других отраслей промышленности, агропромышленного комплекса, основные фонды которых оказались предельно изношены либо расхищены.

В результате радикальных экономических преобразований серьезно ухудшились основные параметры социально-экономического развития Бурятии, которая за годы реформ переместилась в группу наиболее кризисных регионов страны. Во многом это было связано с неудовлетворительными стартовыми условиями для развития республики, обусловленными неэффективной структурой эко-

¹ Белобородов С. Бурятия платит по счетам // Центральная газета. – 2001. – 12 янв.

² Статистический ежегодник по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2003. – С. 11.

номики, социальными и демографическими проблемами, природно-климатическими и географическими факторами. Для эффективной работы нужны были крупные капитальные вложения, которыми Бурятия как регион, где большая часть средств инвестировалась за счет централизованных источников финансирования, не располагала. Из-за низкого уровня развития производства и повышенных затрат, обусловленных природно-климатическими условиями и повышенными экологическими требованиями, в Бурятии сложился дефицитный бюджет. Имея низкий уровень социального развития, не подкрепленный экономической базой, республика за годы реформ еще в большей степени отстала от большинства регионов России. Улучшение ряда параметров экономического развития Бурятии происходило в основном за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и дотаций из федерального центра.

Изменение уровня жизни населения в условиях рыночных реформ

В период перехода к рынку наблюдалось постоянное снижение уровня жизни населения Российской Федерации. Ухудшились демографические показатели развития страны. С 1992 г. в России наметилась и устойчиво сохраняется тенденция депопуляции, характеризующаяся превышением числа умерших над числом родившихся в 1,5–1,7 раза. Общие демографические потери России за десятилетие (1992–2002) оцениваются в 12–16 млн. чел. Интенсивность ежегодных потерь населения в 1990-е гг. более чем вдвое превысила потери периода сталинских репрессий и массового голода первой половины 1930-х гг.¹ Убыль населения имеет место в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации. В общем числе умерших 1/3 составляют лица трудоспособного возраста.

О быстром разрушении человеческого потенциала страны свидетельствуют данные о резкой алкоголизации общества, росте социально обусловленных болезней – наркомании, психических расстройств и самоубийств. Алкоголизмом страдают около 20 млн. чел., наркоманией – 6 млн. По сравнению с 1990 г. в 1,7 раза возросла заболеваемость туберкулезом, в 40 раз – сифилисом. С 1990 по 2003 г.

количество зараженных ВИЧ в стране выросло в 530 раз².

Последствия реформ сказались и на институте семьи. В 1987 г. в РСФСР в расчете на 1000 чел. был заключено 10 браков, в 1992 г. – 7, а в 2000 г. этот показатель снизился до шести. Одновременно выросло число разводов – с 4,3 в 1992 г. до 6 в 2000 г. При общем снижении рождаемости резко возросло число детей, рожденных вне брака: в 1990 г. 14,6 % от общего количества новорожденных, в 2000 г. – 28 %³.

Тенденции депопуляции и вырождения нации связаны с резким снижением доходов населения и свертыванием системы социальной защиты в результате проводившейся радикальной экономической реформы. За 1992–1996 гг. реальные денежные доходы населения снизились примерно на 43 % (реальная зарплата – на 52 %, пенсии – на 45 %). В 2000 г. 28,9 % населения имели денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, а коэффициент дифференциации доходов составил 14 раз, а с учетом сокрытых доходов – 20–25 раз⁴.

В Бурятии показатели уровня социального развития оказались ниже, чем у большинства соседних регионов, и значительно отставали от средних показателей по России. Демографические процессы в республике в 1990-е гг. характеризовались естественной убылью населения, и в начале XXI в. эта тенденция сохраняется. Рождаемость снизилась с 20,4 чел. в расчете на 1000 населения в 1989 г. до 11,0 в 1997 г., или почти в 2 раза, а в 2002 г. составила 12,6 чел. Численность постоянного населения республики на протяжении 1990-х гг. неуклонно сокращалась: за 10 лет (1992–2002) – на 37,1 тыс. чел.⁵ По данным переписи 2002 г., численность населения Бурятии составила 981,2 тыс. чел. Основные причины ее сокращения – увеличение смертности и миграционный отток жителей Бурятии в другие регионы России.

Основной причиной низкого уровня рождаемости в республике в последние годы стала социально-экономическая нестабильность. Практи-

² Там же, с. 35.

³ Россия в цифрах: краткий стат. сб. – М.: Госкомстат РФ, 2003. – С. 70.

⁴ Там же, с. 99; Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. – М.: Республика, 1997. – С. 15.

⁵ Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2003. – С. 25.

¹ Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость... – С. 13.

чески на всем протяжении 1990-х гг. государство не принимало мер по улучшению демографической ситуации, задерживалась выплата детских пособий, сокращалось число детских садов и т. д. С 1992 г. не обеспечивается простое воспроизводство населения. Среднее число детей, рожденных одной женщиной в течение всей жизни (суммарный коэффициент рождаемости), составляло в 1989–1990 гг. 2,58, в 2000 г. – 1,43 (для простого воспроизводства населения он должен составлять 2,15 – 2,17)¹.

Особенности рождаемости, обусловленные национальными традициями, формировали демографическое поведение коренного населения, что позволило сохранить относительно высокую (по сравнению с другими регионами РФ) рождаемость, равную еще в 1991 г. 18,2 чел. на 1000 населения, в то время как в соседних регионах она составляла 12–13 чел. Однако в целом по республике этот показатель постоянно снижался и лишь в 2002 г. увеличился до 12,6². На одни роды в Бурятии приходилось 3 аборта. Изменилось репродуктивное поведение семей, которые стали планировать рождение одного, максимум двух детей.

При снижении общего числа рождений росла доля внебрачных детей. Удельный вес рожденных вне брака от общей численности родившихся составил в 2001 г. 44,7 %, почти половина всех детей в сельской местности родились вне брака³.

Социально-экономическая нестабильность отразилась и на брачно-семейных отношениях. В 2001 г., по сравнению с 1985 г., число зарегистрированных браков уменьшилось с 9,2 тыс. до 5,9 (на 45 %). Уровень брачности снизился с 9,3 до 5,8 брака в расчете на 1000 чел., уровень разводов, наоборот, возрос до 3,6 на 1000 чел. в 2001 г. против 2,7 в 1985 г.⁴

Смертность в трудоспособном возрасте достигла 46 %, выросло число убийств и самоубийств. Тенденция роста смертности в республике сохранялась в 1990-х гг. и не изменилась в начале XXI в. За период 1998–2002 гг. число умерших на 1000 чел.

увеличилось с 11 до 14,1 чел., 2002 год стал годом с самым высоким уровнем смертности за все послевоенное время⁵.

Основными причинами смерти стали болезни системы кровообращения (46,4 %), несчастные случаи, отравления и травмы (25 %), новообразования (12 %). Возросли показатели смертности от несчастных случаев, убийств, травм и отравлений, в т. ч. алкоголем. По числу самоубийств в расчете на 100 тыс. чел. Республика Бурятия занимала в 2002 г. 4-е место среди 89 регионов России, по числу убийств – 6-е, по числу умерших от несчастных случаев, отравлений и травм – 8-е место⁶.

Высокая смертность трудоспособного населения и новорожденных стала главным фактором снижения продолжительности жизни жителей республики с 66 лет в 1992 г. до 62,5 в 2001 г.: у женщин – с 71,9 до 69,3, а у мужчин – с 60,3 до 56,5 года⁷. Продолжительность жизни населения Бурятии на 2,8 года ниже средней по России.

За период 1991–2002 гг. число детей в возрасте 0–15 лет снизилось с 330,0 тыс. чел. до 235,8 тыс. (на 35 %), в возрасте старше трудоспособного увеличилось на 15,2 тыс. чел. (на 10 %)⁸. Основной тенденцией демографических процессов республики стало старение населения.

Население республики испытало на себе тяготы реформ 1990-х гг.: увеличилась заболеваемость социальными болезнями, численность больных туберкулезом с впервые установленным диагнозом выросла в 3,6 раза, по сравнению с 1991 г., и составила в 2002 г. 144 чел. на 100 тыс. Заболеваемость туберкулезом среди детей в конце 1990-х гг. превышала среднефедеративный показатель в 4 раза. Критическая ситуация вызвала необходимость принятия специальной республиканской программы по борьбе с туберкулезом. В ряде районов Бурятии рост заболеваемости был приостановлен, число детей с активной формой туберкулеза сократилось со 187,7 чел. на 100 тыс. детей в 2000 г. до 136,6 в 2002 г.⁹

Численность больных алкоголизмом и алкогольными психозами, состоящих на учете в лечеб-

¹ Демографическая ситуация в Республике Бурятия: аналитическая записка № 07-03-02. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2002. – С. 2.

² Бурятия в цифрах... – С. 29.

³ Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе. Исследования и материалы... – С. 116.

⁴ Демографическая ситуация в Республике Бурятия... – С. 2.

⁵ Бурятия в цифрах... – С. 29–30.

⁶ Демографическая ситуация в Республике Бурятия... – С. 4.

⁷ Бурятия в цифрах... – С. 11.

⁸ Демографическая ситуация в Республике Бурятия... – С. 6.

⁹ Семья в Бурятии: стат. сб. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – С. 69.

*Роддом №2
г. Улан-Удэ*

ных учреждениях, составила в 2001 г. 10,6 тыс. чел., зарегистрированных потребителей наркотиков – более 2 тыс., а эпизодически употребляющих наркотические вещества – более 10 тыс. В 1998 г. в республике было зарегистрировано всего 8 случаев инфицирования ВИЧ, в 1999 г. – 24, на 1 декабря 2001 г. – свыше 650 чел., 2/3 из которых – молодежь в возрасте до 30 лет¹.

Число новорожденных, родившихся больными или заболевших, увеличилось за 1997–2002 гг. с 5036 до 6864 чел. (57,2 % от числа родившихся)². У 80–90 % выпускников школ республики выявились отклонения в состоянии здоровья, около 35 % юношей призывного возраста страдали заболеваниями, препятствующими службе в армии³. Широкое распространение среди подростков получили наркомания и алкоголизм. В 2003 г. в Республиканском наркологическом диспансере на учете состояли

1197 несовершеннолетних, или 0,8 % детей в возрасте 10–17 лет⁴.

Число молодых людей, осужденных за правонарушения, возросло с 3364 в 1990 г. до 6484 в 1995 г., а в 2001 г. составляло уже 7890 чел. В целом число зарегистрированных преступлений выросло с 17567 в 1990 г. до 31880 в 2001 г. (в 1,8 раза)⁵.

Образовательный уровень населения Бурятии в 1989 г. составлял 85,9 % среднероссийского, в 1994 – 89,3 %⁶. По числу специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в экономике, республика занимала в 1996 г. 23-е место среди 89 субъектов РФ. Однако с середины 1990-х гг. наблюдался устойчивый рост числа студентов в вузах республики: в 1995 г. – 19548, в 2000 г. – уже 24194⁷. Численность аспирантов возросла с 446 в 1997 г. до 973 в 2002 г.⁸ В то же время наблюдалось

¹ Доклад министра здравоохранения РБ Б. Г. Бальжирова // Материалы II съезда народов Бурятии. – Улан-Удэ, 2001. – С. 43.

² Семья в Бурятии... – С. 67.

³ Доклад министра здравоохранения РБ Б. Г. Бальжирова... – С. 43.

⁴ Комплексный доклад... – С. 15.

⁵ Статистика социальных аномалий. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2002. – С. 6.

⁶ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия... – С. 50.

⁷ Бурятия на рубеже веков... – С. 123.

⁸ Бурятия в цифрах... – С. 78.

снижение уровня среднего общего образования на 18,7 % у лиц в возрастной группе 16–19 лет, рос удельный вес лиц в возрасте 15–19 лет, имевших только начальное образование. В 1997 г. 7,1 % детей в возрасте от 6 до 17 лет никогда не учились, более 1000 детей школьного возраста не посещали школу¹.

В 1990-е гг. сократился ввод в строй новых школ, уменьшилось количество дошкольных учреждений: в 1992 г. в республике было 747 детских садов и яслей, в которых воспитывалось 62,5 тыс. детей, в конце 1998 г. здесь работало всего 458 дошкольных учреждений с 28,4 тыс. детей². Обеспеченность детей дошкольного возраста постоянными дошкольными учреждениями в 1997 г. составляла 42 % (по России – 55 %).

Развал научных организаций за пятилетие сократил численность научных работников с 1906 до 732 чел. (в 2,6 раза). В 1995 г. академический сектор науки Бурятии был профинансирован только на 60 % от потребности, доля бюджетных ассигнований на науку в расходах консолидированного бюджета РФ составила всего 1,83 %³.

Численность экономически активного населения на протяжении пореформенного периода неуклонно сокращалась: в 1990 г. в экономике республики было занято 479,7 тыс. чел., к 2002 г. осталось 392,3 тыс.⁴ Структурная перестройка экономики привела к уменьшению числа занятых в материальном производстве и увеличению – в непродовольственной сфере и сфере услуг. Наибольшее сокращение работников отмечалось в промышленности и строительстве: с 1996 по 2002 г. на 36,3 тыс.⁵

Обострилась проблема занятости населения: безработица увеличилась с 72 тыс. чел. в 1995 г. до 84 тыс. в 2001 г.⁶ Уровень безработицы в Бурятии был на 57,1 % выше, чем по России, и темпы ее ро-

ста namного превышали другие регионы страны. Национальный состав безработных соответствовал национальному составу республики: 70,3 % – русские, 26,9 % – буряты, 8 % – лица другой национальности⁷.

Безработица распространилась среди социально не защищенных слоев, в первую очередь молодежи. Во 2-й половине 1990-х гг. среди незанятой молодежи уменьшилась доля лиц, имевших неполное среднее, среднее и профессионально-техническое образование, и увеличилась – имевших среднее специальное, высшее и незаконченное высшее образование. В 1995 г. 3 первые группы составляли 50 % незанятой молодежи, в 1997 г. – 34 %, а 3 последние в 1995 г. – 49 % молодых безработных, в 1997 г. – уже 69 %. В отраслях материального производства доля лиц со специальным средним, высшим и незаконченным высшим образованием уменьшилась на 20 %, т. е. из производственных структур вытеснялась наиболее квалифицированная и образованная часть работников. В 2002 г. безработные в возрасте от 15 до 29 лет составляли 45,3 % от общего числа незанятых⁸.

Скрытая безработица (включая неполную занятость) в той или иной степени затронула 78,8 тыс. чел., или 25,6 % от числа занятых в экономике, что также оказалось выше среднероссийских показателей. Скрытая безработица коснулась 40–45 % работавших⁹.

Среди безработных наиболее активными были квалифицированные работники, имевшие высокий образовательный уровень – такие в 1998 г. составляли 38,5 % общей численности безработных¹⁰. Степень активности по-разному проявлялась у безработных различных национальностей. Русские (70,3 % населения) составляли 65,2 % в высокоактивной группе, среди недостаточно активных – 74 %. Безработные бурятской национальности (26 % населения) в группе с высокой активностью составляли 35 %, с низкой – 23 %¹¹. Безработные буряты, материально

¹ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия... – С. 50.

² Намсараев С. Д. Развитие системы образования Бурятии на пороге III тысячелетия // Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (К 75-летию образования). – Улан-Удэ, 1998. – С. 88–89.

³ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия... – С. 55–56.

⁴ Статистический ежегодник по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2003. – С. 10.

⁵ Бурятия в цифрах... – С. 28.

⁶ Статистический ежегодник по Республике Бурятия... – С. 10.

⁷ Русские в Бурятии: история и современность. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – С. 219.

⁸ Бурятия в цифрах... – С. 38.

⁹ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение... – С. 260.

¹⁰ Чукреев П. А. Незанятые: настроения, ожидания, намерения (опыт социологического исследования). – Улан-Удэ, 1996. – С. 25.

¹¹ Рандалов Ю. Б., Чукреев П. А. Некоторые особенности

более обеспеченные, предъявляли и более высокие требования к материальному положению. У них же наблюдалось и выраженное желание учиться: неудовлетворенность своей профессией отмечалась у 56,2 % бурят и 45,7 % русских¹.

Период радикальных экономических реформ характеризовался резкой дифференциацией населения республики по уровню доходов, что способствовало росту социальной напряженности в обществе. В 1992 г. среднедушевые денежные доходы у 10 % наиболее обеспеченного населения Бурятии были в 10 раз выше, чем у такой же части наименее обеспеченного населения². К 1998 г. это соотношение составило уже 11,3 раза. В 1992 г. на долю 20 % населения с низкими доходами приходилось 7,2 % всех общих денежных доходов, в 1998 г. – 5,5 %. Та же доля населения с наибольшими доходами в 1992 г. обладала 44,5 % всех доходов общества, а в 1998 г. – 46 %³. Эта тенденция сохранилась и в начале XXI в.

В 1-й половине 1990-х гг. по уровню и темпам роста номинальных доходов населения Республика Бурятия относилась к типу регионов со средними доходами и низкими темпами роста. В реальном исчислении денежные доходы на душу населения снизились в 1997 г. на 77 %, по сравнению с 1991 г., заработная плата – на 74 %, пенсия – на 91 %⁴. По уровню соотношения пенсии и прожиточного минимума в 1996 г. Бурятия заняла 45-е место среди 80 регионов⁵. В 1992 г. в Бурятии более 60 % населения имело среднедушевой денежный доход ниже прожиточного минимума, к 1998 г. этот показатель снизился до 46 %, а в 2003 г. составил 38,2 %⁶.

С 1999 г. проявилась тенденция роста основных социально-экономических показателей уровня жизни населения. Среднедушевые денежные доходы

населения выросли с 1144 руб. в месяц в 1998 г. до 2986 руб. в 2002 г., а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике – с 980 до 3941 руб. В то же время в 2002 г. средний размер номинально начисленных пенсий составлял 1393 руб. при средней величине прожиточного минимума 1856 руб.⁷

По уровню и тенденциям изменения покупательной способности населения Бурятия в 1992–2002 гг. относилась к малообеспеченным регионам с низкой покупательной способностью: по данным 1996 г., покупательная способность населения республики была ниже среднероссийской в 1,7 раза⁸. Это обусловило медленные темпы развития малого бизнеса и невысокую инвестиционную привлекательность республики для капиталов из других регионов.

Структура денежных расходов за годы реформ претерпела серьезные изменения. Существенно возросла доля расходов на питание. В 1992–1998 гг. затраты на питание в городских семьях выросли от 42 до 55,9 % расходов, на селе – от 37,5 до 47,4 %. В 2002 г. расходы на продукты питания составляли 45,2 % в общей структуре денежных расходов населения⁹.

Недоверие населения к финансовой политике государства и кредитным учреждениям, особенно после краха «финансовых пирамид» в середине 1990-х гг., привело к уменьшению сбережений и вкладов в ценные бумаги с 122,2 млн. (млрд. до деминации) руб. в 1996 до 30,8 млн. в 1998 г. Улучшение экономической ситуации в стране и повышение уровня жизни населения способствовали значительному росту этого показателя, составившему в 2002 г. 1452,8 млн. руб.¹⁰

Нараставшая тенденция падения уровня жизни населения республики в 1990-е гг. в результате непродуманных реформ стала доминирующей, и в начале 2000-х гг. ситуация существенно не менялась. Последствия этого процесса проявились в увеличении числа безработных и лиц с доходами ниже прожиточного минимума, ухудшении демографических показателей, распространении социальных

социально-психологических характеристик незанятых жителей Республики Бурятия в зависимости от их национальности // Проблемы истории и культурно-национального строительства: сб. ст. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1998. – С. 88.

¹ Там же, с. 90.

² Социальное положение и уровень жизни населения Бурятии в сравнении с другими регионами России (аналитическая записка) // Госкомстат РБ. – Улан-Удэ, 1997. – С. 9.

³ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия... – С. 79.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Денежные доходы и расходы населения Бурятии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 14.

⁶ Комплексный доклад... – С. 9.

⁷ Бурятия в цифрах... – С. 43.

⁸ Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия... – С. 84.

⁹ Социальное положение и уровень жизни населения Бурятии. – С. 19; Бурятия в цифрах... – С. 49.

¹⁰ Там же, с. 44.

болезней. Система социальной защиты населения республики была неэффективной и не носила адресного характера. Улучшение экономических показателей в этот период не привело к повышению эффективности социальной политики и сохранению интеллектуального и демографического потенциала населения.

Социальные процессы

Переход к рыночной экономике сопровождался разрушением старой и формированием новой социальной организации общества. Приватизация государственной собственности и появление частного капитала привели к ее изменению. Это выразилось в дифференциации и распаде прежних общественных групп: рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и служащих. Одна из крупнейших социальных групп – рабочий класс – распалась на разрозненные группы работающих на государственных, акционерных, частных и других предприятиях. В 2002 г. из 392,3 тыс. работников, занятых в экономике республики, 187,4 тыс. трудились в государственном и муниципальном секторе, 158,6 тыс. – в сфере индивидуального и частного предпринимательства, 6,0 тыс. – в общественных организациях и фондах, 16,9 тыс. – на совместных предприятиях, 23,4 тыс. – на предприятиях и в организациях со смешанной формой собственности¹.

В ходе реформирования экономики, проведения конверсии на объектах военно-промышленного комплекса произошло резкое сокращение производства, а некоторые предприятия вообще прекратили свою деятельность. Все это вызвало кардинальные изменения в составе рабочих промышленности. За 1990–1998 гг. их численность сократилась примерно в 2 раза: в легкой промышленности – на 74,5 %, в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной – на 57,5, промышленности строительных материалов – на 57,5, в машиностроении и металлообработке – на 47,3, в пищевой промышленности – на 44,8, в мукомольно-крупяной – на 37,6 %. Одновременно в 2,5 раза возросло количество рабочих в электроэнергетике, в 1,5 раза – в топливной промышленности².

Распался и другой основной класс советского общества – колхозное крестьянство. Часть его

представителей осталась в сохранившихся коллективных хозяйствах, другая часть занялась фермерством и мелкой торговлей, остальные пополнили ряды люмпенизированных элементов. В 2003 г. в Бурятии сохранили свой статус лишь 19 колхозов и совхозов из 217 имевшихся в 1991 г. При этом крестьяне, оставшиеся в коллективных хозяйствах, были самой низкообеспеченной категорией сельского населения: в 2003 г. их заработная плата составляла 42 % величины прожиточного минимума. На протяжении всего пореформенного периода для сельхозпредприятий республики было характерно максимальное сохранение занятости населения при минимизации оплаты труда и ее задержках.

Основной тенденцией в социальной структуре сельского населения стало сокращение численности сельской интеллигенции. В 2003 г., по сравнению с 1999 г., численность специалистов аграрного комплекса республики уменьшилась на 18 %. Сократилось количество культурно-досуговых и общеобразовательных учреждений, начался процесс старения работников умственного труда: 63 % сельских учителей Бурятии были людьми предпенсионного и пенсионного возраста.

В 1990–2001 гг. экономика Бурятии потеряла более 85 тыс. чел., что было в значительной мере вызвано миграцией экономически активного населения, потерей рабочих мест, ростом безработицы и наличием теневого сектора занятости. Наибольшее сокращение наблюдалось в промышленности и строительстве (35 %), лесном хозяйстве (21 %), сельском хозяйстве (20 %), образовании, культуре, искусстве, науке и научном обслуживании (14 %). При этом происходил рост числа занятых в сфере торговли, общественного питания, материально-технического снабжения и сбыта, заготовках (на 24 %), в отрасли кредитования, финансов страхования (на 53 %), в органах управления (на 99 %). Численность занятых на предприятиях государственной и муниципальной форм собственности уменьшилась почти в 2,4 раза, число занятых в сфере индивидуального и частного предпринимательства возросло в 4,3 раза. С 1993 по 2001 г. на предприятиях и в организациях со смешанной формой собственности численность занятых возросла почти в 17 раз, в общественных объединениях, учреждениях и фондах – в 8,5 раза³.

¹ Бурятия в цифрах... – С. 37.

² Промышленность Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – С. 27–28.

³ Абзаев П. Б., Батомункуева Е. П. Процессы трансформации социальной структуры российского общества на пороге

Продукция ОАО «Макбур»

В экономике республики рос процент занятости низкоквалифицированным трудом: в 1998 г. тяжелым физическим трудом было занято 4,1 % общей численности работающих в промышленности, к 2002 г. этот показатель вырос до 5,1 %, в строительстве за 1998–2000 гг. их численность выросла с 6,2 до 9,6 %, но к 2002 г. сократилась до 3,4 %. На транспорте также наблюдался рост числа занятых тяжелым физическим трудом: в 1998 г. они составляли 0,7 %, в 2002 г. – 5,6 %¹. Сохранению данной тенденции способствовал рост удельного веса лиц в возрасте до 19 лет, имевших только начальное образование, 24 % молодых людей данного возраста с неполным средним образованием нигде не учились. Именно они были потенциальным контингентом для пополнения рядов неквалифицированных рабочих.

Одним из результатов рыночных преобразований 1990-х гг. стало формирование негосударственного сектора экономики и новой социальной группы – предпринимателей. Доля частного сектора

в экономике республики быстро росла. В 1990 г. в нем трудились 7,7 % занятых в экономике, в 1998 г. – 37,3 %. Численность занятых в сфере индивидуального и частного предпринимательства возросла с 126,6 тыс. чел. в 1996 г. до 158,6 тыс. в 2002 г.² Основными источниками формирования этой группы стали представители бывшего директорского корпуса госпредприятий и партийно-хозяйственного аппарата – 22 %, специалисты-руководители среднего звена предприятий, инженерно-технические работники, работники торгово-распределительной сети, представители науки, искусства, культуры – 17, квалифицированные рабочие и служащие – 58, неквалифицированные рабочие – 2, выпускники средних школ и вузов – 1 %. Предприниматели-управляющие акционерных обществ и менеджеры-совладельцы составляли 7,5 %, предприниматели-работодатели (собственники и сами управляющие своим предприятием) – 24,5 %, предприниматели, занимавшиеся индивидуальной коммерческой деятельностью, – 68 %.

Для Бурятии была характерна относительная стабильность и немногочисленность группы крупных и средних предпринимателей. В общем составе собственников и руководителей 63 закрытых акционерных обществ 62 % составляли буряты, 132 открытых акционерных обществ – 40 % бурят, в 4253 товариществах с ограниченной ответственностью – 47 % бурят. Численность коренного населения в общем составе крестьянских (фермерских) хозяйств достигла 71 %³. Директорский корпус крупных предприятий республики состоял в основном из представителей русской национальности.

Расширение социального слоя предпринимателей, создание новых рабочих мест, сокращение безработицы в республике было связано с развитием малого бизнеса. Основная часть работавших в нем в начале 1990-х гг. приходилась на производственную сферу – промышленность и строительство. Однако к концу десятилетия заметно увеличилось число работавших в торговле и общественном питании – более 40 % занятых в малом бизнесе, а доля предприятий этой сферы достигла 55,5 %.

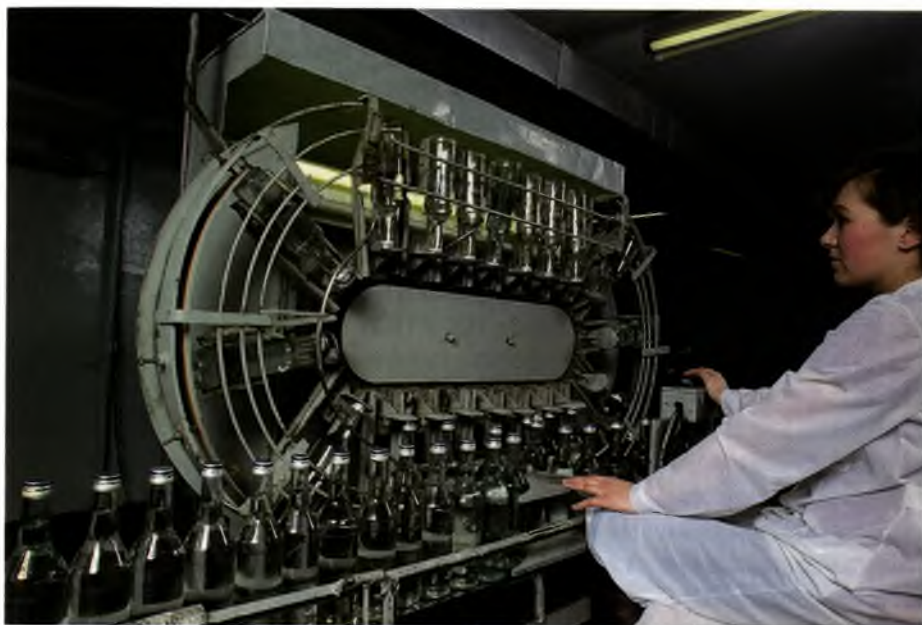
За 1992–1996 гг. число малых предприятий выросло в 7,1 раза и к 1999 г. достигло 5199. Особенно

XXI века (на примере РБ) // Интеграционные процессы постсоветской экономики и стран АТР на рубеже 20–21 вв.: состояние, проблемы, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. – Улан-Удэ, 2002. – С. 73.

¹ Труд и занятость в Бурятии: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2003. – С. 55–56.

² Бурятия в цифрах... – С. 37.

³ Рандалов Ю. Б. Об изменениях в социальной структуре бурятского населения // Проблемы истории и культурно-национального строительства: сб. ст. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1998. – С. 13.

На МНПО «Байкалфарм»

быстрыми темпами росло число малых предприятий в торговле и общественном питании – в 181 раз, в промышленности и на транспорте – в 11 раз. В 2003 г. доля работавших на малых предприятиях в общем числе занятых в экономике республики составляла 5 %¹.

На протяжении всего периода экономических преобразований отсутствие законодательно закрепленной базы поддержки малого бизнеса и правовых гарантий со стороны государства не позволяли предпринимателям в полной мере развивать свою деятельность. Во многом это объясняется тем, что реально управляющая политическая сила не была заинтересована в формировании экономически и политически самостоятельного среднего слоя.

Другой социальной группой, сформировавшейся в результате социально-экономических преобразований 1990-х гг., стали бездомные и лица без определенного места жительства. В г. Улан-Удэ в 1996 г. насчитывалось 106 чел. без определенного места жительства, в 1997 г. – 307, а в 2000 г. – 603 чел., т. е. численность бездомных выросла за этот период в 6 раз и продолжала сохранять тенденцию к увеличению. Основной причиной данного явления стало обострение социальных проблем вследствие рыночных преобразований в обществе. Часть

населения не смогла приспособиться к рыночным отношениям, основанным на конкуренции. Большинство становилось бездомными из-за потери работы, причиной стала и вынужденная миграция.

На рубеже XX–XXI вв. социальная структура российского общества еще не имела четко выраженных очертаний. Следствием смены старых общественных отношений стало нарастающее имущественное неравенство. На протяжении 1990-х гг. происходило снижение реальных денежных доходов населения Бурятии: в 1993 г. они

составили по отношению к предыдущему году 137,4 %, в 1996 г. – 89,9, а в 1998 г. – 74 %. В 2000 г. этот показатель несколько повысился и составил 105,3² к предыдущему году. Число предприятий и организаций республики, имевших задолженность по оплате труда, увеличилось с 206 в 1993 г. до 872 в 2000 г. К 2002 г. их количество снизилось до 514. Наибольшее число предприятий и организаций, имевших задолженность по оплате труда, приходилось на долю сельского хозяйства – 166, сферы образования – 93 и промышленности – 86³.

Из-за недостаточного финансирования науки, образования, культуры, военно-промышленного комплекса среднемесячная заработная плата в конце 1990-х гг. лишь в 2 раза превышала прожиточный минимум. Образование и квалификация часто не улучшали, а ухудшали показатели оплаты труда. Труд учителя и врача оплачивался в 2 раза ниже, чем инженерно-технического работника. Несмотря на улучшение экономических показателей в начале XXI в., государство не приняло мер по исправлению ситуации и не разработало программы выравнивания доходов.

Экономические процессы 1990-х гг. привели к глубокой трансформации в российском обществе, изменились многие параметры его социальной ор-

² Бурятия на рубеже веков... – С. 60.

³ Труд и занятость в Республике Бурятия... – С. 68.

¹ Комплексный доклад... – С. 101–102.

ганизации. Произошло разрушение старой социальной структуры и формирование новых компонентов общества. Для современного общества начала XX в. были характерны неустойчивость, неопределенность, отсутствие сложившихся массовых социальных слоев со своими осознанными интересами, политико-идеологическими ориентациями, общепринятыми правилами и стандартами поведения. В социальном пространстве российского общества продолжали преобладать дезинтеграционные тенденции.

Рыночные реформы 1990-х гг. негативно отразились на уровне жизни населения в республике, что выразилось в ухудшении показателей социального развития. Доминирующими тенденциями трансформации социальной структуры общества в Бурятии, как и в России, стали углубление социального неравенства по всем показателям и маргинализация значительной части населения.

Сокращение финансовых и материальных ресурсов, выделявшихся на развитие социальной сферы, способствовало углублению кризиса. По многим социально значимым показателям Бурятия отставала от других регионов Российской Федерации и приблизилась к критическим отметкам, за которыми наступают необратимые процессы социальной деградации общества. Решение все более обострившихся проблем социального развития республики было возможно только при активном участии федерального центра и существенной корректировке его региональной политики.

8.2. Развитие политической ситуации. Создание и деятельность партий и движений

Современная партийная система в России прошла испытание пятью общенациональными избирательными кампаниями выборов депутатов Государственной думы (1993, 1995, 1999, 2003, 2007) и четырьмя кампаниями выборов президента страны (1996, 2000, 2004, 2008). В каждой из них заново форматировалась партийная система Республики Бурятия, обретая более-менее отчетливые черты на региональных выборах депутатов Народного Хурала (1994, 1998, 2002, 2007) и президента республики (1994, 1998, 2002).

Партийная система Бурятии в своем становлении и развитии прошла 4 стадии. Первая стадия – зарождение допартийных политических сил (1989–1991), вторая – формирование региональных

(региональных отделений) политических партий (1992–1994), третья – становление неформальной партийно-политической системы (1994–1999), четвертая – стадия институализации партийной системы Республики Бурятия (с начала 2000-х гг.).

К периоду формирования допартийных политических сил относится наметившееся в обществе противостояние проводимым реформам. Взятый партийным руководством во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым курс на «перестройку» поначалу был с одобрением встречен интеллигенцией, которая имела широкий потенциал организационного развития и оформления в полноценные политические партии.

Ограничения политической системы и неполитические цели активистов привели к оформлению непартийных политических организаций. В условиях жесткого прессинга со стороны правящей КПСС они приобретали формы общественных движений, фронтов, обществ и клубов. Одной из первых таких организаций в Бурятии стал Народный фронт содействия перестройке (далее НФСП), учредительное собрание которого прошло в ноябре 1988 г. Инициаторами НФСП выступили участники Всесоюзной социально-экологической экспертизы по Байкалу во главе с вузовским преподавателем С. Г. Шапхаевым. Эта организация проводила острые критические дискуссии по вопросам национальных отношений, социальной сферы, экологической практики, что вызывало неподдельный интерес и сочувствие у широкой общественности. НФСП, активно включившись в избирательную кампанию 1989 г., добился избрания С. Г. Шапхаева народным депутатом СССР. Однако как неформальное объединение НФСП был фактически обречен на распад, так как выполнял в основном функцию критики властей, ради которой, собственно, и создавался. Уже летом 1989 г. его активисты ушли во вновь появившиеся организации.

В июне 1989 г. был образован городской Клуб избирателей, сопредседателями которого стали С. Г. Шапхаев и народный депутат СССР рабочий В. Е. Карепин. Позднее в состав клуба вошел также народный депутат РСФСР А. А. Ермолаев. Именно эти депутаты выражали оппозиционные настроения масс. Активисты НФСП сыграли активную роль в деятельности городского отделения «Мемориал», которым руководил член НФСП журналист С. Новоселов.

Другими протопартийными организациями являлись общественные объединения, выступавшие

С. Г. Шанхаев

с позиций «возрождения бурятской культуры». Национально-государственные проблемы в Республике Бурятия, как и в большинстве национально-территориальных образований России, вызывали серьезную озабоченность в среде национальной интеллигенции. В марте 1988 г. в Улан-Удэ было создано первое с начала перестройки неформальное объединение «Гэсэр», поставившее своей целью «развитие духовных начал социализма через совершенствование, социальную активность, развитие национального языка, культуры и т. д.»¹ Общество состояло из молодежи, студентов, молодых священнослужителей – хувараков, учителей, работников культуры. В качестве главной политической цели «Гэсэр» ставил восстановление национально-республиканского единства, разрушенного в 1937 г. В результате внутренних разногласий и давления со стороны властей общество также распалось.

Однако вскоре была создана другая организация – Бурят-Монгольская народная партия (далее БМНП), учредительная конференция которой состоялась в сентябре 1990 г. Своей главной целью политическая партия провозгласила возрождение бурят-монгольского народа через «духовное очищение и восстановление единой национальной государственности»². Необычность этнически ориентированного движения и заявленная оппозиционность настораживали региональную власть и население республики. Учредительная конференция молодой партии подверглась жесткой критике со стороны всех республиканских газет. БМНП

(лидер М. Очиров) как политическая организация просуществовала недолго, и ни на одних выборах в республике ее члены не побеждали, они даже не декларировали свою принадлежность к ней.

Часть активистов БМНП во главе с В. А. Хамутаевым в 1992 г. создали новую общественно-политическую организацию – Движение национального единства (ДНЕ) «Нэгэдэл», которое поставило те же цели, что и БМНП – обеспечение этнополитического и этнокультурного саморазвития бурятского народа. ДНЕ «Нэгэдэл» строило свою деятельность на поэтапном проведении конкретных мероприятий с привлечением широкого круга бурятской интеллигенции. Но постепенно роль и значение данной организации значительно ослабли, ее активисты не получали поддержку на выборах в органы власти.

В тот период гораздо популярнее была Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК), пользовавшаяся поддержкой широкой общественности и региональных властей. Ее уставные цели изначально были деполитизированы, ассоциация стремилась ограничить свою деятельность этнокультурным развитием и консолидацией бурятского народа. Тем не менее само существование ассоциации и ряд ее заявлений и инициатив носили политический характер, с чем считалась законодательная и исполнительная власть Республики Бурятия.

В 1996 г. радикальная часть ВАРК, а также ряд представителей политической элиты учредили общественно-политическую организацию – Конгресс бурятского народа (КБН). С позиций интересов бурятского народа ими был проведен ряд акций, однако как политическая сила КБН себя в дальнейшем никак не проявил.

Некоторая активность была заметна и в рядах национально ориентированной русской интеллигенции. Историко-культурную направленность, заботу о возрождении исконно русской культуры и православия декларировало общество «Спасение» (лидер Ю. Балков). Активность на этом поприще проявляли организации забайкальского казачества (Ю. Касьянов и др.).

Наряду с национальными политическими организациями в республике постепенно стали формироваться и общероссийские отделения политических партий как следствие фактического распада КПСС. Вслед за исходом из КПСС реформаторского крыла партии, объединявшего наиболее радикально настроенных коммунистов, появились пред-

¹ Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абеева и [др.]; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – С. 560–561.

² Там же.

посылки для создания отделений демократических партий в 1990–1991 гг. Одной из первых в республике было создано Бурятское отделение Социал-демократической партии России. Следом за ней была реанимирована структура НФСР, которая была преобразована в Демократическую партию России, имевшую статус отделения одноименной общероссийской партии. В этот же период были образованы отделения Народно-патриотической партии России и Республиканской партии России. Уже после августа 1991 г. часть актива КПСС в условиях прекращения деятельности этой партии также инициировала создание Социалистической партии трудящихся.

Однако новообразованные политические партии, как показала последующая практика, были еще более слабыми, чем предшествовавшие им общественно-политические клубы и объединения. Крайне негативную роль в процессе формирования социальной базы этих политических партий сыграли аморфность и атомизированность советского общества¹. В результате политические партии, несмотря на пышные формулировки своей идеологической направленности, представляли, прежде всего, группы политизированных членов общества². К тому же политические партии того периода носили ярко выраженный персоналистский характер. Связующим звеном этих партий с федеральным руководством стала лишь общая программа действий, во всем остальном политические партии были практически самостоятельны. Они, как правило, не имели определенной программы и опирались на харизму лидера/кандидата, который позиционировался как политик, способный разрешить сложившуюся в стране/регионе кризисную ситуацию.

К августовскому путчу 1991 г. обозначился политический спектр Республики Бурятия. За исключением СПТ, общественно-политические объединения и региональные отделения партий объединяла оппозиционность по отношению к КПСС. Они обозначили основные линии политического размежевания: с одной стороны, либерально-демократическая оппозиция Бурятскому рескому КПРФ, национально ори-

ентированные объединения, также оппозиционные по отношению действующей власти, а с другой – партийная организация КПРФ. Однако ни те ни другие не имели существенной поддержки из центра.

События, связанные с августовским путчем 1991 г., показали, что решающая роль в формировании партийно-политических групп принадлежит правящей политической элите. Именно она обладает способностью быстро консолидироваться и осознавать свои интересы. Фракционализация парламента РСФСР и оформление фракций, поддерживающих президента и противостоящие ему силы, способствовали созданию ряда партий парламентского типа. В Бурятии же ни одна из сформировавшихся в этот период политических партий не была востребована политической элитой республики в качестве механизма и инструмента политической борьбы.

Решающей предпосылкой формирования партийной системы в новых условиях строительства Российского государства стала политическая борьба в самых верхних эшелонах республиканской власти. Еще в марте 1990 г., после перевода первого секретаря Бурятского рескома КПРФ А. М. Белякова во вновь создаваемый Минназ РСФСР, в республику вернулись два значимых политика 1980-х гг., в свое время вытесненные из республики первым лицом. Это В. Б. Саганов, председатель Совета министров Бурятии в 1977–1987 гг., затем советник-посланник в КНДР, и Л. В. Потапов – секретарь обкома КПСС (1978–1987 гг.), направленный в Среднюю Азию для «укрепления кадров». Оба крупнейших региональных политика заняли ключевые посты в республике: Л. В. Потапов стал первым секретарем Бурятского рескома КПРФ, победив в борьбе за этот пост В. Б. Саганова. Последний двумя неделями позже был утвержден председателем Совмина вместо С. Н. Булдаева, избранного председателем Верховного Совета Бурятской АССР.

Августовский путч, организованный ГКЧП в целях предотвращения распада СССР и возвращения власти к КПСС, был поддержан политической элитой республики³. Основной причиной поддержки путча ГКЧП можно назвать стремление сохранить стабильность развития республики и главенствующего статуса партии. Провал путча ГКЧП изменил расстановку сил в региональном политическом пространстве. Одним из первых в связи с запре-

¹ Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные переменные: мониторинг общественного мнения. – М., 1996. – С. 7–15; Рывкина Р. В. Формирование новых экономических классов в России // Социс. – 1994. – № 4. – С. 40–42.

² Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. – 2001. – № 1. – С. 98.

³ Бурятия. – 1991. – 24–27 авг.

Визит Президента России Б. Н. Ельцина в Бурятию. Слева председатель Верховного Совета РБ Л. В. Потапов, справа председатель Совета министров РБ В. Б. Саганов

том и последующей ликвидацией рескома КПРФ лишился своего высокого поста Л. В. Потапов. В дальнейшем, дабы избежать санкций руководства уже суверенной РСФСР, депутаты Верховного Совета (ВС) Республики Бурятии (РБ) решили самостоятельно наказать всех поддержавших путч и тем самым продемонстрировать образец лояльности по отношению к высшим инстанциям. Обсуждение итогов путча состоялось на итоговой сентябрьской сессии ВС РБ, которая отозвала с поста председателя С. Н. Булдаева. В то же время депутаты не решились снять с должности председателя Совета министров В. Б. Саганова, ставшего в период путча фактическим руководителем республики, хотя именно он 21 августа 1991 г. возглавил республиканский комитет по чрезвычайному положению.

В результате в республике на короткий период сложился политический вакуум власти. Находящийся на посту председателя Совмина В. Б. Саганов был фактически единственным из крупных региональных игроков, кто сохранил свой пост, и в то же время его положение тоже было довольно шатким ввиду позиции, занятой им в период путча ГКЧП. Ситуация осложнялась и тем, что на протяжении нескольких месяцев ВС РБ фактически работал без председателя.

После августовского путча развернулась острая борьба за пост председателя Верховного Совета Бурятии между С. В. Калмыковым и И. Т. Павловым, представлявшими титульный этнос республики, но в итоге этот пост занял Л. В. Потапов.

Оформившаяся ситуация двоевластия – Верховного Совета и Совета министров республики – заложила основу конфликтного взаимодействия органов государственной власти. В существующей схеме разделения властей, из которой выпало ключевое звено – партийное руководство со стороны рескома КПРФ, – была заложена основа институционального политического размежевания. В этот период оформившиеся центры политической власти в лице председательствовавших в Верховном Совете и Совмине РБ Л. В. Потапова и В. Б. Саганова активно вербовали союзников в законодательном органе. В результате будущее политическое устройство Республики Бурятия должен был определить итог раскола властной элиты.

Политические партии в этот период, за исключением воссозданной республиканской организации БРО КПРФ (на базе РКП и СПТ, зарегистрирована в марте 1993 г., лидеры В. Б. Базаров, С. П. Будажапов), не проявляли особой активности, их члены действовали в рамках основной линии политического противостояния. Роль лидеров этих партий занимали далеко не первые и даже не вторые лица республики. Более того, сама правящая элита республики выступала с критикой их деятельности, считая их оценку перспектив своих действий неконструктивной. Как праволиберальные, так и восстанавливающиеся партии леволиберального крыла, лишённые поддержки в среде политической элиты, были скорее ориентированы на решение проблем своего развития и фактического вы-

живания, нежели на проблему их идеологического размежевания.

Указ Президента РФ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе» послужил началом активных действий со стороны глав противостоявших ветвей власти. Если ранее на протяжении длительного периода времени противостояние отмечалось на латентном уровне (отчасти по принципиальным политико-экономическим вопросам), то в результате октябрьских (1993 г.) событий позиции групп Л. В. Потапова и В. Б. Саганова приобрели ярко выраженный антипрезидентский и пропрезидентский (по отношению к политическим шагам Б. Н. Ельцина по ликвидации Советов народных депутатов) характер.

Дискуссии по вопросу выполнения Указа Президента РФ в Верховном Совете Республики Бурятия фактически раскололи его состав: часть депутатов встала на сторону Президента РФ, а другая поддержала действия Верховного Совета России. Президиум ВС РБ 24 сентября 1993 г. принял постановление, в котором был: 1) признан неконституционным указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе...»; 2) одобрен текст заявления президиума ВС РБ «О чрезвычайной ситуации в стране»¹. 24 сентября 1993 г. на созванном чрезвычайном заседании Совета министров было принято постановление «О мерах выполнения указа Президента РФ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», в корне отличавшееся от постановления Верховного Совета. На этом заседании Председатель Совмина РБ отметил, что правительство с постановлением Президиума ВС РБ себя не связывает и постановления о неконституционности указа Б. Н. Ельцина не признает.

Силовое разрешение конфликта между противостоящими властями на федеральном уровне в октябре 1993 г. привело к тому, что Президент РФ вынес на референдум проект новой Конституции Российской Федерации, совместив его с выборами в новые палаты парламента – Совет Федерации и Государственную Думу. Проект значительным образом расширил полномочия президента.

В создавшейся сложной политической ситуации в Бурятии единственным способом сохранить стабильность и систему относительного паритета стал созыв внеочередной сессии ВС РБ, на которой Л. В. Потапов дал краткий отчет об итогах своей

поездки в Москву. Вопрос политического будущего республики решила сессия ВС РБ, состоявшаяся 14 октября 1993 г. Компромиссный вариант выхода из создавшегося положения был найден за счет ряда уступок с обеих сторон, которые не устраивала перспектива досрочных отставок. Во-первых, был утвержден проект Совмина, предусматривавший роспуск сельских и городских Советов и передачи их полномочий главам администраций с 1 ноября 1993 г., что послужило росту влияния исполнительной ветви власти. Во-вторых, было принято решение персонально сохранить за председателем ВС РБ Л. В. Потаповым его пост, также сохраняли свои посты его заместители В. В. Саржан и Р. Б. Гармаев. Кроме того, в состав президиума ВС РБ был введен В. Б. Саганов и по 5 новых членов на неосвобожденной основе от Верховного Совета и Совета министров.

Выборы в Совет Федерации и Государственную Думу в декабре 1993 г. стали первой пробой сил по партийному принципу. Большинство из политических партий и общественно-политических объединений заявили о своем непосредственном желании принять в них участие. Однако малая численность и слабость политических партий привели к формированию избирательных блоков, что стало основным признаком нарождавшейся партийной системы Бурятии в 1990-х гг. Если коммунистический блок оформился сравнительно быстро, то демократические партии не проявили стремления к широкому объединению.

Первым был сформирован блок «Гражданский союз Бурятии», в состав которого вошли БРО Демократической партии России (Н. А. Бурлак), ДНЕ «Нэгэдэл» (В. А. Хамутаев) и Бурят-Монгольская народная партия (И. Т. Пронькинов, Г. А. Баторова). Следом за ним был сформирован блок «Выбор России», в состав которого вошли движения «Демократическая Бурятия», БРО Социал-демократической партии (Е. Кислов, С. Тарноруцкий, П. Абзаев), общественные объединения «Ассоциация молодых писателей» и «Союз промышленников и предпринимателей Республики Бурятия» (СПП РБ). Последний, представлявший объединение крупнейших промышленных предприятий Бурятии, вошел в блок «Выбор России» только потому, что эта предвыборная коалиция в большей степени была ориентирована на федеральные выборы.

Тем не менее ни один из вышеназванных избирательных блоков не мог реально претендовать на

¹ Правда Бурятии. – 1993. – 24 сент.

избрание своих кандидатов депутатами Федерального Собрания. Такими политическими силами могли быть только те из них, которые включали в свой состав ведущие региональные политические фигуры.

23 октября 1993 г. было объявлено об учреждении предвыборного блока «Социальная справедливость», в состав которого вошли Бурятское отделение (БО) КПРФ, Республиканский совет ветеранов войны и труда, правоохранительных органов и Вооруженных сил. Созданный блок заявил о поддержке кандидатов в Совет Федерации Л. В. Потапова и Л. Ч. Нимаевой, в депутаты Государственной Думы от блока баллотировался Н. Я. Кондаков.

2 ноября того же года был образован предвыборный блок «Единство и прогресс». На учредительном собрании был избран координационный совет по подготовке к выборам, были избраны 5 сопредседателей совета (В. В. Гейдебрехт, И. Т. Павлов, Е. М. Егоров, В. В. Белоусов, В. Б. Дашамолонов). Гораздо сложнее стала для них проблема выдвижения кандидатов от блока. Номинально называлось 7 кандидатов, в числе которых были И. Т. Павлов, В. Б. Саганов, А. К. Вершинин, В. В. Мантатов, Р. И. Пшеничникова, А. С. Иванов, Б. В. Данилов (в связи с возможным объединением двух проправительственных блоков – ПРЕС (Партии российского единства и согласия) и ВР (Выбор России)¹. Большое количество блоков, вступивших в политическую борьбу, было обусловлено слабым административным давлением, высокой активностью избирателей и амбициями отдельных лидеров. При этом сами блоки оставались неустойчивыми. Показательным является пример Союза промышленников и предпринимателей, первоначально попытавшегося поддержать кандидатов из разных избирательных блоков. Назывались имена предполагаемых кандидатов – А. С. Коренева, В. Б. Саганова, Л. В. Потапова, Л. Ч. Нимаевой, А. Н. Жильцова, А. С. Ковалева и др., однако только в ходе избирательной кампании, когда выявилась принципиальная невозможность поддержки отдельных лиц, СПП сделал выбор в пользу блока «Социальная справедливость».

Избирательная кампания многих объединений свелась к маневрированию между двумя основными противоборствующими политическими блоками – «Социальной справедливостью» и «Единством и прогрессом». Основной задачей их избирательной кампании стало закрепление в электоральном про-

странстве региона, вплоть до начала цикла выборов в региональные органы власти. В случае, когда они выступали как самостоятельные игроки, малые партии резко снижали свои электоральные возможности. Значительно ослабло положение оформившегося блока «Выбор России» (В. В. Мантатов, Р. И. Пшеничникова), который вышел из состава «Единства и прогресса».

Опубликованные в ходе избирательной кампании программные заявления двух противоборствующих избирательных блоков позволяли определить их общую идеологическую направленность. Блок «Социальная справедливость» придерживался левых позиций и являлся проводником социальных программ и регулируемой государством рыночной экономики. Его политической базой стал альянс между КПРФ, СПП (Союз промышленников и предпринимателей) и Аграрным союзом, а социальной базой – директорский корпус промышленных предприятий.

Блок «Единство и прогресс», фактически возглавляемый В. Б. Сагановым, представляли либералы-рыночники. Его социальной базой стали новые предприниматели, банкиры, руководители инвестиционных фондов и других прорыночных структур. Эта группа в целом была не так однородна – в ней четко выделяется группа руководителей Совмина во главе с В. Б. Сагановым, ориентировавшаяся на ПРЕС, группа бизнесменов-депутатов во главе с В. О. Гейдебрехтом, директором Селенгинского ЦКК, и группа относительно молодых представителей исполнительной власти (их лидером являлся заместитель председателя Совмина А. С. Иванов).

В ходе избирательной кампании фактически определились все группы возможных акторов и ресурсов, использование которых могло отразиться на итогах избирательной кампании. Основную ставку в ходе избирательной кампании блок «Социальная справедливость» сделал на территориально оформленные организации и первичные ячейки КПРФ и профсоюзы. Итоги избирательной кампании расставили все акценты и выявили просчеты и ошибки противоборствующих блоков. Несмотря на то, что блок «Единство и прогресс», партийно-организационной базой которого стал правительственный ПРЕС, одержал победу на выборах в Госдуму по пропорциональной части выборов, по более важной для региональной элиты мажоритарной части в Федеральное Собрание потерпел сокрушительное поражение. Причиной провала выборов

¹ Правда Бурятии. – 1993. – 2 нояб.

Л. Ч. Нимаева

партийного блока «Единство и прогресс» стала несогласованность действий в команде.

Политическим итогом данных выборов стал проигрыш всех кандидатов «Единства и прогресса». В. Б. Саганов занял 3-е место после Л. В. Потапова и Л. Ч. Нимаевой, избранных в Совет Федерации. По территориальному избирательному округу на выборах в Госдуму победу одержал также представитель «Социальной справедливости», член КПРФ Н. Я. Кондаков.

Политический кризис 1993 г., роспуск Верховного Совета РФ и расстрел Белого дома подстегнули процессы разработки проектов конституций и основ выборного законодательства в национальных республиках. Во многом именно «учредительный» этап подготовки первых выборов в региональные органы власти заложил основу будущего политического режима.

Процесс конституционного строительства в республике был сложен и противоречив. Однако утвердившаяся форма политической системы Республики Бурятия с тех пор сохранилась практически без изменений. Выбор положений новой Конституции Республики Бурятия и основ политической системы прошел в несколько этапов. Рейтинговое голосование по проекту Конституции РБ, состоявшееся 22 декабря 1993 г., определило, что наиболее приемлемой для региона становится модель однопалатного парламента (60 депутатов проголосовали за однопалатный парламент, 46 – за двухпалатный). За разграничение полномочий Президента и Председателя Правительства выступили только 12 парламентариев, за Президента как главу республики и исполнительной власти – 98, за учреждение Конституционного суда РБ – 71 депутат.

На XV сессии ВС РБ были приняты многочисленные поправки в проект Конституции РБ. При обсуждении вопроса о личности кандидатов на пост Президента РБ камнем преткновения вновь стали национальная принадлежность, возрастной, языковой и ценз оседлости. Процедура открытого голосования приводила к тому, что необходимого числа голосов 65-я статья проекта Конституции РБ не набирала (55 депутатов – за введение ценза, 88 – против, для принятия решения необходимо было набрать 112 голосов). И только на сессии 24 февраля 1994 г. в результате компромиссов проект Конституции РБ в целом был одобрен. На итоговом заседании XV сессии, прошедшей в марте 1994 г., депутаты окончательно утвердили проект Конституции.

Острая борьба развернулась и за формирование соответствующей избирательной системы. Слабость и незаинтересованность в партийном механизме представительства со стороны ведущих политических акторов позволили выбрать мажоритарную систему в 2 тура на президентских выборах и на выборах в Народный Хурал. Согласованной моделью схемы избирательных участков стал вариант относительно равного электорального представительства, но с включением системы порайонного.

В республике оформилась суперпрезидентская форма правления, при этом все возможности институционального развития системной оппозиции и альтернативных центров принятия решения были локализованы. Победитель на выборах Президента РБ должен был стать доминирующим актором регионального политического пространства. Эти выборы окончательно определили приоритетные стратегии и цели участия предвыборных блоков, партий и кандидатов на те или иные посты, расклад политических сил в республике.

Как и на декабрьских выборах, блок «Социальная справедливость» выступил в коалиции с группой союзников в лице КПРФ, профсоюзов, ветеранских организаций и т. д. Они выдвинули в качестве кандидата в Президенты Л. В. Потапова и кандидатов в депутаты Народного Хурала практически по всем 65 избирательным округам.

Основной конкурент «Социальной справедливости», блок «Единство и прогресс», переживавший организационные трудности, был преобразован в блок «За достойную жизнь» в более усеченном виде. Политической базой блока оставалось официально оформленное в ноябре 1993 г. БРО

ПРЕС (председатель исполкома К. И. Бахрунов). 23 февраля 1994 г. состоялась конференция этого блока, на которой были рассмотрены основные проблемы партии, проанализированы причины проигрыша предыдущей избирательной кампании и выработана стратегия дальнейших действий. В целом, как отмечали делегаты съезда, основной ставкой на успех должна была стать стратегия блокирования с демократическими политическими силами. Кроме того, на конференции было озвучено заявление В. Б. Саганова о том, что он не будет баллотироваться на пост Президента Республики Бурятия и в случае победы партии ПРЕС не будет претендовать на пост премьер-министра. В качестве кандидата на пост Президента РБ он предложил выдвинуть А. С. Иванова, своего заместителя по экономическим вопросам¹. Отсутствие реального координационного центра в дальнейшем привело к тому, что акции его избирательной кампании были разрозненны и во многих случаях несогласованны.

Для участия в выборах оформились и другие избирательные блоки и партии. В качестве самостоятельного актора выступил Союз промышленников и предпринимателей. Был создан блок «Единение», в основном из работников торговых организаций (В. Ц. Дамбаин, А. Н. Пивоваров). На базе Аграрного союза создается региональное отделение Аграрной партии (руководители М. А. Спасов и В. Н. Шабанов). 4 февраля 1994 г. аграрии заявили о том, что самостоятельно пойдут на выборы и будут защищать свои интересы. Учредительная конференция партии прошла 18 февраля². Следующим об участии в выборах заявил предвыборный блок «Образование и будущее», который возглавили министр образования РБ С. Д. Намсараев и профессор Г. Ц. Молонов. При этом блок выдвинул не только кандидатов в парламент республики, но и назвал своего кандидата в президенты Республики Бурятия – С. Д. Намсараева.

Профессионально-корпоративный принцип стал основой оформления и блоковых групп врачей и спортсменов – движения «Союз врачей» (Б. Д. Доржиев) и «Спортивная Бурятия» (В. Н. Иванов, Б. Д. Будаев, В. Л. Балдаев). В феврале 1994 г. состоялся первый съезд движения «Бурятия молодая», в руководство которого были выдвинуты лидеры,

Демонстрация бурятских коммунистов

прошедшие комсомольскую школу (В. Ж. Жигмитцыренов, Б. Х. Ангуров). Движение поддерживало относительно молодых и перспективных в то время политиков, таких как Б. Ц. Семенов, Ц. Э. Доржиев, С. В. Калмыков и др.³ Все эти движения и блоки желали выступить на выборах самостоятельно.

Четвертым кандидатом на пост Президента РБ был зарегистрирован В. А. Шаповалов, бывший сотрудник КГБ, глава частного сыскного агентства на момент регистрации. Он предоставил для регистрации 10 тыс. подписей, большая часть из которых была собрана в городах Кяхта и Улан-Удэ. Среди кандидатов именно его фигура вызывала самое большое число вопросов.

Как и предполагалось, основная блоковая борьба развернулась за пост Президента РБ. В борьбу блоков «Социальная справедливость» и «За достойную жизнь» активно включились «Образование и будущее» и независимый кандидат В. А. Шаповалов.

По ходу избирательной кампании выявились основные стратегические модели работы партийно-избирательных блоков с электоратом. Собственно, единственным партийным принципом организации работы блока можно назвать «Социальную справедливость». Блоки «За достойную жизнь» и «Образование и будущее» представляли собой скорее ведомственные структуры. Деятельность же остальных предвыборных блоков трудно назвать структурно организованной. Единственное, что удалось решить лидерам блоков и движений Союза промышленников и предпринимателей, Союза врачей, «Спортивной Бурятии», «Единения», «Бурятии молодой», «Выбора России» и других, – это разве-

¹ Правда Бурятии. – 1994. – 23 февр.

² Правда Бурятии. – 1994. – 4 февр.

³ Правда Бурятии. – 1994. – 16 февр.

сти кандидатов от их блоков по разным избирательным округам.

Официально на 65 мест претендовали 398 кандидатов, из которых 154 были выдвинуты избирательными объединениями. «Социальная справедливость» выставила своих кандидатов во всех округах, так же как и блок «За достойную жизнь», 25 кандидатов выдвинул Союз промышленников и предпринимателей, 20 – движение «Бурятия молодая», 15 – блок «Образование и будущее», точных данных по иным партийным блокам фактически нет.

По итогам первого тура выборов победу в одномандатных округах одержали только 10 депутатов (из 65). 30 июня состоялся второй тур. По результатам двух туров было избрано 64 депутата, 39 избранников в высшем органе представительной власти республики оказались впервые, 19 депутатов (каждый третий-четвертый) представляли исполнительную власть (среди них 10 глав администраций городов и районов), 3 депутата – бывшие работники ВС РБ. Директорский корпус был представлен 13 депутатами-промышленниками и 9 аграриями, 5 – руководителями учебных заведений, 5 – работниками правоохранительных органов, 4 – медиками.

Одновременные выборы первого Президента РБ сделали парламентские выборы гораздо менее значимыми. Основные соперники – Л. В. Потапов и А. С. Иванов – проводили избирательную кампанию в разных стилях: первый – традиционно, с поездками на места, с приемом наказов от избирателей и т. п., второй шире использовал финансовые ресурсы своего блока: выступал на коммерческом телевидении, устраивал концерты в свою поддержку, печатал более дорогие, качественные агитационные материалы.

В первом туре голосования 16 июня 1994 г. приняло участие 54,1 % избирателей, 46,2 % из них проголосовали за Л. В. Потапова, 25,7 % – за А. С. Иванова, 15,7 % – за В. А. Шаповалова, 7,9 % – за С. Д. Намсараева.

Начало второго тура предвыборной гонки за президентское кресло было ознаменовано созданием новых коалиций и соглашений. Не прошедшие во второй тур кандидаты В. А. Шаповалов и С. Д. Намсараев выступили с поддержкой Л. В. Потапова и призвали своих избирателей проголосовать за него. В результате 30 июня при несколько снизившейся явке (50,5 %) за А. С. Иванова было подано почти на 10 тыс. голосов меньше, чем в первом

туре (24,9 %), и Л. В. Потапов победил с огромным преимуществом, набрав 71,7 % голосов¹.

Выборы 1994 г. показали, что среди населения республики наиболее популярны идеи социальной ответственности государства перед гражданами, что и доказала победа блока социальной направленности «Социальная справедливость», если иметь в виду победу Л. В. Потапова. Как оказалось, реформа рыночной системы не принесла тех плодов, на которые надеялись ее инициаторы, появившиеся бизнес-структуры не оправдывали надежд избирателей.

Выборы депутатов Народного Хурала РБ закономерно привели к формированию блоковой структуры республиканского парламента. В состав парламентской группы, где неформальным лидером был В. Б. Саганов, вошли практически все депутаты от исполнительной власти, частично в нее включились депутаты, представлявшие правоохранительные органы. В работе фракции участвовали и депутаты от коммерческих структур. Всего группа насчитывала 24 депутата.

В блоке «Социальная справедливость» было 22 депутата, в него входила относительно самостоятельная группа депутатов – членов СПП и депутаты из блока «Единение». К «Социальной справедливости» примыкала группа депутатов-аграриев.

Группу независимых депутатов представляли ректоры и проректоры вузов и группа от Союза врачей. Однако фактически ни одной формальной фракции с жестким фиксированным членством в парламенте так и не было создано. По партийному членству депутатов были представлены только КПРФ, ПРЕС и АПР.

Одновременные выборы Президента и депутатов первого созыва Народного Хурала позволили структурировать политическое пространство Бурятии, размежевание которого в основном произошло на блоковой основе с включением в него региональных отделений политических партий. Главной причиной размежевания стало отношение социальных групп к курсу реформ. Ослабление роли парламента стало основой понижения статуса политических партий, а выбор мажоритарной избирательной системы в 2 тура еще более ослабил их роль.

Формирование неформальной партийно-политической системы, где роль политических партий была незначительной, было характерно для первого и второго президентских сроков Л. В. Потапова.

¹ Правда Бурятии. – 1994. – 2 июля.

Задачей Президента стала нейтрализация оппозиционного блока, возглавляемого В. Б. Сагановым и требовавшего контрольных функций парламента по отношению к правительству, и дистанцирование от КПРФ, выполнять социальную программу которой он (приостановивший членство в КПРФ) не имел возможности. Эта ситуация отчетливо проявилась на выборах в Госдуму в 1995 г. и на выборах Президента России в 1996 г.

Оппозиционный блок «За достойную жизнь», и прежде не очень сплоченный, распался после того как накануне выборов в Госдуму из его состава выделился предвыборный блок НДР (Наш дом Россия), под председательством В. С. Черномырдина, инициированный федеральным центром. Изначально он создавался специально к парламентским выборам. В его состав вошли представители ПРЕС и «Выбора России», окончательно утратившие самостоятельность. Председателем совета НДР стал М. А. Спасов, первый заместитель председателя правительства республики, экс-председатель Бурятского отделения АПР. Исполком возглавил Б. В. Данилов, ученый секретарь президиума Бурятского научного центра СО РАН, член исполкома Бурятского отделения ПРЕС. Заместителем председателя совета стал Г. М. Клочихин, исполнительный директор СПП.

Несмотря на участие целого ряда политиков, реальная борьба за депутатский мандат Госдумы по территориальному округу развернулась между тремя кандидатами – С. И. Найчуковой, Н. Я. Кондаковым и В. В. Белоусовым. Электоральную гонку выиграла С. И. Найчукова. Другим депутатом Госдумы стал С. П. Будажапов, прошедший от республики по спискам партии. Победа КПРФ (28,6 %) в Республике Бурятия была безусловной. На третьем и пятом местах оказались ближайшие союзники КПРФ: блок «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз» – 8,1 % и АПР, набравшая 6,4 %. Хороший результат показали «Женщины России» (6,7 %). Образованное в сентябре 1994 г. БРО ЛДПР с некоторыми потерями вышло на второе место (8,8 %). Провалом можно назвать результат НДР (5,7 %). «Яблоко» набрало в 2,5 раза меньше по сравнению со среднероссийским результатом (2,8 %). У лидера прошлых выборов – ПРЕС – на этот раз было всего 0,5 % голосов.

Выборы Президента РФ 1996 г. повсеместно во всех регионах привели к четкой системе выстраивания лояльных и нелояльных действовавшему

Президенту регионов России. Трудный выбор пришлось сделать Л. В. Потапову, который выступил с заявлением о том, почему он лично поддерживает Б. Н. Ельцина. В первом туре бурятские избиратели предпочли Г. А. Зюганова, и только во втором туре некоторый перевес был у Б. Н. Ельцина. Российские политологи отнесли Республику Бурятия к так называемому «красному поясу».

К концу электоральных циклов 1990-х гг. президентской власти Бурятии удалось локализовать большинство региональных конфликтных линий и значительным образом ослабить оппозицию, что обеспечило победу на президентских выборах Л. В. Потапову и его кандидатам – на парламентских в 1998 г. и глав местного самоуправления – в 1999 г. В парламенте на базе уже имевшейся группы депутатов «Социальной справедливости» и СПП удалось создать еще одну проправительственную группу «Содружество». Многие главы местного самоуправления возглавили проправительственные движения и партии.

Особенности партийно-политической системы, основывавшейся на неформальных принципах, можно проиллюстрировать на примере выборов в Улан-Удэнский горсовет и досрочных выборов мэра г. Улан-Удэ (после отрешения В. А. Шаповалова), а также президентских выборов 1998 г. На выборах в горсовет высокую степень активности проявили политические объединения, сосредоточенные в Улан-Удэ: на 22 мандата депутатов горсовета и пост мэра г. Улан-Удэ претендовали выдвиженцы блоков «Судьба», «Социальная справедливость», Союз женщин, Союз промышленников и предпринимателей и блока «Наш дом Россия» (НДР). В депутаты горсовета было выдвинуто 120 кандидатов, на пост мэра претендовало 4 кандидата. Итоги выборов были следующими: 6 мест получил блок «Социальная справедливость», 4 – «Образование и будущее», 2 – Союз женщин. В депутаты горсовета было избрано 12 женщин.

Как показали итоги выборов в горсовет, блоковая тактика выдвижения кандидатов состоятельна только тогда, когда ее поддерживают влиятельные представители политической элиты. Блок «Социальная справедливость» кроме базовой поддержки КПРФ курировал лично Президент РБ Л. В. Потапов, Союз женщин – Л. Ч. Нимаева, «Образование и будущее» – гороно и министр образования С. Д. Намсараев, СПП своими победами во многом был обязан Президенту РБ.

Первый Президент Республики Бурятия Л. В. Потапов

Мэр г. Улан-Удэ Г. А. Айдаев

На выборах мэра 1998 г. Л. В. Потапов и Союз промышленников и предпринимателей поддержали разных кандидатов: СПП – бывшего главу города В. К. Кукшинова, а Л. В. Потапов – бывшего главу администрации Советского района г. Улан-Удэ, действующего председателя Счетной палаты НХ РБ Г. А. Айдаева. Выборы прошли в упорной борьбе, на помощь привлекались политтехнологи из Москвы, в частности политконсалтинговая фирма «Никколо-М». Победа досталась Г. А. Айдаеву – во многом благодаря поддержке Президента РБ Л. В. Потапова. В то же время «Социальная справедливость» и СПП дали множество поводов для его денонсации, что имело целый ряд негативных последствий.

Возглавлявший СПП А. С. Коренев должен был стать основным соперником Л. В. Потапова на президентских выборах 1998 г. Выдвижение Л. В. Потапова проводилось широким кругом групп избирателей и общественных объединений, фактически это была широкая коалиция всех политических сил, поддерживающих действующую власть. Было принято новое избирательное законодательство, согласно которому правом выдвигать кандидатов обладали лишь те партии, которые прошли предварительную регистрацию в Министерстве юстиции.

Благодаря умелой стратегии и использованию административного ресурса удалось минимизировать ресурсы всех 10 соперников. Большинство кандидатов выдвигались не от политических партий, а от групп избирателей. Они не были консолидированы, за исключением реальных соперников-оппозиционеров А. С. Коренева, В. Б. Саганова и

В. А. Шаповалова, пытавшихся создать блок. Но их электоральное пространство стремительно сужалось. Неожиданное расследование налоговой полицией фактов незаконного предпринимательства в структуре ЛВРЗ привело к тому, что заявление о снятии своей кандидатуры в пользу действующего Президента РБ подал его основной конкурент А. С. Коренев. Не имел перспектив и председатель БРО КПРФ С. П. Будажапов. Ресурс его партийного актива был явно недостаточен, хотя именно он мог отобрать значительную долю голосов левого электората. Обстоятельства снятия кандидатуры С. П. Будажапова неизвестны, но, возможно, они были связаны с тем, что партия не прошла перерегистрацию. Именно с этого времени снижается реальное влияние КПРФ и блока «Социальная справедливость». В. Б. Саганов также за 4 года потерял потенциал сильного участника предвыборной гонки и лишился влияния, так как за ним не было организованной политической силы. В результате Л. В. Потапов отпраздновал победу уже в первом туре, набрав 63,25 % и обойдя своего ближайшего конкурента В. Б. Саганова более чем на 50 % голосов¹.

Состав парламента, избранного в 1998 г., был значительно изменен. Доля представителей власти составила 23 % (15 депутатов), предпринимателей – 38 % (25 депутатов), руководителей органов местного самоуправления – 21 % (14 депутатов). Высока была и доля СПП – 26 % парламентариев (17

¹ Бурятия. – 1998. – 4 июля; Молодежь Бурятии. – 1998. – 24 июня.

депутатов)¹. Как следствие, произошла перестановка политических сил в парламенте, по-прежнему представленном пропрезидентскими, оппозиционными и нейтральными блоками, несмотря на наличие официальных партийных фракций. Первый блок был представлен председателем Народного Хурала М. И. Семеновым и группой глав сельских администраций и СПП. Блок обладал фактическим большинством – 50,7 % (33 депутата). Второй блок представляли политические силы, сплотившиеся вокруг Б. Ц. Семенова, которого в парламенте поддерживала группа молодых предпринимателей. В третью группу вошли политически нейтральные представители интеллигенции. Ее неформальным лидером был ректор БГУ С. В. Калмыков².

Впоследствии пропрезидентская фракция Народного Хурала РБ – блок «Социальная справедливость» – постепенно трансформировался в левый блок НПСР, а затем в проправительственный правоцентристский НДР. Последовавший за этим возврат к левоцентристскому ОВР (Отечество – Вся Россия) отражал скорее сложный расклад сил на федеральном уровне. Идеологическая составляющая политических партий практически сошла на нет. Политические партии в этом случае стали выполнять лишь функцию политической консолидации парламентариев.

Региональное отделение движения «Единство» было спешно создано в республике в канун выборов в Госдуму, в 1999 г., как и само движение в России в целом. Именно принадлежность к этому малоизвестному, но стремительно обретающему контуры проправительственного движению позволила пройти в Госдуму В. Ф. Кузнецову, руководителю «Бурятнефтепродукта», входившего в сеть дочерних предприятий компании ЮКОС. Несмотря на свою общенациональную значимость, относительно слабо развивалась региональная предвыборная кампания ЛДПР и «Яблока».

По территориальному избирательному округу победил Б. Ц. Семенов, официальный кандидат от ОВР, однако выступивший как кандидат от действующей власти. Его соперники В. В. Измайлов, С. И. Найчукова, Е. И. Пальцев, лишившись значительной доли административной поддержки, не

сумели противостоять ему и впоследствии уже не проходили в выборные федеральные органы. Однако, как показали итоги парламентских выборов в Госдуму, административный ресурс все же имел свои пределы, это продемонстрировали выборы по пропорциональной системе. Победу в республике, как и прежде, одержала партия КПРФ, набравшая 27,06 %, следом за ней финишировал блок «Единство» с 25,46 %, ОВР же набрала только 10,05 %, СПС – 8,36, ЛДПР – 7,01 %. Тем не менее выборы зафиксировали изменение расклада политических сил. Даже победившая КПРФ по сравнению с прошлыми выборами, фактически потеряла более 10 % голосов избирателей.

По итогам выборов Президента Бурятии и депутатов Народного Хурала в 2002 г. парламент все более стал обретать форму однопартийного. Фракция КПРФ в парламенте Бурятии так и не была создана. По итогам непродолжительных согласований фактически сразу же были образованы фракции партий «Единая Россия» (руководитель И. И. Калашников) в составе 17 чел. и СПС (фактический лидер глава ОАО «Бурятэнерго» С.В. Лысцев) в составе 5 чел.³ Чуть позднее была создана третья фракция «Север», объединившая депутатов из северных районов республики. Позже позиции «Единой России» только укреплялись.

Современный этап в развитии партийной системы Бурятии с начала 2000-х гг. связан с приходом к власти Президента РФ В. В. Путина. Начало новой стадии обусловлено повышением роли федерального центра и развертыванием масштабного проекта укрепления вертикали власти. Институциональные меры федерального центра были направлены на поиск механизмов прямого контроля региональных политических процессов. В новых условиях стали активно прорабатываться основные формы реанимирования политических партий, которые и должны были стать основным правовым инструментом проведения политики Центра. В 2001 г. был принят федеральный закон «О политических партиях», в соответствии с которым были ликвидированы региональные политические партии, значительно сокращено количество партий из-за жестких требований наличия региональных отделений в 50 % регионов и численности в 50 тыс. чел. При этом партии рассматривались в качестве ограничителей власти глав регионов.

¹ Бурятия. – 1998. – 10 июля; Бурятия. – 1998. – 14 июля; Бурятия. – 1998. – 18 июля; Молодежь Бурятии. – 1998. – 22 июля.

² Бурятия. – 1998. – 18 июля.

³ Бурятия. – 2002. – 23 июля.

Партии из необязательного инструмента политической борьбы превратились в институт, являющийся структурообразующим элементом политической системы. Именно в 2004–2008 гг. партии стали одним из наиболее выгодных инвестиционных политических проектов региональной элиты, представители которой были вынуждены оформлять членство в той или иной партии.

Помимо уже устоявшихся региональных отделений КПРФ, ЛДПР, «Единой России» (объединившейся с «Отечеством – Вся Россия») примечательна организация регионального отделения партии «Родина». Оно было зарегистрировано 19 февраля 2004 г. руководителем этой партии – председателем совета РО Е. Б. Замалиевым, известным в республике активистом молодежных движений. Однако партия приобрела реальную значимость только после внеочередной IV отчетно-выборной конференции Бурятского регионального отделения в декабре 2004 г., на которой был избран новый председатель Совета БРО депутат НХ РБ И. Э. Матханов, а также новый состав совета. В дальнейшем И. Э. Матханов ввел в состав руководства партии ряд представителей политической элиты – М. И. Семенова, С. Г. Мезенина, Ф. П. Батоеву, Р. И. Пшеничников. Все эти действия в совокупности значительным образом усилили потенциал партии. В марте 2005 г. фракция «Родина» была зарегистрирована в Народном Хурале.

В течение полугода после организации партии «Родина» в НХ РБ были также созданы фракции Российской партии Жизни (руководитель регионального отделения В. К. Агалов) и АПР (руководитель регионального отделения В. А. Павлов). Однако активность в регионе по партийному строительству уже корректировалась в федеральном центре, где выдвигались собственные проекты по уменьшению числа партийных акторов. К примеру, политический кризис 2005–2006 гг. внутри федерального партийного блока «Родина» привел к ее расколу и стремительному падению влияния, в то время как в регионе никаких кризисных явлений не было. В 2006 г. федеральным центром иницируется объединение «Родины», Российской партии Жизни и Партии пенсионеров. В условиях Бурятии объединение разностатусных региональных отделений на паритетной основе было фактически невозможно. И только усилия и личные встречи И. Э. Матханова с С. М. Мироновым способствовали их объединению на базе партии «Родина».

Федеральный центр наращивал свое влияние и за счет законодательных новаций. Был принят закон о формировании региональных парламентов не менее чем наполовину из партийных списков. Республиканский парламент ввел необходимые изменения в Конституцию и избирательное законодательство. Теперь количество депутатов составило 66 чел., и половина из них – 33 чел. – могли пройти по партийным спискам. Политическая партия «Родина», преобразованная в партию «Справедливая Россия» (СР), фактически становилась второй «партией власти», однако ее перспективы в случае прихода нового президента – члена «Единой России» становились неясными. Зато шансы на политический контроль у «Единой России» (председатель совета И. И. Калашников, председатель исполкома М. А. Кравченко), введшей в свой состав ряд членов правительства, влиятельных предпринимателей, абсолютное большинство глав местного самоуправления, становились в республике все выше. Однако в «Единой России» шла внутрипартийная борьба.

Еще более сложной была ситуация в КПРФ, где в результате ряда внутрипартийных скандалов произошла смена лидера. Им стал бывший командир республиканского ОМОНа В. М. Мархаев. Пропорциональная избирательная система не была благоприятной для КПРФ. Лидеры партии не имели финансовых ресурсов, поэтому с 2000-х гг. находились фактически на периферии политического процесса.

На протяжении длительного периода не была определена стратегия партии «Патриоты России», которая наряду с СЕПР могла бы выступить в качестве альтернативной силы.

Не отличалась активной деятельностью ЛДПР, хотя партия в республике имела устойчивый электорат. Выбор центрального аппарата ЛДПР пал на депутата Народного Хурала И. А. Бобкова как будущего лидера, занимавшего пост председателя парламентской комиссии по противодействию коррупции и инициировавшего несколько крупных судебных разбирательств. Координатором партии избран И. С. Багрий, отставной полковник Российской армии.

К началу партийных выборов АПР так и не преодолела неопределенности, несмотря на то, что имела фракцию в НХ РБ из 5 чел. Такая же ситуация была и в праволиберальных партиях «Яблоко» (лидер Л. Р. Бартунаев) и СПС (С. Д. Подпругин). Несмотря на внешнюю активность их лидеров, они

растеряли значительную часть электората и не могли рассчитывать на успех на выборах.

Ко времени институализации партийной системы накануне избирательных кампаний в Госдуму и Народный Хурал в 2007 г., подкрепленной новой нормативной базой, региональные отделения политических партий подошли с различной степенью устойчивости. В июне 2007 г. произошла смена Л. В. Потапова на предложенного В. В. Путиным нового Президента Бурятии В. В. Наговицына, члена «Единой России». Фактически В. В. Наговицын возглавил региональное отделение «единороссов».

При разработке избирательной кампании «Единой России», прошедшей под лозунгом «План Путина – победа России», в списки «партии власти» не включили бывшего президента Л. В. Потапова и председателя НХ РБ А. Г. Лубсанова. В то же время в список партии был включен ряд известных лиц, которые смогли бы выступить как самостоятельная политическая сила, например действующий мэр столицы республики Г. А. Айдаев, лишь в канун выборов ставший членом «Единой России». Ведущие места после В. В. Наговицына и Г. А. Айдаева сохранили члены прежнего руководства партии, в т. ч. и Б. Ц. Семенов, ранее вытесненный из актива партии. Примечательно, что в списке на первых местах оказались ширетуй (настоятель) Иволгинского дацана, представитель общественной организации эвенков Бурятии, предприниматели, представители социальных групп врачей, работников ЖКХ, работников культуры, ректора крупнейших вузов и т. д.

Принцип составления списков КПрФ во многом был определен центральным аппаратом партии. В результате список партии возглавил известный лишь узкому кругу партийных функционеров пресс-секретарь Г. А. Зюганова А. А. Ющенко. Вторую строку списка партии занял Н. Д. Чимбеев, исполнявший обязанности первого секретаря республиканского совета БРО КПрФ, третьим был В. М. Мархаев, четвертым – С. П. Будажапов.

Партийный список «Справедливой России» возглавил И. Э. Матханов, на втором месте Р. И. Пшеничникова, ректор ВСГАКИ, на третьем – С. Г. Мезенин, который тогда был председателем комитета по социальной политике Народного Хурала.

Список партии ЛДПР возглавил И. А. Бобков, вторым шел И. С. Багрий, третьим – Ю. М. Мельчаков.

Правом участия в выборах депутатов НХ РБ четвертого созыва могли воспользоваться 14 региональных отделений политических партий, но выдвинули своих кандидатов только 9: БРО «Справедливая Россия» (20); БРО ЛДПР (14); БРО «Единая Россия» (52); БРО СПС (5); БРО КПрФ (32); БРО «Демократическая партия России» (9); БРО «Гражданская сила» (5); БРО «Яблоко» (5); БРО «Патриоты России» (11). Всего по единому территориальному округу выдвинулись 153 кандидата. По ходу избирательной кампании выяснилось, что требованиям избирательной комиссии РБ соответствовали только списки 4 политических партий – «Справедливой России», ЛДПР, «Единой России» и КПрФ.

По 33 одномандатным округам было выдвинуто 156 кандидатов, из них в порядке самовыдвижения – 94, избирательными объединениями – 62. Подведение общих итогов выборов привело к следующей расстановке сил: «Единая Россия» в НХ РБ получила 43 мандата; «Справедливая Россия» – 9; КПрФ – 5; ЛДПР – 3; группа независимых депутатов – 5.

В результате политический контроль в Народном Хурале был закреплен за «Единой Россией», которая стала доминирующей партией. Кандидатура председателя парламента прошла этап представления и согласования с федеральным руководством «единороссов». Им стал М. М. Гершевич, член партии ЕР, бывший заместитель прокурора республики, что подтвердило тенденцию избрания на этот пост представителей силовых органов и ведомств. В качестве альтернативы ему была представлена кандидатура лидера КПрФ В. М. Мархаева. В ходе первого тура голосования за М. М. Гершевича проголосовали 28 парламентариев, за его основного оппонента В. М. Мархаева – 20, 14 депутатов воздержались. Лишь после переголосования председателем Народного Хурала был избран М. М. Гершевич.

При выборах заместителей и председателей комитетов «единороссы» не отдали представителям других партий ни одного поста. Партии КПрФ и СР предприняли попытку создания коалиции для продвижения своих кандидатов на посты заместителей председателя НХ РБ, однако кандидаты от этих партий В. М. Мархаев и И. Э. Матханов набрали лишь 15 и 14 голосов. Заместителями председателя НХ РБ стали члены «Единой России» А. С. Коренев и Ц. Б. Батуев, набравшие 41 и 40 голосов.

Впоследствии по ряду законопроектов представители КПрФ, ЛДПР и СР несколько раз выступали с консолидированной позицией, что привело к ново-

Президент Республики Бурятия В. В. Наговицын

му очертанию партийной системы Бурятии, установившейся в 2008–2010 гг. Несмотря на то, что была создана, по сути, однопартийная система, в настоящее время абсолютное доминирование единороссов ограничено рамками институализированной оппозиции, роль которой выполняют все 3 партийные фракции. Примерно такая же система сформировалась и в Улан-Удэнском городском совете.

Создание подобной политической палитры в республике было следствием целенаправленной политики федерального центра. Политика сосредоточилась в деятельности партийных структур парламента. Если раньше парламентарии пользовались достаточной свободой действий, то теперь наметилась тенденция ужесточения фракционной дисциплины.

Первый заместитель Президента-Председателя правительства Республики Бурятия И. М. Егоров

8.3. Бурятия в 2000-е гг.

Общественно-политическая жизнь в Бурятии в начале XXI в. проходила в русле общероссийских тенденций: укрепление вертикали власти, сокращение объема полномочий региональных лидеров, формирование новой конфигурации политических партий, лидером среди которых стала «Единая Россия».

Страна была разделена на 8 федеральных округов, Бурятия вошла в состав Сибирского федерального округа, образованного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. В результате введения нового принципа формирования нижней палаты Федерального Собрания – Государственной Думы – по пропорциональной схеме Бурятия утратила статус одномандатного округа. Была реорганизована схема избрания депутатов верхней палаты российского парламента. Представителем законодательного органа Бурятии в Совете Федерации стал известный в республике общественно-политический деятель И. Н. Егоров, представителем исполнительной власти – В. Б. Малкин.

Одним из основных итогов политической реорганизации 2000–2010 гг. стал отказ от выборов глав регионов и переход к их назначению Президентом России. Законом № 1158-III от 03 мая 2005 г. в ст. 71 Конституции Республики Бурятия были внесены соответствующие изменения: Народный Хурал рассматривает представленную Президентом Российской Федерации кандидатуру Президента Республики Бурятия в течение 10 дней со дня внесения представления и выносит решение об утверждении/неутверждении данной кандидатуры. При внесении Президентом Российской Федерации повторного представления о кандидатуре Президента Республики Бурятия указанная кандидатура рассматривается в течение 10 дней со дня внесения представления. В 2007 г. ушел с поста Президента Бурятии Л. В. Потапов, руководивший республикой с 1994 г. Новым президентом стал В. В. Наговицын, возглавлявший до этого Правительство Томской области.

Первым заместителем Президента-Председателя правительства РБ стал И. М. Егоров.

С приходом нового главы в республике значительное внимание стало уделяться формированию ее имиджа как региона с богатейшей культурой, обладающего инвестиционной привлекательностью и возможностями для инновационного развития. Только за 2009 г. в Бурятии прошли четыре Бай-

*Демонстрация
сторонников
«Единой России»*

Сессия Народного Хурала Республики Бурятия

кальских форума, которые можно рассматривать как брендовые проекты – образовательный, информационный, экономический и молодежный. В. В. Наговицын сделал ставку на молодые кадры, создав их резервы во всех структурах власти. Произошла частичная смена элит, в правительстве республики появились молодые министры.

В республике сохраняются миграционный отток населения, низкий коэффициент рождаемости и высокий – смертности, небольшая продолжительность жизни, старение населения, хотя в 2006–2010 гг. заметна положительная динамика в сравнении с предыдущими годами.

Для решения комплекса социально-демографических проблем в 2002 г. правительство ре-

спублики приняло концепцию демографического развития до 2010 г., которая определила его основные направления: снижение миграционных потерь и оптимизация процессов миграции, снижение уровня смертности и повышение ожидаемой продолжительности жизни населения, стимулирование рождаемости и укрепление института семьи.

Однако, несмотря на принятые меры, за последнее десятилетие произошло уменьшение населения республики. Если по итогам переписи 1989 г. численность постоянного населения Бурятии составляла 1038,3 тыс. чел., то перепись 2002 г. зафиксировала цифру 981,2 тыс., и до 2009 г. уменьшение было стабильным¹.

Таблица 1

Динамика численности постоянного населения Республики Бурятия, тыс. чел.

Год	1989	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность постоянного населения	1038,3	981,2	976,6	974,3	969,1	963,3	960,0	959,9	960,7	963,5

Сост. по материалам территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РБ.

Бурятия – полиэтничный регион. Перепись 1989 г. зафиксировала 128 национальностей, перепись 2002 г. – 160². По итогам переписи 2002 г. численность русского населения в республике, по сравнению с 1989 г., снизилась на 60653 чел., или на 9,4 %, и составила 665512 чел. – 67,82 % от общей численности населения Бурятии. В 1989 г. русских в Бурятии было 726165 чел., или 69,94 %. Чаще всего они выезжают на постоянное место жительства в другие регионы России – центральные и южные. Определенный процент среди них составляют семьи кадровых военнослужащих, прошедших службу в Забайкальском военном округе, и специалисты, приехавшие на строительство БАМ и другие крупные стройки в 1970-е гг., которые мигрируют

из Улан-Удэ, Северобайкальска и двух северных районов республики – Северо-Байкальского и Баунтовского. Кроме того, до 2006 г. уменьшался коэффициент рождаемости среди русских, значительным остается уровень смертности, растет удельный вес лиц пенсионного возраста.

Бурятское население, напротив, увеличилось с 249,5 тыс. в 1989 г. до 272,9 в 2002 г., т. е. с 24,03 до 27,81 %, за счет как естественного, так и механического прироста – возвратной миграции бурят из других регионов России, главным образом, сопредельных. Доля бурят, проживавших в республике в 1989 г., составляла 59,8 %, в 2002 г. – 61,3 %.

По отношению к 1989 г. выросло число эвенков (139 %), китайцев (в 3,3 раза), киргизов (в 2,4 раза), монголов (в 6,2 раза), цыган (116 %), таджиков (119,5 %), чеченцев (115,1%). Представители более ста других национальностей, как и русские, уменьшили свою численность.

Основной причиной снижения численности населения республики остается миграционный отток, а также сохранявшаяся с 1990-х до 2006 г. естественная убыль населения. В республике стабильно фиксируется отрицательное сальдо миграции (табл. 2). Более половины выезжающих за

¹ Население Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-01. – Улан-Удэ: Комитет государственной статистики Республики Бурятия, 2004. – С. 5; Социально-экономическое положение регионов СФО: стат. бюл. № 01-01-08. – Улан-Удэ: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. – 2006. – С. 6.

² Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2004. – С. 7–14.

Таблица 2

**Миграционный прирост, убыль (-) населения
Республики Бурятия (на 1000 чел., промилле)**

1991	1996	2000	2001	2002	2003	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
-0,5	-1,3	-4,0	-4,7	-4,3	-4,3	-3,5	-3,6	-4,3	-3,6	-2,6	-2,7	-1,6

Сост. по: О миграционной ситуации в РБ: аналит. зап. № 02-03-10. – Улан-Удэ, 2007. – С. 4; Социально-экономический мониторинг регионов СФО: стат. бюл. № 01-01-08. – Улан-Удэ, 2008. – С. 61; Население субъектов РФ, входящих в СФО: стат. сб. – Чита, 2010. – С. 38.

пределы Бурятии – лица трудоспособного возраста: в 2003 г. они составили 75,7 % от общего числа мигрантов, в 2006 г. – 78 %, в 2007 г. – 77 %¹. За последние 18 лет из республики уехало более 60 тыс. чел. В основном это молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет, в т. ч. получившие высшее образование.

Причины миграционных настроений населения республики кроются в особенностях ее социально-экономического развития: низкая заработная плата, высокий уровень бедности, безработица, узкий внутриреспубликанский рынок труда с низкооплачиваемыми вакансиями и социально непрестижными рабочими местами, ограниченные возможности для реализации молодых специалистов.

В последнее десятилетие в республике в меньшей степени стала проявляться этническая дифференциация населения по территории. Если прежде русские в основном преобладали в составе городских жителей, а буряты – в составе сельских, то к началу XXI в. ситуация изменилась (табл. 3). Доля бурят, проживающих в городе, в 2002 г. составила 48,5 %, в селе – 51,5 %. Объясняется это скорее миграционными предпочтениями, чем развитием сети городов. В то же время уменьшилось число городских русских жителей. В 2002 г. в Улан-Удэ постоянно проживали 240713 русских (67 % населения столицы) и 103742 буряты (28,9 %), в то время как в 1989 г. русских в городе было 255849 чел. (72,7 %), бурят – 74243 чел. (21,1 %)².

Таблица 3

Соотношение городского и сельского населения среди основных этнических групп республики

Этнические группы	Удельный вес сельских граждан в общем составе населения республик, %		Удельный вес городского населения в общем составе населения республик, %	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	23,7	24,7	46,2	43,1
Буряты	13,3	14,3	10,7	13,5
Другие	2,3	1,4	3,8	3,0

Сост. по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 102–153.

Доля лиц в трудоспособном возрасте и моложе у русских меньше, чем у бурят, а пожилых – больше. Потенциал трудовых ресурсов у бурятского населения значительно выше, чем у русского. Процесс

старения русского населения происходит быстрее, поэтому смертность в районах преимущественного проживания русского населения выше средних показателей по республике (табл. 4).

¹ Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02. – Улан-Удэ: Территориальный орган государственной статистики по РФ, 2008. – С. 4.

² Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02. – С. 4.

Таблица 4

Баланс трудовых ресурсов населения республики

Этнические группы	Удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста, %	Удельный вес лиц трудоспособного возраста, %	Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста, %
Русские	22,2	61,5	16,3
Буряты	26,2	62,4	11,4
Украинцы	8,2	67,5	24,3
Татары	11,9	65,3	22,8
Эвенки	34,1	57,3	8,6
Сойоты	31,8	59,7	8,5

Сост. по: Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1. – М.: Статистика России, 2004. – С. 612–718.

Перспективы демографического развития населения республики не очень благополучны. В 2010 г. произошло уменьшение числа родившихся в связи с тем, что в репродуктивный возраст вступило поколение 1990-х гг., когда отмечался резкий спад рождаемости как по стране в целом, так и в республике. Кроме того, происходит изменение структуры населения. Из-за снижения рождаемости в 1990-х гг. с 2008 г. наблюдается снижение численности людей трудоспособного возраста, и тенденция к дальнейшему уменьшению прослеживается явно. Ожидаемая продолжительность жизни у жителей Бурятии значительно ниже, чем в среднем по России. Если среднероссийский показатель продолжительности жизни – 67,88 года (мужчины – 61,83, женщины – 74,16), то в Бурятии продолжительность жизни составляет 64,37 года (у мужчин – 58 лет, у женщин – 70,94). Приоритетом государственного регулирования демографических процессов в республике на современном этапе является стабилизация численности населения, преодоление тенденций демографического спада 1990-х гг., создание условий для последующего демографического роста населения и снижения миграционной убыли.

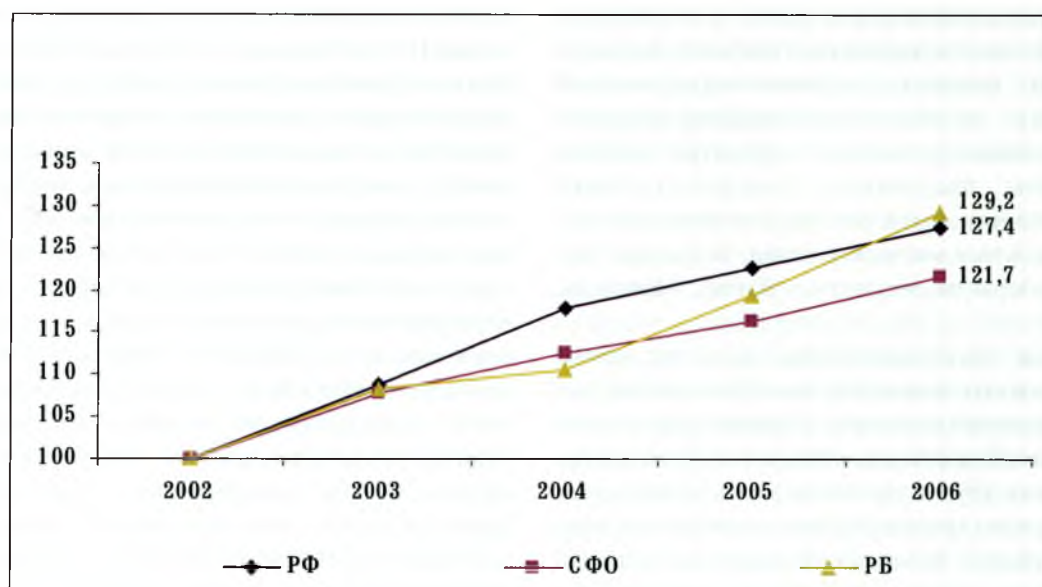
Социально-экономическое развитие Республики Бурятия, обусловленное состоянием экономики Российской Федерации, во многом определяется неравной стартовой позицией в сравнении с другими регионами: дотационность, депрессивный характер экономики, неэкспортная специализация хозяйства, большая доля производств военно-

промышленного комплекса, монопрофильность малых городов и поселков, удаленность от экономически развитых районов России, отсутствие внутреннего единства территории между БАМовским севером и аграрно-промышленным югом¹. К тому же наличие уникальных природных ресурсов и необходимость охраны озера Байкал как участка мирового природного наследия ЮНЕСКО накладывают серьезные экологические ограничения на интенсивное развитие экономики республики (диагр.)².

После экономического кризиса 1990-х гг. и дефолта 1998 г. конкурентоспособными оказались 112 крупных и средних предприятий. «Шоковая терапия» 1990-х гг. оказала резко отрицательное воздействие на экономику республики: спад объемов производства, капитального строительства, сокращение инвестиций в основной капитал. Однако в 2000–2008 гг., до начала мирового финансового кризиса, в соответствии с проводимой российским правительством реформой второго поколения происходило постепенное, хотя и неравномерное по отраслям, восстановление экономики. Основные факторы роста промышленного производства в последние годы первого десятилетия XXI в. – рас-

¹ Программа «Социальный атлас российских регионов». Республика Бурятия (социальный портрет региона). – М.: НИСР, 2006 [www.socpol.ru].

² Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008–2010 гг. и на период до 2017 г. – С. 7; Официальный сайт Министерства экономики Республики Бурятия [http://economy.buryatia.ru/econ/progr_dok_iu.html].

Динамика промышленного производства, % к 2002 г.

Диаграмма сост. по: Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008–2010 гг. и на период до 2017 г. – С. 7; Официальный сайт Министерства экономики Республики Бурятия [http://economy.buryatia.ru/econ/progr_dok_iu.html]

ширение внешнего спроса и наращивание объемов экспорта. Возрастала доля производства услуг при сокращении производства товаров, капитального строительства, уменьшении доли сельского и лесного хозяйства. Благодаря некоторому оживлению производства на фоне укрепления политической стабилизации общества, росту заработной платы и федеральной помощи для выплаты социальных пособий в 2003 г. удалось снизить уровень бедности населения. Тенденция роста доходов сохранилась и в последующие годы, в результате чего доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2007 г. сократилась до 24,4 %, хотя осталась почти вдвое выше среднероссийской (13,4 %). В то же время доля крайне бедного населения (с доходами ниже прожиточного минимума) оставалась в республике значительной (около трети всех бедных), что свидетельствует о застойном характере проблемы¹. Продолжается углубление социально-экономической дифференциации населения, изменение социальной структуры, не уменьшается число работающих бедных – как следствие предшествующих реформ.

В 2000-х гг. в республике работало более 14,8 тыс. предприятий, объединений, их филиалов, из них 60,3 % – частной формы собственности². Объем производства промышленной продукции в 2000 и 2007 гг. составил соответственно 119 и 110 %. Вследствие мирового финансового кризиса 2008 г. в 2009 г. произошел небольшой спад производства – на 1,9 %.

Развитие промышленного производства, преимущественно внутреннего спроса, происходило в традиционных отраслях, сформировавшихся в середине – конце XX в.: цветной металлургии, электроэнергетике, машиностроении и металлообработке, угольной, легкой, пищевой и лесной промышленности.

В программе социально-экономического развития Республики Бурятия определены 6 приоритетных направлений экономики: добыча природных ресурсов, агропромышленный и лесопромышленный комплексы, туризм, малый бизнес и крупная промышленность, транспортно-логистический комплекс. В промышленности Бурятии преобла-

¹ Программа «Социальный атлас российских регионов», Республика Бурятия (социальный портрет региона). – М.: НИСП, 2006 [www.socpol.ru].

² Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008–2010 гг. и на период до 2017 г. – С. 7; Официальный сайт Министерства экономики Республики Бурятия [http://economy.buryatia.ru/econ/progr_dok_iu.html].

дают ресурсодобывающие отрасли и связанная с ними первичная переработка. Наиболее крупным комплексом является топливно-энергетический. Второе место по объему производства занимают отрасли машиностроения, в структуре которых представлены предприятия электротехнической промышленности, приборостроения, авиастроения, машиноремонта и металлоизделий. Основные торговые партнеры по экспорту – Китай, Монголия, Казахстан.

Пищевая промышленность, одна из самых многоотраслевых подсистем республиканской экономики, включает молочное, рыбное, мукомольно-крупяное, комбикормовое, ликеро-водочное, кондитерское и ряд других производств. Основными видами продукции крупных промышленных предприятий республики являются авиационная техника, мостовые металлические конструкции, древесина и целлюлоза, строительные материалы, электрооборудование, мясные консервы, ликеро-водочные изделия и др.

Развитие экономики Бурятии в 2000-е гг. характеризуется освоением крупных месторождений урановых, полиметаллических руд для поставок, главным образом, на внутренний рынок. Перспективным направлением является развитие туризма и использование рекреационных ресурсов Байкала.

В промышленности республики производится около 25 % валового регионального продукта (ВРП), собирается до 40 % налогов. Численность занятых в промышленности составляет около 19 % от общего числа занятых в экономике республики. Основной вклад в увеличение объемов производства промышленной продукции в течение последних лет вносят машиностроение и металлообработка, в которых отмечаются устойчиво высокие темпы роста. При поддержке государственных заказов сохранили позиции отраслеобразующие крупные предприятия и предприятия ВПК – ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод», ГУП «Локомотивовогоноремонтный завод», ЗАО «Улан-Удэстальмост». Значительный вес в экономике имеют предприятия легкой и пищевой промышленности: ООО «Производственное объединение «Наран», ЗАО «Амта», ОАО «Бурятхлебпром», ОАО «Бурятмясопром», ЗАО «Байкалфарм».

Характерной чертой промышленности республики становится ее вхождение в крупные российские холдинги. В 2001 г. первенец индустриализации Бурятии ГУП «Локомотивовогоноремонтный завод» стало базовым предприятием Сибири по ре-

монту подвижного состава и сервисному обслуживанию ОАО «Российские железные дороги». Улан-Удэнский авиазавод начал процедуру вхождения в создаваемую государственную корпорацию «Вертолеты Ми», которая вберет в себя Московский, Казанский и Улан-Удэнский вертолетные заводы. Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат перешел под контроль крупной финансово-промышленной группы «Базовый элемент». Крупнейший в России Черемшанский кварцитовый рудник является филиалом зарегистрированного в Иркутске ЗАО «Кремний», лидера России по объемам производства и качеству кристаллического кремния, который, в свою очередь, входит в состав финансово-промышленной группы СУАЛ. Улан-Удэнское производственное приборостроительное объединение также вошло в холдинг российского масштаба: с 2000 г. постановлением Правительства России предприятие входит в корпорацию «Аэрокосмическое оборудование». Эта неизбежная общероссийская и мировая практика слияния и поглощения региональных предприятий крупными корпорациями не оказывает положительного влияния на социальное развитие республики. Руководство российских холдингов и коммерческих структур отказывается от республиканских социальных объектов и уходит от уплаты местных налогов.

Малое предпринимательство обеспечивает занятость около 102,5 тыс. чел., что составляет 27,3 % от общей численности занятых в экономике Бурятии, в т. ч. на малых предприятиях занято 27,9 тыс. чел. Малый бизнес обеспечивает свыше 16 % налоговых доходов в бюджеты всех уровней¹. Положительной тенденцией является его развитие и в районах республики; увеличилась доля занятых в предпринимательстве.

В 2000-е гг. в республике отмечен рост инвестиционной активности. За счет республиканского и частного финансирования увеличиваются капиталовложения в транспорт, жилищное строительство, электроэнергетику, добычу полезных ископаемых.

Инвестиции в основной капитал в Республике Бурятия в 2002 г. составили 101 %, в 2006 г. – 126 %². Крупные инвестиционные проекты с уча-

¹ Дамшаева Л. К. Малый бизнес в экономике Бурятии // Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты (к 350-летию вхождения Бурятии в состав России. – Улан-Удэ, 2010. – С. 161.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. [www.gks.ru].

ствием иностранного капитала были реализованы в лесоперерабатывающей и горнорудной отраслях, в сфере торговли. Продолжалась реализация инвестиционных проектов в освоении Озерного и Холонинского полиметаллических месторождений, Ермаковского месторождения бериллия, реконструкции целлюлозно-бумажного производства в ОАО «Селенгинский ЦКК» и глубокой переработки древесины в ОАО «Байкальская лесная компания». В горнорудной промышленности создано совместное предприятие ИФК «Метрополь» со шведской компанией «Lundin Mining» для разработки Озерного свинцово-цинкового месторождения.

На территории Прибайкальского района постановлением Правительства Российской Федерации создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Байкал». Приоритетными видами туризма в Республике Бурятия являются экологический, культурно-познавательный, горнолыжный, спортивный, приключенческий, SPA-туризм¹.

Высокими темпами развития характеризуется инфраструктура связи. В 2010 г. начато строительство высокоскоростной сети доступа к Интернет на базе сети кабельного телевидения. Рост объемов услуг связи в основном обеспечен за счет дальнейшего развития сетей и внедрения новых видов услуг: сотовая связь, IP-телефония, услуги электронной почты.

В 2000 г. формирование бюджетной системы началось через республиканское казначейство, которое Бурятия создала одной из первых в России. Активизировался банковский сектор, при поддержке Республиканского агентства промышленности, предпринимательства и инновационных технологий оживилась ярмарочно-выставочная деятельность, получила развитие рыночная инфраструктура. Республиканский банковский сектор продолжает участие в реализации приоритетных национальных проектов: «Развитие АПК», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Система банковских услуг представлена одним региональным банком (Байкал-банк) и 18 филиалами кредитных организаций, в т. ч. тремя филиалами регионального банка, 15 филиалами иногородних банков (три отделения Сбербанка России, Банк Москвы, Росбанк,

ВТБ банк, Бин-банк, Азиатско-Тихоокеанский банк, Русь-банк, Восточный экспресс-банк, Русфинанс-банк и др. Система страхования представлена общедоверительными страховыми компаниями «Росгосстрах», «Московская страховая компания» и др.

Состояние сельского хозяйства для Бурятии продолжает оставаться важным, во многом определяющим фактором социального развития. Отношение к индустриализации и урбанизации как приоритетным направлениям развития привело к сокращению численности сельских поселений за счет их укрупнения. Усилился миграционный отток людей в города. Качество жизни на селе всегда было значительно ниже, чем в городе. Развал советской экономической системы привел к деградации села. Колхозы и совхозы оказались не самым эффективным способом организации сельскохозяйственного производства. Кризисные 1990-е годы во многом усугубили негативные явления на селе.

В первое десятилетие XXI в. шел поиск новых мер для подъема сельскохозяйственного производства в Бурятии. Результатом разукрупнения совхозов и колхозов стало появление новых форм хозяйствования, укрепление личных хозяйств. В малых селах республики многодетные семьи, сохранившие скот в личной собственности, стали организовывать фермерские овцеводческие хозяйства.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в республике на 1 июля 2006 г. насчитывалось 588 сельскохозяйственных предприятий и организаций, 2455 крестьянских (фермерских) хозяйств, 183 индивидуальных предпринимателя, занимающихся сельскохозяйственным производством, 176 тыс. личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан и 289 некоммерческих объединений граждан (садоводческих, огороднических, животноводческих и дачных), включающих около 80,5 тыс. участков. Удельный вес организаций (хозяйств), занимавшихся сельским хозяйством, варьировался от 100 % по подсобным хозяйствам несельскохозяйственных организаций до 39 % по крестьянским (фермерским) хозяйствам. Сельхозпродукцию производило более 90 % личных подсобных хозяйств. В ходе сельскохозяйственной переписи 2006 г. было выявлено 7,2 тыс. хозяйств с заброшенными земельными участками².

¹ Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008–2010 гг. и на период до 2017 г. – С. 15; Официальный сайт Министерства экономики Республики Бурятия [http://economy.buryatia.ru/econ/progr_dok_iu.html].

² Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года // Официальный сайт террито-

В 2000-х гг. в сельской местности проживало 415,8 тыс. чел., что составляло более 40 % населения республики. В АПК занято 22,9 % работающих. 80 % валовой продукции сельского хозяйства производится в личных подсобных хозяйствах. В личном подворье Республики Бурятия находится 4 % сельхозугодий, 82 % поголовья крупного рогатого скота, 57 % свиней, 50 % овец и коз¹.

В 2005 г. был принят Закон о государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Республике Бурятия. Основной его целью стало создание экономических условий для развития агропромышленного комплекса, производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции,

обеспечение потребностей республики в продовольствии и сельскохозяйственном сырье, произведенных сельскохозяйственными товаропроизводителями республики, повышение уровня жизни сельского населения. Законом были определены основные виды государственной поддержки: предоставление субсидий, налоговых льгот, бюджетных кредитов, реструктуризация долгов и т. д.

5 сентября 2005 г. Президент РФ В. Путин объявил о старте четырех приоритетных национальных проектов, одним из которых стало «развитие агропромышленного комплекса». После начала его реализации наметилась положительная динамика в развитии сельскохозяйственного производства. В 2007 г. рост валовой продукции в сопоставимых ценах к уровню 2004 г. составил 4,7 %, в действующих ценах – 46,4 %. В сравнении с предшествующим трехлетним периодом темпы роста сельскохозяйственной продукции в 2005–2007 гг. возросли в 3,7 раза. В хозяйствах всех категорий скота и птицы в живом весе произведено на 7,5 %, молока – на 9,3, яиц – на 0,6, картофеля – на 6,4, овощей – на 15,8 % больше уровня 2004 г., зерна – на 22,9 % меньше. Производство продукции пищевой и перерабатывающей промышленности в 2007 г., к уров-

риального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [http://burstat.gks.ru/vshp_predv/vshp/2006/].

¹ Инвестиционная привлекательность агропромышленного комплекса Республики Бурятия // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [<http://egov-buryatia.ru/index.php?id=2840>].

ню 2004 г., возросло на 52,4 %, в сопоставимых ценах – снизилось на 9,7 %. Производство мяса и субпродуктов снизилось на 37,5 %, цельномолочной продукции возросло на 4,2 %, пищевой рыбной продукции – на 9,7 %, водки и ликеро-водочных изделий – в 2,5 раза. Выручка от реализации пищевой и перерабатывающей промышленности, по сравнению с 2004 г., возросла на 38 %¹.

Высокой остается зависимость результатов деятельности организаций агропромышленного комплекса от природно-климатических условий, сезонного характера производства продукции. Для оптимизации сельскохозяйственной отрасли постановлением Правительства Бурятии от 11 декабря 2008 г. принята Концепция развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Республики Бурятия на 2009–2012 гг. и на период до 2020 года.

В первое десятилетие XXI в. дальнейшее развитие получает политика модернизации системы образования, ускорить которую был призван национальный проект «Образование». В Бурятии создана соответствующая нормативно-правовая база, позволявшая выработать новую политику в сфере профессионального образования и науки, которая учитывает специфические региональные условия.

Распоряжением Правительства РБ от 9 апреля 2007 г. утвержден комплексный проект модернизации образования (КПМО) Республики Бурятия на 2007–2009 гг. КПМО предполагал введение новой системы оплаты труда, переход на нормативное подушевое финансирование общеобразовательных учреждений и т. д.

В настоящее время в Республике Бурятия работают 517 общеобразовательных учреждений, в т. ч. 17 вечерних, 89 начальных, 345 средних (полных)².

Подготовка специалистов проводится в четырех государственных вузах – Бурятском государственном, Восточно-Сибирском государственном технологическом университетах, Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств и Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, в которых обучаются более 32 тыс. чел. В 2005 г. негосударственный сектор высшего профес-

Путь к знаниям

сионального образования был представлен одним вузом – Байкальским экономико-правовым институтом и 11 филиалами иногородних государственных и негосударственных вузов. В 2010 г. в республике осталось 9 филиалов иногородних вузов³.

В XXI в. перед профессиональным образованием Бурятии ставятся задачи повышения его экономической эффективности, внедрения инно-

Будущее – за информационными технологиями

¹ Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. [<http://egov-buryatia.ru/index.php?id=3078#c6182>].

² Бурятия-2010: статистический ежегодник. – Улан-Удэ, 2010. – С. 107.

³ Там же, с. 116.

ваний и соответствия образовательных программ учебных заведений особенностям социально-экономического развития республики, что вызвало необходимость расширения рынка образовательных услуг населению. В 2005 г. создана Байкальская научно-образовательная ассоциация, в состав которой вошли учебные заведения среднего профессионального образования Иркутской и Читинской областей, Республики Бурятия, ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод», ОАО «Бурятзолото». Ассоциация позволила привлечь дополнительные средства для развития учреждений профессионального образования, решить вопросы трудоустройства выпускников и подготовки специалистов по заказу предприятий-учредителей. В 2009 г. число выпускников образовательных учреждений НПО (начального профессионального образования) составило 6790 чел., выпускников образовательных учреждений СПО (среднего профессионального образования) – 5139 чел¹.

С 2001 г. в Бурятии форсируется адресная социальная политика в сфере культуры, принят ряд комплексных программ и мер для улучшения культурной работы, в частности республиканская целевая программа «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия на 2004–2007 гг.» Был также предпринят ряд мер в поддержку обновления сети культурных учреждений республики². Основными задачами развития культуры в Бурятии стало сохранение культурного наследия народов республики, дальнейшее развитие культурного потенциала, поддержка культурных инноваций, реформирование государственной поддержки культуры и искусства. В целях оптимизации сети, структур и штатов учреждений Министерство культуры Бурятии переводит бюджетные организации культуры в автономные. В 2009 г. в статус автономных перешли 9 республиканских учреждений³.

Бурятия по-прежнему считается одним из культурных центров Восточной Сибири. В настоящее время в ней действует 5 государственных, 19 муниципальных, более 100 поселенческих и школьных музеев. Коллекции музеев насчитывают более 250

Театр кукол «Ульгэр»

тыс. ед. хранения. Одним из важных достижений музейного дела стал совместный выставочный проект «Гунны» музея истории Бурятии им. М. Хангалова и Кяхтинского краеведческого музея им. Обручева, который был впервые представлен на престижном музейном форуме Европы «Европалия» в 2006 г.

В библиотечном деле республики произошли качественные изменения: вводятся электронные каталоги, многие библиотеки оснащены специализированными программами «Ирбис». Действуют 4 республиканские и 488 муниципальных библиотек. В 2009 г. начата реализация проекта «Электронная библиотека «Бурятика»: история бурятской книги».

В театральной жизни республики за прошедшее десятилетие произошли важные события: 4 раза премия «Золотая маска» была вручена театру кукол «Ульгэр»; 3 спектакля театра получили общероссийское признание.

В 2009 г. состоялось открытие нового здания Государственного театра русской драмы им. Н. Бестужева. Архитектурное решение и внутреннее технологическое оснащение сделали его одним из лучших театров России. Открытие здания театра расширило возможности проведения в Бурятии мероприятий общероссийского и международного масштаба. Самые значимые события последних двух лет прошли на его площадке.

Киноискусство Бурятии впервые вышло на международный уровень: короткометражный фильм Б. Дышенова «Улыбка Будды» выиграл приз «Хрустальный медведь» на Берлинском кинофестивале. Государственный цирк Бурятии получил Золотой приз и первое место на фестивале циркового искусства в г. Монте-Карло (Монако).

¹ Бурятия-2010: статистический ежегодник. – С. 113–114.

² Культурные процессы в Республике Бурятия: оценки в глазах населения (опыт социологического изучения). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.

³ Культура Республики Бурятия в 2009 г.: инф. сб. – Улан-Удэ, 2010.

Здание Государственного русского драматического театра им. Н. А. Бестужева

Выступление государственного ансамбля песни и танца «Байкал»

Д. Намдаков. Жемчужина

Настоящим открытием стало творчество скульптора и художника Д. Намдакова, получившее все-российское и международное признание. В Улан-Удэ прошли 3 его выставки.

Значимым мероприятием стал международный фестиваль этнической музыки «Голос кочевников». Его учредитель – Министерство культуры республики. Первый фестиваль прошел в 2009 г., второй – в августе 2010 г. Фестиваль собрал профессиональных музыкантов высокого уровня из пяти стран мира и стал своеобразной площадкой для диалога культур. В этом же ряду – музейный фестиваль «Озерные люди», призванный активизировать межкультурную коммуникацию, стимулировать развитие этноэкологических традиций, способствовать становлению музеев как субъектов культурной политики. Первый фестиваль состоялся в 2001 г., в нем приняли участие все музеи г. Улан-Удэ и музеи других городов. В 2010 г. прошел пятый фестиваль.

В 2006 г. прошел фестиваль бурятской культуры «Алтаргана». Главной целью его проведения стало всемерное содействие процессам возрождения и сохранения традиционной бурятской культуры, показ ее лучших достижений в искусстве, литературе, кино и спорте. Фестиваль объединил представителей бурятского народа из разных стран и стал традиционным праздником его духовного единения. В рамках фестиваля прошел V Всебурятский съезд.

В 2007 г. прошла международная встреча старообрядцев «Путь Аввакума» под эгидой ЮНЕСКО. В рамках встречи была проведена V международная научно-практическая конференция «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, российские и зарубежные связи». Встреча старообрядцев собрала около 3 тыс. участников из 11 регионов России, 10 стран ближнего и дальнего зарубежья.

В июле 2010 г. в Улан-Удэ состоялась IV Генеральная сессия Конвента монголов мира, целью которого является укрепление культурных контактов монгольского мира. В рамках Конвента прошла научная конференция «Глобализация и монгольский мир», задачами которой стали обмен информацией представителей различных международных научных сообществ, интеграция исследований по истории, культуре, тенденциям социально-экономического развития и взаимодействия монголоязычных народов в условиях глобализации.

Встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума». 2007 г.

Парад именитых спортсменов. Сурхарбан – 2008

Бурятская наука в 1990–2000-е гг.

В конце XX в. российская наука пережила тяжелый кризис. Точкой отсчета кризиса науки считается 1987 год, когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». С этого времени прикладные исследования и разработки признавались товаром, произошел переход к оплате научно-технической продукции по договорным ценам. Однако обновления оборудования и кадрового потенциала не происходило. Напротив, углублялся процесс «консервации отсталости» технологической основы народного хозяйства.

Общий системный кризис отразился на состоянии научной деятельности в Бурятии. К началу 1990-х гг. перед Бурятским научным центром, высшими учебными заведениями республики встала необходимость проработки экономических основ своей деятельности с целью сохранения инфраструктуры. В высших учебных заведениях исследования были частично свернуты в пользу образовательного процесса. Науке недоставало финансирования, продолжался отток кадров. В этих условиях Президиум БНЦ выработал программу, согласованную с руководством республики и направленную на поддержку академической науки с учетом новых исторических реалий. На Министерство образования и науки Республики Бурятия была возложена задача выстраивания научно-технической политики в регионе и развития научно-образовательного потенциала, что отражено во временном уставе БНЦ СО РАН, принятом в 1992 г. Несомненная заслуга в сохранении академического комплекса принадлежит В. Ц. Найдкову и директорам институтов – А. К. Тулохонову, А. Г. Миронову, В. М. Корсунову.

В 1995 г. председателем Президиума БНЦ СО РАН стал доктор геолого-минералогических наук, профессор И. В. Гордиенко, которому и пришлось решать сложные вопросы реструктуризации научных учреждений.

В 1995 г. Правительство Республики Бурятия, рассмотрев вопрос развития академической науки в РБ на совместном заседании Правительства РБ и Президиума БНЦ СО РАН с приглашением членов Президиума СО РАН, приняло постановление «О мерах по государственной поддержке образования и науки в Республике Бурятия».

Конструктивные изменения в сфере академической науки начались с середины 1990-х гг., когда

*Председатель президиума БНЦ СО РАН в 1989–1995 гг.
В. Ц. Найдков*

Правительство республики и Сибирское отделение РАН приняли ряд постановлений и решений, касающихся структуры Бурятского научного центра СО РАН и его институтов. В результате многочисленных консультаций с ведущими учеными Москвы, Новосибирска и Иркутска, с учетом мнения Правительства Республики Бурятия, ученых советов и коллективов научно-исследовательских институтов БНЦ, после корректировки научных направлений и обсуждения названий институтов Президиумом СО РАН было принято решение представить к государственной аккредитации в Министерство науки и технологий РФ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, раньше – Бурятский институт общественных наук; Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН – ранее Бурятский институт биологии; Геологический институт СО РАН, бывший Бурятский геологический институт, который действовал как самостоятельное научное учреждение СО РАН в г. Улан-Удэ. Однако для концентрации финансовых ресурсов, более тесной координации исследований и эффективного использования аналитической базы, дорогостоящих приборов и оборудования коллектив решил объединиться с Институтом геохимии СО РАН, который находится в г. Иркутске. Объединенный институт геохимии и геологии СО РАН был представлен к аккредитации. Байкальский объединенный институт природопользования СО РАН был создан на базе трех институтов: Бурятского института естественных наук, Байкальского института рационального природопользования и Читинского института природных ресурсов. Последний сохранил самостоятельность в рамках объединения. Кроме того, на

Чл.-корр. РАН И. В. Гордиенко

Чл.-корр. РАН А. К. Тулохонов

Чл.-корр. РАН В. М. Корсунов

базе 8 лабораторий физико-технического профиля Бурятского института естественных наук был создан самостоятельный Отдел физических проблем при Президиуме БНЦ СО РАН. Объединение институтов с научными учреждениями других регионов на деле не оправдало себя, структура оказалась слишком громоздкой, достаточно сложной в управлении, и в 2002 г. Геологический институт и Байкальский институт природопользования вернулись в прежний статус.

В результате принятых мер академическая наука в Республике Бурятия вышла на качественно новый уровень по финансированию и научно-техническому потенциалу. Все институты значительно сократили региональную и прикладную направленность своих исследований, сделав ставку на фундаментальные, значительно омолодили кадровый состав и подняли свой научный статус. Основные направления научных исследований центра были оригинальными и не дублировали тематику других институтов Сибирского региона.

Научные патенты получили исследования ученых Института биологии СО РАН: безалкогольные лечебно-профилактические напитки на основе экстрактов лекарственных растений, биологически активные добавки к пище – фиточаи серии «Чай байкальский», биологически активные добавки к пище, получаемые с применением экстракционной технологии Розобтин и Тетрафит, лекарственное средство «Баданопласт», нетрадиционные биологически активные комплексные удобрения. В Институте биологии СО РАН также проводятся исследования минеральных озер Центральной Азии, их разнообразия, биогеографических связей и истории.

Геологический институт СО РАН занимается изучением литосферы на основе исследования ледового покрова оз. Байкал, зон подготовки землетрясений и вулканической деятельности, сейсмоионосферных и сейсмoeлектромагнитных процессов в Байкальской рифтовой зоне. Среди научных проектов Байкальского института природопользования СО РАН – технология обезвреживания отходов переработки золотосодержащих концентратов, создание передвижных многостадийных промывочных приборов. Отдел физических проблем при Президиуме БНЦ СО РАН разрабатывает проекты физических принципов построения логических элементов на основе наноструктур с квантовыми точками.

В эти годы начато сотрудничество с российскими научными фондами – Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), которые как форма организации научных исследований оказались особенно востребованными. Они оказали ощутимую поддержку фундаментальной науке и значительно стимулировали творческую деятельность ученых. С 1998 г. по соглашениям между РФФИ и Правительствами Иркутской, Читинской областей и Республикой Бурятия, РГНФ – с Правительством Республики Бурятия было начато проведение региональных конкурсов. Затем каждый регион стал проводить конкурсы самостоятельно. Более тысячи ученых из академических учреждений и высших учебных заведений получили грантовую поддержку фондов для проведения научных исследований, было поддержано более 500 экспедиционных работ, конференций, издано свыше 200 работ.

Председатель СО РАН, академик РАН А. Л. Асеев

Чл.-корр. РАН Б. В. Базаров

В 2000 г. было принято постановление Правительства Республики Бурятия «О роли академической науки в социально-экономическом развитии Республики Бурятия и мерах государственной поддержки». Позже Президиум СО РАН также принял постановление «О мероприятиях в связи с постановлением Правительства Республики Бурятия» № 240 от 6 июля 2000 г. Эти документы определили развитие академической науки в интересах развития региона на последующие 5 лет. В целях реализации постановлений при Правительстве РБ был создан научно-технический совет, координирующий деятельность всех звеньев научно-образовательного комплекса. В него вошли представители органов государственной власти, реального сектора экономики и видные ученые, руководители научных и учебных заведений. На заседаниях совета рассматривались наиболее актуальные проблемы социально-экономического развития республики, утверждались республиканские научно-технические программы.

В эти годы академическая наука Бурятии пополнилась членами-корреспондентами РАН: в 1997 г. – И. В. Гордиенко, в 2000 г. – В. М. Корсун, в 2003 г. – Б. В. Базаров и А. К. Тулохонов.

Сегодня институты Бурятского научного центра имеют свой юридический статус и сформированы как академические структуры Сибирского отделения РАН, возглавляемые авторитетными учеными. Директором БИП СО РАН является чл.-корр. РАН А. К. Тулохонов, директором Института общей и экспериментальной биологии СО РАН – профессор Л. Л. Убугунов, Геологического института – доктор геолого-минералогических наук Г. И. Татьков, Института монголоведения, буддологии и тибетологии

СО РАН – чл.-корр. РАН Б. В. Базаров, в 2008 г. избранный председателем Президиума БНЦ СО РАН.

В состав Президиума БНЦ СО РАН входят Отдел физических проблем, возглавляемый профессором А. П. Семеновым, и Отдел региональных экономических исследований под руководством профессора Н. И. Атанова. Бурятский научный центр представляет собой модель классического научного центра с эффективной организацией управления научно-инновационной сферой.

Большим событием для Бурятии стало открытие в 1992 г. филиала Новосибирского государственного университета. Объединение Бурятского филиала НГУ с Бурятским государственным педагогическим институтом в 1995 г. стало значительным шагом на пути создания классического университета.

В 1998 г. руководство Бурятского государственного университета приняло решение о создании структуры, курирующей научно-исследовательскую деятельность. Положением о научно-исследовательской части (НИЧ) было определено курирование ее деятельности проректором по научной работе. За 15 лет работы университет провел исследования по разным направлениям фундаментальной и прикладной науки, сложились научные школы, получившие признание российского и мирового научного сообщества по таким отраслям, как лингвистика, ботаника, орнитология, социология, физика конденсированного состояния и др.

В 1997 г. между Бурятским научным центром СО РАН и Бурятским государственным университетом было заключено соглашение о подготовке кадров для научных учреждений и создании совместных лабораторий и кафедр. Такая интеграция дала

весомые плоды: кадровый состав академических институтов пополнился недавними выпускниками БГУ, университет и БНЦ СО РАН проводили совместные научные исследования. Наладился хороший контакт с научными коллективами и вузами разных городов Сибири.

В настоящее время БГУ под руководством профессора, члена-корреспондента Российской академии образования С. В. Калмыкова эффективно проводит научную и образовательную работу. В БГУ более 1000 преподавателей, 16 % из которых имеют ученую степень доктора наук и звание профессора, 55 % – кандидата наук и доцента¹.

Ректор БГУ чл.-корр. РАО С. В. Калмыков

В 1994 г. статус государственного технологического университета приобрел Восточно-Сибирский технологический институт. Несмотря на трудности с финансовым обеспечением, в вузе продолжалась научная деятельность. Исследования по вычислительной математике, физике низкотемпературной плазмы, биотехнологии пищевых продуктов нового поколения, создание новых строительных материалов, изучение экономики и социальных процессов в Байкальском регионе – это только часть научных направлений университета. В 1994 г. были проведены работы по 37 госбюджетным и 65 хоздоговорным темам².

Рост числа научных сотрудников с середины 1990-х гг. положительно сказался на расширении научной тематики и качестве исследований. Важную роль здесь сыграли целевая аспирантура и открытие советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. В 1990-е гг. вуз возглавил профессор В. Н. Бильтриков, сегодня университетом руководит доктор экономических наук, профессор В. Е. Сактоев. Университет занимает ведущие позиции на востоке страны по подготовке кадров для различных отраслей экономики, развитию и внедрению научных результатов в производство.

В 1995 г. в Бурятскую государственную сельскохозяйственную академию был преобразован Бурятский сельскохозяйственный институт. Научно-исследовательская работа всегда оставалась приоритетным направлением в работе старейшего учебного заведения республики. Разработки акаде-

мии позволили внедрить в производство более 30 наименований научно-технической продукции – от новых технологий возделывания картофеля и создания мясного типа скота до биологизации земли и разработки специальных сельскохозяйственных орудий. Динамично развивается международное научное сотрудничество: творческие коллективы ученых БГСХА продолжают реализацию научно-исследовательских проектов по программам ТЕМПУС-ТАСИС, Мирового банка и Глобального экологического фонда.

В настоящее время коллектив БГСХА под руководством профессора А. П. Попова насчитывает более 1200 чел., в т. ч. 48 докторов и 197 кандидатов наук. В академии работают ученые, создатели научных аграрных школ профессора А. П. Батудаев, В. Б. Бохиев, С. И. Билтуев, А. Г. Кушнарев, И. А. Калашников, М. Б. Туманова и др.³

Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 406 от 6 июня 1995 г. Восточно-Сибирский государственный институт культуры был переименован в Восточно-Сибирскую государственную академию культуры и искусств. Это изменило не только статус вуза, но и его структуру и функции, определило новые приоритеты и целевые ориентиры. Открыты аспирантура и докторантура, новые советы по защите докторских и кандидатских диссертаций. Сегодня ВСГАКИ – научный и образовательный центр сохранения и развития традиционных культур Восточной Сибири. В вузе получили развитие 14 научных и творческих школ, действуют

¹ Калмыков С. В. Исследовательский университет Байкальской Азии. – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 6.

² Бильтриков В. Н. Восточно-Сибирский государственный технологический университет. 1962–2002 гг. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2002. – С. 148.

³ Нам – 75 лет. История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО «Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова», 2006. – С. 68.

щих в рамках 6 научных направлений. Активно развиваются научные темы по изучению культурного ресурса Сибири, культуры и искусства народов Сибири, Монголии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Ректор кандидат педагогических наук, профессор Р. И. Пшеничникова много внимания уделяет совершенствованию научно-исследовательской работы в академии¹.

Для обеспечения эффективной научно-технической и инновационной политики в Бурятии Указом Президента был создан совет по науке, технологиям и образованию при Правительстве Республики Бурятия, преобразованный в совет по науке и инновациям при Президенте РБ. На заседаниях совета рассматриваются вопросы реализации инновационных проектов, заслушиваются научные доклады по актуальным вопросам социально-экономического развития республики. В рамках работы совета проводится деловое обсуждение проблем широким кругом специалистов в формате «круглых столов», совещаний, семинаров. Совет по координации научно-технической деятельности проводит ее в тесном контакте с учеными советами академических и высших учебных заведений.

За последние 10 лет Министерством образования и науки были разработаны нормативно-правовые документы, направленные на совершен-

ствование законодательной базы научной и инновационной деятельности, разработаны и приняты республиканские законы «Об образовании», «О науке и научно-технической деятельности в Республике Бурятия», «Об инновационной деятельности в Республике Бурятия», ряд подзаконных актов – «Концепция развития инновационной деятельности», «Республиканская инновационная программа на 2008–2012 гг.» и т. д.

Для поддержки талантливой научной молодежи Министерство образования и науки РБ с 2000 г. проводит конкурсы среди молодых ученых. Более 200 аспирантов, преподавателей, научных сотрудников до 35 лет получили грантовую поддержку. При поддержке Правительства Республики Бурятия вузы и научные учреждения организуют научные и научно-практические конференции, симпозиумы, семинары, республиканские и международные научные школы.

Научные коллективы Бурятии проводят значительную работу по реализации программы социально-экономического развития, федеральной целевой программы «Интеграция высшего образования и науки», региональной научно-технической программы «Бурятия. Наука. Технологии и инновации».

Физкультура и спорт

Важным шагом для дальнейшего развития физкультурного движения в Бурятии стала разработка Государственным комитетом РБ по делам молодежи, туризму, физической культуре и спорту закона РБ «О физической культуре и спорте», принятого Народным Хуралом 1 февраля 1996 г. Для реализации закона в 1997 г. была разработана и утверждена республиканская целевая программа «Развитие физической культуры и формирование здорового образа жизни населения Республики Бурятия» на 1998–2000 гг. Распоряжением Правительства РБ в Улан-Удэ создан Центр олимпийской под-

готовки по вольной борьбе (ЦОП), в котором ежедневно занимаются более 150 спортсменов.

В 1996 г. была открыта спортивно-туристская оздоровительная база «Надежда» в пос. Максимиха.

Растет популярность новых видов спорта

¹ Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств. – Улан-Удэ, 2010. – С. 25.

Четырехкратный чемпион Европы Б. Цыремпилов

В 1997 г. Госкомитет РФ по физкультуре и туризму создал ГУП «Культурно-спортивный комплекс», самое крупное спортивное сооружение в Бурятии на 2 тыс. посадочных мест. Одновременно в нем могут заниматься 110 человек.

В последние годы в Бурятии получили развитие новые виды спорта: армрестлинг, пауэрлифтинг,

Пятикратный победитель Кубка мира С. Леонов

кикбоксинг, радиоспорт и др. В этих видах спортсмены республики добились крупных успехов. Чемпионские звания мировых первенств получили борцы по армспорту Н. Рязанова и А. Акимкин, по силовому троеборью – С. Теслева и А. Деханов, кикбоксеры Б. Улахинов (чемпион мира среди профессионалов) и Д. Мошкин. В 2001 г. пятикратным чемпионом России в радиоспорте стал Ш. Мусав. В 2003 г. первенство мира по тайскому боксу выиграла К. Бальжинимаева. Пятикратным победителем Кубка мира, дважды абсолютным обладателем Кубка мира стал гиревик С. Леонов. Чемпионские титулы на международ-

ных соревнованиях разного уровня завоевывали Л. Волосова (борьба), В. Максимов (ушу), сестры Сордия (дзюдо). Первым в Бурятии на международный уровень по борьбе сумо вышел А. Миханов.

С именами А. Банзаракцаева, Э. Бабудоржиева, Э. Султумова, В. Федяева, А. Бахтина и др. связано продолжение традиций бурятской школы бокса. В 2000 г. А. Бахтин стал чемпионом Европы среди молодежи.

Традиционно демонстрируют свое мастерство борцы-вольники. Среди них мастера спорта международного класса Д. Жамсуев, Б. Жаргалов, М. Молонов, О. Дамдинов, Н.-Ж. Нимаев, Ж. Дондупов, К. Хангалов.

Высокие результаты показывают бурятские лучники. Участник трех Олимпиад, четырехкратный чемпион Европы Б. Цыремпилов был признан лучшим спортсменом Бурятии 2000 и 2002 гг.

На подъеме находится шахматная жизнь Бурятии. Появились международные мастера Т. Иванов, С. Намжилов, Д. Абашеев, Б. Самбуев, А. Шомоев, В. Захаров. В октябре 2000 г. впервые за всю историю шахмат республики И. Ивахинова участвовала в первенстве Европы среди девочек до 12 лет и завоевала серебряную медаль. А. Шомоев стал первым международным гроссмейстером в Бурятии.

Будущее шахмат Бурятии

В 1997 г. серебряным призером чемпионата мира по шашкам стала В. Заяханова, воспитанница тренера Ф. Завелинского. В 2000 г. еще одна его ученица, А. Банзаракцаева, завоевала на мировом первенстве бронзовую медаль.

Большой вклад в развитие бурятского футбола внесли П. Хунгуреев, И. Кучерук, Ю. Поздоровкин, В. Зубаревич, С. Шалышкин, В. Шантаков, Ю. Калашников, Ю. Изюмцев, А. Жуйков, Г. Гаврилов, А. Михнов, А. Жирнов, А. Жамьяндабаев, Н. Трифонов, И. Ершов. В 2000 г. спортивная общественность республики торжественно отметила 85-летие первых футбольных соревнований в Бурятии.

8.4. Государственно-церковные взаимоотношения

Согласно данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия, в 1998 г. зарегистрировано 113 религиозных организаций, в 2003 г. – 168¹, в 2006 г. – 194², в 2009 г. – 177³, в 2010 г. – 187. Русская православная церковь имеет 62 прихода. До 1998 г. Бурятское благочиние возглавлял протоиерей И. Арзуманов, с 1998 г. – протоиерей О. Матвеев. Создание благочиния способствовало увеличению количества действующих

религиозных объединений. В 1996 г. на территории Бурятии действовало 29 православных общин с 17 священнослужителями и одним диаконом⁴, в 2000 г. – 44 общины. В 2006 г. количество приходов достигло 65, из них 63 общины и 2 монастыря⁵ (28 священников, 3 диакона), в 2008 г. – 66. Православные приходы на территории республики разделены на 5 округов: Улан-Удэнский, Кяхтинский, Кабанский, Баргузинский, Хоринский⁶.

Решением Священного синода РПЦ от 10 октября 2009 г. из состава Читинской епархии выделась самостоятельная Улан-Удэнская и Бурятская епархия. Епископом новой епархии стал епископ Алатырский Савватий, викарий Чебоксарской епархии. Сегодня в епархии создано 8 благочиний: Улан-Удэнское, Закаменское, Кабанское, Кяхтинское, Северобайкальское, Баргузинское, Хоринское, Монастырское.

В республике зарегистрировано 56 буддийских общин, относящихся к трем организациям: Буддийская традиционная сангха России, централизованная организация «Объединение буддистов Бурятии» и «Духовное управление буддистов России».

В Бурятии в 1996 г. было зарегистрировано 6 древлеправославных общин⁷, в 1999 – 7, в 2010 – 8⁸. Древлеправославие в республике представлено двумя иерархиями: древлеправославная церковь Христова (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) и Русская древлеправославная церковь. Приверженцы белокриницкого согласия в Бурятии имеют два прихода – в с. Тарбагатай и Улан-Удэ (Верхнеудинская старообрядческая община). В селах Десятниково, Нижний Жирим, Вахмистрово Тарбагатайского, Ягодное Селенгинского районов действуют незарегистрированные общины.

Большую роль в возрождении белокриницкого старообрядчества в Бурятии сыграл епископ Иркутско-Амурский Афанасий (в миру Амвросий Феофанович Федотов), причисленный в 2001 г. к лику святых. Освященный владыкой Свято-Никольский

¹ Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2003. – С. 17.

² Статистический ежегодник / Комитет гос. статистики Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2006. – С. 32.

³ Статистический ежегодник / Комитет гос. статистики Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2009. – С. 29.

⁴ Митыпова Г. С. Православная церковь в Бурятии (XX–XXI вв.). – Улан-Удэ, 2006. – С. 57–58.

⁵ Статистический ежегодник / Комитет гос. статистики Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2006. – С. 32.

⁶ <http://www.uud-eparh.ru> – официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии.

⁷ НАРБ, ф. 1857, оп. 1, д. 27, л. 7.

⁸ Данные Управления Министерства юстиции РФ по РБ – текущий архив.

Служба в Спасо-Преображенском Псковском мужском монастыре

кафедральный храм сегодня стал памятным местом для последователей и преемников Афанасия.

Русская древлеправославная церковь – официальное название потомков поповцев, не принявших в 1846 г. белокрыницкую иерархию, но 4 ноября 1923 г. создавших в России свою митрополию (РДЦ). На Соборе 1924 г. был учрежден Главный церковный совет (ГЦС) – высший духовный орган Русской древлеправославной церкви. В июне 1996 г. он был реорганизован в Совет епископов Русской древлеправославной церкви.

Древлеправославная архиепископия Новозыбковской иерархии (беглопоповцы) в республике представлена местными религиозными организациями, входящими в состав Сибирской епархии РДЦ с резиденцией в г. Улан-Удэ. Последователи новозыбковского направления в республике насчитывают 5 зарегистрированных приходов: в честь рождения Христова (Улан-Удэ), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Бичура), в честь святителя Христова Николая (с. Куйтун), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Новый-Заган), в честь святителя Христова Николая (с. Тарбагатай).

Без регистрации на территории республики действуют старообрядческие приходы (РДЦ): старообрядческая община с. Сутай Мухоршибирского района, старообрядческий приход с. Хасурта Хоринского района, древлеправославный приход с. Шаралдай Мухоршибирского района, Шаралдайская древлеправославная церковь святых всехвалных верховных апостолов Петра и Павла.

В Улан-Удэ продолжается строительство кафедрального храма Рождества Христова, начатое в 2008 г.

Субурган «Джарун Хашор»

Шаманский обряд

Шаманизм – одна из самых ранних форм религии бурят, представляющая собой систему языческих верований и культов. Несмотря на запреты и гонения в советское время, он сохранился на всей территории проживания бурят, а со второй половины 1980-х гг. начал активно возрождаться¹. В Бурятии действует несколько шаманских объединений – «Боо мургэл», «Лусад», «Тэнгэри» (созданная в 2003 г.), Дархан-Тэнгэри»², которые проводят кол-

¹ Лункин Р. Шаманизм в Республике Бурятия // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / Отв. ред. М. Бордо, С. В. Филатов. – М., 2006. – С. 122.

² Список религиозных организаций, сведения о которых внесены в реестр по состоянию на 20 августа 2010 года // <http://minust.e-baikal.ru/upr> – Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия.

лективные молебствия – тайлаганы, обо; семейные и индивидуальные молебны.

В 1990-е гг. в Бурятии и бурятских округах возникло множество религиозных, культурно-просветительных и общественных организаций, целью которых стало возрождение историко-культурного наследия шаманизма (Всебурятская ассоциация шаманов, общество «Хэсэ-Хэнгэриг» и др.). Активизировалась деятельность шаманов-целителей, объединяющихся в различные ассоциации и центры, которые наряду с лечением выполняют и религиозные функции. Состоялся целый ряд крупных мероприятий: общепурятские и территориально-земляческие жертвоприношения – тайлаганы, серия шаманских посвящений. Происходит постепенное оформление внутренней организации, проводятся шаманские «съезды». Формирование шаманских организаций у бурят происходит как по этническому принципу, так и по территориальной общности в границах административных делений. В 1996 г. в г. Улан-Удэ был проведен международный симпозиум по проблемам центрально-азиатского шаманизма, где были предприняты попытки объявить шаманизм национальной религией всех бурят.

На территории Бурятии получили распространение и другие конфессии. 31 августа 1999 г. был официально зарегистрирован католический приход Святейшего Сердца Иисуса Христа Римско-католической апостольской администрации католиков латинского обряда Азиатской части России¹. В 2000 г. прибыл священник А. Романюк, а в 2001 г. был выделен участок под строительство костела. В июле 2004 г. состоялось освящение храма.

В республике действуют три региональные организации мусульман – в г. Гусиноозерске, с. Старый Онохой Заиграевского района и г. Улан-Удэ². В 2010 г. мусульмане Бурятии вновь открыли молитвенный дом.

¹ Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. – Улан-Удэ, 2001. – С. 255.

² Там же, с. 254.

Среди течений протестантизма на территории Бурятии функционируют лютеранство, баптизм, евангелизм, пятидесятничество, пресвитерианство, адвентизм, иеговизм. Однако в созданный в начале 2000-х гг. Союз христианских протестантских церквей в Бурятии не входят такие организации, как «Свидетели Иеговы» и «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней». Зарегистрировано свыше 30 протестантских организаций, к которым относится целый ряд течений: пятидесятники – 26, пресвитериане – 6, баптисты – 4, адвентисты седьмого дня – 1³. В 1995 г. корейскими миссионерами в г. Улан-Удэ была основана Пресвитерианская церковь.

В г. Улан-Удэ и его пригородах действуют 14 христианских общин, объединенных в несколько союзов, крупнейшими из которых являются централизованная религиозная организация «Церковь христиан веры евангельской в Бурятии» и ассоциация христианских церквей «Союз Христиан».

В республике имеются разного рода нетрадиционные религиозные объединения. На фоне роста численности прихожан и приверженцев исторически сложившихся этноконфессиональных общин появились новые, нетрадиционные религиозные объединения, главным образом импортированные иностранными миссионерами: неохристианские движения (Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны), Свидетели Иеговы, Церковь Объединения, неоориенталистские (Общество Сознания Кришны, Вера Бахаи) и др.

С одной стороны, замечен процесс увеличения числа традиционных конфессий, с другой – распространение нетрадиционных религиозных объединений. Для Бурятии характерен религиозный синкретизм в верованиях как результат длительного сосуществования и взаимопроникновения различных культур.

³ <http://minust.e-baikal.ru/upr> – Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия.

Бурятские национальные округа

9.1. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ Иркутской области

История создания Усть-Ордынского Бурятского округа начинается с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1937 г. «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области». 26 сентября 1937 г. данное постановление было принято ЦИК СССР. В постановлении ЦИК СССР, опубликованном 27 сентября 1937 г. в газете «Известия», говорилось о передаче 6 бурятских аймаков в состав вновь образуемых Иркутской и Читинской областей и создании Агинского и Усть-Ордынского бурятских национальных округов¹. При этом Ольхонский аймак и ряд бурятских сомонов и сел не вошли в состав округов, а были переданы в прямое подчинение вновь образуемых областей. Территория Бурят-Монгольской АССР значительно сократилась.

Ни в постановлениях правительства, ни в средствах массовой информации причины создания нового территориального устройства не объяснялись, хотя, по официальной версии, эта реформа была вызвана, прежде всего, географическим фактором и

хозяйственно-экономической целесообразностью, а также необходимостью «уравнивания отдельных территорий по численности проживающего на ней населения и формирования более или менее одинаковых избирательных округов»².

Принятию Центром решения о разделе и передаче части территорий Бурят-Монгольской АССР вновь образуемым областям способствовали старые территориальные споры республики с соседними губерниями. Известно, например, о противодействии Иркутского губисполкома образованию республики в 1923 г. и о том, что именно иркутские губернские органы были инициаторами проекта создания Ленско-Байкальской области (предполагалось, что Бурят-Монгольская АССР должна войти в состав новой области на правах округа). Фактически причиной раздела Бурят-Монгольской АССР стала борьба с «панмонголизмом», якобы «поразившим» республику и служившим интересам милитаристской Японии, захватнические действия которой представляли непосредственную военную угрозу для СССР. Акт напрямую затрагивал коренные интересы бурятского народа.

¹ РЦХИИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 992, л. 111.

² История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М.: Прогресс, 1995. – С. 433.

Организационный период затянулся до 1939 г., так как не существовало достаточной правовой базы, определявшей статус округа, структуру управления. Все это время практическую работу по оформлению округа вел оргкомитет, который фактически был представителем Иркутского областного исполнительного комитета Советов. В течение 1937–1938 гг. им были сформированы окружной плановый отдел, земельный отдел, отделы коммунального хозяйства, народного образования, здравоохранения и др. Решались также вопросы административно-территориального устройства, финансирования, взаимодействия с областными структурами управления.

Административным центром вновь образованного округа стало с. Усть-Орда, ранее бывшее центром Эхирит-Булагатского аймака. В течение нескольких лет село значительно выросло, появились новые улицы, шло строительство новых зданий для учреждений и предприятий коммунально-бытового и социально-культурного назначения. В 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета с. Усть-Орда получило статус рабочего поселка и стало называться районным поселком Усть-Ордынский. К этому времени здесь проживало уже около 5 тыс. чел.

Выборы нового полномочного органа – окружного Совета – состоялись 24 декабря 1939 г. В его состав были избраны 55 депутатов, по одному от каждого избирательного округа. В первом Совете буряты составляли 61 %, русские – 32 %, представители других национальностей – 7 %; среди них крестьян было – 66 %, служащих – 24, рабочих – 10 %. Из 55 депутатов 38 были членами и кандидатами в члены ВКП(б), 17 – беспартийными¹. Такой состав во многом определялся административно-командной практикой организации выборов и формирования органов управления, но в целом соответствовал национальной и социальной структуре нового автономного образования. Председателем окрсовета был избран С. К. Бутуханов.

Территория округа в 1940 г. занимала 20 тыс. кв. км, где проживало 120 тыс. чел., при этом площадь округа составляла примерно 1/4 часть территории области, а число жителей – 10 % ее населения. В предвоенные годы население продолжало увеличиваться не только за счет естественного прироста, но и за счет добровольного и принудительного пере-

селения из центральных и западных районов страны, что еще в большей степени делало этот регион многонациональным.

В процессе формирования округа было проведено новое районирование. В 1938 г. из 7 сельсоветов Аларского аймака был создан Нукутский район, а в 1941 г. из 9 сельсоветов Эхирит-Булагатского аймака – Баяндаевский аймак. В начале 1940-х гг. в УОБМНО входило 5 аймаков. Административными единицами оставались аймаки, булуки, сельсоветы, села, улусы, деревни и поселки. Это отражало исторически сложившееся чересполосное проживание бурятского и русского населения, а также стремление сохранить старые формы национально-территориального устройства.

Основной производственной отраслью оставалось сельское хозяйство. Еще в 1920-е гг. Аларский и Эхирит-Булагатский аймаки рассматривались как житница Бурят-Монгольской республики. Это значение они сохранили и в составе Иркутской области. В результате массовой коллективизации уже к середине 1930-х гг. были ликвидированы единоличные хозяйства и так называемые заимки – своеобразные сибирские хутора. Основой сельскохозяйственного производства стали колхозы. В 1941 г. в округе насчитывалось 270 колхозов. Их общая посевная площадь занимала 126680 га. В результате распашки залежных земель, а в ряде случаев и выпасов для скота в течение трех предвоенных лет она увеличилась почти в 2 раза. На полях колхозов выращивались пшеница, рожь, овес, ячмень. Значительные площади отводились под масличные культуры («рыжик», конопля).

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа... – С. 442.

Оправдывали репутацию «хлебной житницы» Иркутской области Аларский и Нукутский аймаки, где средний урожай зерновых достигал 14–16 ц с га, а иногда и 19–21 ц с га. За успехи в развитии зернового хозяйства сначала Аларский аймак, а затем и весь округ приняли участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, несколько десятков колхозников были награждены орденами, медалями и ценными подарками. В аймаках округа в конце 1930-х гг. действовали 14 машинно-тракторных станций, располагающих 670 тракторами, 350 комбайнами, а также паровыми молотилками и сеялками. В короткие сроки для МТС были подготовлены более 1 тыс. трактористов и 200 комбайнеров. В результате кампании под лозунгом «Девушки – на трактор!» получили профессию трактористов более 300 женщин.

Важной отраслью оставалось животноводство. В 1940 г. во всех категориях хозяйств в УОБМНО числилось 119535 гол. крупного рогатого скота, 35845 лошадей, 90835 овец. Почти во всех колхозах были молочнотоварные фермы, а в некоторых – овце-, птицефермы. Площадь сенокосов в 1940 г. равнялась 215283 га, однако сокращение ее за счет распашки под зерновые, ликвидации утугов привело к уменьшению доли животноводства в сельскохозяйственном производстве, так как обеспечить весь колхозный скот кормами было невозможно.

Промышленность округа в предвоенные годы была представлена промышленными артелями, изготавливающими сельскохозяйственный инвентарь, строительные материалы, обувь, одежду, пищекомбинатом и несколькими лесозаготовительными предприятиями. В ближайшие годы планировалось строительство нового известкового и лесопильного заводов, мебельной мастерской, что не только позволило бы обеспечить занятость населения, но и ликвидировать недостаток товаров первой необходимости.

В 1930-е гг., как и в целом по стране, в округе шел сложный и противоречивый процесс развития образования, просвещения и здравоохранения. Увеличилось число культурно-просветительских учреждений, школ, больниц. Практически была решена задача всеобщего начального образования. К началу 1940-х гг. в округе насчитывалось 213 начальных, неполных средних и средних школ, в которых обучалось более 26 тыс. учеников, работало 856 учителей. Положение усугублялось тяжелым материальным положением школ, несмотря на то, что на нужды народного образования шло более половины окружного бюджета. Основными центрами по подготовке учительских кадров оставались Иркутский госуниверситет и Боханское педучилище. Особое внимание уделялось подготовке преподавателей бурятского языка и литературы, что, в свою

очередь, диктовалось реформой – переводом бурятской письменности с латинской графики на кириллицу.

Экономическое и социокультурное развитие региона в 1930-е гг. шло в условиях авторитарной административно-командной системы, элементом которой являлась репрессивная политика. Массовые репрессии затронули все социальные и профессиональные слои населения округа. По неполным данным, в 1937–1938 гг. в Западной Бурятии было репрессировано несколько сот человек. Только в одном небольшом с. Зангар арестовали 19 чел. Среди репрессированных были колхозники, в т. ч. организаторы первых в аймаках коммун и колхозов, которых обвинили в подрыве советского строя и экономических диверсиях, представители интеллигенции, партийные и советские работники, чаще всего обвиняемые в «панмонголизме» и пособничестве «врагам народа».

Серьезным испытанием для округа стала Великая Отечественная война, потребовавшая напряжения всех сил и величайших жертв. Уже в первые дни войны в военкоматы и аймачные органы власти стали поступать заявления от добровольцев. В действующую армию были призваны более 8,5 тыс. уроженцев и жителей округа, которые сражались на всех фронтах. Около 6 тыс. усть-ордынцев не вернулись с войны. За героизм и самоотверженность многие фронтовики были награждены боевыми орденами и медалями, среди них 6 человек стали Героями Советского Союза: Е. И. Быков, В. Х. Хантаев, А. П. Чумаков, И. В. Балдынов, И. В. Кузнецов, В. Б. Борсоев. Уроженец Ольхона С. И. Батагаев стал кавалером ордена Славы трех степеней.

Мужчины призывались не только в действующую армию, но и на «трудовой фронт»: лесозаготовки, угольные копи, промышленные предприятия, работавшие на оборону, отправлялись на перевозку графита в Саяны и хлеба до железной дороги. На собраниях и митингах принимались решения о всемерной помощи фронту и повышенные обязательства. Колхозники сельхозартели «Гигант» уже 23 июня 1941 г. на общем собрании приняли решение вывезти на склады 1000 ц зерна из урожая прошлого года в счет хлебопоставок 1941 г., а следующую уборочную кампанию закончить за 10 дней. Подобные постановления принимались практически всеми колхозами и полностью выполнялись.

Массовой поддержкой населения пользовались такие формы интенсификации труда, как социали-

стическое соревнование за звание фронтовых бригад, соревнование за качество и досрочное выполнение заданий и др. В 1943 г. тракторист Алятской МТС Сидорук на тракторе Т-2 вспахал 800 га при норме 240 га. В 1944 г. колхоз «Заветы Ильича» Нукутского аймака развернул соцсоревнование за получение стопудового урожая с каждого гектара, увеличил посевные площади на 135 %, а урожайность – на 128 %.

В условиях войны особенно остро встал вопрос о развитии местной промышленности. В 1941–1945 гг. в округе действовали маслозаводы, пищекомбинаты, промартели, Харанутский угольный разрез, Забитуйская шахта. В их задачу входило обеспечение населения товарами первой необходимости, изготовленными из местного сырья. Однако даже при перевыполнении годовых планов этими предприятиями населению остро не хватало самого необходимого.

С первых дней войны развернулось движение за оказание помощи фронту. Регулярно проводились воскресники, сбор средств в Фонд обороны, сбор теплых вещей. Население округа активно участвовало в сборе средств в фонд постройки танковых колонн «Иркутский комсомолец» и «Иркутский пионер», бомбардировщика «Иркутский чекист». За период войны трудящиеся округа передали на нужды фронта 43302 тыс. руб., сдали для фронтовиков 101703 шт. теплых вещей, отправили на фронт более 200 тыс. индивидуальных подарков¹.

Важным событием стало открытие в 1944 г. в Усть-Орде окружного драматического театра и краеведческого музея. Несмотря на материальные трудности, действовали клубы, избы-читальни, продолжался учебный процесс в школах. В 1944 г. по инициативе окружного совета в Иркутском государственном университете было открыто бурят-монгольское филологическое отделение, что позволило в короткие сроки подготовить учителей родного языка и литературы и ввести в начальной национальной школе обучение на бурятском языке.

В годы войны произошли изменения в административно-территориальном устройстве Усть-Ордынского округа. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР, принятому еще накануне войны, из крупного Эхирит-Булагатского аймака был выделен Баяндаевский аймак в состав

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа... – С. 488.

ве 9 сельсоветов. В 1944 г. был создан еще один аймак – Осинский, бывший ранее в составе Боханского аймака. Окончательное их оформление произошло в послевоенное время. В составе УОБМНО в 1945 г. насчитывалось уже 6 аймаков. В ходе нового районирования выдвигались предложения о переподчинении всего округа БМАССР, однако эти предложения не были поддержаны ни областью, ни Бурят-Монгольской АССР, ни центральной властью.

В последующие десятилетия продолжались поиски оптимальной административно-территориальной системы округа. Его территория практически сохраняла свои прежние границы, но в 1963 г. были ликвидированы Баяндаевский, Нукутский и Осинский районы. В Аларском районе было 2 поселковых совета и 14 сельсоветов, Боханском – 19 сельсоветов, Эхирит-Булагатском – поссовет и 18 сельсоветов. Нукутский район был восстановлен в 1972 г., Баяндаевский и Осинский районы – в 1975 г. К 1975 г. произошел возврат к той административной структуре, которая сложилась в 1937–1945 гг.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1958 г. УОБМНО был переименован в Усть-Ордынский Бурятский национальный округ. В 1965 г. аймаки официально были переименованы в районы. В 1978 г. в соответствии с Конституцией РСФСР округ, как и остальные 10 национальных округов Российской Федерации, получил статус автономного (УОБАО).

Территория округа на 1 января 1986 г. составляла 22,1 тыс. кв. км, но если границы и территория практически остались прежними, то численность и состав населения заметно изменились. При сравнительно высокой рождаемости (26,1 на 1 тыс. чел.) наблюдалось постоянное уменьшение численности населения. В 1970 г. в округе проживало 146,4 тыс. чел., в 1979 г. – 132 тыс., в 1986 г. – 126 тыс. В значительной степени это было связано с оттоком населения в города области, БурАССР и другие регионы, но с 2000 г. здесь периодически стал наблюдаться процесс депопуляции населения¹.

В послевоенные десятилетия в результате миграционных процессов существенно изменился

национальный состав населения округа. По состоянию на 15 января 1970 г., в округе было 58,8 % русских, 33 % бурят, 3,9 % татар, 2,1 % украинцев, 0,6 % белорусов, 1,6 % представителей других национальностей².

В хозяйственном отношении округ сохранял аграрную специализацию. В сельском хозяйстве было занято более половины населения. Основой сельскохозяйственного производства оставались колхозы. С начала 1950-х гг. появилась устойчивая тенденция их укрупнения: если в 1950 г. их насчитывалось 173, то в 1958 г. – 69. Происходила концентрация земель, людских и материальных ресурсов. Посевные площади увеличились за счет освоения целинных и залежных земель и занимали 450 тыс. га (в 3 раза больше, чем в 1937 г.), в т. ч. зерновыми культурами было занято более 300 тыс. га.

В 1955 г. колхозы округа сдали государству 11140 тыс. пудов зерна, перевыполнив плановые показатели более чем на 4 млн. пудов. Средний урожай зерновых культур составил 15,2 ц с га. Наивысших результатов добились труженики Аларского района, где средняя урожайность составила 19,1 ц с га.

Первыми в округе звание Героя Социалистического Труда получили в 1948 г. звеньевая С. И. Максимова, старший табунщик Р. Ж. Имененов, председатель колхоза С. Б. Колесников. За заслуги в освоении целинных земель и полученные высокие урожаи в 1956 г. орденами и медалями были награждены 327 колхозников, рабочих совхозов и МТС; первому секретарю Аларского РК КПСС И. Н. Покорскому и комбайнеру Нукутской МТС И. Е. Рыцеву присвоено звание Героя Социалистического Труда³. В конце 1970-х гг. в УОБНО работали 11 Героев Социалистического Труда и несколько сотен передовиков производства, удостоенных правительственных наград.

В 1970-х гг. в округе было 38 совхозов и 25 колхозов. Подъем в сельском хозяйстве обеспечивался подготовкой квалифицированных кадров, улучшением материально-технической базы колхозов и совхозов. В 1980-е гг. в народном хозяйстве округа

² Народное хозяйство Иркутской области. – Иркутск, 1987. – С. 5.

³ Долгополов А. А. Развитие сельскохозяйственного производства Усть-Ордынского Бурятского автономного округа // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского национального округа в XX веке. – Иркутск, 2002. – С. 245.

¹ Иванов Л. Р., Булсунаев Ю. К., Маланов А. К. Естественное движение населения коренного народа Сибири в XIX–XX вв. // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского национального округа в XX веке. – Иркутск, 2002. – С. 161.

«Ердынские игры» у горы Ехэ Ердо

Бурятский шаман на берегу Байкала

работали 1736 специалистов с высшим и средним специальным образованием, из них в сельском хозяйстве – 1536 чел. Передовыми хозяйствами округа были «Красный Нельхай», «Ангарстрой» Аларского района, «Унгинский скотовод», «Победа» – Нукутского, им. Чапаева – Осинского, «Рассвет» – Боханского и др.

К началу 1980-х гг. в округе насчитывалось 170 тыс. гол. крупного рогатого скота, 267 тыс. овец. По сравнению с 1937 г. поголовье крупного рогатого скота выросло в 2,6 раза, овец – в 3,8 раза¹. Здесь размещалась почти треть всех посевов и пятая часть скота области. В общих заготовках на долю округа приходилось более 35 % зерна, почти 1/3 молока, 1/4 мяса и более 50 % шерсти. Доля округа в объеме сельскохозяйственной продукции в России составляла примерно 0,4 %.

Происходили изменения и в промышленной сфере. В 1953 г. в округе было 19 промышленных предприятий (2 промкомбината, 5 пищекомбинатов, 3 райтопа, Кутуликская угольная шахта, леспромхоз и 7 промартелей). В 1958 г. первую продукцию дал Нукутский гипсовый рудник, который в Сибири и на Дальнем Востоке является единственной базой производства гипса и изделий из него.

Однако уже в конце 1970-х гг. в жизни округа обозначились серьезные проблемы. Вырубка лесных массивов, чрезмерная распашка степной целины и залежей, ветровая и водная эрозия почв, затопление плодородных земель Братским водохранилищем, радиационное загрязнение окружающей среды в результате ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне и в скважине на территории Осинского района привели к ухудшению экологической обстановки, сокращению сельскохозяйственного производства, что сказалось на здоровье населения округа, нарушило систему его традиционного компактного проживания.

К середине 1980-х гг. число промышленных предприятий увеличилось до 32. Это были ремонтно-строительные организации, управление автомобильных дорог, леспромхозы. Объем выпускаемой ими продукции увеличился, по сравнению с 1937 г., в 13 раз.

Существенные изменения произошли в сфере образования и культуры. В 1950 г. в округе работали 296 общеобразовательных школ, в которых

¹ История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа... – С. 505.

обучалось 27200 детей. В результате перестройки семилетнего и среднего образования в середине 1960-х гг. большинство семилетних школ было реорганизовано в восьмилетние, а десятилетние – в одиннадцатилетние. Во 2-й половине 1970-х гг. было открыто еще 6 школ на 2080 мест и 2 интерната на 190 чел. Школы были оборудованы мастерскими, спортивными залами, физическими, химическими кабинетами. Улучшился и качественный состав преподавателей: 92,7 % учителей 4–11 классов имели высшее педагогическое образование. В 1980-е гг. в УОБНО работали 250 школ разных типов, в них более 2200 учителей обучали 25 тыс. учеников. Уменьшение числа учебных заведений было связано частично с ликвидацией малокомплектных школ, их укрупнением, а также уменьшением естественного прироста. В более сложном положении оказалась бурятская национальная школа. В 1970-х гг. практически повсеместно было приостановлено начальное образование для бурят на родном языке, как следствие, сократилась подготовка учителей родного языка, меньше стало литературы, теле- и радиопередач на бурятском языке. Если в 1926 г. бурятский язык считали родным 98 % бурят, то в 1989 г. – 86 %.

Была проведена большая работа по электрификации, радиофикации и благоустройству населенных пунктов. Развивалась сеть культурно-просветительских учреждений: клубов, библиотек. В 1960 г. при Усть-Ордынском ДК открылся народный университет культуры, в Эхирит-Булагатском районе – университет сельскохозяйственных знаний. Традиционными стали районные и окружные смотры художественной самодеятельности, гастролы артистов иркутских и улан-удэнских театров, творческие встречи с писателями и поэтами. С 1958 г. жители округа могли смотреть передачи Иркутского телевидения. В Усть-Орде выпускалась окружная газета «Знамя Ленина», районные газеты – в Бохане, Нукутах, Осе. С 1 апреля 1954 г. почти 10 лет выходила окружная газета на бурятском языке «Усть-Ордын Унэн» тиражом 1300–2000 экз. Среди уроженцев Усть-Ордынского округа немало известных писателей поэтов, музыкантов, художников, ученых. Только из Боханского и Осинского районов вышло более 50 профессоров, докторов наук, более 100 кандидатов наук, доцентов.

В 1986 г. в культурной жизни округа произошло несколько важных событий. В мае началась подго-

Ансамбль «Амар Сайн»

товка к празднованию 50-летия его образования, в июле прошел традиционный праздник Сурхарбан. Значительным событием было празднование 150-летия Аларской средней школы¹.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. кризисные явления затронули все сферы жизни и отрасли хозяйства округа. Наметилась тенденция к снижению производства основных видов сельскохозяйственной продукции. В 2002 г. в округе было 95 сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности, 560 крестьянско-фермерских хозяйств. При этом поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 43 %, свиней – на 27 %, посевная площадь сократилась, по сравнению с 1999 г., на 10,5 %.

Администрация округа разработала закон «О личном подсобном хозяйстве в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе» и предприняла ряд мер, в первую очередь финансовых, для его реализации. Основная доля сельскохозяйственной продукции стала производиться в личных подсобных хозяйствах (98 % валового сбора картофеля, 51 % молока, 95 % яиц).

Усилилась миграция из округа экономически активного населения, сократилось число рабочих мест, появилась безработица. Стабильно продолжали работать только угольные предприятия, Нукутский гипсовый рудник, увеличившие добычу угля и гипсового камня соответственно на 37 и 158 %, по сравнению с 1997 г.

При общем экономическом спаде продолжала развиваться социальная сфера². Было введено в строй более 20 тыс. кв. м нового жилья, построено более десятка школ, больницы в Новонукутске, Гахане, Иваническом, Баяндае. Произошли структурные изменения в системе народного образования. С 1991 г. начал функционировать окружной институт повышения квалификации работников образования, ведущим направлением которого стало возрождение бурятской национальной школы, сохранение языка и культуры бурятского народа. В 1999 г. на базе Боханского педагогического училища был создан филиал Бурятского государственного университета.

¹ Знамя Ленина. – 1985. – 31 мая.

² Малеев В. Г. Социально-экономическое развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского национального округа в XX веке. – С. 10.

Происходившие в стране политические процессы оживили общественную жизнь в округе. В референдуме 1991 г. и выборах Президента РСФСР приняли участие более 88 % жителей. За сохранение Советского Союза как федерации высказалось 88,6 %, за введение поста Президента РСФСР – 58,8 % избирателей.

Наиболее актуальными для округа стали проблемы национально-культурного развития региона и вопрос о статусе УОБНО. Весной 1990 г. в Иркутске состоялась учредительная конференция Бурятского культурного центра, председателем которого был избран доктор философских наук профессор ИГУ В. Х. Харнахоев.

3 сентября 1991 г. были приняты Декларация об экономическом самоопределении округа, в соответствии с которой он провозглашался субъектом Российской Федерации, и Устав Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, определивший его статус как исторически сложившегося национально-территориального образования в составе Иркутской области. Округ получил право выхода из состава области и самостоятельного вхождения в состав РФ. Государственным языком был признан русский, языками общения – языки народов, проживающих на территории округа, в первую очередь бурятский. Земля, недра, воды, природные ресурсы объявлялись собственностью населения округа. Впервые за всю историю существования округ официально получил свою символику – герб и флаг. 27 мая 1996 г. был подписан договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Иркутской области и входящего в ее состав Усть-Ордынского Бурятского автономного округа». Подписали этот документ Президент РФ Б. Н. Ельцин, губернатор области Ю. А. Ножикив, глава администрации УОБНО А. Батагаев.

Согласно договору, область и округ получили право на собственное правовое регулирование, если по предметам соглашения отсутствует федеральное законодательство. Были разграничены полномочия в вопросах бюджета и налогов, владения и пользования землей, охраны окружающей среды, транспорта, связи, дорожного хозяйства, административно-территориального устройства. Однако из-за несовершенства законодательной базы сложилась противоречивая ситуация, когда округ стал самостоятельным субъектом федерации и одновременно субъектом области. Он получил возможность

самостоятельного развития, но в условиях кризиса обособление УОБНО от более развитой в экономическом отношении Иркутской области еще больше обострило социально-экономические проблемы.

16 апреля 2006 г. состоялся референдум по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. В нем приняли участие 68,98 % населения, за объединение проголосовали 89,97 %. Показатели по округу были еще выше: из 99,45 % избирателей, принявших участие в референдуме, за объединение с Иркутской областью проголосовали 97,79 %, против – 1,55 %.

9.2. Агинский Бурятский автономный округ Забайкальского края

Постановлением ЦИК СССР «О разделении Восточно-Сибирского края на Иркутскую и Читинскую области» от 26 сентября 1937 г. в составе Читинской области был образован Агинский Бурят-Монгольский национальный округ¹. После предоставления ему автономии и замены этнонима «бурят-монголы» на «буряты» в 1958 г. он был переименован в Агинский Бурятский национальный округ. В соответствии с Конституциями СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. в числе 10 национальных округов РСФСР он получил статус автономного и был переименован в Агинский Бурятский автономный округ.

С момента образования Агинского Бурят-Монгольского национального округа началась большая работа по формированию местных Советов. В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. и Положением о выборах в Советы депутатов трудящихся 24 декабря 1939 г. были проведены выборы в окружной, районные, поселковые, сельские Советы. В выборах участвовало практически все население: из 18930 избирателей проголосовали 18814 чел. Состав 35 депутатов окружного Совета первого созыва был следующим: 8 колхозников, 1 рабочий, 26 служащих; 26 мужчин, 9 женщин; высшее образование имели 3 депутата, среднее – 13, начальное или никакого – 19 чел.; по национальности – 22 буряты, 12 русских, 1 белорус; членов ВКП(б) – 21 чел., ВЛКСМ – 3, беспартийных – 11; 3 депутата имели ордена и медали СССР².

До коллективизации сельского хозяйства основным видом хозяйственной деятельности населения округа было животноводство. Богатые пастбища и сенокосы позволяли успешно развивать 5 священных для степного народа видов домашнего скота – верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот, коз и овец.

На 1 января 1938 г. в округе имелась 51 сельскохозяйственная артель, в колхозах насчитывалось 60533 гол. крупного рогатого скота, 127550 овец, 24130 коз, 30024 лошадей, 4075 верблюдов и 1309 свиней³.

¹ ГАЗК, ф. Р-6, оп. 1, д. 7, л. 1–2.

² Государственный архив Агинского Бурятского округа (ГА АБАО), ф. 69, оп. 1, д. 5, л. 35.

³ Там же, ф. 54, оп. 1, д. 5, л. 5.

Сельхозартель «Сталинский путь»

Становление Агинской ветлечебницы

Н. Жамбалов – тракторист-стахановец

В годы Великой Отечественной войны поголовье всех видов домашних животных сократилось в связи с необходимостью сдачи государству. Для нужд Красной Армии было реквизировано 18542 лошади. Колхозы и совхозы округа дали стране более 2 млн. пудов хлеба, 954 тыс. л молока, 582 тыс. пудов мяса, 41 тыс. пудов шерсти. Из собственных средств населения округа было отправлено на фронт 12468 шт. теплых вещей, более 12 т продуктов питания, внесено 15 млн. руб. Кроме того, на строительство танков и самолетов было внесено 3 млн. руб., сданы облигации государственных займов на сумму 2 млн. 515 тыс. руб. В помощь освобожденным районам было отправлено свыше 16 тыс. гол. овец и коз, более 3300 гол. крупного рогатого скота, 864 лошади¹.

На защиту Отечества из округа было призвано 5860 чел. На полях сражений погибли 2793 чел. Мужество и бесстрашие в борьбе с врагом проявили сотни агинцев. Звание Героя Советского Союза было посмертно присвоено учителю из села Цаган-Оль Б. Ринчино, а Героя Российской Федерации – командиру роты партизанского отряда «Спартак» из с. Алханай Б. Жабону (в 1996 г.).

За самоотверженную работу в тылу около 4 тыс. колхозников, рабочих и служащих были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1950-е гг. в округе началось освоение целинных и залежных земель, расширились посевы зерновых культур, увеличилось производство, были организованы новые хозяйства. К 1965 г. в округе работали механизированные зерноводческие звенья. Новые технологии ведения земледелия впервые были внедрены в колхозе им. XXII партсъезда (с. Цокто-Хангил)². Высокой урожайности добились колхозы «Улан-Одон», им. С. М. Кирова, им. Ленина (с. Кункур) и др. Помимо возделывания традиционных зерновых культур и овощей с 1954 г. в округе стали выращивать кукурузу, а с 1956 г. – подсолнечник.

Основной отраслью животноводства в округе было овцеводство, дававшее до 80 % всех доходов. Достижением овцеводов округа стало выведение знаменитой забайкальской тонкорунной породы овец в соответствии с решением первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева о превраще-

¹ ГА АБАО, ф. 54, оп. 1, д. 5, л. 14.

² Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. – Новосибирск, 2007. – С. 26.

нии Забайкалья в одну из овцеводческих баз страны, принятым после посещения им Читинской области и Агинского Бурятского национального округа в 1954 г.¹

В 1970–1980-е гг. в округе была создана промышленная переработка сельхозпродукции, местная и пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, началось освоение минерально-сырьевой базы. Крупнейшим предприятием округа стал основанный в 1962 г. Новоорловский горно-обогатительный комбинат, специализирующийся на добыче и обогащении концентрата вольфрама, тантала и других полезных ископаемых. Комбинат – единственный в России производитель танталового концентрата – имеет выход на международный рынок, его продукция пользуется спросом у китайских, швейцарских и других зарубежных фирм. Стабильно функционируют десятки других организаций и предприятий, в числе которых Юго-Западное предприятие электрических сетей, Дульдургинский леспромхоз, мясокомбинат «Агинский», мельничный комплекс ЗАО «Агроэликс» и др.

В середине 1970-х гг. в округе завершился переход к всеобщему среднему образованию, активно развивалось самодеятельное творчество, улучшалось кинообслуживание, благоустраивались села и поселки, появилось телевидение. Интенсивно строились школы, сады, интернаты и другие культурно-просветительские учреждения. В 1923 г. в округе работали 15 двух- и шестиклассных школ и одна Агинская средняя школа², в 1939/40 уч. г. дети обучались в 31 начальной, 6 неполных средних и 2 средних школах³. В середине 1960-х гг. в округе функционировали 18 средних, 14 восьмилетних, 18 начальных школ, в которых обучались 16408 учащихся и работали 848 учителей⁴. На начало 1970/71 уч. г. функционировали 21 средняя, 15 восьмилетних и 12 начальных школ, в которых работали 939 учителей и воспитателей, из них 327 – с высшим образованием.

Цугольский дацан

Административное здание, Агинское

Окружной краеведческий музей, Агинское

¹ Баринев А. О. Читинский период забайкальской истории (1937–2007 гг.) // Читинский архивный вестник. – 2007. – № 13. – С. 12.

² НАРБ, ф. Р-60, оп. 2, д. 3, л. 72.

³ ГА АБАО, ф. 48, оп. 1, д. 27, л. 25.

⁴ Дугаржапова Х. А. Деятельность местных Советов в Агинском округе // Становление, состояние и перспективы развития парламентаризма в субъектах Российской Федерации. – Агинское, 2004. – С. 56.

Дом доктора Л. Жабэ в пос. Агинск. 1935 г.

Руководителями отдела (комитета) народного образования в советские и постсоветские времена были Ц.-Ж. Балдано, П. Б. Балданжапов, Ц. Н. Номогонов, С. Б. Гонсоронов, Ц. Г. Намсараева, Б. Б. Дамбаева; активными организаторами школьного образования – Ч.-Л. Базарон, Л. Линховоин, Н. Бадмажабэ, А. Ральдин и др. Одним из организаторов образования в округе является выпускник Кункурской средней школы Агинского района, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель России, действительный член Российской академии социальных наук С. Д. Намсараев, бывший министр образования и науки Республики Бурятия, в течение 20 лет работавший в тесном контакте с образовательными учреждениями округа.

В округе сформирована сеть учебных заведений всех уровней: 50 дошкольных учреждений, в которых воспитываются 4317 детей; 50 государственных дневных образовательных учреждений, где обучаются 11947 чел.; 11 учреждений профессионального образования – профессиональное училище № 23, педагогический колледж, агротехнический колледж, медицинское училище и другие; три высших учебных заведения – филиал Бурятского государственного университета, филиал Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, филиал Современной гуманитарной академии, в которых обучаются 747 студентов¹.

При активном участии первого врача Л. Жабэ в 1921 г. впервые была открыта больница на 12 коек, в 1947 г. было 5 больниц с 130 койками. В 1947–1948 гг. начала работать первая группа врачей из коренных жителей округа – Д. Б. Балданова, Ц. Н. Номогонова, Ц. Ц. Цыбенова и др., окончив-

шие Иркутский государственный медицинский институт.

В 1950–1960-е гг. успешно развивалось здравоохранение, открывались центральные районные больницы, в сельской местности – врачебные амбулатории и фельдшерские пункты. В середине 1980-х гг. были введены в эксплуатацию больничный комплекс на 150 коек в с. Дульдурга и Орловская медсанчасть на 150 коек в пос. Могойтуй. В последние годы построено и капитально отремонтировано более 40 объектов, в т. ч. хирургический корпус окружной больницы, окружная поликлиника, ИФА-лаборатория, корпус родильного дома и т. д. В 46 лечебно-профилактических учреждениях на 576 коек работают 250 врачей, 719 чел. среднего медицинского персонала².

В 1920–1930-х гг. сеть сельских учреждений культуры состояла из читален и красных юрт. В 1947 г. в округе имелось 70 культпросветучреждений, 8 библиотек, 19 изб-читален, 6 сельских и 27 колхозных клубов³. В 1939 г. появился первый стационарный кинотеатр в здании Свято-Никольской церкви.

В 1950-х гг. построены новые сельские Дома культуры. В 1961 г. был открыт Агинский окружной Дом культуры. Сегодня в округе 46 клубных учреждений, 45 массовых библиотек, Национальный музей им. Г. Цыбикова, Центр народного творчества, театры песни и танца «Амар сайн» и современной драмы, 3 детские музыкальные школы, 3 детские школы искусств, 16 народных коллективов и др. Каждые 2 года проводится окружной культурно-спортивный праздник «Зунай наадан», ежегодно – народные праздники «Сагаалган», конкурсы «Саган харын дангина», «Юный Гэсэр» и др. В последние годы активно развивается книгоиздательская деятельность, организован выпуск произведений писателей-классиков Аги, Бурятии, Монголии. Книги, альбомы, уникальные по содержанию и полиграфическому оформлению, издаются на русском и бурятском языках. Крупным издателем является ООО им. Г. Цыбикова и Ж. Тумунова под руководством Б. Ж. Тумунова.

Органы государственной власти и местного самоуправления округа делают все возможное для сохранения национальной культуры, искусства,

² Там же, с. 19.

³ Историко-культурный атлас Бурятии. – М., 2001. – С. 556.

¹ Экономика и социальная сфера Агинского Бурятского округа в 2010 г.: стат. сб. – Агинское, 2011. – С. 18.

письменности и языка. В последние годы приняты целевые программы в области развития культуры и традиционных народных промыслов. На территории округа люди разных национальностей достаточно хорошо владеют бурятским языком, сохраняются вековые традиции уважения и почитания старших.

В 1991 г. Агинский дацан посетил Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьятцо. В 2001 г. в Цугольском и Агинском дацанах был проведен международный симпозиум «Мир буддийской культуры: буддизм и межкультурный диалог» с участием зарубежных и российских буддистов и ученых-востоковедов. В 2004 г. состоялось заседание исполнительного совета Азиатской буддийской конференции «За мир». В последние годы проведена реставрация храма Майдари Агинского дацана, построены новые дацаны в пос. Могойтуй и с. Узон. В центре поселка находится православный Свято-Никольский храм, которому в 2006 г. исполнилось 150 лет.

Одним из направлений социально-культурной жизни населения округа является развитие массовой физической культуры и спорта. Широкое развитие получили вольная борьба, стрельба из лука, конные скачки, шахматы. Популярны волейбол, футбол, хоккей, баскетбол. В 1967 г. была открыта первая детско-юношеская спортивная школа по вольной борьбе и легкой атлетике. Директорами школы в разные годы работали Б. Бальжинимаев, Э. Эрдынеев, Г. Цэдашиев, Б. Димчикжапов и др., внесшие большой вклад в развитие спорта округа. В 1971 г. были открыты ДЮСШ по стрельбе из лука, в 1993 г. – дом спорта в пос. Агинское. Агинская окружная специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва с 2006 г. готовит талантливых спортсменов, многие из которых стали призерами чемпионатов мира, Европы, России по вольной борьбе и стрельбе из лука.

Агинский Бурятский национальный округ награжден орденами Дружбы народов (1972 г.), Трудового Красного Знамени (1977 г.)¹. Большая заслуга в становлении и развитии Агинского Бурятского автономного округа принадлежит руководителям окружных органов исполнительной власти в разные годы – Б. Ц. Цыренову (1968–1975), Ц. С. Соктоеву (1975–1982), З. Х. Намдакову (1982–1987), Г. Ж. Жамсаранову (1987–1990), Г. Ц. Цэдашиеву (1990–

Передовой механизатор

1996), Б. В. Аюшееву (1996–1997), Б. Б. Жамсуеву (1997–2008).

В 1990 г. председателем окружного исполнительного комитета был избран Г. Ц. Цэдашиев, а в 1991 г. он назначен главой администрации Агинского Бурятского автономного округа. В этот период округу удалось сохранить материальную базу большинства промышленных и сельскохозяйственных производств, их техническую инфраструктуру, несмотря на сложную экономическую и политическую ситуацию в стране.

В 1997 г. главой Администрации АБАО был избран Б. Б. Жамсуев. К концу 1990-х гг. инфраструктура округа была значительно обновлена – возведены здания окружного музея, государственного архива, школы искусств в пос. Агинское, архитектурный комплекс «Бальжин-Хатан», гостиницы, здание театра «Дали Тэ», спортивный комплекс «Баатар» с 25-метровым бассейном. Для 44 % школ и 37 % детских садов построены новые корпуса, интернаты, спортзалы.

Агинский округ состоит из трех районов – Агинского (глава В. Ц. Цэдашиев, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, мастер спорта СССР), Дульдургинского (глава Б. Х. Галсанов) и Могойтуйского (глава Ю. Б. Шагдаров, заслуженный учитель школы Российской Федерации), 39 муниципальных образований (сел и поселков со статусом МО), в т. ч. 4 поселков городского типа. Административный, культурный центр и экономический центр – поселок Агинское.

¹ Забайкальский рабочий. – 1972. – 31 дек.; 1977. – 4 авг.

Б. Б. Жамсуев

Округ занимает 19,6 тыс. кв. км, что составляет 0,1 % площади Российской Федерации. Население округа – 78,7 тыс. чел., основными этническими группами являются буряты (45,1 тыс.) и русские (25,4 тыс.), 29,5 тыс. – представители более 50 национальностей – украинцы, башкиры, татары, азербайджанцы, армяне, литовцы и др. В городской местности проживают 31,3 тыс. чел., в сельской – 47,4 тыс. Основной отраслью экономики округа является сельское хозяйство, в котором 81,3 % от общего объема производства составляет продукция животноводства. Наиболее развито тонкорунное овцеводство (222 тыс. овец и коз), мясное и мясомолочное скотоводство (101,6 тыс. гол.), свиноводство (18,5 тыс. гол.), коневодство (15,9 тыс. лошадей)¹.

Округ располагает промышленно осваиваемыми месторождениями рудного и россыпного золота, тантала и вольфрама, лития и сурьмы, марганца и висмута, базальта и каменного угля. Здесь имеется около 45 природных источников минеральных вод, обладающих лечебным свойством, значительны запасы известняка, глины, песка и щебня.

В настоящее время округ является динамично развивающимся краем. Его экономика представлена более чем 30 коллективными сельхозпредприятиями, предприятиями и организациями горнодобывающей, пищевой, перерабатывающей, поли-

Б. Баденов,
бронзовый призер
Пекинской олимпиады
2008 г.

графической и местной промышленности, а также объектами энергетики, строительства, транспорта, связи и других отраслей. Благодаря вводу новых промышленных производств, в ассортименте выпускаемой округом продукции появились бутилированная природная минеральная вода, мебель из натуральной древесины, полиграфическая продукция, железобетонные изделия и конструкции, мясные консервы, широкий ассортимент кондитерских изделий, строительные блоки и т. д. По темпам производства промышленной продукции в 2004 г. Агинский Бурятский автономный округ занял 1-е место среди регионов Сибирского федерального округа.

В XX в. Агинский Бурятский округ Забайкальского края находился в трех формах административно-территориального подчинения: в составе Бурят-Монгольской АССР до 1937 г., в составе Читинской области – с 1937 по 1992 г., с 1992 г. существовал в статусе самостоятельного субъекта Российской Федерации. В 2007 г. Агинский Бурятский автономный округ был объединен с Читинской областью.

Округ гордится своими людьми – Героями Социалистического Труда Б. Мажиевым, Б. Доржиевым, Д. Пурбуевым, передовиками производства кавалерами орденов и правительственных наград Э. Жамсарановым, Г. Стафеевой, Ц. Лхамадиевым, Х. Юндуновой и др. Агу прославили народные артисты СССР Л. Линховоин, К. Базарсадаев, заслуженные деятели искусств РСФСР А. Арсаланов, Д. Яхунаев, Б. Цырендашиев, Б. Бороев и др.

¹ Экономика и социальная сфера Агинского Бурятского округа... – С. 1–26.

Заключение

На рубеже XIX – XX вв. зачатки капиталистических отношений на фоне многоукладности экономики, обилия пережитков, наличия сильных буддийских институтов – дацанов создали благоприятные условия для демократических преобразований в крае. Ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали повлиял на все стороны жизни сибирского общества: экономику, социальное, политическое и культурное развитие. В связи со строительством Транссиба постепенно менялась идеология отношения центра к Сибири вообще и Забайкалью в частности. Сибирь, считавшаяся сырьевым придатком, начала восприниматься как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на востоке страны.

После февральской революции и свержения царизма все общественные силы пришли в движение, начали выходить из подполья запрещенные политические партийные организации. В Верхнеудинске, центре Западного Забайкалья, был образован Совет рабочих и солдатских депутатов.

В крае не было самостоятельных организаций большевиков, они объединялись с меньшевиками. Это объяснялось социально-экономическими особенностями развития Сибири. Во-первых, из-за менее развитых, в сравнении с европейской частью

России, капиталистических отношений поляризация политических сил и, соответственно, противоречия капитализма проявлялись не столько явно. Во-вторых, в сибирской деревне земельный вопрос не стоял так остро, как в западных губерниях, поэтому большевики были вынуждены искать точки соприкосновения с другими социалистическими партиями, имевшими влияние на крестьян. В-третьих, условия сибирской ссылки привели к консолидации политических ссыльных.

Демократические преобразования в Бурятии стимулировали развитие национального движения: буряты высказывались за создание автономных органов самоуправления и упразднение старых волостных и булучных учреждений. Первый общенациональный съезд Забайкальской области и Иркутской губернии избрал Центральную Бурятскую национальную думу, одним из главных решений которой стало постановление о создании бурятской автономии по схеме сомон – хошун – аймак – Бурятский национальный комитет. Она включала в себя только бурятское население.

Весть о победе Октябрьской революции 1917 г. уже на следующий день достигла Верхнеудинска, где был создан комитет спасения революции, в который вошли представители партийных организаций

социал-демократов-интернационалистов, социал-революционеров, народных социалистов, Бунда, профсоюзов и гарнизонных комитетов. Инициатором его создания стал Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, требовавший «однородного социалистического правительства». В январе – феврале 1918 г. вся власть в Забайкалье перешла к Советам, однако до ее падения в середине 1918 г. большевистских организаций в регионе не было.

Лидеры национального движения стремились оградить бурятское население от влияния противоборствующих политических сил и создать национальную автономию, обращаясь за содействием к адмиралу Колчаку, атаману Семенову, японцам.

После побед Красной Армии на Восточном фронте во всех районах Бурятии активизировалось партизанское движение, в результате чего в конце января 1920 г. была освобождена большая часть территории Прибайкалья, а в марте – г. Верхнеудинск. Съезд представителей трудового народа приветствовал установившуюся в стране советскую власть, но ввиду сложной обстановки на Дальнем Востоке счел целесообразным образование самостоятельной автономной власти в пределах Забайкалья и Дальнего Востока – Дальневосточной Республики (ДРВ), которую официально признала Советская Россия.

С окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке в 1922 г. необходимость существования буферного государства исчезла, и решением ВЦИК Дальневосточная Республика была включена в состав РСФСР. Это создало возможность объединения двух бурят-монгольских автономных областей и создания единой Бурят-Монгольской АССР. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК Бурят-Монгольской АССР постановил объединить в единых границах все территории по обе стороны Байкала с компактно проживавшим бурятским населением. 90,5 % общего числа бурят стали жителями республики. С 1923 г. центром БМАССР стал город Верхнеудинск, переименованный в 1934 г. в Улан-Удэ.

В конце 1920-х – в 1930-е гг. начался процесс социалистической реконструкции народного хозяйства, индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции.

Невиданные темпы индустриализации требовали значительного увеличения капиталовложений. Как и в стране в целом, субсидирование промышленности велось за счет внутрипромышленного накопления и перераспределения национального

дохода через госбюджет в ее пользу. Основным источником финансирования индустриального рывка стала «перекачка» средств из аграрного сектора.

В годы 1-й пятилетки развернулось строительство крупных промышленных предприятий: паровозово-ремонтного завода, механизированного стекольного завода, мясоконсервного комбината, городской центральной электростанции и др. В их строительстве участвовали инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие из многих краев и областей Советского Союза. Формировались местные кадры рабочих, в т. ч. национальные. В начале 1938 г. в республике насчитывалось уже более 140 крупных промышленных предприятий, а производство электроэнергии за годы индустриализации увеличилось в 31 раз.

Переход к массовой коллективизации начался в конце 1920-х гг. Ликвидация пережитков патриархально-феодалных отношений, земельная реформа совпали по времени с колхозным строительством. К концу 2-й пятилетки коллективизация в целом была завершена. 91,6 % крестьянских хозяйств перешли в колхозы. Самые крепкие хозяйства были ликвидированы, около 1,5 тыс. крестьянских семей были выселены за пределы республики. В процессе коллективизации были допущены серьезные «перегибы», в результате которых пострадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и бедняки.

В ходе колхозного строительства кочевые и полукочевые бурятские и эвенкийские хозяйства были переведены на оседлость.

Культурная революция предусматривала ликвидацию неграмотности среди рабочих и крестьян, создание социалистической системы народного образования и просвещения, формирование нового социального слоя – социалистической интеллигенции, перестройку быта, развитие науки, литературы, искусства. Развитие советской культуры в 1930-е гг. имело противоречивый характер. С одной стороны, образование, наука, литература, художественная культура были взяты под строгий контроль, испытывали идеологическое давление, с другой – были достигнуты значительные успехи.

С созданием Бурят-Монгольского НИИЯЛИ появились научные труды по проблемам истории, этнографии, археологии, языкознания. Сформировалась бурятская художественная литература и профессиональное искусство. В республике были созданы творческие союзы писателей, художников

и композиторов, театры и государственная филармония. Успешно прошла первая Декада бурятской литературы и искусства в Москве.

За годы Великой Отечественной войны в армию было призвано около 100 тыс. военнообязанных из Бурятии. Формировались воинские части, проводилась подготовка военных кадров и резервов для армии, население проходило всеобщее военное обучение. Каждый день борьбы на фронте был материально обеспечен самоотверженным трудом работников тыла. В короткие сроки народное хозяйство республики было перестроено на военный лад. Жители Бурятии внесли достойный вклад в общее дело великой Победы.

Война потребовала новых усилий для возвращения народного хозяйства к условиям мирного времени. С этим было связано глубокое преобразование общества, которое в течение некоторого времени испытывало состояние повышенной мобильности. Общественные изменения проявились, прежде всего, в обновлении рабочего класса, увеличении притока женщин в народное хозяйство, в приоритете технической и профессиональной компетентности.

В послевоенные годы в Бурятии сформировался многоотраслевой хозяйственный комплекс. Реконструкция и техническое перевооружение предприятий позволили перевести их на выпуск новых видов продукции. Индустриальный облик республики стали определять машиностроение, электроэнергетика, угольная, горнорудная, лесная и деревообрабатывающая, легкая и пищевая промышленность, но в промышленном комплексе сложилась структура, специализировавшаяся на выпуске продукции для других регионов.

Значительная доля военно-промышленного комплекса в Бурятии оказала существенное влияние на инфраструктуру социально-экономического развития региона. Жестко централизованная система управления народным хозяйством привела к серьезным деформациям. Экстенсивный путь развития экономики, ведомственный диктат в освоении недр республики, приоритет интересов центранесли множество негативных последствий, особенно в экологии.

Изменения в принципах управления сельским хозяйством значительно оздоровили производственные отношения на селе, усилили взаимодействие города и села в рамках единого народнохозяйственного комплекса. Возросли энергетические

мощности сельского хозяйства, усилились процессы аграрно-промышленной интеграции и межхозяйственной кооперации. Развитие материально-технической базы сельского хозяйства, мелиорации и водного хозяйства, химизации способствовали интенсификации производства колхозов и совхозов. В целом республика развивалась в русле партийной политики «выравнивания уровней экономического развития» национальных регионов страны.

После 1985 г. новым партийным руководством страны были предприняты попытки реформирования экономики «сверху» на основе «обновления», «ускорения» и «гласности». Начатый демонтаж государственной системы, основой которой была партия, привел к разрушению управленческой вертикали и государственной власти. Ослабление партийной власти и централизма при отсутствии научно обоснованной стратегии преобразований государства и общества объективно привело к дестабилизации политической обстановки и сползанию страны в экономический, а затем и в глубокий системный кризис.

1990-е годы характеризовались кардинальными изменениями в экономике республики и округов. Отказ от планового ведения хозяйства и переход к рыночным отношениям потребовал расширения экономической самостоятельности предприятий и организаций, изменения форм их собственности. В связи с этим в республике, как в целом по стране, началась широкомасштабная кампания по разгосударствлению реального сектора экономики. С 1988 г. республика перешла на новые условия хозяйственной деятельности, предприятия переводились на самофинансирование и самоокупаемость. С 1990 г. перестала существовать система государственного планирования.

С распадом Союза ССР произошла смена общественно-политического устройства, экономического уклада, социальных отношений в обществе, изменилось само государство. Предметы ведения и полномочий были разделены между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Бурятия.

За годы радикальных реформ экономика республики оказалась в тяжелом положении. Быстро развивающиеся кризисные процессы затронули все отрасли материального производства. Кризис неплатежей, многократный рост цен и несвоевременная выплата заработной платы значительно снизили уровень жизни населения.

Социально-экономическое развитие Республики Бурятия во многом определялось неравной стартовой позицией в сравнении с другими регионами: дотационность, депрессивный характер экономики, неэкспортная специализация хозяйства, большая доля производств военно-промышленного комплекса, монопрофильность малых городов и поселков, удаленность от экономически развитых районов России, отсутствие внутреннего единства территории между БАМовским севером и аграрно-промышленным югом.

С началом процесса «перестройки» и демократизации жизни общества накопившиеся за многие годы проблемы и противоречия в области национально-культурного развития получили возможность «выхода наружу». Выразителем требований, связанных с решением национальных проблем,

стали, после десятилетий молчания, представители бурятской интеллигенции. Однако этнополитическая ситуация оставалась стабильной.

В начале XXI в. общественно-политическая жизнь Бурятии проходила в русле общероссийских тенденций: укрепление вертикали власти, сокращение объема полномочий региональных лидеров, формирование новой конфигурации политических партий, лидером среди которых стала «Единая Россия».

Основными задачами развития культуры в Бурятии стало сохранение культурного наследия народов республики, дальнейшее развитие культурного потенциала, поддержка культурных инноваций, реформирование государственной поддержки культуры и искусства.

Хронология событий

- 1900–1905** – строительство Кругобайкальского участка Транссибирской железнодорожной магистрали.
- 1900** – принятие закона «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области».
- 1901** – принятие закона «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области».
- 1900–1903** – первый этап бурятского национального движения.
- 1904 г.** – второй этап бурятского национального движения.
- 1904 г., февраль** – начало репрессивной политики властей против бурят.
- 1904–1905** – русско-японская война.
- 1905, 26–30 апреля** – Первый съезд бурят Забайкальской области в Чите.
- 1905, 20–26 августа** – съезд бурят Иркутской области.
- 1905–1907** – первая русская революция.
- 1906, май** – Первый съезд профессиональной политической организации учителей и деятелей народного образования «Буряад зоной туг» (Знамя бурятского народа).
- 1906, август** – Второй съезд «Буряад зоной туг».
- 1908 г.** – начало землеустроительных работ как основы переселенческой политики.
- 1910, сентябрь** – партийная конференция социал-демократов в Троицкосавске.
- 1910** – создание первого бурятского издательства «Наран» (Солнце) в Петербурге.
- 1912–1913** – подъем забастовочного, аграрного и национального движения в Бурятии.
- 1914, август** – начало первой мировой войны.
- 1916, 25 июня** – издание царского указа о «реквизиции инородцев».
- 1917, 27 февраля** – свержение царского самодержавия в Петрограде.
- 1917, 6 марта** – создание Совета рабочих и солдатских депутатов в Верхнеудинске.
- 1917, 22–24 апреля** – Всероссийская апрельская конференция РСДРП (б).
- 1917, апрель** – I съезд казаков Забайкальской области.
- 1917, 23–25 апреля** – Общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии.
- 1917, 10–16 июля** – Второй общепурятский съезд.

- 1917, 9–11 июля – Первая Забайкальская конференция РСДРП в Чите.
- 1917, 25 сентября – Вторая Забайкальская областная конференция РСДРП.
- 1917, 8–15 октября – Третий общебурятский съезд в Верхнеудинске.
- 1917, 25–26 октября – взятие рабочими, солдатами и матросами Зимнего дворца и арест Временного правительства. Октябрьская социалистическая революция.
- 1917, 27 октября – создание «Комитета спасения революции» в Верхнеудинске.
- 1918, 23 января – взятие власти Верхнеудинским Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
- 1918, 16–26 февраля – Второй Всесибирский съезд Советов в Иркутске.
- 1918, 4 марта – Забайкальская областная конференция РСДРП интернационалистов.
- 1918, март – Второй съезд представителей трудового населения Прибайкалья.
- 1918, 25 марта – 5 апреля – Третий съезд представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкалья в Чите.
- 1918, 7–20 июня – Третий съезд Советов Прибайкалья.
- 1918, 24–25 мая – Белочешский мятеж.
- 1918, 20–24 ноября – съезд бурят Забайкалья. Преобразование Бурнацкома в Бурнардуму.
- 1920, январь – освобождение большей части Прибайкалья от белогвардейцев и интервентов.
- 1920, 16 марта – совещание представителей бурят освобожденных аймаков Восточного Забайкалья в Верхнеудинске, создание временного Народно-революционного комитета для руководства национально-освободительным движением бурят Забайкалья.
- 1920, 28 марта – Учредительный съезд трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске.
- 1920, 23 мая – 3 июня – съезд представителей бурят Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков в Верхнеудинске, создание Бурят-Монгольского народно-революционного комитета (Бурнарревкома).
- 1920, октябрь – образование Дальневосточной республики.
- 1920, 14 октября – постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами».
- 1920, 17–26 октября – губернский съезд беспартийных бурят Иркутской губернии и советского Забайкалья.
- 1920, 24 декабря – выход первого номера газеты «Голос бурят-монгола».
- 1921, 17 января – признание правительством ДВР аймачных, хошунных и сомонных народно-революционных комитетов органами национального самоуправления.
- 1921, 12 февраля – Учредительное собрание ДВР в Чите.
- 1921, 8–16 марта – X съезд РКП (б). Провозглашение новой экономической политики - перехода от продразверстки к продналогу (НЭП).
- 1921, 27 апреля – образование Бурят-Монгольской области ДВР. Принятие Конституции ДВР.
- 1921, 12 октября – 3 ноября – Национальное собрание Бурят-Монгольской автономной области ДВР в Чите.
- 1921, 28 октября – 5 ноября – учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири.
- 1921, 13 ноября – первое заседание Бурятского обкома РКП (б).
- 1918–1922, май – теократическое балагатское движение.
- 1922, 9 января – Декрет ВЦИК об образовании Бурят-Монгольской автономной области РСФСР.
- 1922, 8 июня – образование Бурятского ученого комитета (Буручкома).
- 1922, 15 октября – создание Центрального духовного совета буддистов (ЦДС).
- 1922, 16 ноября – Постановление ВЦИК об упразднении ДВР и включении ее территории в состав РСФСР.
- 1922, 30 декабря – создание федеративного государственного объединения – СССР.
- 1923, 30 мая – Постановление Президиума ВЦИК об образовании Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики.
- 1923, 1 октября – Постановление ВЦИК об упразднении Прибайкальской губернии и включении ее территории в состав Бурят-Монгольской АССР.
- 1923, 4–10 декабря – Первый съезд Советов Бурятии в Верхнеудинске.
- 1923 г., декабрь – принятие постановления об организации Центрального совета физической культуры при ЦИК БМАССР.
- 1924 – открытие бурятского и русского педагогических техникумов.
- 1925, декабрь – XIV съезд ВКП(б). Курс на индустриализацию.
- 1925, 20–31 декабря – II буддийский собор Бурят-Монголии.
- 1927 – начало профессиональной деятельности первого в Верхнеудинске стационарного театра.

- 1927 – создание Бурят-Монгольского отделения Сибирского Союза писателей.
- 1928, август – III собор буддистов Бурят-Монголии.
- 1929 – открытие радиостанции в Верхнеудинске.
- 1930 – ликвидация безработицы в республике.
- 1930, 6 сентября – постановление СНК РСФСР «О земельной реформе в Бурят-Монгольской АССР».
- 1931 – переход бурятской письменности на латинскую графическую основу.
- 1931 – открытие техникума искусств в Верхнеудинске.
- 1932 – завершение коллективизации в Бурят-Монголии.
- 1932 – открытие Бурят-Монгольского государственного педагогического и агрозоотехнического институтов.
- 1932, 27 мая – решение бюро обкома ВКП (б) об организации в Бурят-Монголии единого Союза писателей и художников.
- 1932, 7 июня – открытие первого национального профессионального театра.
- 1932–1933 – введение всеобщего обязательного начального обучения.
- 1934 – первая продукция Джидинского вольфрамо-молибденового комбината.
- 1934, 27 июля – Постановление ВЦИК о переименовании Верхнеудинска в Улан-Удэ.
- 1935, январь – выпуск первых паровозов паровозоремонтным комбинатом.
- 1935, сентябрь – пуск первого в Сибири и на Дальнем Востоке механизированного стекольного завода.
- 1936, 19 марта – Постановление ЦИК БМАССР о реорганизации института культуры в Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы, истории (ГИЯЛИ).
- 1937, 11 августа – принятие Конституции Бурят-Монгольской АССР.
- 1937, 26 сентября – разделение Восточно-Сибирского края на Иркутскую, Читинскую области и Бурят-Монгольскую АССР. Раздел территории республики, выделение из ее состава 6 аймаков. Образование Усть-Ордынского национального округа в составе Иркутской области, Агинского национального округа в составе Читинской области.
- 1938, июнь – первые выборы в Верховный Совет Бурят-Монгольской АССР.
- 1939 – завершение ликвидации неграмотности в республике.
- 1940, 20 октября – открытие Декады искусства БМАССР в Москве.
- 1941, 22 июня – начало Великой Отечественной войны советского народа.
- 1942, декабрь – первая научная конференция по изучению и освоению экономических ресурсов БМАССР.
- 1945, 8 мая – капитуляция фашистской Германии. Победа в Великой Отечественной войне.
- 1946 – пуск Улан-Удэнской суконной фабрики.
- 1950, декабрь – Декада бурят-монгольской литературы в Москве.
- 1956 – бурятский боксер В. Сафронов стал первым олимпийским чемпионом нашей страны в боксе на Олимпиаде в Мельбурне.
- 1958, 27 июня – Постановление Президиума АН СССР о создании Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ) с непосредственным подчинением Президиуму СО АН СССР.
- 1959, 27 ноября – 8 декабря – Декада бурятской литературы и искусства в Москве.
- 1960, 10 июня – начало работы Улан-Удэнской студии телевидения.
- 1966, сентябрь – Постановление об организации Бурятского филиала СО АН СССР.
- 1971 – постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по сохранению природных богатств бассейна озера Байкал».
- 1972 – балет Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара» удостоен Государственной премии РСФСР.
- 1974, 8 июля – постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали».
- 1974, 10 ноября – создание треста «Нижеангарсктрансстрой» (НАТС).
- 1975 – создание Бурятского филиала научно-исследовательского института национальных школ.
- 1975, 9 января – создание Управления строительством БАМтоннельстрой (БТС).
- 1977, 3 марта – Бурятский театр драмы им. Х. Намсараева удостоен звания академического.
- 1979, 6 ноября – Бурятский академический театр оперы и балета удостоен звания «академический».
- 1981 г., апрель – создание Бурятского научно-исследовательского института сельского хозяйства Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (БурНИИСХ).
- 1984, октябрь – стыковка Бурятского и Читинского участков БАМ у разъезда Балбухта (Читинская область).

1990, сентябрь – Учредительная конференция Бурят-Монгольской народной партии (БМНП).

1990, 8 октября – принятие Верховным Советом Бурятской АССР Декларации о государственном суверенитете.

1991, 22 февраля – открытие первого Всебурятского съезда по консолидации и духовному возрождению нации.

1992 – закон «О языках народов Республики Бурятия», придание бурятскому языку статуса государственного.

1992 – традиционный народный праздник «Сагаалган» (Новый год по лунному календарю) стал официальным праздником республики.

1993, июнь – Постановление Верховного Совета Республики Бурятия, признание акта 1937 г. о разделе территории республики незаконным.

1994, июнь – выборы первого Президента РБ Л. В. Потапова.

1996 – создание общественно-политической организации «Конгресс бурятского народа (КБН)».

1996 – соглашение о создании Ассоциации парламентов трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов – с целью защиты интересов коренного населения, развития языка, культуры, обычаев и традиций.

1996, март – Второй общепурятский съезд.

1996, апрель – принятие Правительством России федеральной программы социально-экономического развития Республики Бурятия.

1996, ноябрь – Указ Президента РБ «О введении особого режима управления экономикой и социальной сферой».

1997, 4–5 апреля – Первый съезд народов Бурятии.

2006 – фестиваль бурятской культуры «Алтаргана» в Улан-Удэ.

2007 – Международная встреча старообрядцев «Путь Аввакума» под эгидой ЮНЕСКО.

2007, июнь – назначение В. В. Наговицына Президентом Бурятии.

2010, июль – IV Генеральная сессия Конвента монголов мира в Улан-Удэ.

2011, июль – 350-летие вхождения Бурятии в состав Российского государства.

Источники и литература

- 20 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. – 182 с.
- XVIII съезд ВПК(б): стеногр. отчет. – М.: ОГИЗ, 1939. – 742 с.
- Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник 1927–1930 гг. – Верхнеудинск: Изд-е ГОСПЛАНА БМАССР, 1931. – 215 с.
- Бурятия в цифрах: стат. сб. № 02-3.4. 1. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1999. – 81 с.
- Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930. – Верхнеудинск, 1931. – 534 с.
- Бурят-Монгольская автономная область. Экономическое и статистическое исследование. – Иркутск, 1922. – 202 с.
- Бурят-Монгольская АССР за десять лет. – Иркутск: ОГИЗ, 1933. – 137 с.
- Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету 4-го съезда Советов. 1926–128 гг. – Верхнеудинск, 1929. – 239 с.
- Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. – Верхнеудинск: Изд-е Госплана Б.-М. АССР, 1925. – 379 с.
- Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. – Верхнеудинск: Изд-е Госплана Б.-М. АССР, 1927. – 379 с.
- Бурят-Монгольская область ДВР. – Чита, 1923. – 122 с.
- Бурятская областная организация КПСС. Хроника. В 2-х кн. – Улан-Удэ, 1987, 1988.
- Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. – 1931. – № 5. – 15 дек. – 18 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: Бурят-Монгольская АССР. Т. VI. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 376 с.
- Демографическая ситуация в Республике Бурятия: аналитическая записка № 07-03-02. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2002. – 15 с.
- Десятая пятилетка Бурятии. Год пятый и итоги пятилетки. – Улан-Удэ, 1981. – 97 с.
- Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. – М., 1958. – 520 с.
- Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. – М., 1958.
- Доклад Президента Республики Бурятия Л. В. Потапова «Национальная политика и социально-экономическое развитие Республики Бурятия» // Материалы Первого съезда народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1997. – С. 13–14.
- Заседание Верховного Совета СССР (первая сессия). 12–19 марта 1946 г.: стенограф. отчет. – М., 1946. – С. 359–361.
- Инвестиционная привлекательность агропромышленного комплекса Республики Бурятия. Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [<http://egov-buryatia.ru/index.php?id=2840>].
- Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935 гг. – М., 1957. – 351 с.
- Комплексный доклад «Социально-экономическое развитие республики Бурятия: итоги 2003 года и перспективы на 2004 год». – Улан-Удэ, 2004.

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4: 1926–1929. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5: 1929–1932. – М.: Политиздат, 1984. – 446 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6: 1933–1937. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7: 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – 574 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8: 1946–1955. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9: 1956–1960. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10: 1961–1965. – М.: Политиздат, 1986. – 494 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12: 1971–1975. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13: 1976–1980. – М.: Политиздат, 1986. – 510 с.
- Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): док-ты и мат-лы. – Улан-Удэ, 1983. – 568 с.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40: Декабрь 1919 – апрель 1920. – М., 1963. – 506 с.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. – М., 1969. – 725 с.
- Ленин В. И. IX съезд РКП (б). Доклад Центрального Комитета // Полн. собр. соч. Т. 40. – С. 258–264.
- Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 246 с.
- Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 616 с.
- Материалы Первого съезда народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1997. – 44 с.
- Материалы по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1. – Улан-Удэ: Бур.-Монг. кн. изд-во, 1954. – 426 с.
- Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. – Верхнеудинск, 1926. – 42 с.
- Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02. – Улан-Удэ: Территориальный орган государственной статистики по РФ, 2008. – 57 с.
- Мулукаев Р. С. История национально-государственного строительства в СССР (1917–1978 гг.). – М.: Мысль, 1979. Т. 1. – 423 с.; Т. 2. – 399 с.
- Народное образование, наука и культура: стат. сб. – Улан-Удэ, 1981.
- Народное образование Бурятской АССР за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964.
- Народное образование, наука и культура: стат. сб. – Улан-Удэ, 1981. – 85 с.
- Народное хозяйство БурАССР в одиннадцатой пятилетке. 1981–1985 гг. – Улан-Удэ, 1986. – 144 с.
- Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. – Улан-Удэ, 1971. – 32 с.
- Народное хозяйство Бурят-Монгольской АССР: стат. сб. – Улан-Удэ: Бур.-Монг. изд-во, 1957. – 155 с.
- Народное хозяйство Иркутской области. – Иркутск, 1987.
- Народное хозяйство РСФСР: стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. – М.: Статистика, 1957. – 371 с.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987 – 766 с.
- Народное хозяйство СССР. 1922–1972. – М., 1972. – 848 с.
- Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Политиздат, 1980. – 32 с.
- Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2005. – 55 с.
- О партийной и советской печати: сб. док. – М.: Правда, 1954. – 692 с.
- Образование Бурятской АССР: сб. арх. док. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 270 с.
- Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год пятый и итоги пятилетки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 120 с.
- Одиннадцатая пятилетка Бурятии. Год третий. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 112 с.
- Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [http://burstat.gks.ru/vshp_predv/vshp/2006/].
- Отчет Правительства Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики. 1928–1930. – Верхнеудинск, 1930. – 97 с.

- Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3-х т. Т. 3. – Томск, 1991. – 344 с.
- Республика Бурятия – 75 лет: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. – 320 с.
- Республика Бурятия: краткий энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 1998. – 315 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 3. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.
- Россия в цифрах: краткий ст. сб. – М.: Госкомстат РФ, 2003. – 398 с.
- Сборник директив Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. – Верхнеудинск, 1932. – 52 с.
- Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. – 152 с.
- Список религиозных организаций, сведения о которых внесены в реестр по состоянию на 20 августа 2010 года // <http://minust.e-baikal.ru/uprg> (Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия).
- Сталин И. В. Полн. собр. соч. Т. 12. – М., 1953. – 398 с.
- Статистика социальных аномалий (Аналитическая записка). – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2002. – 12 с.
- Статистический ежегодник по Республике Бурятия: стат. сб. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2004. – 320 с.
- Статистический ежегодник. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2005. – 236 с.
- Третий съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. – Верхнеудинск, 1927. – 91 с.
- Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии: эволюция верований и культов селенгинских бурят. – М.: Наука, 1992. – 142 с.
- Абаева Л., Цыренов С. Республика Бурятия. Модель этнологического мониторинга. – М., 1999. – 95 с.
- Абашеев Д. А. Краткий словарь военно-политических терминов. – Улан-Удэ: Бургиз, 1941. – 112 с.
- Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – 656 с.
- Абзаев П. Б., Батомункуева Е. П. Процессы трансформации социальной структуры российского общества на пороге XXI века (на примере РБ) // Интеграционные процессы постсоветской экономики и стран АТР на рубеже 20–21 вв.: состояние, проблемы, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. – Улан-Удэ, 2002. – С. 72–75.
- Агалов В. К., Атанов Н. И. Экономика Бурятии на современном этапе // Республика Бурятия – государство в составе РФ (к 75-летию образования). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1998. – С. 41–62.
- Актуальные проблемы истории Бурятии: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ин-т общ-х наук СО АН СССР, 1990. – 92 с.
- Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. – Ч. 2. 1951–1970 гг. – 272 с.
- Алексеев М. Л. Основные итоги и проблемы капитального строительства в Бурятской АССР. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 19 с.
- Анисков В. Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. – М., 1979.
- Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. – Новосибирск, 1990. – 185 с.
- Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири в конце XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 266 с.
- Атаман Семенов. О себе. Воспоминания. Мысли и выводы. 1904–1921 / Г. Д. Семенов. – М.: Центрполиграф, 2007. – 304 с.
- Аюшеев А. Д., Ендонов Ч. З. Роль государственного бюджета в коммунистическом строительстве БурАССР. – Улан-Удэ, 1963. – 123 с.
- Бадмацыренов С. С. Октябрь и всеобуч в Бурятии (из опыта работы областной партийной организации по осуществлению всеобуча). – Улан-Удэ, 1968. – 242 с.
- Базаржапов В. Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1996. – 103 с.
- Базаржапов В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. Б. Б. Батуев. – Новосибирск: Наука, 1981. – 255 с.
- Базаржапов В. Б. Трудовой подвиг тыла. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2000. – 160 с.
- Базаров Б. В. Критики и самокритики послевоенных лет // Байкал. – 1990. – № 2. – С. 102–109.
- Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–50-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. – Улан-Удэ, 1995. – 193 с.
- Базаров Б. В., Курас Л. В. Репрессивная политика Советского государства 1920 – начала 1950-х гг. (на материалах Республики Бурятия) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Т. 1: А–Б–В. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 3–24.
- Базаров Б. В., Шагдуров Ю. П. О судьбах чекистов в Бурятии в 30-е годы // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 62–69.
- Базаров В. Б. Мифы и реальности реформирования сельского хозяйства Бурятии. – Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2002. – 57 с.
- Байкало-Амурская магистраль на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / Отв. ред. И. В. Гордиенко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 217 с.

- Байкалов Н. С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 198 с.
- Баймеев Г. Б. На ковер вызываются... – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. – 144 с.
- Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 431 с.
- Балдано М. Н. Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960–1985 гг.: итоги и проблемы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 159 с.
- Балдано М. Н. Советская модель урбанизации // Вестник БГУ. Сер. История. – Вып. 7. – 2009. – С. 53–56.
- Балдано С. В. Развитие и формирование художественной интеллигенции Бурятии (1923–1991 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 159 с.
- Балтырова Л. Б. Земельные ресурсы Бурятской АССР, их оценка и землепользование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 70 с.
- Бальхаева И. Х. Формирование кадрового потенциала республики вузами Бурятии (1932–1996 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – 172 с.
- БАМ – стройка века. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 205 с.
- БАМ – стройка дружбы / Сост. Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 208 с.
- БАМ продолжается. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 224 с.
- Барадин Б. Б. Бурят-монголы: краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. – Верхнеудинск: Бурят.-монг. науч. о-во им. Д. Банзарова, 1927. – 16 с.
- Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. – Улан-Удэ, 1964. – 128 с.
- Батоев Д. Б. и др. История здравоохранения Бурятии (конец XVIII в. – 1960-е гг.) / Д. Б. Батоев, С. Д. Батоев, Т. Д. Дугаржапова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. – 260 с.
- Батоцыренов В. Е., Лубсанов Б. Д. Советская историография Бурятии. – Улан-Удэ, 1980. – 72 с.
- Батуев Б. Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 223 с.
- Батуев Б. Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 215 с.
- Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерк истории селенгинских бурят. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – 101 с.
- Батуева И. Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков: историко-этногр. очерк. – Улан-Удэ, 1992. – 217 с.
- Безносков В., Наумкин А., Тармаханов Е., Четкин П. Гигант Бурятии. – Улан-Удэ, 1960. – 154 с.
- Беликов В. В. Эвенки Бурятии: история и современность. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. – 175 с.
- Беликов В. В. Повышение культурно-технического уровня рабочего класса Бурятии в период развитого социализма. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. – 103 с.
- Беляков А. М. Социально-экономическое развитие республики в современных условиях // Великий Октябрь и развитие бурятского народа. – Улан-Удэ, 1987. – С. 24–54.
- Берсенев Л. Ф. Прокламации читинских большевиков в годы реакции // Проблемы краеведения. Вып. 7. – Чита, 1972. – С. 8–10.
- Бильтриков В. Н. Восточно-Сибирский государственный технологический университет. 1962–2002 гг. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2002. – 334 с.
- Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 138 с.
- Бирюков В. Г. Дороги жизни. – М.: РИЦ ИСПИРАН, 2004. – 279 с.
- Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – Верхнеудинск: Бурят.-монг. изд-во, 1926. – 233 с.
- Бороносова Т. А. Графика Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 192 с.
- Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. – Чита; Иркутск, 1967. – С. 188.
- Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.): воспоминания и материалы к 20-летию разгрома иностранной военной интервенции и белогвардейщины в Бурят-Монголии. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 281 с.
- Борьба за Советы в Забайкалье: сб. статей. – Чита: Читинское обл. изд-во, 1947. – 373 с.
- Боянова В. Р. Краткий очерк развития здравоохранения Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – 24 с.
- Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). – Новосибирск: Наука, СО, 1984. – 271 с.
- Буркина А. А., Осинский И. И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие. – Улан-Удэ, 1998. – 114 с.
- Бурятия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 452 с.
- Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2003. – 250 с.
- Бурятия шагает в будущее. – Улан-Удэ, 1963. – 138 с.
- Бурят-Монголия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. К. Золотоев; ред. Г. Н. Румянцев, П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ, 1956. – 114 с.

- Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика. Очерки и отчеты. 1923–1924 гг. – Верхнеудинск, 1925. – 379 с.
- Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО БГСХА, 2006. – 239 с.
- Буряты в зеркале статистики. – Улан-Удэ, 1996. – 28 с.
- Буряты. – М.: Наука, 2004. – 633 с.
- Буянтуев Б. Р., Раднаев Г. Ш. Советская Бурят-Монголия. – Улан-Удэ, 1957. – 352 с.
- Буянтуев Б. Р., Дерюгина В. Н., Раднаев Г. Ш. Очерк народного хозяйства Бурятии. – Улан-Удэ, 1963. – 200 с.
- В сердце моем БАМ. – Улан-Удэ, 2010. – 160 с.
- Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. – Улан-Удэ, 2006. – 154 с.
- Василевский В. И. Забайкальская белая государственность: краткие очерки истории. – Чита: Поиск, 2000. – 182 с.
- Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М.: Институт Российской истории, 2001. – 214 с.
- Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 233 с.
- Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 2007. – 232 с.
- Ветеринарная служба Республики Бурятия: очерки истории / Сост. Б. Э. Бальбаров, В. Б. Бадмаев. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – 456 с.
- Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
- Власть и бизнес Аги. – Улан-Удэ, 2005.
- Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1948. – 171 с.
- Вопросы здравоохранения Забайкалья в плане научных исследований Читинского медицинского института. – Чита, 1960. – 56 с.
- Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. – М.: Политиздат, 1975. – 283 с.
- Вяткина К. В. Буряты // Народы Сибири. – М.; Л., 1956. – С. 217–266.
- Галданов Ц. Б. Экономические проблемы интенсификации сельского хозяйства БурАССР. – Улан-Удэ, 1969. – 96 с.
- Галданов Ц. Е., Дериглазов А. М. Социально-экономические преобразования сельского хозяйства БМАССР и перспективы его дальнейшего развития (20–70-е гг.) // Экономические проблемы развития сельского хозяйства Сибири. – Новосибирск, 1977. – 114 с.
- Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. – Новосибирск, 1983. – 233 с.
- Гаркуша Ю. А. Из истории борьбы Бурят-Монгольской партийной организации за проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства // Труды Бурят-Монгольского зооветеринарного института. – Улан-Удэ, 1957. Вып. XII. – С. 87–161.
- Гаськов М. М. Социалистическое соревнование в колхозах и совхозах Бурятии. – Улан-Удэ, 1970. – 55 с.
- Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в 19 – нач. 20 в. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1957. – 215 с.
- Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 179 с.
- Герасимова К. М. Сущность изменения буддизма. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – 185 с.
- Герои Социалистического Труда. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – 169 с.
- Гирченко В. П. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии в 1918–1920 гг. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1940. – 109 с.
- Глазьев С. Ю. Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М.: БСГ-Пресс, 2003. – С. 7.
- Гомбоев Д. Ш. Земельные отношения в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. – 248 с.
- Государственный русский драматический театр им. Н. Бестужева. – Улан-Удэ, 2006. – 12 с.
- Гранат Е. Е., Згоржельская Е. Н. Бурятские дети: труды научной экспедиции Наркомздрава и деткомиссии ВЦИКа по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей Бурят-Монгольской АССР. – М.: ОГИЗ, Молодая Гвардия, 1931. – 160 с.
- Гудаборшев А. Малые народы большой России // Независимая газета. – 1999. – 24 февр.
- Гусарова Т. О., Курас Л. В., Суш С. П. Уголовно-исполнительная система Республики Бурятия (1923–1991 гг.). – Улан-Удэ, 2009. – 263 с.
- Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX). – Иркутск, 1986. – 287 с.
- Дамешек Л. М. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – М.: Прогресс, 1995. – 544 с.
- Данзанова А. А. Обновленческое движение в Бурятии в 20-е гг. // Проблемы истории и национально-культурного строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 1998. – С. 189–192.
- Дарибазарон Э. Ч. Теократическое движение в Хоринском ведомстве Бурятии (1919–1926 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 180 с.
- Двадцать лет БМАССР. – Улан-Удэ, 1943.

- Дележа Е. М. Формирование русского театра в Забайкалье (вторая половина XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1997. – 118 с.
- Делягин М. Г. Идеология возрождения. Как мы уйдем из нищеты и малярии. – М., 2000. – 192 с.
- Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. – Новосибирск, 1978. – 196 с.
- Демин Э. В., Панов А. Б. Инженерное обследование строений Посольского монастыря на Байкале. – Улан-Удэ, 2003. – 162 с.
- Демографическое и социальное развитие Бурятской АССР. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1990. – 189 с.
- Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1946–1950. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1972. – 212 с.
- Долгая дорога БАМа // Секретные материалы 20 века. Спец. вып. – 2004. – № 2. – 89 с.
- Долгополов А. А. Развитие сельскохозяйственного производства Усть-Ордынского Бурятского автономного округа // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского национального округа в XX веке. – Иркутск, 2002. – С. 232–245.
- Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. – 180 с.
- Доржиев Б. Ш. Закамна. Исторический очерк. – Улан-Удэ, 1993. – 113 с.
- Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-е годы (Хроника языком документа). – Улан-Удэ, 1993. – 82 с.
- Дулов А. В. Русское православие: очерк истории. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. – 303 с.
- Егунов Н. П. В. И. Трубочеев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. – 144 с.
- Егунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 316 с.
- Егунов Н. П. М. И. Амагаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 100 с.
- Егунов Н. П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 198 с.
- Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994. – 178 с.
- Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – 352 с.
- Елаев Н. К. Бурятская школа. История, проблемы и опыт национализации. – Улан-Удэ, 1994. – 112 с.
- Емельянов В. И. Воины Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1999. – С. 21–22.
- Ербанов М. Н. Вопросы культурно-национального строительства в Бурятии: краткий очерк. – Верхнеудинск, 1926. – 27 с.
- Ербанов М. Н. Вперед к новым победам. – Улан-Удэ, 1935. – 64 с.
- Ербанов М. Н. Строительство Красной Бурятии. – Верхнеудинск, 1925. – 38 с.
- Ербанова С. Я. М. Н. Ербанов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 212 с.
- Ескевич Л. К вопросу о введении всеобщего начального обучения (в Бурятии) // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 10–12.
- Ефимкин М. М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х гг. – Новосибирск, 1990. – 222 с.
- Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
- Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий: энцикл. справочник. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. – 448 с.
- Железко С. Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. – М.: Статистика, 1980. – 183 с.
- Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и воспоминания (К 60-летию Победы). – Улан-Удэ, 2005. – 316 с.
- Женщины Советской Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – 178 с.
- Жинкин В. Н. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочевых бурят Агинского аймака. – Верхнеудинск, 1927. – 57 с.
- Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1977. – 199 с.
- Зайцева Л. А. Очерки аграрной истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – 214 с.
- Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии (1930–1950-е гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 280 с.
- Зайцева Л. А., Карначев А. Е., Яковлев А. Л. Институт дополнительного профессионального образования и инноваций БГСХА им. В. Р. Филиппова (История формирования квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2008. – 224 с.
- Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Очерки истории БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. – 260 с.
- Залкинд Е. М. Изучение истории, литературы и экономики Бурят-Монголии // XX лет БМАССР. – Улан-Удэ, 1943. – С. 167–173.
- Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные переменные:

- мониторинг общественного мнения. – М., 1996. – С. 7–15.
- Затеев В. И. Формирование и расцвет бурятской социалистической нации. – Улан-Удэ, 1961. – 174 с.
- Зверьков С. Классовое расслоение крестьянства в Бурят-Монголии. – Верхнеудинск, 1930. – 31 с.
- Здравоохранению БАМ – 15 лет. – Тында, 1990. – 93 с.
- Зима В. Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.
- Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 166 с.
- Золотоев А. К. Воины Бурятии в Отечественной войне. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 182 с.
- Зубков К. И. Современная буржуазная историография индустриального развития Сибири 1950–1980 гг. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 164 с.
- Иванов Л. Р., Булсунаев Ю. К., Маланов А. К. Естественное движение населения коренного народа Сибири в XIX–XX вв. // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского национального округа в XX веке. – Иркутск, 2002. – С. 156–164.
- Иванов М. Б. Деятельность партийной организации по подготовке и воспитанию кадров сельского хозяйства в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941) // Из истории партийной организации Бурятии. – Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. – С. 211–215.
- Ивашенко И. К. Деятельность эвакогоспиталей Бурятии (1941–1945) // Советское здравоохранение. – 1985. – № 5. – С. 55–59.
- Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. – 269 с.
- Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов. – Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 2001. – 260 с.
- Избранные вопросы истории медицины Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – 112 с.
- Изобразительное искусство автономных республик РСФСР. – Л., 1973. – 473 с.
- Инвестиционная привлекательность агропромышленного комплекса Республики Бурятия // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. /<http://egov-buryatia.ru/index.php?id=2840>.
- Ирильдеев В. Г. Приоритеты государственной социально-экономической политики в РБ // Интеграционные процессы постсоветской экономики и стран АТР на рубеже 20–21 вв.: состояние, проблемы, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2002. Т. 1. – С. 24.
- Историко-культурный атлас Бурятии. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. – 606 с.
- Историография индустриального развития национальных районов Сибири (1917–1987): сб. ст. / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. науч. центр. Ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. – 107 с.
- Историография рабочего класса и индустриального освоения Сибири (советский период). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989.
- Историография социально-экономического развития Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-х годах. Кн. II. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 210 с.
- История Бурятии. Век XX. Ч. 1. – Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1993. – 76 с.
- История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – 495 с.
- История Бурят-Монгольской АССР. В 2 т. / Редкол.: П. Т. Хаптаев и др. Т. 1. – Улан-Удэ, 1954. – 627 с.; Т. 2. – Улан-Удэ, 1959. – 643 с.
- История бурятской советской литературы. Т. 3. Современная бурятская литература (1956–1995). – Улан-Удэ, 1997. – 298 с.
- История Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. – М., 1963.
- История профсоюза работников здравоохранения в Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2002. – 110 с.
- История рабочего класса Восточного Забайкалья (1923–1975 гг.): сб. док. и материалов. Т. 2 / Сост. Ю. Э. Аршинский и др. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 391 с.
- История рабочего класса Сибири в период упрочения и развития социализма. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 376 с.
- История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. – Улан-Удэ, 1971. – 189 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 5. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 470 с.
- История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.
- История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / Ответ. ред. Л. М. Дамешек. – М.: Прогресс, 1995. – 544 с.
- Итигилова Л. Инвестиционный рейтинг Бурятии в 1999 г. // Бурятия. – 2000. – 19 янв.
- Казарин В. И. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск, 1998. – 308 с.
- Калмыков С. В. Исследовательский университет Байкальской Азии. – Новосибирск: Наука, 2010. – 222 с.
- Карачаков Д. М. Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири:

- исторический опыт и уроки (1961–1985 гг.). – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1998. – 184 с.
- Карнаухова Е. С. Колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1947.
- Карначев А. Е. Экономическое и социально-культурное развитие села Бурятии в 1960-е годы. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2010. – 133 с.
- Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. – 440 с.
- Киреев Б. Бурят-Монгольская АССР на пороге второго пятилетия. – М.; Л., 1933. – 31 с.
- Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1918. – С. 37–68.
- Клеменц Д. Население Сибири. Иногородцы // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды: сб. ст. / Ред. И. С. Мельник. – СПб., 1908. – 294 с.
- Климов А. Герои Социалистического Труда Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – 168 с.
- Клопов Э. В. Рабочий класс СССР (тенденция развития в 60–70-е гг.). – М.: Мысль, 1985. – 335 с.
- Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская АССР: географический и хозяйственный очерк. – Иркутск; Верхнеудинск, 1928. – 70 с.
- Козьмин Н. Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Бурятской республике. – Верхнеудинск, 1924. – 18 с.
- Комогорцев И. И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). – Новосибирск: Наука, 1971. – 310 с.
- Комогорцев И. И. Сибирь индустриальная. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 183 с.
- Космачев П. А. Земля и люди: очерки истории крестьянства и сельского хозяйства Читинской области. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – 160 с.
- Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941–1952 гг. // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 87–89.
- Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2007. – 204 с.
- Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999. – 196 с.
- Котляр Э. С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа. – 240 с.
- Крестьянские мятежи и восстания в Бурятии в 20–30-е годы (Хроника языком документа) / Сост. Л. Д. Доржиев. – Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1993. – 82 с.
- Кричевникер Е. М. Золотые Звезды воинов Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 169 с.
- Кряжев Е. А., Осинский И. И. Рабочие Бурятии 90-х гг. Социальная структура. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. – 144 с.
- Кубанцева М. А. К вопросу о причинах низкого прироста бурят-монгольского населения // Советская медицина Восточной Сибири. – Иркутск, 1931. – С. 4–5.
- Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1936. – 58 с.
- Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 510 с.
- Кузьмин Д. Экономика Бурятии берет разгон // Бурятия. – 2002. – 21 июня.
- Культура Бурятии в условиях развитого социализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 222 с.
- Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): док. и материалы. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 537 с.
- Культурные процессы в Республике Бурятия: оценки в глазах населения (опыт социологического изучения) / Ю. Б. Рандалов, В. Б. Прокопьев, Е. В. Матвеева, С. П. Татарова, М. В. Молошик. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 297 с.
- Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. – М.: Наука, 1967. – 328 с.
- Куницын О. Музыка Советской Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. – 206 с.
- Куницын О. Музыкальный театр Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. – 256 с.
- Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН. – Новосибирск: Гео, 2006. – 439 с.
- Курас Л. В., Данзанова А. А. К вопросу о репрессиях ламского духовенства в Бурятии (конец 1920 – начало 1930-х гг.) // Религиозные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 161–169.
- Лейсон Э. Л. Наш дом – БАМ: рассказ о бойцах отряда «Комсомолец Эстонии». – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 144 с.
- Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 304 с.
- Лепехов С. Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации. – Улан-Удэ, 1999. – 190 с.
- Локосов В. В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования (Соис). – 1998. – № 4. – С. 86–94.
- Лукьянов М. А. Кабанск. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 50 с.
- Мадуев Н. Ю. Союз деятелей народного творчества как форма профессионального и социального объединения

- работников культуры. Самодеятельное художественное творчество как социально-культурная деятельность, его роль и значение в обществе. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1997. – 28 с.
- Малов Н. И. Экономические проблемы здравоохранения. – М.: Экономика, 1990. – 48 с.
- Малоземцева А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. – Иркутск, 1961. – 196 с.
- Мангатаева Д. Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.
- Мангутов Н. Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917–1933 гг.). – Улан-Удэ, 1960. – 214 с.
- Манзанов Г. Е. Религиозные традиции в культуре бурятского народа. – Улан-Удэ, 2005. – 192 с.
- Материалы Всебурятского съезда по консолидации и духовному возрождению нации (22–24 февр. 1991 г.). – Улан-Удэ, 1996. – 142 с.
- Материалы по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Вып. 1. – Улан-Удэ: Бур.-Монг. кн. изд-во, 1954. – 295 с.
- Материалы по статистике Бурятии. Вып. II. – Верхнеудинск, 1931. – 458 с.
- Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – 191 с.
- Митрофанов А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1960. – 453 с.
- Митрохин С. С. Модели федерализма. В поисках альтернативы хаосу и распаду // Федерализм. – 1997. – № 1 (5). – С. 103–119.
- Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 143 с.
- Митупов Б. М., Санжиев Г. Л. Руководство бурятской партийной организацией культурной революцией в республике (1929–1937 гг.). – Улан-Удэ: Бургиз, 1962. – 183 с.
- Митупов К. Б.-М. Рабочий класс в социальных процессах Бурятии (1930–1970-е гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – 244 с.
- Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии (1938–1960). – Новосибирск, 1986. – 168 с.
- Митупов К. Б.-М., Харитонов Е. Г. Воспроизводство рабочего класса Бурятии (1960–1970 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – 158 с.
- Митыпова Г. С. Православная церковь в Бурятии. XX–XXI вв. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2006. – 111 с.
- Митыпова Г. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – 104 с.
- Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. – 232 с.
- Митыпова Г. С. НКВД и православная церковь в Бурятии (1920–1930-е годы) // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 50–55.
- Михайлова В. Т. Православная церковь и социум в Байкальской Сибири в пореформенный период (1861–1916 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. – 208 с.
- Могордоев М. О., Гомбоев Д. Ш. Переход бурят от кочевья к оседлости. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 135 с.
- Модогоев А. У. Годы и люди. – Улан-Удэ, 1993. – 142 с.
- Мохосоев М. В., Мантатов В. В. Наука Бурятии: история, проблемы, перспективы // Развитие науки в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. – С. 5–67.
- Мулукаев Р. С. История национально-государственного строительства в СССР (1917–1978 гг.). Т. 1. – М.: Мысль, 1979. – 423 с.; Т. 2. – 399 с.
- Найдаков В. Ц. Академическая наука в Бурятии // Республике Бурятия – 70 лет. – Улан-Удэ, 1993. – 179 с.
- Найдакова В. Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева – последняя четверть XX в. (1975–2002 гг.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. – 310 с.
- Найдакова В. Ц. Бурятский драматический театр от возникновения до 1970-х годов. В 2 ч. Ч. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. – 210 с.
- Найдакова В. Ц. Бурятский советский драматический театр. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 276 с.
- Найданова С. Б. Качество жизни населения Республики Бурятия в условиях реформ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 184 с.
- Намнанов Д. Д. Социально-экономические проблемы подготовки квалифицированных кадров здравоохранения Республики Бурятия. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. – 257 с.
- Намсараев С. Д. Развитие системы образования Бурятии на пороге III тысячелетия // Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). – Улан-Удэ, 1998. – С. 88–89.
- Намсараев С. Д. Система образования: пути становления и задачи реформы // Республике Бурятия – 70 лет. – Улан-Удэ, 1993. – С. 70–71.
- Наумова О. Е. Иркутская епархия: XVIII – первая половина XIX в. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1996. – 272 с.
- Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2004. – С. 7–14.

- Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). – Улан-Удэ, 1991. – 51 с.
- Николаев П. Н. Монолог перед занавесом. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 112 с.
- Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.
- Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2005. – 540 с.
- Одорова Т. Л. Книгораспространение в Бурятии. Советский период. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2003. – 79 с.
- Осинский И. И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – М., 1985. – 193 с.
- Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма / Ред. И. А. Асалханов, С. А. Максанов, Е. Е. Тармаханов и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 305 с.
- Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 612 с.
- Очерки истории культуры Бурятии. В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е. М. Залкинда. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 490 с.
- Очерки истории культуры Бурятии. В 2-х т. Т. 2 / Под ред. Г. Л. Санжиева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 647 с.
- Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997.
- Партизанское движение в Бурятии: сб. док. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – 456 с.
- Перестройка и социальные аспекты процесса возрождения и развития бурятского языка в общеобразовательных школах Республики Бурятия / Ю. Б. Рандалов, И. Н. Дашибалова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 169 с.
- Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): док. и материалы. – Владивосток, 1997. – 304 с.
- Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М.; Новосибирск: Российская политическая энциклопедия, Сибирский хронограф, 1997. – 597 с.
- Политическая элита Бурятии на современном этапе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 115 с.
- Помус М. И. Бурят-Монгольская АССР. – М., 1937. – 395 с.
- Попов В. Г. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.
- Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 620 с.
- Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1918. – С. 234–260.
- Потапов Л. В. От преодоления кризиса – к подъему экономики // Президентская власть в Бурятии. – Улан-Удэ, 2000. – С. 3–21.
- Потапов М. Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства (1921–1925 гг.). – Иркутск, 1949. – 165 с.
- Праведников А. А. Не склонившие головы. – Улан-Удэ, 1986. – 101 с.
- Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – 355 с.
- Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 216 с.
- Пубаев Р. Е., Семичов Б. В. Происхождение и сущность буддизма-ламаизма. – Улан-Удэ, 1960. – 48 с.
- Радаев В. В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной действительности // Вопросы экономики. – 2001. – № 6. – С. 60–79.
- Раднаев Б. Л. Транспорт востока России в новой социально-экономической и геополитической ситуации. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1996. – 128 с.
- Раднаев Г. Ш. Народнохозяйственный комплекс Бурятской АССР: структура, использование ресурсов, проблемы развития. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 251 с.
- Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. – 288 с.
- Рандалов Ю. Б. Об изменениях в социальной структуре бурятского населения // Проблемы истории и культурно-национального строительства: сб. ст. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1998. – С. 13–18.
- Рандалов Ю. Б., Хараев Б. В., Чукреев П. А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 114 с.
- Рандалов Ю. Б., Чукреев П. А. Некоторые особенности социально-психологических характеристик незанятых жителей Республики Бурятия в зависимости от их национальности // Проблемы истории и культурно-национального строительства: сб. ст. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1998. – С. 35–92.
- Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года: сб. док. / Под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1955. – 164 с.
- Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994. – 234 с.
- Российская книжная палата: Книгоиздание военных лет 1939–1945 гг. // <http://1945.bookchamber.ru/about.htm>.
- Рукавишников И. А. Пределы земельного обеспечения населения Бурятии. – Верхнеудинск, 1927. – 73 с.
- Русская православная церковь и право. – М.: БЕК, 1999. – 464 с.
- Русские в Бурятии: история и современность / Отв. ред. В. И. Затеев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – 578 с.
- Рывкина Р. В. Формирование новых экономических классов в России // Социс. – 1994. – № 4. – С. 40–42.

- Ряхов М. К вопросу о расслоении деревни // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 4–6. – С. 67–77.
- Савинова М. А. Новые религиозные организации на территории Бурятии (Сознание Кришны и Вера Бахаи). – Улан-Удэ, 1999. – 166 с.
- Савицкий И. М. Промышленные кадры в послевоенной Сибири (1946–1960 гг.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. – 238 с.
- Саганова Л. П. Архивные материалы как исторический источник по изучению немцев Бурятии в 1940-е гг. // Бурятия в годы Великой Отечественной войны: тез. и мат-лы докл. и сообщ. на респ. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. – С. 174–178.
- Самойлов Л. Д. По страницам завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). – М.: Мысль, 1986. – 303 с.
- Санданов Б. Д. Физическая культура и спорт в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1998. – 152 с.
- Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: люди и события). – Иркутск; Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1995. – С. 180.
- Санжиев Б. С. Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 356 с.
- Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1971. – 176 с.
- Санжиев Г. Л. Достойный вклад Бурятии в победу // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1999. – С. 3–14.
- Санжиев Г. Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. – 189 с.
- Санжиева Е. Г. Культпросветработа – общепартийное дело. – Улан-Удэ, 1985. – 128 с.
- Санжиева Л. Б. Печать Бурятии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – 113 с.
- Санжиева Т. Е. Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960–1985 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. – 164 с.
- Санжиева Т. Е. Электрификация советской Бурятии (1923–1983 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 144 с.
- Сборник научных трудов эвакогоспиталей Наркомздрава БМАССР в период Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1947. – 78 с.
- Сельскохозяйственная перепись 1923 года. Хошунные итоги по восточным аймакам БМАССР (Троицкосавскому, Верхнеудинскому, Баргузинскому, Хоринскому, Агинскому). – Верхнеудинск, 1926. – 67 с.
- Семенов Е. В. Католическая церковь в Забайкалье (1839 – 1930 гг.): очерк истории. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – 161 с.
- Семья в Бурятии: стат. сб. – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – 98 с.
- Слава и гордость агинской земли. 50-летию забайкальской тонкорунной породы овец. – Чита, 2006. – 146 с.
- Смирнов Е. И. Медицина и организация здравоохранения (1947–1953). – М., 1989. – 432 с.
- Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг. – Иркутск, 2010. – 246 с.
- Соболев Ю. А. Зона БАМ: пути экономического развития. – М.: Мысль, 1979. – 227 с.
- Соктоев И. А. Пути и методы формирования интеллигенции Бурятии // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – С. 16–17.
- Соктоев И. А. Формирование социалистической интеллигенции в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961.
- Соктоева И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1988. – 106 с.
- Соктоева И. И., Герасимова К. М. Бурятская деревянная скульптура. – Улан-Удэ, 1971. – 106 с.
- Солопов А. Н. Кого считали кулаком в 20-е годы (К истории предпосылок перегибов в деревне) // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 10. – С. 59–71.
- Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. – Новосибирск, 1965. – 265 с.
- Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933.
- Сперанский И. Н., Харченко Г. С. Первенец мясной индустрии востока (Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат). – Улан-Удэ: Бургиз, 1960. – 88 с.
- Столяров М. В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. – Казань, 1998. – 304 с.
- Тармаханов Е. Е., Палхаева Е. Н. Усть-Ордынский Бурятский округ в канун и в годы Великой Отечественной войны: краткий научно-популярный исторический очерк / Отв. ред. Г. Д. Басаев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 96 с.
- Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс советской Бурятии. 1938–1958. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. – 333 с.

- Тармаханов Е. Е., Дамешек Л. М., Санжиева Т. Е. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: уч. пос. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. – 192 с.
- Тармаханов, Е. Е. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны: проблемы занятости / Е. Е. Тармаханов, И. В. Гордина; ред. Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 198 с.
- Тепцов Н. В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- Трасса мужества. Бурятский участок БАМа. – Улан-Удэ, 2005. – 272 с.
- Труд и занятость в Бурятии: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2003. – 71 с.
- Туйск А. Г. Исследования в области экономики БМАССР // К 35-летию ин-та культуры: сб. ст. – Улан-Удэ, 1958. – С. 109–118.
- Туйск А. Г. Топливная промышленность и электроэнергетика Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1969. – 102 с.
- Тумунов Ж. Т. Ага и агинцы (1917–1990 гг.). – Улан-Удэ, 1993. – 192 с.
- Тумунов Ж. Т. Очерки истории агинских бурят. – Улан-Удэ, 1988. – 176 с.
- Тыхеева С. А. 95 незабываемых дней: документальная повесть. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. – 135 с.
- Тюшев В. П. Из истории подготовительного периода коллективизации в БМАССР // Уч. зап. БМГПИ им. Д. Банзарова. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1953. – 161 с.
- Урбанаева И. С., Михайлов Т. М., Рандалов Ю. Б. и др. Национальный вопрос в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1989. – 21 с.
- Фомин В. А., Мантуров С. В. Вековой путь физической культуры и спорта в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 72 с.
- Хабаев М. П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. – Улан-Удэ, 1983. – 88 с.
- Хабалов Н. Т. Развитие топливно-энергетического комплекса в Восточно-Сибирском регионе. 1965–1995 гг. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1998. – 191 с.
- Халбаев М. Н. Индустриальное развитие национальных районов Сибири. 1959–1970. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – 256 с.
- Халбаева М. М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – 208 с.
- Халбаева М. М. Промышленное развитие Бурятии: опыт и проблемы 70-х годов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. – 147 с.
- Халбаева-Боронова М. М. Бурятия: Проблемы комплексного развития региона (исторический аспект исследования). 1960–1990 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – 192 с.
- Хамаганов М. П. Критические заметки о бурят-монгольской литературе. Зап. БМНИИКЭ. – Улан-Удэ, 1948. – С. 180–200.
- Хамаганов М. П. Против космополитизма, за большевистскую партийность в литературе // Байкал. – 1949. – № 1. – С. 148–152.
- Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 262 с.
- Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. – Улан-Удэ: Бургаз, 1938. – 147 с.
- Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Ч. I–II. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 336 с.
- Харахинов М. К. Десять лет на фронте здравоохранения в БМАССР // К 10-летию Бурят-Монгольской АССР. – Иркутск, 1933. – 35 с.
- Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вт. пол. XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2005. – 512 с.
- Хатылаев И. И. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири (1921–1937 гг.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 171 с.
- Хышигтуев О. В. Конституционно-правовой статус Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1996. – 125 с.
- Цибиков Б. Д. Культурное строительство в Бурят-Монголии в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925) // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Вып. 20. – Улан-Удэ, 1955. – С. 42–68.
- Цыкунов Г. А. Ангара-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. – 176 с.
- Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. – 162 с.
- Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – 300 с.
- Цыренов Г. Д. Наши земляки – Герои Советского Союза. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – 240 с.
- Чернявский У. Г. Война и продовольствие. – М., 1964.
- Чукреев П. А. Незанятые: настроения, ожидания, намерения (опыт социологического исследования). – Улан-Удэ, 1996. – 120 с.

- Шагдуров Ю. П. Государство и религиозные конфессии Бурятия в 1920–30 гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1998. – С. 19–23.
- Шаталин С. С., Гайдар Е. Т. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. – М.: Экономика, 1989. – 110 с.
- Ширапов Ю. С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. – Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. – 47 с.
- Шнипер Р. И., Туйск А. Г. Бурят-Монгольская АССР в 5-й пятилетке. – Улан-Удэ, 1953. – 64 с.
- Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. – Новосибирск, 1963. – 646 с.
- Штейнберг Л. Я. Инородцы (общий обзор). Буряты // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. – СПб.: Общественная Польза, 1910. – 821 с.
- Шулунов Ф. И. Формирование промышленности Бурятии и ее развитие в послевоенный период: ист.-экон. очерк. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – 158 с.
- Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.) / Под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1972. – 493 с.
- Шумяцкий Борис Захарович (биография) // Деятели СССР и революционного движения России: энц. словарь «Гранат». – М., 1989. – С. 771–773.
- Экономика и социальная сфера Агинского бурятского округа в 2010 г. // Статистический сборник. – Агинское, 2011. – 176 с.
- Экономическое и социальное развитие Бурятской АССР (Итоги и перспективы) / Отв. ред. В. Е. Дырхеев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 253 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Агинский бурятский округ. – Новосибирск, 2009. – 352 с.
- Яковлев А. Л. Сельское хозяйство Забайкалья в 50-е годы XX века. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2006. – 129 с.
- Янданов Г. А. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Бурятии. 1929–1937 гг. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 114 с.

При подготовке издания использованы материалы следующих архивов:

Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Бурятия (УФСБ РФ по РБ).

Государственный архив Новосибирской области (ГАО).

Государственный архив Агинского Бурятского округа (ГА АБАО).

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).

Государственный архив Иркутской области (ГАИО).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Научный архив Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (НА БНЦ СО РАН).

Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Текущий архив Госагропрома Бурятской АССР.

Текущий архив Нижнеангарсктрансстроя.

Текущий архив Северобайкальского отделения БАМ.

Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ ИО).

Центральный архив Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦА ВЦСПС)

Сведения об авторах

- Базаржапов Владимир Батомункуевич, д-р ист. н., проф. кафедры истории и архивного дела ФГОУ ВПО ВСГТУ.
- Базаров Борис Ванданович, д-р ист. н., чл.-кор. РАН, директор ИМБТ СО РАН.
- Базарова Валентина Владимировна, д-р ист. н., доц., вед. науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Базарова Галина Дашиевна, канд. ист. н., нач. отдела науки и инноваций Министерства образования и науки РБ.
- Балдано Марина Намжиловна, д-р ист. н., проф., зав. отделом истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН.
- Балдано Светлана Викторовна, канд. ист. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Башкуев Всеволод Юрьевич, канд. ист. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Бильтрикова Аюна Владимировна, канд. социол. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Васильева Светлана Владимировна, канд. ист. н., доцент кафедры истории Отечества ГОУ ВПО БГУ.
- Дагбаев Эрдэм Данзанович, д-р политологии, проф., генеральный директор издательского дома «Буряд Унэн».
- Даржаев Саян Юрьевич, канд. ист. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Дашибалова Ирина Николаевна, канд. социол. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Елаев Александр Афанасьевич, д-р ист. н., проф., начальник Управления по делам архивов РБ.
- Жалсанова Валентина Гуружаповна, канд. социол. н., ст. науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Зайцева Любовь Алексеевна, д-р ист. н., проф., зав. кафедрой истории России ФГОУ ВПО БГСХА им. В. Р. Филиппова.
- Иминохоев Александр Михайлович, канд. ист. н., ст. преп. каф. политологии, философии, истории БФ ГОУ ВПО СГУТИ.
- Кальмина Лилия Владимировна, д-р ист. н., доц., вед. науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Курас Леонид Владимирович, д-р ист. н., проф., гл. науч. сотр. ИМБТ СО РАН.
- Кучмурукова Екатерина Александровна, канд. ист. н., доц., зав. каф. библиотечно-информационных ресурсов ФГОУ ВПО ВСГАКИ.
- Лепехов Сергей Юрьевич, д-р филос. н., проф., заместитель директора ИМБТ СО РАН.
- Лыскокова Вера Цедашиевна, д-р ист. н., зам. нач. Управления по делам архивов РБ.
- Макарчук Сергей Владимирович, д-р ист. н., проф., зав. каф. истории России ГОУ ВПО КемГУ.
- Митупов Константин Бато-Мункич, д-р ист. н., проф. каф. истории Отечества ГОУ ВПО БГУ.
- Митыпов Виктор Мижитович, канд. ист. н., консультант Комитета внешних связей Министерства экономики РБ.

Номогоева Виктория Владимировна, канд. ист. н., доц. каф. истории Бурятии ГОУ ВПО БГУ.

Палхаева Елизавета Николаевна, канд. ист. н., доц., зав. кафедрой отечественной истории ГОУ ВПО БГУ.

Петрова Елена Викторовна, д-р социол. н., доц., вед. науч. сотр. ИМБТ СО РАН.

Плеханова Анна Максимовна, канд. ист. н., доц., докторант ИМБТ СО РАН.

Санжиев Гармажап Лудупович, д-р ист. н., профессор.

Санжиева Елена Гармажаповна, канд. ист. н., доц. каф. культурологии ФГОУ ВПО ВСГАКИ.

Санжиева Людмила Буянтуевна, канд. ист. н., науч. сотр. ИМБТ СО РАН.

Санжиева Татьяна Ефремовна, д-р ист. н., проф., зав. каф. истории Бурятии ГОУ ВПО БГУ.

Цырепилова Ирина Семеновна, д-р ист. н., проф. каф. музейных технологий и охраны наследия ФГОУ ВПО ВСГАКИ.

Шапова Любовь Васильевна, канд. ист. н., доц. каф. истории России ГОУ ВПО ИГУ.

Именной указатель

А

Абашеев А. П. 284
 Абашеев Д. А. 211, 213
 Абашеев П. 251, 254, 327, 328
 Абзаев П. 370
 Абидуев Б. 240, 256
 Аввакум 392, 393
 Агалов В. К. 378
 Агафонов И. Р. 303
 Адамчикова М. 125
 Айдаев Г. А. 376, 379
 Айтматов Ч. 329, 330
 Акимкин А. 399
 Аксенов В. И. 280, 293
 Александров А. В. 213, 266
 Александров Г. 210
 Александров П. 110
 Алексеев Д. А. 211
 Алексеев О. 332
 Амагаев М. 47, 48, 52, 58, 64, 65
 Амоголонов Д. Д. 211, 212
 Ангатов С. В. 278
 Ангархаев А. 330
 Ангуров Б. Х. 373
 Андерсен Г.-Х. 331
 Андоверов М. 26
 Андреев А. 329

Андреев В. И. 264
 Андреева М. Т. 184
 Анжуев О. 159
 Анисимов В. М. 279, 286
 Анисимов Ф. С. 23
 Антоненко Н. Т. 302
 Антонов 92
 Антонова М. М. 287
 Анхов В. С. 234
 Арбузов А. 329
 Арзуманов И. 400
 Арсаланов А. 113, 247, 251, 254, 416
 Арсеньев М. С. 170
 Архинчеев 56
 Архипова Л. 331
 Асалханов Ц. А. 39
 Асеев С. Д. 221
 Аспер Н. 185
 Асташевский Г. 177
 Атарханов А. 331
 Афанасий (Амвросий Феофанович Федотов) 400
 Афанасьев 23
 Афанасьев Н. С. 312
 Афиногенов А. 165
 Африканов А. В. 166
 Ахматова А. 239
 Аюржанаев Б. 205
 Аюшеев Б. В. 415

Аюшеев Д. 165, 206, 242, 253, 258, 349
 Аюшеев Д. Д. 167
 Аюшеев Э. Э. 254

Б

Бабайлов И. 24, 25, 26
 Бабудоржиев Э. 399
 Бабушкин И. В. 15
 Багрий И. С. 378, 379
 Бадагаева Т. 331
 Бадаев А. 323
 Баденов Б. 416
 Бадиев А. А. 278
 Бадлуев Ш.-С. 323
 Бадмаев Б.-Ц. 159
 Бадмаев В. 263
 Бадмаев Г. 111, 205
 Бадмаев Д. 177
 Бадмаев Р. С. 302
 Бадмаев Ц. 111, 247, 251, 258
 Бадмаев Ц.-Б. 331
 Бадмаев Ч. Б. 232
 Бадмаева В. 326
 Бадмаева Д. Б. 112
 Бадмаева З. Б. 262
 Бадмажабэ Н. 414
 Бадмацыренов Б. Б. 286
 Баженов А. И. 166
 Баженов Г. 251
 Баженов У. А. 111
 Базаров Б. 326
 Базаров В. 326
 Базаров В. Б. 319, 369
 Базаров Г. Г. 295
 Базаров Ц. Т. 304
 Базарон Б. 125, 205, 239, 245, 251, 256
 Базарон Р. 125
 Базарон Р. Ц. 302
 Базарон Ч. Б. 159
 Базарон Ч.-Ж. 125
 Базарон Ч.-Л. 163, 414
 Базарсадаев К. 327, 328, 416
 Базылев Н. Т. 277
 Баймеев В. 333
 Баймеев Г. 333
 Бак 127
 Балбаров Б. 280
 Балбаров Ц. А.
 Балдаев А. 163
 Балдаев В. Л. 373
 Балдаев К. 333
 Балдаев С. 241, 242
 Балдаев С. П. 149, 163, 242, 249
 Балдаев Ф. И. 169
 Балдаков Б. 247, 251, 254, 328
 Балданжабон Ж. 323
 Балданжапов П. Б. 414
 Балдано Н. 165, 166, 170, 205, 206, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 248, 250, 256
 Балдано С. 327
 Балдано Ц.-Ж. 414
 Балданов С. 167
 Балданов Ц.-Д. 167
 Балданова Д. Б. 414
 Балдынов И. В. 125, 406
 Балков К. 323
 Балков М. Н. 208
 Балков Ю. 367
 Балтахинов П. С. 35, 246
 Балтуев В. 125
 Бальбууров А. 238, 241, 249, 251, 258, 329
 Бальжинимаев Б. 415
 Бальжинимаева К. 399
 Бамбацыренов В. 254
 Банзаракцаев А. 399, 400
 Банзаракцаев Ц. 199
 Банзаракцаева М. 200
 Банзаров Д. 159, 160, 239, 258, 296, 323
 Баннов П. И. 181
 Барадин Б. 18, 19, 29, 125, 163, 164
 Баранников В. 263, 264
 Баранников С. П. 110
 Баранникова А. Н. 112
 Баранникова Е. В. 238
 Баранов Ю. 254
 Барбаков Н. И. 174
 Баргуев Т. 205
 Бардамов А. 205
 Бардаченко Ю. Д. 290
 Бартунаев Л. Р. 378
 Барьядаев К. М. 321
 Баскакова Е. М. 174
 Батагаев А. 410
 Батагаев С. И. 182, 406
 Батоева Ф. П. 378
 Батожабай Б. 326
 Батожабай Д. 249, 250, 251, 254, 257, 258, 329, 330,
 Батоин М. 331
 Батомункуев Т. Г. 237
 Баторова Г. А. 370
 Баторова Д. 331
 Батоцыренов Ж. Б. 249
 Батубаев Г. 205
 Батудаев А. П. 397

Батуев Б. Б. 260
Батуев Ж. 165, 206, 253, 327
Батуев Ц. Б. 379
Батурин И. 205
Батясов П. И. 157
Бауэр Г. В. 149
Баханова Д. Д. 112
Бахарев 58
Бахрунов К. И. 373
Бахтин А. 399
Бачалдин А. А. 111
Белоглазова Р. 248, 251
Белоногов И. 26
Белоусов А. А. 238
Белоусов В. В. 371, 375
Белоусов И. 26
Бельгаев Г. Ц. 170, 241
Беляков А. М. 338, 339, 368
Бенеманская Г. 166
Бенкендорф С. А. 166
Березков О. 185
Берзин В. Х. 269
Берлинский П. М. 149, 170, 206.
Берман М. Д. 66
Бернштейн Н. А. 264.
Бертагаев Г. А. 264
Бессолов В. А. 279, 293
Бестужев Н. 390, 391
Бизияин Д. Б. 159
Билтуев С. И. 232, 397
Бильдушкинов В. 323
Бильтриков В. Н. 397
Билюкова М. В. 287
Бимбаев Р. Б. 211, 212
Биргер Н. И. 264
Бирюков В. Г. 278
Битуев А. В. 286, 293
Бобков И. А. 378, 379
Бобова В. Е. 262
Богданов М. 18, 19, 29
Богдашина Л. 331
Богуславский Е. 25
Бодров В. А. 278, 286
Бойко Е. И. 23
Болдин А. В. 23
Болдогоева А. 266
Болдонова У. 166
Болсохоев Д. С. 88
Бондарь А. 293
Бородин А. 254
Бороев Б. 330, 416
Бороев Л. 281, 286

Бороздин И. Д. 260
Бороноев А. О. 342
Бороноев С. С. 262
Борсоев В. Б. 181, 406
Бохиев В. Б. 397
Бочеев В. И. 278
Боянова В. Р. 260
Брижанова Е. Н. 287
Бризон П. А. 33
Бритиков В. 293
Бройко В. 329
Броннер В. М. 172
Бруднев А. 264
Брянский К. 205, 209
Бубеев Р. С. 232
Бубеев Ц. Ш. 232
Будаев Б. 332
Будаев Б. Д. 373
Будаев Г. С. 139
Будаев Д. 183
Будажаров С. П. 369, 375, 376, 379
Будажарова Е. 331
Будник О. 293
Бужинаев Н. Б. 278
Буйко А. М. 22
Булдаев С. Н. 368, 369
Бумбошкин В. 333
Бумбошкина Н. 332
Бунчук 165
Бурков А. А. 331
Бурлак А. 254
Бурлак Н. А. 370
Бурлов Н. А. 35
Буруев В. 328
Бутин И. 33
Бутхаев А. 263
Бухтияров А. И. 293
Буянтуев 201
Буянтуев Д. 125
Быков Е. И. 406
Быстров Н. А. 331

В

Вавилов 105
Вагжанов А. П. 35
Вамбоцыренов Э. 16, 177
Вампилов А. 329
Вампилов Б. 167, 254
Вампилов Б. В. 39
Ванданов М. 326
Ванкеев Ж. Б. 231, 232

Варфоломеев В. 185
 Васильев Б. 329
 Васильев Г. А. 26
 Васильев Г. Г. 326
 Васильев П. Я. 199
 Васильев С. 256
 Васильева С. С. 23
 Вассерман В. З. 174
 Введенский Д. 208
 Вдовин Ю. 332
 Вельтман С. 168
 Вербо 165
 Верди 247
 Верещагин Ю. Г. 161
 Вершинин А. К. 371
 Виноградов А. М. 176
 Виноградов Б. С. 161
 Виноградов И. А. 207
 Витер А. П. 288
 Вихрь А. Г. 290
 Вишневский В. 330
 Владимирцов В. Я. 243
 Власов Г. Т. 260
 Вознесенский Н. А. 215
 Войлошников А. А. 26
 Волков М. К. 17
 Волкова М. А. 260
 Волосова Л. 399
 Вольф З. Ч. 174
 Вольхович 26
 Ворона Ф. С. 303
 Воронцов Г. 138
 Воронцов С. Н. 159
 Втюрин Н. 266
 Вургун С. 244

Г

Габинский 92
 Гаврилов Г. 400
 Гаврилов Н. Н. 265
 Гаврилов Ф. 331
 Гайковский 127
 Галданов Б. 234
 Галлиулин А. 185
 Галочкина А. П. 88
 Галсанов Б. Х. 415
 Галсанов Х. 199
 Галсанов Ц. Г. 212, 238, 249, 251
 Гальперова Ф. С. 262
 Гармаев А. 177
 Гармаев В. 333

Гармаев Н. Г. 267
 Гармаев Р. Б. 370
 Гаценко В. 291
 Гейдебрехт В. В. 371
 Гендунова Н. 165, 166
 Генерозов В. 24
 Генинов Ч. 166
 Георгиевский Г. П. 119
 Герасимов В. А. 23
 Гергесова Т. 167
 Гершевич М. М. 379
 Гинеев Д. 237
 Гладков М. 254
 Гладков Ф. 249
 Голиков Н. Ф. 26
 Головатый Ф. 199
 Голод Е. Я. 286
 Голубков А. 205
 Гольдони К. 250
 Гольдсобель А. А. 15
 Гомбоев Д. 113
 Гомбоева-Языкова К. 247
 Гомбожапова С. 332
 Гонсоронов С. Б. 414
 Гончигова С. 266
 Горбатюк Н. 264
 Гордеев А. А. 15
 Гордеев М. 163
 Гордон И. М. 24
 Горелик Б. 207
 Горький М. 250, 330
 Горюнов В. 264
 Горяинов П. 33
 Гофельд В. 331
 Гофман П. Р. 165
 Грамчек 139
 Грибоедов А. С. 250, 254
 Григорьев С. 210
 Гринец И. И. 24
 Гринчишин И. С. 282
 Громов Ж. И. 236, 303
 Губкин И. П. 162
 Гулиа Дм. 244
 Гунзынов Д. 246
 Гурьянов Н. 26
 Гусев В. С. 165
 Гусев Р. 263
 Гусев Ю. П. 286
 Гынденжапов Ж. Г. 304

Д

Дабаев Б. Р. 237
 Давыдов Л. 264
 Дагбаев Д. 177
 Дагбаева Д. 167
 Дадуев И. Г. 163
 Далай-Лама XIV 349, 350, 415
 Дамбаев Г. Д. 233
 Дамбаев Г. Ш. 278
 Дамбаев Д. 113
 Дамбаева Б. Б. 414
 Дамбаин В. Ц. 373
 Дамбиев Х. 205
 Дамбинов П. Н. 39, 149
 Дамдинжапов Ц.-Д. 238
 Дамдинов Н. 38, 251, 323, 329, 330
 Дамдинов О. 399
 Дамдинсурэн Ц. 243
 Дампилон 125
 Дамчеев Б. М. 182
 Данбинов П. (Солбонэ Туя) 125, 159, 164, 168, 249
 Данзанов Д. 176
 Данзанов Л. 201
 Данилевский В. 208
 Данилов Б. В. 371, 375
 Данчинов Г. Г. 31
 Данчинова А. 332
 Даржаев А. Б. 324
 Дарижапов П. Д. 236, 303
 Дарижапов Ц. 167
 Дармаев Л.-Н. 199
 Дарханов В. 332
 Дашамолонов В. Б. 371
 Дашиев Д. 328
 Дашиев Ц. 163
 Дашинимаев Д. 125, 168
 Дашипылов Г. 330
 Дворкин М. 331
 Денисов Д. 185
 Денисов К. 111
 Денисов О. А. 181
 Державин В. 165
 Деханов А. 399
 Джамбул 244
 Димчикжапов Б. 415
 Дмитриев П. 242
 Дмитриенко А. 266
 Добкина А. 149
 Добрецов Н. Л. 320
 Доброхотова А. И. 207
 Догдомэ Ц. 125
 Долгов К. Д. 24

Домбровский 193
 Донгидон Д. 125
 Дондокова Ц.-Д. 239, 251, 323, 330
 Дондубон Ц. (Ц. Дон) 125, 168, 249, 256
 Дондуков Б. 201
 Дондуков Д. Д. 166
 Дондуков Ю. Д. 286
 Дондупов Ж. 399
 Доржиев А. 18, 19, 177, 342
 Доржиев Б. Д. 373
 Доржиев Ц.-Д. 203
 Доржиев Ц. Э. 373
 Доржиева О. 200
 Доризо Н. 256
 Дроваль Н. 291, 293
 Дубов И. 26
 Дубровская А. Г. 303
 Дугаржабон Н. 331
 Дугаров А. 332
 Дугаров Б. С. 342
 Дугаров Д.-Н. 324, 325
 Дугарова А. С. 326
 Дугарова Л. 329
 Дудин А. Д. 174
 Дудин А. М. 262
 Дульбеев К. А. 325
 Дульбеев Ф. Н. 260
 Думкин М. П. 66
 Дунаев А. С. 239
 Дунаев С. 239, 245, 249
 Дылгыров В. 329
 Дымбрылов Б. С. 232
 Дышенов Б. 390

Е

Евтушенко В. В. 277, 279
 Евтушенко Е. 258
 Егоров В. Е. 39
 Егоров Е. М. 345, 346, 371
 Егоров И. Н. 380
 Ежов Н. И. 124, 128
 Елаев 113
 Еланов 125
 Елисеев Ю. 331
 Ельцин Б. 339, 354, 370, 375, 410
 Еникеев 176
 Ербанов М. Н. 31, 47, 66, 120, 125, 338
 Ерганов 23
 Еременко Н. А. 293
 Ермаков М. А. 170
 Ермаков 119

Ермолаев А. А. 366
 Ершов И. 400
 Ефимов 202
 Ефимов П. 264
 Ефремов В. Е. 302
 Ешиева Д. Е. 112

Ж

Жабон Б. 412
 Жабон Д. 163
 Жалсанова П. Б. 232, 303
 Жалсараев Д. 246, 323
 Жалсараева В. 266
 Жалцанов О. 331
 Жамбалов Б. 326
 Жамбалон 244
 Жамсаранов Г. Ж. 415
 Жамсаранов Э. 416
 Жамсуев Б. Б. 415
 Жамсуев Д. 399
 Жамцарано В. 176
 Жамцарано Ц. 15, 16, 18, 19, 29, 35, 39, 125
 Жамъяндабаев А. 400
 Жамьянов Р. 199
 Жанчипов А. 237
 Жапхандаев М. 329
 Жаргалов Б. 399
 Жаркой П. 234
 Жарников Н. 264
 Жатухаев Б. 242
 Жданов А. А. 169
 Жданов В. 35
 Жигмитов Б. 263, 331
 Жигмитцыренов В. Ж. 373
 Жильцов А. Н. 371
 Жимбиев Ц. 239, 244, 246, 258, 323
 Жимбиева Р. Ц. 326
 Жирнов А. 400
 Жуйков А. 400
 Жуков К. М. 165
 Жуков Ф. Н. 111

З

Забанова М. 49
 Завелинский Ф. 400
 Загбаева Г. 266
 Зазовская А. 26
 Зайкин О. 264
 Зайцев А. Н. 302, 304
 Закатов В. А. 165

Заковский Л. 122
 Залаев Ж. 177
 Залкинд Е. М. 209, 212
 Замалиев Е. Б. 378
 Замбалов С. 332
 Зарбуев В. 205
 Захаров В. 399
 Захряпин А. 332
 Заяханов В. 400
 Звонарев М. И. 260
 Зимин Ж. 329, 331
 Зодбоев Б. 326
 Зодбоев Ц. 242
 Зодбоев Э. 201
 Зориктуев Б. 331
 Зубаревич В. 400
 Зубенко Ф. Т. 236, 303
 Зугеев М. Д. 209
 Зугеев Н. Д. 241
 Зюганов Г. А. 375, 379

И

Ибсен Г. 331
 Ивакин Г. 263
 Иваницкий В. 342
 Иванов А. С. 371, 373, 374
 Иванов В. Н. 373
 Иванов Ж. И. 166
 Иванов М. Д. 65
 Иванов Н. 332
 Иванов С. М. 87
 Иванов Т. 399
 Иванова К. 254
 Иванъев С. Н. 286
 Ивахинов Н. 263, 332
 Ивахинова И. 399
 Игнатъев И. А. 302
 Игнатъев С. Д. 170, 204, 208, 240, 338
 Измайлов В. В. 377
 Изыскенова Л. Н. 232
 Изюмцев Ю. 400
 Ильин Г. 185
 Ильин И. А. 66
 Ильин К. С. 66
 Ильков В. Н. 260
 Илюхинов Н. 349
 Имегенов Р. Ж. 407
 Имеев Б. 242
 Имехенов М. Н. 211
 Имыкшенов Г. Б. 286
 Иосиф 175

Иролтуев Ч. 177
Исаев 23
Истомин В. И. 181
Ицков Л. 165
Ицкович 79, 92

К

Кабалевский Д. Б. 317
Кабашов Н. С. 22
Каверин Л. И. 165
Каганович 60
Казаков И. 176
Казакова М. 158
Казанский А. В. 324
Казеев В. 291
Каландаришвили Н. 24
Калачов П. Е. 24
Калашников И. 258, 331
Калашников И. А. 397
Калашников И. И. 377, 378
Калашников Ю. 400
Калмыков С. В. 369, 373, 377, 398
Караева В. 331
Карепин В. Е. 366
Карим М. 329, 330
Карпинский А. Н. 162
Касаткин 244
Касьянов Ю. 367
Катаев В. 165
Кацва 58
Кашурников Н. А. 111
Кешоков А. 256
Кибаров Н. Н. 262
Кизуб Н. П. 204
Ким И. 239, 245
Кириченко Д. 166
Киров С. М. 124, 218, 227, 412
Киселев 193
Кисилев С. К. 233
Кислов Е. 370
Кишиктуев В. Б. 354
Клеев М. М. 265
Климашевский Э. Л. 320
Клингер 56
Клиндер Ю. И. 120
Клочихин Г. М. 375
Книппер Л. 247, 258, 327
Кнохт А. 24, 26
Кобзон И. 347
Кобляков В. М. 277
Ковалев А. С. 371
Ковалев И. 37
Ковалев С. 168
Кожов М. М. 265
Козаченко А. 208
Козин С. А. 243
Козлов Р. Н. 286
Кокорин М. 281
Колесников С. Б. 407
Колчак А. В. 34, 175
Комаров В. Л. 162
Кондаков Н. Я. 371, 372, 375
Кондратьева 110
Кондрашов М. К. 23
Конева Н. Е. 233
Коновалов А. П. 260
Константинов Б. 331
Константинова Е. 158
Копылова Л. Ф. 287
Коренев А. С. 371, 376, 379
Коренев В. 266
Король В. 110
Королькевич М. Л. 23
Короткова О. 328
Коршун Ю. 254
Корытов С. И. 111
Корягина М. Ф. 174
Костеев Г. 205
Костецкий А. 332
Косыгин А. Н. 212
Кочетков 127
Кочетов В. 193
Кошиков З. С. 27
Кравченко А. П. 286
Кравченко М. А. 378
Краснопеев Н. Г. 237
Кривогорницева А. В. 193
Кривоносенко Д. 26
Криворучко 26
Кривочуприн В. М. 278
Кригель С. 125
Крупская Н. К. 147
Крюков И. Г. 113
Крючков Н. И. 278, 286
Кугультинов Д. 256
Кудрявцев А. 210, 211, 212, 230
Кудрявцев Ф. А. 209
Кузнецов А. 24
Кузнецов В. Ф. 377
Кузнецов Г. 176
Кузнецов И. 25
Кузнецов И. В. 406
Кузьменко А. А. 262

Кукшинов В. К. 376
Кулаков Е. Х. 23
Кулиев К. 256
Кунгуров Г. Ф. 257
Куприянов 209
Куприянов И. П. 257
Кутузов В. Д. 286
Кутянский Н. 330
Кучерук И. 400
Кушнарев А. Г. 397
Кычаков И. 254
Кыштымова Д. 251

Л

Лавочкин С. А. 187
Лазо С. Г. 33
Лазоренко Н. 287
Лаптев П. 263
Ларионов А. Е. 165
Лауль А. 110
Лебедев Е. 37
Левитин С. 165
Левский Н. Е. 149
Левченко Л. 328
Лельская 165
Лельский Д. Д. 165
Ленин В. И. 32, 76, 150, 164, 200, 247
Леонковалло 247
Леонов Л. 329
Леонов С. 399
Лепехина Е. 263
Либерман 25
Ливенберг С. 260
Линейцев В. Н. 286
Линхобоев Г. 267
Линховоин Д. Л. 212
Линховоин Л. 247, 251, 254, 327, 328, 414, 416
Липкин С. 256
Лобозеров С. 331
Лобынцев 92
Логачев Н. Е. 331
Логвиненко Э. 264
Лодоев 201
Ломоносов М. В. 253
Лопе де Вега 250, 331
Лосев Г. Ф. 166
Лошаков Г. 193
Лубкова М. 158
Лубсандоржиев К. Д. 278
Лубсанов А. Г. 379
Лубсанов В. 258

Лубсанов Д. Д. 211, 319
Лудупова Е. Ю. 286
Лукашевич И. 332
Лумбунов Б. 111
Лупычев А. 26
Лхамадиев Ц. 416
Лыгденова В. 247
Лымарь 193
Лысцев С. В. 286, 377
Львов 28
Любимская В. 158
Лютнев Ж. 176
Ляхов А. К. 66

М

Мадасон И. (Долъен) 168, 241
Мажиев Б. 416
Майдар Д. 150
Майкова 92
Маймескул В. 251
Майоров 113
Максимов В. 399
Максимов Г. И. 234
Максимов И. В. 182
Максимова С. И. 407
Макушев В. 177
Маленков Г. М. 212, 230
Малецкий Р. И. 28
Малкин В. Б. 380
Малозовский И. В. 66
Малыхин Ю. 263
Мальцев Ф. А. 113
Мангадаев М. Н. 322
Манжеев Т. 326
Манжуев Г. Н. 332, 342, 345
Манзаров П. Т. 278, 286
Манкетов Б. 251
Манкетов В. Г. 209, 212
Мантатов В. В. 371
Манюков А. Г. 290
Маргер-Мерецкая П. Н. 165
Маркс К. 111, 114, 201, 231, 234, 236, 303
Мархаев В. М. 378, 379
Мархаев Д. 349
Мархеев М. Ф. 182
Маршак С. Я. 245
Масков К. А. 35
Матвеев 58
Матвеев Н. 33
Матвеев О. 400
Матросов А. 181

Матханов И. Э. 378, 379
 Матюнов А. 332
 Махутов Г. 332
 Махутов Ф. 333
 Машаров М. М. 166
 Маяковский В. В. 245
 Медведев Н. Е. 304
 Медведников М. Д. 15
 Мезенин С. Г. 378, 379
 Мейзель Б. 254
 Мелихов 92
 Меллер-Закомельский А. Н. 15
 Мельников Н. А. 302
 Мельчаков Ю. М. 379
 Мерзликин Н. 342
 Метелица С. Б. 158
 Метляев П. К. 208
 Меттер 24
 Мехоношин А. Н. 27
 Миждон Д. М. 211
 Миланханов В. 332
 Милютинский Н. А. 15
 Мироманова-Виноградова Н. 332
 Миронов И. 167, 266
 Миронов С. М. 378
 Миронский А. В. 165
 Митупов Ч. 263
 Митыпов В. 323
 Митыпов Г. М. 127
 Митыпов Ц. Д. 304
 Михайлов 18
 Михайлов Н. 125
 Михайлов Т. М. 342
 Михаханов А. 399
 Михнов А. 400
 Модогоев А. У. 278, 338
 Молдовар 79
 Молонов Г. Ц. 373
 Молонов М. 399
 Молотов В. М. 60
 Морозова Н. Д. 145
 Морошкин В. И. 170
 Москалев Г. Н. 181
 Мотавкина 113
 Мотенов А. 138
 Мохосоев М. В. 320
 Мошкин Д. 399
 Мунгонов Б. 205, 251, 253, 258, 323
 Мункоев П. Н. 199
 Мункожапов Д. 177
 Мункуев В. 293
 Муруев Ю. 327

Мурхонов Б. П. 302
 Мусаев Ш. 399
 Мусрепов Г. 329
 Мухаров Р. П. 278, 286
 Мэрдыгеев Р. С. 163, 169
 Мяханова Л. И. 303

Н

Нагибин А. Г. 260
 Нагибин Г. А. 173
 Наговицын В. В. 379, 380, 382
 Наговский 176
 Надзоров 33
 Назимов А. 35
 Назимов М. Т. 113
 Найдаков В. 348, 394
 Найданов Б. 177
 Найданов Н. Н. 304
 Найчукова С. И. 375, 377
 Наливайко Л. 331
 Намдаг Д. 329
 Намдаков Д. 326, 392
 Намдаков З. Х. 415
 Намжилов В. 332
 Намжилов С. 399
 Намжилов Ч.-Р. 248
 Намжилон Д. Н. 159
 Намжилон Д.-Р. 163
 Намсараев С. Д. 317, 373, 374, 375, 414
 Намсараев Х. Н. 163, 211, 2112
 Намсараева Ц. Г. 414
 Наханович И. 24, 25, 26
 Нацов Г.-Д. 164
 Невский А. 208
 Неклюдова М. 110
 Немлихер М. А. 149
 Немцев-Уваров 165
 Непомнящих П. К. 278
 Нехланов В. 286
 Нехочин И. И. 23
 Никитин А. 330
 Никифоров Д. Д. 127
 Николаев Б. И. 304
 Николаев В. 263
 Николаев П. 170, 263, 266
 Николаев С. Х. 31
 Николаева С. 332
 Николай II 12
 Никулина К. Т. 330
 Нимаев Н.-Ж. 399
 Нимаева Л. Ч. 371, 372, 375

Нимбуев Ш. 240, 245
 Ничи-Тойн Менду Баир 39
 Нишанов Р. Н. 339
 Новоселов С. 366
 Ножиков Ю. А. 410
 Ноздрин Е. Н. 165
 Номогонова Ц. Н. 414
 Номтоев Ц. 205, 239, 245, 251, 323
 Носов 23
 Нохоров Р. 326
 Ноцкевич Н. 24

О

Обедин С. П. 111
 Обручев С. В. 208
 Огородничук Я. Д. 293
 Ойдов Ч. 329
 Окладников А. А. 254
 Окладников А. П. 319
 Олзоев М. 205
 Ольхон А. 240
 Орешков С. Н. 181
 Орлов М. 176
 Орлова-Оксенбург С. 166
 Осипов 92
 Осипов Н. 25
 Осодоев М. 323
 Осодоева Ф. М. 31
 Островский А. 155, 254
 Оцимик К. В. 181
 Очертаров О. 280
 Очиржапов Д. Б. 268
 Очиров Б. 16, 111
 Очиров Б.-Д. 17, 18
 Очиров Д. 111, 201
 Очиров М. 367
 Очиров Ц. О. 238
 Очирова Д. О. 112
 Оширов А. И. 66

П

Павленко А. 325
 Павлов В. А. 378
 Павлов Г. Е. 169
 Павлов И. Т. 369, 371
 Павлов Ф. 47
 Павлова Д. 330
 Павлович 56
 Пагбаин Ж. 166
 Пальцев Е. И. 377

Панков С. 331
 Патюк 24
 Пегов П. 263
 Первушин А. 331
 Перевалова Е. Г. 165
 Перевозчиков Г. 26
 Переломова Е. М. 23
 Перминов Л. 266
 Петляков В. М. 187
 Петонов В. 323
 Петров Г. Т. 35
 Петров Е. А. 22, 28, 29
 Петров К. 330
 Петров Л. А. 209
 Петров Ф. С. 28
 Петрова Н. К. 247, 254, 328
 Петрова Н. М. 193
 Пивоваров А. Н. 373
 Пилданов Р. П. 232, 236, 303
 Пилунов М. 125
 Пинхасик А. Я. 22
 Платонов П. 26
 Погодин Н. 250, 258
 Подгорный И. Д. 173
 Подзарей А. И. 286, 290
 Подпругин С. Д. 378
 Пожарский Д. 208
 Позднякова Т. 332
 Поздоровкин Ю. 400
 Покорский И. Н. 407
 Покровская В. К. 173, 174
 Покровский 125
 Поленов А. Ф. 88
 Поликарпов Д. 263
 Поликарпов Н. Н. 187
 Полканов 127
 Полторацкий В. 256
 Полянский Н. В. 26
 Померанцев В. 248, 249
 Помытов Л. Е. 127
 Пономарева Л. 331
 Пономаренко Г. Н. 283
 Попеску А. 331
 Попов А. П. 397
 Попов И. 330
 Попов С. 263
 Попова Е. Д. 174
 Попова Н. С. 211
 Поппе Н. Н. 159, 240, 243
 Посохов В. 263
 Посошков 92
 Постышев П. Н. 148

Потанин Г. Н. 12, 243
Потапов Л. В. 278, 354, 368, 369, 370, 371, 372, 374, 375, 376, 379, 380
Похосоев Я. 125
Преображенский Е. А. 26
Пришвин А. 256
Провоторов 330
Продайвода К. М. 278
Прокушев В. 293
Пронин С. 345
Пронькинов И. Т. 370
Просветов Е. П. 149, 165
Прохонов И. 330
Пудин М. Н. 24
Пурбуев Б. 254
Пурбуев Д. Г. 324
Путивец Е. 331
Путин В. В. 377, 379, 388
Пуччини 247
Пушкин 245
Пшеничникова Р. И. 371, 378, 379, 398
Пьяных Г. П. 207
Пятидесятников И. А. 27

Р

Рабдаев Г. Л. 325
Рабданов П. Б. 304
Рабсалов Р. С. 166
Рагозин В. М. 33
Рагулина Н. 331
Радикальцев П. К. 182
Раднаев В. Д. 278
Раднаев С. 328
Раднаев Ч. Р. 260
Раднаев Э. Р. 260, 261
Радовский П. И. 26
Радчук Р. 331
Разгильдеев П. 205
Разумовский 23
Ральдин А. 414
Рампилова М. А. 208
Рампилун И. 49
Рандалов Ю. Б. 345
Ранжуров Ц. 33, 39
Распутин В. 331
Распэ Э. 249
Рассказов И. Д. 279
Рассохин С. Ф. 278
Ребров 283
Ренненкамф П. К. 15
Рерих Ю. Н. 320

Ризмон 106
Римский-Корсаков 247
Ринчино Б. 412
Ринчино Г. 39
Ринчино Н. Б. 233
Ринчино Э.-Д. 29, 39, 47, 125
Ринчинов А. 263, 331
Ринчинов С. И. 166
Ринчинов С. Р. 324
Ринчинова С. 205, 326
Ринчинэ Г. Р. 159
Рогозин Д. 345
Родин А. 330
Рожков Н. А. 26
Розанов Н. А. 283
Ройтман И. К. 24
Романенко Д. 257
Романов А. П. 286
Романюк А. 402
Росляков И. 26
Рубан В. А. 286
Рудаков 283
Русецкий Г. 24
Рыбаков И. В. 304
Рыленков Н. И. 257
Рыцев И. Е. 407
Рябков А. И. 280
Рязанова Н. 399
Ряузов С. 247

С

Савельев В. 110
Сагдарова М. 52
Саганов В. Б. 278, 245, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376
Саганов Д. 199
Сактоев В. Е. 397
Салопекин И. А. 279
Салтыков И. Г. 39
Салтыков-Щедрин 245
Салынский А. 329
Самаев Ф. 349
Самбуев Б. 399
Самбуев М. 323
Самбуева Е. 327, 328
Сампилов Ц. С. 163, 169, 254
Сампилон Д. С. 39
Сангадиева О. Э. 302
Сангадийн Б. 111
Сангаров 14
Санжиев 209

Санжиев Б. С. 238, 241, 242
 Санжиева Д. 326
 Санжин Б. С. 211
 Сапунов Г. 263
 Сарданова Л. Н. 287
 Саржан В. В. 370
 Сартаков С. 256
 Сафонов А. А. 286
 Сафронов В. 263, 331
 Сахаровская А. 251
 Сахилов Ф. 254, 330
 Сахьянова Л. 247, 251, 254, 327, 328
 Сахьянова М. М. 31, 71, 338
 Саянов Ч. 329
 Свидченко 92
 Свиридов А. 23
 Святогор В. А. 208
 Седов А. 254
 Седых Л. Н. 303
 Сеймбурханов 176
 Сельверова С. Б. 174
 Семенов Б. Ц. 373, 377, 379
 Семенов Г. М. 33, 34, 4, 175
 Семенов М. И. 377, 378
 Семенова Т. И. 22
 Семенова Ю. 247
 Сергеев М. 256
 Сергеев П. Г. 207
 Серов В. М. 22, 28, 29, 31, 34
 Сидорук 406
 Симонов И. И. 26
 Симонов П. И. 268
 Ситникова Е. 332
 Скарга В. А. 286
 Скрынников А. К. 26
 Слесарева Л. 331
 Слоневский В. П. 283
 Смердов И. Д. 66
 Смирнов В. 24
 Смолин В. 264
 Смолин Д. 37
 Соболев Л. 256, 258
 Сობоль М. 254
 Совин П. 26
 Соков 24
 Соколов А. Н. 234
 Соколов В. Н. 26, 32
 Соколов И. И. 232, 236, 303
 Соктоев Ц. С. 415
 Соломинская Н. 332
 Сордия 399
 Сорокинов Е. И. 209

Соседенко М. П. 193
 Соснина М. Н. 173, 174, 262
 Сосновский Г. П. 159
 Софронов А. 329
 Спасов М. А. 373, 375
 Спелит К. К. 127
 Сперанский М. М. 15
 Спирин М. 207
 Спирихов И. А. 265
 Сталин И. 57, 120, 124, 133, 216
 Стане С. 168
 Старикова И. И. 324
 Старков В. В. 278
 Старков Н. 287
 Стафеева Г. 416
 Стаханов А. 93
 Стенькин В. 246
 Степанов М. 241, 323, 325
 Степанова М. 165, 166, 254
 Степанова С. П. 303
 Стефанеску С. 331
 Столпер Д. Я. 176
 Столяров С. 331
 Стрельников В. 331
 Стругацкий В. П. 88
 Стряпунин Н. 264
 Ступакова Г. А. 303
 Султумов Э. 399
 Сункуева А. 158
 Сурков 245
 Суханов М. 110
 Сушкевич Б. М. 166
 Сыдесв В. 333
 Сыденов М. 205
 Сычев Н. 166
 Сычев Т. Д. 234

Т

Таболин 283
 Тадвашкина Н. Л. 303
 Тайсаев Б. 326
 Танская Е. А. 165
 Тапхаев Л. 323
 Тарасов 176
 Тарасов А. 168
 Тарлецкий И. 26
 Тарловский М. 241, 242
 Тарноружский С. 370
 Тарский В. 24
 Тарчевский И. И. 23
 Таскин С. 34

Твердохлебов Н. А. 290
Темников Г. 332
Теслева С. 399
Тимин А. И. 254, 324, 326
Тимин Т. 326
Титова Л. 263
Тихомиров Б. А. 279
Тихомиров Е. 331
Ткачев 127
Ткаченко В. 166
Токмакова И. 331
Толстихин А. С. 209
Толстоухов В. Р. 290, 291, 293
Тороев А. 164, 209, 210, 240, 242
Третьяков Д. М. 33
Третьяков С. 166
Трибой 127
Трифонов Н. 400
Трофимов И. М. 181
Троцкий Л. Д. 25
Трубачеев А. Т. 66, 148, 171, 259
Трубачеев В. 49
Трубачеев М. 164
Тугутов Н. 209
Туйск А. Г. 209
Тулаев Ж. Е. 183
Туманова М. Б. 397
Туманова Н. 331
Тумунов Ж. 414
Тунуханов И. И. 39
Турушев 86
Тутушин М. М. 265
Тучинов Г. Д. 271
Тушемилов П. 242
Тыричев А. 166
Тыхеева Е. 326
Тыхеева С. 158
Тюков М. 204
Тюменцев В. Д. 302
Тютюгин В. 26

У

Убугунова Х. 264
Уваровы 35
Уланов А. 205, 241, 248, 249
Улахинов Б. 399
Улзытуев Д. 251, 258, 323
Ульянова М. А. 330
Унгерн Р. Ф. 40
Уризченко В. 327
Усынин О. Ф. 278

Утенков В. 331
Ухинов Д. 183
Ущев Б. П. 183, 184

Ф

Файко А. 165
Федоров А. 247
Федоров Б. Д. 283
Федоров Г. 331
Федотов П. 331
Федяев В. 399
Ферапонтов 24
Ферсман А. Е. 162
Филатов Г. 185
Филин Н. В. 23
Филиппов В. Р. 265, 320, 322
Филоник Л. М. 293
Фоменко А. А. 286
Фоменко Г. И. 111
Фомич 23
Фонвизин Д. 331
Фриновский 127
Фролов Д. Ш. 322
Фролов М. 170, 247
Фролова М. П. 167
Фрунзе М. В. 22, 26

Х

Хабаев И. 125
Хабаев М. П. 162, 163
Хабалов И. 332
Ха-жи-тов С. 331
Халзанов И. 293
Халматов В. 166, 254
Хамаганов М. П. 239, 240
Хамутаев В. А. 367, 370
Хангалов А. Е. 163
Хангалов К. 399
Хангалов М. 390
Хантаев В. Х. 406
Халтагаев М. В. 166
Харитонов П. Т. 182, 183
Харитонов Г. 331
Харитончик А. А. 111
Харнохоев В. Х. 341
Хахалов А. У. 240, 248, 249
Хахалова М. 158
Хацанов В. 266
Хачатурян А. Н. 327
Хворостухин А. И. 88

Хилтухин Д. 168, 205, 241, 242, 244, 245, 258
 Хингелов В. В. 278
 Хлебникова О. 331
 Хмелев А. И. 304
 Ходаковский Ф. В. 278
 Холодов 18
 Холопова А. П. 174
 Хомяков А. П. 326
 Хоринская Е. (Котлицкая) 168
 Хрущев Н. С. 235, 412
 Хунгуреев П. 400

Ц

Цао Юй 250
 Царев С. 110
 Цеденбал Ю. 150
 Цивилев В. И. 283, 293
 Цуй-Юн-Сен Я. 331
 Цыбенова Н. Ч. 342
 Цыбенова Ц. Ц. 414
 Цыбикжапов Э. 349
 Цыбиков Б. 263, 414
 Цыбиков Г. 16, 29
 Цыбиков М. 342, 349
 Цыбикова А. О. 324, 325
 Цыбиктаров С. Б. 39
 Цыдендамбаев Ц. Б. 238
 Цыдендамбаев Ч. 239, 243, 244, 245, 248, 249, 251, 258, 323
 Цыденжапов Г. Ц. 200
 Цыденжапов Ш.-Н. 330
 Цыденов В. Д. 286
 Цыденов К. 258
 Цыденов Л.-С. 45
 Цыденов Ц. Д. 302
 Цыденов Э. Д. 326
 Цыденова Г. А. 195
 Цыдынжапов Г. 165, 170, 205, 206, 245, 251
 Цыдыпов М. 332
 Цыремпилов 283
 Цыремпилов Б. 399
 Цыремпилова 325
 Цыремпилов Д. Ц. 252
 Цырендашиев Б. 329, 416
 Цырендашин Ц. 205
 Цырендоржиев Р. Д. 342
 Цыренжапов Б. Ц. 159
 Цыренжапов Ц. 332
 Цыренжапова 325
 Цыреннимаев Ж. 329
 Цыренов 14

Цыренов А. А. 278
 Цыренов Б. Ц. 415
 Цыренов В. В. 278
 Цыренов Г. 332
 Цыренов Д. Ц. 286
 Цыренов Л. Ц. 302
 Цыренов Ч. Б. 278
 Цыренова А. 237
 Цэдашиев Г. Ц. 415

Ч

Чайковский П. И. 327
 Чапаев В. И. 232, 408
 Чаплинский В. 25
 Чашин В. А. 22, 28
 Чеботарев С. Н. 264
 Червяков Д. К. 265
 Черемисов К. М. 211
 Чернев И. 239
 Черномордик 60
 Черномырдин В. С. 375
 Черных А. А. 26
 Черных Н. А. 28
 Черных О. А. 28
 Чертенков И. М. 181
 Чиров 26
 Чимбеев Н. Д. 379
 Чимидун С. Ч. 127
 Чимитов Г. 323
 Чимытов Д.-Ц. Ч. 127
 Чирков Ю. А. 324
 Чистяков Н. Р. 23
 Чичерин Г. 133
 Чойбонов М. 349
 Чудновский С. 24
 Чуковский 245
 Чумаков А. П. 406

Ш

Шабаев В. 263
 Шабанов В. Н. 373
 Шагдаров Ю. Б. 415
 Шагдарон Ш. 47
 Шагжин Ц. 249, 250, 251, 254, 259, 329, 330, 331
 Шадаев А. И. 149, 163, 209, 250
 Шалышкин С. 400
 Шамбуева М. 165, 166, 167
 Шамсутдинов 92
 Шангина Ю. 166
 Шантаков В. 400

Шантанов Н. С. 75
Шантаханов В. П. 236, 303
Шаповалов В. А. 373, 374, 376
Шапхаев С. Г. 366
Шаракшинова Н. О. 238
Шаройко П. М. 218
Шатров М. 331
Шверник Н. М. 267
Шевчук Т. 263
Шекспир 330
Шелкова Г. 331
Шеркин 28
Шестакова М. Е. 206, 326
Шибанов М. 110
Шилов Д. 33
Шилов И. 113
Шилов Н. 110
Шиндаков М. 111
Ширабон С. 168
Ширендыб Б. 150
Широких-Полянский С. 37
Шкваркин В. 165
Шмидт М. Я. 243
Шобогоров П. Ч. 286
Шодонпилов П. 163
Шодоров С. 263
Шойдагбаева Г. 328
Шолохов М. 330
Шомоев А. 399
Шрейнберг 26
Штейн М. 330
Штернберг В. 248
Шулепов 23
Шулукшин М. И. 209
Шулунов 125
Шульц И. Г. 15
Шумков В. П. 304
Шумяцкий Б. З. 15, 31
Шурыгина А. П. 208
Шустов А. 26

Щ

Щекотов 86, 92
Щербаков А. 213
Щипачев 245

Э

Эдель М. 170
Эйхе Г. 135
Экеев Б. 326
Элиасов Л. Е. 328
Эрдынеев Б. 111, 330
Эрдынеев Г. Э. 111
Эрдынеев Д. 199, 263, 323, 329, 330
Эрдынеев М. Б. 326
Эрдынеев Э. 415
Эрдынеева Н. 326
Эрдынеева Т. 332
Этингов М. 205

Ю

Юдин И. А. 26
Юдов 23
Юндунова Х. 416
Юхнович Г. 331
Ющенко А. А. 379

Я

Ягодин Д. Н. 221
Яковлев В. 345
Яковлев Н. Н. 32
Яковлев П. 332
Ямпилов Б. Б. 167, 170
Янковский В. М. 291
Яровицын К. 166
Ярославский Ем. 123
Ясас П. 268
Яснев В. 168
Яснитский В. 208
Яуров Ю. А. 284
Яхунаев Д. 416
Ячменев 165

Географический указатель

А

Абхазия 244
 Автономный район Внутренняя Монголия КНР (АРВМ) 342, 344
 Ага 414, 416
 Агинск 138, 160, 163
 Агинский аймак 29, 34, 64, 73, 75, 77, 105, 107, 109, 111, 115, 129, 133, 137, 138, 148, 151, 155
 Агинский Бурят-Монгольский национальный округ 127, 137, 211, 403, 411
 Агинский Бурятский автономный округ 138, 331, 342, 343, 346, 347, 411, 413, 415, 416
 Агинский Бурятский округ Забайкальского края 411, 416
 Агинский район 121, 131
 Адон-Челонский хошун 116, 133
 Азербайджан 288
 Азиатская часть России 402
 Азиатско-Тихоокеанский регион 293, 398
 Азия 332
 Акша 9
 Акшинский уезд 34
 Аларский аймак 54, 62, 64, 72, 75, 76, 105, 107, 108, 109, 112, 113, 116, 138, 141, 145, 157, 172, 175, 178, 241, 404, 405
 Аларский район 112, 159, 407, 408
 Аларь 148
 Алма-Ата 342

Алтай 220, 254
 Алханай 323, 412
 Амурская область 20, 175, 276
 Анамакит 286, 287
 Ангара 342
 Ангаракан 284, 286, 291
 Ангарский аймак 29, 34
 Англия 33, 327
 Ангоя 286, 287, 288
 Анинское 16, 350
 Армения 288
 Архангельск 21, 22
 Аршан 172, 330
 Атланта 332
 Афганистан 327
 Африка 327

Б

Бабушкин 192, 270
 Бада 126
 Байкал 7, 57, 154, 161, 189, 191, 247, 251, 252, 272, 282, 283, 301, 326, 335, 352, 366, 384, 386, 395, 418
 Байкал (порт) 279, 283
 Байкало-Кударинский район 233, 324, 262, 267
 Байкальский регион 397
 Байкальский хребет 283, 288, 290
 Байкальское 282, 290

Бакани 277
 Балаганский округ 10
 Балаганский район 138
 Балаганский уезд 17, 62
 Балбухта 286
 Балтийское море 184
 Балтика 183
 Барга 13, 39
 Баргузин 8, 33, 35, 77, 120, 129, 173, 178, 282
 Баргузинский аймак 29, 34, 41, 48, 63, 64, 73, 107, 111, 120, 129, 157, 176, 261, 267
 Баргузинский район 112, 198, 232, 301
 Баргузинский уезд 34, 63
 Барнаул 23
 Барун-Харганатская волость 19
 Барыкино-Ключи 179
 Баунтовский аймак 123, 261
 Баунтовский район 62, 127, 263, 277, 293, 298, 382
 Баяндаевский аймак 404, 406
 Баяндаевский район 407
 Баяндай 410
 Бейрут 331
 Белая 126
 Белое море 21
 Белоруссия 181, 182, 185, 277, 280
 Березовский (улус) 111
 Берлин 185
 Берн 333
 Бильчир 160
 Бичура 31, 35, 37, 179, 270
 Бичурский район 113, 231, 232, 236, 268, 295, 303, 317
 Бишкек 342
 Благовещенск 23, 26, 28
 Бодонгутский хошун 45
 Болгария 327
 Большая Кудара 33, 179, 262
 Боргой 325
 Бохан 112, 160, 409
 Боханский аймак 53, 54, 64, 71, 72, 105, 106, 107, 108, 109, 112, 129, 138, 141, 148, 157, 160, 175, 179, 241, 403
 Боханский район 159, 212, 407, 408, 409
 Братск 284, 286, 294, 295, 296, 297, 298
 Бурятия 7, 9, 10, 15, 17, 18, 20, 21, 28, 32, 35, 36, 38, 39, 47, 64, 67, 69, 70-75, 77-79, 85, 87-91, 93-95, 97, 99, 105, 110, 112-114, 116, 117, 119, 120, 124, 133, 135, 139, 140, 142, 144-154, 156-158, 160, 161, 163-166, 168, 169, 170, 173-175, 177-180, 285
 Бурят-Монголия 72, 74, 76, 84, 86, 99, 100, 102, 104, 105, 106, 109, 114, 115, 116, 125, 128, 136, 138, 141, 142, 153, 154, 158, 160, 161, 162, 168, 177
 Бурят-Монгольская автономная область (БМАО) 38, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54, 55, 67, 71, 139, 152
 Бурят-Монгольская АССР (БМАССР) 54, 56, 60-64, 66, 68, 69, 71, 79, 81, 115, 118, 120, 127-129, 132, 135, 136-139, 152, 157, 159, 161, 162

Бурятская АССР (БурАССР) 226, 253, 254, 263, 265, 271, 293, 301, 304, 309-315, 317, 318, 322, 328, 330, 331
 Бурятская республика 51, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 71, 108, 123, 133, 141, 155, 162, 170, 174,
 Бурятская ССР 340, 342

В

Вахмистрово 400
 Вена 333
 Верхнеудинск 8, 10, 13, 15, 16, 22, 23, 24, 26-29, 31-33, 35, 37, 40, 41, 59, 64, 68, 70, 77, 79, 80-83, 87, 109, 120, 128, 140, 141, 143, 145, 146, 148, 150, 153-155, 157, 158, 163-166, 168, 171, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 417, 418
 Верхнеудинский уезд 14, 19, 31, 34, 64, 75, 129, 130, 160, 176
 Верхний Жирим 147
 Верхняя Ангара 277, 279, 282, 286
 Верхняя Заимка 282
 Верхоленский округ 10
 Витим 279, 282, 286
 Владивосток 23, 33, 331
 Внешняя Монголия 39, 40, 44
 Внутренняя Монголия 35, 39, 138, 342, 344
 Волгоградская область 304
 Воронежская область 89
 Восточная Бурятия 34, 46, 64
 Восточная Пруссия 185
 Восточная Сибирь 33, 35, 38, 40, 41, 47, 52, 53, 54, 56, 67, 68, 87, 88, 94, 123, 164, 187, 191, 217, 218, 219, 314, 315, 318, 355, 390, 397
 Восточное Забайкалье 40, 58
 Восточно-Сибирская область 137, 138, 403
 Восточно-Сибирский край 86, 88, 93, 126, 135, 136, 137, 411
 Восточно-Сибирский район 217, 271
 Восточно-Сибирский регион 318
 Вотская (Удмуртская) автономная область 42

Г

Гавана 327
 Галзутская волость 14
 Ганзурино 35, 79
 Гахан 410
 Германия 97, 185, 196, 199, 206, 212
 Голоустинский улус 17
 Горный Зерентуй 26
 Горьковская область 86
 Горячинск 172, 203, 260
 Гоуджекит 279
 Гужир 119
 Гусиноозерск 224, 311, 315, 402
 Гусь-Хрустальный 86, 93

Д

Даван 277, 282, 286, 287, 288
 Дагестан 339
 Дальневосточная республика (ДВР) 40, 42, 67, 418
 Дальний Восток 10, 33, 34, 38, 40, 41, 44, 55-59, 61, 67, 68, 87, 88, 93, 94, 133, 175, 206, 218, 223, 227, 308, 318, 322, 326, 327, 408, 418
 Дамнинский булук 14
 Дарасун 127
 Даурия 39
 Десятниково 179, 400
 Джида 189
 Джидинский аймак 113, 231
 Джидинский район 199, 200, 232, 237, 301, 303
 Дзелинда 286
 Днепр 182
 Додо-Анинское 48, 159
 Донецк 320
 Дульдурга 414
 Дульдургинский район 415
 Дутулур 235

Е

Европа 181, 263, 331, 332, 333, 348, 390, 399, 415
 Европейская Россия 7
 Енисейская губерния 21
 Еравнинские озера 97
 Еравнинский аймак 115, 119
 Еравнинский район 121, 123, 131, 237, 304

Ж

Женева 333

З

Забайкалье 8-10, 12, 13, 15, 17, 19-23, 28, 32-34, 35, 36, 38-42, 44, 47, 49, 55, 57, 58, 60, 67, 87, 109, 120, 138, 163, 175, 176, 185, 245, 262
 Забайкальская область 7, 9-12, 15-17, 20-22, 29, 31, 31, 34, 38, 39, 41, 42, 45, 50, 53, 62, 136
 Заган 111, 262
 Заиграево 28
 Заиграевский район 217, 223, 233, 268, 306, 317, 402
 Закаменск 315
 Закаменский аймак 72, 75, 113, 125, 183
 Закаменский район 131, 217, 235, 262, 297
 Зангар 406
 Западная Бурятия 34, 406
 Западная Европа 19
 Западное Забайкалье 8, 32, 35, 120, 417
 Зейская область 137
 Зима 126
 Зугулай 111

И

Иваническое 113, 410
 Ивановская область 86
 Иволга 163
 Ильинка 311
 Ингода 126
 Индокитай 55
 Иран 327
 Ирган 277
 Иркутск 10, 22, 24-26, 31, 32, 40, 49, 51, 53, 54, 120, 135, 137, 148, 150, 158, 161, 163, 227, 239, 242, 262, 264, 265, 284, 323, 341, 384, 410
 Иркутская губерния 7, 9, 10-12, 17, 18, 21, 22, 29, 39, 40-42, 47-54, 60, 62, 63, 77, 132, 136, 163, 417
 Иркутская область 15, 19, 22, 127, 137, 138, 188, 217, 255, 265, 276, 282, 286, 301, 318, 329, 342, 390, 395, 403, 404, 405, 410, 411,
 Иркутский округ 133
 Иркутский уезд 21

К

Кабанск 148, 158, 174
 Кабанский аймак 97, 105
 Кабанский район 111, 133, 217, 232, 306
 Кабардино-Балкария 280
 Кавказ 182
 Казахская ССР 217
 Казахстан 89, 193, 220, 242, 304, 344, 386
 Калининская область 185
 Калмыкия 35, 39, 349, 350
 Калмыцкая автономная область 42
 Канада 327
 Канск 126
 Караганда 290
 Каралик 13
 Каргино 111
 Карымская 129
 Киев 341, 342
 Кижинга 163
 Кижингинский аймак 113, 179, 231
 Кижингинский район 236, 262, 303, 346
 Киран 172, 179, 260
 Киргизская ССР 217
 Киренга 288
 Кирон 286
 Китай 10, 35, 39, 42, 55, 79, 127, 166, 175, 266, 344, 386
 Кичера 279, 280, 286, 287, 288, 289
 КНДР 368
 КНР 327, 342, 344
 Колесово 111
 Константиновка 86, 93
 Корея 10, 55, 266
 Корсаково 111

Кохтла-Ярве 289
 Краснодарский край 280
 Красноярск 33, 288, 331
 Красноярский край 317, 318, 344
 Кубдутская волость 14
 Кудара 33, 35, 179, 262, 267
 Кударо-Бурятский хошун 160
 Куйтун 179, 401
 Култук 279, 282, 283
 Кульск 172
 Кумора 290
 Кунерма 286, 287, 288
 Кункур 412
 Курба 79
 Курлы 277, 279, 283, 288
 Курская область 89
 Курумканский район 233
 Кызыл 342
 Кырен 316
 Кыренский и Туранский сомон 107
 Кяхта 62, 119, 148, 158, 172, 173, 205, 222, 224, 256, 262, 267, 268, 311, 373
 Кяхтинский аймак 72, 75, 102, 105, 107, 155, 179
 Кяхтинский район 122, 303

Л

Латвия 277, 280
 Лена 26, 286
 Ленинград 89, 93, 150, 160, 162, 181, 184, 248, 253, 262, 265, 280, 322, 328, 341, 342
 Ленинградская область 280
 Ленско-Байкальская область 132, 133, 135, 403
 Ливадия 12
 Литва 277, 280, 288, 289
 Лозовая 89
 Луганск 89
 Лыу 183

М

Магаданская область 344
 Мадрид 331, 333
 Максимиха 398
 Маньчжурия 10
 Марийская автономная область 42
 Михайловка 235
 Могзон 38, 126
 Могойтуй 414, 415
 Могойтуйский аймак 111, 116
 Могойтуйский район 415
 Моздок 182
 Молдавия 280
 Монголия 20, 22, 33, 35, 39, 42, 44, 55, 79, 94, 119, 120, 125, 133, 134, 138, 148, 150, 160, 162, 164, 175, 266, 318,

327, 342, 344, 350, 386, 398, 414
 Монгольская Народная Республика 323, 342
 Монды 119
 Монте-Карло (Монако) 391
 Мордовия 339
 Москва 23, 26, 51, 86, 89, 147, 150, 158, 164, 165, 169, 176, 182, 185, 188, 205, 206, 207, 210, 240, 242, 245, 247, 248, 250, 251, 253, 254, 255, 262, 265, 288, 322, 323, 327, 328, 329, 341, 342, 344, 370, 376, 387, 394, 419
 Муйская котловина 277
 Муйский район 292
 Мухоршибирская волость 31
 Мухоршибирский аймак 75, 105, 261, 268
 Мухоршибирский район 102, 111, 113, 121, 122, 237, 268, 296, 302, 303, 346, 401
 Муякан 286
 Мысовая 8, 10, 15, 35, 227
 Мысовск 28, 33, 79
 Мюнхен 331

Н

Нарва 289
 Наро-Фоминск 182, 202
 Нерчинск 126
 Нерчинский уезд 34
 Нерчинско-Заводской уезд 34
 Нижнеангарск 187, 279, 282, 283, 284, 286, 290
 Нижний Жирим 400
 Николаевская область 188
 Нилова Пустынь 172
 Новая Брянь 233
 Новокижингинск 316
 Новонкутск 410
 Ново-Селенгинск 174, 176
 Новосибирск 221, 262, 281, 323, 394
 Новый Заган 111, 401
 Новый Уоян 279, 280, 282, 286, 288, 289, 290
 Ноехонский сомон 113
 Нукутский аймак 241, 405, 406
 Нукутский район 342, 404, 407, 408
 Нукуты 18, 409
 Нурский булук 14

О

Огдында 286
 Одесса 26
 Оймур 111
 Окино-Ключи 102, 179
 Окинский аймак 208
 Окинский хошун 133
 Оловянная 126
 Ользоны 53
 Ольхон 18, 406

Ольхонский аймак 138, 403
 Ольхонский хошун 133
 Онон-Гусский хошун 133
 Онохой 316
 Орекиткан 292
 Оса 409
 Осинский аймак 407
 Осинский район 407, 408, 409

П

Петербург 11, 14, 16, 19
 Петровск-Забайкальский район 342
 Петровский завод 8, 10, 33, 37, 126, 227
 Петроград 28, 31, 32
 Прибайкалье 10, 33, 37, 38, 40, 51, 57, 60, 152, 154, 241, 418
 Прибайкальская область 139
 Прибайкальский район 31, 217, 223, 268, 297, 387
 Прибалтика 181, 182, 185
 Пярну 289

Р

Республика Бурятия 124, 128, 337, 342, 344, 345, 347-350, 352, 354, 356, 357, 359, 362, 366-370, 372, 373, 375, 380, 384, 385-390, 394-396, 398, 400, 414, 419, 420
 Республика Казахстан 304
 Республика Саха-Якутия 344
 Российская империя 10, 13, 14, 20, 42, 163
 Российская Федерация 51, 53, 227, 255, 313, 318, 346, 347, 349, 351, 352, 356, 358, 366, 367, 370, 380, 384, 387, 397, 400, 407, 410, 412, 415, 416, 419
 Россия 5, 7, 10, 14, 16, 20, 23, 28, 31, 32, 34, 38, 39, 60, 71, 79, 124, 156, 166, 170, 171, 251, 252, 258, 293, 329, 331, 332, 337, 339, 340, 343, 344, 346, 347, 349-352, 354-359, 361, 366, 368, 370, 371, 373, 375, 377-380, 382, 384, 386, 387, 390, 392, 399-402, 408, 408, 413-415, 417, 420
 РСФСР 32, 38, 40-42, 48, 50-56, 58, 59, 61, 66, 67, 71, 80, 81, 97, 100, 102, 115, 116, 129, 133, 136-139, 142, 150, 152, 156, 159, 161-163, 166, 172, 174, 177, 178, 180, 194-196, 211, 213, 216, 236, 249, 251, 253, 254, 255, 258, 260, 262-264, 267, 272, 282, 290, 298, 303, 308, 313, 315-318, 322, 327, 328, 331, 339, 340, 349, 358, 366, 368, 369, 406, 407, 410, 411, 416, 418
 РФ 304, 347, 350, 353, 354, 355, 357, 359, 360, 361, 370, 372, 375, 377, 380, 388, 394, 395, 399, 410

С

Санага 13
 Санкт-Петербург 16, 342
 Саяны 406
 Свердловск 342
 Северный Казахстан 220

Северный Китай 10
 Северобайкальск 279, 280, 282, 283, 285-289, 292, 326, 382
 Северо-Байкальский район 231, 277, 282, 290, 292, 293, 298, 382
 Северомуйск 279, 284, 289
 Северо-Муйский хребет 277, 286, 291
 Селенга 79, 83
 Селенгинск 8, 9, 53, 262
 Селенгинский аймак 29, 34, 41, 53, 54, 63, 72, 112, 113, 115, 141, 155, 157, 231, 234, 237
 Селенгинский район 111, 112, 121, 122, 131, 148, 159, 198, 199, 217, 236, 256, 268, 297, 303, 304, 400
 Селенгинский уезд 18, 34, 75
 Сибирский регион 395
 Сибирь 7, 8, 10, 19, 24, 28, 31-34, 38, 51, 58, 59, 61, 100, 116, 120, 122, 132, 135, 160, 165, 176, 189, 193, 194, 196, 203, 204, 220, 221, 223, 224, 237, 264, 270, 308, 309, 318, 329, 386, 397, 398, 417
 Сибирь и Дальний Восток 59, 61, 68, 93, 135, 206, 218, 223, 227, 270, 308, 323, 326, 327, 408
 Синьцзян 35, 39
 Слюдянка 10, 227
 Смоленщина 181
 Советская Россия 32, 38, 40, 54, 55, 57, 80, 175, 253, 418
 Советский Союз 125, 181, 182, 183, 184, 207, 217, 221, 242, 263, 266, 280, 332, 340, 375, 406, 410, 412, 418
 Средняя Азия 242, 318, 368
 Сретенск 120, 126
 СССР 65, 66, 68, 83-88, 90, 91, 94, 97, 99, 101, 118, 119, 120, 124-128, 132-135, 137, 138, 142, 145-147, 149, 150, 157-159, 161, 162, 169, 181-183, 187, 191-194, 196-200, 202, 207, 212-216, 220, 226-228, 231, 233-235, 239, 240, 243, 244, 247-249, 260, 262-265, 267, 271, 274, 276, 277, 282, 292, 294, 296, 301, 303, 314, 317-321, 323, 327-329, 331-334, 339, 341, 342, 347, 349, 352, 366, 368, 394, 403, 411, 415, 416
 Старый Онохой 402
 Старый Уоян 282
 Сутай 401

Т

Таджикская ССР 217
 Тазы 277, 283
 Тайга 23
 Таксимо 279, 281, 284, 286, 292
 Таллин 289
 Таловка 281, 282
 Тамбовская область 89
 Тамча 148
 Танхой 8
 Тарбагатай 400, 401
 Тарбагатайский аймак 170, 179
 Тарбагатайский район 199, 231, 256

Тарту 289
 Тбилиси 332
 Тибет 55, 127, 133, 162, 349
 Тихий океан 7
 Томская область 380
 Торейский район 237
 Троицкосавск 10, 25, 28, 31, 33, 34, 35, 37, 62, 129, 148, 176
 Троицкосавский аймак 64, 129, 151, 157, 172, 176
 Троицкосавский уезд 34
 Тува 35, 39, 150, 318, 349, 350
 Тувинская АССР 318
 Тунка 53, 119
 Тункинский аймак 29, 34, 53, 54, 64, 97, 107, 129, 133, 178, 183.
 Туран 119
 Туркменская ССР 217
 Туруханский край 105
 Тындинское 287
 Тья 279
 Тюмень 281, 322

У

Угданский булук 14
 Узбекская ССР 217
 Узон 415
 Украина 89, 280, 342
 Улан-Ононский аймак 137
 Улан-Удэ 80, 93, 98, 126, 146, 148, 149, 158, 165, 167, 179, 183, 185, 186, 188, 191, 192, 193, 195, 198, 199, 203, 204, 205, 206, 217, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 239, 240, 242, 243, 254, 260, 262, 263, 264, 267, 268, 270, 271, 272, 284, 311, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 326, 331, 334, 337, 342, 343, 347, 350, 352, 356, 365, 367, 373, 375, 376, 382, 383, 392, 394, 398, 400, 401, 402, 418
 Улан-Удэнский район 298, 303, 304
 Улентуй 235
 Улюн 13
 Улюнхан 277, 283
 Уоян 277, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 290
 Урал 89, 187
 Урга 40
 Ургальское 287
 Урульга 34, 111
 Усть-Баргузин 97, 262, 267, 279, 283, 284
 Усть-Заган 113
 Усть-Кут 282, 283, 284, 285, 287, 288
 Усть-Кяхта 9, 62, 176
 Усть-Обор 342
 Усть-Орда 138, 404, 406, 409
 Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ (УОБМНО) 138, 211
 Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (УОБАО) 337, 341, 342, 343, 346, 347, 403, 410, 411

Усть-Ордынский Бурятский национальный округ (УОБНО) 134
 Усть-Ордынский Бурятский округ Иркутской области 127, 138, 403, 406, 409
 Усть-Селенгинский район 35
 Уфа 38

Ф

Франция 33, 266

Х

Хабаровск 26
 Хабаровский край 276
 Хадаахан 342
 Хакасия 350
 Хальбинский хошун 45
 Ханко 183
 Ханя 287, 288
 Хаоцайская волость 14
 Харауз 113
 Харашибирь 31
 Харбин 23, 24
 Харитоново 179
 Харьков 322
 Хасурга 401
 Хельсинки 263, 333
 Хилок 8, 31, 35, 37, 38
 Хогот 160
 Холодное 282
 Хоринск 163
 Хоринский аймак 29, 34, 41, 45, 48, 64, 75, 77, 113, 129, 143, 151, 157, 172, 179, 231, 268
 Хоринский район 121, 124, 127, 131, 217, 256, 262, 401

Ц

Цаган-Оль 412
 Цаганский хошун 45
 Центральная Азия 56, 127, 133, 134, 395
 Центральная Россия 10, 60, 99
 Цокто-Хангил 412

Ч

Черемхово 33, 126
 Чечено-Ингушетия 339
 Чикойский аймак 48, 62, 63
 Чита 11, 15, 16, 17, 23, 24, 25, 26, 29, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 47, 120, 137, 175, 176, 242
 Читинская область 127, 137, 138, 185, 255, 265, 276, 301, 303, 318, 329, 342, 353, 390, 395, 403, 411, 413, 416
 Читинский уезд 17

Ш

Шаралдай 401
 Швейцария 39
 Швеция 327
 Шилка 126
 Шимки 119
 Шэнэхэн 344

Э

Элиста 241, 253, 323
 Эстония 280, 288
 Эхирит-Булагатский аймак 29, 34, 53, 54, 62, 64, 71, 102, 103, 106, 107, 113, 129, 133, 138, 143, 157, 160, 175, 179, 241, 404, 406
 Эхирит-Булагатский район 75, 112, 121, 407, 409
 Эхириты 18

Ю

Юго-Восточная Азия 327

Я

Ягодное 400
 Якутия 290, 318
 Якутск 327
 Якутская АССР 276
 Янчукал 288
 Япония 14, 33, 35, 38, 39, 40, 55, 123, 125, 134, 135, 138, 266, 327, 403

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Бурятия в начале XX в.	7
1.1. Революция 1905–1907 гг. и бурятское национальное движение	10
1.2. Первая мировая война: влияние на экономику и политическую жизнь Бурятии	20
1.3. Политическое подполье в Забайкалье: июнь 1907 – февраль 1917 г.	22
Глава 2. Бурятия в 1917–1920-х гг.	29
2.1. Социалистическое, демократическое и национальное движение	29
2.2. Гражданская война и иностранная военная интервенция	32
2.3. Бурят-Монгольская автономная область Дальнего Востока	38
2.4. Национально-государственное строительство: образование Бурят-Монгольской автономной области РСФСР	48
2.5. Создание Бурят-Монгольской автономной республики	55
Глава 3. Бурятия в 1920–1930-е гг.	67
3.1. Восстановление и реконструкция народного хозяйства	67
3.2. Социалистическая индустриализация СССР и ее осуществление в национальном регионе	83
3.3. Курс на коллективизацию сельского хозяйства	98
3.4. Репрессивная политика Советского государства в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг.	117
3.5. Государственное и национальное строительство (1923–1937 гг.)	128
3.6. Культурное строительство в Бурятии	139
3.7. Государственная политика по отношению к религиозным конфессиям	174
Глава 4. Бурят-Монгольская АССР в годы Великой Отечественной войны	181
4.1. Воины Бурят-Монголии на фронтах войны	181
4.2. Всенародная помощь фронту	185
4.3. Культура Бурятии в годы Великой Отечественной войны	205
Глава 5. Бурятия в послевоенные годы (1946–1960)	215
5.1. Восстановление народного хозяйства и рост промышленного потенциала республики	215

5.2. Сельское хозяйство в конце 1940-х – начале 1960-х гг.	227
5.3. Культура Бурятии в послевоенные годы	238
5.4. Состояние основных религиозных конфессий	267
Глава 6. Бурятская АССР в 1970–1985 гг.	269
6.1. Индустриальное развитие республики	269
6.2. Байкало-Амурская магистраль (Бурятский участок)	276
6.3. Сельское хозяйство в конце 1960-х в 1980-е гг.	293
6.4. Материальное благосостояние населения БурАССР	307
6.5. Развитие культуры	317
6.6. Государство и религиозные конфессии	333
Глава 7. Бурятия во 2-й половине 1980-х – начале 1990-х гг.	335
7.1. Перестройка и кризис экономики	335
7.2. Этнополитическая ситуация	337
7.3. Религиозный «ренессанс»	348
Глава 8. Бурятия в условиях трансформации российского общества (1992–2000-е гг.)	351
8.1. Социально-экономическое развитие республики на рубеже XX–XXI вв.	351
8.2. Развитие политической ситуации. Создание и деятельность партий и движений	366
8.3. Бурятия в 2000-е гг.	380
8.4. Государственно-церковные взаимоотношения	400
Глава 9. Бурятские национальные округа	403
9.1. Усть-Ордынский Бурятский национальный округ Иркутской области	403
9.2. Агинский Бурятский округ Забайкальского края	411
Заключение	417
Хронология событий	421
Литература	425
Сведения об авторах	438
Именной указатель	440
Географический указатель	455

История Бурятии

в трех томах
Т. III. XX – XXI вв.

Печатается по решению ученого совета
Учреждения Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН

Научное издание

Ответственный редактор *Б. В. Базаров*
Научные редакторы *М. Н. Балдано, Л. В. Кальмина*
Редактор издательства *Е. И. Борисова*
Художник и автор макета *Д. Т. Олоев*
Верстка *Т. А. Олоевой*
Оператор *Н. Д. Жамбаева*

Подписано в печать 05.08.2011. Формат 84x108 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 48,7. Уч.-изд. л. 49,1. Тираж 3000 экз.

Издательство БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Изготовлено PrintLETO.

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

III

